

СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ И СЕМЕЙНАЯ ПОЛИТИКА В КОНТЕКСТЕ ФОРМИРОВАНИЯ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ (II ГИЛЯЗИТДИНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ)

Материалы II Всероссийского молодежного
социологического форума
(г. Уфа, 28-30 апреля 2026 г.)

Министерство науки и высшего образования РФ
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Уфимский университет науки и технологий»

**СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ
И СЕМЕЙНАЯ ПОЛИТИКА В КОНТЕКСТЕ ФОРМИРОВАНИЯ
СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ
(II ГИЛЯЗИТДИНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ)**

*Материалы
II Всероссийского молодежного социологического форума
(г. Уфа, 28–30 апреля 2026 г.)*

Научное электронное издание сетевого доступа

Уфа
Уфимский университет
2026

УДК 31
ББК 60.5+60.7
С69

*Публикуется по решению кафедры социологии и работы с молодежью
Института гуманитарных и социальных наук УУНУТ.
Протокол № 10 от 09.06.2026 г.*

Редакционная коллегия:

канд. социол. наук, доцент **А. Ю. Гайфуллин** (*отв. редактор*);
д-р экон. наук, профессор **А. Р. Кузнецова** (*отв. редактор*);
канд. социол. наук, доцент **В. Ф. Ковров**

**Социально-демографические процессы и семейная политика в контексте
С69 формирования социокультурной идентичности (II Гилязитдиновские
чтения): материалы II Всероссийского молодежного социологического
форума (г. Уфа, 28–30 апреля 2026 г.) / отв. ред. А. Ю. Гайфуллин
[Электронный ресурс] / Уфимск. ун-т науки и технологий. – Уфа: Уфимский
университет, 2026. – 394 с. – URL: [https://uust.ru/media/documents/digital-
publications/2026/197.pdf](https://uust.ru/media/documents/digital-publications/2026/197.pdf) – Загл. с титула экрана.
ISBN 978-5-7477-6461-3**

Материалы форума будут интересны и полезны тем, кто изучает региональную специфику социально-демографических процессов и семейной политики, проблемы молодежной идентичности, миграционные процессы, этнические и конфессиональные аспекты социальной жизни, а также тем, кто занимается вопросами социальной адаптации и интеграции молодежи в российское общество.

Издание адресовано специалистам в области социологии, демографии, социальной работы, преподавателям вузов, аспирантам, магистрантам и студентам, интересующимся вопросами социологии, формирования социокультурной идентичности, демографической политики и социальной структуры общества.

Публикуется в авторской редакции.

УДК 31
ББК 60.5+60.7

ISBN 978-5-7477-6461-3

© Уфимский университет, 2026

Содержание

Гайфуллин А.Ю. Гилязитдиновские чтения: наследие Гилязитдинова Джаудата Махмудовича	8
Аблаева А.В., Канбекова А.И., Бородина А.В. ТРАНСФОРМАЦИЯ ДРУЖБЫ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ В ЭПОХУ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ	15
Агзамова Ж.Р., Кузнецова А.Р. ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В РЕСПУБЛИКЕ БАШКОРТОСТАН: ТЕНДЕНЦИИ, ВЫЗОВЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ	19
Агзамова Ж.Р., Шарипов А.Р. ВКЛАД ХАРРИЕТ MARTINO В СТАНОВЛЕНИЕ СОЦИОЛОГИИ КАК НАУКИ	25
Андрянова Т.С., Кузнецова А.Р. ВЕЧЕРНИЙ ШОПИНГ: ВРЕМЕННЫЕ ПАТТЕРНЫ И ЭМОЦИОНАЛЬНЫЕ ТРИГГЕРЫ ОНЛАЙН-ПОКУПАТЕЛЕЙ	31
Андрянова Т.С., Кузнецова А.Р. ПЕРЦЕПЦИЯ ДОСТОВЕРНОСТИ ОТЗЫВОВ И ЕЁ РОЛЬ В ПРИНЯТИИ РЕШЕНИЙ О ПОКУПКЕ ОНЛАЙН	34
Андрянова Т.С., Кузнецова А.Р. ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ FOMO-МАРКЕТИНГА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ПОТРЕБИТЕЛЬСКОЙ СРЕДЫ	39
Ахмадуллина А.А., Давлетшина А.А. РОЛЬ КРАУДСОРСИНГОВЫХ ПЛАТФОРМ В ГОРОДСКОМ РАЗВИТИИ	44
Научный руководитель: Бородина А.В.	
Ахтямова К.Ф. РОЛЬ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ В ФОРМИРОВАНИИ И ТРАНСФОРМАЦИИ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ МОЛОДЁЖИ	49
Бадретдинов А.Р. СЕЗОННЫЙ ХАРАКТЕР СПРОСА В СФЕРЕ ВНУТРЕННЕГО ТУРИЗМА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	53
Научный руководитель: Кузнецова А.Р.	
Бадретдинов А.Р. ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ САНАТОРНО-КУРОРТНОЙ И ТУРИСТИЧЕСКОЙ СФЕРЫ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	57
Научный руководитель: Кузнецова А.Р.	
Борисова А.В., Туракаев М.С. ТРАНСФОРМАЦИЯ ОБРАЗА МОЛОДЁЖИ В СОВЕТСКОМ И СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ КИНЕМАТОГРАФЕ: ДИСКУРС-АНАЛИЗ	62
Валиуллин Г.А., Шаяхметова Р.Р. ПРОЕКТ «АМБАССАДОРЫ ДОБРА»: ОТ ГРАНТОВОЙ ЗАЯВКИ ДО РЕАЛЬНЫХ РЕЗУЛЬТАТОВ	69
Гайфуллин А.Ю., Кунгурцева Г.Ф. Компетентностный подход к подготовке будущих социологов	74
Газиева Г.Р. СУЩНОСТЬ ESG-РЕЙТИНГОВАНИЯ РОССИЙСКИХ КОМПАНИЙ	78
Научный руководитель: Бородина А.В.	
Гимаева А.И., Гайфуллин А.Ю. ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ ОРИЕНТИРЫ СОВРЕМЕННОЙ СЕЛЬСКОЙ МОЛОДЕЖИ РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН	83
Голубь Д.П., Суяргулова Л.Р., Туракаев М.С. НЕФОРМАЛЬНЫЕ ПРАВИЛА ПОВЕДЕНИЯ ПАССАЖИРОВ В ОБЩЕСТВЕННОМ ТРАНСПОРТЕ	88
Голубь Д.П., Туракаев М.С. МЕТОДИКА ИССЛЕДОВАНИЯ ПЛАТФОРМЕННОЙ ЗАНЯТОСТИ В РОССИИ	92
Гордеева Е.В., Гайфуллин А.Ю. ПЕРСПЕКТИВЫ И РИСКИ ЦИФРОВИЗАЦИИ ДЛЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ САМОРЕАЛИЗАЦИИ МОЛОДЕЖИ	96
Грешнова Д.И., Асадуллина Г.Р. ВЛИЯНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ НА ХАРАКТЕР И ДИНАМИКУ СЕМЕЙНЫХ ОТНОШЕНИЙ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ	101
Гудкова М.И., Садретдинова Э.В. ДЕ СТАНДАРТИЗАЦИЯ ЗАНЯТОСТИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ МОЛОДЁЖИ	105

Даукаева Д.И. ДОБРОСОСЕДСТВО В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПО ТИПУ ЖИЛЬЯ (ПО ДАННЫМ ВЦИОМ)	112
Научный руководитель: Бородина А.В.	
Дойникова А.О., Туракаев М.С. ГОСУДАРСТВО И БРАК: РЕАКТИВНО-АДАПТИВНАЯ ПОЛИТИКА В ОТВЕТ НА ЦЕННОСТНЫЙ СДВИГ МОЛОДЁЖИ	115
Елизарьева Е.В. ДИСКУРС-АНАЛИЗ ЛЕГИТИМАЦИИ ГЕНДЕРНЫХ СТЕРЕОТИПОВ В МАССОВОМ СОЗНАНИИ ЧЕРЕЗ СИСТЕМУ МЕДИЙНЫХ ОБРАЗОВ	119
Научный руководитель: Туракаев М.С.	
Елизарьева Е.В. СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ КОНЦЕПЦИИ ИЗУЧЕНИЯ БРАЧНОГО ВЫБОРА И РОЛЬ КОММУНИКАТИВНЫХ ФАКТОРОВ В ФОРМИРОВАНИИ СУПРУЖЕСКОЙ ПАРЫ	123
Научный руководитель: Садретдинова Э.В.	
Золотарёва В.Н., Халимова А.И. АДАПТАЦИЯ МИГРАНТОВ: СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ	128
Научный руководитель: Шарипов А.Р.	
Зубаирова Р.Р. ВИРТУАЛЬНАЯ ДРУЖБА И ЛЮБОВЬ СОВРЕМЕННОЙ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ КАК СОЦИАЛЬНЫЙ ФЕНОМЕН	132
Научный руководитель: Бородина А.В.	
Иванова О.Е. СОВРЕМЕННЫЕ МОДЕЛИ И ПОДХОДЫ К ФОРМИРОВАНИЮ ЦИФРОВОЙ ПРОФЕССИОНАЛИЗАЦИИ СТУДЕНТОВ ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ В РФ	137
Научный руководитель: Ковров В.Ф.	
Иномзода Фирдавс, Гайфуллин А.Ю. СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ АДАПТАЦИЯ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ В РЕСПУБЛИКЕ БАШКОРТОСТАН	143
Каримова В.А. СОЦИАЛЬНАЯ ИЗОЛЯЦИЯ И СУБЪЕКТИВНОЕ ОДИНОЧЕСТВО ПОЖИЛЫХ ЛЮДЕЙ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ (НА МАТЕРИАЛАХ СОЦИАЛЬНОГО ПРОЕКТА Г. УФА)	148
Каримова К.И. АНАЛИЗ РЫНКА ТРУДА КАНАДЫ КАК ОСНОВА ДЛЯ КАДРОВОГО ПЛАНИРОВАНИЯ	152
Научный руководитель: Кузнецова А.Р.	
Косенко С.А. БЛИЗКИЕ СВЯЗИ КАК ДЕФИЦИТНЫЙ РЕСУРС: ПОЧЕМУ СТУДЕНТУ-СИРОТЕ НУЖЕН НЕ ТЬЮТОР, А «СВОЙ» ЧЕЛОВЕК	157
Научный руководитель: Лавренюк-Исаева Н.М.	
Косенко С.А. НЕВИДИМОЕ ИСЧЕЗНОВЕНИЕ: КАК РВУТСЯ БЛИЗКИЕ СВЯЗИ СИРОТЫ ПОСЛЕ ПЕРЕХОДА В ВУЗ И ПОЧЕМУ ЭТО СКРЫТО ОТ ПЕДАГОГОВ	162
Научный руководитель: Лавренюк-Исаева Н.М.	
Косенко С.А. СЛАБЫЕ СВЯЗИ КАК СИЛЬНЫЙ РЕСУРС: АКТУАЛЬНОСТЬ АНАЛИЗА СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ СТУДЕНТОВ-СИРОТ И ПОТЕРЯВШИХ РОДИТЕЛЕЙ В ПЕРИОД ОБУЧЕНИЯ	167
Костюкова А.П., Хасанова Н.В. ВЛИЯНИЕ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ФАКТОРОВ НА РАЗВИТИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА	172
Кошик Э.С. СРАВНИТЕЛЬНЫЙ СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ АНАЛИЗ РАЗВИТИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА МОЛОДЕЖИ РОССИИ И КИТАЯ	176
Научный руководитель: Шайхисламов Р.Б.	
Кузнецов А.И., Ахметьянова А.И. МАТЕМАТИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА ФИНАНСОВОГО ВЛИЯНИЯ МАРКЕТПЛЕЙСОВ НА РАЗВИТИЕ РОЗНИЧНОГО БИЗНЕСА В РЕСПУБЛИКЕ БАШКОРТОСТАН	180
Кузнецова Е.М. ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКИХ УСТАНОВОК МОЛОДЁЖИ: МЕЖДУ МИФАМИ О «БЫСТРОМ УСПЕХЕ» И ОСОЗНАНИЕМ РЕАЛЬНЫХ РИСКОВ.	184

Научный руководитель: Шайхисламов Р.Б.	
Куляшова В.Ю. ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ КАК СОЦИАЛЬНАЯ ЦЕННОСТЬ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ	188
Научный руководитель: Ковров В.Ф.	
Логачева Э.А. ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ КОМПЕТЕНЦИИ ВОЖАТОГО ДЕТСКОГО ЛАГЕРЯ	193
Научный руководитель: Асадуллина Г.Р.	
Лукманова Д.И. ОСОБЕННОСТИ ВСТУПЛЕНИЯ В БРАК СРЕДИ МОЛОДЁЖИ БАШКОРТОСТАНА	196
Научный руководитель: Кузнецова А.Р.	
Магеррамова Л.Б. СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ И СЕМЕЙНАЯ ПОЛИТИКА В КОНТЕКСТЕ ФОРМИРОВАНИЯ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН	200
Научный руководитель: Кузнецова А.Р.	
Макарова К.С. КИБЕРБУЛЛИНГ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ: МАСШТАБЫ, ФАКТОРЫ И ТЕНДЕНЦИИ НА ПРИМЕРЕ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ	206
Научный руководитель: Садретдинова Э.В.	
Максимова Э.Н. ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ТЕХНОЛОГИИ «ОБУЧЕНИЕ СЛУЖЕНИЕМ» В СИСТЕМЕ ПАТРИОТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ МОЛОДЕЖИ	210
Мирсаев К.А., Туракаев М.С. ДИСКУРСИВНЫЙ РАЗРЫВ МЕЖДУ ВЛАСТЬЮ И ОБЩЕСТВОМ В ГОРОДСКИХ ПАБЛИКАХ (НА ПРИМЕРЕ СООБЩЕСТВА «ДЕМЧАНЕ»)	213
Михайлова Е.Н. ВЛИЯНИЕ СОЦИАЛЬНОГО НЕРАВЕНСТВА В ПРОФЕССИОНАЛЬНОМ РАЗВИТИИ НА МОТИВАЦИЮ ТРУДА РАБОТНИКОВ ПРОМЫШЛЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ В СОВРЕМЕННОЙ РФ	217
Научный руководитель: Ковров В.Ф.	
Михеев Т.В. ВЛИЯНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ НА СОЦИАЛЬНУЮ ИДЕНТИФИКАЦИЮ МОЛОДЫХ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ	221
Научный руководитель: Шайхисламов Р.Б.	
Муратова Д.Р. СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ПОТРЕБНОСТИ ПОДРОСТКОВ И ВОВЛЕЧЕНИЕ ИХ В ЛОКАЛЬНУЮ ДОСУГОВУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ	224
Научный руководитель: Шаяхметова Р.Р.	
Муслимова Э.Р. ЭТНИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ: ВЫЗОВЫ И СТРАТЕГИИ АДАПТАЦИИ	227
Научный руководитель: Шарипов А.Р.	
Наседкин А.С. РЭП ТЕКСТЫ КАК СРЕДСТВО ВОЗДЕЙСТВИЯ НА МОЛОДЁЖЬ: МЕХАНИЗМЫ, РИСКИ И СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ КОНТЕКСТ	232
Научный руководитель: Шайхисламов Р.Б.	
Нигматьянова А.И. ОТНОШЕНИЯ В РОДИТЕЛЬСКОЙ СЕМЬЕ КАК ОСНОВА ФОРМИРОВАНИЯ СЕМЕЙНЫХ ЦЕННОСТЕЙ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ	238
Научный руководитель: Садретдинова Э.В.	
Нуриева А.А. СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ДОВЕРИЯ ПОКОЛЕНИЙ К ИСКУССТВЕННОМУ ИНТЕЛЛЕКТУ	242
Научный руководитель: Бородина А.В.	
Оганян А.Г., Полухина Е.Д. ПОКОЛЕНЧЕСКИЕ РАЗЛИЧИЯ ВО ВЛАДЕНИИ НАЦИОНАЛЬНЫМИ ЯЗЫКАМИ В ПОЛИЭТНИЧНОМ РЕГИОНЕ (НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН)	246
Научный руководитель: Шарипов А.Р.	
Полухина Е.Д., Оганян А.Г., Кузнецова А.Р. ОСОБЕННОСТИ ВНУТРЕННЕЙ И МЕЖДУНАРОДНОЙ МИГРАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ	251

БАШКОРТОСТАН

Полухина Е.Д., Оганян А.Г. МЕЖЭТНИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ БАШКОРТОСТАН: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ	254
Научный руководитель: Шарипов А.Р.	
Помиркованая Д.С., Биккинин И.А. МЕСТО СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ В ФОРМИРОВАНИИ ПРОТИВОПРАВНОГО ПОВЕДЕНИЯ МОЛОДЕЖИ	258
Рахматуллина К.Р. ТРАНСФОРМАЦИЯ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ И ГЛОБАЛЬНЫХ СОЦИАЛЬНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ	262
Научный руководитель: Шарипов А.Р.	
Садретдинова Д.Р. РОЛЬ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ В РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ТРАДИЦИОННЫХ СЕМЕЙНЫХ ЦЕННОСТЕЙ В РОССИЙСКОМ МЕДИАПРОСТРАНСТВЕ	269
Научный руководитель: Асадуллина Г.Р.	
Сайфуллина А.Ш., Гайфуллин А.Ю. КАРЬЕРА В СИСТЕМЕ ЦЕННОСТЕЙ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ	273
Сесик С.А. ЭТНИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ И МЕЖЭТНИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В ПОЛИЭТНИЧНОМ ДАГЕСТАНЕ: СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И ПРОТИВОРЕЧИЯ	277
Научный руководитель: Шарипов А.Р.	
Смаков Т.С. ОТНОШЕНИЕ МОЛОДЁЖИ К САМОЗАНЯТОСТИ И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВУ В УСЛОВИЯХ ПРЕКАРИЗАЦИИ ЗАНЯТОСТИ	280
Научный руководитель: Ковров В.Ф.	
Созонов Е.А. ИЗМЕРЕНИЕ МЕЖЭТНИЧЕСКОЙ И МЕЖКОНФЕССИОНАЛЬНОЙ НАПРЯЖЕННОСТИ В РЕСПУБЛИКЕ БАШКОРТОСТАН	287
Научный руководитель: Бородина А.В.	
Спирина Е.А. ВЛИЯНИЕ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ СРЕДЫ НА ФОРМИРОВАНИЕ И РЕАЛИЗАЦИЮ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА	292
Среднякова Т.А. ПОТРЕБИТЕЛЬСКИЙ ДИСКУРС В РЕКЛАМЕ WILDBERRIES И OZON	294
Научный руководитель: Туракаев М.С.	
Старцева А.Ф., Гайфуллин А.Ю. ПРИЧИНЫ И ПОСЛЕДСТВИЯ ДИСКРИМИНАЦИИ МОЛОДЁЖИ НА РЫНКЕ ТРУДА	301
Старшенина А.А. СОЦИАЛЬНЫЙ ПОРТРЕТ РАБОТАЮЩЕГО БЕДНОГО (НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН)	306
Научный руководитель: Кузнецова А.Р.	
Татаурова Н.И. РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ПОВСЕДНЕВНОСТИ МОЛОДЁЖИ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ КИНО	310
Научный руководитель: Лавренюк-Исаева Н.М.	
Терехова Д.А. СОЦИАЛЬНЫЕ МЕХАНИЗМЫ САМООЦЕНКИ И ТРЕВОЖНОСТИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ МОБИЛЬНОСТИ	314
Научный руководитель: Туракаев М.С.	
Турушева А.Н. НАЦИОНАЛЬНЫЙ СОСТАВ НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПЕРЕПИСЕЙ 1989, 2002, 2010 И 2021 ГОДОВ	317
Научный руководитель: Шарипов А.Р.	
Усакова В.В., Гайфуллин А.Ю. РОЛЬ НЕФОРМАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ РЕСУРСОВ В СОВРЕМЕННОЙ СИСТЕМЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ МОЛОДЕЖИ	323
Файзова Л.Р., Гайфуллин А.Ю. ВЛИЯНИЕ ЦИФРОВИЗАЦИИ НА МОШЕННИЧЕСКИЕ ПРАКТИКИ: СОЦИАЛЬНЫЕ И ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ	327

Файзуллин Э.И. ПРОБЛЕМА ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ. ФАКТОРЫ ТРАНСФОРМАЦИИ	332
Научный руководитель: Шарипов А.Р.	
Фархтдинова Г.Р., Ковров В.Ф. ВЛИЯНИЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ НА МОТИВАЦИОННЫЙ ПРОФИЛЬ МОЛОДЫХ РАБОТНИКОВ БАНКОВСКОЙ СФЕРЫ (НА ПРИМЕРЕ БАШКИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ ПАО «СБЕРБАНК РОССИИ»)	334
Фаткуллина К.Р., Кузнецова А.Р. ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ НАГРУЗКА НА ТРУДОСПОСОБНОЕ НАСЕЛЕНИЕ БОЛГАРИИ КАК ВЫЗОВ ДЛЯ УПРАВЛЕНИЯ ПЕРСОНАЛОМ	339
Хазипова С.Р. ГЕНДЕРНЫЕ РАЗЛИЧИЯ В ОЖИДАЕМОЙ ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОСТИ ЖИЗНИ В РЕСПУБЛИКЕ БАШКОРТОСТАН	344
Хазипова С.Р. ОЖИДАЕМАЯ ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОСТЬ ЖИЗНИ И ЗДОРОВЬЕ НАСЕЛЕНИЯ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ДАННЫХ РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН	346
Халимова А.И., Золотарёва В.Н. СОЦИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ МЕЖЭТНИЧЕСКИХ КОНФЛИКТОВ И СПОСОБЫ ИХ РЕГУЛИРОВАНИЯ	351
Научный руководитель: Шарипов А.Р.	
Черезова В.А. СМЕШАННЫЕ БРАКИ И ФОРМИРОВАНИЕ ГИБРИДНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ: СТАТИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН	355
Научный руководитель: Шарипов А.Р.	
Шаймарданова К.Р. ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ МОБИЛЬНОСТЬ И РИСК СОЦИАЛЬНОЙ ЭКСКЛЮЗИИ: ФОРМИРОВАНИЕ ИДЕНТИЧНОСТИ ИНОГОРОДНИХ СТУДЕНТОВ В РЕГИОНАЛЬНОМ ВУЗЕ	359
Научный руководитель: Ковров В.Ф.	
Шафигубдинов Н.Э ОЦЕНКА СИМВОЛИЧЕСКОГО КАПИТАЛА ГОРОДА УФЫ ИНОСТРАННЫМИ СТУДЕНТАМИ	364
Научный руководитель: Лавренюк-Исаева Н.М.	
Шафигубдинов Н.Э СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ УНИТ В ПРОЦЕССЕ РЕАЛИЗАЦИИ ПРОГРАММЫ "ПРИОРИТЕТ 2030"	368
Швин Д.Д., Гайфуллин А.Ю. ВЛИЯНИЕ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ НА ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ ПРЕДПОЧТЕНИЯ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ	374
Юсупханова К.Р. КОЛЛЕКТИВНАЯ ПАМЯТЬ КАК КОММУНИКАТИВНЫЙ ФЕНОМЕН: РОЛЬ ЛОКАЛЬНЫХ КУЛЬТУР В КОНСТРУИРОВАНИИ ГОРОДСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ	378
Научный руководитель: Шайхисламов Р.Б.	
Яшина В.В. СТУДЕНЧЕСКОЕ ВОЛОНТЕРСТВО КАК СТРАТЕГИЧЕСКИЙ РЕСУРС УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ РОССИЙСКИХ ВУЗОВ	382
Научный руководитель: Бородина А.В.	
Яшина В.В., Латыпова Ю.А. КОНЦЕПТ «ДЕМОГРАФИЯ» В ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ	388

**ГИЛЯЗИТДИНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ: НАСЛЕДИЕ ГИЛЯЗИТДИНОВА
ДЖАУДАТА МАХМУДОВИЧА
GILYAZITDIN READINGS: THE LEGACY OF GILYAZITDINOV JAUDAT
MAKHMUDOVICH**

Гайфуллин Андрей Юрьевич, кандидат социологических наук, заведующий кафедрой социологии и работы с молодежью, ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий», Уфа, Россия, E-mail: gayfullin_a@mail.ru

Gaifullin Andrey Yuryevich, PhD in Sociology, Head of the Department of Sociology of Youth Work, Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia, E-mail: gayfullin_a@mail.ru

Аннотация: В статье рассматривается научно-организационная и педагогическая деятельность доктора философских наук, профессора Гилязитдинова Джаудата Махмудовича, основоположника социологического образования в Республике Башкортостан. Приводится биография Гилязитдинова Дж. М. Особое внимание уделяется вкладу Д.М. Гилязитдинова в институционализацию социологии как науки и учебной дисциплины. Подчеркивается его роль в открытии первых курсов лекций по социологии, создании профильных кафедр социологии в Республике Башкортостан, а также в организации первого в регионе диссертационного совета по социологическим наукам.

Abstract: The article examines the scientific, organizational and pedagogical activities of Doctor of Philosophy, Professor Gilyazitdinov Dzhaudat Makhmudovich, the founder of sociological education in the Republic of Bashkortostan. The biography of Gilyazitdinov J. M. is given. Special attention is paid to the contribution of D.M. Gilyazitdinov to the institutionalization of sociology as a science and an academic discipline. His role in the opening of the first courses of lectures on sociology, the creation of specialized departments of sociology in the Republic of Bashkortostan, as well as in the organization of the region's first dissertation council on sociological sciences is emphasized.

Ключевые слова: Гилязитдинов Джаудат Махмудович, социология, социологическое образование, Республика Башкортостан.

Keywords: Gilyazitdinov Dzhaudat Makhmudovich, sociology, sociological education, Republic of Bashkortostan.

Гилязитдинов Джаудат Махмудович (1930-2011 гг.) - доктор философских наук, профессор. Изучение наследия Джаудата Махмудовича Гилязитдинова имеет фундаментальное значение для развития отечественной социологии, региональной науки и системы высшего образования.

Гилязитдинов Дж. М. стоял у истоков формирования профессиональной социологической среды в Республике Башкортостан. В условиях позднесоветского периода, когда социология только начинала отделяться от исторического материализма и научного коммунизма, он добился открытия профильных кафедр («Социология», «Социальная работа») и первого в регионе диссертационного совета по социологическим наукам. Изучение его организационного опыта необходимо для понимания механизмов становления региональных научных школ в России.

Гилязитдинов Джаудат Махмудович родился 15 апреля 1915 года в башкирской деревне Арсланово Чишминского района. Закончил исторический факультет государственного университета в г. Ташкенте (1978 г.), аспирантуру (1963 г.). Доктор

философских наук (1976 г.), профессор (1977 г.), академик Академии социальных наук России (1997 г.), заслуженный деятель науки Республики Башкортостан (1977 г.).

Трудовая деятельность:

1952-1962 гг. – ассистент, старший преподаватель Ташкентского института инженеров ирригации и механизации сельского хозяйства;

1962-1963 гг. – учеба в аспирантуре;

1964-1968 гг. – доцент Ташкентского института инженеров ирригации и механизации сельского хозяйства;

1968-1977 гг. – доцент, профессор Уфимского государственного авиационного института;

1977-1988 гг. – заведующий кафедрой в Башкирском государственном педагогическом институте, научный руководитель социологической лаборатории при кафедре;

1988-1990 гг. – профессор кафедры философии Башкирского государственного университета;

1988-1998 гг. – научный руководитель социологической лаборатории в Башкирском государственном университете;

1990-1991 гг. – заведующий кафедрой экономики и социологии труда в Башкирском государственном университете;

1991-2006 гг. – заведующий кафедрой социологии, заведующий кафедрой прикладной и отраслевой социологии Башкирского государственного университета;

1998-2004 гг. – заведующий Отделом социологии Института социально-экономических исследований Уфимского научного центра Российской Академии наук;

1998-2005 гг. – председатель Научного совета по социологии Академии наук Республики Башкортостан;

2004-2007 гг. – ведущий научный сотрудник Центра социальных и политических исследований Академии наук Республики Башкортостан;

2006-2011 гг. – профессор кафедры прикладной и отраслевой социологии Башкирского государственного университета [1].

Судьба распорядилась так, что вскоре, в 1934 году, его семья переехала в Узбекистан, где мальчик окончил школу с серебряной медалью и продолжил обучение на историческом факультете Среднеазиатского государственного университета в Ташкенте.

Уже в студенчестве, еще до поступления в университет, Джаудат Махмудович проявлял глубокое желание приносить пользу обществу и помогать окружающим. Интерес к событиям, происходящим в стране и мире, зародившийся в семье, продолжал крепнуть и развиваться, формируя в нём будущего энтузиаста, патриота и гражданина, открытого всему новому и значимому.

В годы учебы в университете он активно участвует в общественной жизни студентов. Избирается комсоргом факультета. В комсомоле проходит хорошую школу организаторской работы.

Молодой талантливый студент конечно же был замечен преподавателями. По окончании университета Дж.М. Гилязитдинову была предложена работа в Ташкентском институте инженеров ирригации и механизации сельского хозяйства, в котором он проработал 16 лет. Три года был секретарем комитета комсомола, два года – секретарем партийного комитета института.

Успешно защитил кандидатскую диссертацию по философии, которая содержала обширные социологические данные.

В период работы в Ташкенте в течение пяти лет Гилязитдинов Дж. М. являлся заместителем председателя Совета социологических исследований Узбекской ССР, в рамках которого осуществлялась деятельность по развитию и популяризации прикладной социологии в республике.

Итоги работы этого периода нашли отражение в 20 публикациях: в числе которых были монография и учебник.

Далее переезд в 1968 г. в г. Уфу. И почти десять следующих лет педагогическая и научная деятельность Джаудата Махмудовича проходила в Уфимском государственном авиационном институте, в котором уже начала складываться башкирская школа социологов, возглавляемая профессором Н.А. Аитовым. Здесь Дж. М. Гилязитдинов продолжает работу над проблемами социологии духовной жизни, идеологии, средств массовой информации и пропаганды. В 1973 г. создает социологическую лабораторию. Как логический результат исследований этих лет – защита докторской диссертации. Тема докторской диссертации: «Эффективность пропаганды и агитации». В 1976 г. ему присвоена ученая степень доктора философских наук.

Дальнейшее развитие исследования получили с переходом в Башкирский государственный педагогический институт. Возглавляя кафедру Джаудат Махмудович создает хоздоговорную социологическую лабораторию. Договора заключались с предприятиями и организациями разных городов республики – Уфы, Салавата, Октябрьского, Туймазов, Ишимбая.

Начали разрабатываться новаторские для своего времени проблемы обратной связи, создания и эксплуатации информационно-анализирующих систем в духовной сфере, эффективности экономического и политического образования и пропаганды. Несомненным достижением Дж.М. Гилязитдинова было создание такой системы на одном из предприятий г. Салавата, где собиралась анализировалась информация об общественном мнении работников трудового коллектива. В 1986 г. за совокупность работ по данной проблематике, выполненных под руководством и при непосредственном участии Дж.М. Гилязитдинова, десять молодых сотрудников лаборатории были удостоены премии комсомола Башкирии в области науки.

Важным направлением научных исследований Дж.М. Гилязитдинова в эти годы становится изучение общественного мнения. Возглавляемая им кафедра провела одну из первых в стране конференцию по изучению, функционированию и формированию общественного мнения, в которой приняли участие видные советские социологи.

Коллективной научно-исследовательской темой кафедры была тема эффективности преподавания общественных наук. По этой проблеме были проведены несколько научно-практических конференций.

В этот период Гилязитдинов Джаудат Махмудович активно занимался подготовкой высококвалифицированных специалистов. Он лично брал на себя ответственность за организацию научных командировок сотрудников для работы над диссертациями в центральных библиотеках Москвы и Ленинграда, используя для финансирования хоздоговорные средства. Параллельно руководил аспирантами в Башкирском государственном университете.

Результатом его деятельности стало успешное продвижение научной карьеры сотрудников: большинство из них защитили кандидатские, а позже и докторские диссертации. За время работы в педагогическом институте было опубликовано более сотни научных статей и работ.

Особенно ярко раскрылись таланты Гилязитдинова Дж. М. как ученого, педагога и организатора в период реформирования общества. Эпоха перестройки открыла новые горизонты для развития социологической науки и образования. В это время стали возможны исследования ранее закрытых тем, появились новые методы и технологии, началась интеграция российской социологии в мировую науку. Были запущены крупные проекты по этносоциологии, социологии общественного мнения, электората, молодежи и другим острым вопросам.

Однако рамки педагогического института не позволяли полностью раскрыть весь потенциал проводимых исследований. В связи с этим Гилязитдинов Дж. М. перешел в

Башкирский государственный университет, где выступил инициатором и организатором множества нововведений в области социологических исследований и образования.

Джаудат Махмудович Гилязитдинов стал инициатором введения в учебный процесс нового предмета – социологии. В 1989 году он лично открыл на историческом факультете первый курс лекций по социологии. Видя необходимость создания профильной кафедры, он убедил руководство университета в её открытии.

Благодаря его активной позиции, в Башкирском государственном университете были открыты две новые специальности: «Социология» (1991 год) и «Социальная работа» (1994 год). Это стало ключевым событием в развитии социологического образования в регионе.

В 1992 году Гилязитдинов Дж. М. провёл курс лекций по социологии для преподавателей российских вузов в Институте подготовки и повышения квалификации преподавателей социально-гуманитарных наук при Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова. Его смелость заключалась в том, что это был начальный этап введения социологии в учебные программы вузов, когда отечественных учебников, свободных от идеологии, еще не существовало, а иностранные пособия не успели перевести и издать. Однако профессор сумел подготовить курс, свободный от идеологических клише, заслужив высокие отзывы слушателей.

С 1991 года Джаудат Махмудович входил в состав Учебно-методического совета по социологии, социальной антропологии и организации работы с молодежью при МГУ имени М.В. Ломоносова. Он активно участвовал в обсуждениях, отстаивая прогрессивные взгляды на развитие социологического образования.

Важнейшим вкладом Гилязитдинова Дж. М. в развитие социологии стало руководство подготовкой кадров. В 1990 году при его содействии в университете начал работать совет по защите кандидатских диссертаций по социологии, а затем и докторский совет. Сам Джаудат Махмудович возглавлял докторский совет и был заместителем председателя в кандидатском совете. В Башкирии первые кандидаты социологических наук были выпускниками его лаборатории, а под его научным руководством защищено 35 кандидатских и 9 докторских диссертаций.

Будучи загруженным административной и научной работой, профессор неизменно уделял много времени обучению студентов, магистерских курсов, аспирантов и молодых преподавателей, оставляя значительный след в профессиональном становлении будущих социологов.

Под его руководством весь период активной деятельности работал методологический семинар аспирантов и докторантов. В течение многих лет он вел научный кружок студентов. Многие из тех, кто пришел в кружок первокурсниками, сегодня являются преподавателями кафедр вузов Уфы.

Именно Джаудат Махмудович ввел в практику работы кафедры проведение республиканских конференций молодых ученых и студентов. Нельзя не отметить и то, что работая со студентами, он прививал им интерес к научным исследованиям, к выполнению грантов. По инициативе и при активном участии Джаудата Махмудовича лучшие выпускники направлялись на обучение в аспирантуру университета и ВУЗов г.Уфы. Результатом стало то, что за 30 лет существования специальности около 30 выпускников защитили кандидатские диссертации по социологическим, политическим и философским наукам. Они работают в ВУЗах республики, в институтах Российской академии наук и Академии наук РБ.

Джаудат Махмудович был опытным педагогом-лектором. Его лекции и семинарские занятия отличали высокий научный, теоретико-методологический уровень и методическое мастерство. Надо отметить его открытость для коллег-преподавателей, готовность делиться знаниями и педагогическим опытом. В начальный период введения в учебный процесс курса социологии его лекции посещали практически все преподаватели кафедры.

В Башгосуниверситете Джаудат Махмудович создает социологическую лабораторию и начинает исследования по новым направлениям. Одним из таких направлений стали

этносоциологические исследования, актуальность которых обуславливалась происходящими в стране событиями. В конце 1980-х – начале 1990-х гг. стало очевидным, что за предшествующий период развития страны накопилось много проблем в национальной сфере. Требовались не только глубокое научное их изучение, но и разработка обоснованных практических предложений по их решению.

В 1989 году под руководством Джаудата Махмудовича Гилязитдинова был выпущен проект комплексной целевой социальной программы, направленной на развитие наций и улучшение межнациональных отношений в городе Уфа. В 1993 году под его научным руководством вышла государственная программа Республики Башкортостан, посвящённая национальным и межнациональным отношениям. Обе программы сопровождались обширными социологическими исследованиями, охватывавшими жителей республики, активистов национально-культурных организаций, экспертов в области национальных языков, культуры, традиций и межнациональных взаимоотношений.

Работу в данном направлении Гилязитдинов продолжил на федеральном уровне. В 1994 году он издал авторский проект концепции государственной программы Российской Федерации «Возрождение и развитие тюркских народов России». Над проектом работала команда специалистов из разных регионов страны, объединённая профессором. Итогом совместной работы стал опубликованный в 1995 году проект программы. В 2002 году Джаудат Махмудович подготовил и выпустил проект государственной программы Республики Башкортостан «Национально-культурное развитие татар Башкортостана».

Ещё одним важным направлением исследований Гилязитдинова Дж. М. стало изучение электорального поведения. Первый удачный прогноз результатов выборов был выполнен его командой в 1989 году в ходе предвыборной кампании по избранию народных депутатов. Впоследствии сотрудники кафедры и лаборатории принимали участие в анализе электората практически во всех крупных избирательных компаниях России и Республики Башкортостан, включая выборы президентов РФ и РБ. Этими исследованиями был накоплен богатый эмпирический материал о мотивах, интересах и моделях поведения избирателей, отражённый в статьях и коллективной монографии «Электорат Башкортостана: Электоральное поведение избирателей Башкортостана в период выборов Президента России в 1996 году».

До конца 1980-х годов массовые опросы, репрезентативные для населения Республики Башкортостан или её избирателей, практически не проводились. Первым, кто запустил такие исследования, стал коллектив кафедры и лаборатории под руководством Дж. М. Гилязитдинова. Такая инициатива потребовала решения множества организационных и методических задач, включая разработку общереспубликанской выборки, подбор и обучение интервьюеров и анкетёров.

Кроме того, Гилязитдинов Дж. М. ввёл в практику проведение общереспубликанских мониторингов – повторяющихся исследований по одной и той же проблеме. Подобные исследования были проведены кафедрой с 1992 по 1997 год и нашли отражение в публикациях и материалах научных конференций.

Помимо изучения социальных процессов, Дж. М. Гилязитдинов уделял внимание реформам российского общества и строительству Республики Башкортостан как социального государства. В 1998 году под его руководством вышел проспект концепции государственной программы «Социальные реформы в Республике Башкортостан» и программы «План-прогноз социального развития Республики Башкортостан на 1998–2000 и до 2005 года». Он принимал активное участие в разработке и редактировании этих документов.

В 1998–2004 годах Гилязитдинов Дж. М. сотрудничал с Уфимским научным центром Российской академии наук, а в 2004–2008 годах работал в Академии наук Республики Башкортостан. В 1997 году он был избран действительным членом Академии социальных наук Российской Федерации.

Находясь на посту заведующего Отделом социологии Института социально-экономических исследований и председателя Научного совета по социологии АН РБ, Гилязитдинов Дж. М. организовал и курировал исследования в секторах отдела, результатом чего стали издания коллективных монографий и сборников статей.

В рамках избирательной кампании по выборам президента России в 2000 году Гилязитдинов Дж. М. провел мониторинг мнений избирателей Республики Башкортостан, осуществив первый в республике опрос на выходе с избирательных участков. Ещё один подобный мониторинг был проведен во время выборов президента Республики Башкортостан.

Будучи ведущим научным сотрудником Центра социальных и политических исследований АН РБ, Дж. М. Гилязитдинов участвовал в международном проекте под эгидой Программы развития Организации Объединённых Наций, став одним из авторов доклада о развитии человеческого потенциала. Глава, подготовленная им под названием «Социокультурный потенциал и человеческое развитие», осветила культурные особенности и этнокультурное богатство Республики Башкортостан.

Профессор Джаудат Махмудович Гилязитдинов сделал значительный вклад в развитие социологии как науки и социологического образования в России. При его непосредственном участии было создано Башкортостанское отделение Российского общества социологов, что стало важным шагом в консолидации местных специалистов и продвижении научных исследований.

Гилязитдинов автор более 315 публикаций, в числе которых монографии и брошюры (более 28), статьи, учебники, учебные пособия. Рукопись одного учебника удостоена Всесоюзной премии.

Рукопись одного из учебников, подготовленных под его руководством, была удостоена Всесоюзной премии, что подтвердило высокое научное и методическое качество работы.

Заслуги Дж. М. Гилязитдинова в науке, в организации социологического образования оценены наградами различного уровня:

- Почетная грамота Верховного совета Узбекской ССР (1964 г.);
- Заслуженный деятель науки Республики Башкортостан (1980 г); Премия Комсомола Башкирии в области науки (1983 г.);
- Диплом Почетного члена Советской социологической ассоциации/ Российского общества социологов за многолетнюю плодотворную работу в Советской социологической ассоциации и Российском обществе социологов и весомый вклад в развитие и пропаганду отечественной социологии (2008 г.);
- серебряная медаль им. Питирима Сорокина за выдающийся вклад в развитие отечественной социологии и в связи с 50-летием создания первой социологической ассоциации и 40-летием учреждения Института социологии РАН (2008 г.);
- Премия Башкирского государственного университета за лучшую научную публикацию (в составе коллектива авторов, 2009 г.);
- Премия Российского общества социологов за лучшую научную книгу 2009 года (в составе коллектива авторов, 2010 г.) и другие.

Профессиональная общественная деятельность Гилязитдинова Дж. М.:

- член Совета научных консультантов при Администрации Президента Республики Башкортостан (1996-1998 гг.);
- член Учебно-методического совета по высшему педагогическому образованию при Министерстве общего и профессионального образования РФ (1997-2000 гг.);
- член Учебно-методического совета по социологии, социальной антропологии и организации работы с молодёжью Министерства образования и науки РФ (1991-2005 гг.);
- Председатель Правления Башкирской Республиканской организации Российского общества социологов (1992-2006 гг.);

- Председатель Башкирской Республиканской организации Российской социологической ассоциации (до 2006 гг.);
- член Российского общества социологов, Российской социологической ассоциации, Президент Ассоциации социологов Башкортостана (2011 г.).

Участвовал в работе нескольких диссертационных советов по философским, экономическим и социологическим наукам, функционирующих в Башкирском государственном университете: председатель докторского диссертационного совета по философским и социологическим наукам (до 2008 г.), заместитель председателя кандидатского диссертационного совета по экономическим и социологическим наукам (до 2000 г.); заместитель председателя, член кандидатского диссертационного совета по социологическим наукам (до 2008 г.); член докторского совета по социологическим наукам Д.212.13.05.

Биография Гилязитдинова Дж.М. является примером служения обществу: от активной комсомольской работы до участия в качестве эксперта при Администрации Президента Республики Башкортостан. Для современных студентов-социологов изучение его пути служит образцом того, как научный потенциал может быть реализован в практической социальной инженерии и государственном строительстве.

Сегодня дело Гилязитдинова Дж.М. живет и продолжает развиваться. Наглядным подтверждением тому является коллектив кафедры в составе которого не мало его учеников, а также достижения как профессорско-преподавательского состава, так и студентов [2].

Научные школы не могут существовать без постоянного обращения к истокам. Конференции служат механизмом трансляции опыта от старшего поколения социологов к студентам и аспирантам [3; 4]. Память о выдающихся ученых и их школах – это фундамент научного развития страны.

К 80-летию профессора Гилязитдинова Дж. М. по инициативе профессора Бурхановой Флюры Булатовны, его ученицы, заведующей кафедрой прикладной и отраслевой социологии БашГУ (ныне Уфимский университет науки и технологий), был издан сборник в котором собраны информация о профессоре Гилязитдинове, а также поздравления и пожелания его коллег и учеников [5].

К 95-летию Гилязитдинова Дж. М. (2025 г.) была выпущена коллективная монография кафедры социологии и работы с молодежью Уфимского университета науки и технологий [6].

Также с 2025 г. на кафедре социологии и работы с молодежью Уфимского университета науки и технологий стала проводиться ежегодная конференция, посвященная памяти основоположника социологического образования в Республике Башкортостан, доктора философских наук, профессора Гилязитдинова Джаудата Махмудовича (Гилязитдиновские чтения) [7].

В этом сборнике (II Гилязитдиновские чтения) продолжены исследования по тематике научных исследований Гилязитдинова Джаудата Махмудовича: этносоциология, социология межнациональных отношений, социология духовной жизни, социология молодежи, социология образования, электоральные исследования, проблемы социального государства. «Гилязитдиновские чтения» – это не только дань уважения прошлому, но и инструмент развития современной социологической мысли, обеспечивающий связь времен и непрерывность научной традиции.

Библиографический список

1. Бурханова Ф.Б., Ковров В.Ф., Мухамадиева Р.Р. Социологи Башкортостана: Справочник: 2-е изд. дополненное и переработанное. – Уфа: Восточная печать, 2012. – 141 с. ISBN 978-5-98755-121-2. URL: https://www.isras.ru/files/File/publ/soc_bash.pdf.

2. Гайфуллин А.Ю. Развитие социологического образования в Республике Башкортостан: опыт Уфимского университета науки и технологий // Уфимский гуманитарный научный форум. 2025. № 3(23). С. 154-170. DOI 10.47309/2713-2358-2025-3-154-170.
3. Бурханова Ф.Б., Гайфуллин А.Ю. Вклад Гилязитдинова Дж.М. в становление и развитие социологии в Республике Башкортостан / Ф. Б. Бурханова, А. Ю. Гайфуллин // Социологическое образование в России: становление, состояние и перспективы: Сборник статей Всероссийской научно-практической конференции, посвященной Дню социолога в России и 30-летию социологического образования в Республике Башкортостан, Уфа, 14 ноября 2022 года / Отв. редакторы Р.М. Валиахметов, А.Ю. Гайфуллин. – Уфа: УУНиТ, 2022. – С. 21-25.
4. Социологическое образование в России: становление, состояние и перспективы: Сборник статей Всероссийской научно-практической конференции, посвященной Дню социолога в России и 30-летию социологического образования в Республике Башкортостан, Уфа, 14 ноября 2022 года / Отв. редакторы Р.М. Валиахметов, А.Ю. Гайфуллин. – Уфа: УУНиТ, 2022. – 164 с. – ISBN 978-5-7477-5631-1.
5. Из прошлого в будущее: социальное развитие Республики Башкортостан и России: Сборник научных статей, посвященный памяти Джаудата Махмудовича Гилязитдинова / отв. ред. Бурханова Ф.Б. Уфа: Башкирский государственный университет, 2016. – 188 с. – ISBN 978-5-7477-4095-2.
6. Социальные проблемы в условиях глобальных и региональных вызовов: Монография, посвященная 95-летию со дня рождения профессора Дж. М. Гилязитдинова / А.Ю. Гайфуллин, Р. Б. Шайхисламов, А. Р. Кузнецова [и др.]. – Уфа: Уфимский университет науки и технологий, 2025. – 164 с. – ISBN 978-5-7477-6284-8.
7. Социально-демографическая политика в контексте формирования социо-культурной идентичности: материалы Всероссийского молодежного социологического форума, посвященного памяти основоположника социологического образования в Республике Башкортостан, доктора философских наук, профессора Гилязитдинова Джаудата Махмудовича, Уфа, 15–17 апреля 2025 года. – Уфа: Уфимский университет науки и технологий, 2025. – 316 с. – ISBN 978-5-7477-6246-6

УДК 316.1

ТРАНСФОРМАЦИЯ ДРУЖБЫ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ В ЭПОХУ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ THE TRANSFORMATION OF RUSSIAN YOUTH FRIENDSHIP IN THE AGE OF SOCIAL MEDIA

Аблаева Арина Владимировна, студент кафедры социологии и работы с молодежью, направление 39.03.01 "Социология", 2 курс, ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий», Уфа, Россия, E-mail: ablaevaariana@yandex.ru

Канбекова Амина Ильдусовна, студент кафедры социологии и работы с молодежью, направление 39.03.01 "Социология", 2 курс, ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий», Уфа, Россия, E-mail: kn8bkv@mail.ru

Научный руководитель: Бородин Ангелина Владимировна, кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и работы с молодёжью, ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий», Уфа. E-mail: Angel_Borodina@mail.ru

Ablaeva Arina Vladimirovna, student of the Department of Sociology and Youth Work, course 39.03.01 "Sociology", 2nd year, Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia, E-mail: ablaevaariana@yandex.ru

Kanbekova Amina Ildusovna, student of the Department of Sociology and Youth Work, course 39.03.01 "Sociology", 2nd year, Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia, E-mail:

Аннотация. В данной статье рассматривается влияние социальных сетей на дружеские отношения среди молодежи. Основная цель статьи заключается в выявлении ключевых трансформаций дружбы под воздействием цифровых технологий. Ключевые выводы указывают на переход от глубоких долговременных дружеских связей к ситуативной дружбе или «дружбе по клику»; а также на феномен «парадоксального одиночества», когда увеличение числа виртуальных друзей сопровождается ростом чувства одиночества.

Abstract. This article examines the impact of social media on friendships among young people. The main purpose of the article is to identify the key transformations of friendship under the influence of digital technologies. The key findings point to the transition from deep long-term friendships to situational friendship or "friendship by click"; as well as the phenomenon of "paradoxical loneliness", when an increase in the number of virtual friends is accompanied by an increase in feelings of loneliness.

Ключевые слова: трансформация дружбы, социальные сети, молодежь, киберодиночество, ситуативная дружба, цифровая коммуникация.

Keywords: friendship transformation, social networks, youth, cyber community, situational friendship, digital communication.

Введение. В эпоху цифровых технологий понятие дружбы кардинально меняется в связи с интегрированием социальных сетей в повседневную жизнь. Для молодежи, выросшей на фоне постоянной онлайн-связи, понятие дружбы обретает новые формы и значения.

Цель - выявление ключевых изменений дружеских отношений под влиянием социальных сетей и анализ их последствий для российской молодежи.

Методы исследования включают анализ теоретических подходов и изучение вторичных данных.

Результаты исследования. Первый трактат, посвященный проблеме дружбы, встречается у Аристотеля в «Никомаховой этике», где дружбе посвящены книги XIII и IX. Философ начинает свое рассмотрение с учения о высшем благе, которое представляется им как некий объективно и абсолютно заданный человеку стандарт. Вслед за этим Аристотель показывает, какие способности и качества человека соответствуют высшему благу. Это – добродетели. Это его способность к произвольным, то есть определенным свободой его воли, действиям, благодаря чему он и может быть добродетельным. В учении о добродетелях раскрывается каким человек должен быть в отношении к высшему благу как нравственному идеалу. Определив должное отношение человека к самому себе, Аристотель показывает, какими должны быть его отношения с другими людьми. Этому, по сути, и посвящено его учение о дружбе. В завершение Аристотель возвращается к вопросу о высшем благе, представляя его как условие личного счастья, или блаженства человека, практически реализовавшего предначертанное природой – добродетельного, воздержанного и дружелюбного. Первое понимание дружбы охватывает самые разные отношения: между работодателем и должником; благотворителем и нуждающимся; родителями и детьми и. т.д.[1] Из этого видно, что в античности под дружбой понимаются всякие позитивные отношения между людьми, во всяком случае, добровольно устанавливаемые отношения.

Французский социолог Пьер Бурдьё рассматривал дружбу как ресурс, который можно использовать для достижения различных целей. Бурдьё утверждал, что друзья могут предоставить доступ к определенным ресурсам – будь то информация, помощь в профессиональной сфере или просто моральная поддержка. [2] Он подчеркивает, что дружеские связи могут играть важную роль в повышении шансов на успех и карьерный рост.

Эрвинг Гоффман сосредоточил внимание на том, как люди представляют себя в социальных взаимодействиях, включая дружеские отношения. По мнению Гоффмана, каждый из нас выступает в роли актера на социальной сцене, где взаимодействие происходит в рамках определенных контекстов. [3] Он подчеркивал, что люди стремятся контролировать впечатления, которые они производят на других, что включает в себя поведение и самопрезентацию в дружеских отношениях.

Как меняется дружба в современном мире? Прежде всего, современная дружба реализуется в мире постоянно развивающихся сетевых информационно-коммуникационных технологий. В современном мире социальные сети занимают одно из ключевых мест основы цифровизации экономики и сообщества, в связи с чем, их популярность и активность с каждым разом только возрастает.

Что является отличительными особенностями социальных сетей? Во-первых, в отличие, например, от форума, в социальной сети завуалирована и сведена к минимуму функция модератора. Социальная сеть развивается более стихийно и свободно. Лексика, адекватность высказываний и ценность размещаемых на страницах информации регулируется самими пользователями. Это одна из ключевых особенностей социальной сети, сами пользователи формируют ленту новостей, требования к публикациям, их лексику и тематику. Это свойство имеет свои положительные и отрицательные черты. С одной стороны, информация проверяется и дополняется множеством пользователей, с другой – неконтролируемая информация ведет к умножению ложных, непроверенных, недостоверных публикаций.

Во-вторых, пользователи социальной сети, как правило, имеют личный или реальный контакт. Многие пользователи сетей не имеют ни личных отношений, ни точек соприкосновения (по географическому, профессиональному, гендерному или возрастному статусу).

В-третьих, только социальная сеть позволяет человеку выстроить свой аккаунт (или собственный образ) в объеме характеристик. Пользователь заполняет развернутую анкету, где указывает, по желанию, интересы, контактные данные, место обучения, профессию, семейный статус и многое другое [4]. Можно указывать географические координаты дома, места учебы и работы. Таким образом, каждый пользователь получает в свое распоряжение удобную площадку для размещения реальной информации о себе и сам определяет меру откровенности по отношению к тем, кто будет просматривать его профиль.

Мануэль Кастельс подчеркивает, что сетевое общество характеризуется доступностью информации и глобальными коммуникациями, которые нарушают традиционные социальные структуры и создают сеть взаимодействий между людьми на новом уровне [5]. В этом контексте дружба становится более доступной и многообразной, так как люди могут поддерживать связи независимо от географического положения.

Канадская исследовательница К. Кадек проводит сравнительное исследование выстраивания дружбы офлайн и онлайн. [6] Кадек полагает, что цифровое пространство предоставляет не больше свободы для выстраивания отношений, чем традиционное общение. Концепция френдинга, по ее мнению, не эквивалентна дружбе офлайн ни по своим характеристикам, ни с точки зрения процесса формирования (доверие, симпатия, социальная и культурная близость, продолжительность).

Иначе подходит к рассмотрению понятия виртуальной дружбы К.Е. Трост. Он опирается на идею Ф. Кротца о «размывании» пространственных, временных и социальных (или ситуационных) границ социальными платформами применительно к феномену дружбы. [7] Работа Троста демонстрирует тот факт, что социальные сети позволяют общаться в любое время, в ситуации пространственной удаленности, а также имеют тенденцию к выстраиванию дружеского круга в социальной сети, компенсируя традиционную дружбу диадического типа. Трост также приходит к выводу, что цифровые платформы дают возможность преодолевать ситуационные ограничения при выстраивании дружеских

отношений. Таким образом, дружба в реальной жизни дополняется присутствием других друзей в Сети.

При этом «размывание» границ эволюционирует и, вероятно, еще не достигло своего пика. Анализируя изменения концепции дружбы у молодежи, Трост отмечает, что, даже протекая в Сети, она по-прежнему основана на принципах доверия, взаимопонимания и верности. Он констатирует, что концепция дружбы опосредованно отражает общество; иными словами, конкретные характеристики современного жизненного пространства, базирующегося на средствах массовой информации и коммуникации, воспроизводятся оффлайн. [8]

Отечественные социологи Бородина А.В., Тихонова А.С. на основе анализа разнообразных данных вторичных социологических исследований российской и региональной молодежи и материалов СМИ также отмечают, что цифровизация межличностных романтических и дружеских отношений молодых россиян несет противоречивые последствия, - и позитивные, и негативные. [9]

В ходе исследования трансформации дружбы в эпоху социальных сетей можно сделать несколько ключевых выводов, касающиеся того, как социально-сетевые платформы меняют структуру дружеских отношений. Прежде всего, происходит смещение акцента от долговременных, устойчивых связей к более ситуативным. Это связано с появлением новых ритуалов общения, таких как лайки, комментарии и сторисы, которые создают иллюзию постоянного взаимодействия, но не заменяют глубину настоящего общения. Вместо углубленных обсуждений и поддержки общение перерастает в поверхностный обмен, что может повлиять на чувство связи и поддержки среди друзей.

Выводы. Проанализировав теоретические подходы к изучению дружбы и цифровой коммуникации, изучив теории, касающиеся дружбы, проанализировав и выявив основные тенденции в изменении дружеских отношений среди молодежи, можно сделать вывод, что социальные сети действительно изменяют структуру и содержание дружеских отношений, создавая большую разницу между виртуальной и реальной дружбой. Но понимание новых форм дружбы поможет не только адаптироваться к изменяющемуся миру, но и стремиться к созданию более глубоких и поддерживающих связей в этом новом цифровом пространстве.

Библиографический список:

1. Аристотель Этика / Пер. Н.В. Брагинской, Т.А. Миллер; Ф.Х. Кессиди; Прим. Н.В. Брагинской. – М.: АСТ, 2004. – 492 с
2. Бурдые, П. (2019). Социальные структуры экономики. М.: Издательство «Новация». – с. 78.
3. Гоффман, Э. (2020). Представление себя в повседневной жизни. М.: Издательство «Эксмо». – с. 210.
4. Кускарова О.И. Социальные сети как новая форма коммуникации: добро или зло? // Архонт. 2022. №5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnye-seti-kak-novaya-forma-kommunikatsii-dobro-ili-zlo> (дата обращения: 12.11.2025).
5. Кастельс, М. (2019). Восход сетевого общества. М.: Весь мир, 2019. – с. 24.
6. Cadec K.V.E. L'amitié hors ligne et en ligne sur Facebook: mémoire de maîtrise. – Montréal: Univ. du Québec, 2014. Реф. ст.: Шрётер М., Кайлювайт Р.
7. Trost K.E. Soziale Onlinenetze und die Mediatisierung der Freundschaft: Eine qualitative Studie zur Bedeutung von Facebook für das Freundschaftskonzept Jugendlicher. – Baden-Baden: Nomos, 2013.
8. Ушкова Е.Л. Реф. Ст.: Шрётер М., Кайлювайт Р. Дружба онлайн: обзор исследований. // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11, Социология: Реферативный журнал. 2021. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ref-st-shryoter-m-kaylyuvayt-r-druzhba-onlayn-obzor-issledovaniy> (дата обращения: 12.11.2025).
9. Бородина А.В., Тихонова А. С. Особенности цифровизации практик межличностных и семейных отношений молодых россиян и ряд ее социальных последствий. // Вестник

УДК 316.1

**ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В РЕСПУБЛИКЕ БАШКОРТОСТАН:
ТЕНДЕНЦИИ, ВЫЗОВЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ**

**DEMOGRAPHIC PROCESSES IN THE REPUBLIC OF BASHKORTOSTAN: TRENDS,
CHALLENGES, AND DEVELOPMENT PROSPECTS.**

Агзамова Жасмин Рустамовна, студент кафедры социологии и работы с молодежью, направление 39.03.01 "Социология", 4 курс, ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий», Уфа, Россия, E-mail: zhasmin.agzamova.04@mail.ru

Кузнецова Альфия Рашитовна, доктор экономических наук, профессор кафедры социологии и работы с молодежью, ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий», Уфа, Россия. ORCID: 0000-0003-0273-4801 E-mail: alfia_2009@mail.ru

Agzamova Jasmin Rustamovna, student of the Department of Sociology and Youth Work, course 39.03.01 "Sociology", 4nd year, Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia, E-mail: zhasmin.agzamova.04@mail.ru

Kuznetsova Alfiya Rashitovna, Professor of the Department of Sociology and of work with Youth, Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia. ORCID: 0000-0003-0273-4801 E-mail: alfia_2009@mail.ru

Аннотация: В статье представлен комплексный анализ демографической ситуации в Республике Башкортостан на основе актуальных статистических данных. Рассматриваются основные тенденции: устойчивое сокращение численности населения, преобладание городского населения, старение демографической структуры, снижение рождаемости и высокий уровень естественной убыли. Особое внимание уделено миграционным процессам, половозрастной структуре, а также показателям младенческой и материнской смертности, которые демонстрируют положительную динамику благодаря развитию системы здравоохранения и реализации региональных программ поддержки. Выявлены ключевые вызовы: демографический дисбаланс, снижение коэффициента рождаемости ниже уровня воспроизводства, трансформация брачно-семейного поведения и отложенное создание семьи. Автор подчёркивает, что решение демографических проблем требует не только мер поддержки рождаемости, но и комплексной социальной политики, направленной на повышение качества жизни, создание условий для сочетания профессиональной и семейной реализации, а также укрепление института семьи. В заключение отмечается, что сохранение демографического потенциала региона зависит от эффективности государственной и региональной политики и формирования благоприятных социальных условий для семьи и рождения детей.

Ключевые слова: демографические процессы, численность населения, естественная убыль, рождаемость, смертность, миграция, половозрастная структура, урбанизация, старение населения, младенческая смертность, материнская смертность, брачно-семейное поведение, социальная политика.

Abstract: The article provides a comprehensive analysis of the demographic situation in the Republic of Bashkortostan based on current statistical data. The main trends are considered: a steady decline in the population, a predominance of urban population, an aging demographic structure, a decrease in the birth rate, and a high level of natural population decline. Special

attention is paid to migration processes, the sex and age structure, as well as infant and maternal mortality rates, which show positive dynamics due to the development of the healthcare system and the implementation of regional support programs. The author identifies key challenges: demographic imbalance, a decrease in the birth rate below the replacement level, transformation of marriage and family behavior, and delayed family formation. The author emphasizes that solving demographic problems requires not only measures to support fertility, but also comprehensive social policies aimed at improving the quality of life and creating conditions for

Keywords: demographic processes, population size, natural population decline, birth rate, death rate, migration, sex and age structure, urbanization, population aging, infant mortality, maternal mortality, marriage and family behavior, and social policy.

Демографические процессы оказывают фундаментальное влияние на социально-экономическое развитие любого региона. Численность населения, его возрастная структура, уровень рождаемости и смертности, миграционные потоки и особенности брачно-семейного поведения формируют демографический потенциал территории и во многом определяют её долгосрочные перспективы. Именно через демографические показатели можно проследить глубинные социальные трансформации, происходящие в обществе.

В современных условиях демографическая проблематика приобретает особую актуальность. Многие регионы России сталкиваются с комплексом взаимосвязанных вызовов: снижением рождаемости, ростом естественной убыли населения, старением демографической структуры и изменением семейных стратегий. Эти процессы имеют не только статистическое, но и социальное значение, поскольку они напрямую связаны с качеством жизни населения, экономическими условиями и ценностными ориентациями общества.

Республика Башкортостан является одним из крупнейших субъектов Российской Федерации по численности населения и уровню социально-экономического развития. Однако демографические процессы, происходящие в регионе, во многом отражают общероссийские тенденции. Несмотря на относительно высокий демографический потенциал, республика также сталкивается с проблемами сокращения численности населения, трансформации репродуктивного поведения и постепенного старения населения.

Целью данного исследования является анализ современной демографической ситуации в Республике Башкортостан на основе официальных статистических данных, а также выявление ключевых тенденций демографического развития региона. Одним из базовых показателей демографического развития является численность населения. По состоянию на 1 января 2025 года численность постоянного населения Республики Башкортостан составила 4 042 377 человек [13]. На первый взгляд данный показатель свидетельствует о значительном демографическом потенциале региона. Однако более детальный анализ показывает, что в последние годы наблюдается устойчивая тенденция сокращения численности населения. Так, по данным статистики, только в 2024 году население республики уменьшилось примерно на 18 тысяч человек [9].

Подобная динамика указывает на наличие демографического дисбаланса. Сокращение численности населения в значительной степени связано с естественной убылью – количество умерших превышает число родившихся. В долгосрочной перспективе подобные процессы могут оказывать влияние на рынок труда, систему социальной поддержки и экономическое развитие региона, поскольку уменьшается численность потенциального трудового населения. Важным аспектом демографической структуры является распределение населения между городскими и сельскими территориями. В Республике Башкортостан городское население составляет около 2,543 млн человек (62,85 %), тогда как сельское – около 1,503 млн человек (37,15 %). Таким образом, для региона характерно заметное преобладание городского населения [9].

Данная ситуация отражает продолжающиеся процессы урбанизации. Города традиционно выступают центрами экономической активности, образования, медицины и социальной инфраструктуры. Именно поэтому они становятся более привлекательными для проживания, особенно для молодежи и населения трудоспособного возраста. В результате сельские территории постепенно теряют часть населения, что может приводить к сокращению трудовых ресурсов и усилению социально-экономических диспропорций между городом и деревней.

Плотность населения Республики Башкортостан составляет 28,4 человека на квадратный километр [7]. Этот показатель характеризует регион как территорию с относительно умеренной плотностью расселения. С одной стороны, это связано со значительной площадью сельских территорий, с другой – с особенностями исторического и экономического развития региона. Невысокая плотность населения может создавать дополнительные вызовы для развития инфраструктуры и обеспечения равного доступа населения к социальным услугам.

Не менее важным показателем демографического развития является половозрастная структура населения, отражающая соотношение мужчин и женщин, а также распределение населения по возрастным группам. По данным официальной статистики, в Республике Башкортостан сохраняется характерное для большинства регионов России преобладание женского населения. Так, на начало 2024 года численность мужчин в регионе составила 1 920 890 человек (47,3 % населения), тогда как численность женщин достигла 2 143 471 человека (52,7 %) [12]. Подобное соотношение во многом объясняется более высокой продолжительностью жизни женщин и повышенной смертностью мужчин, особенно в трудоспособном возрасте. В результате гендерный дисбаланс наиболее выражен в старших возрастных группах населения.

Возрастная структура населения также демонстрирует важные демографические изменения. По состоянию на начало 2024 года численность населения моложе трудоспособного возраста составила 795 714 человек, трудоспособного возраста – 2 333 261 человек, а старше трудоспособного возраста – 936 286 человек [8]. Таким образом, основную часть населения региона составляет население трудоспособного возраста, что формирует важную основу экономического потенциала республики.

Однако значительная численность населения старших возрастных групп свидетельствует о постепенном развитии процессов демографического старения.

Подобная возрастная структура отражает общероссийскую демографическую тенденцию и указывает на постепенное увеличение демографической нагрузки на экономически активное население. В долгосрочной перспективе это может создавать дополнительные вызовы для системы социальной поддержки, здравоохранения и рынка труда.

Существенную роль в формировании численности населения играют миграционные процессы. В условиях естественной убыли населения миграция может выступать одним из механизмов частичной компенсации демографических потерь. Кроме того, миграция оказывает влияние на структуру рынка труда, этнокультурную среду и социально-экономическое развитие региона.

По официальным данным, значительную часть миграционных потоков в Республику Башкортостан составляют граждане стран ближнего зарубежья. В 2024 году наиболее многочисленной группой стали мигранты из Узбекистана – 37 155 человек (45,9 % всех мигрантов). Значительные потоки также наблюдаются из Таджикистана (14 341 человек), Казахстана (4 686), Азербайджана (4 014), Туркменистана (2 768), Кыргызстана (2 279), Армении (2 178) и Белоруссии (1 714). Среди стран с визовым режимом въезда наиболее заметными являются мигранты из Индии, Китая, Турции и Египта [4].

Несмотря на то, что миграционные процессы оказывают заметное влияние на демографическую структуру региона, их масштабы пока остаются недостаточными для

полного компенсирования естественной убыли населения. Тем не менее миграция играет важную роль в поддержании экономической активности, особенно в отдельных секторах рынка труда.

Ключевым индикатором демографического развития является естественное движение населения, включающее показатели рождаемости и смертности. По данным Федеральной службы государственной статистики по Республике Башкортостан, за январь–февраль 2025 года естественная убыль населения составила 3 585 человек. За этот период родилось 5 242 ребёнка, тогда как число умерших достигло 8 827 человек [3].

Подобное соотношение показателей свидетельствует о сохраняющемся демографическом спаде. Естественная убыль населения формируется не только за счёт снижения рождаемости, но и вследствие высокой смертности, особенно среди населения старших возрастных групп.

Особое значение для оценки демографического и социального развития региона имеют показатели младенческой и материнской смертности, поскольку они отражают не только состояние системы здравоохранения, но и общий уровень медицинской помощи матерям и детям. В последние годы в Республике Башкортостан наблюдается устойчивая тенденция снижения уровня младенческой смертности. По данным Министерства здравоохранения республики, за девять месяцев 2024 года показатель младенческой смертности составил 3,8 случая на 1000 родившихся, тогда как в 2023 году он составлял 3,9, а в 2022 году – 4,2 промилле [5]. Положительная динамика сохраняется и в дальнейшем: по итогам 11 месяцев 2025 года показатель снизился до 3,2 случая на 1000 родившихся, что на 18 % ниже, чем в предыдущем году [2]. Таким образом, уровень младенческой смертности в регионе достиг исторического минимума.

Снижение данного показателя во многом связано с развитием системы охраны материнства и детства, совершенствованием медицинского сопровождения беременности и родов, а также внедрением современных медицинских технологий. Существенную роль в этом процессе играет реализация региональных программ демографической политики. Так, на программу повышения рождаемости в Республике Башкортостан на 2025–2027 годы планируется направить 13,56 млрд рублей, из которых 5,13 млрд рублей предусмотрено в 2025 году, 4 млрд рублей – в 2026 году и 4,03 млрд рублей – в 2027 году [5]. Финансирование подобных программ направлено на развитие медицинской инфраструктуры, поддержку семей с детьми и повышение доступности медицинской помощи.

Не менее значимым показателем является уровень материнской смертности. По данным Министерства здравоохранения Республики Башкортостан, по итогам 2025 года в регионе не было зарегистрировано ни одного случая материнской смертности при родах, что свидетельствует о высокой эффективности системы медицинского сопровождения беременности [6]. Достигнутые результаты во многом обусловлены комплексной системой профилактических и организационных мер. В регионе осуществляется постоянный мониторинг состояния беременных женщин, особенно относящихся к группе социального риска. При необходимости органы власти и медицинские учреждения обеспечивают дополнительную поддержку, включая организацию транспортировки пациенток в медицинские учреждения и оказание материальной помощи.

Несмотря на позитивные изменения в сфере здравоохранения, одной из ключевых демографических проблем региона остаётся снижение рождаемости. По данным Единой межведомственной информационно-статистической системы, суммарный коэффициент рождаемости в декабре 2025 года составил 1,307. За год данный показатель снизился на 0,047 пункта [11].

Следует отметить, что данный уровень рождаемости значительно ниже уровня простого воспроизводства населения, который составляет примерно 2,1 ребёнка на одну женщину. Это означает, что в долгосрочной перспективе без значительного миграционного прироста численность населения региона будет продолжать сокращаться.

Существенное влияние на демографические процессы оказывают изменения в брачно-семейном поведении населения. В последние годы в России наблюдается трансформация моделей создания семьи: увеличивается возраст вступления в брак, меняются жизненные стратегии молодёжи, возрастает значение образования и профессиональной самореализации.

По данным органов государственной регистрации актов гражданского состояния, в 2025 году в Республике Башкортостан увеличился средний возраст вступления в брак. В настоящее время женщины вступают в брак в среднем в 33 года, а мужчины – в 35 лет [10]. Одновременно отмечается рост количества зарегистрированных браков: за первые одиннадцать месяцев 2025 года их число увеличилось на 2,6 % по сравнению с аналогичным периодом 2024 года [1].

Отложенное вступление в брак может быть связано с изменением жизненных приоритетов, экономическими факторами и стремлением к более устойчивому материальному положению перед созданием семьи. Подобные изменения также оказывают влияние на репродуктивное поведение населения, поскольку более позднее вступление в брак нередко сопровождается сокращением числа планируемых детей.

Проведённый анализ позволяет сделать вывод о том, что демографическая ситуация в Республике Башкортостан формируется под влиянием целого комплекса взаимосвязанных факторов и отражает как общероссийские тенденции, так и региональные особенности [14, 15, 16]. С одной стороны, в регионе сохраняется достаточно высокий демографический потенциал, выражающийся в значительной численности населения и относительно высокой доле населения трудоспособного возраста [17, 18, 19]. Положительной тенденцией также является развитие системы здравоохранения, что проявляется в устойчивом снижении младенческой смертности и крайне низком уровне материнской смертности.

Однако одновременно с этим сохраняются и серьёзные демографические вызовы [20, 21, 22]. Прежде всего, речь идёт о продолжающемся сокращении численности населения, обусловленном естественной убылью и снижением уровня рождаемости. Суммарный коэффициент рождаемости остаётся значительно ниже уровня простого воспроизводства населения, что в долгосрочной перспективе может привести к дальнейшему демографическому сокращению и усилению процессов старения населения. Миграционные процессы, хотя и оказывают определённое влияние на демографическую динамику, пока не способны полностью компенсировать данные потери.

Особое внимание заслуживают изменения в брачно-семейном поведении населения [21]. Увеличение возраста вступления в брак и трансформация жизненных стратегий молодёжи свидетельствуют о более широких социальных изменениях, происходящих в обществе. Семья и рождение детей всё чаще откладываются на более поздний период жизни, что неизбежно отражается на демографических показателях.

На наш взгляд, анализ демографической ситуации показывает, что демографические процессы нельзя рассматривать исключительно как совокупность статистических показателей [22, 23]. За изменениями в уровне рождаемости, миграции или брачности стоят более глубокие социальные процессы: экономическая нестабильность, изменение ценностных ориентаций молодёжи, трансформация семейных моделей и жизненных стратегий. Именно поэтому решение демографических проблем требует не только отдельных мер поддержки рождаемости, но и более комплексной социальной политики, направленной на повышение качества жизни населения, создание условий для сочетания профессиональной и семейной реализации, а также укрепление института семьи.

Таким образом, демографическое развитие Республики Башкортостан находится на этапе сложной трансформации. Сохранение демографического потенциала региона во многом будет зависеть от эффективности государственной и региональной политики, а также от того, насколько успешно удастся создать социальные условия, при которых создание семьи и рождение детей будут восприниматься населением не как риск, а как естественная и поддерживаемая обществом жизненная стратегия.

Список литературы:

1. В Башкирии вырос средний возраст вступающих в брак [Электронный ресурс] // Башинформ. URL: <https://www.bashinform.ru/news/social/2025-12-12/v-bashkirii-vyros-sredniy-vozrast-vstupayuschih-v-brak-4504217?ysclid=mmf5moycz716553656> (дата обращения: 05.03.2026).
2. В Башкирии за 2025 год родились более 27 тысяч детей [Электронный ресурс] // Новости Mail. URL: <https://news.mail.ru/society/69345370/> (дата обращения: 05.03.2026).
3. В Башкирии определили районы с высокой убылью населения [Электронный ресурс] // UfaTime.ru. URL: <https://ufatime.ru/news/185235-v-bashkirii-opredelili-rajony-s-vysokoj-ubylju-naselenija.html> (дата обращения: 05.03.2026).
4. Международная миграция: известно, жители каких стран чаще приезжают в Башкирию [Электронный ресурс] // UfaTime.ru. URL: <https://www.ufa.kp.ru/online/news/6370613/> (дата обращения: 05.03.2026).
5. Минздрав Башкирии заявил об историческом минимуме младенческой смертности [Электронный ресурс] // РБК Уфа. URL: <https://ufa.rbc.ru/ufa/30/06/2025/686247c79a7947399aa56ae1?ysclid=mmf5an166s996564272> (дата обращения: 05.03.2026).
6. Минздрав Башкирии раскрыл статистику смертности женщин при родах [Электронный ресурс] // UfaTime.ru. URL: <https://ufatime.ru/news/194517-minzdrav-bashkirii-raskryl-statistiku-smertnosti-zhenschin-pri-rodah.html> (дата обращения: 05.03.2026).
7. Официальный сайт полномочного представителя Президента Российской Федерации в Приволжском федеральном округе [Электронный ресурс]. URL: <https://pfo.gov.ru/district/BA/> (дата обращения: 05.03.2026).
8. Распределение населения по возрастным группам [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://02.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Raspredelenie-naseleniya-po-voznrastnym-grupnam.pdf> (дата обращения: 05.03.2026).
9. Росстат: население Башкирии в 2024 году сократилось на 18 тысяч человек [Электронный ресурс] // Коммерсантъ Уфа. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7477891> (дата обращения: 05.03.2026).
10. Стало известно, в каком возрасте чаще всего женятся в Башкирии [Электронный ресурс] // Башинформ. URL: <https://www.bashinform.ru/news/social/2024-07-07/stalo-izvestno-v-kakom-voznraсте-chasche-vsego-zhenyatsya-v-bashkirii-3838211> (дата обращения: 05.03.2026).
11. Суммарный коэффициент рождаемости в Башкирии в 2025 году снизился до 1,307 [Электронный ресурс] // Коммерсантъ. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/8364254> (дата обращения: 05.03.2026).
12. Численность мужчин и женщин (на начало года) [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://02.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Chislennost-muzhchin-i-zhenschin.pdf> (дата обращения: 05.03.2026).
13. Численность населения по муниципальным районам и городским округам Республики Башкортостан на 1 января 2025 года [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://02.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/CHislennost-naseleniya-po-municipalnym-rajonam-i-gorodskim-okrugam-Respubliki-Bashkortostan-na-1-yanvarya-2025-goda.pdf> (дата обращения: 05.03.2026).
14. Беспаяев, М. Е. Демографические процессы в Казахстане / М. Е. Беспаяев // Уфимский гуманитарный научный форум. – 2025. – № 1(21). – С. 66-76. – DOI 10.47309/2713-2358-2025-1-66-76. – EDN BPXVWF.

15. Кузнецова А.Р., Дегтярев А.Н. Демографическая динамика брачности и разводимости в контексте трансформации института семьи // Уфимский гуманитарный научный форум. 2026. №1. С. 236-249. DOI 10.47309/2713-2358-2026-1-236- 249.
16. Дегтярев, А.Н. Экономика невозвратных затрат: последствия и способы преодоления / А. Н. Дегтярев, А. Р. Кузнецова, И. В. Дегтярева // Уфимский гуманитарный научный форум. – 2025. – № 4(24). – С. 16-24. – DOI 10.47309/2713-2358-2025-4-16-24. – EDN OZQTLK.
17. Стоянов, А.С. Занятия спортом как фактор формирования стрессоустойчивости студентов / А.С. Стоянов, А. В. Китайка // Уфимский гуманитарный научный форум. – 2025. – № 1(21). – С. 317-337. – DOI 10.47309/2713-2358-2025-1-317-337. – EDN ISISLN.
18. Гайфуллин, А.Ю. Мотивация профессионального развития выпускников направления «Организация работы с молодежью»: социологический анализ / А. Ю. Гайфуллин // Уфимский гуманитарный научный форум. – 2025. – № 2(22). – С. 210-225. – DOI 10.47309/2713-2358-2025-2-210-225. – EDN IBNSGB.
19. Кузнецов, А.И. Темпы миграционной активности и рождаемости населения в Республике Башкортостан / А. И. Кузнецов, А. И. Ахметьянова // Уфимский гуманитарный научный форум. – 2025. – № 4(24). – С. 415-423. – DOI 10.47309/2713-2358-2025-4-415-423. – EDN MCSBDS.
20. Мигунова, Ю.В. Условия образования в современной школе глазами учеников Республики Башкортостан / Ю. В. Мигунова, Г. Р. Зарипова // Уфимский гуманитарный научный форум. – 2025. – № 3(23). – С. 171-181. – DOI 10.47309/2713-2358-2025-3-171-181. – EDN WLLFCO.
21. Орешников, В. В. Качество прогнозирования экономико-демографических процессов в рамках задачи стратегического управления регионом / В. В. Орешников // Уфимский гуманитарный научный форум. – 2025. – № 4(24). – С. 233-242. – DOI 10.47309/2713-2358-2025-4-233-242. – EDN YKBWJI.
22. Ходячих, С. С. Социальная адаптация и интеграция мигрантов: региональный аспект / С. С. Ходячих // Уфимский гуманитарный научный форум. – 2025. – № 1(21). – С. 338-355. – DOI 10.47309/2713-2358-2025-1-338-355. – EDN XPGFAY.
23. Беспаяев, М. Е. Демографические процессы в Казахстане / М. Е. Беспаяев // Уфимский гуманитарный научный форум. – 2025. – № 1(21). – С. 66-76. – DOI 10.47309/2713-2358-2025-1-66-76. – EDN BPXVWF.

УДК 316.012:929

ВКЛАД ХАРРИЕТ МАРТИНО В СТАНОВЛЕНИЕ СОЦИОЛОГИИ КАК НАУКИ HARRIET MARTINO'S CONTRIBUTION TO THE FORMATION OF SOCIOLOGY AS A SCIENCE

Агзамова Жасмин Рустамовна, студент кафедры социологии и работы с молодежью, направление 39.03.01 "Социология", 4 курс, ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий», Уфа, Россия, E-mail: zhasmin.agzamova.04@mail.ru

Научный руководитель – Шарипов Азамат Ражапович, кандидат философских наук, доцент кафедры социологии и работы с молодежью, Высшей школы философии и социологии, ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий», Уфа, Россия, E-mail: a.r.sharip@mail.ru

Agzamova Jasmin Rustamovna, student of the Department of Sociology and Youth Work, course 39.03.01 "Sociology", 4th year, Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia, E-mail: zhasmin.agzamova.04@mail.ru

Scientific supervisor - Sharipov Azamat Razhapovich, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of the Department of Sociology and Youth Work, Higher School of Philosophy and Sociology, Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia, E-mail: a.r.sharip@mail.ru

Аннотация: В статье анализируется вклад Харриет Мартино в становление социологии как самостоятельной науки. Авторы отмечают, что долгое время её творчество оставалось вне классического социологического канона, что во многом было обусловлено гендерными ограничениями XIX века. В работе рассматриваются теоретические и методологические идеи Мартино, её подход к эмпирическим исследованиям, а также критика гендерного неравенства и анализ социальных институтов. Особое внимание уделяется её вкладу в развитие принципов систематического наблюдения, использованию различных методов сбора и анализа данных, а также значению повседневных практик как объекта социологического анализа. Подчёркивается, что многие идеи Мартино предвосхитили развитие современной социологии и феминистской теории.

Ключевые слова: социология, Харриет Мартино, гендерное неравенство, эмпирические методы, социальные институты, история социологии, феминистская теория.

THE CONTRIBUTION OF HARRIET MARTINEAU TO THE DEVELOPMENT OF SOCIOLOGY AS A SCIENCE

Abstract: The article analyzes the contribution of Harriet Martineau to the establishment of sociology as an independent science. The authors note that for a long time her work remained outside the classical sociological canon, largely due to the gender restrictions of the 19th century. The paper examines Martineau's theoretical and methodological ideas, her approach to empirical research, as well as her critique of gender inequality and analysis of social institutions. Particular attention is paid to her contribution to the development of systematic observation principles, the use of various methods of data collection and analysis, and the significance of everyday practices as an object of sociological analysis. It is emphasized that many of Martineau's ideas anticipated the development of modern sociology and feminist theory.

Keywords: sociology, Harriet Martineau, gender inequality, empirical methods, social institutions, history of sociology, feminist theory.

Введение. История социологии традиционно представляется через призму классического канона, в рамках которого ключевая роль отводится таким мыслителям, как Огюст Конт, Эмиль Дюркгейм и Макс Вебер. Вместе с тем подобная интерпретация носит ограниченный характер, поскольку исключает или существенно недооценивает вклад ряда исследователей, в том числе женщин, чьи идеи сыграли значимую роль в формировании социологического знания.

Одной из таких фигур является Харриет Мартино, чьё творчество долгое время находилось вне поля внимания социологической науки. Несмотря на широкую известность при жизни, её работы не были включены в число классических, что во многом связано с гендерными ограничениями, существовавшими в научном сообществе XIX века. Лишь в XX–XXI веках в рамках развития гендерных исследований и пересмотра истории социологии началась переоценка её интеллектуального наследия.

Актуальность обращения к идеям Мартино обусловлена необходимостью более полного и объективного понимания процессов становления социологии как науки. Её работы охватывают широкий круг проблем, включая методологию социологического исследования, анализ социальных институтов, изучение повседневных практик и гендерного неравенства. При этом Мартино не только развивала теоретические положения, но и активно применяла эмпирические методы, что позволяет рассматривать её как одного из ранних представителей эмпирической социологии.

Целью данной статьи является анализ вклада Харриет Мартино в развитие социологической мысли. Особое внимание уделяется её теоретическим и методологическим идеям, а также их значению для формирования социологии как самостоятельной научной дисциплины.

Харриет Мартино (1802–1876) родилась в Англии в семье, связанной с текстильным производством. Уже в начале 1820-х годов она начала публиковаться в периодической печати. Существенный перелом в её жизни произошёл, когда семейное предприятие обанкротилось: Мартино была вынуждена самостоятельно обеспечивать себя и своих близких, что означало отказ от традиционных гендерных ролей, характерных для того времени. Писательская деятельность стала для неё не только источником дохода, но и формой самореализации. В автобиографии она подчёркивала, что именно активная интеллектуальная работа позволила ей ощущать полноту жизни, “по-настоящему жить, а не прозябать” [1]. Её деятельность не ограничивалась журналистикой: Мартино создавала как художественные, так и научные тексты. Одним из первых значимых произведений стала работа «Иллюстрации политической экономии» (1832) [3], направленная на популяризацию идей Адам Смит. Эта книга принесла ей широкую известность и закрепила её репутацию как серьёзного мыслителя.

Несмотря на признание при жизни, в научной традиции её вклад долгое время оставался недооценённым. В российской науке интерес к Мартино сформировался лишь в XX веке, где её начали рассматривать не только как писательницу и журналистку, но и как экономиста и социолога. В западной социологии её имя также долго не включалось в число основателей дисциплины. Современные исследователи, особенно в рамках феминистской теории, связывают это с гендерными предубеждениями, из-за которых её работы на протяжении длительного времени игнорировались.

Даже сегодня значимость её идей признаётся не всеми, хотя при жизни она пользовалась широкой известностью. Сама Мартино отмечала, что гендерное неравенство существенно ограничивало её исследовательские возможности, в частности, в сфере сбора эмпирических данных. Лишь в XX веке её имя получило более широкое распространение в социологическом дискурсе благодаря работам таких авторов, как Энтони Гидденс [9], Джордж Ритцер [6] и Сергей Кравченко [11], которые подчёркивали её значительный вклад в развитие социологии.

Особое значение имеет тот факт, что ещё до публикации «Курса позитивной философии» Огюст Конт Мартино высказывала идеи о необходимости включения науки об обществе в систему общего образования. При этом она рассматривала «политическую экономию» как основу для понимания как материальной, так и духовной жизни общества. Кроме того, Мартино первой перевела “Курс позитивной философии” с французского на английский, сократив объём с шести до двух томов. Книга получила название «Позитивная философия Огюста Конта» [5], этот перевод увидел свет в 1853 году и был дополнен её собственным критическим анализом, что сделало текст доступным для англоязычной аудитории. Огюст Конт остался доволен работой и, с согласия Мартино, издал её на французском языке.

Методологический подход Мартино отличался комплексностью: она сочетала элементы позитивизма с гуманистической перспективой. С одной стороны, она настаивала на необходимости объективного анализа социальных фактов, с другой – подчёркивала важность понимания смыслов, которые сами люди вкладывают в социальные явления. Для достижения более полного знания об обществе она предлагала использовать разнообразные методы: анализ документов и статистики, наблюдение, а также интервью. Особое внимание уделялось необходимости изучения различных социальных групп – представителей разных классов, возрастов и полов.

Мартино также внесла вклад в разработку методологии социологического исследования. Она подчёркивала значимость предварительного планирования, формулирования целей и задач, а также систематического сбора и фиксации данных. В её работах можно найти рекомендации по ведению полевых наблюдений, включая необходимость регулярных записей, фиксации не только фактов, но и контекста, а также субъективных впечатлений исследователя. Многие из её идей предвосхищают современные принципы социологического анализа, такие как использование нескольких методов (триангуляция), проблема репрезентативности и этическая ответственность исследователя.

В теоретическом плане Мартино интересовали вопросы социального развития, прогресса, функционирования социальных институтов, природы морали и неравенства. В отличие от многих представителей раннего позитивизма, ориентированных на поиск универсальных законов, она уделяла больше внимания конкретным обществам и повседневным практикам. Благодаря возможности путешествовать она собирала обширный эмпирический материал, что позволило ей анализировать различные культурные контексты и формы социальной организации [10].

Мартино развивала не только теорию, но и практику социологии. Как мыслительницу её привлекали вопросы эволюции общества, прогресса, функционирования институтов, “универсальные законы” развития (актуальные для позитивистов вроде Конта и Спенсера), сущность морали, формы социального неравенства и пути реформирования общества.

Её взгляд на общество выделялся уникальным восприятием социальной реальности и свежим подходом к проблемам. Занимаясь эмпирическими исследованиями, Мартино много путешествовала, что позволяло собирать обширный фактический материал по социальным вопросам. Это открывало возможности для анализа институтов в разных культурах, изучения реального неравенства, формирования моральных норм, экономического роста под влиянием историко-культурных условий. В отличие от современников, Мартино не стремилась описать общество в целом: её интересовали конкретные общества (Англия, США, Ближний Восток). Если позитивисты искали универсальные законы прогресса, то для неё приоритет имело исследование повседневной жизни, моделей взаимодействия людей в их культурно-исторической специфике.

Развивая эмпирическую социологию, Мартино самостоятельно проводила полевые работы с использованием качественных приёмов и сравнительного метода. Несколько книг посвящены этой тематике, включая “Эссе об искусстве мыслить” (1830) и “Как наблюдать мораль и манеры” (1838) [2]. В 1838 году она систематизировала принципы эмпирического подхода: правила наблюдения, сбор данных, обеспечение репрезентативности, сравнение, эксперимент, выбор индикаторов, анализ вторичных источников, классификацию, учёт погрешностей. Мартино настаивала на обязательном планировании – то, что сейчас называют исследовательской программой, – с чёткими целями, подбором материалов и системной фиксацией наблюдений.

Некоторые историки социологического знания отмечают скептическое отношение Х. Мартино к мужскому видению мира, нежелание признавать его в качестве “универсального”, к сложившейся в социальных науках так называемой мужской монополии. Творчество английской исследовательницы действительно позволяет говорить о её социально-критическом подходе к изучению общества и большом значении проблемы дискриминации женщин в современном ей обществе. Социологию Мартино можно рассматривать как феминистскую, положившую начало женским исследованиям и общей социально-критической направленности мышления в науке, в некоторой степени оппозиционной социологическому канону.

Особую популярность обрела книга “Общество в Америке” (1837) [4], где Мартино не только употребляет термин “социология”, но и изучает социальные проблемы через призму гендерного неравенства. Она анализировала брачно-семейные отношения в США, показывая подчинённое положение женщин и патерналистские черты в отношениях полов. Методологическая особенность – требование изучать “частную жизнь общества”, без чего невозможно понять его целиком. Мартино фокусировалась на практиках гостеприимства, хозяйства, воспитания детей, сексуальности, чтобы раскрыть культурно-исторический фон и типологию обществ. Исследование Америки привело её к выводу о различиях в мужском и женском восприятии: свободы, демократии, счастья, тревог. Эти идеи предвосхищают женские исследования и феминистскую теорию.

Проблема гендерного неравенства в её работах тесно связана с концепцией социального прогресса. В качестве критериев развития общества она выделяла уровень морального

благополучия, степень экономического развития, уровень свободы индивидов, условия жизни социально зависимых индивидов (расовые меньшинства, женщины, заключенные, больные); степень возможности самостоятельно осуществлять практические действия и моральные акты. Самым важным законом социальной жизни, как утверждает Мартино, является движение к человеческому счастью. Главным законом социальной динамики она считала движение к счастью человечества. Цель общества – счастье большинства, понимаемое как отсутствие доминирования, принуждения, насилия. Достичь этого можно не революцией, а градуальными реформами и эволюцией [7].

Особое место в её исследованиях занимала проблема образования, прежде всего женского. Мартино утверждала, что различия в интеллектуальных возможностях мужчин и женщин обусловлены не природными факторами, а социальными условиями, включая особенности воспитания и ограниченный доступ женщин к образованию. Таким образом, она одной из первых обратилась к анализу социализации как ключевого механизма воспроизводства неравенства.

Харриет Мартино последовательно выступала против представлений о том, что образование для женщин является избыточным или не имеющим практической ценности. Напротив, она подчёркивала, что высокий уровень образования оказывает положительное влияние не только на общественную, но и на частную сферу жизни. По её мнению, образованные женщины способны более рационально организовывать домашнее хозяйство, а также эффективнее участвовать в воспитании и обучении детей.

Мартино критиковала распространённое в её время убеждение о том, что основное предназначение женщины заключается исключительно в замужестве. Она настаивала на необходимости расширения жизненных возможностей для женщин, включая право самостоятельно определять свои цели и выбирать различные сферы деятельности. Анализируя экономическую сторону общественной жизни, исследовательница выявляла структурные причины, обусловившие необходимость распространения женского образования, показывая его связь с социально-экономическими изменениями.

Существенным вкладом Мартино является также рассмотрение взаимосвязи между системой образования, рынком труда и трансформациями занятости. В своих исследованиях она фиксировала новую социальную тенденцию – рост числа женщин, ориентированных на профессиональную самореализацию. При этом семейные роли не утрачивают значения, однако образование и возможность трудовой деятельности за пределами дома начинают рассматриваться как важные жизненные ресурсы.

Как эмпирически ориентированный исследователь, Мартино опиралась на конкретные данные, включая материалы переписей населения Англии. На их основе она анализировала демографические процессы, обращая внимание на снижение уровня брачности, рост числа разводов, увеличение возраста вступления в брак, а также на дисбаланс между числом женщин и мужчин брачного возраста [8]. Кроме того, она выявила значительный разрыв в оплате труда между мужчинами и женщинами.

Обобщая результаты своих наблюдений, Мартино выступала с последовательной критикой гендерного неравенства и отстаивала необходимость обеспечения женщинам равного доступа к образованию и профессиональной деятельности.

Таким образом, анализ работ Харриет Мартино позволяет сделать вывод о её значительном вкладе в становление социологии как науки. Мартино выступала не только как популяризатор идей классического позитивизма, но и как самостоятельный теоретик и методолог, предложивший оригинальный подход к изучению общества. Её концепции отличались сочетанием эмпирической направленности и стремления к теоретическому осмыслению социальных процессов. Важным достижением Мартино стало развитие принципов систематического наблюдения, использование различных методов сбора и анализа данных, а также внимание к повседневной жизни как значимому объекту социологического исследования. Многие из предложенных ею идей предвосхитили развитие

современной социологии, включая использование комплексных методов исследования, проблему репрезентативности и этические аспекты научной деятельности. Особое значение имеет её вклад в анализ гендерного неравенства и критическое осмысление социальных институтов. Мартино одной из первых обратила внимание на социальную обусловленность различий между мужчинами и женщинами, а также на необходимость расширения прав и возможностей женщин, включая доступ к образованию и профессиональной деятельности. В этом контексте её работы можно рассматривать как важный этап в становлении феминистской социологии. В целом творчество Мартино демонстрирует альтернативную линию развития социологической мысли, которая долгое время оставалась вне классического канона. Обращение к её наследию позволяет не только дополнить историю социологии, но и углубить понимание её теоретических и методологических оснований.

Литература

1. Martineau H. Harriet Martineau's autobiography. Boston, 1877. URL: https://oll-resources.s3.us-east-2.amazonaws.com/oll3/store/titles/2011/Martineau_1385.01_Bk.pdf (accessed: 25.01.2022); https://oll-resources.s3.us-east-2.amazonaws.com/oll3/store/titles/2012/Martineau_1385.02_Bk.pdf (accessed: 22.04.2026).
2. Martineau H. How to observe morals and manners. L., 1838. URL: http://www.archive.org/stream/howtoobservemora00martuoft/howtoobservemora00martuoft_djvu.txt (accessed: 22.04.2026).
3. Martineau H. Illustrations of political economy. L., 1832. URL: https://oll-re-sources.s3.us-east-2.amazonaws.com/oll/store/titles/1690/1299.02_Bk.pdf (accessed: 22.04.2026).
4. Martineau H. The positive philosophy of Auguste Comte. L., 1853. URL: <https://ia802605.us.archive.org/28/items/positivephiloso03martgoog/positivephiloso03martgoog.pdf> (accessed: 22.04.2026).
5. Ritzer G. Blackwell companion to major social theorists. Oxford, 2000. P. 4168. URL: <https://ia600202.us.archive.org/2/items/TheBlackwellCompanionToMajorClassicalSocialTheoristsGeorgeRitzerUploadedByUniver/The%20Blackwell%20Companion%20to%20Major%20Classical%20Social%20Theorists%20George%20Ritzer%20Uploaded%20by%20University%20of%20Sargodha...Taimoor%20Ali.pdf> (accessed: 22.04.2026).
6. Батуренко Светлана Алексеевна НАЧАЛО ЕВРОПЕЙСКОЙ ФЕМИНИСТСКОЙ СОЦИОЛОГИИ: ХАРРИЕТ МАРТИНО // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2022. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nachalo-evropeyskoy-feministskoy-sotsiologii-harriet-martino> (дата обращения: 22.04.2026).
7. Вишневский Ю.Р. Проблемы образования и воспитания в творчестве первой женщины-социолога Г. Мартино // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2014. № 2. С. 14-27.
8. Гидденс Э. Социология / Энтони Гидденс при участии Карен Бердсолл; [пер. с англ.: А. В. Берков и др.]. – 2-е изд., выполн. по 4-му англ. изд., полностью перераб. и доп. – М.: URSS, Едиториал УРСС, 2005. – 629 с.: ил., портр., карт., табл. – 24 см. – ISBN 5-354-01093-4. – 28 С.
9. Канаш И.В. Гарриет Мартино: роль и значение в истории западной социологии // Социологическая наука и образование: состояние, проблемы и перспективы развития: материалы международной научной конференции, посвященной 20-летию институционализации социологического образования в Беларуси, открытию отделения и кафедры социологии в Белорусском государственном университете, Минск, 4-5 ноября 2009 г. / Отв. ред. А.Н. Данилов. Минск, 2010. С. 81-84.
10. Кравченко, С. А. Социология. Классические социологические теории: учебник для вузов / С. А. Кравченко. – Москва: Издательство Юрайт, 2026. – 448 с. – 105 С. (Высшее образование). – ISBN 978-5-534-18736-6. – Текст: электронный // Образовательная

УДК 316.4:339.1

**ВЕЧЕРНИЙ ШОПИНГ: ВРЕМЕННЫЕ ПАТТЕРНЫ И ЭМОЦИОНАЛЬНЫЕ
ТРИГГЕРЫ ОНЛАЙН-ПОКУПАТЕЛЕЙ**

**EVENING SHOPPING: TEMPORAL PATTERNS AND EMOTIONAL TRIGGERS
OF ONLINESHOPPERS**

Андриянова Татьяна Сергеевна, студент кафедры социологии и работы с молодежью, направление 39.03.01 "Социология", 5 курс, ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий», Уфа, Россия, E-mail: tanya.andriyanova.03@mail.ru

Кузнецова Альфия Рашитовна, доктор экономических наук, профессор кафедры социологии и работы с молодежью, ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий», Уфа, Россия. ORCID: 0000-0003-0273-4801 E-mail: alfia_2009@mail.ru

Andriyanova Tatiana Sergeevna, student of the Department of Sociology and Youth Work, course 39.03.01 "Sociology", 5nd year, Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia, , E-mail: tanya.andriyanova.03@mail.ru

Kuznetsova Alfiya Rashitovna, Professor of the Department of Sociology and of work with Youth, Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia. ORCID: 0000-0003-0273-4801 E-mail: alfia_2009@mail.ru

Аннотация. В статье исследуется взаимосвязь между временем совершения онлайн-покупок и эмоционально-психологическими факторами потребительского поведения. На основе онлайн-опроса (N=151, 74,8% женщин) установлено, что свыше 68% покупок совершается в вечернее и ночное время – период, связанный с усталостью и снижением самоконтроля. Выявлено, что «вечерние» покупатели демонстрируют более высокую склонность к импульсивным покупкам и использованию шопинга как способа регуляции настроения. При этом большинство респондентов (53,6%) признают влияние акций и скидок, но совершают покупки осознанно, что свидетельствует о наличии защитных механизмов [7, с. 51]. Делается вывод о том, что вечерний шопинг представляет собой особый поведенческий паттерн, требующий учета при разработке маркетинговых стратегий и программ финансовой грамотности.

Abstract. The article examines the relationship between the time of online purchases and the emotional and psychological factors of consumer behavior. Based on an online survey (N=151, 74.8% women), it was found that over 68% of purchases are made in the evening and at night – a period associated with fatigue and reduced self-control. It was revealed that “evening” shoppers demonstrate a higher tendency to impulsive purchases and the use of shopping as a way of mood regulation [2, с. 73]. At the same time, the majority of respondents (53.6%) recognize the influence of promotions and discounts, but make purchases consciously, which indicates the presence of protective mechanisms [7, с. 51]. It is concluded that evening shopping is a special behavioral pattern that needs to be taken into account when developing marketing strategies and financial literacy programs.

Ключевые слова: потребительское поведение, онлайн-шопинг, временные паттерны, вечерние покупки, импульсивность, шопинг-терапия, самоконтроль, эмоциональные триггеры.

Keywords: consumer behavior, online shopping, temporal patterns, evening shopping, impulsivity, shopping therapy, self-control, emotional triggers.

Введение

Современная цифровая среда стерла временные границы для совершения покупок. Маркетплейсы работают круглосуточно, акции запускаются в любое время, а уведомления о скидках приходят даже ночью. Объем рынка интернет-торговли по итогам 2022 года вырос на 66%, составив свыше 500 млрд рублей [3, с. 69]. Это создает принципиально новую ситуацию: потребитель может купить товар в любое время суток, и выбор этого времени не случаен.

Вопрос о том, когда люди предпочитают совершать онлайн-покупки, долгое время оставался на периферии социологических исследований потребительского поведения. Между тем, время суток связано с физиологическими ритмами, уровнем усталости, эмоциональным состоянием и, как следствие, со способностью к самоконтролю и рациональному принятию решений.

Цель настоящей статьи – выявить взаимосвязь между временем совершения онлайн-покупок и эмоционально-психологическими факторами: импульсивностью, склонностью к «шопинг-терапии» и восприимчивостью к маркетинговым стимулам.

Теоретическую базу исследования составляют концепции самоконтроля, согласно которым когнитивные ресурсы человека истощаются в течение дня, что ведет к снижению способности противостоять искушениям. Кроме того, исследование опирается на теорию регуляции настроения, согласно которой люди используют потребление для коррекции эмоционального состояния. Как отмечает Е.В. Валиуллина, «люди, склонные к ониомании, могут использовать деньги как "лекарство" от хандры и депрессии» [2, с. 73].

Методология исследования

Эмпирическую базу составил онлайн-опрос, проведенный в 2026 году (N=151, 74,8% женщин). Выборка отражает структуру активной аудитории маркетплейсов, где женщины традиционно доминируют в категориях одежды, обуви и косметики.

Анализировались ответы на следующие вопросы:

- Вопрос 13 – время суток совершения покупок
- Вопрос 26 – частота импульсивных покупок
- Вопрос 29 – покупки для поднятия настроения
- Вопрос 18 – влияние акций и скидок
- Вопрос 12 – средние траты
- Вопрос 14 – категории товаров

Результаты исследования

Рассмотрим временные паттерны онлайн-покупок. Распределение ответов на вопрос 13 показало, что пик покупательской активности приходится на вечернее время: 80 респондентов (53,0%) выбирают вечер, еще 23 человека (15,2%) – ночь. Дневные покупки совершают 33 человека (21,9%). Утренние покупки практически отсутствуют (3 человека, 2,0%). Таким образом, свыше 68% всех онлайн-покупок совершаются в вечерне-ночной период.

Этот результат можно интерпретировать как проявление «эффекта вечерней усталости». К концу дня когнитивные ресурсы человека истощаются, самоконтроль ослабевает, и покупка становится способом получения быстрого удовольствия или снятия стресса, а не рационально взвешенным решением.

Если изучить импульсивность и время покупок, то анализ вопроса 26 показал, что только 10 респондентов (6,6%) часто совершают импульсивные покупки. Основная масса – 42 человека (27,8%) делают это иногда, а 71 человек (47,0%) – редко. Как отмечает К. Ребрик, «люди, подверженные FOMO, чаще совершают покупки под воздействием эмоций, а не рациональных размышлений» [7, с. 51]. Однако наши данные показывают, что большинство респондентов сохраняют рефлекссию.

Важно отметить, что среди тех, кто покупает вечером и ночью, доля импульсивных покупателей выше, чем среди дневных. Это подтверждает гипотезу о том, что вечернее время провоцирует спонтанные решения.

Вопрос 29 показал, что 26 респондентов (17,2%) часто покупают для поднятия настроения, 46 человек (30,5%) – иногда. Таким образом, почти половина опрошенных (47,7%) используют онлайн-шопинг как инструмент эмоциональной регуляции. Это полностью согласуется с концепцией «шопинг-терапии», согласно которой покупки выполняют компенсаторную функцию [2, с. 73].

Интересно, что среди вечерних покупателей доля тех, кто покупает для настроения, выше, чем среди дневных. Вечер – время, когда человек остается один на один со своими мыслями и эмоциями, и шопинг становится доступным способом «поднять себе настроение».

Вопрос 18 дал неожиданный результат. Всего 29 респондентов (19,2%) ответили, что акции провоцируют их на частые ненужные покупки. Абсолютное большинство – 81 человек (53,6%) – признают влияние акций, но совершают покупки осознанно. Еще 34 человека (22,5%) заявили, что акции на них не влияют.

Это говорит о высоком уровне рефлексии у большинства потребителей. Они понимают, что акции – это маркетинговый инструмент, и не поддаются ему бездумно. Однако сам факт признания влияния («да, но осознанно») показывает, что полностью игнорировать акции не удастся даже самым критичным покупателям. Как отмечает К. Ребрик, «маркетинговые кампании, направленные на создание ощущения ограниченности товара, увеличивают конверсию продаж в среднем на 30%» [7, с. 51].

Анализ вопроса 14 показал, что наиболее популярные категории – «Женщинам» (упоминается в 40+ комбинациях), «Одежда/обувь», «Косметика/парфюмерия», «Товары для дома/быта». Это традиционные «импульсные» категории, покупка в которых часто не является строго необходимой. Исследования показывают, что женщины более склонны к социальному сравнению и поиску поддержки [4, с. 17], что может объяснять их доминирование в выборке.

Важно, что именно эти категории доминируют в вечерних покупках. Вечером люди реже покупают «нужное» (бытовая техника, лекарства) и чаще – «приятное» (косметика, украшения, подарки). Это дополнительное подтверждение эмоциональной природы вечернего шопинга.

Обсуждение результатов

Полученные данные позволяют говорить о формировании особого поведенческого паттерна – «вечернего шопинга». Его ключевые характеристики:

1. Временная привязка – пик активности приходится на вечерние и ночные часы (свыше 68% покупок).
2. Эмоциональная мотивация – значительная доля покупок совершается для поднятия настроения (47,7%) [2, с. 73].
3. Сниженный самоконтроль – вечерние покупатели более импульсивны, чем дневные.
4. Рефлексивность – большинство (53,6%) осознают влияние маркетинговых стимулов, но не могут им полностью противостоять [7, с. 51].

Эти результаты имеют практическое значение для маркетологов (оптимизация времени рассылок и акций) и для программ финансовой грамотности (обучение осознанному потреблению в «часы риска»).

Заключение

Исследование показало, что время совершения онлайн-покупок не является случайным параметром. Вечерний шопинг – это особая поведенческая стратегия, связанная с эмоциональной регуляцией и снижением самоконтроля. При этом большинство потребителей сохраняют рефлексивность и не поддаются маркетинговым стимулам бездумно [7, с. 51].

Перспективы дальнейших исследований связаны с более глубоким анализом связи между временем покупок и психофизиологическими состояниями (усталость, стресс), а также с разработкой практических рекомендаций для «часов риска».

Библиографический список

1. Арискина М. В. Влияние социальных сетей на проявление FOMO-эффекта у студентов / М. В. Арискина // Триумвират науки: социальное и гуманитарное знание. 2024. Т. 1, № 3. С. 17-25.
2. Валиуллина Е. В. Аддиктивные формы поведения: ониомания / Е. В. Валиуллина // Вестник общественных и гуманитарных наук. 2021. Т. 2, № 4. С. 71-74.
3. Затонская В. А. Маркетплейсы в России и мире: современное состояние и перспективы / В. А. Затонская, А. О. Атрошенко, И. А. Жаркова, И. А. Соловьева // Умные технологии в современном мире. Челябинск: ЮУрГУ, 2024. С. 67-72.
4. Кравченко В. И. Синдром упущенной выгоды (FOMO) как проблема социализации современной молодежи / В. И. Кравченко // Миссия конфессий. 2025. Т. 14, № 1(82). С. 56-64.
5. Ребрик К. Феномен FOMO (Fear of Missing Out) в маркетинге и его влияние на покупки / К. Ребрик // Студенческий научный форум 2025. Пенза: Наука и Просвещение, 2025. С. 50-52.
6. Сухостав Е. В. Отзывы глазами потребителя: механизмы восприятия и влияние на покупательские решения / Е. В. Сухостав // Экономика и бизнес: теория и практика. 2025. № 9(127). С. 143-147.
7. Ульянова Е. Н. Социально-психологическая основа FOMO-маркетинга / Е. Н. Ульянова, В. С. Цымбал // Динамика медиасистем. 2025. Т. 5, № 1. С. 848-859.
8. Шуканова Р. Р. Когнитивные искажения в цифровом мире: как молодежь воспринимает онлайн-отзывы и принимает решения о покупке / Р. Р. Шуканова // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2024. № 4(16). С. 144-148.

УДК 316.4:339.1

ПЕРЦЕПЦИЯ ДОСТОВЕРНОСТИ ОТЗЫВОВ И ЕЁ РОЛЬ В ПРИНЯТИИ РЕШЕНИЙ О ПОКУПКЕ ОНЛАЙН

PERCEPTION OF THE CREDIBILITY OF REVIEWS AND ITS ROLE IN MAKING ONLINE PURCHASE DECISIONS

Андриянова Татьяна Сергеевна, студент кафедры социологии и работы с молодежью, направление 39.03.01 "Социология", 5 курс, ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий», Уфа, Россия, E-mail: tanya.andriyanova.03@mail.ru

Кузнецова Альфия Рашитовна, доктор экономических наук, профессор кафедры социологии и работы с молодежью, ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий», Уфа, Россия. ORCID: 0000-0003-0273-4801 E-mail: alfia_2009@mail.ru

Andriyanova Tatiana Sergeevna, student of the Department of Sociology and Youth Work, course 39.03.01 "Sociology", 5nd year, Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia, , E-mail: tanya.andriyanova.03@mail.ru

Kuznetsova Alfiya Rashitovna, Professor of the Department of Sociology and of work with Youth, Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia. ORCID: 0000-0003-0273-4801E-mail: alfia_2009@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается проблема восприятия достоверности пользовательских отзывов и их влияние на процесс принятия решений о покупке в онлайн-среде. Актуальность темы обусловлена ростом количества фальшивых отзывов, что вынуждает потребителей вырабатывать собственные стратегии верификации информации. Эмпирической базой выступил онлайн-опрос, проведенный среди пользователей российских маркетплейсов. В работе анализируются стратегии работы с отзывами, выявляются критерии, которые потребители используют для оценки достоверности, а также рассматривается связь между глубиной анализа отзывов и склонностью к импульсивным покупкам. Установлено, что более 80% респондентов относят отзывы к числу главных критериев выбора, при этом выделяются четыре основные стратегии их использования: «глубинные аналитики», «поверхностные читатели», «доверяющие рейтингу» и «скептики». Наиболее значимыми маркерами достоверности выступают наличие фото/видео, развернутость текста и совпадение профиля автора с целевой аудиторией товара. Делается вывод о формировании у современных потребителей метакогнитивных компетенций, позволяющих осуществлять критическую оценку пользовательского контента. Результаты исследования могут быть использованы для оптимизации систем модерации на маркетплейсах и повышения доверия к онлайн-платформам.

Abstract. The article examines the problem of perception of the credibility of user reviews and their influence on the decision-making process in the online environment. The relevance of the topic is due to the growing number of fake reviews, which forces consumers to develop their own strategies for verifying information. The empirical basis was an online survey conducted among users of Russian marketplaces. The paper analyzes strategies for working with reviews, identifies the criteria that consumers use to assess credibility, and also examines the relationship between the depth of review analysis and the tendency to impulsive purchases. It was found that more than 80% of respondents consider reviews among the main selection criteria, with four main strategies for their use being identified: “deep analysts”, “superficial readers”, “those who trust the rating” and “skeptics”. The most significant markers of credibility are the presence of photos/videos, the detail of the text, and the coincidence of the author’s profile with the target audience of the product. The conclusion is drawn about the formation of metacognitive competencies in modern consumers, allowing them to critically evaluate user content. The results of the study can be used to optimize moderation systems on marketplaces and increase trust in online platforms.

Ключевые слова: потребительское поведение, онлайн-покупки, отзывы покупателей, достоверность информации, фейковые отзывы, когнитивные искажения, социальное доказательство.

Keywords: consumer behavior, online shopping, customer reviews, information credibility, fake reviews, cognitive biases, social proof.

Введение. В условиях стремительного развития электронной коммерции маркетплейсы стали доминирующей формой розничной торговли в России. По данным аналитиков, объем рынка интернет-торговли по итогам 2022 года вырос на 66%, составив свыше 500 млрд рублей, а за первое полугодие 2023 года объем продаж увеличился еще на 20% [5]. Столь активный рост онлайн-продаж сопровождается трансформацией потребительского поведения: покупатели все реже полагаются исключительно на информацию от производителя и все чаще ориентируются на субъективный опыт других пользователей [10].

Пользовательские отзывы выполняют несколько ключевых функций. Во-первых, они выступают инструментом снижения информационной неопределенности: как отмечает Д.М. Назаров, «потребители ищут такие источники информации, как отзывы потребителей в Интернете», чтобы уменьшить риск, связанный с доверием к продавцу [8]. Во-вторых, отзывы воспринимаются как более достоверные по сравнению с традиционными маркетинговыми коммуникациями: согласно исследованию П.В. Ильченко, «потребители

больше доверяют покупателям с опытом использования товара, чем представителям бренда, продавцам и селебрити» [6].

Однако по мере роста значимости отзывов обостряется проблема их достоверности. Исследования показывают, что «свыше 70% потребителей с уверенностью говорят о том, что регулярно сталкиваются с фейковыми отзывами» [10]. Продавцы могут покупать положительные отзывы или удалять негативные через техподдержку, что создает угрозу для формирования объективной картины о товаре [4]. В этих условиях перед потребителем встает новая задача – оценка достоверности социального доказательства, что требует выработки специфических навыков критического анализа.

Цель и задачи исследования.

Цель настоящей статьи – выявить стратегии, которые используют онлайн-покупатели для оценки достоверности отзывов, и определить роль этих стратегий в принятии решения о покупке. Особое внимание уделяется женской аудитории, составляющей ядро активных пользователей маркетплейсов. Для достижения поставленной цели необходимо решить ряд задач: определить место отзывов в иерархии критериев выбора товара, выявить основные стратегии работы с отзывами, реконструировать критерии, на основе которых потребители оценивают достоверность, установить связь между стратегией чтения отзывов и склонностью к импульсивным покупкам, а также оценить значимость альтернативных источников доверия, таких как блоги продавцов и «закулисье» бизнеса.

Методы исследования.

Эмпирическую базу исследования составил онлайн-опрос, проведенный в 2026 году. В опросе принял участие 151 респондент, из которых 113 человек (74,8%) составили женщины. Такое распределение отражает реальную структуру активной аудитории онлайн-покупателей: согласно статистике, женщины чаще совершают покупки в таких категориях, как одежда, обувь и косметика, которые традиционно лидируют в структуре онлайн-продаж [1]. Возрастной состав выборки – преимущественно молодые люди от 18 до 34 лет, что соответствует основной аудитории маркетплейсов [7].

Для сбора данных использовалась структурированная анкета, включавшая 35 вопросов. В рамках данной статьи анализировались ответы на вопросы о главных критериях выбора товара, о значимости отзывов при принятии решения, о доверии к продавцам, ведущим блоги и показывающим «закулисье», о склонности к импульсивным покупкам, а также о факторах, мешающих онлайн-покупкам. Обработка данных осуществлялась методами дескриптивной статистики и кросс-табуляции.

Результаты исследования.

Первым этапом анализа стало определение значимости отзывов среди прочих критериев выбора товара. Обработка данных вопроса о критериях выбора товара, в котором респонденты могли выбрать до трех наиболее важных для них критериев, показала, что отзывы других покупателей входят в число лидирующих факторов наряду с ценой и наличием скидок. Анализ комбинаций ответов позволил установить, что 80,1% респондентов в той или иной комбинации указали отзывы в числе приоритетных критериев. Примечательно, что такой традиционно значимый в офлайн-торговле критерий, как известность бренда, оказался менее важен: он встречался в комбинациях лишь у 27,8% опрошенных. Это позволяет предположить, что в условиях маркетплейсов именно отзывы становятся новым «цифровым брендом», замещающая или дополняя репутацию производителя.

Значительный интерес представляет анализ стратегий работы с отзывами, выявленный на основе вопроса о значимости отзывов при принятии решения. Распределение ответов оказалось следующим: 62,3% респондентов (94 человека) выбрали вариант «Это обязательный этап, всегда читаю много отзывов»; 15,9% (24 человека) – «Читаю 2–3 последних отзыва для уверенности»; 14,6% (22 человека) – «Смотрю только общий рейтинг и количество отзывов»; 3,3% (5 человек) – «Отзывы не важны, больше доверяю описанию от продавца». Таким образом, абсолютное большинство опрошенных (более 92%) в той или

иной степени учитывают отзывы при принятии решения, однако глубина этого учета существенно различается. Выделяются две основные группы: «глубинные аналитики», которые не ограничиваются знакомством с общим рейтингом, а погружаются в содержание, изучая развернутые тексты, фото и видео, и «поверхностные читатели», которые ограничиваются несколькими последними отзывами. Существует также группа «доверяющих рейтингу», для которых количественные показатели выступают достаточным сигналом качества, и немногочисленные «скептики», ориентирующиеся на институциональные, а не на социальные сигналы.

Ключевой задачей исследования стало выявление критериев, на основе которых потребители оценивают достоверность отзывов. Анализ открытых вопросов и косвенных данных позволил реконструировать «наивную теорию» достоверности, которой пользуются респонденты. Наиболее значимыми маркерами «хорошего», заслуживающего доверия отзыва выступают наличие фотографий или видео, развернутость и конкретика текста, совпадение профиля автора с целевой аудиторией товара, а также присутствие умеренного количества негативных отзывов. Эти выводы подтверждаются данными вопроса о факторах, мешающих онлайн-покупкам, где 57% респондентов указали, что главным препятствием для более частых онлайн-покупок является несоответствие реального качества товара его фотоизображению. Именно достоверные отзывы способны снизить этот риск.

Анализ связи стратегий чтения отзывов с импульсивностью позволил выявить закономерность: среди «глубинных аналитиков» доля часто совершающих импульсивные покупки оказалась значительно ниже, чем среди «поверхностных читателей» и «доверяющих рейтингу». Это наблюдение позволяет предположить, что углубленный анализ отзывов может выполнять функцию самоконтроля, выступая своего рода защитным механизмом против спонтанных, необдуманных трат. В свою очередь, ориентация на быстрые сигналы (рейтинг, пара отзывов) создает благоприятную почву для импульсивных решений.

В ходе анализа был зафиксирован феномен, который можно обозначить как «усталость от отзывов». Часть респондентов отмечают, что обилие противоречивой информации в отзывах затрудняет выбор, а не облегчает его. В поиске выхода из этой ситуации потребители обращаются к альтернативным источникам доверия. Так, на вопрос о доверии к продавцам, ведущим блоги и показывающим «закулисье», 35,8% респондентов (54 человека) ответили «Скорее согласен», 19,2% (29 человек) – «Полностью согласен». Таким образом, более половины опрошенных в той или иной степени склонны доверять такому формату коммуникации. Это можно интерпретировать как запрос на аутентичность и прозрачность, которые формальные отзывы уже не могут в полной мере обеспечить из-за зашумленности информационной среды.

Выводы.

Проведенное исследование позволяет утверждать, что онлайн-отзывы занимают центральное место в структуре потребительского выбора, являясь для подавляющего большинства покупателей одним из главных критериев наряду с ценой. Это подтверждает тезис о том, что в условиях цифровой экономики социальное доказательство становится ключевым фактором доверия, замещая традиционные маркеры качества, такие как известность бренда.

Анализ стратегий работы с отзывами выявил значительную неоднородность потребительского поведения. Абсолютное большинство опрошенных в той или иной степени учитывают отзывы при принятии решения, однако глубина этого учета варьируется. Выделяются «глубинные аналитики», для которых чтение отзывов – обязательный этап, предполагающий погружение в развернутые тексты, фото и видео; «поверхностные читатели», ограничивающиеся несколькими последними отзывами; «доверяющие рейтингу», ориентирующиеся на количественные показатели; и немногочисленные «скептики», которые отзывам не доверяют.

Для оценки достоверности отзывов потребители используют сложные метакогнитивные стратегии. Наиболее значимыми маркерами достоверности выступают наличие фото или видео, развернутость и конкретика текста, совпадение профиля автора с целевой аудиторией товара, а также присутствие умеренного количества негативных отзывов. Эти критерии позволяют потребителям осуществлять «фильтрацию» информации в условиях зашумленной среды, что особенно важно в свете того, что 57% респондентов указали несоответствие реального качества товара его фотоизображению как главный барьер для онлайн-покупок.

Существует устойчивая связь между стратегией чтения отзывов и склонностью к импульсивным покупкам. «Глубинные аналитики» реже совершают импульсивные покупки, что позволяет рассматривать отзывы не только как источник информации, но и как инструмент саморегуляции. Напротив, ориентация на быстрые сигналы (рейтинг, пара отзывов) создает благоприятную почву для спонтанных, необдуманных трат.

Наконец, часть потребителей испытывает «усталость от отзывов» и обращается к альтернативным источникам доверия, таким как блоги продавцов и «закулисье» бизнеса. Более половины опрошенных в той или иной степени склонны доверять такому формату коммуникации, что указывает на необходимость для компаний выстраивать многоканальную коммуникацию, сочетающую формальные отзывы с более персонализированными, «живыми» форматами взаимодействия. Практическая значимость исследования заключается в том, что его результаты могут быть использованы для оптимизации систем модерации на маркетплейсах, разработки рекомендаций по стимулированию «качественных» отзывов (с фото и развернутыми текстами), а также для повышения доверия к онлайн-платформам через демонстрацию «честности» – например, путем сохранения негативных отзывов и публичного реагирования на них.

Библиографический список

1. Багатырова З.М. Онлайн покупки в России / З.М. Багатырова, Б.Ш. Дадаева // Актуальные вопросы современной экономики. 2020. № 5. С. 81-84.
2. Волкова А.Д. Социальная идентичность как фактор формирования доверия при принятии решения об онлайн-покупке: микроэкономический уровень / А.Д. Волкова // Стратегическое планирование и развитие предприятий: материалы XXI Всероссийского симпозиума. Москва: ЦЭМИ РАН, 2020. С. 30-32.
3. Глухова Е.С. Особенности использования когнитивных искажений в нативной рекламе / Е. С. Глухова // Филология: научные исследования. 2024. № 2. С. 90-102.
4. Жиленкова В.К. Влияние пользовательских отзывов и рейтингов на решение о покупке на маркетплейсах (на примере Wildberries и OZON) / В. К. Жиленкова // Инновационный потенциал развития общества: взгляд молодых ученых: сборник научных статей 6-й Всероссийской научной конференции. Курск: Университетская книга, 2025. С. 102-105.
5. Затонская В. А. Маркетплейсы в России и мире: современное состояние и перспективы / В. А. Затонская, А.О. Атрошенко, И. А. Жаркова, И. А. Соловьева // Умные технологии в современном мире: материалы VI Всероссийской научно-практической конференции. Челябинск: ЮУрГУ, 2024. С. 67-72.
6. Ильченко П. В. Влияние UGC-контента на поведение потребителей и принятие решений о покупке / П. В. Ильченко // Экономика и бизнес: теория и практика. 2024. № 4-2(110). С. 46-49.
7. Новикова Г. А. Маркетплейсы в России: новая эра электронной торговли / Г. А. Новикова // Успехи в науке и образовании 2024: сборник статей IV Международного научно-исследовательского конкурса. Пенза: Наука и Просвещение, 2024. С. 86-87.
8. Назаров Д. М. О влиянии отзывов потребителей в Интернете на решения о покупке / Д. М. Назаров // Столыпинский вестник. 2022. Т. 4, № 7.
9. Кораблева А. Е. Влияние онлайн-отзывов на процесс принятия решения о покупке товаров в сфере электронной техники / А. Е. Кораблева, Д. А. Чуркина // Молодежная неделя науки института промышленного менеджмента, экономики и торговли: сборник

трудов всероссийской студенческой конференции. Санкт-Петербург: ПОЛИТЕХ-ПРЕСС, 2023. С. 98-101.

10. Сухостав Е.В. Отзывы глазами потребителя: механизмы восприятия и влияние на покупательские решения / Е. В. Сухостав // Экономика и бизнес: теория и практика. 2025. № 9(127). С. 143-147.
11. Ребрик К. Феномен FOMO (Fear of Missing Out) в маркетинге и его влияние на покупки / К. Ребрик // Студенческий научный форум 2025: сборник статей XVI Международной научно-практической конференции. Пенза: Наука и Просвещение, 2025. С. 50-52.
12. Шуканова Р. Р. Когнитивные искажения в цифровом мире: как молодежь воспринимает онлайн-отзывы и принимает решения о покупке / Р. Р. Шуканова // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2024. № 4(16). С. 144-148.

УДК 316.1

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ FOMO-МАРКЕТИНГА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ПОТРЕБИТЕЛЬСКОЙ СРЕДЫ PSYCHOLOGICAL DETERMINANTS OF FOMO MARKETING IN THE DIGITAL CONSUMER ENVIRONMENT

Андриянова Татьяна Сергеевна, студент кафедры социологии и работы с молодежью, направление 39.03.01 "Социология", 5 курс, ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий», Уфа, Россия, E-mail: tanya.andriyanova.03@mail.ru

Кузнецова Альфия Рашитовна, доктор экономических наук, профессор кафедры социологии и работы с молодежью, ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий», Уфа, Россия. ORCID: 0000-0003-0273-4801 E-mail: alfia_2009@mail.ru

Andriyanova Tatiana Sergeevna, student of the Department of Sociology and Youth Work, course 39.03.01 "Sociology", 5nd year, Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia, , E-mail: tanya.andriyanova.03@mail.ru

Kuznetsova Alfiya Rashitovna, Professor of the Department of Sociology and of work with Youth, Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia. ORCID: 0000-0003-0273-4801 E-mail: alfia_2009@mail.ru

Аннотация. В статье исследуется феномен FOMO (Fear of Missing Out – «страх упущенной выгоды») как психологическая детерминанта потребительского поведения в цифровой среде. Актуальность темы обусловлена активным использованием маркетологами механизмов дефицита и социального сравнения для стимулирования продаж. Эмпирической базой выступил онлайн-опрос, проведенный среди пользователей российских маркетплейсов. В работе анализируются ключевые триггеры FOMO-маркетинга – влияние акций и скидок, персонализированных рекомендаций, социального сравнения – а также их связь с импульсивностью и постпокупочными последствиями, среди которых особое место занимает чувство вины. Установлено, что наиболее сильное влияние на потребителей оказывает социальное сравнение: 82,8% респондентов хотя бы иногда ориентируются на выбор друзей и коллег. При этом, несмотря на высокий уровень импульсивности (49% часто совершают спонтанные покупки) и эмоциональной регуляции через шопинг (58,6% делают это часто или иногда), лишь относительно небольшая часть опрошенных (около 19%) испытывает постпокупочный стыд и скрывает покупки от близких. Делается вывод о том, что, хотя FOMO-триггеры широко распространены, их деструктивное воздействие проявляется лишь у ограниченной аудитории, что требует дифференцированного подхода к разработке маркетинговых стратегий.

Abstract. The article examines the phenomenon of FOMO (Fear of Missing Out) as a psychological determinant of consumer behavior in the digital environment. The relevance of the topic is due to the active use by marketers of mechanisms of scarcity and social comparison to

stimulate sales. The empirical basis was an online survey conducted among users of Russian marketplaces. The paper analyzes the key triggers of FOMO marketing – the impact of promotions and discounts, personalized recommendations, social comparison – as well as their relationship with impulsivity and post-purchase consequences, among which guilt occupies a special place. It was found that social comparison has the strongest impact on consumers: 82.8% of respondents are at least sometimes guided by the choices of friends and colleagues. At the same time, despite the high level of impulsivity (49% often make spontaneous purchases) and emotional regulation through shopping (58.6% do this often or sometimes), only a relatively small proportion of respondents (about 19%) experience post-purchase shame and hide purchases from loved ones. It is concluded that although FOMO triggers are widespread, their destructive impact manifests itself only in a limited audience, which requires a differentiated approach to the development of marketing strategies.

Ключевые слова: FOMO, страх упущенной выгоды, потребительское поведение, импульсивные покупки, социальное сравнение, постпокупочный стыд, ониомания.

Keywords: FOMO, fear of missing out, consumer behavior, impulsive purchases, social comparison, post-purchase shame, oniomania.

Введение. Современная цифровая среда характеризуется постоянным информационным потоком, в котором потребители сталкиваются с множеством ограниченных предложений и персонализированных рекомендаций. Маркетологи активно используют феномен FOMO (Fear of Missing Out) – «страх упущенной выгоды» – для стимулирования продаж [7]. Данный феномен определяется как психологическое состояние, характеризующееся чувством тревоги, вызванным опасением упустить важные события, возможности или впечатления [4]. Как отмечают исследователи, FOMO представляет собой не просто маркетинговый инструмент, но и серьезный социально-психологический феномен, оказывающий влияние на качество жизни, особенно среди молодежи [6].

Особую актуальность проблема приобретает в связи с ростом онлайн-торговли в России. Согласно статистическим данным, объем рынка интернет-торговли по итогам 2022 года вырос на 66%, составив свыше 500 млрд рублей, а число активных пользователей социальных сетей достигло 5,22 миллиарда в мире [2, 9]. При этом, как показывают исследования, женщины и молодежь наиболее подвержены FOMO-эффекту в силу психологических особенностей возраста и более высокой вовлеченности в социальные сети [1, 6].

Цель настоящей статьи – выявить психологические детерминанты FOMO-маркетинга и их связь с импульсивностью и постпокупочными реакциями, среди которых особое место занимает чувство вины. Для достижения поставленной цели необходимо решить ряд задач: проанализировать теоретические подходы к объяснению феномена FOMO, выявить основные маркетинговые триггеры, вызывающие FOMO-реакции, установить связь между восприимчивостью к FOMO-триггерам и импульсивностью, а также оценить распространенность постпокупочного стыда как индикатора аддиктивного поведения.

Теоретические основы исследования. Теоретическую базу исследования составляют несколько взаимодополняющих подходов. Прежде всего, следует обратиться к теории самоопределения (SDT), разработанной Ричардом Райаном и Эдвардом Дечи. Согласно данной теории, неудовлетворение базовых психологических потребностей в автономии, компетентности и принадлежности вызывает ощущение потери контроля и усиливает страх упущения возможностей [9]. Социальные сети, демонстрирующие «идеальную жизнь» других пользователей, лишь обостряют это ощущение дефицита [1].

Не менее важной представляется теория социального сравнения Л. Фестингера, которая описывает ключевой механизм возникновения FOMO. Как известно, люди неизбежно сравнивают себя с окружающими, однако в цифровой среде это сравнение приобретает

дисфункциональный характер. Пользователи видят лишь идеализированные фрагменты жизни других, что создает искаженное представление о реальности [1, 4].

Значительный вклад в понимание феномена вносит теория самоконтроля. Недостаток самоконтроля, как показывают исследования, ведет к приоритету мгновенного удовлетворения перед долгосрочными целями, что закономерно усиливает страх упустить любую возможность [9]. В этом контексте важно упомянуть конструкт ониомании (шопоголизма), который характеризуется циклической моделью поведения: импульс → снятие напряжения → кратковременная эйфория → чувство вины [3].

Согласно эмпирическим данным, FOMO встречается в 16% рекламных сообщений [5]. В современной литературе также выделяется трехфакторная структура FOMO, включающая страх упустить возможность, беспокойство от потери контактов и страх выпасть из контекста [1]. Исследования показывают, что люди, подверженные FOMO, чаще совершают покупки под воздействием эмоций, а не рациональных размышлений [7].

Методология исследования. Эмпирическую базу настоящего исследования составил онлайн-опрос, проведенный в 2026 году. В опросе принял участие 151 респондент, при этом 113 человек (74,8%) составили женщины. Возрастной состав выборки – преимущественно молодые люди от 18 до 34 лет, что соответствует основным характеристикам пользователей, наиболее восприимчивых к FOMO-эффекту [6]. Такое распределение отражает реальную структуру активной аудитории российских маркетплейсов: женщины чаще совершают покупки в таких категориях, как одежда, обувь и косметика, которые традиционно лидируют в структуре онлайн-продаж.

В рамках данной статьи анализировались ответы на вопросы, непосредственно связанные с проявлениями FOMO-эффекта. В частности, рассматривались вопросы о влиянии акций и скидок на импульсивные покупки, о воздействии персонализированных рекомендаций маркетплейсов, а также о склонности приобретать товары, которые берут друзья или коллеги. Отдельное внимание было уделено постпокупочным реакциям, а именно чувству вины и сокрытию покупок от близких. Кроме того, анализировались общие показатели импульсивности и склонность к совершению покупок для поднятия настроения.

Результаты исследования. Обратимся прежде всего к анализу восприимчивости респондентов к классическим триггерам FOMO-маркетинга. Как показал анализ ответов на вопрос о влиянии акций и скидок на импульсивные покупки, подавляющее большинство опрошенных признают влияние акций и скидок на собственное покупательское поведение. При этом важно отметить, что лишь 29 респондентов (19,2%) ответили «Да, часто беру ненужное». Основная часть опрошенных – 81 человек (53,6%) – выбрали вариант «Да, но осознанно совершаю покупки», что свидетельствует о достаточно высоком уровне рефлексии. Еще 34 респондента (22,5%) заявили, что акции и скидки не влияют на их решения. Полученные данные в целом согласуются с исследованиями, согласно которым маркетинговые кампании, создающие ощущение ограниченности товара, способны увеличивать конверсию, однако степень их воздействия варьируется в зависимости от индивидуальных особенностей потребителей [7].

В отношении алгоритмических рекомендаций выявилась заметная неоднородность потребительских реакций. Лишь 18 респондентов (11,9%) признались, что часто покупают товары, предложенные маркетплейсами на основе их предыдущих покупок и просмотров. Еще 40 человек (26,5%) иногда ведутся на такие рекомендации. Наиболее многочисленную группу составили те, кто редко обращает внимание на предложения маркетплейсов, – 69 респондентов (45,7%). Примечательно, что 18 опрошенных (11,9%) сознательно блокируют cookie-файлы, демонстрируя высокий уровень цифровой грамотности и осознанного противодействия алгоритмическому воздействию. Это свидетельствует о том, что «алгоритмический FOMO» действует избирательно и во многом зависит от уровня осознанности потребителя [6].

Наиболее ярко, однако, проявился эффект социального сравнения. Отвечая на вопрос о склонности приобретать товары, которые берут друзья или коллеги, 39 респондентов (25,8%) указали, что часто покупают то, что берут их друзья или коллеги. Еще 86 человек (57,0%) делают это иногда. Таким образом, в совокупности 82,8% опрошенных в той или иной степени подвержены влиянию социального окружения при совершении онлайн-покупок. Лишь 20 респондентов (13,2%) заявили, что не ориентируются на выбор друзей и коллег. Данный результат убедительно подтверждает ключевую роль социального сравнения в развитии FOMO, что неоднократно отмечалось в теоретических работах [1, 4].

Перейдем теперь к анализу импульсивности как личностной характеристики, предрасполагающей к FOMO-реакциям. Высокий уровень импульсивности подтверждается распределением ответов на вопрос о показателях импульсивности: практически половина респондентов (49%) часто совершают импульсивные покупки, и еще 29% делают это иногда. Данный результат коррелирует с наблюдениями других исследователей, согласно которым люди, подверженные FOMO, чаще принимают решения под воздействием эмоций, нежели рациональных размышлений [7].

Не менее показательными представляются ответы на вопрос о совершении покупок для поднятия настроения или от скуки. Выяснилось, что 26,9% опрошенных часто прибегают к такого рода «шопинг-терапии», а еще 31,7% делают это иногда. Лишь 23,4% редко покупают для настроения, и 17,9% никогда не практикуют подобного рода эмоциональную регуляцию. Полученные данные хорошо вписываются в концепцию ониомании, согласно которой люди могут использовать деньги как «лекарство» от хандры и депрессии [3].

Особого внимания заслуживает анализ постпокупочных реакций, а именно чувства вины и связанного с ним сокрытия покупок от близких. Как показали ответы, подавляющее большинство респондентов – 116 человек (76,8%) – не скрывают свои покупки и, по-видимому, не испытывают выраженного чувства вины. Лишь 11 опрошенных (7,3%) открыто признаются, что скрывают покупки, и еще 18 человек (11,9%) делают это иногда. Таким образом, в совокупности около 19% респондентов в той или иной степени сталкиваются с постпокупочным стыдом. Данный результат, на первый взгляд, может показаться противоречащим высоким показателям импульсивности и эмоциональных покупок. Однако, как отмечается в литературе, чувство вины является лишь одним из возможных исходов аддиктивного цикла и проявляется далеко не у всех потребителей [3].

Проведенный корреляционный анализ позволил выявить ряд значимых взаимосвязей. В частности, респонденты, часто поддающиеся влиянию акций и скидок, а также ориентирующиеся на мнение друзей и коллег, с большей вероятностью демонстрируют высокий уровень импульсивности. Однако прямая связь с чувством вины прослеживается менее отчетливо. Особого внимания заслуживает небольшая группа респондентов (около 7-8% выборки), которая одновременно характеризуется высокой импульсивностью, склонностью к эмоциональным покупкам и практикой сокрытия приобретений. Данную группу можно рассматривать как находящуюся в зоне риска формирования аддиктивного поведения [3, 11].

Обсуждение результатов

Обобщая полученные результаты, можно с уверенностью говорить о том, что FOMO-маркетинг оказывает существенное влияние на потребительское поведение, однако его деструктивные последствия проявляются далеко не у всех. С одной стороны, наблюдается высокая восприимчивость к триггерам социального сравнения (82,8%) и значительная распространенность импульсивных и эмоциональных покупок. С другой стороны, лишь относительно небольшая часть респондентов (около 19%) испытывает постпокупочный стыд, и только 7,3% открыто признают, что скрывают покупки от близких.

Данное противоречие объясняется несколькими факторами. Во-первых, значительная часть потребителей обладает достаточным уровнем рефлексии и самоконтроля, чтобы совершать импульсивные покупки «осознанно» (53,6% выбрали именно этот вариант). Во-

вторых, финансовые возможности и общий уровень дохода могут позволять совершать спонтанные покупки без ущерба для бюджета, что снижает вероятность возникновения чувства вины.

Женская аудитория, составляющая ядро выборки, демонстрирует повышенную чувствительность к FOMO-триггерам, особенно к социальному сравнению. Это объясняется, в частности, тем, что у женщин, согласно исследованиям, переживание FOMO тесно связано с поиском социальной поддержки и более выраженной склонностью к сравнению себя с другими [6].

Важно подчеркнуть, что FOMO редко действует изолированно. Как показывают исследования, он обычно сочетается с другими когнитивными искажениями, среди которых можно выделить эффект присоединения к большинству и эмоциональное мышление [5]. Такое сочетание создает синергический эффект, многократно усиливающий воздействие на потребителя.

Наконец, нельзя обойти вниманием этический аспект рассматриваемой проблемы. Как справедливо отмечают специалисты, чрезмерное и не всегда оправданное использование FOMO-маркетинга неизбежно ведет к «усталости от давления» и росту недовольства среди клиентов [7]. Хотя в проведенном исследовании лишь небольшая часть респондентов испытывает выраженный постпокупочный стыд, это не отменяет необходимости ответственного подхода к использованию маркетинговых инструментов.

Заключение

Подводя итоги проведенного исследования, следует отметить, что FOMO-маркетинг оказывает многоплановое воздействие на потребительское поведение, реализуясь через три основных канала. Первый из них связан с ограниченными предложениями и скидками, создающими иллюзию дефицита. Второй канал представлен алгоритмическими рекомендациями, которые персонализируют предложения и тем самым усиливают вовлеченность. Третий и, как выяснилось, наиболее действенный канал основан на механизме социального сравнения, побуждающем потребителей ориентироваться на выбор своего окружения. Полученные данные подтверждают, что именно социальное сравнение играет ключевую роль: 82,8% респондентов хотя бы иногда покупают то, что берут друзья или коллеги.

Не менее важным результатом исследования представляется выявленный высокий уровень импульсивности и эмоциональной регуляции через покупки, который создает благоприятную почву для FOMO-воздействия. Как показал анализ, значительная часть респондентов не только часто совершает импульсивные приобретения (49%), но и использует шопинг как инструмент управления настроением (58,6% делают это часто или иногда).

Вместе с тем, полученные данные позволяют сделать оптимистичный вывод: несмотря на широкую распространенность FOMO-триггеров, их деструктивное воздействие на психологическое благополучие потребителей проявляется лишь у относительно небольшой части аудитории. Большинство опрошенных демонстрируют достаточно высокий уровень осознанности, позволяющий им контролировать свои покупательские импульсы и избегать негативных эмоциональных последствий. Тот факт, что 53,6% респондентов признают влияние акций, но совершают покупки «осознанно», свидетельствует о сформированности защитных механизмов у значительной части потребителей.

Тем не менее, существование группы риска (около 7-8% респондентов) требует внимания как со стороны исследователей, так и со стороны практикующих маркетологов. Особую уязвимость перед FOMO-стратегиями демонстрирует женская аудитория, что необходимо учитывать при разработке маркетинговых коммуникаций. Как показывают исследования, именно женщины более склонны к социальному сравнению и поиску поддержки, что делает их более восприимчивыми к FOMO-воздействию [6]. Как справедливо отмечается в литературе, будущее маркетинга заключается не в усилении давления, а в создании долгосрочных доверительных отношений с клиентами [7], [11-15].

В этой связи представляется необходимым подчеркнуть важность этического подхода к использованию FOMO-механизмов. Достижение баланса между стимулированием продаж и сохранением психологического благополучия потребителей должно стать приоритетной задачей для современного бизнеса.

Библиографический список

1. Арискина М. В. Влияние социальных сетей на проявление FOMO-эффекта у студентов / М. В. Арискина // Триумвират науки: социальное и гуманитарное знание. 2024. Т. 1, № 3. С. 17-25.
2. Валиуллина Е. В. Аддиктивные формы поведения: ониомания / Е. В. Валиуллина // Вестник общественных и гуманитарных наук. 2021. Т. 2, № 4. С. 71-74.
3. Глухова Е. С. Особенности использования когнитивных искажений в нативной рекламе / Е. С. Глухова // Филология: научные исследования. 2024. № 2. С. 90-102.
4. Еремин Р. А. Осознанность как стратегия совладания с «синдромом упущенной выгоды» в социальных сетях / Р. А. Еремин // Новые психологические исследования. 2023. Т. 3, № 2. С. 7-25.
5. Затонская В. А. Маркетплейсы в России и мире: современное состояние и перспективы / В. А. Затонская, А. О. Атрошенко, И. А. Жаркова, И. А. Соловьева // Умные технологии в современном мире: материалы VI Всероссийской научно-практической конференции. Челябинск: ЮУрГУ, 2024. С. 67-72.
6. Кравченко В. И. Синдром упущенной выгоды (FOMO) как проблема социализации современной молодежи / В. И. Кравченко // Миссия конфессий. 2025. Т. 14, № 1(82). С. 56-64.
7. Ребрик К. Феномен FOMO (Fear of Missing Out) в маркетинге и его влияние на покупки / К. Ребрик // Студенческий научный форум 2025: сборник статей XVI Международной научно-практической конференции. Пенза: Наука и Просвещение, 2025. С. 50-52.
8. Сухостав Е. В. Отзывы глазами потребителя: механизмы восприятия и влияние на покупательские решения / Е. В. Сухостав // Экономика и бизнес: теория и практика. 2025. № 9(127). С. 143-147.
9. Ульянова Е. Н. Социально-психологическая основа FOMO-маркетинга / Е. Н. Ульянова, В. С. Цымбал // Динамика медиасистем. 2025. Т. 5, № 1. С. 848-859.
10. Шуканова Р. Р. Когнитивные искажения в цифровом мире: как молодежь воспринимает онлайн-отзывы и принимает решения о покупке / Р. Р. Шуканова // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2024. № 4(16). С. 144-148.

УДК 748

РОЛЬ КРАУДСОРСИНГОВЫХ ПЛАТФОРМ В ГОРОДСКОМ РАЗВИТИИ THE ROLE OF CROWDSOURCING PLATFORMS IN URBAN DEVELOPMENT

Ахмадуллина Алина Альмировна, магистрант кафедры социологии и работы с молодежью, направление 39.04.01 "Социология", 1 курс, ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий», Уфа, Россия, E-mail: akhmadullina.alina03@mail.ru

Давлетшина Алтынай Алтыновна, магистрант кафедры социологии и работы с молодежью, направление 39.04.01 "Социология", 1 курс, ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий», Уфа, Россия, E-mail: altynay.davletshina@bk.ru

Научный руководитель: Бородина Ангелина Владимировна, кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и работы с молодежью, ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий», Уфа, Россия, E-mail: angel_borodina@mail.ru

Akhmadullina Alina Almirovna, Master's student of the Department of Sociology and Youth Work, course 39.04.01 "Sociology", 1st year, Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia, E-mail: akhmadullina.alina03@mail.ru

Davletshina Altynay Altynovna, Master's student of the Department of Sociology and Youth Work, course 39.04.01 "Sociology", 1st year, Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia, E-mail: altynay.davletshina@bk.ru

Scientific Advisor: Borodina Angelina Vladimirovna, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor of the Department of Sociology and Youth Work, Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia, E-mail: angel_borodina@mail.ru

Аннотация: В статье рассматривается роль цифровых краудсорсинговых платформ в развитии регионов Российской Федерации на примере конкретных кейсов: платформы «Наш город Москва», деятельности Института развития городов и сёл Республики Башкортостан и инструментов взаимодействия граждан с органами власти на официальном сайте Администрации города Уфы.

Abstract: The article examines the role of digital crowdsourcing platforms in the development of the regions of the Russian Federation using specific cases: the Our City Moscow platform, the activities of the Institute for the Development of Cities and Villages of the Republic of Bashkortostan, and the tools for citizens' interaction with government bodies on the official website of the Ufa City Administration.

Ключевые слова: краудсорсинг, краудсорсинговые платформы, городское развитие, участие.

Keywords: crowdsourcing, crowdsourcing platforms, urban development, participation.

Введение. В современном обществе вопрос городского развития имеет большую значимость, так как процессы урбанизации продолжают расти, а люди стараются создать обстановку вокруг себя для комфортного проживания в условиях перегруза инфраструктуры, потери связи с природой, социальных вызовов. Одним из способов, который активно набирает популярность, являются краудсорсинговые платформы. «Краудсорсинг – мобилизация ресурсов людей посредством информационных технологий с целью решения задач, стоящих перед наукой, бизнесом, государством и обществом в целом», – такое определение даёт Джефф Хау – писатель и редактор, автор данного термина, который ввёл его в 2006 году в работе «Восход Краудсорсинга» [1].

Цель. На примере конкретных кейсов рассмотреть роль цифровых краудсорсинговых платформ в развитии регионов Российской Федерации.

Методы. Анализ тематической литературы, кейс-стади.

Результаты. Краудсорсинг анализируется и используется в разных аспектах в зависимости от объекта применения, принципу реализации, территории участия, задач, сферы. Так, технология используется в сферах бизнеса (краудфандинг, краудлогистика), НКО, социальной сфере (волонтерство), сфере здравоохранения, экологии и т.д. [2] Теоретическими исследованиями в области краудсорсинга занимались различные исследователи. Дарен С. Бребхем рассматривал некоторые недостатки такого инструмента и критиковал его [3]. Также в пример можно привести Ж. Ля Веккиа, А. Кистернино, Д. Маццола и А. Дистефано. Среди отечественных исследователей С.В. Полутин и А.В. Седлецкий, которые изучают краудсорсинг с точки зрения роли данной технологии в науке, А.В. Бородина рассматривала социальный краудсорсинг в развитии городских территорий и общественных пространств и др.

Использование таких цифровых инструментов, как краудсорсинговые платформы, даёт много возможностей для организации городской среды. Они позволяют вовлекать жителей в процесс принятия решений о развитии пространств своего города, района. Кроме того, жители сами могут генерировать идеи, проводить различные голосования, собирать отзывы и предложения, обсуждать проекты и проводить дискуссии, а также следить за процессом и контролировать реализацию проектов. Таким образом горожане принимают

непосредственное участие в жизни и преобразении своего места жительства, помогают создавать такую среду, какую они хотели бы видеть сами и в которой хотели бы жить.

В урбанистике краудсорсинг позволяет делать развитие общественных пространств более демократичным, эффективным, ориентированным на реальные потребности людей. Поэтому, когда город, находясь в поисках новых интересных идей, инновационных решений и практик для развития своих пространств, обращается к активным, амбициозным и творческим людям, которые умеют объединять усилия и эффективно координировать действия, это даёт хорошие плоды. Некоторые граждане, обладающие энтузиазмом, зачастую готовы воплощать свои идеи без ожидания какого-либо вознаграждения, так как само ощущение причастия к формированию такой окружающей среды, которая будет приносить положительные эмоции, даёт моральное удовлетворение. У людей есть определённые знания, навыки и опыт в какой-либо области, и, благодаря инструментам краудсорсинга, житель может использовать свои способности для решения социально значимых вопросов города, улучшая ситуацию или какую-либо проблему, тем самым проявляя свою гражданскую активность [4].

В нашей стране уже немало времени практикуется двусторонний процесс обмена информацией через интернет-среду между гражданами городского сообщества и представителями государственной власти, расширяя тем самым выбор и способы участия в формировании своей окружающей среды. Сейчас в России активно развиваются специальные Интернет-платформы для вовлечения граждан в развитие городского пространства. Можно рассмотреть наиболее успешные примеры и провести сравнительный анализ.

Портал столицы РФ «Наш город» является одной из первых и самых масштабных платформ, который разработан с целью улучшения качества жизни горожан и облика Москвы при активной деятельности жителей города [5]. Судя по данным платформы на 2026 год зарегистрировано 2,5 млн пользователей и реализовано свыше 13 млн проблем.

Жители Москвы имеют возможность отслеживать качество устранения проблем в содержании городских объектов: после подачи обращения можно подтвердить или опровергнуть выполнение работ на портале. Данный портал предполагает карту города, которая помогает видеть и отслеживать проблемы, связанные с городской средой и подавать заявки об этих проблемах; голосование за проекты благоустройства; рейтинги активных участников.

Официальный сайт Администрации города Уфы предполагает платформу, которая помогает жителям города поднимать решение вопросов, связанных с городскими пространствами [6]. Страница «Интерактивная карта Уфы» с интуитивно понятной картой позволяет подать обращение по вопросам, касающимся жизни города и комфортности проживания. Помимо всего, вся информация и новости публикуются на данной платформе.

Институт развития городов и сёл Башкортостана является проектом, который исследует городские процессы, собирая мнения горожан для развития территории [7]. Проекты Института становятся уже несколько раз лауреатами и победителями в различных конкурсах лучших проектов создания комфортной городской среды.

Институт развития городов и сёл Башкортостана имеет большое значение в развитии краудсорсинга в регионе. У проекта есть сайт, публикующий их масштабную и важную работу. Платформа предполагает возможность предложения идей по развитию общественных пространств, голосования за приоритетные проекты и отслеживания хода реализации инициатив. Платформа стала способом вовлечения участия жителей в онлайн- и офлайн-форматах, при этом поднимая тему соучаствующего проектирования. Деятельность включает и разработку методических рекомендаций, и обучение муниципальных служб принципам краудсорсинга, что помогает повышать гражданскую инициативу и становится важным инструментом городского развития.

Для более подробной информации возможности участия жителей городов проведён качественный анализ трёх электронных ресурсов для участия населения в городском развитии (см. табл. 1).

Таблица 1 Анализ трёх электронных ресурсов для участия населения в городском развитии

Единицы анализа	«Наш город» Москва	Институт развития городов и сёл Республики Башкортостан	Официальный сайт Администрации города Уфы
Описание	Платформа для подачи и отслеживания обращений граждан по проблемам городской жизни	Организация и координация программ развития городской среды в Башкортостане через планирование, проектирование и вовлечение граждан	Официальный информационный портал городской администрации
Целевая аудитория	Активные жители Москвы, заинтересованные в улучшении городской среды	Эксперты, муниципальные служащие, архитекторы и проектировщики, активисты, жители, заинтересованные в развитии своих городов.	Все жители Уфы, бизнес и организации, СМИ, исследователи, госслужащие
Основная цель	Оперативное устранение проблем	Стратегическое развитие городов	Информирование, обращение, услуги
Интерфейс с сайта	• Простой, удобный интерфейс • Мобильная версия и приложение • Использование визуализации на карте • Пошаговые инструкции для подачи заявки	• Корпоративный стиль, красивый дизайн, удобный интерфейс • Наличие мультимедийных элементов • Структурированное меню по проектам и направлениям	• Понятный интерфейс • Официальный стиль • Разделы для разных категорий пользователей: поиск и архив документов, ведомства и услуги • Использование визуализации на карте.
Сильные стороны	• Краудсорсинговый принцип: горожане сами выявляют, фиксируют и оповещают о проблемах • Прозрачная система статусов обращений • Интеграция с городскими службами • Использование геймификации для пользователей (уровни активности) • Высокая вовлечённость пользователей	• Наличие методических рекомендаций • Новости и анонсы мероприятий • Акцент на стратегическом развитии и проектировании • Вовлечение экспертов и сообществ в планирование • Комплексный подход к развитию городов • Инструменты для вовлечения граждан в	• Официальный статус источника информации • Широкий спектр городских услуг и данных • Краудсорсинговый принцип: через визуализационную карту горожане оставляют обращения • Достоверность и актуальность информации • Интеграция с региональными и

Единицы анализа	«Наш город» Москва	Институт развития городов и сёл Республики Башкортостан	Официальный сайт Администрации города Уфы
	• Реальная отработка заявок городскими службами • Наглядная статистика и рейтинги • Удобство подачи и отслеживания	планирование • Масштабируемость практик на регион	федеральными сервисами • Использование двух языков: русский и башкирский
Слабые стороны	• Ограничен географией Москвы • Небольшой спектр представленных проблем города • Нет стратегического планирования	• Менее удобен для быстрых обращений по мелким проблемам • Отсутствие цифровых данных о пользователях • Меньше интерактивных инструментов для рядовых жителей	• Бюрократичность интерфейса • Сложность подачи и отслеживания точечных обращений • Меньше инструментов для активного участия граждан в развитии города (возможность подачи идей и голосования)

Сайт «Наш город Москва» оптимален для быстрого решения локальных проблем городской среды силами самих жителей. Институт развития городов РБ ориентирован на долгосрочное развитие и активно вовлекает местных жителей в процесс проектирования. Данная платформа с элементами краудсорсинга подходит для улучшения городской среды через сбор мнений жителей и экспертов и их обучение. Официальный сайт Администрации Уфы служит основным информационным ресурсом города, удобен для получения официальных данных, базовых услуг, но менее эффективен для активного участия жителей в развитии города.

Выводы. Таким образом, краудсорсинг – это социокоммуникативная технология, которая от директивного управления ведёт к партисипативному, позволяя жителям быть партнёрами в благоустройстве своего пространства, создавая комфортные, устойчивые и жизнеспособные условия для себя, где решения основаны на реальном опыте людей. При грамотной организации краудсорсинг является мощным инструментом для формирования облика города, где повышается качество жизни жителей, при этом обеспечивая прозрачность реализации программ, тем самым укрепляя доверие между обществом и управляющими структурами.

Библиографический список

1. Хау Дж. Краудсорсинг. Коллективный разум как инструмент развития бизнеса. М.: Альпина Паблишер, 2012. 288 с.
2. Бородина А.В. Социальный краудсорсинг: учебное пособие для магистрантов 1 курса по направлению подготовки 39.04.01 «Социология» факультета философии и социологии / А.В. Бородина. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2021. – с. 17-18.
3. Бакаленко А. В. Эволюция представлений о краудсорсинге: мировой и российский опыт // Journal of new economy. 2018. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/evolyutsiya-predstavleniy-o-kraudsorsinge-mirovoy-i-rossiyskiy-opyt> (дата обращения: 09.04.2026).
4. Пахомова О. А. Краудсорсинг как способ решения социальных проблем малых городов // Дискуссия. 2016. №3 (66). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kraudsorsing-kak-sposob-resheniya-sotsialnyh-problem-malyh-gorodov> (дата обращения: 09.04.2026).

5. Официальная платформа «Наш город, Москва». URL: <https://gorod.mos.ru/>
6. Официальный сайт Администрации города Уфы. Интерактивная карта Уфы. URL: <https://nash.gorodufa.ru/>
7. Институт развития городов Башкортостана. URL: <https://irgrb.ru/>

УДК 316.1

РОЛЬ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ В ФОРМИРОВАНИИ И ТРАНСФОРМАЦИИ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ МОЛОДЁЖИ THE ROLE OF SOCIAL MEDIA IN THE FORMATION AND TRANSFORMATION OF ETHNIC IDENTITY AMONG YOUNG PEOPLE

Ахтямова Камила Филюзовна, студентка 4 курса направления «Социология», ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий», Уфа, Россия, E-mail: kamilaakhtyamova@ya.ru

Akhtyamova Camila Filyuzovna, bachelor's degree student (4th year) in Sociology, Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia, E-mail: kamilaakhtyamova@ya.ru

Аннотация: Статья посвящена анализу роли социальных сетей в формировании и трансформации этнической идентичности молодёжи. В условиях цифровизации социальные сети становятся ключевым пространством самопрезентации и коммуникации, где этническая идентичность не только воспроизводится, но и переосмысливается. В работе выявлено, что под влиянием социальных сетей этническая идентичность приобретает гибридный и ситуативный характер, а также становится более ориентированной на публичное представление.

Abstract: this article examines the role of social media in the formation and transformation of ethnic identity among young people. In the context of digitalization, social media have become a key space for communication, self-presentation, and identity construction. The work revealed that under the influence of social networks, ethnic identity acquires a hybrid and situational character, and also becomes more focused on public representation.

Ключевые слова: этническая идентичность, социальные сети, молодёжь, самопрезентация, идентичность, цифровизация, социальное конструирование.

Key words: ethnic identity, social media, youth, self-presentation, identity construction, identity, digitalization, social construct.

Введение. Современная молодёжь формирует свою идентичность в условиях цифровизации, где социальные сети становятся ключевым пространством коммуникации и самопрезентации. В последнее время можно наблюдать как в социальных сетях повысился интерес к этнической культуре: в онлайн-среде распространяются публикации, связанные с обсуждением тем национальности, культурные мотивы различных этносов, традиционная одежда, музыка, символика, история и т.д. Используя социальные сети, молодые люди не только выражают принадлежность к этнической группе, но и конструируют новые формы этнокультурной самопрезентации, сочетая традиции и современные нормы. С одной стороны интернет-среда может способствовать укреплению этничности, а с другой – провоцировать маргинализацию, ассимиляцию или размывание идентичности. В данной статье рассматривается специфика и последствия формирования и трансформации этнической идентичности молодёжи в социальных сетях.

Целью статьи является выявление и систематизация основных механизмов формирования и трансформации этнической идентичности молодёжи под влиянием социальных сетей на основе анализа существующих работ.

Задачи:

1. Проанализировать основные теоретические подходы к изучению этнической идентичности.
2. Рассмотреть особенности формирования этнической идентичности молодёжи в условиях цифровизации общества.
3. Сопоставить классические теоретические подходы с современными исследованиями, включая российские работы, посвященные идентичности молодёжи.
4. Определить основные тенденции трансформации этнической идентичности.

Гипотеза: социальные сети не просто транслируют, но и трансформируют этническую идентичность, делая её более ситуативной, гибридной и публично презентуемой по сравнению с традиционными механизмами социализации.

Методы: теоретический анализ литературы, сравнительный анализ научных публикаций. Исследование выполнено в парадигме социального конструктивизма с опорой на концепции П. Бурдьё и М. Кастельса.

Теоретической основой исследования выступают работы П. Бурдьё и М. Кастельса. Бурдьё. В работе «Различение: социальная критика суждения»¹ Бурдьё показывает, что этническая принадлежность не сводится к объективным признакам (происхождение, язык, территория), но становится символическим капиталом, который индивид может накапливать и конвертировать в социальное признание. Также П. Бурдьё выделял ключевое понятие «габитус». Габитус – это система устойчивых диспозиций, через которую человек воспринимает и маркирует культурные различия. Применимо к социальным сетям, это означает следующее. Во-первых, среда с алгоритмами (лайки, репосты, комментарии) создает среду, в которой этнические маркеры – использование родного языка, публикация фото в традиционной одежде, распространение мемов – приобретают стоимость. Молодые люди не просто транслируют свою идентичность, а учатся «упаковывать» её так, чтобы она вызвала отклик аудитории. Во-вторых, габитус проявляется во взаимодействии с этническими пабликами, знание внутренних мемов и символов сообщества, умение отличать «своего» от «чужого» в комментариях. То есть, этническая идентичность становится некой «валютой», которая приносит выгоду в цифровом мире в виде одобрения других пользователей. Таким образом, социальные сети усиливают логику П. Бурдьё – этничность становится более публичной и конкурентной.

Кастельс, в свою очередь в «Информационную эпоху: экономика, общество и культура»² ввел понятия типов идентичности: легитимирующая, идентичность сопротивления и проективная идентичность. Нас интересует последняя, т.к. построение новой идентичности происходит из доступных культурных материалов. Социальные сети, по Кастельсу, становятся идеальной средой для проекта: молодой человек может в одном аккаунте комбинировать этнические символы, глобальные тренды, субкультурные коды, создавая гибридный образ, который не был задан семьёй или территорией проживания. Кроме того, Кастельс подчеркивает, что в сетевом обществе идентичность формируется в смысловых сообществах, которые возникают вокруг общих ценностей, интересов или символов. Паблики отдельных национальностей во «Вконтакте», хештеги в TikTok – это и есть такие смысловые сообщества, где идентичность выбирается и ежедневно подтверждается через лайки, комментарии и репосты. Тем самым, можно сказать, что этническая идентичность у молодёжи становится ситуативной – она включается и

¹ П. Бурдьё, Различение: социальная критика и суждения / пер. О.И. Кирчик // Экономическая социология. - 2005. - №3. - С. 25-48. // Cyberleninka URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/razlichenie-sotsialnaya-kritika-suzhdeniya> (дата обращения: 23/04/2026).

² Пантин В.И., Семененко И.С. Проблемы идентичности и российская модернизация // сб. «Поиск национально-цивилизационной идентичности и концепт «особого пути» в российском массовом сознании» в контексте модернизации (отв. ред. Лапкин В.В., Пантин В.И.) М., ИМЭМО РАН, 2004. // URL: <https://spkurdyumov.ru/future/problemu-identichnosti/> (дата обращения: 23/04/2026)

выключается в зависимости от контекста. Так, в она может проявляться во время межэтнических конфликтов в ленте или дни национальных праздников.

Подходы П. Бурдые и М. Кастельса по-разному объясняют, как формируется идентичность, но при этом хорошо дополняют друг друга. Бурдые считает, что идентичность во многом задаётся социальными условиями: через габитус и накопленный капитал. То есть человек действует в рамках уже сложившихся установок. Кастельс, наоборот, делает акцент на том, что в современном сетевом обществе человек может сам собирать свою идентичность из разных элементов. То есть у Бурдые – идентичность является результатом системы, а у Кастельса – результатом выбора. В социальных сетях эти два подхода соединяются: с одной стороны, есть правила и алгоритмы, с другой – возможность экспериментировать со своим образом. При этом между этими подходами есть противоречия. У Бурдые габитус устойчив, он формируется долго и не так легко меняется, а также не у всех есть одинаковые ресурсы и возможности. А у Кастельса, в отличие от Бурдые, картина более свободная. По Кастельсу идентичность более гибкая и может меняться от ситуации, человек сам конструирует себя. Обе теории появились до активного развития социальных сетей, поэтому их нужно адаптировать под современную цифровую реальность.

Среди современных исследований следует выделить работу американской исследовательницы Д. Бойд, показавшую, что американские подростки в социальных сетях постоянно «примеряют» различные роли, в том числе и этнические. Например, подросток из семьи мигрантов может в одном посте написать что-то на родном языке, а в следующем – полностью переключиться на английский. При этом, они делают это неспециально, а потому что социальные сети позволяют безопасно экспериментировать³. Таким образом, идентичность в интернете – ситуативна – сегодня ты «свой» для этнического сообщества, а завтра – просто фанат видеоигр. При этом молодые люди очень чувствительны к реакции аудитории: если пост про традиции соберёт мало лайков, они в следующий раз такое не выкладывают.

В российских исследования также отмечается влияние социальных сетей на этническую идентичность. Так, Е.А. Ягафова и А.С. Роговой в своей статье показывают, что в таких платформах, как «ВКонтакте», этничность часто связана с локальной идентичностью и проявляется через участие в онлайн-сообществах⁴. Эти сообщества помогают сохранить культурные традиции и создают пространство для общения «своих». Кроме того, в исследованиях российской молодежи подчеркивается, что у молодых людей формируется множественная идентичность. Например, Н.П. Сащенко отмечает, что у студентов одновременно могут сосуществовать и национальная, и гражданская, и культурная идентичности⁵. Это подтверждает, что идентичность становится более сложной и вариативной.

Проведённый анализ показывает, что влияние социальных сетей на этническую идентичность молодёжи носит структурный характер. Речь идёт о трансформации механизмов формирования идентичности. Если раньше этничность в большей степени

³ Д. Бойд Все сложно. Жизнь подростков в социальных сетях. - Высшая Школа Экономики (ВШЭ), 2020. - 352 с. // ЛитМир URL: <https://litmir.club/br/?b=698185> (дата обращения: 24/04/2026)

⁴ Е.А. Ягафова, А.С. Роговой ЭТНИЧЕСКАЯ VS ЛОКАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ ЧУВАШЕЙ В КИБЕРПРОСТРАНСТВЕ (ПО МАТЕРИАЛАМ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ «ВКОНТАКТЕ» И «ОДНОКЛАССНИКИ») // Народы и религии Евразии. - 2024. - №3. - С. 91-106. // CyberleninkaURL: <https://cyberleninka.ru/article/n/etnicheskaya-vs-lokalnaya-identichnost-chuvashy-v-kiberprostranstve-po-materialam-sotsialnyh-setey-vkontakte-i-odnoklassniki>(дата обращения 24/04/2026)

⁵ Н.П. Сащенко МНОЖЕСТВЕННАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ГРАЖДАНСТВЕННОСТИ РОССИЙСКОГО СТУДЕНЧЕСТВА (ПО ИТОГАМ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ) // PolitBook. - 2024. - №3. - С. 149-171. // CyberleninkaURL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mnozhestvennaya-identichnost-skvoz-prizmu-grazhdanstvennosti-rossiyskogo-studentstva-po-itogam-sotsiologicheskogo-issledovaniya> (дата обращения 24/04/2026)

задавалась традиционными агентами: семьей, территорией и традициями, то сегодня она всё чаще формируется в процессе онлайн-взаимодействия и зависит от цифровой среды.

Сопоставление подходов Пьера Бурдьё и Мануэля Кастельса позволяют глубже понять этот процесс. С одной стороны, сохраняется влияние социальных структур и неравенства, так как не все пользователи обладают одинаковыми ресурсами для предоставления своей идентичности. С другой стороны, цифровая действительность расширяет возможности выбора и конструирования образа себя. В результате этническая идентичность формируется на пересечении ограничений и возможностей: она одновременно есть и создаётся. Российские исследования показывают, что у молодёжи формируется множественная и гибкая идентичность, в которой этничность сосуществует с другими формами самоопределения.

Таким образом, этническая идентичность в условиях цифровизации превращается в процесс, который требует постоянного подтверждения, адаптации и переосмысления. Это означает, что для её изучения недостаточно традиционных подходов – необходимо учитывать влияние медиасреды и алгоритмов.

Список литературы

1. Бойд Д. Все сложно. Жизнь подростков в социальных сетях. - Высшая Школа Экономики (ВШЭ), 2020. - 352 с. // ЛитМир URL: <https://litmir.club/br/?b=698185> (дата обращения: 24.04.2026)
2. Бурдьё П., «Различие: социальная критика и суждения» / пер. О.И. Кирчик // Экономическая социология. - 2005. - №3. - С. 25-48. // CyberleninkaURL: <https://cyberleninka.ru/article/n/razlichenie-sotsialnaya-kritika-suzhdeniya> (дата обращения: 23.04.2026).
3. Пантин В.И., Семенов И.С. Проблемы идентичности и российская модернизация // сб. «Поиск национально-цивилизационной идентичности и концепт «особого пути» в российском массовом сознании» в контексте модернизации (отв. ред. Лапкин В.В., Пантин В.И.) М., ИМЭМО РАН, 2004. // URL: <https://spkurdyumov.ru/future/problems-identichnosti/> (дата обращения: 23.04.2026)
4. Саценко Н.П. МНОЖЕСТВЕННАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ГРАЖДАНСТВЕННОСТИ РОССИЙСКОГО СТУДЕНЧЕСТВА (ПО ИТОГАМ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ) // PolitBook. - 2024. - №3. - С. 149-171. // CyberleninkaURL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mnozhestvennaya-identichnost-skvoz-prizmu-grazhdanstvennosti-rossiyskogo-studentstva-po-itogam-sotsiologicheskogo-issledovaniya> (дата обращения 24.04.2026).
5. Ягафова Е.А., Роговой А.С. ЭТНИЧЕСКАЯ VS ЛОКАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ ЧУВАШЕЙ В КИБЕРПРОСТРАНСТВЕ (ПО МАТЕРИАЛАМ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ «ВКОНТАКТЕ» И «ОДНОКЛАССНИКИ») // Народы и религии Евразии. - 2024. - №3. - С. 91-106. // CyberleninkaURL: <https://cyberleninka.ru/article/n/etnicheskaya-vs-lokalnaya-identichnost-chuvashey-v-kiberprostranstve-po-materialam-sotsialnyh-setey-vkontakte-i-odnoklassniki> (дата обращения 24.04.2026).

СЕЗОННЫЙ ХАРАКТЕР СПРОСА В СФЕРЕ ВНУТРЕННЕГО ТУРИЗМА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

SEASONAL DEMAND IN DOMESTIC TOURISM IN THE RUSSIAN FEDERATION

Бадретдинов Артур Рамилевич, соискатель, ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий». 450076, г.Уфа, ул. Заки Валиди, д.32. Email: ugnfmf@mail.ru. ORCID: 0009-0004-5410-0629.

Научный руководитель: Кузнецова Альфия Рашитовна, доктор экономических наук, профессор кафедры социологии и работы с молодежью, ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий». 450076, г.Уфа, ул. Заки Валиди, д.32. E-mail: alfia_2009@mail.ru. ORCID: 0000-0003-0273-4801.

Badretdinov Arthur Ramilevich, applicant, FGBOU VO "Ufa University of Science and Technology" 450076, Ufa, ul. Zaki Validi, d.32. E-mail: ugnfmf@mail.ru. ORCID: 0009-0004-5410-0629.

Scientific supervisor: Kuznetsova Alfiya Rashitovna, Doctor of Economics, Professor, Department of Sociology and Youth Work, Ufa University of Science and Technology. 32 Zaki Validi St., Ufa, 450076. E-mail: alfia_2009@mail.ru. ORCID: 0000-0003-0273-4801.

Аннотация. Анализ сезонной вариабельности туристического спроса отчетливо прослеживается, что за последние 10-15 лет пик туристических поездок традиционно приходился на III квартал (июль-сентябрь). Однако в 2024-2025 гг. структура спроса сместилась, и максимальная активность стала фиксироваться уже во II квартале (март-июнь). Конфигурация сезонной цикличности из года в год является примерно одинаковой. Единственным выраженным отклонением от общей ритмики является 2020 год, когда введение пандемийных ограничений сформировало атипичный профиль сезонных флуктуаций. В остальном динамика спроса, несмотря на воздействие экзогенных и геополитических шоков, нарушающих устойчивость национальных и региональных экономик, сохраняет характер стабильно-динамичной ритмичности, проявляющейся в предсказуемой волатильности туристических потоков.

Ключевые слова: сезонность, внутренний туризм, кварталы, туристическая инфраструктура, кафе.

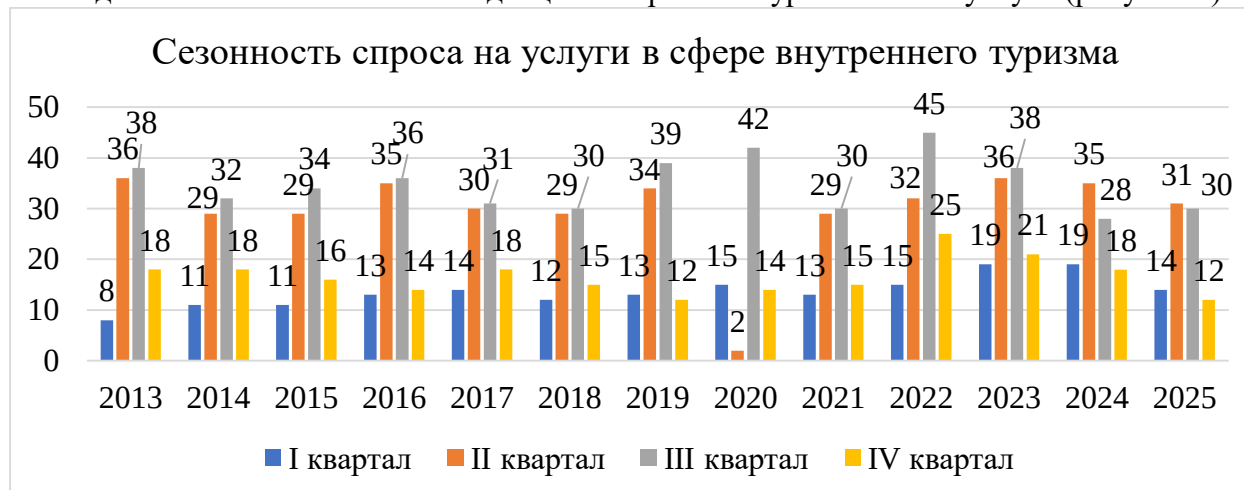
Abstract. An analysis of the seasonal variability of tourism demand clearly shows that over the past 10-15 years, peak tourist travel has traditionally occurred in the third quarter (July-September). However, in 2024-2025, the demand structure shifted, with peak activity occurring in the second quarter (March-June). The seasonal cycle pattern remains roughly the same from year to year. The only significant deviation from the general pattern was 2020, when the introduction of pandemic restrictions created an atypical profile of seasonal fluctuations. Otherwise, despite the impact of exogenous and geopolitical shocks that disrupt the stability of national and regional economies, demand dynamics maintain a stable and dynamic rhythm, manifested in predictable volatility in tourist flows.

Keywords: seasonality, domestic tourism, neighborhoods, tourist infrastructure, cafes.

Введение. Исследованию вопросов сглаживания сезонных колебаний в сфере внутреннего туризма посвящены работы Оциферова Н.А. [1], Эскерова А.Ф. и Эсетовой А.М. [2], Волченко Т.А.[3], Ахмерова А.А., Пироговой О.Е.[4], Шкиотова С.В., Загидуллина Д.М. [5], Наймушиной Е.А., Степановой Я.М., Плотниковой Е.В.[6], Краснова Д.Ю., Рассохиной Т.В.[7], Мыtareвой Е.А., Колечкиной И.П.[8], Дегтярева А.Н. [9, 10, 11], Кузнецовой А.Р. [12,

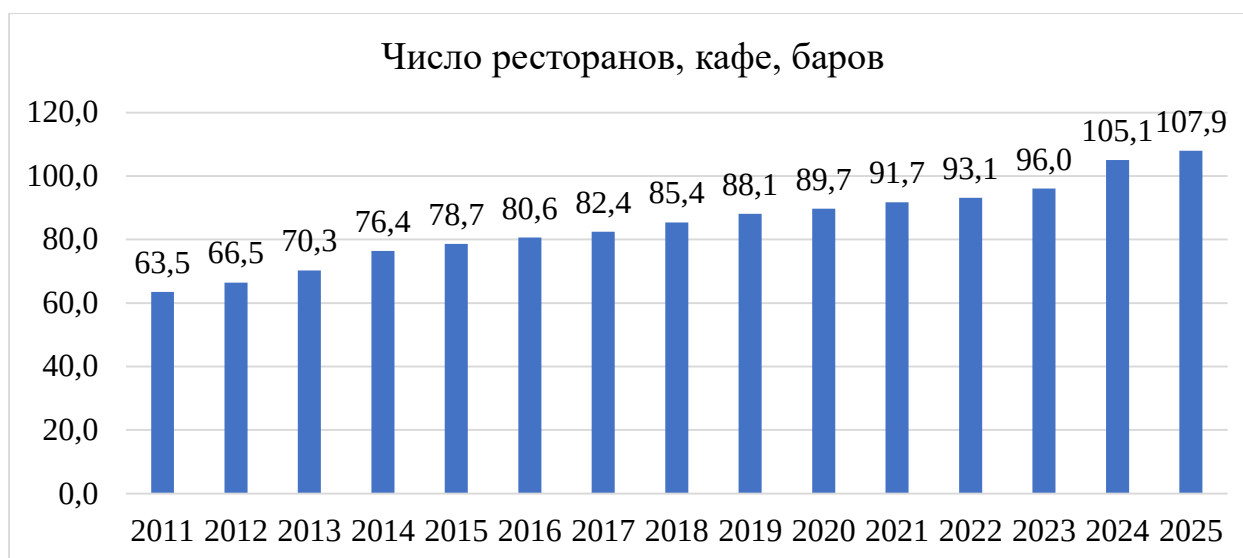
13], Беспяева М.Е.[14], Головиной С.Г. [15], Болотовой Л.В. [16], Булганиной С.В. [17], Кулаковского Е.С., Чистобаева А.И. и Грудцына Н.А [18], Кульковой И.А. и др. [19], Оборина М.С. [20], и некоторых других. В последние годы особую популярность приобретает социально-ответственный туризм, в том числе для лиц с ограниченными возможностями здоровья [21], а также туризм, ориентированные на решение экологических и социально-значимых проблем. Отдельное влияние на развитие туристической отрасли оказывают социальные сети [22] и цифровизация [23, 24], а также разнообразные современные маркетинговые технологии. Тем не менее выявлению основных тенденций сезонной неравномерности развития внутреннего туризма и механизмам ее сглаживания уделено пока недостаточное внимание.

Результаты исследования. Согласно данным Росстата, за период с 2013 по 2025 гг. наблюдаются схожие сезонные тенденции в спросе на туристические услуги (рисунок 1).

*Рис. 1. Сезонность спроса на услуги в сфере внутреннего туризма
(в процентах)*

В представленной структуре сезонного спроса на туристические услуги видно, что традиционно в период с 2013 по 2023 гг. преобладали туристические поездки в III квартале (июль-сентябрь), а в 2024-2025 гг. – уже во II квартале (март-июнь). В 2013 и 2023 гг. структура сезонного спроса была примерно одинаковой. Во всем графике сезонных колебаний в анализируемой динамике исключением является 2020 год, когда была объявлена пандемийная изоляция. В целом, несмотря на существующие геополитические и экзогенные шоки, нарушающие функционирование национальных и региональных экономик, ритмическая ситуация со спросом в сфере туризма характеризуется как стабильно динамичная, обладающая сезонной флуктуацией, волатильностью. Рост внутреннего туристического спроса сопряжен с ростом соответствующей инфраструктуры (рисунок 2).

*Рис. 2. Число ресторанов, кафе, баров в сфере туризма по России
(тысяч единиц)*

Согласно данным официальной статистики, число ресторанов, кафе и баров по Российской Федерации возросло на 70%.

В исследуемой динамике численность внутренних путешественников возросла примерно втрое. Нагрузка на систему общественного питания многократно возросла. Поток посетителей в специализированных средствах размещения, включая санаторно-курортные организации, базы отдыха, кемпинги возрос на 51%.

Выводы. Сезонная вариабельность туристического потока характеризует изменчивость и зависимость данной сферы от целого ряда разнообразных факторов, в том числе природно-погодных и климато-географических. При этом амплитуда сезонной неравномерности туристического потока является стабильной из года в год, что делает данную сферу предсказуемой для успешной организации как с точки зрения рационального распределения имеющихся ресурсов, так и с точки зрения формирования графика обновления основных производственных фондов.

Наблюдаемые тенденции свидетельствуют о расширении туристической активности в стране и подтверждают наличие стабильного спроса в туристической и санаторно-курортной сфере.

Список литературы:

1. Офицерова, Н. А. Управление процессами развития туристско-рекреационного потенциала территории на основе межмуниципальных связей / Н. А. Офицерова // Вестник университета. – 2026. – № 2. – С. 96-104. – DOI 10.26425/1816-4277-2026-2-96-104. – EDN LLQKMН.
2. Эскеров, А. Ф. Внутренний туризм как фактор устойчивого развития Республики Дагестан: потенциал, проблемы и перспективы / А. Ф. Эскеров, А. М. Эсетова // Региональные проблемы преобразования экономики. – 2026. – № 4(186). – С. 219-227. – DOI 10.26726/rppe2026v4dtaaf. – EDN RRGRFZ.
3. Волченко, Т. А. Комплексный анализ факторов роста туристических потоков в регионах России / Т. А. Волченко // Вестник экономики, права и социологии. – 2026. – № 1. – С. 25-31. – DOI 10.24412/1998-5533-2026-1-25-31. – EDN BNXHOZ.
4. Ахмеров, А. А. Разработка стратегической карты системы сбалансированных показателей для оценки формирования регионального туристского продукта / А. А. Ахмеров, О. Е. Пирогова // Международный научный журнал. – 2026. – № 1(107). – С. 15-24. – DOI 10.34286/1995-4638-2026-107-1-15-24. – EDN FQCVML.

5. Шкиотов, С. В. Оценка эффективности инвестиций в сферу туризма Большого Золотого кольца России / С. В. Шкиотов, Д. М. Загидуллин // Экономика и предпринимательство. – 2026. – № 3(188). – С. 355-362. – DOI 10.34925/EIP.2026.188.3.054. – EDN FEMPMN.
6. Наймушина, Е. А. Стратегические приоритеты развития туризма в Российской Федерации / Е. А. Наймушина, Я. М. Степанова, Е. В. Плотникова // Инновационная экономика: информация, аналитика, прогнозы. – 2026. – № 1. – С. 147-153. – DOI 10.47576/2949-1894.2026.1.1.017. – EDN UCXXZY.
7. Краснов, Д. Ю. Влияние геополитических и макроэкономических трансформаций на региональные рынки индустрии гостеприимства (на примере туристических регионов РФ) / Д. Ю. Краснов, Т. В. Рассохина // Московский экономический журнал. – 2026. – Т. 11, № 5. – С. 196-216. – DOI 10.55186/2413046X_2026_11_5_71. – EDN SPWYBW.
8. Мытарева, Е. А. Экономическая оценка туристического потенциала малых городов: факторный анализ на примере Новосибирской области / Е. А. Мытарева, И. П. Колечкина // Modern Economy Success. – 2026. – № 3. – С. 230-235. – DOI 10.58224/2500-3747-2026-3-230-235. – EDN FOZNJK.
9. Дегтярев, А. Н. Тенденции развития санаторной сферы в Российской Федерации / А. Н. Дегтярев, А. Р. Кузнецова, А. Р. Бадретдинов // Уфимский гуманитарный научный форум. – 2024. – № 4(20). – С. 15-31. – DOI 10.47309/2713-2358-2024-4-15-31. – EDN BRZDUA.
10. Дегтярев, А. Н. Тенденции развития санаторно-курортной сферой в Российской Федерации / А. Н. Дегтярев, А. Р. Кузнецова, А. Р. Бадретдинов // Уфимский гуманитарный научный форум. – 2025. – № 3(23). – С. 85-97. – DOI 10.47309/2713-2358-2025-3-85-97. – EDN ISLEON.
11. Дегтярев, А. Н. Экономика невозвратных затрат: последствия и способы преодоления / А. Н. Дегтярев, А. Р. Кузнецова, И. В. Дегтярева // Уфимский гуманитарный научный форум. – 2025. – № 4(24). – С. 16-24. – DOI 10.47309/2713-2358-2025-4-16-24. – EDN OZQTLK. Булганина, С. В. Исследование критериев выбора санаториев / С. В. Булганина, М. П. Прохорова, А. А. Шкунова // Наука Красноярья. – 2024. – Т. 13, № 1-3. – С. 49-53. – EDN IIBRFS.
12. Кузнецова, А. Р. Управление персоналом: Учебное пособие / А. Р. Кузнецова. – Уфа: Нефтегазовое дело, 2026. – 360 с. – ISBN 978-5-98755-473-9. – EDN SARUSG.
13. Кузнецова, А. Р. Менеджмент / А. Р. Кузнецова. – Уфа: Нефтегазовое дело, 2026. – 232 с. – ISBN 978-5-98755-474-6. – EDN YVGVRL.
14. Беспаяев, М. Е. Менеджмент: теория и практика управления / М. Е. Беспаяев, А. Р. Кузнецова, Г. К. Бекбусинова. – Астана: Университет «Туран-Астана», 2025. – 139 с. – EDN UBAYXY.
15. Головина, С. Г. Внедрение практик социальной экономики: концептуальные основы и региональные особенности / С. Г. Головина, А. Р. Кузнецова // Уфимский гуманитарный научный форум. – 2025. – № 4(24). – С. 106-121. – DOI 10.47309/2713-2358-2025-4-106-121. – EDN LIVFEK.
16. Болотова, Л. В. Анализ и перспективы развития туристской отрасли в Республике Башкортостан / Л. В. Болотова // Уфимский гуманитарный научный форум. – 2026. – № 1(25). – С. 51-64. – DOI 10.47309/2713-2358-2026-1-51-64. – EDN UYCOLA.
17. Булганина, С. В. Исследование критериев выбора санаториев / С. В. Булганина, М. П. Прохорова, А. А. Шкунова // Наука Красноярья. – 2024. – Т. 13, № 1-3. – С. 49-53. – EDN IIBRFS.
18. Кулаковский, Е. С. Дифференциация стран Евразийского экономического союза по уровню развития лечебно-оздоровительного туризма / Е. С. Кулаковский, А. И. Чистобаев, Н. А. Грудцын // Известия Российской академии наук. Серия географическая. – 2024. – Т. 88, № 4. – С. 485-495. – DOI 10.31857/S2587556624040029. – EDN RQIBIM.
19. Совершенствование маркетинговых коммуникаций как элемент менеджмента организации / И. А. Кулькова, А. В. Овчинникова, А. Р. Кузнецова, В. П. Неганова //

- Дискуссия. – 2025. – № 1(134). – С. 177-184. – DOI 10.46320/2077-7639-2025-1-134-177-184. – EDN SMKABC.
20. Оборин, М. С. Особенности развития санаторно-курортного комплекса республики Татарстан / М. С. Оборин // Вестник Забайкальского государственного университета. – 2015. – № 12(127). – С. 131-140. – EDN VPEJWD.
21. Василенко, Т. А. Социально-ответственный туризм как инструмент обеспечения устойчивого развития экономики региона / Т. А. Василенко // Социальная политика и социология. – 2025. – Т. 24, № 1(154). – С. 117-128. – DOI 10.17922/2071-3665-2025-24-1-117-128. – EDN CMFDRN.
22. Кузнецова, А. Р. Социологический анализ влияния социальных сетей на формирование потребительского поведения молодежи / А. Р. Кузнецова, Ж. Р. Агзамова // Сборник статей III Международной научно-практической конференции Студенческого научного общества Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, 01–02 ноября 2024 года. – Санкт-Петербург: ООО "Скифия-принт", 2024. – С. 650-654. – EDN QBWNQY.
23. Агзамова, Ж. Р. Семья в цифровом веке: как технологии меняют наши отношения / Ж. Р. Агзамова, А. Р. Кузнецова // Социально-демографическая политика в контексте формирования социо-культурной идентичности: материалы Всероссийского молодежного социологического форума, посвященного памяти основоположника социологического образования в Республике Башкортостан, доктора философских наук, профессора Гилязитдинова Джаудата Махмудовича, Уфа, 15–17 апреля 2025 года. – Уфа: Уфимский университет науки и технологий, 2025. – С. 11-14. – EDN SWZOBX.
24. Абилова, Е. В. Возможности развития агротуризма в условиях цифровизации / Е. В. Абилова, С. Г. Головина, А. Р. Кузнецова // Уфимский гуманитарный научный форум. – 2025. – № 2(22). – С. 28-42. – DOI 10.47309/2713-2358-2025-2-28-42. – EDN SDIZCE.

УДК 332.1

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ САНАТОРНО-КУРОРТНОЙ И ТУРИСТИЧЕСКОЙ СФЕРЫ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Бадретдинов Артур Рамилевич, соискатель, ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий». 450076, г.Уфа, ул. Заки Валиди, д.32. Email: ugnfmf@mail.ru. ORCID: 0009-0004-5410-0629

Научный руководитель: Кузнецова Альфия Рашитовна, доктор экономических наук, профессор кафедры социологии и работы с молодежью, ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий», Уфа, Россия. ORCID: 0000-0003-0273-4801 E-mail: alfia_2009@mail.ru

Badretdinov Artur Ramilevich, PhD candidate at Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russian Federation

Scientific supervisor: Kuznetsova Alfiya Rashitovna, Professor of the Department of Sociology and of work with Youth, Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia. ORCID: 0000-0003-0273-4801 E-mail: alfia_2009@mail.ru

Аннотация. Анализ динамики туристического потока в Российской Федерации показывает, что подавляющая часть путешественников по-прежнему ориентируется преимущественно на краткосрочные поездки, в т.ч. гостиничные формы размещения (их доля составляет 74%). Санаторно-курортный сегмент в России охватывает 26% туристов и отдыхающих из их общего числа. Инфраструктура размещения также претерпела масштабные изменения. Общее количество средств размещения в стране выросло более чем

в три раза. Поток отдыхающих в стране демонстрирует аналогичную позитивную динамику. Число туристов, размещавшихся в гостиницах и аналогичных средствах размещения, за период с 2010 по 2025 гг., увеличилось более, чем втрое. В специализированных средствах размещения (санатории, базы отдыха, кемпинги и др.) прирост составил 50,9%, что указывает на устойчивый, хотя и более умеренный рост сегмента оздоровительного и рекреационного туризма. В условиях трехкратного увеличения числа средств размещения, роста номерного фонда в 2,8 раза, общего увеличения числа ночевков в 2,4 раза и роста числа путешественников в 2,6 раза, туристический рынок демонстрирует структурный сдвиг: объем путешествий растет, но их средняя продолжительность сокращается, стабилизируясь на уровне 4,3 дня. Число путешествий стало больше, но они стали короче.

Ключевые слова: туризм, санаторно-курортные организации, средства размещения, число ночевков.

TRENDS IN THE DEVELOPMENT OF THE SPA, RESORT, AND TOURISM SECTORS IN THE RUSSIAN FEDERATION

© Badretdinov Artur Ramilevich

Ufa University of Science and Technology,
Ufa, Russian Federation

Abstract. An analysis of tourist flow dynamics in the Russian Federation shows that the overwhelming majority of travelers continue to prefer short-term trips, including hotel accommodations (74%). The spa and resort segment in Russia accounts for 26% of all tourists and vacationers. Accommodation infrastructure has also undergone significant changes. The total number of accommodation facilities in the country has more than tripled. The flow of vacationers in the country demonstrates similar positive dynamics. The number of tourists staying in hotels and similar accommodation facilities more than tripled between 2010 and 2025. Specialized accommodation facilities (sanatoriums, recreation centers, campsites, etc.) grew by 50.9%, indicating steady, albeit more moderate, growth in the health and recreational tourism segment. With the number of accommodation facilities tripling, the number of rooms growing by 2.8 times, the overall number of overnight stays increasing by 2.4 times, and the number of travelers growing by 2.6 times, the tourism market is experiencing a structural shift: the volume of trips is growing, but their average duration is decreasing, stabilizing at 4.3 days. The number of trips has increased, but they have become shorter.

Keywords: tourism, health resort organizations, accommodation facilities, number of overnight stays.

Введение. Исследованию вопросов развития санаторно-курортной сферы посвящено относительно небольшое количество работ. Согласно Булганиной С.В., Прохоровой М.П., Шкуновой А.А., «анализируя частоту покупки путевок в санатории отмечено: 36% людей приезжают каждый год; 32% - приезжают несколько раз в сезон; 20% – приезжают редко, только по рекомендации врача и 12% - больше четырех раз в сезон» [1]. Исследованию рынка санаторно-курортных услуг посвящены работы Карякиной И.Е., Кожушко В.Г.[2], Дегтярева А.Н. [3, 4, 5], Кузнецовой А.Р. [3-6], Бадретдинова А.Р. [3, 4], Головиной С.Г. [7], Болотовой Л.В. [8], Булганиной С.В. [9], Кулаковского Е.С., Чистобаева А.И. и Грудцына Н.А [10]. Вопросам развития лечебно-оздоровительного туризма посвящены работы Алагаровой Л.С., Розановой Т.П. и др. [11], Бакиевой Г.Р., Банновой А.В. [12], Мурзаевой Н.А., Булашовой О.В., Трифонова В.А.[13], Оборина М.С. [14], Кузнецовой А.Р. [15, 16], Беспяева М.Р. и др. [17], Кульковой И.А. и др. [18] и некоторых других. Тем не менее выявлению основных современных тенденций развития санаторно-курортной сферы уделено пока недостаточное внимание.

Результаты исследования. Согласно данным Росстата, количество средств размещения в туристической отрасли за период с 2010 по 2025 гг. возросло в три раза (рисунок 1).

Рис. 1. Число средств размещения в России (единиц)

В структуре средств размещения по видам видно, что наибольшая доля принадлежит гостиницам и аналогичным средствам размещения (рисунок 2).

Рис. 2. Соотношение средств размещения в России (в процентах)

В число специализированных средств размещения входят санаторно-курортные организации, базы отдыха, кемпинги. Однако доля таких средств размещения в динамике с 2010 по 2025 гг. уменьшилась с 37 до 26%.

Доля гостиниц и аналогичных средств размещения за период с 2010 по 2016-2018 гг. увеличилась до 75-76%, затем к 2025 г. незначительно уменьшилась до 74%. В количественном выражении число гостиниц в стране возросло с 7866 до 24797 (т.е. в 3,2 раза), специализированных средствах размещения – с 4719 до 8569 (т.е. на 81,6%).

Общее количество номеров среди средств размещения увеличилось в 2,2 раза: с 556 до 1242 тыс. мест. в т.ч. в гостиницах – в 3,1 раза: с 260 до 806 тыс.мест; в специализированных средствах размещения – лишь на 14,5%: с 295 до 338 тыс.мест.

Среднее число мест в номерах всех видов средств размещения увеличилось с двух до трех (рисунок 3).

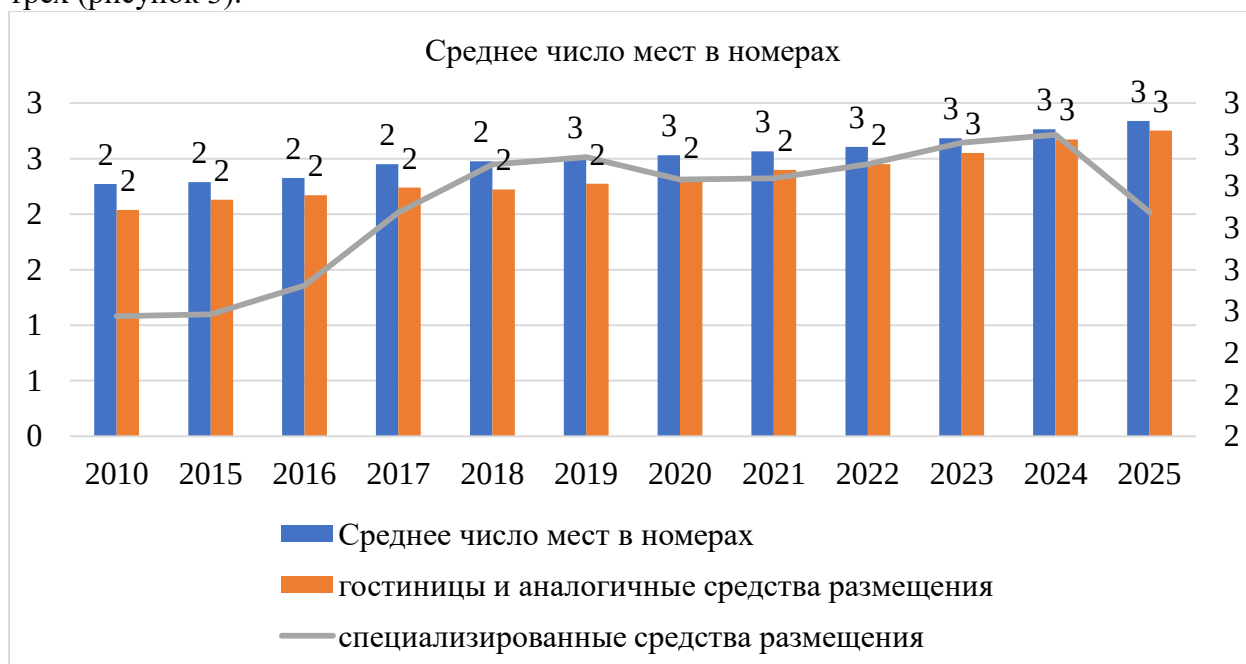

Рис. 3. Среднее число мест в номерах в России (число мест)

Данная ситуация может свидетельствовать о распространении спроса на семейный отдых и туризм. При этом в исследуемой динамике число размещенных лиц возросло с 34746 тыс.чел. до 92043 тыс.чел., т.е. в 2,6 раза (рисунок 4).

Рис. 4. Численность размещенных лиц в России (тыс.человек)

Количество отдыхающих в гостиницах и аналогичных средствах размещения за период с 2010 по 2025 гг. в стране возросло более, чем в три раза, а число отдыхающих в специализированных средствах размещения, включая санаторно-курортные организации, базы отдыха, кемпинги, увеличилось на 50,9%.

Выводы. Проведенный анализ показал, что российские туристы в последние годы, в основном, предпочитают гостиничный отдых (74%) против санаторно-курортного (26%). При этом совокупный объем ночевков продемонстрировал впечатляющий рост: с 163 млн до 395,4 млн., т.е. увеличился в 2,4 раза, что свидетельствует о существенном расширении туристической активности. Общее число средств размещения в стране возросло более, чем в три раза, в т.ч. число гостиниц в стране возросло с 7866 до 24797 (т.е. в 3,2 раза), специализированных средств размещения – с 4719 до 8569 (т.е. на 81,6%). Среднее число мест в номерах всех видов средств размещения увеличилось с двух до трех.

Количество отдыхающих в гостиницах и аналогичных средствах размещения за период с 2010 по 2025 гг. в стране возросло более, чем в три раза, а число отдыхающих в специализированных средствах размещения, включая санаторно-курортные организации, базы отдыха, кемпинги, увеличилось на 50,9%.

В среднем на одного отдыхающего число дней путешествия уменьшилось с 4,7 дней в 2010 г. до 4,3 дней в 2025 г. На одно средство размещения в среднем в 2010 г. приходилось 13 тыс.ночевков туристов в год, а в 2025 г. – 10,3 тыс.ночевков, т.е. на 20,3% меньше. Таким образом вместе с ростом числа средств размещения (в 3 раза), отмечался рост объемов номерного фонда (в 2,8 раза), рост числа ночевков (в 2,4 раза) и рост числа путешественников (в 2,6 раза), число путешествий возросло, но их продолжительность уменьшилась на 8,4%, в среднем до 4,3 дня.

Наблюдаемые тенденции свидетельствуют о расширении туристической активности в стране и подтверждают наличие стабильного спроса в туристической и санаторно-курортной сфере.

Список литературы:

1. Булганина, С. В. Исследование критериев выбора санаториев / С. В. Булганина, М. П. Прохорова, А. А. Шкунова // Наука Красноярья. – 2024. – Т. 13, № 1-3. – С. 49-53. – EDN IIBRFS.
2. Карякина, И.Е. Рынок санаторно-курортных услуг России: анализ и перспективы развития / И. Е. Карякина, В. Г. Кожушко // Экономика и предпринимательство. – 2024. – № 9(170). – С. 606-615. – DOI 10.34925/EIP.2024.170.9.108. – EDN TEBZVX.
3. Дегтярев, А.Н. Тенденции развития санаторной сферы в Российской Федерации / А. Н. Дегтярев, А. Р. Кузнецова, А. Р. Бадретдинов // Уфимский гуманитарный научный форум. – 2024. – № 4(20). – С. 15-31. – DOI 10.47309/2713-2358-2024-4-15-31. – EDN BRZDUA.
4. Дегтярев, А.Н. Тенденции развития санаторно-курортной сферой в Российской Федерации / А.Н. Дегтярев, А. Р. Кузнецова, А. Р. Бадретдинов // Уфимский гуманитарный научный форум. – 2025. – № 3(23). – С. 85-97. – DOI 10.47309/2713-2358-2025-3-85-97. – EDN ISLEON.
5. Дегтярев, А. Н. Экономика невозвратных затрат: последствия и способы преодоления / А. Н. Дегтярев, А.Р. Кузнецова, И. В. Дегтярева // Уфимский гуманитарный научный форум. – 2025. – № 4(24). – С. 16-24. – DOI 10.47309/2713-2358-2025-4-16-24. – EDN OZQTLK.
6. Головина, С. Г. Внедрение практик социальной экономики: концептуальные основы и региональные особенности / С. Г. Головина, А. Р. Кузнецова // Уфимский гуманитарный научный форум. – 2025. – № 4(24). – С. 106-121. – DOI 10.47309/2713-2358-2025-4-106-121. – EDN LIVFEK.
7. Болотова, Л. В. Анализ и перспективы развития туристской отрасли в Республике Башкортостан / Л. В. Болотова // Уфимский гуманитарный научный форум. – 2026. – № 1(25). – С. 51-64. – DOI 10.47309/2713-2358-2026-1-51-64. – EDN UYCOLA.
8. Кузнецова, А. Р. Депривация бедности в различных социальных группах российского общества / А. Р. Кузнецова, А. А. Старшина // Уфимский гуманитарный научный форум. – 2026. – № 1(25). – С. 289-306. – DOI 10.47309/2713-2358-2026-1-289-306. – EDN AMDKJH.

9. Булганина, С. В. Исследование критериев выбора санаториев / С. В. Булганина, М. П. Прохорова, А. А. Шкунова // Наука Красноярья. – 2024. – Т. 13, № 1-3. – С. 49-53. – EDN IIBRFS.
10. Кулаковский, Е. С. Дифференциация стран Евразийского экономического союза по уровню развития лечебно-оздоровительного туризма / Е. С. Кулаковский, А. И. Чистобаев, Н. А. Грудцын // Известия Российской академии наук. Серия географическая. – 2024. – Т. 88, № 4. – С. 485-495. – DOI 10.31857/S2587556624040029. – EDN RQIBIM.
11. Проблемы развития лечебно-оздоровительного туризма в современных условиях / Л. С. Агаларова, Т. П. Розанова, Р. Ю. Стыцук, А. А. Таваков // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. – 2023. – Т. 31, № 1. – С. 44-50. – DOI 10.32687/0869-866X-2023-31-1-44-50. – EDN LJRKQ.
12. Бакиева, Г. Р. Качество работы персонала здравниц как фактор развития туризма / Г. Р. Бакиева, А. В. Баннова // Экономика и предпринимательство. – 2021. – № 11(136). – С. 1256-1261. – DOI 10.34925/EIP.2021.11.136.254. – EDN OFMJKE.
13. Мурзаева, Н. А. Опыт разработки и внедрения стандартов технологий медицинских услуг в организациях санаторного типа / Н. А. Мурзаева, О. В. Булашова, В. А. Трифонов // Дневник казанской медицинской школы. – 2018. – № 3(21). – С. 75-78. – EDN YVFMOT.
14. Оборин, М. С. Особенности развития санаторно-курортного комплекса республики Татарстан / М. С. Оборин // Вестник Забайкальского государственного университета. – 2015. – № 12(127). – С. 131-140. – EDN VPEJWD.
15. Кузнецова, А. Р. Управление персоналом: Учебное пособие / А. Р. Кузнецова. – Уфа: Нефтегазовое дело, 2026. – 360 с. – ISBN 978-5-98755-473-9. – EDN SARUSG.
16. Кузнецова, А. Р. Менеджмент / А. Р. Кузнецова. – Уфа: Нефтегазовое дело, 2026. – 232 с. – ISBN 978-5-98755-474-6. – EDN YVGVRL.
17. Беспаяев, М. Е. Менеджмент: теория и практика управления / М. Е. Беспаяев, А. Р. Кузнецова, Г. К. Бекбусинова. – Астана: Университет «Туран-Астана», 2025. – 139 с. – EDN UBAUYX.
18. Совершенствование маркетинговых коммуникаций как элемент менеджмента организации / И. А. Кулькова, А. В. Овчинникова, А. Р. Кузнецова, В. П. Неганова // Дискуссия. – 2025. – № 1(134). – С. 177-184. – DOI 10.46320/2077-7639-2025-1-134-177-184. – EDN SMKABC.

УДК 316.653

**ТРАНСФОРМАЦИЯ ОБРАЗА МОЛОДЁЖИ В СОВЕТСКОМ И СОВРЕМЕННОМ
РОССИЙСКОМ КИНЕМАТОГРАФЕ: ДИСКУРС-АНАЛИЗ
TRANSFORMATION OF THE IMAGE OF YOUTH IN SOVIET AND MODERN RUSSIAN CINEMA:
DISCOURSE ANALYSIS**

Борисова Анжела Владимировна, студент кафедры социологии и работы с молодежью, направление 39.03.01 «Социология», 2 курс, ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий», Уфа, Россия, E-mail: angela290706@gmail.com

Borisova Angela Vladimirovna, student of the Department of Sociology and Youth Work, major 39.03.01 «Sociology», 2nd year, Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia, E-mail: angela290706@gmail.com

Научный руководитель: Туракаев Марсель Салаватович, кандидат социологических наук, старший преподаватель кафедры социологии и работы с молодежью, ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий», Уфа, Россия, E-mail: mturakaev@gmail.com

Scientific supervisor: Turakayev Marcel Salavatovich, Candidate of Sociological

Sciences, Senior lecturer at the Department of Sociology and Youth Work, Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia, E-mail: mturakaev@gmail.com

Аннотация: В статье рассматривается трансформация образа молодёжи в советском и современном российском кинематографе на основе дискурс-анализа. Анализируются изменения ценностей, жизненных ориентиров и социальных ожиданий, отражённых в фильмах разных исторических периодов. Выявлено, что в советском кино молодёжь представлена как социально интегрированная группа, ориентированная на коллективные ценности, тогда как в современном кинематографе акцент смещается на индивидуальные переживания, внутренние конфликты и социальные проблемы. Делается вывод о связи трансформации образа молодёжи с изменениями в общественной системе ценностей.

Abstract: The article examines the transformation of the image of youth in Soviet and modern Russian cinema on the basis of discourse analysis. The article analyzes the changes in values, life orientations and social expectations reflected in films of different historical periods. It is revealed that in Soviet cinema youth is represented as a socially integrated group focused on collective values, whereas in modern cinema the emphasis is shifting to individual experiences, internal conflicts and social problems. The conclusion is made about the connection between the transformation of the image of youth and changes in the social value system.

Ключевые слова: молодёжь; кинематограф; дискурс-анализ; ценности; социальные ожидания; трансформация; образ молодёжи.

Keywords: youth; cinematography; discourse analysis; values; social expectations; transformation; image of youth.

Введение

Образ молодёжи в кинематографе представляет собой важный элемент социального конструирования реальности, отражающий доминирующие представления общества о ценностях, нормах и ожиданиях, связанных с молодым поколением. В различные исторические периоды эти представления претерпевают изменения под влиянием социально-экономических и культурных трансформаций.

Образ молодёжи в кино является отражением представлений общества о молодом поколении, его ценностях, жизненных ориентирах и роли в социальной структуре. В разные исторические периоды общество формирует различные ожидания по отношению к молодёжи. Необходимо определить, как изменился образ молодёжи в кино под влиянием социальных и культурных трансформаций общества, а также понять, сохранились ли основные ценности и ожидания, связанные с молодым поколением, или они претерпели значительные изменения.

Дискурс-анализ является одним из ключевых методов качественного социологического исследования, направленным на изучение способов конструирования социальной реальности через язык и символические формы. В рамках данного подхода дискурс рассматривается как совокупность высказываний, практик и смыслов, через которые формируются представления о социальных явлениях.

Кинематограф в данном контексте выступает как значимый канал производства и распространения дискурсов. Он не только отражает существующие социальные установки, но и участвует в их формировании, закрепляя определённые образы и модели поведения.

Образ молодёжи в кино можно рассматривать как социальный конструкт, формируемый в процессе общественного взаимодействия и закрепляемый в культурных продуктах, включая кинематограф [1]. В советский период доминировали коллективистские ценности, ориентированные на общественное благо, что находило отражение в позитивном и оптимистичном изображении молодёжи. В современном обществе акцент смещается в сторону индивидуализма, личных переживаний и внутреннего мира человека, что приводит к усложнению и противоречивости образов.

Таким образом, анализ кинематографа позволяет выявить не только изменения в репрезентации молодёжи, но и более широкие социальные трансформации.

Методика исследования и информационные источники

Цель исследования – сравнить образ молодёжи в советском и современном российском кино и выявить трансформацию ценностей и социальных ожиданий, связанных с молодым поколением. Объект исследования – советский и современный российские художественные фильмы о молодёжи: «Я шагаю по Москве» и «1000 дешёвых зажигалок». Предмет исследования – ценности, жизненные ориентиры и социальные ожидания, отражённые в образах молодёжи в советском и современном кино. Задачи: 1. На примере выбранных фильмов выявить ключевые характеристики образа молодёжи; 2. Провести анализ выбранных фильмов как представителей разных исторических периодов; 3. Охарактеризовать героев фильмов: их цели, ценности, поведение и жизненные ориентиры; 4. Проанализировать социальные ожидания по отношению к молодёжи, отраженные в каждом из фильмов; 5. Провести сравнительный анализ образов молодёжи и выявить основные изменения в ценностях и социальных ожиданиях.

Эмпирическую базу исследования составляют художественные фильмы «Я шагаю по Москве» (1964) и «1000 дешёвых зажигалок» (2022), представляющие разные исторические периоды и отражающие различные социальные контексты.

Единицами анализа выступают образы героев, их ценности и жизненные ориентиры, модели поведения, особенности коммуникации, а также социальные ожидания, транслируемые через сюжет, диалоги и визуальные средства. Дополнительно учитываются языковые особенности речи персонажей и способы их взаимодействия с социальной средой, что позволяет более полно раскрыть специфику дискурсивного представления молодёжи.

Методологической основой исследования выступает социологический анализ, ориентированный на выявление и интерпретацию социальных смыслов, закреплённых в культурных текстах и практиках [2]. Данный подход позволяет рассматривать кинематограф не только как форму отражения социальной реальности, но и как механизм её конструирования.

В рамках качественного подхода дискурс-анализ рассматривается как один из методов изучения смысловых структур, проявляющихся в текстах и коммуникативных практиках [3]. Его применение позволяет выявить скрытые значения, ценностные установки и модели восприятия, транслируемые через кинематографические образы. В качестве дополнительных методов используются сравнительный анализ, направленный на сопоставление образов молодёжи в разные исторические периоды, а также интерпретация визуальных и текстовых элементов.

Дискурс в данном исследовании понимается как система высказываний, через которую формируются и воспроизводятся социальные нормы, знания и представления о допустимом, что соответствует подходу М. Фуко [4]. Такой подход позволяет анализировать не только явное содержание фильмов, но и скрытые идеологические и культурные смыслы, формирующие образ молодёжи.

Образы молодёжи в советском и современном кино на примере фильмов «Я шагаю по Москве» (1964) и «1000 дешёвых зажигалок» (2022)

Согласно подходу Мишеля Фуко, любой дискурс не просто описывает реальность, а устанавливает **границы того, что можно сказать и показать**, а что остаётся за рамками допустимого. В применении к кинематографу это означает, что образ молодёжи формируется не как прямое отражение жизни, а как результат системы правил, норм и запретов, действующих в конкретную эпоху.

Образ молодёжи в кино отражает представления общества о своём будущем. В 1960-е годы, с наступлением «оттепели», в советском кинематографе появились новые персонажи – «романтики и мечтатели», задающиеся смыслом жизни и неизведанным будущим. В этот период создаётся фильм «Я шагаю по Москве» (1964) Георгия Данелии, рассказывающий об одном летнем дне жизни троих друзей и показывающий атмосферу московского лета 1960-х годов, полный надежд, разочарований, влюблённости и дружбы. Через несколько

десятилетий в российском кино появляется образ уже другого поколения молодёжи, сформировавшегося в постсоветский период. Этот образ представлен в фильме «1000 дешёвых зажигалок» режиссёра Ирина Обидова.

Фильм «Я шагаю по Москве» – лирическая комедия, снятая по сценарию Геннадия Шпаликова. В сюжете участвуют молодой метростроитель Колька и его друзья – сапёр-полиграфист Володя и призывник Саша, а также продавщица Алёна из отдела грампластинок ГУМа. Действие разворачивается за один солнечный день в Москве 1960-х. Как отмечают авторы, смысл картины – «показать ощущение летней Москвы 60-х годов, Москвы, которой уже не будет». Это фильм о том, как жила молодёжь того времени: о днях, полных надежд, разочарований, влюблённости и дружбы. Визуально фильм использует яркое освещение и длиннофокусную оптику для реализма будничной московской среды, часто снимая улицы города. Герои одеты просто (футболки, юбки, спортивная обувь), что подчёркивает естественность и «простоту» образа молодёжи.

Текстовые единицы анализа – прежде всего диалоги – в «Я шагаю по Москве» легки и остроумны: персонажи говорят просто, порой шутят. Диалоги практически свободны от идеологической риторики, они несут бытовой, обывательский смысл. Так, в разговоре с девушкой за прилавком она признаётся, что замужем. Володя спрашивает: «И у вас всё хорошо?» – «Очень!» – «Но ведь так не бывает!» – «Бывает!». Это типичная бытовая шутка, подчёркнуто мягкая и доверительная манера речи. Другой пример – диалог Коли и Саши, играющих со словами («Саша: Свет, скажи, а ты меня любишь? Что «да»? «Да» – да, или «да» – нет?») – здесь язык тёплый, даже романтический, а интонация игривая.

В советском фильме «Я шагаю по Москве» дискурсивные границы исключают изображение серьёзных социальных конфликтов, критику системы, сомнения в будущем. Молодёжь **не может быть** показана как растерянная, агрессивная или отвергнутая обществом – такое изображение не вписалось бы в доминирующий дискурс. Именно поэтому цензура потребовала добавить «недовольного маляра»: без этого фильм казался слишком идиллическим, то есть выпадал из ожиданий даже самой системы.

Лингвистический стиль героев укоренён в просторечии 60-х (проявления советской студенческой субкультуры, нецензурные слова не используются), интонация – оптимистичная, мелодичная. Композиционно фильм состоит из фрагментарных сцен-новелл, где каждый персонаж предстает в обычной ситуации (бабушка шьёт рубашку, таксист иностранец, работник-полотёр разговаривает с Володей ироническим тоном и т.д.). В этих сценах доминирует юмор (например, разборки с таксистом, метафора «китаец–японец») и умиротворённые реплики (саспенс-диалоги с полотёром). Фильм строится без острых конфликтов: критика советской системы почти отсутствует, наоборот – подчёркивается дружелюбие и доброжелательность окружающих (как писал М. Ромм, «молодёжь наша прекрасна... перед которыми жизнь только еще раскрывает двери»). Именно в этом «бесконфликтном» ключе фильм был воспринят советской критикой: цензура даже настояла на добавлении «недовольного маляра» (Владимира Басова) для внутреннего конфликта, полагая картину слишком безмятежной. Таким образом, скрытые дискурсивные структуры в фильме «Я шагаю по Москве» отражают идею «прекрасного социалистического будущего»: молодые герои предстают счастливыми, открытыми и уверенными в завтрашнем дне (их метафорические «белые паруса» надежд). Любовно-дружеские отношения, простые мечты и утопический оптимизм – неизречённые послы фильма, формировавшие «гимн поколению 60-х». [5]

Изменение образа молодёжи в кино напрямую связано с изменениями, которые происходили в обществе. В советский период большое значение придавалось коллективным ценностям. Человек рассматривался прежде всего как часть общества, поэтому ожидалось, что он будет работать на общее благо и разделять общие идеалы. В культуре и в кино молодёжь чаще показывали активной, жизнерадостной и уверенной в будущем. Негативные переживания, сомнения или внутренние конфликты редко становились центральной темой.

Во многом это было связано с тем, что общественная идеология ориентировала людей на оптимизм и на служение обществу. В центре внимания находились коллективные цели и общий успех, а не индивидуальные переживания человека.

Современный фильм «1000 дешёвых зажигалок» – социальная подростковая драма о молодых людях в провинциальном техникуме. Действие разворачивается в небольшом городе на северо-западе России, сюжет сосредоточен на двух лучших друзьях – Артёме и Косте, учениках электромеханического техникума. Артём (17 лет) умён и способный, но играет роль аутсайдера; Костя – «зайка»-подросток, стесняющийся своего полного телосложения. Однажды после шалости на уроке ОБЖ администрация школы решает составить «список опасных подростков – взрывников» для внутреннего учёта. Костя по чистой случайности попадает в этот список, получает статус «группового лидера шалостей» и становится популярным, при этом предав друга. Оскорблённый Артём решает доказать свою правоту – вплоть до идеи взрыва школьного памятника. Вдобавок в этой истории появляется Кира, богатая старшеклассница, вносящая в сюжет свою внутреннюю «бунтарку». «1000 дешёвых зажигалок» – фильм о последствиях школьного буллинга и безразличия взрослых к проблемам подростков. Режиссёр Обидова ставила цель «разобраться, что происходит в головах современных подростков». Действительно, при всей своей драматической серьёзности картина сочетает элементы мелодрамы и даже лёгкого юмора, что делает её восприимчивой и живой.

Кадр из фильма «1000 дешёвых зажигалок» (рис. 1), где юные герои наблюдают за взрывом фейерверка. Этот визуальный приём объединяет романтическую сцену – герои держатся за руки – с символикой опасности и взрыва. Фейерверк здесь работает как метафора взрыва накопившихся эмоций: снаружи – красивое зрелище, но за спинами героев – риск трагедии. Такой кадр подчёркивает двойственность образа современного подростка: с одной стороны – романтика и уязвимость, с другой – агрессия и социальные испытания.

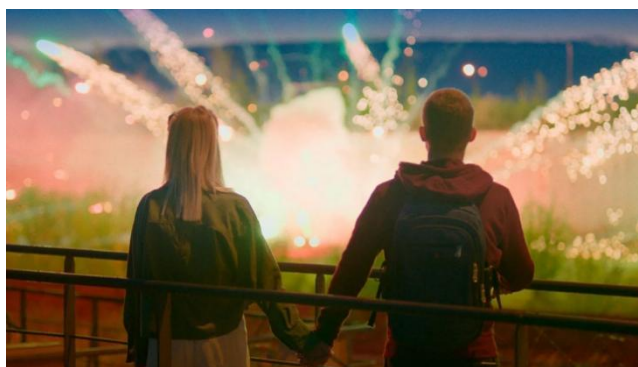

Рис. 1. Кадр из фильма «1000 дешёвых зажигалок»

Текстовая стилистика «1000 дешёвых зажигалок» кардинально отличается от советского фильма. Диалоги живые и афористичные: персонажи говорят на современном сленге, иногда употребляют матерные выражения (сущность проблем передана откровенно – например, Кира заплатит Артёму, чтобы он помог ей «ругаться матом на весь залив»). Часто слышна эмоциональная заряженность: в речи много злобы, раздражения и сарказма (что подчёркивают скроллеры чата техникума, появляющиеся на экране и транслирующие оскорбления и поддерживающие сообщения). В картине отражён цифровой дискурс современных подростков: помимо прямых речевых клише («я весь в этой парке», «таак давай!»), регулярно выводятся переписки и уведомления из мессенджеров, демонстрируя форму общения «поколения Z». Лингвистически герои разделены на группы: старшеклассники, учителя, родители говорят с оттенком отрешённости или авторитарности; подростки же – дерзко и откровенно. Стратегия обработки текста – грубая и прямолинейная: здесь нет двусмысленности или долгих метафор, всё на виду (что усиливает напряжение).

Дискурс «1000 дешёвых зажигалок» создают молодые авторы – режиссёр И. Обидова и сценарист Л. Цыганова. Их фильм оказался непредсказуемым для аудитории: несмотря на то что премьерный показ прошёл в фестивальном детском конкурсе, картина получила маркировку «18+» и вызвала «самые горячие обсуждения» и бурю эмоций. Это говорит о том, что адресной аудиторией становятся не только подростки, но и их родители, учителя, все равнодушные старшие поколения. Через фестивали («Окно в Европу», Arctic Open) и онлайн-прокат (фильм выходил в интернет-кинотеатрах) новая драма транслирует свой социальный посыл широкой аудитории. Социальный контекст здесь заметен: фильм явился откликом на реальные трагедии и показал, что зрители «во время просмотра испытали разные эмоции: возмущение, радость, грусть, раздражение, потрясение, но равнодушные». В финале фильма восприятие усиливает ссыла на эти трагедии – герои на экране выбрасывают адреналин, но зритель сразу напоминает себе о «старой ране» в обществе, которую можно залечить только «через адскую боль».

В фильме «1000 дешёвых зажигалок» дискурсивные границы сдвинуты. Теперь допустимо показывать буллинг, мат, предательство, равнодушие взрослых, мысли о взрыве. **Запрещённым становится** наивный оптимизм и безоговорочное доверие миру. Таким образом, трансформация образа молодёжи – это не просто смена художественных приёмов, а смена самого дискурсивного режима, то есть того, что общество разрешает говорить о себе.

В современном обществе ситуация во многом изменилась. Большое внимание стало уделяться индивидуальности, личным достижениям и внутреннему миру человека. В кино всё чаще поднимаются темы личных трудностей, одиночества, конфликтов со сверстниками и взрослыми. Молодёжь в современных фильмах нередко показана как поколение, которое ищет своё место в обществе и сталкивается с различными социальными и психологическими проблемами. Таким образом, изменение образа молодёжи в кино отражает более широкий переход общества от коллективистских ценностей к большему вниманию к индивидуальным интересам и личному опыту человека.

Бергер и Лукман в работе «Социальное конструирование реальности» показывают, что повседневные представления о мире не даны человеку от природы, а формируются и закрепляются через повторяющиеся социальные практики и их символическое выражение. Кинематограф выступает одним из мощнейших институтов такого конструирования: зритель не просто смотрит фильм, а **усваивает через него** нормы, оценки и ожидания.

В советском фильме конструируется образ реальности, где молодёжь естественно вписана в социальную структуру, где будущее предсказуемо и позитивно. Этот образ закреплялся через лёгкие диалоги, солнечную визуализацию, отсутствие сквозного конфликта.

В современном фильме конструируется иная реальность: мир подростка – это зона риска, где взрослые не помогают, дружба хрупка, а любой ярлык («взрывник») может запустить цепь необратимых событий. Регулярное появление на экране переписка в мессенджерах, скроллеров чата, уведомлений – это уже не просто стилистический приём, а способ легитимировать новый вид реальности: цифровую коммуникацию как часть идентичности подростка.

Сравнительный анализ стратегий конструирования образов молодёжи в фильмах «Я шагаю по Москве» (1964) и «1000 дешёвых зажигалок» (2022)

Образы молодёжи в обеих картинах несут противоположный смысл. В «Я шагаю по Москве» герои показаны как образцовые «пионеры романтики»: оптимистичные, беззаботные, с чувством юмора, они демонстрируют социально одобряемые ценности – дружбу, верность, любовь. Например, когда Коля случайно встретил путешественника – «знатока Москвы», его ответ («Простите, вы случайно не клад здесь ищите?») полон игривой дерзости, но не оскорбителен. Общий тон фильма – лёгкий, доброжелательный, без явной политической или мрачной нагрузки. Применяются комичные гиперболы (бессмысленное

копание на перекопанной площади) и метафоры (символ «белых парусов» надежды из песни, которую в фильме чуть не отредактировали из-за идеологической «опасности»). Манипулятивных приёмов мало: власть лишь ненавязчиво регулирует текст (например, предложила добавить персонажа агрессивного маляра вместо чистого оптимизма), но основное послание – радоваться жизни и гордиться молодостью.

Напротив, в «1000 дешёвых зажигалок» задействованы разные дискурсивные стратегии:

- стигматизация (школа навешивает на подростков ярлык «взрывник»)
- гипербола (название фильма само по себе – преувеличение масштабов, символизирующее накопление «заряда» у героев)
- дихотомия «добро–зло», «отстающие–лидеры» (Костя пытается стать «топчиком», а его друг остаётся внизу социальной иерархии)

Преимущественно используются **прямые высказывания** и горькая ирония (например, герои не пытаются сгладить конфликт – Костя прямо объясняет одноклассникам, что именно он «виноват во всех шалостях»). Авторская позиция откровенна: взрослые показаны безразличными или отстранёнными («учителя целый фильм видят лишь два взрыва в аудитории»); подростки – экспрессивны. Заметна **метафоризация** конфликта: взрывы петард и финальный замысел подрыва памятника – явные аллегории «подрыва системы» и крика о помощи. **Юмора** немного – больше крикливой социальной критики, но ирония присутствует в острых репликах героев (например, мать Кости постоянно называет его «зайчиком», подчёркивая инфантильность). Общая стратегия – не утаивать тяжёлые стороны: фильм отказывается от упрощений и показывает мир школьников максимально «без прикрас».

Заключение

Сравнение образа молодёжи в советском и современном российском кино показывает, что представления о молодом поколении существенно изменились. В фильме «Я шагаю по Москве» молодёжь изображена как открытая, жизнерадостная и уверенная в будущем. Герои живут обычной жизнью, общаются, строят планы, влюбляются и воспринимают окружающий мир с оптимизмом. В их поведении и разговорах практически отсутствуют серьёзные социальные конфликты. Таким образом, в фильме формируется образ молодёжи как активной части общества, которая спокойно входит во взрослую жизнь и воспринимает будущее положительно.

В фильме «1000 дешёвых зажигалок» образ молодёжи представлен иначе. Подростки сталкиваются с непониманием со стороны взрослых, конфликтами в школе и сложностями в общении со сверстниками. В центре сюжета находятся проблемы буллинга, социальной изоляции и внутреннего напряжения. Молодые герои чаще испытывают чувство одиночества, растерянности и недоверия к окружающим.

Проведённый дискурс-анализ показывает, что изменение образа молодёжи связано с более широкими социальными изменениями. В советском кино молодёжь чаще показывали как носителя позитивных общественных ценностей и надежд на будущее. В современном кино акцент смещается на личные переживания, внутренние конфликты и социальные проблемы, с которыми сталкиваются подростки.

Таким образом, анализ показывает, что образ молодёжи в кино отражает изменения в обществе и в системе ценностей разных эпох. Если в советский период молодёжь чаще изображалась как гармонично включённая в социальную систему, то в современном кино она нередко показана как группа, испытывающая трудности в поиске своего места в обществе.

Библиографический список

1. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995. 323 с.
2. Ядов В.А. Стратегия социологического исследования: описание, объяснение, понимание социальной реальности: учеб. пособие. 3-е изд., испр. М.: Омега-Л, 2007. 567 с.

3. Девятко И.Ф. Методы социологического исследования. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1998. 208 с.
4. Фуко М. Археология знания. СПб.: Гуманитарная академия; Университетская книга, 2004. 416 с.
5. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.

УДК 378.1

ПРОЕКТ «АМБАССАДОРЫ ДОБРА»: ОТ ГРАНТОВОЙ ЗАЯВКИ ДО РЕАЛЬНЫХ РЕЗУЛЬТАТОВ

(опыт реализации молодежного проекта в г. Севастополе)

Валиуллин Герман Алексеевич, магистрант 1 курса направления «Организация работы с молодежью», ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий», Уфа, Россия, E-mail: germanchupinal@yandex.ru

Valiullin German Alekseevich, student in the program «Organization of Work with Youth», Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia, E-mail: germanchupinal@yandex.ru

Научный руководитель: Шаяхметова Римма Рафаэлевна, кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и работы с молодежью, ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий», Уфа, Россия, E-mail: rimma55@bk.ru

Scientific supervisor: Shayakhmetova Rimma Rafaelevna, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor of the Department of Sociology and Youth Work, Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia, E-mail: rimma55@bk.ru

Аннотация. В статье представлен анализ реализации социального проекта «Амбассадоры ДОБРА», получившего грантовую поддержку Управления по делам молодежи города Севастополя. Рассматривается полный цикл управления проектом: от концепции и планирования до отчетности и оценки результатов. Особое внимание уделяется бюджету, количественным и качественным показателям.

Abstract. This article presents an analysis of the implementation of the social project "Ambassadors of GOOD," which received grant support from the Sevastopol Department of Youth Affairs. It examines the full project management cycle: from concept and planning to reporting and performance evaluation. Particular attention is paid to the budget, quantitative, and qualitative indicators.

Ключевые слова: социальное проектирование, управление проектами, грант, амбассадоры, волонтерство, молодежная политика.

Keywords: social design, project management, grant, ambassadors, volunteering, youth policy.

Вовлечение молодежи в волонтерскую деятельность остается одной из приоритетных задач государственной молодежной политики. Согласно Федеральному закону №489-ФЗ «О молодежной политике», содействие участию молодежи в добровольчестве является одним из основных направлений [1]. Однако, как показывают исследования, существуют системные барьеры: информационная закрытость, отсутствие референтных лиц, непонимание личной выгоды от участия [2].

Одной из перспективных технологий выступает создание сети «амбассадоров» —

подготовленных лидеров из самой молодежной среды, которые через личный пример транслируют ценности добровольчества, помогают сверстникам преодолевать информационные, социально- психологические и мотивационные барьеры.

Цель данной статьи – проанализировать опыт реализации проекта «Амбассадоры ДОБРА» как пример эффективного управления молодежным проектом и оценить возможности его масштабирования.

Концепция проекта. Проект «Амбассадоры ДОБРА» был разработан и реализован в рамках Конкурса добровольческих молодежных проектов города Севастополя в 2024 году (номинация «Голос добра»). Проект получил грантовую поддержку из бюджета города Севастополя в размере 100 000 рублей (Соглашение № 14- ГМД от 04.12.2024) [3].

Целью проекта было увеличение численности добровольческого сообщества города Севастополя путем проведения встреч с активистами добровольческого сообщества и формирования сообщества «Амбассадоры ДОБРА» до конца 2025 года.

Задачи проекта:

1. Проведение конкурса «Амбассадоры ДОБРА».
2. Формирование сообщества амбассадоров.
3. Проведение образовательной программы.
4. Проведение встреч с обучающимися учебных заведений.

Целевой аудиторией выступила молодежь в возрасте от 14 до 35 лет, проживающая на территории города Севастополя [4].

Проект реализовывался с 15 февраля 2025 по 30 ноября 2025. Партнером проекта выступило Управление по делам молодежи города Севастополя.

Этапы реализации и управленческие решения.

Этап 1. Проведение конкурса (15.02.2025–31.03.2025)

Была запущена информационная кампания в социальных сетях. Принято и обработано 57 заявок (при плане 50). Участники представляли видео-визитки и профили в социальных сетях. По итогам отбора сформирован список из 10 победителей, получивших статус «Амбассадоры ДОБРА».

Управленческое решение: использование открытого конкурса с понятными критериями позволило привлечь мотивированных участников и обеспечить прозрачность отбора.

Этап 2. Организационно-подготовительный (15.02.2025–31.03.2025).

Разработана и согласована программа однодневного образовательного интенсива. Осуществлен заказ и контроль изготовления брендированной продукции:

- 10 брендированных свитшотов с нанесением (2500 руб./шт., 25000 руб.);
- 10 статуэток с нанесением (1400 руб./шт., 14000 руб.);
- 10 сертификатов формата А4 (500 руб.);
- 100 3D-наклеек (5500 руб.).

Разработан логотип проекта и макеты для печати (услуги дизайнера – 10000 руб.).

Управленческое решение: привлечение профессиональных подрядчиков позволило обеспечить качество продукции и соблюдение сроков [5].

Этап 3. Образовательная программа (31.03.2025–30.04.2025)

17.04.2025 проведена однодневная образовательная программа для победителей конкурса на базе ГБУ «Молодежный центр» г. Севастополя. Приглашенные спикеры провели обучение по темам:

- Ораторское мастерство и образ выступающего;
- Взаимодействие с аудиторией;
- Внешний вид спикера, образ добровольца в сети;
- Инструменты вовлечения аудитории в выступление.

Управленческое решение: привлечение практикующих тренеров с подтвержденной

квалификацией обеспечило высокое качество подготовки амбассадоров.

Этап 4. Фотосессия и создание визуального контента (31.03.2025– 30.10.2025)

Проведена фотосессия для победителей конкурса. Получено 30 обработанных фотографий. Фотографии опубликованы в социальных сетях с личными историями амбассадоров [7].

Управленческое решение: качественный визуальный контент повысил вовлеченность аудитории и создал привлекательный образ проекта.

Этап 5. Выездные встречи в учебных заведениях (01.11.2025–30.11.2025)

Проведено 15 встреч с учащимися общеобразовательных школ, среднеспециальных и высших учебных заведений города Севастополя. На встречах амбассадоры на личном опыте рассказывали о возможностях, ценностях и практической пользе добровольчества, преодолевали стереотипы и отвечали на вопросы.

Активным участникам встреч выдавались 3D-наклейки с символикой проекта.

Информационное сопровождение. В ходе реализации проекта осуществлялось систематическое информационное сопровождение. Всего было опубликовано 34 публикации в социальных сетях (ВКонтакте, Telegram), включая посты в группах и на личных страницах участников и партнеров. Общее количество просмотров публикаций составило 7373.

Публикации освещали:

- старт приема заявок на конкурс;
- промежуточные итоги;
- проведение образовательной программы;
- фотосессию;
- выездные встречи;
- итоги проекта[8].

Бюджет и ресурсы. Общая сумма расходов на реализацию проекта составила 100000 рублей, полностью освоенных в соответствии с утвержденной сметой.

Таблица 1

Структура расходов проекта

Статья расходов	Сумма (руб.)
Услуги дизайнера (логотип, макеты)	10000
Изготовление брендированных Свитшотов (10 шт.)	25000
Изготовление статуэток (10 шт.)	14000
Изготовление сертификатов (10 шт.)	500
Изготовление 3D-наклеек (100 шт.)	5 500
Услуги фотосъемки (30 Обработанных фото)	15000
Проведение образовательной программы	30000
ИТОГО	100000

Таблица 2

Количественные результаты

Показатель	План	Факт	Выполнение
Количество заявок на конкурс	50	57	114%
Количество победителей (амбассадоров)	10	10	100%

Количество встреч с обучающимися	15	15	100%
Количество публикаций	34	34	100%
Количество просмотров	4000	7373	184%
Количество обработанных фотографий	30	30	100%
Участники мероприятий (14–35лет)	50	57	114%

Все запланированные количественные показатели выполнены в полном объеме, а по отдельным позициям (количество заявок, просмотры) значительно превышены [8].

Качественные результаты. В отчете о реализации проекта отмечены следующие качественные результаты [8]:

1. Сформировано сообщество из 10 активных представителей добровольческого сообщества города Севастополя, которые на системной основе занимаются популяризацией волонтерства. Участники продолжают взаимодействовать после завершения грантового финансирования.

2. Повышение уровня информированности молодежи о добровольческой деятельности. В ходе 15 встреч амбассадоры на личных примерах рассказывали о возможностях, ценностях и практической пользе волонтерства, преодолевая стереотипы и отвечая на вопросы.

3. Формирование позитивного образа волонтера. Образовательная программа включала темы, направленные на формирование устойчивого и привлекательного образа добровольца: ораторское мастерство, внешний вид спикера, образ в социальных сетях, работа с возражениями, профилактика эмоционального выгорания.

Значимость и возможность масштабирования заключалась в повышении уровня участия молодежи в добровольческой деятельности. Ключевым механизмом стало персональное вовлечение через живое общение с амбассадорами, которые на конкретных примерах и личном опыте рассказывали сверстникам о возможностях, ценностях и практической пользе добровольчества.

Области применени результатов:

- Деятельность образовательных учреждений (школ, колледжей, вузов) по развитию добровольчества;
- Работа молодежных центров и общественных организаций;
- Тиражирование модели «амбассадоры» в других регионах.

Выводы и рекомендации. Проект «Амбассадоры ДОБРА» подтвердил эффективность модели «амбассадоров» как механизма вовлечения молодежи в волонтерскую деятельность. За 9 месяцев реализации были достигнуты все запланированные показатели, а по ряду направлений – значительно превышены.

Ограничения проекта. Проект был реализован при поддержке Управления по делам молодёжи г. Севастополя, которое выступило грантодателем и ключевым партнёром. Успех проекта во многом обусловлен эффективным взаимодействием с органом молодёжной политики, что обеспечило доступ к площадкам, информационную поддержку и экспертное сопровождение. При масштабировании модели на другие регионы необходимо учитывать, что аналогичный уровень партнёрства с региональными органами власти является критическим фактором успеха. Потребуется не только реализация проектных мероприятий,

но и выстраивание отношений с потенциальными грантодателями и партнёрами "с нуля".

Рекомендации для специалистов по работе с молодежью:

1. Делать ставку на лидеров из самой молодежной среды. Амбассадоры должны быть «своими» для целевой аудитории – только тогда их пример будет работать.
2. Сочетать обучение и практику. Образовательная программа должна давать не только знания, но и конкретные инструменты, которые амбассадоры сразу могут применять в работе.
3. Создавать сообщество, а не просто группу активистов. Горизонтальные связи, общие ценности и неформальное общение удерживают участников и после завершения проекта.
4. Обеспечивать видимость и признание. Брендированная продукция, публикации, награды работают на мотивацию и формируют позитивный образ волонтера.
5. Документировать и транслировать опыт. Качественное информационное сопровождение не только выполняет отчетную функцию, но и создает базу для тиражирования модели.
6. Учитывать региональную специфику. Модель, успешно работающая в Севастополе, требует адаптации при переносе в другие регионы. Например, для Республики Башкортостан это означает: анализ существующих волонтерских центров в Уфе и Стерлитамаке, выявление потенциальных партнёров (Министерство молодёжной политики РБ, ресурсные центры, вузы), адаптацию образовательной программы под локальные запросы.

Библиографический список:

1. Российская Федерация. Законы. О молодежной политике в Российской Федерации: Федеральный закон №489-ФЗ: [принят Государственной Думой 23 декабря 2020 года: одобрен Советом Федерации 25 декабря 2020 года]: (ред. от 23.07.2025) // Garant.ru: информационно-правовой портал. – URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/400056192/> (дата обращения: 02.03.2026).
2. Воронова Р.Б. Мотивация участия студентов в волонтерской деятельности как фактор саморазвития [Электронный ресурс] / Р.Б. Воронова // Мир науки. Педагогика и психология. – 2023. – Т. 11, № 1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/motivatsiya-uchastiya-studentov-v-volonterskoy-deyatelnosti-kak-faktor-samorazvitiya> (дата обращения: 02.03.2026).
3. Соглашение о предоставлении гранта № 14-ГМД от 04.12.2024 // Управление по делам молодежи города Севастополя. – Документ находится в архиве автора / Управления по делам молодежи г. Севастополя
4. Форма заявки на Конкурс добровольческих молодежных проектов города Севастополя 2024 года (номинация «Голос добра»). – Документ находится в архиве автора / Управления по делам молодежи г. Севастополя
5. Договор № ЮТ25-237 от 03.04.2025 с ИП Матвеевым А.И. на изготовление брендированной продукции. – Севастополь, 2025. – Документ находится в архиве автора / Управления по делам молодежи г. Севастополя
6. Договор № АД/1 от 01.04.2025 с ИП Цыганок Ю.Э. на проведение образовательной программы. – Севастополь, 2025. – Документ находится в архиве автора / Управления по делам молодежи г. Севастополя.
7. Договор оказания услуг фотосъемки от 17.04.2025 с ИП Блоцкой Ю.В. – Севастополь, 2025. – Документ находится в архиве автора / Управления по делам молодежи г. Севастополя
8. Отчет о реализации проекта «Амбассадоры ДОБРА» (декабрь 2025 г.). – Севастополь, 2025. – 34 с. – Документ находится в архиве автора / Управления по делам молодежи г. Севастополя.

КОМПЕТЕНТНОСТНЫЙ ПОДХОД К ПОДГОТОВКЕ БУДУЩИХ СОЦИОЛОГОВ

A COMPETENCY-BASED APPROACH TO TRAINING FUTURE SOCIOLOGISTS

Гайфуллин Андрей Юрьевич, кандидат социологических наук, заведующий кафедрой социологии и работы с молодежью, ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий», Уфа, Россия, E-mail: gayfullin_a@mail.ru

Кунгурцева Гузэль Фанузовна, доктор социологических наук, профессор кафедры социологии и работы с молодежью, ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий», Уфа, Россия.

Gayfullin Andrey Yuryevich, Candidate of Sociological Sciences, Head of the Department of Sociology and Youth Work, Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia, E-mail: gayfullin_a@mail.ru

Kungurtseva Guzel Fanuzovna, Doctor of Sociology, Professor of the Department of Sociology and Youth Work, Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia.

Аннотация: В статье рассматривается компетентностный подход к подготовке будущих социологов. Обосновывается необходимость синхронизации образовательных программ с запросами работодателей. На примере реализации образовательной программы бакалавриата 39.03.01 "Социология" в ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий» демонстрируется структура универсальных, общепрофессиональных и профессиональных компетенций социологов. Делается вывод о том, что интеграция практико-ориентированных модулей, проектной деятельности и цифровых инструментов анализа данных позволяет преодолеть разрыв между теорией и практикой, формируя специалистов, готовых к решению сложных социальных задач без длительного периода адаптации.

Abstract: The article discusses a comprehensive approach to the training of future sociologists. The necessity of synchronizing educational programs with the demands of employers is substantiated. Using the example of the implementation of the bachelor's degree program 39.03.01 "Sociology" at the Ufa University of Science and Technology, the structure of universal, general professional and professional competencies of sociologists is demonstrated. It is concluded that the integration of practice-oriented modules, project activities and digital data analysis tools makes it possible to bridge the gap between theory and practice, forming specialists who are ready to solve complex social problems without a long period of adaptation.

Ключевые слова: компетентностный подход, социологическое образование, подготовка социологов, профессиональные компетенции, универсальные компетенции.

Keywords: competence approach, sociological education, training of sociologists, professional competencies, universal competencies.

Современный рынок требует от выпускника-социолога не просто эрудиции, а способности немедленно включиться в профессиональную деятельность: самостоятельно проводить эмпирические исследования, работать с большими данными (Big Data), применять методы машинного обучения для анализа текстов и визуализировать результаты [1]. Работодатели – государственные структуры, маркетинговые агентства, HR-департаменты корпораций – нуждаются в специалистах, способных решать конкретные прикладные задачи без длительного периода адаптации на рабочем месте [2].

Компетентностный подход выступает эффективным методологическим инструментом, позволяющим синхронизировать образовательные программы высшей школы с динамично меняющимся запросом индустрии [4]. В отличие от традиционной парадигмы «знаний,

умений и навыков» (ЗУН), где целью является объем усвоенной информации, компетентностная модель ориентирована на конечный результат – формирование у студента набора компетенций [5].

Компетенция – это заранее заданное социальное требование или норма к образовательной подготовке специалиста. Это круг вопросов, в которых человек должен быть осведомлен, и совокупность знаний, умений и владений, которыми он обладает потенциально.

Компетенция отвечает на вопрос *«Что специалист должен знать и уметь потенциально?»*. Она представляет собой круг вопросов, в которых человек должен быть осведомлен, и совокупность знаний, умений и владений (ЗУВ). На данном этапе это лишь потенциал, существующий в виде учебных программ и планов. Например, компетенция «Способность применять методы анализа больших данных в социальных науках».

Компетентность – это уже состоявшееся личностное качество, владение человеком соответствующей компетенцией. Компетентность отвечает на вопрос *«Как этот потенциал реализуется здесь и сейчас?»*. Это мобилизация знаний, ценностей и опыта для эффективного действия в конкретной, часто неопределенной ситуации. Компетентность проявляется исключительно в деятельности и всегда индивидуализирована (табл. 1).

Таблица 1

Сравнительный анализ понятий «компетенция» и «компетентность»

Параметр	Компетенция	Компетентность
Сущность	Социально-закрепленное требование, норма к подготовке. Потенциал личности.	Реализованная компетенция. Актуальное личностное качество. Результат развития.
Вопрос	<i>«Что должен знать и уметь потенциально?»</i>	<i>«Как этот потенциал реализуется здесь и сейчас?»</i>
Проявление	Существует в учебных планах, ФГОС, профстандартах.	Проявляется исключительно в практической деятельности.
Оценка	Проверяется через тесты, зачеты, экзамены (входной контроль).	Оценивается через портфолио, кейс-стади, защиту реальных проектов (выходной контроль).
Пример	Владение методами регрессионного анализа (знание формулы и алгоритма).	Способность построить модель предсказания явки избирателей на основе сырых данных опроса и объяснить погрешность заказчику.

Содержание подготовки будущих социологов в рамках компетентностного подхода структурируется по трем уровням компетенций, закрепленным в современных федеральных государственных образовательных стандартах (ФГОС):

1. Универсальные компетенции (УК) - они не зависят от конкретного профиля и необходимы любому современному профессионалу.

2. Общепрофессиональные компетенции (ОПК) - это обобщенные навыки, характерные для группы социально-экономических профессий.

3. Профессиональные компетенции (ПК) - это узкоспециализированные умения, определяющие готовность к конкретным видам деятельности.

В ФГБОУ ВО "Уфимский университет науки и технологий" в настоящее время осуществляет подготовку социологов-бакалавров (39.03.01), социологов-магистров (39.04.01), а также аспирантов (табл. 2) [3].

Таблица 2

Профили и программы обучения по направлению «Социология» в УУНиТ

Уровень подготовки	Профиль/направленность подготовки	Форма обучения
Бакалавриат 39.03.01 Социология	Социология управления, экономики и коммуникаций	очная
		заочная
Магистратура 39.04.01 Социология	Социальное проектирование в сферах коммуникации и маркетинга	очная
	Социальные проекты в региональном управлении	очная
	Социокреативная урбанистика	заочная
Аспирантура	5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы	очная
	5.4.7. Социология управления	очная
	5.4.6. Социология культуры	очная

Компетенции, заложенные в программу 39.03.01 Социология (профиль "Социология управления, экономики и коммуникаций") приведены в табл. 3.

Таблица 3

Компетенции программы 39.03.01 Социология (профиль "Социология управления, экономики и коммуникаций") Уфимского университета науки и технологий

Категория	Код и наименование
Системное и критическое мышление	УК-1 Способен осуществлять поиск, критический анализ и синтез информации, применять системный подход для решения поставленных задач
Разработка и реализация проектов	УК-2 Способен определять круг задач в рамках поставленной цели и выбирать оптимальные способы их решения, исходя из действующих правовых норм, имеющихся ресурсов и ограничений
Командная работа и лидерство	УК-3 Способен осуществлять социальное взаимодействие и реализовывать свою роль в команде
Коммуникация	УК-4 Способен осуществлять деловую коммуникацию в устной и письменной формах на государственном языке Российской Федерации и иностранном(ых) языке(ах)
Межкультурное взаимодействие	УК-5 Способен воспринимать межкультурное разнообразие общества в социально-историческом, этическом и философском контекстах
Самоорганизация и саморазвитие (в том числе здоровьесбережение)	УК-6 Способен управлять своим временем, выстраивать и реализовывать траекторию саморазвития на основе принципов образования в течение всей жизни
Безопасность жизнедеятельности	УК-8 Способен создавать и поддерживать в повседневной жизни и в профессиональной деятельности безопасные условия жизнедеятельности для сохранения природной среды, обеспечения устойчивого развития общества, в том числе при угрозе и возникновении чрезвычайных ситуаций и военных конфликтов
	УК-9 Способен использовать базовые дефектологические знания в социальной и профессиональной сферах
Экономическая культура, в том числе финансовая грамотность	УК-10 Способен принимать обоснованные экономические решения в различных областях жизнедеятельности
Гражданская позиция	УК-11 Способен формировать нетерпимое отношение к коррупционному поведению
Информационно-коммуникационная грамотность при решении профессиональных задач	ОПК-1 Способен понимать принципы работы современных информационных технологий и использовать их для решения задач профессиональной деятельности
Анализ социальных явлений и процессов	ОПК-2 Способен к социологическому анализу и научному объяснению социальных явлений и процессов на основе научных теорий, концепций, подходов

Категория	Код и наименование
Организация и проведение социологического исследования	ОПК-3 Способен принимать участие в социологическом исследовании на всех этапах его проведения
Выявление и решение социально значимых проблем	ОПК-4 Способен выявлять социально значимые проблемы и определять пути их решения на основе теоретических знаний и результатов социологических исследований
Профессиональные компетенции	ПК-1 Способен к организации сбора данных при опросе общественного мнения
	ПК-2 Способен подготовить проектное предложение для проведения социологического исследования (самостоятельно или под руководством)
	ПК-3 Способен участвовать в составлении и оформлении профессиональной научно-технической документации, научных отчетов, представлять результаты социологических исследований с учетом особенностей потенциальной аудитории
	ПК-4 Способен составлять и представлять проекты научно-исследовательских и аналитических разработок в соответствии с нормативными документами
	ПК-5 Способен обрабатывать и анализировать данные для подготовки аналитических решений, экспертных заключений и рекомендаций

Внедрение компетентного подхода является не просто формальным выполнением требований Министерства науки и высшего образования РФ, но стратегической необходимостью для выживания социологического образования в конкурентной среде.

Будущее профессии социолога лежит на стыке классической методологии и цифровых инструментов. Специалист нового поколения должен обладать метанавыками: уметь критически оценивать алгоритмы искусственного интеллекта, этично работать с персональными данными и переводить язык статистики на язык управленческих решений. Опыт профильных программ УУНиТ подтверждает, что ориентация на конечный результат — сформированную компетентность выпускника — позволяет готовить востребованных профессионалов, способных обеспечивать устойчивое развитие социальной сферы как на локальном, так и на федеральном уровнях. Дальнейшее развитие данного направления видится в усилении интеграции вузовского сообщества с индустриальными партнерами для создания совместных исследовательских лабораторий и акселераторов социальных проектов.

Библиографический список

1. Бикметов Е.Ю., Кунгурцева Г.Ф. Методологические аспекты активизации культурно-интеллектуального потенциала современного менеджера // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. – 2018. – № 1. – С. 23-36. – DOI 10.15593/2224-9354/2018.1.2.
2. Гайфуллин А.Ю. Профессиональные и карьерные ориентиры молодежи Республики Башкортостан: монография. Уфа: Уфимский университет науки и технологий, 2025. 174 с.
3. Гайфуллин А.Ю. Развитие социологического образования в Республике Башкортостан: опыт Уфимского университета науки и технологий // Уфимский гуманитарный научный форум. 2025. № 3(23). С. 154-170. DOI 10.47309/2713-2358-2025-3-154-170.
4. Кунгурцева Г.Ф., Иванова А.Д., Шамсутдинова Д.Ф. Компетентный подход к формированию профессиональной культуры будущих экономистов / Управление экономикой: методы, модели, технологии: материалы XV Международной научной конференции. В 2 томах, Уфа - Красноусольск, 22–24 октября 2015 года. Том 2. Уфа Красноусольск: ГОУ ВПО "Уфимский государственный авиационный технический университет", 2015. С. 212-214.
5. Кунгурцева Г. Ф., Иванова А. Д., Шамсутдинова Д. Ф. Социально-управленческая и психолого-педагогическая подготовка студентов вуза к профессиональной деятельности // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. 2016. № 4. С. 94-105.

THE ESSENCE OF ESG RATING OF RUSSIAN COMPANIES

Газиева Гузель Руслановна, студент 3 курса, направление подготовки 39.03.01 «Социология», Высшая школа философии, психологии и социологии, Институт гуманитарных и социальных наук, Уфимский университет науки и технологий, Российская Федерация, г. Уфа. E-mail: guzelgazieva13@mail.ru.

Научный руководитель: Бородина Ангелина Владимировна, кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и работы с молодёжью, Высшая школа философии, психологии и социологии, Институт гуманитарных и социальных наук, Уфимский университет науки и технологий, Российская Федерация, г. Уфа. E-mail: Angel_Borodina@mail.ru

Gazieva Guzel Ruslanovna, 3rd year student, major in Sociology, Higher School of Philosophy, Psychology and Sociology, Institute of Humanities and Social Sciences, Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russian Federation. E-mail: guzelgazieva13@mail.ru.

Scientific supervisor: Angelina Vladimirovna Borodina, PhD in Sociology, Associate Professor of the Department of Sociology and Youth Work, Higher School of Philosophy, Psychology and Sociology, Institute of Humanities and Social Sciences, Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russian Federation. E-mail: Angel_Borodina@mail.ru

Аннотация: в статье рассмотрены эволюция и различия корпоративной социальной ответственности, концепции тройного критерия (TBL) и ESG-подхода в контексте устойчивого развития компаний. Проанализированы ключевые критерии ESG (экология, социальная сфера и управление), связь с повесткой ООН до 2030 года и российский рейтинг RAEX. Результаты подчеркивают необходимость интеграции ESG в бизнес для повышения конкурентоспособности и устойчивого развития компаний.

Abstract: this article examines the transformation of modern business practices under the growing expectations of society, investors, and regulators regarding sustainable development, corporate social responsibility (CSR), and transparent governance. It analyses three key concepts—CSR, the Triple Bottom Line (TBL), and ESG (Environmental, Social, Governance)—highlighting their definitions, priorities, and strategic implications. While CSR traditionally represents a voluntary, values-driven approach and TBL functions as a philosophical framework for balancing profit, people, and planet, ESG emerges as a more structured, measurable, and finance-oriented system for assessing corporate performance. The article stresses that ESG has evolved from CSR by integrating environmental, social, and governance criteria into mandatory standards, affecting risk management, access to capital, and long-term competitiveness. Particular attention is given to the spread of ESG in Russia, supported by major financial institutions, increasing ESG-rating activity, and the growing role of ESG-based investor decisions, despite methodological inconsistencies and transparency issues across rating agencies.

Введение. Современный бизнес во всем мире сталкивается с возрастающими ожиданиями общества, инвесторов и регуляторов в вопросах устойчивого развития, социальной ответственности и прозрачного управления. В этой связи всё чаще обсуждаются и применяются три ключевые концепции[1]: корпоративная социальная ответственность (КСО), концепция тройного критерия (TBL/3BL) и ESG (Environmental, Social, Governance). Несмотря на схожесть целей, эти подходы существенно различаются по содержанию, акцентам и влиянию на стратегию компании.

Цель. Рассмотреть теоретические аспекты ESG-рейтингования компаний в области устойчивого развития, и дать краткое представление о примерах данного рейтинга отечественных компаний.

Методы. Анализ тематической литературы, кейс-стади.

Результаты. Так, корпоративная социальная ответственность (КСО) – это политика и практика компаний, направленные на добровольный вклад в развитие общества, улучшение условий труда, защиту окружающей среды и решение социальных проблем, выходящие за рамки требований законодательства[2].

TBL – это расширенная модель оценки успеха бизнеса, где наряду с прибылью учитываются вклад в общество и забота об окружающей среде. Концепция TBL задаёт философию баланса: бизнес должен быть одновременно экономически эффективным, социально полезным и экологически безопасным[3]. Однако TBL не всегда содержит конкретные количественные критерии и чаще служит ориентиром для формирования корпоративных ценностей и долгосрочных целей.

И, наконец, ESG – это современная система оценки и управления, охватывающая три измерения: экологию, социальную сферу и корпоративное управление. [4] В отличие от КСО и TBL, ESG – это не просто идеология или набор добрых дел, а чёткая система критериев, по которым бизнес оценивается инвесторами, рынками и обществом.

У бизнеса в последние годы наблюдается возрастающий интерес к инициативам, связанным с экологическими, социальными и управленческими приоритетами (ESG), что обусловлено целями устойчивого развития, снижением рисков и повышением инвестиционной привлекательности.

Понятие ESG возникло как ответ на ограничения классической корпоративной социальной ответственности (КСО)[5]. Если КСО долгое время оставалась моральной инициативой – добровольным «социальным налогом» для бизнеса, – то современные вызовы (экологические угрозы, социальное неравенство, запрос на прозрачность управления) потребовали более структурированного подхода.

ESG вобрал в себя лучшие идеи КСО, но сделал их частью обязательных стандартов для компаний, претендующих на лидерство на мировых рынках. В отличие от прежней «аморфной» социальной ответственности, ESG – это система конкретных, измеримых требований: экологических, социальных и управленческих. Их соблюдение становится не только вопросом репутации, но и рыночного выживания[6], доступа к инвестициям и государственным программам.

В статье «Социальная ответственность бизнеса в контексте esg-трансформации» [7] подчеркивается, что для российского бизнеса продвижение политики ESG становится безальтернативным, а имплементация ESG-принципов в политику социальной ответственности – необходимым шагом, особенно для структур банковского сектора. Авторы отмечают, что современные тенденции требуют закрепления требований к социально ответственному поведению бизнеса на государственном уровне и разработки мер по их реализации. Кроме того, философия социально ответственного бизнеса всё больше сближается с ESG-принципами, позволяя учитывать нефинансовые факторы, которые в долгосрочной перспективе оказывают влияние на финансовые показатели компании.

Важная особенность ESG – его измеримость и интеграция в стратегию компании. В материалах РСПП (Российский союз промышленников и предпринимателей) [8] подчёркивается, что ESG-факторы становятся ключевыми для оценки компаний инвесторами, напрямую влияя на доступ к капиталу и устойчивость бизнеса. ESG интегрируется в корпоративные стратегии как инструмент повышения доверия и конкурентоспособности.

ESG сегодня становится стандартом ответственного и устойчивого бизнеса, а его принципы интегрируются в маркетинговые и управленческие стратегии ведущих компаний разных отраслей [9]. В отличие от КСО и TBL, ESG требует доказуемых результатов и прозрачности, что делает его ключевым инструментом для формирования доверия и долгосрочной ценности бренда.

Распространение ESG стало возможным благодаря активной позиции международных

организаций (прежде всего ООН), государств и инвесторов, которые требуют от бизнеса не просто декларировать ценности, а реально менять производственные и управленческие практики. В результате ESG превратился в инструмент глобального «зелёного перехода» и устойчивого развития, где социальная ответственность и экологическая осознанность становятся экономическим императивом. [10][11]

В рамках ESG-подхода ООН приняла резолюцию «Повестка дня в области устойчивого развития до 2030 года», определившую 17 ключевых глобальных задач:

1. Борьба с нищетой
2. Ликвидация голода – и развитие сельского хозяйства
3. Содействие здоровому образу жизни
4. Обеспечить качественное образование
5. Обеспечить гендерное равенство
6. Обеспечить доступность и рациональное использование водных ресурсов
7. Обеспечить доступ всех к источникам энергии.
8. Обеспечить каждого человека достойной работой.
9. Поддержка инноваций.
10. Сокращение неравенства.
11. Обеспечить качество сельских поселений.
12. Обеспечить рациональное производство и потребление продуктов.
13. Стабилизация негативных климатических изменений.
14. Сохранение морских экосистем.
15. Сохранение экосистем суши.
16. Способствовать развитию миролюбивого и инклюзивного общества.
17. Партнёрство в интересах устойчивого развития[12]

Вклад в их достижение может внести любая компания, независимо от масштаба деятельности.

Каждому критерию ESG[13] присваивается определённый вес, который влияет на итоговую оценку устойчивости и социально-экологической ответственности компании. Этот вес определяется с учётом отраслевой специфики, особенностей бизнес-модели и региональных условий, в которых функционирует организация. Такой подход позволяет адаптировать систему оценки к реальным рискам и возможностям, обеспечивая более точное и релевантное измерение ESG-показателей. В результате формируется индивидуализированная ESG-оценка, которая учитывает ключевые факторы, влияющие на долгосрочную устойчивость и репутацию компании. Каждому критерию присваивается определённый вес, влияющий на итоговую оценку. Набор и значимость критериев различаются для каждой компании в зависимости от её отрасли, специфики бизнес-модели и региона работы.

Рейтинги могут составляться по следующим критериям:

1. Экологические факторы (E).
 - Экологическая политика
 - Учет показателей, влияющих на окружающую среду
 - План по снижению негативного влияния на окружающую среду
 - Влияние на атмосферу
 - «Зеленые» проекты в кредитном портфеле (только для банков)
 - Влияние на водную среду
 - Влияние на землю
 - Обращение с отходами
2. Социальные факторы (S)
 - Политика в области корпоративной социальной ответственности
 - Социальная защищенность и профессиональное развитие сотрудников
 - Оплата труда сотрудников

- Охрана труда и производственная безопасность
- Работа с клиентами
- Текучесть кадров
- План по улучшению социально значимых показателей
- 3. Управленческие факторы (G)
 - Деловая репутация
 - Стратегия развития
 - Степень прозрачности информации
 - Система управления рисками
 - Деятельность исполнительных органов
 - Эффективность совета директоров
 - Защита прав собственников [14].

В России концепция ESG начала активно развиваться и приобретать популярность в 2020–2021 годах[15]. Это связано с тем, что ключевые финансовые институты, такие как ВЭБ.РФ, Центральный банк и Московская биржа, сформировали четкий и стимулирующий запрос к финансовым организациям и эмитентам ценных бумаг по внедрению ESG-практик. В результате ESG во многом вытеснила более широкую повестку устойчивого развития, став основным инструментом оценки и развития компаний. Инвесторы в России, как и во всем мире, все чаще учитывают ESG-факторы при принятии решений, стремясь управлять рисками и обеспечивать долгосрочную устойчивость и доходность вложений. Это привело к росту востребованности ESG-данных и повышению актуальности ESG-рейтингов.

Популярность ESG-рейтингов российских компаний растет, однако вместе с этим проявляются и проблемы: методологии рейтингов часто непрозрачны, предмет оценки неоднозначен, а результаты разных рейтингов могут не совпадать. Некоторые агентства оценивают компании с позиции подверженности рискам, другие – с точки зрения соответствия международным трендам устойчивого развития. При этом часто упускается из виду возможное негативное влияние принимаемых решений. Все это говорит о том, что теоретическая база и стандарты ESG-рейтингов пока несовершенны и требуют дальнейшей унификации[16]

Среди основных рейтингов[17], применяемых для оценки российских компаний, выделяются RAEX-Europe, MSCI ESG Rating, ESG-рэнкинг Национального рейтингового агентства, CDP Climate, Water & Forest Scores, S&P Global Scores и Sustainalytics ESG Risk Rating.

RAEX-Europe[18], например, предоставляет развернутую оценку по трем составляющим ESG – экологии, социальной сфере и корпоративному управлению. В рейтингах RAEX-Europe представлены компании из разных отраслей: нефтегазовой, золотодобычи, металлургии, электроэнергетики и других. Лидерами по ESG в 2025 году стали «Норильский никель», «ФосАгро», «Сбербанк» и «АЛРОСА».

Выводы. Важно отметить, что ESG-рейтинги дают возможность не только качественно, но и количественно оценить уровень корпоративной социальной ответственности компаний, которая ранее была преимущественно качественной характеристикой. Анализ показывает, что компании с высокими ESG-рейтингами демонстрируют высокий уровень экологической и социальной ответственности, а также качественное корпоративное управление. В то же время ряд компаний, например, группа «М.Видео-Эльдорадо», «О’КЕЙ», «Ашан», «Альфа-банк» и S7 Airlines имеют значительно более низкие показатели в области ESG и корпоративной социальной ответственности.

Таким образом, в России ESG становится ключевым инструментом оценки и развития устойчивого и ответственного бизнеса, стимулируемым как финансовыми институтами, так и растущим спросом со стороны инвесторов и общества.

Библиографический список

1. Мацько В. В. ESG-позиционирование, как устойчивый подход к повышению узнаваемости бренда // Вестник СИБИТа. – 2022. – №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/esg-pozitsionirovanie-kak-ustoychivyy-podhod-k-povysheniyu-uznavaemosti-brenda> (дата обращения: 10.07.2025).
2. Киварина М. В. Корпоративная социальная ответственность // Экономический журнал. – 2011. – №23. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/korporativnaya-sotsialnaya-otvetstvennost> (дата обращения: 10.07.2025).
3. Бизнес-этика: концепция тройного критерия | Блог 4brain. – 2016. – URL: <https://4brain.ru/blog/концепция-тройного-критерия/> (дата обращения: 10.07.2025).
4. Белик И.С., Дуцинин А.С., Никулина Н. Л. влияние ESG-факторов на финансовое состояние и инвестиционную привлекательность российских публичных компаний // Управленец. – 2022. – №6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-esg-faktorov-na-finansovoe-sostoyanie-i-investitsionnyu-privlekatelnost-rossiyskih-publichnyh-kompaniy> (дата обращения: 11.07.2025).
5. Чечулин А.В., Малявин С.Н., Лёгостев А.В. от философии корпоративной социальной ответственности к рыночным и политическим реалиям ESG // Социология и право. – 2021. – №4 (54). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ot-filosofii-korporativnoy-sotsialnoy-otvetstvennosti-k-rynochnym-i-politicheskim-realiyam-esg> (дата обращения: 10.07.2025).
6. Власти сформируют список иностранных компаний-«плохишей» // Эксперт, – 14.07.2025. – URL: <https://expert.ru/ekonomika/vlasti-sformiruyut-spisok-inostrannykh-kompaniy-plokhishey/> (дата обращения: 10.07.2025).
7. Довбий И. П., Коврижкина Л. Н. социальная ответственность бизнеса в контексте ESG-трансформации // Управление в современных системах. – 2022. – №2 (34). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnaya-otvetstvennost-biznesa-v-kontekste-esg-transformatsii> (дата обращения: 10.07.2025).
8. Сведения о Российской союзе промышленников и предпринимателей // РСПП. – URL: <https://rspp.ru/about/inform/> (дата обращения: 11.07.2025).
9. Даукаева Д.И. Бородина А.В.Р вопросу о стандартах социальной ответственности образовательной организации высшего образования: теоретические аспекты. В сборнике: Социально-демографическая политика в контексте формирования социокультурной идентичности. Материалы Всероссийского молодежного социологического форума, посвященного памяти основоположника социологического образования в Республике Башкортостан, доктора философских наук, профессора Гилязитдинова Джаудата Махмудовича. Уфа, 2025. С. 56-60.
10. История развития и внедрения принципов ESG // Экопоинт, – 2025. – URL: <https://ecopoint.tech/tpost/v3jnz8n301-istoriya-razvitiya-i-vnedreniya-printsip> (дата обращения: 12.07.2025).
11. ООН и устойчивое развитие // Организация Объединённых Наций. – URL: <https://www.un.org/ru/about-us/un-and-sustainability> (дата обращения: 12.07.2025).
12. Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 70/1 от 25 сентября 2015 г. // Электронный фонд правовой и нормативно-технической информации. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/420355765> (дата обращения: 11.07.2025).
13. Вострикова Е. О., Мешкова А. П. ESG-критерии в инвестировании: зарубежный и отечественный опыт // Финансовый журнал. – 2020. Т. 12. № 4. С. 117–129. URL: https://www.finjournal-nifi.ru/images/FILES/Journal/Archive/2020/4/statii/08_4_2020_v12.pdf (дата обращения: 11.07.2025).

14. ESG: что это такое и зачем нужно вашему бизнесу // Сбербанк. URL: https://www.sberbank.com/ru/s_m_business/pro_business/principy-esg-chto-eto-takoe-i-kak-vnedrit-v-biznes (дата обращения: 11.07.2025).
15. Леоненко Е.А. Корпоративная социальная ответственность (CSR), устойчивое развитие (SD) И ESG как маркеры социального развития государства и бизнеса // Вестник Алтайской академии экономики и права. – 2023. – № 11-2. С. 230-240; URL: <https://vaael.ru/ru/article/view?id=3081> (дата обращения: 12.07.2025).
16. Шиян А. А. Современные вызовы ESG-повестки // ЭВ. – 2022. – №4 (31). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-vyzovy-esg-povestki> (дата обращения: 12.07.2025).
17. ESG-рейтинги и российская практика // Инвест-Форсайт. – 2021. – URL: <https://www.if24.ru/esg-rejtingi-i-rossijskaya-praktika/> (дата обращения: 12.07.2025).
18. ESG-рэнкинг компаний (декабрь 2025 года) // RAEX. – 2025. – URL: https://raex-rr.com/ESG/ESG_companies/ESG_rating_companies/2025.12/ (дата обращения: 12.07.2025).

УДК 316.7

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ ОРИЕНТИРЫ СОВРЕМЕННОЙ СЕЛЬСКОЙ МОЛОДЕЖИ РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН

PROFESSIONAL GUIDELINES OF MODERN RURAL YOUTH OF THE REPUBLIC OF BASHKORTOSTAN

Гимаева Алсу Ильдусовна, студент 5 курса направления 39.03.01 "Социология" кафедры социологии и работы с молодежью, ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий», Уфа, Россия, E-mail: gimaevaalsu2107@mail.ru

Гайфуллин Андрей Юрьевич, кандидат социологических наук, заведующий кафедрой социологии и работы с молодежью, ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий», Уфа, Россия, E-mail: gayfullin_a@mail.ru

Gimaeva Alsu Ildusovna, 5th year student of the Department of Sociology and Youth Work, Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia, E-mail: gimaevaalsu2107@mail.ru

Gaifullin Andrey Yuryevich, PhD in Sociology, Head of the Department of Sociology of Youth Work, Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia, E-mail: gayfullin_a@mail.ru

Аннотация. В статье представлены результаты социологического исследования профессиональных ориентаций сельской молодежи Республики Башкортостан. Выявлены факторы, детерминирующие выбор профессии: материальное положение семьи, доступность образования, наличие рабочих мест в районе. Установлено, что 62% респондентов ориентированы на отток в города, при этом лишь 18% связывают будущее с сельским хозяйством. Предложены меры по закреплению молодежи на селе через развитие социальной инфраструктуры и целевого обучения.

Abstract: The article presents the results of a sociological study of the professional orientations of rural youth of the Republic of Bashkortostan. The factors determining the choice of profession are revealed: the financial situation of the family, the availability of education, the availability of jobs in the area. It was found that 62% of respondents are focused on migration to cities, while only 18% associate the future with agriculture. Measures are proposed to strengthen youth in rural areas through the development of social infrastructure and targeted education.

Ключевые слова: сельская молодежь, профессиональные ориентиры, миграционные настроения, рынок труда, карьерные стратегии молодежи, социологический опрос, Республика Башкортостан

Keywords: rural youth, professional orientations, migration sentiments, labor market, youth career strategies, sociological survey, Republic of Bashkortostan

Актуальность исследования профессиональных ориентиров сельской молодежи Республики Башкортостан обусловлена демографическими и экономическими вызовами региона [1]. Согласно данным Башстата за 2024 год, доля сельского населения составляет 38,2%, при этом ежегодный миграционный отток лиц в возрасте 18–29 лет из сельских районов достигает 4,5 тыс. человек [2]. В условиях импортозамещения и курса на продовольственную безопасность закрепление кадров на селе становится стратегической задачей государственной важности [3; 4]. Однако существующие государственные программы (в частности, «Комплексное развитие сельских территорий») не в полной мере учитывают субъективные профессиональные предпочтения самой молодежи, что создает разрыв между управленческими решениями и реальными жизненными стратегиями молодых людей [5; 6]. Кроме того, недостаточно изученным остается вопрос о том, какие именно профессии сельская молодежь считает престижными и какие факторы (помимо заработной платы) влияют на их выбор. Данная статья восполняет этот пробел, представляя эмпирические данные по одному из крупнейших аграрных регионов России.

Теоретической основой работы послужили концепция жизненного старта П. Бурдые (анализ социального и культурного капитала) [7] и теория миграционного перехода В.А. Ионцева, объясняющая закономерности территориальной мобильности населения [8].

Целью настоящей работы является выявление и анализ профессиональных ориентиров современной сельской молодежи Республики Башкортостан, а также определение факторов, детерминирующих выбор профессии и миграционные настроения в данной социально-демографической группе.

Для достижения поставленной цели решались следующие **задачи**:

1. Провести операционализацию понятия «профессиональные ориентиры» применительно к сельской молодежи.
2. Определить структуру профессиональных предпочтений сельских жителей.
3. Выявить ключевые факторы, влияющие на выбор профессии и решение о миграции.
4. Осуществить кластеризацию сельской молодежи по типам карьерных стратегий (урбанисты, мобильные, хранители села).
5. Разработать практические рекомендации для органов государственной власти и местного самоуправления по закреплению молодежи на селе.

Методы исследования. Эмпирическую базу исследования составили данные авторского социологического опроса «Профессиональные траектории сельской молодежи Республики Башкортостан», проведенного в период октябрь 2024 – февраль 2025 гг. Общий объем выборочной совокупности составил 850 респондентов.

Результаты исследования. Анализ полученных данных показал неоднородную структуру профессиональных предпочтений сельской молодежи. На вопрос «Какую профессию / сферу деятельности вы планируете выбрать?» ответы распределились следующим образом: сфера информационно-коммуникационных технологий и цифровых профессий (программист, веб-дизайнер, специалист по datascience) – 34% опрошенных; юриспруденция и менеджмент (юрист, экономист, менеджер) – 27%; сфера услуг (парикмахер, визажист, фитнес-тренер, продавец-кассир) – 21%. Только 18% респондентов выбирают профессии, непосредственно востребованные в агропромышленном комплексе (АПК): агроном, ветеринарный врач, зоотехник, инженер-механик, тракторист-машинист.

Это перераспределение предпочтений коррелирует с крайне низкой оценкой престижности сельскохозяйственного труда: 73% опрошенных считают работу в АПК «тяжелой, непрестижной и низкооплачиваемой». При этом 47% респондентов признались, что их родители работают в сельском хозяйстве или социальной сфере села, но они не хотят повторять их карьерную траекторию (феномен «отрицательного семейного наследия») [9; 10].

Факторный анализ (метод главных компонент) позволил выделить три основных латентных фактора, детерминирующих профессиональный выбор сельской молодежи. Суммарная объясненная дисперсия составила 67,4%, что говорит о хорошей факторной структуре:

1. Экономический фактор – объясняет 38,0% дисперсии. Включает переменные: ожидаемый уровень заработной платы (порог «приемлемого дохода» для молодежи составляет 65 тыс. руб., что в 1,8 раза выше средней заработной платы по сельским районам РБ – 36,2 тыс. руб.), наличие возможности дополнительного заработка, стабильность выплат.

2. Инфраструктурный фактор – объясняет 18,1% дисперсии. Включает: доступность арендного жилья или возможность получения ипотеки на льготных условиях, наличие высокоскоростного интернета (для удаленной работы), близость учреждений культуры и спорта, транспортная доступность районного центра.

3. Семейный (социальный) капитал – объясняет 11,3% дисперсии. Включает: наличие «нужных связей» для трудоустройства, уже работающих родственников в избранной сфере, традиции профессиональной династии [11; 12].

Особого внимания заслуживает выявление масштаба миграционных настроений. На вопрос «Планируете ли вы после получения образования остаться жить и работать в своем селе / районе?» утвердительный ответ (с вариацией «скорее да») дали только 20% респондентов. 62% однозначно заявили о намерении уехать в крупные города – Уфу, Стерлитамак, а также за пределы республики (Казань, Екатеринбург, Москва, Санкт-Петербург). Остальные 18% затруднились с ответом или выбрали стратегию «поживем – увидим» [13; 14].

При этом парадоксальным образом на вопрос «Нравится ли вам жизнь в вашем селе / деревне?» утвердительно ответили 71% респондентов. 58% согласились с утверждением «сельский образ жизни более здоровый и экологичный, чем городской». Таким образом, налицо когнитивный диссонанс: эмоциональная привязанность к малой родине и признание ее преимуществ не перерастают в профессиональную лояльность и готовность остаться [15; 16]. Как образно выразился один из респондентов (д. Иткулово, юноша, 19 лет, планирует поступать на IT-специальность): *«Я очень люблю свою деревню, здесь воздух, лес. Но я хочу работать с компьютером, зарабатывать нормально. В моем селе нет даже коворкинга, везде ездить надо, а до города – два часа на автобусе. Как я здесь построю карьеру?»*.

Для более тонкой сегментации респондентов был проведен кластерный анализ (метод k-средних, евклидово расстояние). Итерационный процесс позволил выделить три устойчивых кластера, описанных в таблице 1.

Таблица 1

Кластеры сельской молодежи Республики Башкортостан по типу профессиональных ориентиров (составлено авторами по результатам собственного социологического исследования, 2025 г.)

Кластер	Доля, %	Характеристика	Базовый ориентир	Доля желающих остаться на селе, %
«Урбанисты»	52	Высокие амбиции, цифровые профессии, отсутствие привязки к земле	Карьера в городе	2
«Мобильные»	28	Готовность к переезду на средний срок, вахтовый метод	Заработок (накопления)	8
«Хранители села»	20	Семейные традиции, работа в АПК или бюджетной сфере (школа, ФАП)	Стабильность рядом с домом	81

Как видно из табл. 1, только пятая часть сельской молодежи (кластер «Хранители села») демонстрирует устойчивую профессиональную локализацию и намерение остаться в сельской местности. Для них характерен более низкий, но реалистичный уровень притязаний (желаемая заработная плата 40-50 тыс. руб. в месяц), однако высокая толерантность к дефициту инфраструктуры и значимость семейно-родственных связей.

Гендерный анализ показал, что среди девушек доля «урбанистов» значительно выше (61% против 43% у юношей). Это объясняется объективным дефицитом на селе рабочих мест, не связанных с тяжелым физическим трудом, и ограниченным набором «женских» профессий (в основном бюджетная сфера – образование, медицина, культура). Для юношей более привлекательной остается вахтовая модель занятости («мобильные») [15].

Проведенное исследование позволяет сформулировать следующие **выводы**:

1. Профессиональные ориентиры сельской молодежи Республики Башкортостан носят преимущественно внесельский характер. Доминируют профессии цифровой и управленческой сфер (ИТ, юриспруденция, менеджмент), при этом доля желающих работать в агропромышленном комплексе критически низка (18%). Это создает кадровую угрозу для сельскохозяйственной отрасли региона.

2. Выявлен высокий миграционный потенциал – 62% молодежи планируют покинуть село. При этом парадокс заключается в том, что эмоциональная привязанность к малой родине (71% «любят свое село») не является сдерживающим фактором для миграции. Ключевыми драйверами оттока выступают не столько низкие зарплаты в АПК (экономический фактор), сколько *отсутствие институциональных условий для новых форм занятости* – удаленной работы, ИТ-сферы, креативных индустрий.

3. Факторный анализ позволил выделить три группы детерминант профессионального выбора: экономический фактор (38% дисперсии, порог дохода – 65 тыс. руб.), инфраструктурный (18%, доступность жилья и интернета) и семейный капитал (11,3%). Значимость инфраструктурного фактора является специфической черой именно сельской молодежи по сравнению с городской.

4. Кластерный анализ дифференцировал молодежь на три типа («урбанисты» – 52%, «мобильные» – 28%, «хранители села» – 20%). Стратегия удержания должна быть разной для каждого кластера: для «урбанистов» – создание рабочих мест в сфере цифровых технологий на селе; для «мобильных» – легализация и поддержка вахтовой занятости с сохранением налоговой привязки к сельским территориям; для «хранителей села» – адресная поддержка жильем и социальными гарантиями.

Для успешного решения выявленных проблем необходимо разработать и внедрить комплексные меры, направленные на создание привлекательных условий для жизни и работы сельской молодежи, что, в свою очередь, будет способствовать устойчивому развитию сельских территорий Республики Башкортостан:

- Институциональные меры: создание ИТ-коворкингов и центров удаленной занятости в каждом муниципальном районе с субсидированием операторов связи для обеспечения качественным интернетом (не менее 100 Мбит/с).

- Кадровая политика в образовании: пересмотр квот целевого обучения – не менее 40% мест в аграрных вузах (Башкирский ГАУ) и аграрных колледжах должны распределяться под конкретные вакансии сельскохозяйственных предприятий конкретного района. Обязательная стажировка на селе с первого курса.

- Экономические стимулы: запуск региональной программы «Сельский профессионал 2.0», включающей компенсацию ипотеки до 70% для молодых специалистов в возрасте до 35 лет вне зависимости от сферы занятости (а не только бюджетников, как сейчас), а также «подъемные» для переезжающих на постоянное место жительства в село из городов.

- Информационная работа: формирование позитивного образа сельского профессионала через региональные СМИ и социальные сети (челленджи, блоги успешных фермеров и агрономов в возрасте до 30 лет).

Исследование профессиональных ориентиров сельской молодежи Республики Башкортостан выявило ряд ключевых тенденций, определяющих современное состояние и перспективы развития сельских территорий региона. Основные выводы, полученные в ходе работы, свидетельствуют о значительном разрыве между профессиональными предпочтениями молодежи и потребностями агропромышленного комплекса, что создаёт кадровые риски для устойчивого развития села.

Библиографический список

1. Гайфуллин А.Ю. Молодежь и молодежная политика в Республике Башкортостан: Монография. Уфа: Уфимский университет науки и технологий, 2023. 162 с.
2. Башкортостанстат. Численность и миграция населения Республики Башкортостан в 2023 году: стат. сборник. – Уфа: Башстата, 2024. – 112 с.
3. Гайфуллин А.Ю. Приоритеты социальной политики Республики Башкортостан в отношении молодежи // Уфимский гуманитарный научный форум. 2021. № 4 (8). С. 111-120.
4. Гайфуллин А.Ю. Актуальные проблемы современной молодежи. Уфа: УУНиТ, 2024. 174 с.
5. Гайфуллин, А.Ю. Профессиональные и карьерные ориентиры молодежи Республики Башкортостан: монография. Уфа: Уфимский университет науки и технологий, 2025. 174 с.
6. Гайфуллин А.Ю. Профессиональные предпочтения молодежи на региональном рынке труда / Проблемы функционирования и развития территориальных социально-экономических систем, Уфа, 15 октября – 15 2013 года / Институт социально-экономических исследований УНЦ РАН; Ответственный редактор: Гайнанов Д.А.. Уфа: Институт социально-экономических исследований УНЦ РАН, 2013. С. 217-220.
7. Бурдые П. Формы капитала // Экономическая социология. – 2002. – Т. 3. – № 5. – С. 60-74.
8. Ионцев В. А. Международная миграция населения: теория и история изучения. – М.: Диалог-МГУ, 1999. – 370 с.
9. Гайнанов Д.А., Гайфуллин А.Ю. Социологический анализ карьерных ожиданий выпускников вузов (на примере Республики Башкортостан) // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2022. № 4. С. 276-280.
10. Гайфуллин А.Ю. Социологический анализ ценностных ориентиров современной студенческой молодежи // Уфимский гуманитарный научный форум. – 2023. № 3(15). С. 221-232. DOI 10.47309/2713-2358-2023-3-221-232.
11. Гайфуллин А.Ю. Социологический анализ трудоустройства выпускников вузов: имеющийся опыт и ожидания // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2023. Т. 13, № 3. С. 231-243. DOI 10.21869/2223-1552-2023-13-3-231-243.
12. Гайфуллин А.Ю. Социальный портрет и ожидания выпускников вузов Республики Башкортостан на современном рынке труда: социологический анализ // Уфимский гуманитарный научный форум. 2024. № 4(20). С. 315-328. DOI 10.47309/2713-2358-2024-4-315-328.
13. Гайфуллин А.Ю. Миграционные установки выпускников вузов Республики Башкортостан // Уфимский гуманитарный научный форум. 2023. № 1 (13). С. 130-140.
14. Гайфуллин А.Ю. Профессиональные ориентиры и карьерные установки современной учащейся молодежи: социологический анализ // Уфимский гуманитарный научный форум. 2021. № 3(7). С. 140-150. DOI 10.47309/2713-2358_2021_3_140.
15. Гайфуллин А.Ю. Профессиональные ориентиры сельской молодежи: социологический анализ // Уфимский гуманитарный научный форум. 2024. № 3 (19). С. 174-187.
16. Гайфуллин А.Ю. Социологический анализ значимых факторов выбора работы современной молодежью (на примере Республики Башкортостан) // Уфимский гуманитарный научный форум. 2025. №.3. С.132- 143. DOI 10.47309/2713-2358-2025-3-132-143.

**НЕФОРМАЛЬНЫЕ ПРАВИЛА ПОВЕДЕНИЯ ПАССАЖИРОВ В
ОБЩЕСТВЕННОМ ТРАНСПОРТЕ
INFORMAL RULES OF PASSENGER BEHAVIOR IN PUBLIC TRANSPORT**

Голубь Дарья Павловна, студент кафедры социологии и работы с молодежью, направление 39.03.01 «Социология», 2 курс, ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий», Уфа, Россия, E-mail: moon9olub@yandex.ru

Golub Darya Pavlovna, student of the Department of Sociology and Youth Work, major 39.03.01 «Sociology», 2nd year, Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia, E-mail: moon9olub@yandex.ru

Суяргулова Лейла Радмировна, студент кафедры социологии и работы с молодежью, направление 39.03.01 «Социология», 2 курс, ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий», Уфа, Россия, E-mail: l.suyargulovar@gmail.com

Suyargulova Leila Radmirovna, student of the Department of Sociology and Youth Work, major 39.03.01 «Sociology», 2nd year, Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia, E-mail: l.suyargulovar@gmail.com

Научный руководитель: **Туракаев Марсель Салаватович**, кандидат социологических наук, старший преподаватель кафедры социологии и работы с молодежью, ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий», Уфа, Россия, E-mail: mturakaev@gmail.com

Scientific supervisor: **Turakayev Marcel Salavatovich**, Candidate of Sociological Sciences, Senior lecturer at the Department of Sociology and Youth Work, Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia, E-mail: mturakaev@gmail.com

Аннотация: В статье рассматриваются неформальные нормы и правила поведения пассажиров в общественном транспорте на примере наблюдения в автобусе №39. Исследование выполнено методом качественного невовлеченного наблюдения в естественной среде. Анализируются способы организации личного пространства, характер взаимодействия между незнакомыми людьми, использование мобильных устройств как формы социальной изоляции, а также устойчивые поведенческие модели пассажиров. Результаты показывают, что поведение в общественном транспорте регулируется системой негласных правил, направленных на минимизацию взаимодействия и поддержание социальной дистанции.

Abstract: This article examines informal behavioral norms among passengers in public transport based on observations conducted on bus route No. 39. The study applies the method of qualitative non-participant observation in a natural social environment. The research focuses on personal space organization, interaction patterns between strangers, avoidance of eye contact, and the use of mobile phones as a form of social isolation. The findings demonstrate that passenger behavior is regulated by implicit social rules aimed at minimizing communication and reducing social tension in crowded conditions. Public transport appears as a space of forced coexistence where individuals maintain psychological distance despite physical proximity.

Ключевые слова: качественное наблюдение; общественный транспорт; неформальные нормы; социальное взаимодействие; личное пространство; пассажиры; поведение; социальная дистанция.

Keywords: qualitative observation; public transport; informal norms; social interaction; personal space; passengers; behavior; social distance.

Введение

Общественный транспорт в современном городе представляет собой не только важнейший элемент транспортной инфраструктуры, обеспечивающий ежедневную мобильность населения, но и особое социальное пространство, в котором постоянно воспроизводятся разнообразные формы повседневного взаимодействия. Ежедневно

миллионы людей оказываются вовлечены в ситуацию кратковременного сосуществования с незнакомыми людьми в условиях ограниченного пространства, высокой плотности потока пассажиров и необходимости соблюдения определённых норм поведения. В подобных условиях формируются устойчивые практики социального дистанцирования, распределения личного пространства, регулирования визуального контакта и контроля эмоционального выражения. Несмотря на внешнюю хаотичность поведения пассажиров, взаимодействие в транспорте подчиняется неформальным правилам, обеспечивающим поддержание минимального социального порядка и снижение уровня конфликтности.

Интерес к изучению повседневных взаимодействий в городской среде сформировался ещё в классической социологии. Существенный вклад в исследование городской повседневности внёс Георг Зиммель, рассматривавший крупный город как пространство интенсивного воздействия социальных и сенсорных стимулов на человека [1]. По мнению исследователя, жизнь в условиях постоянного потока впечатлений формирует у городского жителя особый тип поведения, основанный на эмоциональной сдержанности, дистанцированности и рационализации межличностных контактов. Эти идеи получили дальнейшее развитие в рамках Чикагской социологической школы, представители которой рассматривали город как своеобразную «социальную лабораторию», а наблюдение – как основной метод изучения городской жизни [2]. Исследователи Чикагской школы уделяли внимание анализу повседневных практик, механизмов адаптации индивидов к городской среде и формированию неформальных норм поведения в публичных пространствах.

Особое значение для анализа взаимодействий в общественном транспорте имеют работы Ирвинга Гофмана, посвящённые микросоциологии повседневности. В своих исследованиях он показал, что даже кратковременные контакты между незнакомыми людьми регулируются сложной системой социальных ожиданий и ритуалов [3]. Одним из ключевых понятий, введённых Гофманом, стало понятие «вежливого невнимания», обозначающее форму поведения, при которой человек демонстрирует окружающим признание их присутствия, одновременно избегая излишней вовлечённости во взаимодействие [4]. Подобные механизмы особенно отчётливо проявляются в общественном транспорте, где пассажиры вынуждены находиться в непосредственной близости друг от друга, сохраняя при этом условную социальную дистанцию.

В российской социологии повседневности транспорт также рассматривается как пространство воспроизводства социальных практик и ситуативных форм взаимодействия. Исследователи отмечают, что в условиях городской мобильности человек постоянно адаптируется к меняющимся условиям социальной среды, вырабатывая устойчивые стратегии поведения. Существенную роль в этом процессе играют телесные практики, связанные с распределением пространства, регулированием дистанции, избеганием зрительного контакта и минимизацией нежелательной коммуникации [5]. Подобные формы поведения особенно заметны в условиях высокой плотности пассажиропотока, характерной для крупных городов.

Дополнительное влияние на трансформацию повседневных взаимодействий в общественном транспорте оказывает распространение цифровых технологий. Использование смартфонов, беспроводных наушников и мобильных устройств становится не только способом организации досуга во время поездки, но и важным инструментом символического дистанцирования от окружающих [6]. Цифровые практики позволяют пассажирам создавать условные границы личного пространства даже в условиях физической тесноты. В результате меняются традиционные формы коммуникации, а также способы поддержания социального порядка в публичной среде. Исследователи отмечают, что мобильные устройства всё чаще выполняют функцию своеобразного «социального барьера», позволяющего снижать степень вовлечённости в происходящее вокруг взаимодействие [7].

Несмотря на значительное количество исследований городской мобильности и транспортной инфраструктуры, многие аспекты повседневного поведения пассажиров

остаются недостаточно изученными. Большинство существующих работ сосредоточено либо на анализе транспортных потоков и эффективности транспортных систем, либо на изучении субъективных оценок качества транспортных услуг. При этом сравнительно редко рассматриваются реальные механизмы ситуативного взаимодействия пассажиров: способы сохранения личного пространства, реакции на нарушение неформальных норм, особенности невербального поведения и влияние цифровых технологий на характер коммуникации в общественном транспорте.

Для изучения подобных процессов особую значимость приобретают качественные методы исследования, позволяющие анализировать поведение людей непосредственно в естественных условиях социальной среды. Одним из наиболее эффективных методов в данном случае выступает наблюдение, которое в социологической методологии определяется как целенаправленное и систематическое восприятие социальных явлений в процессе их непосредственного протекания [8]. Использование наблюдения позволяет фиксировать реальные формы поведения пассажиров, их пространственные перемещения, ситуативные реакции, телесные практики и особенности взаимодействия, которые зачастую не осознаются самими участниками и поэтому не отражаются в опросных данных [9].

Методика исследования и информационные источники

В рамках настоящего исследования применяется невключённое наблюдение, ориентированное на анализ повседневного поведения пассажиров в общественном транспорте. Основное внимание уделяется практикам распределения пространства, стратегиям избегания взаимодействия, использованию цифровых устройств как средств социальной изоляции, а также реакциям на нарушение привычного порядка взаимодействия.

Цель статьи заключается в выявлении и описании неформальных норм и типичных сценариев поведения пассажиров в автобусе. Для достижения цели были поставлены следующие задачи: 1. Зафиксировать типичные формы поведения пассажиров в общественном транспорте; 2. Выявить способы организации личного пространства в автобусе; 3. Определить характер взаимодействия между незнакомыми людьми и выделить повторяющиеся поведенческие модели; 4. Интерпретировать скрытые правила, регулирующие поведение. Объектом исследования являются пассажиры общественного транспорта. Предмет исследования – поведенческие практики и неформальные нормы взаимодействия пассажиров. Время наблюдения – наблюдение проводилось в течение недели (7 дней), количество поездок за это время – 16.

В работе проверяются следующие гипотезы: 1. Пассажиры стремятся минимизировать взаимодействие с незнакомыми людьми в общественном транспорте. 2. Использование телефона выполняет функцию социальной изоляции. 3. Существуют негласные нормы избегания зрительного контакта. 4. Поведение пассажиров направлено на поддержание личного пространства даже в условиях тесноты.

Поведенческие практики и неформальные нормы взаимодействия пассажиров в общественном транспорте г. Уфа

В ходе полевого этапа были зафиксированы устойчивые поведенческие сценарии, варьирующиеся в зависимости от заполненности салона, времени суток и социального состава пассажиров. Значительная часть сидящих пассажиров использует мобильные устройства: в дневное время около половины находящихся на местах погружены в экран телефона. Пассажиры без гаджетов преимущественно смотрят в окно, слушают аудиоконтент в наушниках или занимают пассивно-наблюдательную позицию. Вербальное взаимодействие между незнакомыми людьми практически отсутствует; разговоры фиксируются только внутри знакомых групп (пары, семьи, друзья), при этом тон речи приглушен, а эмоциональные реакции (смех, активная жестикуляция) сознательно подавляются. В утренние часы, характеризующиеся высокой загруженностью маршрута, поведение становится более замкнутым: часть пассажиров находится в полусонном состоянии, общая атмосфера свидетельствует о снижении готовности к коммуникации.

Организация личного пространства демонстрирует четкие пространственные стратегии, соответствующие принципам проксемики Э. Холла [10]. При наличии выбора пассажиры избегают садиться рядом с незнакомыми людьми, предпочитая свободные двойные сиденья или максимально удаленные места. В ситуации вынужденной близости (например, при посадке нового пассажира рядом с уже сидящим) наблюдается немедленная компенсаторная реакция: отворот корпуса к окну, сокращение жестикюляции, фиксация взгляда в одной точке. Стоящие пассажиры поддерживают дистанцию 30–50 см, при высокой заполненности дистанция сокращается, но компенсируется социальным дистанцированием (отсутствие взгляда, демонстративная погруженность в телефон или наушники). Примечательно, что при появлении свободного места рядом с другим пассажиром люди часто предпочитают остаться стоять, если альтернативные варианты рассадки сохраняют автономию.

Взаимодействие между незнакомыми пассажирами строится на стратегии «игнорирования присутствия», которую И. Гофман обозначил как «вежливое невнимание» [11]. Зрительный контакт либо полностью избегается, либо носит кратковременный, случайный характер. Поведенческая модель носит защитный характер: снижение социального напряжения достигается через минимизацию вербальных и невербальных сигналов. Дополнительно выявлены ситуативные практики: размещение сумок на соседнем сиденье как способ маркировки пространства; нерегулярное уступление мест пожилым гражданам, несмотря на наличие специальных зон; распределение входящего пассажиропотока равномерно по передней и задней частям салона; подготовка к выходу за 1–2 остановки без активного взаимодействия с окружающими.

На основе систематизации данных выделены шесть неформальных норм, регулирующих поведение в общественном транспорте:

- а. Правило минимизации контакта: избегание взаимодействия с незнакомыми людьми.
- б. Правило «социальной изоляции»: использование телефона и наушников как коммуникативного барьера.
- с. Правило избегания взгляда: зрительный контакт воспринимается как вторжение в личную сферу.
- д. Правило сохранения личного пространства: компенсация физической тесноты через поведенческое дистанцирование.
- е. Правило «тихого поведения»: приглушение речи и эмоций для невидимости в общем поле.
- ф. Правило ситуативной вежливости: отсутствие открытых конфликтов даже при физическом дискомфорте.

Выделены три типа поведения пассажиров: изолирующийся (избегание контакта, фокус на гаджетах), наблюдатель (визуальная фиксация среды без вовлечения), вовлеченный (редкие ситуативные коммуникации, преимущественно в знакомых группах).

Проверка первоначальных гипотез показала их полное подтверждение.

Пассажиры действительно стремятся минимизировать взаимодействие (гипотеза 1). Использование телефона выполняет функцию «социального щита» и изоляции (гипотеза 2). Негласные нормы избегания зрительного контакта устойчиво воспроизводятся независимо от заполненности салона (гипотеза 3). Поведенческие стратегии направлены на поддержание личного пространства даже в условиях вынужденной тесноты (гипотеза 4).

Заключение

Поведение пассажиров в общественном транспорте носит не случайный, а структурированный характер и регулируется системой неформальных норм. Эти нормы направлены на снижение социального напряжения, сохранение личного пространства и избегание нежелательного взаимодействия. Даже в условиях высокой плотности пассажиры придерживаются стратегий, позволяющих поддерживать ощущение индивидуальной

автономии. Общественный транспорт выступает как пространство «вынужденного сосуществования», в котором взаимодействие минимизируется и строго регулируется негласными правилами.

Качественное не включенное наблюдение доказало свою эффективность как метод, позволяющий фиксировать латентные механизмы регуляции микровзаимодействий, которые не выявляются при использовании стандартизированных опросников.

Полученные данные могут быть использованы при проектировании социальной инфраструктуры, разработке программ транспортной социализации, а также в качестве эмпирической базы для сравнительных исследований поведенческой экологии городской среды.

Библиографический список

1. Зиммель Г. Большие города и духовная жизнь // Логос. 2002. № 3-4. С. 23–34.
2. Найн А.Я. Чикагская школа социологии: история, методология, методы. Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 2000. 184 с.
3. Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни / Пер. с англ. М.: Канон-Пресс-Ц, 2000. 304 с.
4. Гофман И. Поведение в общественных местах: заметки о социальной организации собраний / Пер. с англ. М.: Элементарные формы, 2017. 240 с.
5. Вахштайн В. С. Город как сцена: публичное пространство и повседневные практики // Логос. 2014. № 3. С. 12–26.
6. Булл М. Автомобильность и культура наушников // Логос. 2014. № 2. С. 145–160.
7. Линг Р. Социальные последствия мобильной коммуникации // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2011. № 5. С. 98–107.
8. Ядов В.А. Стратегия социологического исследования: описание, объяснение, понимание социальной реальности. М.: Омега-Л, 2007. 567 с.
9. Ильин В.И. Драматургия качественного полевого исследования. СПб.: Интерсоцис, 2006. 256 с.
10. Холл Э.Т. Скрытое измерение / Пер. с англ. М.: Эксмо, 2020. 320 с.
11. Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни / Пер. с англ. М.: Канон-Пресс-Ц, 2000. 304 с.

УДК 316.334.22

МЕТОДИКА ИССЛЕДОВАНИЯ ПЛАТФОРМЕННОЙ ЗАНЯТОСТИ В РОССИИ METHODOLOGY OF RESEARCH ON PLATFORM EMPLOYMENT IN RUSSIA

Голубь Дарья Павловна, студент кафедры социологии и работы с молодежью, направление 39.03.01 «Социология», 2 курс, ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий», Уфа, Россия, E-mail: moon9olub@yandex.ru

Golub Darya Pavlovna, student of the Department of Sociology and Youth Work, major 39.03.01 «Sociology», 2nd year, Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia, E-mail: moon9olub@yandex.ru

Научный руководитель: **Туракаев Марсель Салаватович**, кандидат социологических наук, старший преподаватель кафедры социологии и работы с молодежью, ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий», Уфа, Россия, E-mail: mturakaev@gmail.com

Scientific supervisor: **Turakayev Marcel Salavatovich**, Candidate of Sociological Sciences, Senior lecturer at the Department of Sociology and Youth Work, Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia, E-mail: mturakaev@gmail.com

Аннотация: Статья посвящена методологическим подходам к изучению платформенной занятости в России, основанным на качественном анализе интервью с сотрудниками. В

статье рассматриваются ключевые аспекты, которые выявляет структурированное интервью: гибкость рабочего графика, самостоятельность в принятии решений, условия труда, интенсивность рабочей нагрузки, мотивационные факторы удержания и перспективы развития. Эмпирическое исследование, проведенное путем углубленного опроса респондентов из различных регионов России, выявило качественные особенности платформенной занятости и ее влияние на здоровье и благополучие сотрудников. Результаты показывают, что платформенная занятость – это сложное явление, сочетающее элементы гибкости и предпринимательской независимости с высокими рисками нестабильности, эмоционального выгорания и отсутствия социальной защиты.

Abstract: The article is devoted to methodological approaches to the study of platform employment in Russia based on a qualitative analysis of interviews with employees. The paper examines the key aspects that structured interviewing reveals: flexibility of the work schedule, autonomy in decision-making, working conditions, intensity of workloads, motivational retention factors and development prospects. An empirical study conducted by in-depth interviewing of respondents from various regions of Russia revealed qualitatively specific characteristics of platform employment and its impact on the health and well-being of employees. The results show that platform employment is a complex phenomenon that combines elements of flexibility and entrepreneurial independence with high risks of instability, burnout, and lack of social protection.

Ключевые слова: платформенная занятость; методика качественного исследования; интервью; гибкий труд; условия работы; самозанятость; социальные риски.

Keywords: platform employment; qualitative research methodology; interviewing; flexible work; working conditions; self-employment; social risks.

Введение

Платформенная занятость в современной России приобретает всё большую значимость как новый формат организации труда, обусловленный развитием цифровых технологий и переходом к гибким формам занятости. Для глубокого понимания этой сферы была разработана комбинированная методика исследования, сочетающая анализ больших данных цифровых платформ и проведение глубинных интервью с пользователями платформ.

Цель представляемой статьи – раскрыть особенности методики исследования платформенной занятости в России, а также на основе эмпирических данных респондентов выделить основные выявленные аспекты и тенденции.

Изучение платформенной занятости требует особого подхода, так как эта сфера характеризуется высокой гибкостью, разнообразием форм работы и неполнотой формального регулирования. Платформенная занятость – это трудовая деятельность, опосредованная цифровыми платформами, которые связывают работников и заказчиков услуг [Баймурзина, Черных, 2024]. Методика глубинного интервьюирования позволяет исследователям фиксировать не только объективные параметры трудовой деятельности (количество часов, размер заработка), но и субъективные факторы: удовлетворённость, мотивацию, ощущение контроля над рабочим процессом, влияние на здоровье и качество жизни.

Интервью как метод исследования имеет существенные преимущества при изучении платформенной экономики. Во-первых, они позволяют зафиксировать личный опыт работников в их собственных словах, сохраняя полноту и контекст их высказываний. Во-вторых, этот метод обеспечивает гибкость в процессе сбора информации, позволяя исследователям углубляться в интересующие темы и прояснять двусмысленные моменты. В-третьих, качественные интервью раскрывают те аспекты платформенной работы, которые не могут быть описаны количественными показателями.

Методика исследования и информационные источники

Предлагаемая методика позволяет исследовать несколько критически важных аспектов платформенной занятости. Интервью раскрывают, как работники организуют своё рабочее

время и насколько они ценят гибкость графика. Объектом исследования выступает платформенная занятость в России как форма трудовой деятельности, опосредованная цифровыми платформами, связывающими работников и заказчиков услуг. Цель исследования – выявить особенности платформенной занятости в России, включая условия труда, гибкость графика, мотивацию работников, интенсивность трудовой нагрузки и влияние платформенной занятости на качество жизни работников. Объем выборки – респонденты из различных регионов России, занятые в разных сферах платформенной экономики (репетиторы, консультанты, дизайнеры, домработницы, сантехники и др.), отобранные методом глубинного интервью.

Глубинное интервью как метод исследования платформенной занятости

Данные показывают, что количество часов работы сильно варьируется: от 2-3 часов в день до 8-10 уроков в день. Важно то, что большинство респондентов подчёркивают возможность самостоятельного выбора рабочего времени, даже если это вынужденный выбор, продиктованный параллельной занятостью. Один из респондентов отметил: «Я же могу делать перерывы, могу до этого сходить в бассейн, спортом позаниматься... Все это скорее от меня зависит, а не от профессии».

Методика позволяет выявить как объективные условия работы (офлайн/онлайн, удалённо/на выезде), так и субъективное восприятие работников. Анализ интервью выявляет общую проблему – хроническую физическую утомляемость, особенно у онлайн-работников. Респондент сообщила о проблемах со спиной и зрением: «я чувствую физически, что да, у меня там спина побаливает от того, что я сижу». Параллельно интервью раскрывают разнообразие компенсирующих механизмов: некоторые работники активно занимаются спортом, другие совершают специальные перерывы и разминки.

Интервью раскрывают субъективное понимание качества рабочего времени, то есть того, насколько комфортно работнику распределять время между трудом и отдыхом. Юрист-женщина с ребёнком особенно ценит возможность «отработать, пока ребёнок в школе, и потом заниматься домашними делами», что говорит о критической важности гибкости для работников с семейными обязательствами. Методика позволяет выявить именно такие субъективные ценности, которые недостижимы через анкетирование.

Анализ собранных интервью позволяет сформулировать ряд ключевых выводов о платформенной занятости в России.

Респонденты единодушно называют гибкость основным преимуществом платформенной работы. Один репетитор подчеркнул: «Это свобода... свобода от графика, свобода от начальства, да, то есть не нужно никаких указаний слушать, ты сам себе начальник». Однако интервью одновременно раскрывают, что эта гибкость часто сопровождается ненормированным рабочим временем и отсутствием чётких границ между работой и личной жизнью. Многие работники признаются, что работают в выходные, праздничные дни и ночные часы.

Интервью показывают, что мотивация к работе на платформах многослойна. Помимо финансового стимула, её питают желание профессионального развития, избежание офисной иерархии и возможность совмещения с другой деятельностью (параллельная работа, творческие проекты, семья). Бизнес-консультант отметил: «преимущество с точки зрения гибкости и заработка. Гибкость, в принципе, гибкость». При этом одна домработница честно сказала о своих сомнениях: «я не знаю, пока не задумывалась... потому что все настолько шатковалко, вообще непонятно будущее пока что».

Интервью включают людей разного возраста, пола, географического происхождения и профессионального опыта. Это разнообразие позволяет выявить, что платформенная занятость привлекает людей с различными жизненными стратегиями: матерей, желающих совмещать работу с семьёй, специалистов IT-сектора, ищущих дополнительный доход, людей старшего возраста, использующих платформы как дополнительный источник дохода.

Репетиторство на платформах выступает как важная форма неформальной занятости, особенно для женщин [Леонидова, Баймурзина, Кабашова, 2025].

Интервью раскрывают дифференциацию платформенной занятости по видам услуг, интенсивности работы и доходности. В исследовании структуры предложения труда на платформе «Профи» выявлены региональные, отраслевые и социально-демографические различия [Туракаев, Батталова, 2025]. Данные интервью подтверждают эту картину: онлайн-работники (репетиторы, консультанты, 3D-дизайнеры) часто работают меньше часов, но имеют более гибкий график; офлайн-работники (сантехники, электромонтажники, домработницы) часто работают больше часов и испытывают большую физическую нагрузку.

Методика глубинного интервьюирования позволяет исследователям получить многогранное понимание платформенной занятости в России, выходя далеко за рамки того, что могут предоставить статистические данные. Эта методика особенно эффективна для выявления субъективных аспектов трудовой деятельности: мотивов, стратегий, ощущений безопасности и качества жизни. Данные интервью подтверждают вывод, о том, что платформенная занятость в России – это гетерогенный феномен, требующий индивидуализированного понимания различных групп работников [Баймурзина, Леонидова, Батталова, 2024].

Заключение

Основные выводы исследования показывают, что платформенная занятость в России продолжит развиваться, но её будущее зависит от нескольких факторов: качества регулирования со стороны государства, совершенствования функций платформ, развития профессиональных стандартов и гарантий безопасности. При этом работники видят в платформах не замену традиционной занятости, а скорее дополнительный инструмент для реализации своих профессиональных и жизненных проектов. Методика качественного исследования, применённая в данном случае, позволяет услышать голоса самих работников и понять их видение перспектив платформенной экономики в России.

Биографический список

1. Баймурзина Г. Р., Черных Е. А. Особенности платформенной занятости в России: о чем говорят данные цифровых профилей работников // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2024. Т. 17. № 2. С. 202-219. DOI 10.15838/esc.2024.2.92.11.
2. Леонидова Г. В., Баймурзина Г. Р., Кабашова Е. В. Репетиторство как вид неформальной занятости на цифровых платформах // Народонаселение. 2025. Т. 28. № 3. С. 186-200. DOI 10.24412/1561-7785-2025-3-186-200.
3. Баймурзина Г. Р., Леонидова Г. В., Батталова А. И. Женщины в IT-сфере: особенности предложения труда (на данных цифровой платформы Superjob) // Научный результат. Социология и управление. 2024. Т. 10. № 4. С. 207-225. DOI 10.18413/2408-9338-2024-10-4-1-1.
4. Туракаев М. С., Батталова А. И. Региональная, отраслевая и социально-демографическая дифференциация структуры предложения труда на российской платформе занятости «Профи» // Журнал социологии и социальной антропологии. 2025. Т. 28. № 3. С. 30-56. DOI 10.31119/jssa.2025.28.3.2.

**ПЕРСПЕКТИВЫ И РИСКИ ЦИФРОВИЗАЦИИ ДЛЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ
САМОРЕАЛИЗАЦИИ МОЛОДЕЖИ
PROSPECTS AND RISKS OF DIGITALIZATION FOR PROFESSIONAL SELF-
REALIZATION OF YOUTH**

Гордеева Елизавета Вадимовна, студент 5 курса направления 39.03.01 "Социология" кафедры социологии и работы с молодежью, ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий», Уфа, Россия, E-mail: gordeevaalil44@gmail.com

Гайфуллин Андрей Юрьевич, кандидат социологических наук, заведующий кафедрой социологии и работы с молодежью, ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий», Уфа, Россия, E-mail: gayfullin_a@mail.ru

Gordeeva Elizaveta Vadimovna, 5th year student of the Department of Sociology and Youth Work, Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia, E-mail: gordeevaalil44@gmail.com

Gaifullin Andrey Yuryevich, PhD in Sociology, Head of the Department of Sociology of Youth Work, Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia, E-mail: gayfullin_a@mail.ru

Аннотация: Статья посвящена анализу влияния цифровизации на возможности профессиональной самореализации молодежи. Рассмотрены благоприятные и негативные факторы, влияющие на профессиональную самореализацию молодежи. Предложены стратегические направления адаптации молодежи к вызовам цифровой экономики.

Abstract: The article is devoted to the analysis of the impact of digitalization on the possibilities of professional self-realization of young people. The favorable and negative factors affecting the professional self-realization of young people are considered. The strategic directions of youth adaptation to the challenges of the digital economy are proposed.

Ключевые слова: цифровая трансформация, профессиональная реализация, молодые специалисты, трудовые отношения, IT-компетенции, дистанционная работа, информационное неравенство

Keywords: digital transformation, professional fulfillment, young professionals, labor relations, IT competencies, remote work, information inequality

Современный этап общественного развития характеризуется глубоким и всеобъемлющим влиянием цифровых технологий, которые коренным образом трансформируют устоявшиеся модели социального взаимодействия, экономические структуры и, в особенности, параметры рынка труда [1; 2]. Для молодого поколения, находящегося на этапе профессионального самоопределения и интеграции в социально-экономическую систему, данные изменения формируют зону повышенной неопределённости и турбулентности [3].

Под профессиональной самореализацией принято понимать процесс, в рамках которого индивид максимально реализует свои врождённые задатки, способности и личностные устремления посредством профессиональной деятельности [4]. Этот процесс неразрывно связан с достижением значимых карьерных результатов и сопровождается субъективным переживанием удовлетворённости от выполняемой работы, а также ощущением личностной и профессиональной состоятельности [5].

В условиях формирования цифрового общества традиционные траектории профессионального развития и карьерного роста претерпевают фундаментальные трансформации [6]. Информационные технологии не только порождают принципиально новые сегменты занятости, но и коренным образом изменяют внутреннюю структуру и

содержание устоявшихся профессий, предъявляя повышенные требования к квалификации, гибкости и готовности к постоянному обучению работников [7; 8]. Молодое поколение, отличающееся высокой адаптивностью и восприимчивостью к инновациям, оказывается в эпицентре этих масштабных изменений. Данное обстоятельство придаёт изучению особенностей их профессиональной самореализации в цифровой среде особую теоретическую и практическую значимость.

Влияние цифровизации на профессиональную самореализацию молодёжи носит как положительный, так и отрицательный характер. С одной стороны, виртуальная среда предоставляет молодёжи беспрецедентные возможности для профессиональной самореализации. К их числу относятся доступ к транснациональным карьерным траекториям и глобальному рынку труда, формирование новых профессий, основанных на передовых научных и технологических достижениях, распространение гибких и адаптивных форм занятости, включая удалённую работу, фриланс и проектную деятельность [9]. С другой стороны, ускоренная алгоритмизация и цифровизация экономики сопряжены с рядом существенных рисков. Среди них: тенденция к прекаризации труда, выражающаяся в снижении стабильности занятости и социальной защищённости молодых специалистов, углубление цифрового неравенства, проявляющееся в дифференцированном доступе к качественным цифровым ресурсам и компетенциям, девальвация значимости классических фундаментальных знаний в условиях доминирования узкоспециализированных цифровых навыков [10].

Технологический прогресс предоставляет молодым людям целый спектр преимуществ, способных радикально расширить поле для приложения их способностей. Положительное влияние цифровизации на профессиональную самореализацию молодежи реализуется через:

- генерацию новых профессий и направлений деятельности;
- адаптацию и расширение форм трудоустройства;
- расширение доступа к непрерывному образованию;
- расширение арсенала средств для самопродвижения и нетворкинга (таблица 1).

Таблица 1

Положительное влияние цифровизации на профессиональную самореализацию молодежи

Направление влияния	Ключевые проявления	Преимущества для молодёжи	Примеры и инструменты
Генерация новых профессий	Формирование устойчивого спроса на специалистов с уникальными цифровыми компетенциями.	Высокий уровень востребованности, конкурентоспособная оплата труда, возможность творческой самореализации.	Архитектор данных, DevOps-инженер, специалист по кибербезопасности, ML-разработчик.
Гибкие модели занятости	Распространение удалённой работы, фриланса и проектной деятельности.	Географическая независимость, гибкий график, возможность совмещать работу с учёбой и личными проектами.	Биржи фриланса.
Расширение доступа к непрерывному образованию	Демократизация образовательных ресурсов и инструментов для развития навыков.	Возможность быстро осваивать новые компетенции, повышать конкурентоспособность без финансовых и институциональных барьеров.	Массовые открытые онлайн-курсы (Coursera, «Открытое образование»), образовательные платформы (Skillbox).
Инструменты самопрезентации и нетворкинга	Развитие цифровых каналов для демонстрации профессиональных	Формирование личного бренда, прямой доступ к работодателям, сокращение зависимости от посредников.	Профессиональные соцсети (LinkedIn), портфолио (GitHub, Behance),

Направление влияния	Ключевые проявления	Преимущества для молодёжи	Примеры и инструменты
	достижений и поиска деловых контактов.		тематические каналы в мессенджерах.

Цифровая трансформация, несмотря на открывающиеся перспективы, формирует для молодого поколения ряд системных угроз и уязвимостей, способных оказать деструктивное влияние на процессы профессионального становления и долгосрочной карьеры:

- углубление цифрового неравенства [11];
- прекаризация труда;
- депрофессионализация и утрата глубины знаний [12; 13];
- психоэмоциональные риски [14];
- уязвимость к технологическим изменениям;
- уязвимость перед киберугрозами и нарушение приватности (таблица 2).

Таблица 2

Угрозы и уязвимости цифровой трансформации для профессионального становления молодёжи

Направление влияния	Ключевые проявления	Последствия для молодёжи	Примеры и механизмы
Углубление цифрового неравенства	Дифференцированный доступ к современным технологиям, качественному интернету и цифровым компетенциям.	Ограничение возможностей для профессионального развития, снижение конкурентоспособности.	Разрыв между «цифровыми элитами» и молодёжью из регионов или малообеспеченных семей.
Прекаризация труда	Распространение нестабильных, краткосрочных форм занятости (фриланс, гиг-экономика).	Отсутствие социальных гарантий, нестабильный доход, сложности с карьерным ростом.	Проектная работа без оформления в штат, сложности с построением долгосрочных карьерных стратегий, психологический дискомфорт.
Депрофессионализация и утрата глубины знаний	Автоматизация рутинных и части интеллектуальных операций (в т. ч. с помощью нейросетей).	Риск профессиональной деформации, снижение общей эрудиции и критического мышления.	Поверхностное владение цифровыми сервисами, формирование «миражей экспертности».
Психоэмоциональные риски	Повышенная нагрузка, стресс, «выгорание», размытие границ между работой и личной жизнью.	Ухудшение психического и физического здоровья, снижение мотивации к труду.	Постоянная доступность онлайн, ненормированный рабочий день, давление соцсетей.
Уязвимость к технологическим изменениям	Быстрая автоматизация и устаревание профессий, высокая скорость смены технологий.	Необходимость постоянного переобучения, риск быстрой потери актуальности навыков.	Автоматизация рутинных задач, внедрение ИИ, замена специалистов алгоритмами.
Уязвимость перед киберугрозами и нарушение приватности	Рост цифровых следов, эксплуатация личных данных в профессиональных	Риск утечек конфиденциальной информации, имиджевые потери,	Кибератаки, мошенничество, манипуляции с персональными данными

Направление влияния	Ключевые проявления	Последствия для молодёжи	Примеры и механизмы
	целях.	долгосрочные осложнения в карьере.	

Для того чтобы цифровая трансформация играла роль ускорителя, а не тормоза профессионального роста молодежи, требуются синхронизированные действия со стороны властных институтов, сферы просвещения, деловых кругов и самих юношей, и девушек (таблица 3).

Таблица 3

Меры по управлению рисками цифровизации в профессиональной реализации молодёжи

Субъект	Ключевые направления деятельности	Конкретные меры и инструменты
Государственные институты	Формирование цифровой инфраструктуры и правовой среды	– Имплементация национальных проектов по развитию компьютерной грамотности. – Гарантия равного доступа к скоростному интернету (особенно в сельской местности). Актуализация трудового законодательства для защиты прав платформенных работников. – Стимулирование создания высокотехнологичных рабочих мест.
Сфера просвещения	Модернизация образовательных стандартов и практик	– Внедрение сквозных цифровых компетенций во все учебные программы. – Развитие критического мышления, креативности и эмоционального интеллекта. – Масштабирование наставничества и производственных практик в IT-компаниях.
Деловые круги (работодатели)	Создание благоприятной корпоративной среды и условий для развития	– Разработка программ адаптации (онбординга) и непрерывного обучения для молодых специалистов. – Формирование корпоративной культуры, ориентированной на Lifelong Learning (обучение в течение всей жизни). – Обеспечение этичного обращения с данными персонала и информационной безопасности.
Индивид (молодёжь)	Осознанное управление личной карьерой и благополучием	– Конструирование индивидуального карьерного маршрута. – Соблюдение правил «цифровой гигиены». – Забота о психологическом здоровье, баланс между онлайн- и офлайн-активностью. – Стремление к усвоению системных основ профессии, а не только к освоению конкретных программных продуктов.

В условиях становления цифрового общества успешная профессиональная самореализация молодёжи становится комплексной задачей. Ключевым условием для превращения цифровизации в фактор устойчивого профессионального развития молодёжи выступает консолидация усилий всех заинтересованных сторон. Синхронизированные действия государственных институтов по формированию инфраструктуры и правовой среды, модернизация системы образования в русле требований цифровой экономики, внедрение практик корпоративного наставничества со стороны работодателей и формирование у самой молодёжи навыков осознанного управления карьерой являются необходимыми элементами единой стратегии.

Библиографический список

1. Гайфуллин А.Ю. Социальные трансформации в условиях развития цифровой экономики // Уфимский гуманитарный научный форум. 2020. № 2 (2). С. 115-120.
2. Гайфуллин А.Ю. Социальные технологии управления обществом: проблемы и перспективы / Проблемы функционирования и развития территориальных социально-экономических систем: сборник статей II Всероссийской научно-практической интернет-конференции: в 3 томах, Уфа, 15 октября – 15 2008 года. Том III. Уфа: Институт социально-экономических исследований УНЦ РАН, 2008. С. 52-56.
3. Гайфуллин А.Ю. Молодежь и молодежная политика в Республике Башкортостан: Монография. Уфа: Уфимский университет науки и технологий, 2023. 162 с.
4. Гайфуллин А. Ю. Профессиональные предпочтения молодежи на региональном рынке труда / Проблемы функционирования и развития территориальных социально-экономических систем, Уфа, 15 октября – 15 2013 года / Институт социально-экономических исследований УНЦ РАН; Ответственный редактор: Гайнанов Д.А. Уфа: Институт социально-экономических исследований УНЦ РАН, 2013. С. 217-220.
5. Гайфуллин А. Ю. Социологический анализ ценностных ориентиров современной студенческой молодежи // Уфимский гуманитарный научный форум. – 2023. № 3(15). С. 221-232. DOI 10.47309/2713-2358-2023-3-221-232.
6. Гайфуллин А. Ю. Актуальные проблемы современной молодежи. Уфа: УУНиТ, 2024. 174 с.
7. Кунакбаева Л.Р., Гайфуллин А.Ю. Цифровые технологии в государственном и муниципальном управлении / Молодежный научный форум "Уфимский гуманитарный научный форум": Сборник статей: к 70-летию Дегтярева Александра Николаевича, Уфа, 08 апреля – 30 022 года. Уфа: Институт стратегических исследований Республики Башкортостан, 2022. С. 195-199.
8. Семенова Л.Г., Гайфуллин А.Ю. Информационная открытость власти как один из факторов социальной безопасности территории // Инновационные технологии управления социально-экономическим развитием регионов России: Материалы V Всероссийской научно-практической конференции с международным участием: в 3-х частях, Уфа, 24–25 мая 2012 года / Ответственный редактор Гайнанов Д.А.. Том Часть 3. Уфа: Институт социально-экономических исследований УНЦ РАН, 2012. С. 167-171.
9. Гайфуллин А. Ю. Социологический анализ трудоустройства выпускников вузов: имеющийся опыт и ожидания // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2023. Т. 13, № 3. С. 231-243. DOI 10.21869/2223-1552-2023-13-3-231-243.
10. Гайфуллин А. Ю. Социальный портрет и ожидания выпускников вузов Республики Башкортостан на современном рынке труда: социологический анализ // Уфимский гуманитарный научный форум. 2024. № 4(20). С. 315-328. DOI 10.47309/2713-2358-2024-4-315-328.
11. Гайфуллин А. Ю. Роль социальных сетей в профессиональном выборе старшеклассников: социологический анализ // Уфимский гуманитарный научный форум. 2024. № 2(18). С. 189-203. DOI 10.47309/2713-2358-2024-2-189-203.

12. Кунгурцева Г. Ф., Иванова А. Д., Шамсутдинова Д. Ф. Компетентностный подход к формированию профессиональной культуры будущих экономистов / Управление экономикой: методы, модели, технологии: материалы XV Международной научной конференции. В 2 томах, Уфа - Красноусольск, 22–24 октября 2015 года. Том 2. Уфа Красноусольск: ГОУ ВПО "Уфимский государственный авиационный технический университет", 2015. С. 212-214.
13. Кунгурцева Г. Ф., Иванова А. Д., Шамсутдинова Д. Ф. Социально-управленческая и психолого-педагогическая подготовка студентов вуза к профессиональной деятельности // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. 2016. № 4. С. 94-105.
14. Бикметов Е. Ю., Кунгурцева Г. Ф. Методологические аспекты активизации культурно-интеллектуального потенциала современного менеджера // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. – 2018. – № 1. – С. 23-36. – DOI 10.15593/2224-9354/2018.1.2.

УДК 316

ВЛИЯНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ НА ХАРАКТЕР И ДИНАМИКУ СЕМЕЙНЫХ ОТНОШЕНИЙ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

THE INFLUENCE OF SOCIAL NETWORKS ON THE NATURE AND DYNAMICS OF FAMILY RELATIONS IN MODERN SOCIETY

Грешнова Дарья Ильинична, студентка кафедры социологии и работы с молодежью, ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий», Уфа, Россия

Асадуллина Гузелия Рауфовна, кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и работы с молодежью, ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий», Уфа, Россия

Daria Ilyinichna Greshnova, student, Department of Sociology and Youth Work, Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia

Guzeliya Raufovna Asadullina, PhD in Sociology, Associate Professor, Department of Sociology and Youth Work, Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia

Аннотация: В статье исследуется влияние социальных сетей на характер и динамику семейных отношений в условиях цифровой трансформации общества. Цель работы – выявить особенности воздействия цифровых коммуникаций на эмоциональную, коммуникативную и поведенческую сферы внутрисемейного взаимодействия. Эмпирическая база сформирована на основе анкетирования 120 респондентов в возрасте 18–45 лет, состоящих в семейных или близких партнёрских отношениях. Применены методы теоретического анализа, опроса и сравнительного анализа. На основе полученных данных сформулированы практические рекомендации по внедрению цифровой гигиены в семье, включающие временные лимиты, правила цифрового этикета и стимулирование офлайн-взаимодействия.

Abstract: This article examines the influence of social media on the nature and dynamics of family relationships in the context of the digital transformation of society. The aim of the study is to identify the impact of digital communications on the emotional, communicative, and behavioral spheres of intrafamily interaction. The empirical base is formed by a survey of 120 respondents aged 18–45, who are in family or close partnerships. The methods used include theoretical analysis, surveys, and comparative analysis. Based on the data obtained, practical recommendations for implementing digital hygiene in the family are formulated, including time limits, rules of digital etiquette, and incentives for offline interaction.

Ключевые слова: социальные сети, семейные отношения, цифровая коммуникация, внутрисемейное взаимодействие, цифровая гигиена.

Keywords: social networks, family relationships, digital communication, intra-family interaction, digital hygiene.

Введение. Современное общество характеризуется активным внедрением цифровых технологий, оказывающих существенное влияние на социальные институты, в том числе на институт семьи. Социальные сети выступают важнейшим инструментом коммуникации, трансформируя формы взаимодействия между её членами.

Проблема исследования обусловлена противоречивым характером влияния цифровой среды: с одной стороны, она расширяет коммуникативные возможности, с другой – порождает риски снижения качества межличностных отношений. Как отмечает Е.П. Белинская, цифровая социализация формирует новые модели поведения и взаимодействия, которые требуют научного осмысления.⁶

Цель исследования – выявить особенности влияния социальных сетей на характер и динамику семейных отношений.

Задачи исследования:

1. рассмотреть теоретические подходы к изучению цифровой коммуникации;
2. проанализировать влияние социальных сетей на эмоциональную и поведенческую сферы семьи;
3. выявить положительные и негативные последствия цифровизации;
4. определить изменения в структуре семейных взаимодействий;
5. разработать практические рекомендации.

Гипотеза: заключается в том, что социальные сети трансформируют семейные отношения, усиливая их коммуникативный потенциал, но одновременно способствуя росту конфликтности и снижению глубины эмоциональных связей.

Теоретико-методологические основы

Анализ научной литературы свидетельствует о том, что проблема влияния цифровой среды на межличностные отношения активно разрабатывается в отечественной психологии и социологии. Согласно Г.М. Андреевой, общение в цифровую эпоху приобретает новые характеристики, обусловленные изменением каналов передачи информации и снижением роли непосредственного контакта, что ведет к трансформации структуры коммуникации с возрастанием роли кратких, фрагментарных сообщений и визуального контента.⁷ А.Е. Войскунский трактует интернет как особую психологическую среду, в которой формируются специфические формы поведения, включая цифровую зависимость и снижение глубины эмоционального взаимодействия.⁸

Особое внимание в исследованиях уделяется процессу цифровой социализации. Е.П. Белинская указывает, что развитие личности в цифровой среде происходит в условиях постоянного информационного потока, оказывающего влияние на когнитивные и эмоциональные процессы.⁹ Семья в данном контексте рассматривается как система, подвергающаяся воздействию новых технологий. По мнению И.М. Дубровиной, цифровая среда трансформирует воспитательные практики, модифицируя формы контроля, коммуникации и эмоционального взаимодействия.¹⁰ Ж.В. Чернова подчеркивает, что

⁶Белинская Е.П. Цифровая социализация личности: современные тенденции // Психологические исследования. – 2021. – Т. 14, № 76.

⁷ Андреева Г.М. Социальная психология в цифровую эпоху. – М.: Аспект Пресс, 2020.

⁸ Войскунский А.Е. Психология интернета и цифрового поведения. – М.: Юрайт, 2021.

⁹ Белинская Е.П. Цифровая социализация личности: современные тенденции // Психологические исследования. – 2021. – Т. 14, № 76.

¹⁰ Дубровина И.М. Влияние цифровой среды на развитие личности и семейные отношения // Вопросы психологии. – 2020. – № 5. – С. 45–56.

социальные сети становятся частью повседневной жизни семьи, трансформируя её ритм, структуру досуга и распределение ролей.¹¹

Таким образом, теоретический анализ позволяет рассматривать социальные сети как значимый фактор трансформации семейной системы.

Методология и результаты исследования

В исследовании использовались следующие методы: анализ научной литературы; анкетирование (объем выборки -120 респондентов) и сравнительный анализ. Выборка включала респондентов в возрасте от 18 до 45 лет, состоящих в браке или близких партнёрских отношениях

Влияние на эмоциональную коммуникацию

Исследование показало, что социальные сети играют важную роль в поддержании эмоциональных связей, около 65% респондентов отметили, что они регулярно используют цифровые платформы для общения с родственниками. Однако при этом 52% опрошенных указали на снижение качества личного общения. Это проявляется в уменьшении глубины диалога, снижении эмоциональной вовлеченности и замещении живого общения цифровым. Указанная тенденция согласуется с позицией И.А. Климова, отмечающего поверхностный характер цифровой коммуникации и ее влияние на качество межличностных отношений.¹²

Конфликты и доверие

Одним из ключевых результатов исследования стало выявление высокой степени конфликтности, обусловленной использованием социальных сетей. Так 58% респондентов указали на возникновение конфликтов, вызванных: активностью партнёра в социальных сетях; перепиской с другими пользователями; публикацией информации личного характера. Как отмечает Н.В. Иванова отмечает, публичность в социальных сетях способствует усилению контроля и ревности, что негативно сказывается на уровне доверия в семье.¹³

Изменение повседневного взаимодействия

Результаты эмпирической части показали, что интенсивное использование социальных сетей приводит к перераспределению временных ресурсов. Респонденты, проводящие в социальных сетях более 3 часов в сутки, отмечают: сокращение совместного досуга; снижение участия в семейных ритуалах; уменьшение количества живого общения. Это подтверждает выводы Ж.В. Черновой о трансформации повседневных практик семьи.¹⁴

Положительные аспекты

Несмотря на выявленные негативные тенденции, респонденты выделили следующие позитивные функции цифровых платформ: поддержание связи на расстоянии (71%), доступ к образовательным ресурсам (43%), организация совместного досуга (28%). Особую значимость данные функции приобретают в условиях территориальной разобщённости членов семьи.

Обсуждение результатов

Полученные результаты подтверждают амбивалентный характер влияния социальных сетей на семью. С одной стороны, цифровые технологии расширяют коммуникативные границы и обеспечивают поддержание связей в условиях пространственной разобщённости. С другой стороны, фиксируется снижение качества межличностного взаимодействия, обусловленное частичной заменой непосредственного общения виртуальным, что

¹¹ Чернова Ж.В. Социальные сети и повседневность семьи // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2023. – Т. 26, № 1.

¹² Климов И.А. Цифровая коммуникация в современной семье // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. – 2021. – № 4. – С. 87–101.

¹³ Иванова Н.В. Социальн– С. 112–118.

¹⁴ Чернова Ж.В. Социальные сети и повседневность семьи // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2023. – Т. 26, № 1.

согласуется с исследованиями, указывающими на трансформацию эмоциональной сферы и рост отчуждённости в цифровой среде.

Увеличение числа семейных конфликтов объясняется трансформацией норм приватности и публичности: социальные сети формируют дополнительные основания для недоверия и ревности, усиливая напряженность в отношениях. Особое значение в перспективе приобретает изучение влияния цифровой среды на детей, поскольку имитация родительских практик и ранняя онлайн-социализация могут снижать навыки реального общения. Данное направление требует отдельного эмпирического исследования.

Выводы и практические рекомендации

- 1) социальные сети выступают значимым фактором трансформации семейных отношений;
- 2) они способствуют расширению коммуникативных возможностей, однако одновременно снижают качество непосредственного общения;
- 3) активное использование цифровых платформ повышает риск возникновения конфликтов и формирования эмоциональной дистанции между партнёрами;
- 4) наблюдается устойчивая модификация структуры семейного взаимодействия.

Практические рекомендации:

Для минимизации негативных последствий цифровой среды рекомендуется: устанавливать временные ограничения на использование социальных сетей; формировать внутри семьи правила цифрового поведения; развивать культуру осознанного использования технологий; поощрять совместный офлайн-досуг; использовать социальные сети как дополнение, а не замену живого общения.

Библиографический список

1. Андреева Г.М. Социальная психология в цифровую эпоху. – М.: Аспект Пресс, 2020.
2. Белинская Е.П. Цифровая социализация личности: современные тенденции // Психологические исследования. – 2021. – Т. 14, № 76.
3. Войскунский А.Е. Психология интернета и цифрового поведения. – М.: Юрайт, 2021.
4. Дубровина И.М. Влияние цифровой среды на развитие личности и семейные отношения // Вопросы психологии. – 2020. – № 5. – С. 45–56.
5. Иванова Н.В. Социальные сети как фактор трансформации семейных отношений // Социологические исследования. – 2022. – № 3. – С. 112–118.
6. Климов И.А. Цифровая коммуникация в современной семье // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. – 2021. – № 4. – С. 87–101.
7. Лисина М.И. Общение, личность и психика ребёнка. – М.: Питер, 2020.
8. Смирнова Е.О. Цифровая среда и развитие ребёнка: риски и возможности // Психологическая наука и образование. – 2021. – Т. 26, № 2.
9. Фомичёва Н.Б. Интернет-зависимость и семейные отношения // Психология и право. – 2022. – Т. 12, № 1.
10. Чернова Ж.В. Социальные сети и повседневность семьи // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2023. – Т. 26, № 1.

ДЕСТАНДАРТИЗАЦИЯ ЗАНЯТОСТИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ МОЛОДЁЖИ

THE DESTANDARDIZATION OF EMPLOYMENT IN THE CONTEXT OF THE DIGITALIZATION OF SOCIETY IN THE VIEWS OF YOUNG PEOPLE

Гудкова Мария Игоревна, студент кафедры социологии и работы с молодёжью, направление 39.03.01 «Социология», 4 курс, ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий», Уфа, Россия, good6404@mail.ru

Садретдинова Эвеллина Винеровна, доцент кафедры социологии и работы с молодёжью, кандидат социологических наук, ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий», Уфа, Россия, golichev@mail.ru

Gudkova Maria Igorevna, student of the Department of Sociology and Youth Work, course 39.03.01 «Sociology», 3rd year, Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia, good6404@mail.ru

Sadretdinova Evellina Vinarovna, Associate Professor of the Department of Sociology and Youth Work, Candidate of Sociological Sciences, Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia, golichev@mail.ru

Аннотация. Статья систематизирует теоретические подходы к труда и занятости, выявляя факторы перехода от стандартной модели занятости к нестандартным формам. В работе использованы методы теоретического обобщения, классификации и критического анализа научной литературы. Научная значимость заключается в характеристике современного «общества риска» как неустойчивого в связи с размыванием социальных гарантий и формированием прекарного габитуса. Значимыми результатами исследования стали: обоснование дестандартизации занятости технологическими сдвигами и институциональными изменениями, а также выявление молодёжи как наиболее чувствительной группы к процессам прекаризации.

Abstract. The article is devoted to the destandardization of employment and its perception by young people in the context of digitalization. The purpose of the article is to systematize theoretical approaches to understanding labor and employment, as well as to identify the key factors that have led to the transition from the standard model of employment to modern formats associated with precariousness and social risks. The article uses methods of theoretical generalization, classification, and critical analysis of scientific literature, including historical and sociological analysis and a comparative review of classical and modern concepts of non-standard employment. The scientific significance of the article lies in the characterization of the modern "risk society" as unstable due to the erosion of social guarantees and the formation of a precarious habitus, where stability begins to be perceived as the norm. The significant results of the study include the justification of the destandardization of employment by technological shifts and institutional changes, as well as the identification of young people as the most sensitive group to the processes of precariousness.

Ключевые слова: дестандартизация занятости; прекаризация; нестандартная занятость; молодёжь; цифровизация; общество риска; социальные гарантии; рынок труда.

Key words: destandardization of employment; precariousness; non-standard employment; youth; digitalization; risk society; social guarantees; labor market.

На протяжении всей истории человечества существование людей неотделимо от разнообразных перемен, оказывающих влияние на все стороны их бытия. Работа, являясь

неотъемлемой частью этого процесса, также претерпевает изменения и усовершенствования. Оно выступает одной из фундаментальных основ человеческого общества, играя решающую роль в его стабильности и прогрессе.

В античном мире не выделялось такое понятие как «занятость», но было понимание труда. Работа считалась признаком отсутствия гражданских прав и воспринималась как страдание¹⁵. Его воспринимали как некое страдание или тяготу, обременяющую существование и лишаящую свободного человека досуга. Однако в эпоху Средневековья в Европе складывается новый взгляд.

Ключевая особенность средневекового восприятия данного феномена заключалась в том, что особое влияние начала оказывать религия. Теперь церковь определяла содержание труда и отношение к нему. Христианское мировоззрение не допускает пребывание человека в праздности и душевной пустоте. Согласно ему, индивид должен быть постоянно занят либо молитвой, либо трудом. В данном контексте труд начинает рассматриваться как средство воспитания истинного христианина за счёт взращивания в нём таких добродетелей, как смирение, целомудрие и кротость¹⁶. Таким образом, подчёркивалась важность человеческого достоинства и справедливости в трудовых отношениях.

На смену такому традиционному укладу шаг за шагом приходило индустриальное общество, которое с полным основанием именуют «обществом труда». Переход от аграрного типа к индустриальному коренным образом преобразил характер труда. Если раньше работа крестьянина отличалась нерегулярностью и дискретностью, где периоды нагрузки сменялись затяжными паузами из-за многочисленных праздников, то индустриальный труд требовал ритмичности и постоянства¹⁷. Производство эпохи пара и электричества требовало одновременного присутствия множества работников в одном месте для работы с машинами и взаимодействия друг с другом¹⁸. Таким образом, индустриализация разрушила природный ритм крестьянского труда, заменив жёсткой регламентацией и непрерывностью фабричного производства. Труд из циклического, подчинённого календарю и праздникам, превратился в равномерный, стандартизованный процесс, не знающий длительных пауз.

Одним из первых мыслителей того времени, обратившихся к проблеме трудовых отношений, стал Адам Смит (1723-1790). Особое внимание А.Смит уделяет разделению труда как фактору роста производительности. При этом он затрагивает вопрос о мотивации работника к труду. В ходе своих рассуждений учёный приходит к тому, что человек трудится не столько ради богатства как такового, сколько ради уважения и одобрения окружающих. Богатство же в таком случае выступает лишь средством завоевать достойное положение в обществе и особый социальный статус¹⁹.

Его последователь, Дэвид Рикардо (1772-1823), обосновал концепцию естественной заработной платы как платы, которая должна соответствовать физиологическому минимуму, необходимому для простого воспроизводства рабочей силы²⁰. Швейцарский экономист Симон де Симонди (1773-1842) тоже во многом следует за А.Смитом. Он осмысливает и теорию разделения труда, признавая его мощнейшим фактором роста производительности. В ходе своих рассуждений он предложил целостную систему социальных гарантий для

¹⁵ Шевчук А.В. О будущем труда и о будущем без труда (футурологические дискуссии) // Экономическая социология, 2005. – Т. 6. № 3. – С. 12.

¹⁶ Юрьева Т.В. Труд как категория средневековой культуры и его православные коннотации // Ярославский педагогический вестник, 2015. - №1. - С. 152.

¹⁷ Шипилов А.В. Труд и отношение к нему: до и после модерна // Общественные науки и современность, 2021. - № 6. - С. 63.

¹⁸ Кинг Б., Лайтман А., Рангасвами Дж.П., Ларк Э. Эпоха дополненной реальности. М.: Олимп-Бизнес, 2018. - С. 87.

¹⁹ Хусяинов Т.М. От общества труда к обществу занятости // Философия и культура, 2017. - №7. - С. 34.

²⁰ Морозова Н.Н. Эволюция подходов к понятию труда и теории рынка труда от античности до марксистской теории // Научные труды Республиканского института высшей школы. Философско-гуманитарные науки, 2024. – № 23-2. – С. 256.

наёмных работников, включая право на кооперацию, запрет детского труда, сокращение рабочего дня, воскресный отдых и обязательное содержание работника работодателем в случае болезни, безработицы и старости²¹. Таким образом, он фактически создал прообраз современного социального пакета.

Принципиально новый этап в осмыслении занятости связан с именем Джона Мейнарда Кейнса (1883-1946). Он утверждал, что государство должно разрабатывать программы содействия занятости и социальной защиты безработных, поддерживать предпринимательство, а также оказывать помощь социально уязвимым слоям населения. В отличие от предшественников, учёный сместил акцент с результатов труда на динамику спроса и предложения рабочей силы, сделав занятость ключевой экономической категорией²². Так, Дж. М. Кейнс совершил переворот в понимании занятости, опровергнув классический постулат о саморегулировании рынка труда.

В ходе общественных изменений образовывались важнейшие составляющие современной хозяйственной жизни, выражающиеся в наёмном труде, обладании определённой профессией, организацией предприятий, а также в определении рабочего времени и заработной платы. Из основной части населения образовывалась так называемая «армия наёмного труда»²³. Так, в индустриальном обществе система занятости строилась на унификации всех её ключевых элементов таких, как трудовая биография, место работы, рабочее время, заработная плата и т.д. Всё то, что так или иначе стандартизировало занятость.

В России в XIX в. активно шли процессы увеличения количества производств и урбанизации, находящей своё выражение в трудовой миграции населения из сельской местности в города с большими возможностями для реализации трудового потенциала. Так, в послереволюционной России в 1917 г. временным правительством создавались первые биржи труда, состоящие преимущественно из представителей рабочих²⁴. Таким образом, государство подключалось к организации занятости в стране, помогая населению применить свои трудовые способности.

В 1970–1980-е гг. особую популярность получила концепция гибкого рынка, подразумевающая право выбора как нанимателю рабочей силы, так и работнику²⁵. Последующие перемены 1990-х гг. окончательно привели к разрушению прежней планово-распределительной системы управления трудовыми ресурсами страны. Единственным исключением стало законодательное закрепление минимальной заработной платы (МРОТ), размер которой был не сопоставим с реальным прожиточным минимумом. Так, стабильность в сфере занятости и рынке труда в индустриальном обществе ослабевала всё больше.

Новый этап общественного развития характеризуется фундаментальными изменениями в организации труда. В связи с такими изменениями, как глобализация и цифровизация, производственные процессы всё чаще выходят за физические пределы предприятий, что приводит, в свою очередь, к размыванию их чётких границ.

Так, на смену жёстко стандартизированной занятости индустриальной эпохи приходит дестандартизованная занятость, в которой граница между работой и её отсутствием становится всё более условной. Закономерно расширяется слой людей, который нельзя считать безработными по формальным критериям, но при этом они лишены устойчивых

²¹ Шапиро С.А. Социально-экономические аспекты трудовой деятельности: монография/ С.А. Шапиро. М.: ИД «АТИСО», 2011. - С. 121.

²² Хусяинов Т.М. От общества труда к обществу занятости // Философия и культура, 2017. - №7. - С. 35.

²³ Турсукова И.И. Дестандартизация занятости как тенденция развития рынка труда // Научные исследования и разработки молодых учёных, 2014. - №1. - С. 157.

²⁴ Вашаломидзе Е.В., Рыжов Д.А., Талбацкий Я.П., Вешкурова А.Б. Становление и развитие государственной службы занятости населения // Экономика труда, 2024. – Том 11. – № 12. – С. 2180.

²⁵ Зверева Е.В. Некоторые подходы к исследованию понятия «занятость населения» в анализе различных концепций и школ // Экономика и бизнес: теория и практика, 2021. - №9-1. - С. 87.

гарантий дохода и социальной защищённости²⁶. Итак, стандартизованное, так называемое, «общество труда» осуществило переход к «обществу риска», акцентирующем внимание на индивидуализацию и цифровизацию.

С ходом истории социально-трудовые отношения видоизменялись в связи с постоянным противостоянием интересов труда и капитала, что привело к формированию институциональной модели стандартной занятости. Важно отметить, что параметры стандартной занятости нашли своё отражение в нормах трудового и социального законодательства (например, Трудовой Кодекс РФ). В качестве ключевых элементов этой модели выделяют²⁷:

1. Официальное оформление трудовых отношений через заключение трудового договора;
2. Выполнение трудовых функций непосредственно на предприятиях, в организациях или иных учреждениях;
3. Законодательно установленная продолжительность рабочего времени;
4. Регулярная оплата труда;
5. Наличие социальных гарантий, исключающих принудительные переработки, необоснованное сокращение рабочего времени и заработной платы, а также вынужденные неоплачиваемые отпуска.

Итак, стандартная занятость предстаёт как исторически сложившийся институт, обеспечивающий работнику устойчивые права и гарантии в обмен на подчинение дисциплине организованного производства. Как утверждает Д.Норт, общество с помощью таких норм стремится к тому, чтобы стать более предсказуемым, формируя стабильные структуры и их взаимодействия. Под влиянием технологических сдвигов складывается «новая нормальность», характеризующаяся глубокими трансформациями, которые затрагивают фундаментальные основы бизнеса, труда и сами институциональные структуры, обеспечивающие их функционирование²⁸. Исходя из такого понимания, можно сказать, что любые отклонения от установленных норм будут формировать нестандартную занятость.

К нестандартным формам занятости В.К. Латышева в своей работе относит²⁹:

- Неполную занятость, когда происходит вовлечение части экономически активного населения в общественно полезный труд на условиях неполного рабочего времени;
- Скрытую занятость, подразумевающую деятельность лиц в сфере торговли, строительства, бытовых услуг без официальной регистрации в качестве занятых;
- Сезонную занятость - периодическое привлечение работников в определённые сезоны, обусловленное природно-климатическими факторами;
- Занятость основе соглашений гражданско-правового характера,
- Временную занятость, то есть работа на основе срочных трудовых соглашений;
- Дополнительную занятость - деятельность помимо основной работы;
- Неформальную занятость, характеризующаяся самозанятостью и созданием индивидуального предприятия.

Перечисленные формы нестандартной занятости, при всём их многообразии, можно назвать традиционными, поскольку они в том или ином виде существовали продолжительное

²⁶ Турсукова И.И. Дестандартизация занятости как тенденция развития рынка труда // Научные исследования и разработки молодых учёных, 2014. - №1. - С. 157-158.

²⁷ Темницкий А.Л. Ресурсный потенциал precarious работников в России // Социологические исследования, 2022. - № 11. - С. 89.

²⁸ Логинова Л.В. Деинституционализация традиционно организованного труда: новая нормальность трудовых отношений // Logos et Praxis, 2024. – Т. 23, № 2. – С. 143.

²⁹ Латышева, В. К. Виды и формы занятости населения в современных социально-экономических условиях // Общественные науки в проекции развития современного социума (экономические науки): Сборник статей по материалам V Международного молодёжного научного форума, Москва: Академия труда и социальных отношений, 2022. – С. 191.

время и подвергались изучению. Сегодня в связи с НТП и цифровизацией развиваются новые формы нестандартной занятости.

Современные ускоряющиеся темпы жизни, постоянные изменения и развитие сфер человеческой реальности не могут не оказывать влияние на представления людей об окружающем мире. Молодые люди, как наиболее гибкая и адаптивная социальная группа, подвергаются воздействию этих самых изменений в ряду первых.

Поддерживать такой уровень мобильности в трудовой сфере помогают новые форматы занятости, отличающиеся не самой высокой устойчивостью, и образующие новый слой в трудовой структуре - прекариат. Наибольшую популярность среди молодёжи набрала платформенная и дистанционная занятость, характерная для гиг-экономики.

Gig-экономика (гиг-экономика) или экономика подработок - это относительно новое явление, которое строится на временной занятости без оформления работников в постоянный штат. Координация взаимодействия происходит через цифровые платформы. Развитие этой модели обусловлено её эффективностью: работники получают непрерывный доступ к заказам, а наниматели - возможность быстрого подбора квалифицированных кадров по всему миру с одновременным снижением расходов на оплату труда³⁰. Поэтому главным отличием сегодняшней занятости является её дистанционный формат, так называемый телетруд, когда работу можно и найти, и осуществить, не находясь непосредственно на рабочем месте. Такой формат работы обеспечивается за счёт развитых информационных технологий, электронных и телекоммуникационных систем.

В докладе Ю.Г. Одегова и В.В. Павловой были изложены определённые тренды, характерные для российского рынка труда. При анализе рынка труда они отметили, что наличие платформ для поиска заказов и их исполнения поспособствовали росту числа самозанятых. Как утверждают исследователи, на 2025 год статус самозанятого приобрели уже порядка 15 млн. человек³¹. Тенденция развития платформенной занятости протекает так активно в связи с созданием особых цифровых платформ, помогающих без лишних промедлений и осложнений найти себе работы.

Согласно информации, выявленным экспертами Всемирного банка, привлекательность платформенной занятости обеспечивается за счёт таких факторов, как свободный график, возможность дополнительного дохода и освоение цифровых навыков для открытия новых профессиональных горизонтов. В России, по данным Центра стратегических разработок за 2023 год, на долю молодёжи (до 35 лет), участвующей непосредственно в таком виде занятости, приходилось 52% населения³². Исследование НИУ ВШЭ за 2024 год показало, что 16% россиян в возрасте 18-72 лет так или иначе имели опыт платформенной занятости, в том числе в качестве эпизодической подработки³³. Следовательно, платформенная занятость привлекает молодёжь гибкостью, возможностью дополнительного заработка и освоения цифровых навыков.

Другой набирающей популярность формой занятости стал фриланс. Под ним подразумевается применение в трудовой деятельности тех самых информационно- и телекоммуникационных систем. Особенность лишь в том, что трудовые отношения строятся без оформления долгосрочного трудового договора с нанимателем, чаще работа осуществляется на основе договора ГПХ. Фрилансер обладает определённой свободой

³⁰ Масленникова Е.В., Колесник Е.А., Антонова О.А. Исследование форм нестандартной занятости в контексте реализации признаков достойного труда // Вестник ОмГУ. Серия: Экономика, 2022. - №1. - С. 104.

³¹ Финмаркет: информационное агентство России: [сайт]. - Москва, 2015. - URL: <https://www.finmarket.ru/news/6522363> (Дата обращения: 29.03.2026).

³² Синявская О.В., Бирюкова С.С., Карева Д.Е., Стужук Д.А. Платформенная занятость в России: динамика распространённости и ключевые характеристики занятых. Экспертный доклад [Электронный ресурс] / Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2024. – С. 14.

³³ Дианов Р.К. Нестандартная занятость в Российской Федерации: вызовы и перспективы для карьерного развития молодёжи. Вестник университета, 2025. - (11). - С. 224.

действий в контексте организации рабочего пространства и времени, а также распределением нагрузки и планов реализации работы³⁴. Так, фриланс позволяет совмещать работу с разными работодателями. Но несмотря на эти характеристики, люди, работающие в таком формате, также являются социально незащищёнными, поскольку не всегда имеют возможность участия в полной занятости и, что более важно, получения стабильного дохода.

В связи с большей автономией среди молодёжи распространилась стратегия прохождения онлайн-курсов для повышения уровня компетенции и углубления определённых навыков и знаний. В исследовании Волчковой И.В., Вотяковой И.В. и Воробьевой Е.С. было выявлено, что люди задействованные в нестандартных видах занятости чаще готовы заниматься самообразованием (82,8%). Для развития именно в профессиональной сфере занимаются участники нестандартной занятости и составили 81,2% (в отличие от 50,4% стандартных участников)³⁵. Всё это способствует развитию человеческого потенциала, а также обеспечивает непрерывность образования, что очень важно для нынешнего быстроразвивающегося мира.

Таким образом, в контексте распространения нестандартных и прекаризованных форм занятости молодёжь становится одной из наиболее уязвимых и незащищённых социально-профессиональных групп населения. Молодые люди в эпоху цифровизации одновременно опасаются рисков, связанных с этим процессом, но в то же время используют открывающиеся благодаря её возможности³⁶. Исследователи сходятся во мнении, что именно молодые работники чаще других вовлекаются в неполную, временную, платформенную и дистанционную занятость, сопряжённую с отсутствием долгосрочных гарантий, нестабильностью дохода и с ограниченным доступом к социальной защите.

Исходя из всего вышеперечисленного, можно сделать вывод, что в эпоху цифровизации сферы трудоустройства молодёжи трансформируются в двух направлениях одновременно: формируются гибкие формы занятости (онлайн-платформы, удалёнка, фриланс) и нелинейные карьерные траектории, но параллельно нарастает прекаризация - нестабильность, обесценивание образования, эрозия социальных гарантий, недоверие к государству и опора на собственные силы. В результате молодое поколение, активно используя преимущества цифровой экономики, оказывается в числе наиболее уязвимых категорий работников.

Библиографический список

1. Вашаломидзе Е.В., Рыжов Д.А., Талбацкий Я.П., Вешкурова А.Б. Становление и развитие государственной службы занятости населения // Экономика труда. – 2024. – Том 11. – № 12. – С. 2177–2192. DOI: 10.18334/et.11.12.122338.
2. Волчкова И.В., Вотякова И.В., Воробьева Е.С. Нестандартная занятость как драйвер самообразования в контексте развития потенциала человека // Научно педагогическое обозрение (Pedagogical Review), 2023. - 5(51). - 90–101 с. DOI: <https://doi.org/10.23951/2307-6127-2023-5-90-101>.
3. Дианов Р.К. Нестандартная занятость в Российской Федерации: вызовы и перспективы для карьерного развития молодёжи. Вестник университета. 2025. - (11). - 220-230 с.

³⁴ Цыганкова И.В. Социальные аспекты применения нестандартных форм занятости на российском рынке труда // Телескоп, 2022. - №1. - С. 114.

³⁵ Волчкова И.В., Вотякова И.В., Воробьева Е.С. Нестандартная занятость как драйвер самообразования в контексте развития потенциала человека // Научно педагогическое обозрение (Pedagogical Review), 2023. - 5(51). - С. 97.

³⁶ Неволина Л.А., Крутько И.С. Молодёжь эпохи цифровизации: риски и возможности // Инновационный потенциал молодёжи: патриотизм, традиции, инновации: Международная молодёжная научно-исследовательская конференция: сборник научных трудов. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2023. - С. 136.

4. Зверева Е.В. Некоторые подходы к исследованию понятия «занятость населения» в анализе различных концепций и школ // Экономика и бизнес: теория и практика, 2021. - №9-1. - 86-89 с.
5. Кинг Б., Лайтман А., Рангасвами Дж.П., Ларк Э. Эпоха дополненной реальности. М.: Олимп-Бизнес, 2018. 528 с.
6. Латышева В.К. Виды и формы занятости населения в современных социально-экономических условиях // Общественные науки в проекции развития современного социума (экономические науки): Сборник статей по материалам V Международного молодёжного научного форума, Москва: Академия труда и социальных отношений, 2022. – 189-196 с.
7. Логинова Л.В. Деинституционализация традиционно организованного труда: новая нормальность трудовых отношений // Logos et Praxis, 2024. – Т. 23, № 2. – 142–152 с. DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2024.2.15>
8. Масленникова Е.В., Колесник Е.А., Антонова О.А. Исследование форм нестандартной занятости в контексте реализации признаков достойного труда // Вестник ОмГУ. Серия: Экономика, 2022. - №1. - 102-114 с.
9. Морозова Н.Н. Эволюция подходов к понятию труда и теории рынка труда от античности до марксистской теории // Научные труды Республиканского института высшей школы. Философско-гуманитарные науки, 2024. – № 23-2. – 248-259 с. – EDN FGTVJA.
10. Неволлина Л.А., Крутько И.С. Молодёжь эпохи цифровизации: риски и возможности // Инновационный потенциал молодёжи: патриотизм, традиции, инновации: Международная молодёжная научно-исследовательская конференция: сборник научных трудов. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2023. - 133–138 с.
11. Синявская О.В., Бирюкова С.С., Карева Д.Е., Стужук Д.А. Платформенная занятость в России: динамика распространённости и ключевые характеристики занятых. Экспертный доклад [Электронный ресурс] / Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2024. – 64 с. ISBN 978-5 7598-4067-1.
12. Темницкий А.Л. Ресурсный потенциал precarious работников в России // Социологические исследования, 2022. - № 11. - 86-99 с. DOI 10.31857/S013216250021065-4.
13. Турсукова И.И. Дестандартизация занятости как тенденция развития рынка труда // Научные исследования и разработки молодых учёных. 2014. №1. - 155-160 с.
14. Финмаркет: информационное агентство России: [сайт]. - Москва, 2015.
15. Хусяинов Т.М. От общества труда к обществу занятости // Философия и культура, 2017. - № 7. - 32-40 с.
16. Цыганкова И.В. Социальные аспекты применения нестандартных форм занятости на российском рынке труда // Телескоп, 2022. - №1. - 112-117 с.
17. Шапиро С.А. Социально-экономические аспекты трудовой деятельности: монография, М.: ИД «АТИСО», 2011. - 250 с. ISBN 978-5-93441-289-1.
18. Шевчук А.В. О будущем труда и о будущем без труда (футурологические дискуссии) // Экономическая социология, 2005. – Т. 6. № 3. – 11-24 с.
19. Шипилов А.В. Труд и отношение к нему: до и после модерна // Общественные науки и современность, 2021. - № 6. - 61–72 с. DOI: 10.31857/S086904990017880-0
20. Юрьева Т.В. Труд как категория средневековой культуры и его православные коннотации // Ярославский педагогический вестник, 2015. - № 1. - 151-155 с.

**ДОБРОСОСЕДСТВО В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ:
СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПО ТИПУ ЖИЛЬЯ (ПО ДАННЫМ ВЦИОМ)**

**GOOD NEIGHBORLINESS IN MODERN RUSSIA:
COMPARATIVE ANALYSIS BY TYPE OF HOUSING (ACCORDING TO WCIOM)**

Даукаева Динара Ирековна, студентка 3 курса очной формы обучения, кафедра социологии работы с молодёжью, Высшей школы философии и социологии, ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий», Уфа, Россия, E-mail: daukaeva2004@yandex.ru

Научный руководитель - Бородина Ангелина Владимировна, кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и работы с молодёжью, Высшей школы философии и социологии, ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий», Уфа, Россия, E-mail: angel_borodina@mail.ru

Daukaeva Dinara Irekovna, 3rd year full-time student, Department of Sociology of Work with Youth, Higher School of Philosophy and Sociology, Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia, E-mail: daukaeva2004@yandex.ru

Scientific supervisor - Borodina Angelina Vladimirovna, candidate of sociological sciences, associate professor of the Department of Sociology and Youth Work, Higher School of Philosophy and Sociology, Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia, E-mail: angel_borodina@mail.ru

Аннотация: Статья посвящена анализу феномена добрососедства в контексте современных российских реалий. На основе эмпирических данных аналитического обзора Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ) за 2024 год исследуются особенности взаимодействия и коммуникации между соседями в зависимости от типа жилья (многоквартирные дома и индивидуальное жилищное строительство). Выявлены ключевые различия в глубине и характере социальных связей: жители частного сектора демонстрируют более высокий уровень знакомства с соседями и чаще вовлекаются в тесное общение, тогда как в многоквартирных домах преобладают поверхностные и случайные контакты. Также рассматривается потенциал развития добрососедских отношений через создание “соседских центров” и влияние цифровых технологий на локальные сообщества. Полученные результаты могут быть использованы для разработки социальных программ, направленных на укрепление социального капитала и повышение социальной инклюзии городской среды.

Abstract: The article is devoted to the analysis of the phenomenon of good neighborliness in the context of modern Russian realities. Based on empirical data from the analytical review of the Russian Center for the Study of Public Opinion (WCIOM) for 2024, the features of interaction and communication between neighbors are studied depending on the type of housing (apartment buildings and individual housing construction). Key differences in the depth and nature of social ties have been identified: residents of the private sector demonstrate a higher level of familiarity with their neighbors and are more likely to be involved in close communication, while in apartment buildings superficial and casual contacts predominate. The potential for developing good-neighborly relations through the creation of "neighborhood centers" and the impact of digital technologies on local communities is also being considered. The results obtained can be used to develop social programs aimed at strengthening social capital and reducing the anonymity of the urban environment.

Ключевые слова: добрососедство, социальные практики, соседские сообщества, ВЦИОМ, урбанизация, социальный капитал

Keywords: good neighborliness, social practices, neighborhood communities, WCIOM, urbanization, social capital

Введение. В условиях стремительной урбанизации и цифровизации повседневной жизни социальные связи на микроуровне проводят через значительные изменения. Соседские отношения, будучи одной из важнейших форм социальной организации, в современном российском обществе сталкиваются с вызовами анонимности, высокой мобильности населения и трансформации традиционных ценностей. Если в сельской местности и частном секторе соседство традиционно является основной причиной при взаимопомощи и организации коллективного досуга, то в городах с плотной застройкой зачастую наблюдается феномен “одиначества в толпе”, когда жильцы одного подъезда могут годами не знать друг друга в лицо [1].

Актуальность исследования вызвана необходимостью понимания текущего состояния и перспектив развития добрососедских отношений как важного компонента социального капитала и качества жизни населения. Добрососедство выступает не только фактором психологического комфорта, но и причиной общественной безопасности, а также фактором, способствующим решению общих бытовых и коммуникативных проблем.

Целью данной работы является эмпирический анализ практик добрососедства в России на основе данных ВЦИОМ.

Задачи: сравнить характер соседских связей в многоквартирных домах (МКД) и в секторе индивидуального жилищного строительства (ИЖС); определить основные форматы взаимодействия; выявить факторы, способствующие и препятствующие укреплению соседских сообществ; оценить потенциал внедрения новых форматов коммуникации (цифровые чаты и соседские центры).

Эмпирической базой исследования послужил аналитический обзор ВЦИОМ “Добрососедство по-русски” от 11 ноября 2024 года. Методология анализа включает вторичный анализ статистических данных, сравнение подвыборок по типу жилья и интерпретацию выявленных тенденций в контексте современных социологических теорий городского развития.

Методы исследования. В качестве основного метода исследования применялся вторичный анализ данных всероссийского опроса, проведенного ВЦИОМ. Выборка исследования иллюстрирует несколько социально-демографические группы населения, проживающие в различных типах жилья. Для обработки и интерпретации эмпирических данных использовались следующие подходы:

1. Сравнительно-типологический анализ, который использует сравнение показателей социального взаимодействия и знакомства среди жителей многоквартирных домов (МКД) и домов индивидуального жилищного строительства (ИЖС). Данный метод позволяет выявить влияние типа жилой застройки на плотность и качество социальных сетей.

2. Количественный анализ, который использует распределение частотных распределений ответов респондентов, касающихся конкретных практик общения (приветствия, обсуждение бытовых тем, решение общих проблем, совместный досуг).

3. Контекстуальный анализ, который использует анализ полученных данных в более широком теоретическом контексте концепций социального капитала (П. Бурдье, Дж. Коулман) и теорий соседствования (neighboring), разрабатываемых в современной российской социологии. Например, О. Бредникова в своей работе, посвященной “соседствованию” в российском большом городе, подчеркивает важность временного и пространственного измерения соседских коммуникаций [4].

Результаты исследования. Анализ данных ВЦИОМ позволил выявить несколько значимых тенденций в сфере добрососедства, которые четко резонируют с типом жилой среды.

1. Уровень знакомства и плотность социальных связей.

Исследование подтвердило гипотезу о том, что высокая плотность застройки негативно сказывается на глубине знакомства с соседями. Среди жителей многоквартирных

домов (МКД) лишь 37% знают всех или большинство своих соседей. При этом 17% (каждый шестой) житель МКД абсолютно не знаком с людьми, проживающими по соседству.

В секторе индивидуального жилищного строительства (ИЖС) ситуация противоположная. Здесь уровень знакомства значительно выше: 66% жителей частных домов знают всех или большинство соседей, и только 2% остаются в неведении относительно своего окружения. Эти цифры на своем примере иллюстрируют, как физическое пространство (большая площадь участка, меньшее количество соседей) способствует формированию более устойчивых социальных связей, в то время как многоэтажная застройка способствует разобщению индивидов и социальной дистанции.

2. Характер взаимодействия и коммуникативные практики.

Доминирующе большинство россиян так или иначе взаимодействуют со своими соседями: 91% в МКД и 97% в ИЖС. Однако суть этих отношений существенно различается. Наиболее распространенной формой общения в обоих типах жилья является поверхностное приветствие и обмен несколькими фразами (75-77%).

Более тесное общение характерно преимущественно для частного сектора. Жители ИЖС значительно чаще, чем жители МКД, обсуждают личные и семейные темы (30% против 15%), вместе шутят и смеются (37% против 22%), а также ходят друг к другу в гости (28% против 13%). В многоквартирных домах взаимодействие в основном ограничивается случайными встречами в лифте или на лестнице (75%). Данная тенденция подтверждается в исследованиях Г.З. Ефимовой и Ю.И. Коробовой, согласно которым для жителей МКД характерен феномен “соседства без отношений”, где преобладает вежливая отстраненность и минимизация личных контактов [5].

3. Готовность к коллективным действиям и новые форматы добрососедства.

Важным показателем сформированности соседских сообществ является готовность к решению общих проблем. В частном секторе жители активнее вовлекаются в решение общих вопросов дома, улицы или поселения (41% в ИЖС против 35% в МКД). Примечательно, что цифровые технологии становятся новым ресурсом для объединения и сплочения соседей. Домовые чаты в мессенджерах становятся популярным инструментом коммуникации вне зависимости от типа жилья, выполняя функцию быстрого обмена информацией и регулирования действий [6].

Также в исследовании отмечается высокий запрос населения на развитие мест для совместного досуга. Интерес к созданию соседских центров выразили 64% жителей МКД и 70% жителей ИЖС. Примечательно, что эта идея особенно популярна среди молодежи, что говорит о наличии потенциала для развития локальных сообществ в будущем [2, 3].

Выводы. Проведенный автором анализ эмпирических данных ВЦИОМ позволяет сделать ряд выводов о состоянии добрососедства в современной России:

1. Тип жилья является главной фактором для выявления различий. Организация жизни в частном секторе (ИЖС) создает более благоприятные условия для формирования тесных и интересных соседских связей, основанных на личном знакомстве, взаимопомощи и совместном досуге. В многоквартирных домах (МКД) преобладают ограниченные формы общения, ограниченные вежливыми ритуалами и случайными контактами, что способствует росту социальной дистанции.

2. Соседство остается значимой социальной ценностью. Несмотря на высокий уровень дистанцирования в городах, подавляющее большинство населения (свыше 90%) вступает в те или иные формы взаимодействия с соседями, что противоречит мнению о полном распаде соседских сообществ.

3. Существует нереализованный потенциал для развития добрососедства. Высокий интерес к соседским центрам и активное использование цифровых чатов свидетельствуют о наличии запроса на укрепление горизонтальных связей и создание более комфортной и солидарной среды проживания.

Таким образом, добрососедство в России сегодня представляет собой сложный, неоднородный феномен, балансирующий между традиционной теснотой связей частного сектора и анонимностью городских застроек. Дальнейшие исследования в этой области должны быть направлены на изучение влияния добрососедства на субъективное благополучие граждан и разработку практических рекомендаций для муниципальных властей и девелоперов по проектированию пространств, поощряющих социальное взаимодействие.

Библиографический список

1. ВЦИОМ. Добрососедство по-русски. Аналитический обзор. - М., 2024. - URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/dobrososedstvo-po-russki>
2. Даукаева Д.И., Бородин А.В. Соседские сообщества как ресурс социальной поддержки молодых семей в новых городских жилых комплексах // Молодежный Вестник УГАТУ. - 2025. - №3 (34). - С. 154–159. <https://elibrary.ru/item.asp?id=88943947>
3. Значимость отношений с соседями для россиян // Социологическая лаборатория Среднерусского института управления - филиала РАНХиГС. - 2024. - URL: <http://orel-gazeta.ru/?p=36155>
4. Бредникова О. Е. Соседствование в российском большом городе: время и место соседских коммуникаций. // ЖССА. 2023. №1. С. 118-142 URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sosedstvovanie-v-rossiyskom-bolshom-gorode-vremya-i-mesto-sosedskih-kommunikatsiy> (дата обращения: 21.04.2026).
5. Ефимова Г. З., Коробова Ю. И. Друзья, незнакомцы или враги? Соседские взаимоотношения жильцов многоквартирных домов // Социология города. - 2024. С. 45
6. Иванов К. А. Цифровые «места обитания»: соседский чат как механизм конструирования социального статуса (на примере жилых комплексов Иркутска) // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. - 2024. - Т. 10, № 1. - С. 6-23.

УДК 316.4

ГОСУДАРСТВО И БРАК: РЕАКТИВНО-АДАПТИВНАЯ ПОЛИТИКА В ОТВЕТ НА ЦЕННОСТНЫЙ СДВИГ МОЛОДЁЖИ

THE STATE AND MARRIAGE: REACTIVE-ADAPTIVE POLICIES IN RESPONSE TO THE YOUTH VALUE SHIFT

Дойникова Анастасия Олеговна, студент,

ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий», Уфа, Россия, E-mail:

dojnikovaan@yandex.ru

Doinikova Anastasia Olegova, student, Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia, E-mail: dojnikovaan@yandex.ru

Научный руководитель **Туракаев Марсель Салаватович**, кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и работы с молодёжью, Высшая школа философии, психологии и социологии, ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий», Уфа, E-mail: turakayev@yandex.ru

Аннотация: Институт брака в России переживает трансформацию, традиционный сценарий уступает место модели «ипотека – брак – дети». Целью статьи является определение характера государственной политики в отношении брака и выявить причины, по которым льготы не стимулируют брачность. Для исследования были выбраны следующие методы: вторичный анализ опросов ВЦИОМ (1990–2025), статистики ЗАГС и нормативных документов. Результатом стало фиксирование ценностного сдвига молодёжи от ритуальной модели брака к партнёрско-экономической и анализ, как государство адаптирует инструменты поддержки под этот сдвиг, ведь льготы адресованы уже состоявшимся родителям, а не колеблющимся. В результате чего была предложена концепция реактивно-

адаптивной семейной политики и выявлены риски замещения института брака «ипотечным партнёрством».

Abstract: The institution of marriage in Russia is undergoing transformation, and the traditional scenario is giving way to the "mortgage-marriage-children" model. The purpose of this article is to determine the nature of government policy regarding marriage and identify the reasons why benefits do not encourage marriage. The following methods were used for the study: secondary analysis of VTsIOM surveys (1990-2025), registry office statistics, and regulatory documents. The result was the fixation of the value shift of young people from the ritual model of marriage to the partnership-economic model, and the analysis of how the state adapts support tools to this shift, as benefits are addressed to already established parents, rather than those who are hesitant. As a result, the concept of reactive-adaptive family policy was proposed, and the risks of replacing the institution of marriage with a "mortgage partnership" were identified.

Ключевые слова: институт брака, ценностные изменения, молодёжь, брачные стратегии.

Keywords: the institution of marriage, value changes, young people, marriage strategies.

Несколько десятилетий назад сценарий простого русского человека выглядел достаточно предсказуемо: знакомство, предложение руки и сердца, свадьба, рождение ребенка, и лишь после этого – мысли о собственном жилье. Сейчас же молодым людям данный сценарий может показаться нелогичным и жизненные события выстраиваются в совершенно ином порядке: сначала ипотека, после этого регистрация брака, и только потом, возможно, рождение ребенка. Молодежь куда больше стал интересовать финансовый вопрос, и само государство изменило свою стратегию. Если раньше оно поддерживало развитие семьи символически, через пропаганду семейных ценностей и скромные пособия, сейчас же государство использует выверенную и целенаправленную политику с системой льготной ипотеки и материнским капиталом. Что же стоит за прагматизмом молодого поколения? Как может показаться, стоит за этим не эгоизм, а понимание нестабильности обстановки, экономические колебания и дороговизна жилья. Для подтверждения можно обратиться к данным опроса ВЦИОМ, где больше половины респондентов согласились с тем, что финансовые проблемы и боязнь будущего становятся главным буфером для создания семьи и рождения ребенка. Именно поэтому государственная политика и претерпела значительные изменения за прошедшие два десятилетия, где семейная ипотека и материнский капитал уже не просто мера социально поддержки, а инструмент для общества.

Стоит отметить, что помимо изменения жизненного сценария также поменялось отношение к самому бракосочетанию. Вместо пышной свадьбы с застольем люди стали предпочитать роспись и ужин в кругу семьи. Ведь куда логичнее использовать накопленные финансовые средства на первоначальный квартирный взнос или же другие траты, чем на однодневное торжество. И даже регистрация брака перестала быть чем-то обязательным и важным для населения. Из года в год количество браков сокращается, что подтверждает статистика. По данным реестра ЗАГС, в сравнении 2025 года с 2022, заметно сокращение с 1225115 до 1126224 заявлений и рост среднего возраста как жениха, так и невесты. Люди не торопятся регистрировать союз, и именно это показывает, что сам институт брака под действием обстановки в мире изменяется в понимании людей. Как мы знаем, с 2026 года у супругов есть возможность оформить один льготный кредит в качестве созаемщиков со ставкой до 6% годовых, тогда как ставка обычного кредита колеблется от 16% до 40% и выше. Несмотря на льготы и выгоды, люди не стремятся обременять себя узами брака и связано это не только с жизненными обстоятельствами, но также и с изменением самого института брака в головах людей. Для наглядности можно прибегнуть к опросу ВЦИОМ, где в 1990 и 2024 году россиянам задавали простой вопрос: «С чем бы вы связали будущее своей дочери-подростка, с удачным замужеством или хорошей работой?». Если раньше больше половины, 65% выбрали удачное замужество, то в 2024 году данный вариант выбрали лишь 20%. Профессиональная самореализация и автономия стали важными ценностями в

современном мире, а институт брака в обществе теряет сакральную и ритуальную составляющую, становясь скорее моделью «партнерско-экономического союза». Как может показаться, государственная политика направлена не на реставрацию прежнего уровня семьи, а на адаптацию. Меры поддержки направлены на то, чтобы вступление в брак и рождение детей являлись экономически осмысленными шагами. Вектор государственного вмешательства сместился от поддержки уже созданной семьи к экономическому стимулированию самого акта ее создания, что может влечь за собой определенные последствия.

Отдельного внимания заслуживает то, как меняется роль материнского капитала в репродуктивных планах. По состоянию на 2026 год размер выплаты на первого ребёнка составляет 737 204 рубля, на второго вдобавок 236 985 рублей. Решение о рождении ребёнка, конечно, не сводится исключительно к получению выплат, однако для многих молодых семей, уже обременённых ипотекой, именно перспектива направить выплаты на досрочное погашение кредита становится решающим аргументом в пользу пополнения семейства. Ребёнок в такой схеме перестаёт быть исключительно предметом родительской любви и продолжением рода и становится, помимо прочего, финансовым инструментом, «ключом» к льготному кредитованию и возможностью единовременно закрыть значительную часть долга перед банком. Желание родить в браке здесь не является причиной вступления в брак – напротив, брак и ребёнок становятся элементами стратегии по улучшению жилищных условий и снижению долговой нагрузки. Ипотека, таким образом, выступает не столько следствием создания семьи, сколько её предпосылкой и каркасом. Грань между демографической политикой и политикой кредитного стимулирования со временем может окончательно размыться.

Сложившиеся изменения нельзя списать только на изменение отношения молодых людей к семье и ее форме. Они имеют прямое и осознанное нормативное подкрепление в документах стратегического планирования, определяющих государственную молодёжную политику Российской Федерации. Принятая в 2025 году Стратегия реализации молодёжной политики до 2030 года в числе приоритетных направлений прямо называет «создание для молодых семей благоприятных условий для повышения рождаемости, формирования ценностей семейной культуры и образа благополучной молодой семьи, укрепление института семьи». Обращает на себя внимание сама формулировка: молодая семья рассматривается как объект управления, в отношении которого надлежит проводить мероприятия по «повышению рождаемости» и «формированию ценностей», а не как ценностный институт. Государство не наблюдает за институтом семьи со стороны, оно активно его конструирует, задавая параметры «благополучной» модели через систему финансовых стимулов и нормативных требований.

Ещё более откровенно эта логика проявилась в ходе парламентских дискуссий осени 2025 года. Вице-спикер Государственной Думы Анна Кузнецова выступила с инициативой дополнить систему оценки эффективности государственной молодёжной политики специфическими демографическими индикаторами. В перечень предлагаемых показателей вошли: доля молодёжи, вовлечённой в реализацию программ по продвижению традиционных семейных ценностей; уровень обеспеченности инфраструктурой для молодых семей; доля молодых людей в браке. Данные показатели должны помочь с отслеживанием влияния выбранной траектории. Но по этой логике ипотека и материнский капитал перестают быть просто мерами социальной поддержки. Они становятся инструментами мягкой силы, с помощью которых государство направляет частную жизнь граждан в русло, соответствующее демографическим приоритетам страны. Парадоксальным образом это приводит к двойному эффекту. С одной стороны, действительно создаются беспрецедентно благоприятные условия для тех молодых людей, которые готовы следовать предложенной модели: родительство и брак субсидируются, жилищный вопрос решается быстрее, чем когда-либо в постсоветской истории. С другой стороны, сама ценность семьи как добровольного и эмоционально

окрашенного союза подвергается изменению, замещаясь прагматичностью. Брак из интимного партнёрства мутирует в подписание инвестиционного контракта, где государство выступает третьей стороной, предоставляющей софинансирование под выполнение определённых условий.

Трансформация института молодой семьи в современной России происходит под мощным и целенаправленным воздействием государственной политики, ядром которой выступают программа льготной ипотеки и система материнского капитала. Гипотеза, вынесенная в заголовок настоящей статьи, находит многочисленные эмпирические подтверждения: для значительной части молодого поколения свадебный банкет действительно уступил место первоначальному взносу по кредиту, а свидетельство о браке востребовано прежде всего как документ, необходимый для оформления созаёмщиков в банке, а не как символ создания новой семьи. Репродуктивные планы, в свою очередь, всё чаще встраиваются в график погашения ипотеки, а материнский капитал воспринимается как плановый финансовый инструмент, приближающий к освобождению от долгового бремени.

Государственная политика в отношении молодой семьи становится всё более проектной и инструментальной. Стратегические документы и парламентские инициативы отчётливо свидетельствуют о том, что семья и рождение детей перестают быть исключительно частным делом граждан и превращаются в объект прямого государственного управления через систему финансовых стимулов и нормативных ограничений. Показатели брачности и рождаемости мигрируют из сферы моральной статистики в разряд ключевых индикаторов эффективности работы с молодёжью.

Остаётся открытым вопрос о долгосрочных последствиях этого процесса. Формирует ли такая политика подлинную и устойчивую ценность семейного образа жизни – или лишь прагматическое «ипотечное партнёрство», готовое распасться, как только будут выполнены условия кредитного договора и исчерпаны лимиты государственных субсидий? Укрепляет ли она институт брака – или, напротив, окончательно лишает его сакрального содержания, низводя до уровня хозяйственной сделки с элементами демографического планирования? Ответы на эти вопросы не могут быть получены в моменте – их даст только время и последующие поколения молодых россиян, чьи жизненные траектории сегодня определяются как родительскими напутствиями и культурными традициями, так и постановлениями правительства и ставками льготного кредитования.

Библиографический список:

1. Гурко Т.А. Динамика показателей развития института брака // Социологическая наука и социальная практика. 2025. Т. 13. № 3. С. 115-131. DOI 10.19181/snsp.2025.13.3.6.
2. Мухамеджанова Н.М. Трансформации института семьи: от домодерна к метамодерну // Социодинамика. 2024. № 4.
3. Губачев Н.Н. Государственная демографическая и национальная политика: аспекты гармонизации / Н.Н. Губачев, О.В. Одинцова. – М.: РГУ им. А.Н. Косыгина, 2024. – 197 с.
4. Захарова С.Д. Жилищная дилемма молодежи / С.Д. Захарова, Н.Р. Степанова. – 2025.

**ДИСКУРС-АНАЛИЗ ЛЕГИТИМАЦИИ ГЕНДЕРНЫХ СТЕРЕОТИПОВ В
МАССОВОМ СОЗНАНИИ ЧЕРЕЗ СИСТЕМУ МЕДИЙНЫХ ОБРАЗОВ**

**DISCOURSE ANALYSIS OF THE LEGITIMIZATION OF GENDER
STEREOTYPES IN THE MASS CONSCIOUSNESS THROUGH A SYSTEM OF MEDIA
IMAGES**

Елизарьева Екатерина Владимировна, студентка 2 курса направления «Социология», ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий», Уфа, Россия, E-mail: ekaterinaelizareva575@gmail.com

Elizareva Ekaterina Vladimirovna, 2nd year student of the program «Sociology», Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia, E-mail: ekaterinaelizareva575@gmail.com

Научный руководитель: **Туракаев Марсель Салаватович**, кандидат социологических наук, старший преподаватель кафедры социологии и работы с молодежью, ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий», Уфа, Россия, E-mail: mturakaev@gmail.com

Scientific supervisor: **Turakayev Marcel Salavatovich**, Candidate of Sociological Sciences, Senior lecturer at the Department of Sociology and Youth Work, Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia, E-mail: mturakaev@gmail.com

Аннотация: В статье обосновывается значимость изучения массмедийного дискурса гендерных различий в реалиях современного мира. Рассматривается сущность социальных стереотипов. Приводится происхождение и характеристики гендерных стереотипов. Представления о феминности и маскулинности формируются в три группы. Далее автором проводится анализ рекламных кампаний мужской и женской парфюмерии. В рамках исследования установлено, что средства массовой информации активно используют сформированные ранее архетипы для получения выгоды, тем самым способствуя сохранению и воспроизводству гендерного неравенства в современном обществе.

Abstract: The article substantiates the importance of studying the mass media discourse of gender differences in the realities of the modern world. The essence of social stereotypes is considered. The origin and characteristics of gender stereotypes are given. Ideas about femininity and masculinity are formed into three groups. Next, the author analyzes the advertising campaigns of men's and women's perfumes. The study found that the media actively use previously formed archetypes to gain benefits, thereby contributing to the preservation and reproduction of gender inequality in modern society.

Ключевые слова: дискурс-анализ; гендерные различия; стереотипы; гендер; СМИ; массовое сознание; реклама парфюмерии.

Keywords: discourse analysis; gender differences; stereotypes; gender; mass media; mass consciousness; perfume advertising.

Введение

Одной из основных функций средств массовой информации является отражение объективной реальности через визуальные образы. Однако в современном мире наблюдается дефицит беспристрастной репрезентации гендерных моделей в медиа, что способствует искажению характера реальных взаимодействий между мужчинами и женщинами [1].

Несмотря на общечеловеческие тенденции к равенству между представителями обоих полов, медиадискурс продолжает транслировать стереотипизированные образы маскулинного и феминного, которые часто отражают не биологические различия, а закрепляют социальное неравенство. Средства массовой информации легитимируют, придают статус «естественности» поляризованным и утрированным образам мужчин и женщин, их ролям в обществе и гендерным стереотипам. Изучение того, как массмедийный дискурс

выстраивает границы между молодыми людьми, значимо для понимания механизмов воспроизводства социальной иерархии в постиндустриальном обществе.

Многие исследователи обращались к дискурс-анализу трансляции гендерных стереотипов и образов в рекламных кампаниях. Одними из таких работ являются исследования гендерных стереотипов в телевизионной рекламе популярных брендов мужского парфюма [2], исследование женских образов в рекламе парфюмерии [3] и изучение гендерного аспекта современной публицистики [4], содержащие в себе характеристики качеств героев из реклам.

Американский социолог У. Липпман ввел в научный оборот термин «социальный стереотип» и охарактеризовал их как устойчивые модели восприятия и структурирования окружающего мира.

В контексте половых исследований гендерные стереотипы определяются в качестве обобщенных социальных представлений, закрепляющих нормативные характеристики мужчин и женщин. Основными факторами их воспроизводства выступают биологический пол, традиционные ценностные установки и социокультурное развитие общества [5]. Таким образом, гендерные различия, транслируемые социальными стереотипами, формируются из физических и культурных детерминант.

Значимые признаки гендерных стереотипов совпадают с базовыми свойствами социальных стереотипов.

Прежде всего, гендерные стереотипы являются эмоционально-оценочными. Любой стереотип содержит оценку чего-либо: женская беспомощность противопоставляется мужской смелости, а женская чувствительность – мужской самодисциплине.

Следующей чертой является устойчивость гендерных стереотипов. Так, современные представления о повышенной женской эмоциональности практически совпадают со средневековыми мыслями о невозможности женщин сдерживать собственные чувства.

Кроме того, гендерные стереотипы отличаются высокой степенью разделяемости внутри общества. Из этого выходит заключительный признак гендерных стереотипов – они обладают выраженной нормативностью. Для того, чтобы «вписаться» в общество, мужчины и женщины вынуждены сверять свое поведение с уже сложившимися предписаниями [6].

Однако можно также выделить характеристики, присущие только гендерным стереотипам, воспроизводимых в СМИ:

Гендерные стереотипы представляют собой бинарные оппозиции – противоположные, взаимоисключающие представления о мужественности и женственности; обе гендерные группы всегда взаимодействуют в одном обществе, что позволяет составить непосредственное впечатление о противоположном поле.

Массмедийный дискурс чаще всего сосредотачивает свое внимание на символическом воспроизведении мужественности и женственности, идеализируя их. При регулярном восприятии массмедийной информации человек воспринимает окружающих людей и самого себя при помощи усвоенных в СМИ идеализированных стереотипов, но подобное восприятие никогда не будет соответствовать его завышенным представлениям.

Выделяют три основные группы гендерных стереотипов, структурирующих представления о маскулинности и феминности.

1) Стереотипы мужественности и женственности. Данная категория стереотипов описывает мужчин и женщин через призму социально-личностных или психологических характеристик.

2) Стереотипы воспроизведения социальных ролей. Стереотипы из данной группы содержат в себе совокупность социальных ожиданий и норм, диктуя модели поведения, соответствие которым дает молодым людям социальное одобрение.

3) Стереотипы разных видов деятельности. Стереотипы из данной группы фиксируют социальные ожидания от выбора занятий мужчин и женщин в сфере труда и

досуга. Эта группа основана на понятии о том, что в мире существует естественное деление ролей на мужские и женские [7].

Методика исследования и информационные источники

Объект исследования – гендерные образы, конструируемые через СМИ. Предмет исследования – стереотипы мужественности и женственности, показанные в рекламах парфюмерии. Цель исследования: описать основные гендерные конструкции, формирующие и закрепляющие гендерные различия в массовом сознании.

Рекламные ролики массмедийного дискурса как каналы производства феминных и маскулинных образов

Следует разобрать мужские и женские образы, транслируемые рекламой парфюмерии, для выявления гендерных стереотипных различий.

Существует три ярко подчеркнутых мужских образа в рекламе парфюмерии:

1. «Джентльмен». Данный образ мужчины отражает превосходное знание правил поведения в обществе, ухаживаний и бережных действий по отношению к девушке-герою. В рекламных кампаниях такого типа обязательно присутствует женский образ, который помогает в полной мере раскрыть нужную модель поведения.

2. «Дон Жуан». Образ подразумевает уверенного обольстителя, которому известны собственные преимущества над женским персонажем, который также всегда появляется в роликах парфюмерии. Мужской персонаж, как правило, самостоятельный, решительный и упорный во взаимодействиях с девушками.

3. «Бунтарь». Стиль главного героя данных рекламных роликов отличается своеволием, «мужским началом» и брутальностью. Девушки-герои в данном типе рекламных кампаний практически не встречаются.

В рекламных кампаниях женской парфюмерии замечено одно сходство – доминирование образа уверенной героини. Также была сформирована следующая типология женских моделей:

1. «Бунтарка». Данный тип героини основывается на независимости, свободе выбора и дерзости в поведении. В рекламах обращаются к женской аудитории, мужчины присутствуют редко или только на заднем плане.

2. «Мечтательница». Для этого типажа девушки характерны такие качества как мечтательность и беззаботность. Межполовые взаимодействия идут по «классическому сценарию» романтических отношений.

3. «Леди». Модель поведения женской героини опирается на сдержанность и эстетику социального поведения. Девушка в рекламных кампаниях такого типа всегда одета в одежду, подчеркивающую ее женственные черты. В это время мужские персонажи выполняют комплементарную роль, главная героиня подчеркнуто держит дистанцию и «возвышается» над ними. [8].

Рассмотрев наиболее стереотипные модели мужчин и женщин в рекламных кампаниях парфюмерных средств, можно заключить, что внутри данного сегмента транслируются уже устоявшиеся ранее образы маскулинности и феминности. Главные герои, в зависимости от категории рекламируемого парфюма, находятся в различных символических пространствах и их социальные роли отличаются, что является общей тенденцией в средствах массовой информации по данной группе товаров.

Образы, используемые в рекламах парфюма, соответствуют стандартным гендерным представлениям, имеющимся у общества относительно того, каким должен быть идеал мужчины и женщины.

Можно определить следующие различия в рекламах:

1) Межполовое взаимодействие выступает доминирующей тематикой в рекламных кампаниях. Однако в мужских роликах происходит активная объективация женщин, они выступают как эстетически красивое дополнение к главному герою. В то время как в

женских рекламах героини уверенны и решительны, а мужчины либо не присутствуют, либо имеют нечеткий силуэт вдали.

2) В сегменте женской парфюмерии акцент идет на личные ценности и мотивацию самих женщин, на их желание быть внешне привлекательной для себя. В свою очередь, в рекламе мужской парфюмерии девушка-герой является частью социального капитала и статусности главного героя.

3) Мужчины и женщины в рекламных роликах находятся в разных символических полях: в роликах для девушек идет акцент на светлые/яркие тона. Даже если присутствуют темные, то они, как правило, имеют светлый/яркий оттенок, который занимает не менее половины кадра/всей рекламы. В то время как у мужчин в рекламе парфюмов большую часть кадра занимают темные/около темные тона, даже если есть яркий цвет, то он присутствует именно у женщины в кадре [8]. Это может быть связано с такой социальной нормой, что женщины в обществе должны «цвести и сиять, радовать глаз», а мужчины – быть брутальными, опорой, защитой.

Заключение

В ходе анализа было выявлено, что образы феминности и маскулинности в рекламах парфюмерии формируются за счет наличия или отсутствия противоположного пола, а также цветовой гаммы.

Массмедийный дискурс рекламы парфюмерии подтверждает, что он является полем активного воспроизводства традиционных гендерных стереотипов. Парфюмерная реклама функционирует как механизм закрепления бинарности в обществе: она сознательно упрощает и типизирует людей, превращая гендерные роли в товар, который покупают люди вместе с парфюмом.

Гендерные стереотипы закрепляются через умолчание. Зритель привыкает к тому, что «настоящая» женщина – это только про красоту, а «настоящий» мужчина – только про успех. Даже когда реклама пытается «сломать» стереотипы, она часто делает это поверхностно. Сильная и независимая женщина все равно остается на каблуках, с помадой и в платье. В то время как гендерно-нейтральные рекламы, делая акцент на природе или путешествиях, не разрушают сложившиеся гендерные различия, а просто обходят их стороной.

Библиографический список

1. Соколова Е.А. Комплекс гендерных стереотипов в медийном портрете женщины в местной прессе // Фундаментальные исследования. 2013. № 1-3. С. 775-779.
2. Кривцова Е.В. Исследование гендерных стереотипов в телевизионной рекламе мужского парфюма // Социальные исследования. 2017. №1.
3. Бывшева Ю.П. Исследование женских образов в рекламе парфюмерии / Ю. П. Бывшева, Л. В. Оконечникова // Психологический вестник Уральского государственного университета. Вып. 9. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2010. С. 94-99.
4. Милевич И. Г. Гендерный аспект современной публицистики (на примере рекламы парфюмерных запахов) // Гуманитарный вектор. Серия: Педагогика, психология. 2009. №4. С. 44-48.
5. Простотина Ю.В. Гендерные стереотипы: формирование и детерминанты // Социодинамика. 2017. №3.
6. Рябова Т.Б. Гендерные стереотипы и гендерная стереотипизация методологические подходы // Женщина в российском обществе. 2001. №3-4.
7. Романова М.Г. Гендерные стереотипы как вид социальных стереотипов // XX Международная конференция памяти профессора Л. Н. Когана «Культура, личность, общество в современном мире: Методология, опыт эмпирического исследования». Екатеринбург: УрФУ, 2017.
8. Серогодская, А. В. Гендерные образы в рекламе парфюмерии и косметики / А. В. Серогодская // Молодой ученый. 2020. № 52 (342). С. 285-292.

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ КОНЦЕПЦИИ ИЗУЧЕНИЯ БРАЧНОГО ВЫБОРА И РОЛЬ КОММУНИКАТИВНЫХ ФАКТОРОВ В ФОРМИРОВАНИИ СУПРУЖЕСКОЙ ПАРЫ

SOCIOLOGICAL CONCEPTS OF THE STUDY OF MARITAL CHOICE AND THE ROLE OF COMMUNICATIVE FACTORS IN THE FORMATION OF A MARRIED COUPLE

Елизарьева Екатерина Владимировна, студентка 2 курса направления «Социология», ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий», Уфа, Россия, E-mail: ekaterinaelizareva575@gmail.com

Elizareva Ekaterina Vladimirovna, 2nd year student of the Sociology, Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia, E-mail: ekaterinaelizareva575@gmail.com

Научный руководитель: **Садретдинова Эвелина Винаеровна**, кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и работы с молодежью, ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий», Уфа, Россия, E-mail: golichev@mail.ru

Scientific supervisor: **Sadretdinova Evelina Vinerovna**, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Department of Sociology and Youth Work, Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia, E-mail: golichev@mail.ru

Аннотация: В статье обосновывается значимость изучения семьи и брачного выбора в реалиях современного мира. Рассматриваются теоретические концепции выбора брачного партнера, сложившиеся в социологической науке, в том числе «теория обмена» Дж. Хоманса, принцип равенства Э. Уолстера и Э. Бершейда, теория комплементарных потребностей Р. Уинча, инструментальная теория Р. Сентера, теория «стимул–ценность–роль» Б. Мурштейна. Охарактеризованы первичные (возраст, физические данные и т.д.) и вторичные (ценностные ориентации, общность интересов и направленности развития и т.д.) критерии брачного выбора. Обосновано, что в современном обществе возрастает роль именно вторичных, прежде всего коммуникативных, факторов выбора будущего супруга.

Abstract: The article substantiates the importance of studying family and marriage choice in the realities of the modern world. The article examines the theoretical aspects of choosing a marriage partner: the "theory of exchange" by J. Homans, the principle of equality by E. Wolster and E. Bersheid, the theory of complementary needs by R. Winch, the instrumental theory by R. Senter, the theory of "incentive–value–role" by B. Murstein. It is noted that the criteria of marriage choice are divided into primary (age, physical characteristics, etc.) and secondary (value orientations, community of interests and development, etc.). In the modern world, the role of secondary, or in another way communicative, factors in the selection of a future spouse is increasing.

Ключевые слова: брачный выбор, концепции брачного выбора, семья, супружеская пара, коммуникативные факторы брачного выбора

Key words: marital choice, concepts of marriage choice, family, married couple, communication factors of marriage choice

Введение. Семья играет ключевую роль в воспитании молодого поколения и на протяжении всей жизни является важнейшим институтом социализации личности. Первичную социализацию обеспечивает родительская семья, а затем, уже в браке, формируемая самим индивидом семья становится полем для дальнейшего развития личности и освоения новых социальных ролей.

Современные социальные и экономические изменения способствуют трансформации российских ценностей, в том числе и брачно-семейных. В Указе Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей»

одной из традиционных ценностей называется крепкая семья [1]. Более того, согласно Указу Президента Российской Федерации от 22.11.2023 № 875 «О проведении в Российской Федерации Года семьи» в целях укрепления общих ценностей семьи и решения демографических проблем 2024 год в Российской Федерации был посвящен году семьи [2]. В условиях стремительных социальных изменений исследование брачных взаимоотношений и факторов, влияющих на выбор будущего супруга, способствует восстановлению полноценного образа семьи и формированию ценностного отношения к семье и браку в молодежной среде. Названные Указы Президента Российской Федерации подчёркивают необходимость изучения и анализа семейных и супружеских отношений.

Брак выступает ключевым элементом формирования семейных отношений, поэтому важен осознанный подход при выборе будущего супруга. В настоящее время наблюдается возрастание сложности брачного отбора у молодых людей, вследствие чего особую актуальность приобретают исследования коммуникативных факторов брачного выбора как значимых элементов успешного формирования супружеских отношений.

Результаты исследования. Добрачные отношения и выбор брачного партнера выступают объектом анализа социальных наук на протяжении длительного времени. Браком признается добровольный, равноправный союз мужчины и женщины, заключаемый для создания семьи и порождающий взаимные права и обязанности супругов. Соответственно под брачным выбором понимается процесс, в результате которого из всей совокупности возможных альтернатив выбора брачного партнера тем или иным способом определяется тот единственный партнер, который и становится мужем или женой. Брак основывается на индивидуальных убеждениях, предпочтениях, а также зависит от экономических, социальных, социокультурных и иных условий, существующих в обществе [3].

Теория обмена Дж. Хоманса в анализе брачного выбора основывается на том, что брачный выбор определяется взаимной выгодой и полезностью, которые могут получить будущие партнеры друг от друга. Дж. Хоманс утверждает, что в обществе существует «шкала ценностей», которая вовлекается в процесс обмена и регулирует человеческое поведение. Таким образом, с точки зрения теории обмена человек оценивает личностные и социальные качества будущего партнера и определяет, какую пользу он может от него получить. При этом ценности и качества индивида выступают некими благами, подлежащими обмену и имеющими определенную цену. Такими характеристиками могут быть привлекательность, стабильное финансовое положение, высокий социальный статус и т.д. Соответственно, при выборе брачного партнера происходит оценка его личных качеств с точки зрения их «ценности» и потенциальной выгоды, которую можно получить от союза [4].

В основу теории выбора брачного партнера Э. Уолстера и Э. Бершейда положен принцип равенства. В данном подходе равенство является определяющим фактором при выборе романтического партнера и определяет, насколько человек счастлив в этих отношениях. Согласно данной концепции, человек чувствует себя удовлетворенным в отношениях в том случае, когда в них соблюдается баланс между вкладом и получаемой наградой. Нарушение равенства во взаимоотношениях приводит к снижению чувства удовлетворенности и дискомфорту: недостаточная награда относительно вклада вызывает агрессию, в то время как превышение награды над вкладом порождает чувство вины и страх потери текущей позиции [5].

Еще одной теорией выбора партнера по браку является теория комплементарных (дополняющих) потребностей Р. Уинча, суть которой может быть выражена следующим образом: «противоположности притягиваются». Согласно этой теории, люди предпочитают выбирать себе в супруги тех, чьи психологические характеристики противоположны и комплементарны их собственным. Это объясняется тем, что индивид стремится максимально удовлетворить свои потребности через брак, в то время как этот максимум достигается только тогда, когда специфические потребности женщин и мужчин комплементарны / дополняют друг друга [6].

Инструментальная теория Р. Сентерса представляет собой развитие концепции Р. Уинча. По мнению Р. Сентерса, выбор брачного партнера ориентирован на обеспечение максимума удовлетворения и минимума затрат для реализации собственных потребностей, при этом ранжирование значимости потребностей может отличаться у мужчин и женщин. Например, мужское доминирование – более значимая ценность для женщин, тогда как для мужчин женское доминирование менее привлекательно. Обратная ситуация имеет место в случае с потребностью в заботе. Отсюда, согласно Р. Сентерсу, следует, что потребности, типичные для мужчин, должны позитивно коррелировать с потребностями, наиболее типичными для женщин. В частности, с точки зрения автора, наибольшее «притягивание» будет иметь место, когда доминирование мужчины будет противостоять потребности женщины в интиме, покровительстве, заботе [3].

Теория Б. Мурштейна «стимул – ценность – роль» является одной из разновидностей теорий обмена и стремится комплексно описать процесс выбора брачного партнера. Однако в данном случае в условиях относительно свободного выбора интеракция и аттракция будут зависеть от обмена ценностями тех благ и обязательств, которые каждый из партнеров предлагает друг другу. Прочность отношений зависит от так называемого «равенства обмена» и проявляется на всех стадиях развития взаимоотношений между партнерами. Происходит учет «плюсов» и «минусов», достоинств и недостатков каждого партнера, и при этом каждый из них стремится вступить в брак с наиболее привлекательным партнером. Хотя партнеры могут и не осознавать этого, но между ними устанавливается некоторый баланс позитивных и негативных характеристик каждого из них, и если «активы», или стимулы вступления в брак, превышают «пассивы», то принимается решение о заключении брака [3].

Согласно Б. Мурштейну, процесс развития отношений определяется тремя классами переменных, которые он называет стимулы, ценности и роли. Эти переменные действуют на протяжении всего процесса брачного выбора (знакомство, ухаживание, решение на брак), но каждая из них имеет зону максимального влияния на соответствующей стадии этого процесса: стадия стимуляции, стадия оценивания и ролевая стадия. На стадии стимуляции ключевую роль играют факторы, определяющие взаимную привлекательность индивидов благодаря их физическим, интеллектуальным, социальным и другим характеристикам. Особое значение имеет внешняя привлекательность и манера поведения, а также то, как данные характеристики оцениваются окружающими. На стадии оценивания происходит взаимное сравнение системы ценностей и установок. Основной акцент на этой стадии направлен на сбор информации о другом человеке через личные взаимодействия с ним. Партнеры при встрече стараются лучше узнать друг друга, получить информацию об интересах, ценностях, установках, взглядах и даже потребностях друг друга.

Если на данных стадиях выявляются значительные противоречия, которые не компенсируются какими-либо достоинствами, партнеры прекращают отношения, считая, что не подходят друг другу. Некоторые пары заключают брак на основе одной или двух первых стадий. Однако большинство проходит и ролевую стадию, исходя из того, что сходство ценностей – необходимое, но не достаточное условие для заключения долгосрочного союза. Ключевым значением для большинства обладает ролевая совместимость, сходство взаимных представлений о семейных и внесемейных ролях мужчин и женщин. Партнеры устанавливают, смогут ли они занять в супружеском союзе взаимодополняющие роли, что позволит им удовлетворить свои потребности. При этом оценивается как сходство характеров и наклонностей, так и противоположность взаимодополняющих черт. По словам Б. Мурштейна, достижение последней (ролевой) стадии – процесс практически бесконечный, так как «ролевая притирка» присутствует на всем протяжении существования брачного союза и никогда не может быть завершена полностью [5].

Таким образом, рассмотренные концепции брачного выбора отражают основные мотивы выбора партнера и демонстрируют тот факт, что данный выбор не является произвольным. Он обусловлен экономическими, социокультурными и психологическими

условиями и прекращается с обнаружением того единственного, кого индивид считает наиболее подходящим для создания семьи. Отметим, что социально-психологические теории акцентируют внимание на удовлетворении эмоциональных потребностей и сходстве интересов и ценностей будущих партнеров, в то время как теории с экономическим базисом подчеркивают принцип «полезности» и взаимовыгоды между будущими брачными партнерами.

Выбор брачного партнера, подобно другим решениям, предполагает опору на определенные критерии, используемые индивидами. На ранних этапах развития общества выбор брачного партнера обуславливался исключительно биологическими факторами. По мере развития общества большее значение стало отводиться коммуникативным факторам отбора будущего супруга. Под коммуникативным фактором выбора брачного партнера определяется отличительный признак, качество партнера, на основании которого принимается положительное или отрицательное решение о создании брака с конкретным человеком; фактор выбора брачного партнера – это движущая сила, существенное обстоятельство, причина выбора конкретного партнера с целью создания брака [7, с. 133].

Выбор брачного партнера определяется не только личными предпочтениями, но и зависит от множества случайных факторов, стечения обстоятельств, структуры брачного рынка, количества потенциальных партнеров и т.п. Признаки, по которым происходит брачный выбор, можно разделить на две группы: первичные (индивидуально присущие) и вторичные (коллективно приобретенные). К первичным относятся антропологические характеристики брачного партнера – рост, вес, возраст, внешний вид, аккуратность и т.д. Эти особенности выделяют человека из общей массы людей и заставляют обратить внимание на него как на возможного брачного партнера. Лишь позже человек интересуется социальным происхождением выбранного потенциального супруга. К вторичным, коммуникативным факторам, относят национальность, расу, социальный класс, гражданство, место жительства и др. Их индивид обретает как представитель какой-либо социальной группы, но они не характеризуют его уникальные личные достоинства. Брачный выбор происходит сначала в рамках круга первичных черт, а затем – вторичных. Но нередко этот порядок нарушается и с самого начала отбор разворачивается из числа социально и экономически приемлемых партнеров, а затем уже начинают учитываться первичные качества [8].

Выделяют также две группы факторов, влияющих на выбор брачного партнера: социоприродные и социокультурные факторы. Данные факторы определяют направление и содержание действий, совершаемых людьми при выборе спутника жизни. Социоприродные факторы включают в себя биологические основы индивида и его индивидуально-психологические особенности. В то время как социокультурные (коммуникативные) факторы обусловлены исключительно культурными предпочтениями / убеждениями самого человека [9].

На основе контент-анализа зарубежной и отечественной литературы Т. В. Ледовская к социальным факторам выбора брачного партнера относит следующие явления:

- любовь, духовная близость;
- принадлежность к той же социально-демографической группе (сходный жизненный путь, партнер разделяет те же взгляды на жизнь);
- материальный расчёт;
- психологическое соответствие, похожесть;
- моральные соображения, чувство долга (например, беременность);
- воссоздание собственного положения среди родителей, братьев и сестёр (включая проекции неудовлетворенных в детстве желаний);
- желание иметь постоянного сексуального партнера;
- общие религиозные представления, следование традициям;
- фактор физиологической реакции (следование общепринятым стандартам красоты и здоровья), оценивание качеств возможного партнера;

- сострадание, эмпатия;
- потребность вырваться из плена одиночества, желание компенсировать внутреннюю пустоту;
- престиж [7, с. 133].

Из данных явлений следующие мы можем отнести именно к коммуникативным факторам: духовная близость молодых людей, будущий брачный партнер разделяет схожие взгляды на жизнь и имеет те же ориентиры, потенциальные супруги относятся к представителям одной религии или этноса.

Таким образом, можно увидеть, что исследователи выделяют различные социальные факторы, которые в разной степени могут влиять на выбор брачного партнера. Изначально брачный выбор осуществлялся исключительно из биологических соображений, однако позднее коммуникативные факторы стали в значительной степени воздействовать на подбор будущего супруга.

Выводы. Брачный выбор является многостадийным процессом, в котором коммуникативные факторы начинают обретать доминирующую роль. К таким факторам можно отнести общность ценностных ориентаций и ролевых моделей, ментальную близость будущих супругов. Механизм выбора партнера подчиняется множеству факторов: отбор зависит как от рациональной экономической оценки будущего супруга, так и от наличия психологической схожести людей. Для улучшения демографической ситуации необходимо сместить фокус воспитательных программ с пропаганды создания абстрактной «крепкой семьи» на развитие у молодых людей коммуникативных навыков, умения действовать в команде и эмпатии.

Библиографический список

1. Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» Официальный интернет-портал правовой информации // URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202211090019?index=1> (дата обращения 15.04.2026)
2. Указ Президента Российской Федерации от 22.11.2023 № 875 «О проведении в Российской Федерации Года семьи» Официальный интернет-портал правовой информации // URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202311220013> (дата обращения 15.04.2026).
3. Погодина Е.К. Основные социально-психологические подходы к проблеме брачного выбора // URL: <https://rep.vsu.by/bitstream/123456789/8946/5/65-70.pdf> (дата обращения 16.04.2026).
4. Щербакова М.В. Теоретические подходы к изучению брачного выбора // URL: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/52063/1/klo_2014_155.pdf (дата обращения 16.04.2026).
5. Анцибор Л., Николоау А. Теоретические подходы к проблеме выбора брачного партнера // URL: <https://educational.studiamsu.md/wp-content/uploads/2022/01/24.-p.154-161-1.pdf> (дата обращения 16.04.2026).
6. Щербакова М.В. Стратегии брачного выбора молодежи // URL: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/35546/1/m_th_m.v.shcherbakova_2015.pdf (дата обращения 16.04.2026).
7. Ледовская Т.В. Факторы выбора брачного партнера на разных возрастных этапах // Вестник Вятского государственного университета. 2021. № 3 (141). С. 131-138. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/factory-vybora-brachnogo-partnera-na-raznyh-voznrastnyh-etapah> (дата обращения 16.04.2026).
8. Косяк А.К. Современный выбор брачного партнера: социальные детерминанты // URL: http://elibrary.sgu.ru/VKR/2024/39-03-01_011.pdf (дата обращения 16.04.2026).

Золотарёва Валентина Николаевна, ФГБОУ ВО «Уфимский Университет Науки и Технологий», Уфа, Россия, E-mail : vzolotareva076@gmail.com

Халимова Альбина Ильдаровна, студент, ФГБОУ ВО «Уфимский Университет Науки и Технологий», Уфа, Россия, E-mail: khalimova.albina7@gmail.com

Научный руководитель: Шарипов Азамат Равжапович - кандидат наук, доцент кафедры социологии и работы с молодёжью УУНИТ, E-mail: a.r.sharip@mail.ru

Zolotareva Valentina Nikolaevna, student. Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia, E-mail: vzolotareva076@gmail.com

Khalimova Albina Ildaronva, student. Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia, E-mail: khalimova.albina7@gmail.com

Scientific supervisor: Sharipov Azamat Ravzhapovich - Candidate of Sciences, Associate Professor of the Department of Sociology and Youth Work at UUNIT, E-mail: a.r.sharip@mail.ru

Аннотация. В статье анализируется социокультурная адаптация мигрантов как нелинейный процесс взаимной трансформации, выходящий за рамки экономического и правового обустройства. Рассматриваются две фазы миграционного цикла, структура повседневности как контекст интеграции, а также четыре стратегии аккультурации по модели Дж. Берри. Подчёркивается, что успешность адаптации определяется как индивидуальными факторами (язык, мотивация), так и характеристиками принимающей среды. Игнорирование социокультурного измерения ведёт к маргинализации, тогда как гармоничная интеграция обогащает обе культуры через межкультурный диалог.

Annotation. The article analyzes migrants' sociocultural adaptation as a non-linear process of mutual transformation extending beyond economic and legal settlement. It examines two phases of the migration cycle, everyday life as the context for integration, and four acculturation strategies based on J. Berry's model. The study emphasizes that adaptation success depends on both individual factors (language, motivation) and host society characteristics. Neglecting the sociocultural dimension leads to marginalization, while harmonious integration enriches both cultures through intercultural dialogue.

Ключевые слова: миграция, социокультурная адаптация, аккультурация, интеграция, культурная идентичность, модель Берри, маргинализация.

Keywords: migration, sociocultural adaptation, acculturation, integration, cultural identity, Berry's model, marginalization.

Введение. Современные геополитические сдвиги превратили миграцию из маргинального явления в структурный элемент развития обществ, однако за сухими цифрами статистических отчетов скрывается сложная драма повседневности. Человек, оказавшись в иной культурной среде, вынужден заново учиться считывать социальные коды, которые ранее были для него естественными и неосознаваемыми. Ключевым вызовом становится не физическое перемещение, а невидимая работа по вписыванию в чужой культурный код, которая часто сопряжена с глубоким чувством отчуждения и потерей привычных ориентиров.

Социокультурный аспект адаптации представляет собой не линейный путь ассимиляции, а динамичный диалог, порой наполненный внутренними конфликтами и поиском компромисса между сохраняемой идентичностью и требованиями принимающего социума. Актуальность исследования обусловлена необходимостью понимания глубинных процессов, влияющих на успешность интеграции, ведь именно на уровне культурных

практик и социальных ожиданий решается судьба мигранта в новом обществе. В рамках данной работы будет фокус на анализе тех невидимых барьеров и ресурсов, которые определяют траекторию вхождения индивида в принимающую культуру, рассматривая адаптацию как непрерывный процесс взаимной трансформации, где меняется не только приезжий, но и само принимающее сообщество.

Феномен миграции классифицируется как один из наиболее многогранных и сложных процессов в общественной жизни. Глобальная тенденция показывает, что перемещение людей преимущественно осуществляется из регионов с низким экономическим потенциалом в страны с высоким уровнем развития. Решающим фактором притяжения становятся благоприятные условия существования, в частности, существенный размер вознаграждения за труд. Согласно оценочным сведениям, ежегодная доля граждан, вовлеченных в различные виды миграционных движений, составляет приблизительно 2-3% от общемировой численности населения³⁷.

В структуре миграционного движения современными исследователями принято выделять две фундаментальные фазы, которые последовательно сменяют друг друга, образуя единый цикл транслокации человеческих ресурсов. Первоначальный период охватывает премиграционный этап и непосредственный акт перемещения. Он характеризуется не только возникновением территориальной мобильности граждан, но и сложными процессами принятия решения, разрыва социальных связей с местом происхождения и логистической подготовки. На этой стадии ключевым фактором становится мотивационный импульс, подталкивающий индивида к покиданию привычной среды обитания.

Последующий этап связан с оседлостью на новом месте и включает в себя многоуровневое приспособление индивидов к изменившимся условиям жизни, то есть саму адаптацию в рамках процесса переселения. Этот период зачастую оказывается более продолжительным и психологически напряженным, чем физический переезд. Он подразумевает не только бытовое обустройство, но и глубокую социокультурную интеграцию: освоение языковых кодов, принятие местных норм поведения, построение новых социальных сетей и правовую легитимацию статуса. Важно отметить, что успешность второй стадии напрямую зависит от ресурсов, накопленных на первом этапе, однако даже при благоприятных условиях процесс адаптации может носить нелинейный характер, сопровождаясь кризисами идентичности и поиском компромисса между сохранением собственной культуры и усвоением ценностей принимающего общества. Таким образом, миграция представляет собой непрерывный поток изменений, где физическое перемещение является лишь отправной точкой для глубокой внутренней трансформации личности³⁸.

Первоочередные задачи – трудоустройство, жилье, доступ к услугам – действительно относятся к сфере экономической и правовой адаптации, и именно они чаще всего становятся фокусом исследований и государственной политики.

Однако успешное решение бытовых вопросов не гарантирует полноценного включения в жизнь принимающего общества. За рамками материальной устойчивости остается социокультурная адаптация.

Социокультурную адаптацию принято рассматривать как отдельный вид социальной адаптации. Фундаментом такого выделения служит трактовка общества не просто как социальной структуры, а как культурного феномена. По своей сути, этот процесс представляет собой специфическую форму взаимодействия индивида (субъекта) с областью повседневной жизни. Главная цель такого взаимодействия – создать условия для эффективного вхождения человека в социум и успешного освоения им различных видов социальной деятельности.

³⁷ Глуценко, Г. И., В.А. Пономарев. Миграция и развитие. - М.: Экономика, 2009

³⁸ Рыбаковский Л.Л. Миграция населения. Вып. 5: Стадии миграционного процесса. - М., 2001.

Процесс адаптации разворачивается в контексте повседневности, которая понимается как совместное существование людей. Исследователи выделяют два взаимосвязанных уровня этой социальной:

1. Бытовой (обыденный) уровень: характеризуется индивидуализированным освоением времени, формированием привычек и стереотипов. Это глубинный, стабильный слой жизни, где изменения происходят очень медленно («неподвижная история»).
2. Специализированный уровень: включает труд, политику, организованную активность. Имеет институциональный характер, требует специального обучения и навыков. Здесь решаются профессиональные задачи и создаются продукты для общественных запросов.

Элементами повседневности на обоих уровнях выступают:

1. Материальные объекты (жилище, одежда, питание).
2. Коммуникативные структуры (обмен информацией).
3. Интеракционные структуры (паттерны общения с близкими и соседями).
4. Поведенческие структуры (использование времени, бытовые привычки).

Важной особенностью организации повседневной жизни является её этнический характер. Этническая культура формирует картину мира, через которую человек воспринимает обстоятельства, свои возможности и отношения с другими людьми³⁹.

Если этим пренебречь, возникает риск маргинализации: человек может найти работу и жилье, но так и остаться в обществе «чужим». Такой разрыв между экономической успешностью и социальным принятием создает напряжение. Для мигранта это стресс и потеря идентичности, для общества – конфликты и стереотипы. Поэтому социокультурная адаптация – не второстепенная задача, а обязательное условие для гармоничной интеграции.

Эффективность процесса социокультурной адаптации детерминирована комплексом взаимосвязанных факторов, которые условно можно разделить на индивидуальные (субъективные) и средовые (объективные). К первой группе относятся уровень владения языком принимающей страны, образовательный ценз, возраст, психологическая гибкость и мотивация мигранта. Исследования показывают, что языковая компетентность выступает не просто коммуникативным инструментом, но и ключевым механизмом декодирования культурных смыслов, позволяющим мигранту интерпретировать социальные сигналы новой среды.

Ко второй группе факторов относятся характеристики принимающего социума: степень институциональной открытости, наличие программ поддержки интеграции, уровень толерантности местного населения и специфика миграционной политики государства. Важно отметить, что адаптивные помехи могут иметь как внутренний характер (консерватизм установок, низкая мобильность), так и внешний (законодательные барьеры, экономическая нестабильность, дискриминационные практики). Игнорирование любого из этих компонентов способно затормозить интеграционный процесс, переведя его в стадию затяжного кризиса.

Канадский психолог Джон Берри разработал двухмерную модель аккультурации, в основе которой лежат два ключевых вопроса, стоящих перед человеком в новой культурной среде: насколько важно сохранить собственную культурную идентичность и насколько целесообразно устанавливать контакты с представителями доминирующей культуры. Пересечение этих двух измерений формирует четыре базовых стратегии адаптации.

1. Интеграция. Человек стремится одновременно поддерживать связь с культурой своего происхождения и активно осваивать нормы, ценности и поведенческие паттерны

³⁹ Лондаджим Тьерри Социокультурная адаптация: сущность и функции // Всероссийский журнал научных публикаций. 2011. №8 (9). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsiokulturnaya-adaptatsiya-suschnost-i-funktsii-1> (дата обращения: 26.03.2026).

принимающего общества. Данный подход считается наиболее адаптивным, так как позволяет гармонично сочетать элементы обеих культур без утраты этнической самоидентификации.

2. Ассимиляция. Индивид сознательно отказывается от культурных традиций своей группы, полностью перенимая образ жизни и ценности доминирующего общества. В этом случае происходит постепенная утрата родного языка и культурных маркеров в пользу новой среды.

3. Сепарация (отделение). Человек намеренно сохраняет верность культуре своего этноса, минимизируя взаимодействие с представителями принимающего общества. Контакты с внешней средой носят вынужденный или поверхностный характер, а основная социальная активность разворачивается внутри своей группы.

4. Маргинализация. Характеризуется потерей связи как с культурой происхождения, так и с принимающей средой. Индивид оказывается в состоянии культурной неопределённости, что часто сопровождается социальной изоляцией и психологическим дискомфортом⁴⁰.

Важно подчеркнуть, что выбор стратегии аккультурации детерминирован не только индивидуальными установками мигранта, но и контекстуальными факторами. Исследователи выделяют три группы детерминант адаптационного процесса: культурные различия (языковая дистанция, религиозные нормы), социально-экономические условия принимающей страны (доступность рынка труда, миграционная политика) и личностные характеристики индивида (возраст, уровень образования, мотивация переезда). При этом адаптация рассматривается не как линейное достижение результата, а как динамичный процесс, в котором индивид может последовательно проходить различные стадии – от первоначального культурного шока до формирования сбалансированной бикультурной идентичности.

Социокультурная адаптация представляет собой ключевой аспект интеграции мигрантов, выходящий за рамки экономического и правового обустройства[5-10]. Это процесс освоения культурных кодов, языковых норм и поведенческих паттернов принимающего общества, разворачивающийся в контексте повседневности.

Успешность социокультурной адаптации детерминирована как индивидуальными факторами (языковая компетентность, мотивация, психологическая гибкость), так и характеристиками принимающей среды (толерантность, институциональная поддержка). Игнорирование этого измерения ведёт к маргинализации и потере идентичности даже при экономическом благополучии.

Таким образом, социокультурная адаптация – это непрерывный процесс взаимной трансформации, где происходит не только вхождение мигранта в новое общество, но и обогащение принимающей культуры через межкультурный диалог.

Библиографический список:

1. Глушенко, Г. И., В.А. Пономарев. Миграция и развитие. - М.: Экономика, 2009
2. Лондаджим Тьерри Социокультурная адаптация: сущность и функции // Всероссийский журнал научных публикаций. 2011. №8 (9). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsiokulturnaya-adaptatsiya-suschnost-i-funktsii-1> (дата обращения: 26.03.2026).
3. Рыбаковский Л.Л. Миграция населения. Вып. 5: Стадии миграционного процесса. - М., 2001.
4. Berry J. W. (1980). Acculturation as Varieties of Adaptation. Boulder: Westview. P. 9–25.
5. Кузнецов, А. И. Темпы миграционной активности и рождаемости населения в Республике Башкортостан / А. И. Кузнецов, А. И. Ахметьянова // Уфимский гуманитарный научный форум. – 2025. – № 4(24). – С. 415-423. – DOI 10.47309/2713-2358-2025-4-415-423. – EDN MCSBDS.

⁴⁰ Berry J. W. (1980). Acculturation as Varieties of Adaptation. Boulder: Westview. P. 9–25.

6. Дегтярев, А. Н. Анализ миграционной ситуации в Российской Федерации и трансграничных денежных трансфертов в период пандемии COVID-19 / А. Н. Дегтярев, А. Р. Кузнецова // Уфимский гуманитарный научный форум. – 2021. – № 3(7). – С. 15-36. – DOI 10.47309/2713-2358_2021_3_15. – EDN ZMXHTG.
7. Kuznetsova, A. Consequences of Forced Migration in the Countries of the European Union / A. Kuznetsova, L. Svobodová, M. Hedvičáková // Hradec Economic Days : proceedings of the international scientific conference, Hradec Králové, Czech Republic, 02–03 апреля 2020 года. Vol. 10(1). – Hradec Králové, Czech Republic: University of Hradec Králové, 2020. – P. 426-437. – DOI 10.36689/uhk/hed/2020-01-049. – EDN LYTGGS.
8. Svobodová, L. Education needs in context of migration and industry 4.0 in selected EU countries / L. Svobodová, M. Hedvicakova, A. Kuznetsova // Lecture Notes in Computer Science. – 2020. – Vol. 11984 LNCS. – P. 89-98. – DOI 10.1007/978-3-030-38778-5_12. – EDN FNQTNJ.
9. Trends of Migration Transformations in the Countries of the European Union and the Russian Federation: Identification of Predictors of Migration Processes in the Context of Migration Policy and Public Administration / A. Kuznetsova, A. Selezneva, R. Iksanov, F. Tukayeva // Public Organization Review. – 2021. – DOI 10.1007/s11115-021-00591-9. – EDN WQNOJW.
10. Дегтярев, А. Н. Миграция трудовых ресурсов в Российскую Федерацию: тенденции и перспективы / А. Н. Дегтярев, А. Р. Кузнецова // Уфимский гуманитарный научный форум. – 2021. – № 4(8). – С. 55-65. – DOI 10.47309/2713-2358_2021_4_54. – EDNNDWSL.

УДК 316.62

ВИРТУАЛЬНАЯ ДРУЖБА И ЛЮБОВЬ СОВРЕМЕННОЙ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ КАК СОЦИАЛЬНЫЙ ФЕНОМЕН

VIRTUAL FRIENDSHIP AND LOVE OF MODERN STUDENTS AS A SOCIAL PHENOMENON

Зубаирова Рината Раисовна, студентка 4 курса, Высшая школа философии, психологии и социологии, Институт гуманитарных и социальных наук, ФГБОУВО «Уфимский Университет Науки и Технологий», Уфа, Россия. E-mail: zubairova_rinata@mail.ru

Научный руководитель: Бородина Ангелина Владимировна кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и работы с молодежью, Уфимский университет науки и технологий, Институт гуманитарных и социальных наук, Высшая школа философии, психологии и социологии, Уфа, Россия. E-mail: Angel_Borodina@mail.ru

Zubairova Rinata Raisovna, 4th year student, Higher School of Philosophy, Psychology and Sociology, Institute of Humanities and Social Sciences, Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia. E-mail: zubairova_rinata@mail.ru

Scientific supervisor: Borodina Angelina Vladimirovna, PhD in Sociology, Associate Professor of the Department of Sociology and Youth Work, Ufa University of Science and Technology, Institute of Humanities and Social Sciences, Higher School of Philosophy, Psychology and Sociology, Ufa, Russia. E-mail: Angel_Borodina@mail.ru

Аннотация: В статье исследуются особенности формирования и развития виртуальных романтических и дружеских связей среди студенческой молодежи. Анализируются факторы, влияющие на предпочтение онлайн-коммуникации традиционному общению, психологические механизмы формирования эмоциональной привязанности в цифровой среде. Рассматриваются как позитивные аспекты виртуальных отношений (доступность, широта социальных контактов), так и риски (иллюзорность близости, трудности перехода в офлайн-формат). Представлены результаты эмпирических наблюдений, отражающие специфику цифровой социализации поколения Z. Практическая значимость

работы заключается в выявлении новых паттернов межличностного взаимодействия, требующих переосмысления традиционных подходов к изучению молодежных отношений.

Annotation: The article examines the features of formation and development of virtual romantic and friendly connections among student youth. The factors influencing the preference for online communication over traditional communication and psychological mechanisms of emotional attachment formation in the digital environment are analyzed. Both positive aspects of virtual relationships (accessibility, breadth of social contacts) and risks (illusory closeness, difficulties in transitioning to offline format) are considered. The results of empirical observations reflecting the specifics of digital socialization of Generation Z are presented. The practical significance of the work lies in identifying new patterns of interpersonal interaction that require rethinking traditional approaches to studying youth relationships.

Ключевые слова: виртуальная дружба, онлайн-отношения, студенческая молодежь, цифровая социализация, романтические связи, социальные сети, эмоциональная привязанность.

Keywords: virtual friendship, online relationships, student youth, digital socialization, romantic connections, social networks, emotional attachment.

Введение. *Цифровая трансформация межличностных отношений: новая реальность молодежной коммуникации.* Пандемия 2020 года радикально изменила ландшафт социальных взаимодействий. Вынужденная изоляция превратила то, что еще недавно воспринималось как дополнение к реальному общению, в основной канал межличностной коммуникации [1]. Для студентов, переживавших период активной социализации, цифровые платформы стали не просто средством связи – они превратились в полноценное пространство выстраивания дружеских и романтических отношений [2].

Для современного поколения студентов смартфон стал продолжением собственной личности, а онлайн-присутствие воспринимается как естественное состояние. Впрочем, было бы упрощением считать это исключительно технологической привычкой.

Цель. Изучить особенности формирования и развития виртуальных романтических и дружеских связей среди студенческой молодежи.

Методы. Анализ тематической литературы и вторичных эмпирических данных.

Результаты. Современные исследователи фиксируют качественное изменение самой структуры эмоциональных связей. Как отмечает Боголюбова О.Н. в своей работе, посвященной интимности в цифровую эпоху, виртуальные отношения формируют особый тип привязанности, при котором физическое отсутствие собеседника компенсируется интенсивностью текстовой и мультимедийной коммуникации [3]. В студенческой среде это проявляется особенно ярко: знакомство в Telegram-чатах факультета, переписка в личных сообщениях ВКонтакте, совместный просмотр сериалов через Discord – всё это становится фундаментом для отношений, которые участники воспринимают как глубоко значимые.

Парадокс заключается в том, что молодые люди, находясь в одном кампусе, порой годами не встречаются лично, но при этом считают друг друга близкими друзьями. Например, статистика студенческих сообществ УУНиТ показывает: примерно 40% активных участников тематических онлайн-групп никогда не посещали очные мероприятия, организованные теми же сообществами. Это не отстраненность – это выбор определенного формата взаимодействия.

Здесь стоит сделать оговорку относительно терминологии. Когда мы говорим о виртуальных отношениях, речь не идет о полностью вымышленных персонажах или анонимных контактах. Современная виртуальная дружба студентов – это отношения между реальными людьми с верифицированными аккаунтами, часто учащимися одного университета, которые предпочитают цифровой формат общения физическим встречам [4]. Такой выбор обусловлен не социальной дезадаптацией, а пересмотром самого понятия близости и доступности.

Мотивационные механизмы и психологические драйверы виртуализации отношений. Почему студенты сознательно выбирают экранное общение? Ответ сложнее, чем может показаться. Молодежь ценит контроль над коммуникацией: возможность обдумать ответ, выбрать момент для взаимодействия, регулировать степень открытости. В офлайн-диалоге таких опций нет – приходится реагировать спонтанно, считывать невербальные сигналы, справляться с непредсказуемостью живого контакта [5].

Исследование Горшковой Е.А. и Золотаревой А.А., проведенное среди российских студентов в 2024 году, выявило интересную закономерность: молодые люди с высоким уровнем тревожности и перфекционизма демонстрируют выраженное предпочтение текстовой коммуникации [6]. Возможность редактировать сообщение, переписать неудачную формулировку, «уйти в оффлайн» при необходимости – всё это снижает психологическое напряжение. Особенно это характерно для первых этапов знакомства, когда риск отвержения ощущается наиболее остро.

Виртуальная среда создает иллюзию безопасности. Студент может экспериментировать с самопрезентацией, пробовать разные стратегии поведения, не опасаясь мгновенных социальных последствий. Переписка позволяет конструировать более продуманный образ себя – ироничного, эрудированного, чувствительного, в зависимости от желаемого впечатления. При этом речь не обязательно идет о сознательном обмане: молодые люди действительно могут чувствовать себя «более собой» в текстовом формате, освобожденными от давления внешности, голоса, манер.

Романтические отношения, начавшиеся в онлайн-формате, часто характеризуются более быстрым достижением эмоциональной интимности. Переписка располагает к откровенности. В условиях, когда не нужно смотреть собеседнику в глаза, проще поделиться личными переживаниями, страхами, мечтами [7]. Студенты признаются, что обсуждали с виртуальными партнерами темы, которые никогда не затрагивали в разговорах с друзьями по общежитию. Однако здесь возникает первое серьезное противоречие.

Эмоциональная глубина переписки не гарантирует совместимости в реальности. Например, по наблюдению автора, множество студенческих пар, сформировавшихся в онлайн-среде УУНиТ, распадаются после первых же личных встреч. Причина не в разочаровании внешностью или несоответствии фотографиям – дело в несовпадении коммуникативных ритмов, неожиданных особенностях поведения, физиологическом дискомфорте. Человек, казавшийся в переписке идеальным собеседником, оказывается слишком громким, слишком тихим, слишком подвижным, слишком застенчивым. Эти нюансы невозможно предвидеть через экран.

Практика показывает: чем дольше отношения остаются исключительно виртуальными, тем выше риск несовпадения ожиданий с реальностью. Психологи фиксируют феномен «идеализации экранного партнера», когда отсутствие полноценного сенсорного опыта заполняется воображением [5]. Студент проецирует на виртуального друга или возлюбленного собственные представления о том, каким должен быть идеальный компаньон, не имея достаточно данных для коррекции этого образа.

Архитектура виртуальной близости: платформы, практики, паттерны. Студенты используют множественность платформ для разных типов отношений. Telegram остается основным каналом для «серьезных» разговоров и долгих переписок. ВКонтакте применяется для поддержания широкой сети знакомств и демонстрации социальной активности. TikTok (РКН: иностранный владелец ресурса нарушает закон РФ) выступает инструментом поиска единомышленников через рекомендательные алгоритмы. Discord обеспечивает пространство для групповых активностей – от совместных игр до подготовки к экзаменам.

Каждая платформа формирует собственные правила взаимодействия. В Telegram-переписке допустима длительная пауза между сообщениями – это воспринимается нормально. В TikTok (РКН: иностранный владелец ресурса нарушает закон РФ) коммуникация строится на обмене короткими видеореакциями. Discord требует синхронного

присутствия, что создает эффект «совместного времяпрепровождения», наиболее близкий к офлайн-общению. Студенты виртуозно переключаются между этими режимами, адаптируя стиль коммуникации под контекст [3].

Интересны механизмы поддержания близости в цифровой среде. Регулярность контакта здесь важнее его продолжительности. Короткое сообщение «как дела?» дважды в день создает ощущение присутствия человека в жизни. Совместный просмотр контента через screen-sharing формирует общую культурную память. Обмен мемами и личными шутками конструирует уникальный язык отношений, непонятный посторонним.

Виртуальные пары разрабатывают собственные ритуалы: утренние голосовые сообщения, вечерние видеозвонки перед сном, совместное прослушивание музыки через специальные приложения. Эти практики компенсируют отсутствие физического контакта, создавая альтернативную структуру *intimacy*. Студентка второго курса может чувствовать себя ближе к человеку, с которым переписывается три месяца, чем к соседке по комнате, с которой живет полгода [2].

Однако картина здесь неоднородная. Часть молодых людей испытывает фрустрацию от невозможности физического контакта. Виртуальные объятия, виртуальные поцелуи, выражаемые эмоджи и стикерами, не удовлетворяют базовую человеческую потребность в телесной близости [4]. Возникает своеобразная «цифровая жажда» – осознание того, что даже самая интенсивная переписка не может заменить прикосновение, запах, физическое присутствие другого человека.

Это противоречие особенно остро проявляется в долгосрочных виртуальных отношениях. Первые месяцы новизна формата компенсирует отсутствие физического измерения. Но постепенно возникает запрос на «настоящность», на верификацию чувств в реальном пространстве. Многие студенческие пары, познакомившиеся онлайн во время пандемии, столкнулись с этой проблемой в 2022-2023 годах, когда ограничения сняли. Переход в офлайн становился критической точкой: отношения либо укреплялись, обретая новое измерение, либо быстро распадались, обнаруживая свою иллюзорность [6].

Социальные последствия и трансформация понятия близости. Массовая виртуализация отношений трансформирует базовые социальные навыки студенческой молодежи. Преподаватели вузов отмечают возросшую сложность организации групповой работы на занятиях: студенты демонстрируют высокую эффективность в онлайн-коллаборации через общие документы и чаты, но испытывают заметный дискомфорт при необходимости очного взаимодействия в аудитории.

Феномен получил определение «цифровой социализации» – процесса, при котором основные навыки межличностного взаимодействия формируются преимущественно в виртуальной среде [7]. Для поколения Z, к которому относится большинство современных студентов, это не аномалия, а норма. Они не считают виртуальную дружбу «ненастоящей» или менее ценной – для них это просто другой формат, со своими преимуществами и ограничениями.

Впрочем, это справедливо не для всех случаев. Внутри студенческой среды существует заметная дифференциация по отношению к виртуальным связям. Одни активно культивируют сеть онлайн-контактов, предпочитая количество и разнообразие. Другие сознательно ограничивают цифровое общение, инвестируя время в небольшое число глубоких офлайн-отношений. Третьи балансируют между двумя стратегиями, используя виртуальные платформы для первичного знакомства с последующим переводом перспективных контактов в реальное пространство [5].

Трансформируется само понятие доступности. Раньше близкий человек – это тот, кто рядом физически, с кем можно встретиться, пойти куда-то вместе. Сейчас близость определяется скорее эмоциональной открытостью и интенсивностью коммуникации, независимо от географической локации [3]. Студент может чувствовать себя ближе к онлайн-другу из другого города, чем к однокурснику, сидящему на соседней парте.

Эта переоценка порождает новые вызовы для психического здоровья. Когда круг значимых отношений существует преимущественно в виртуальном пространстве, любые технические сбои – разряженный телефон, отсутствие интернета, блокировка аккаунта – воспринимаются как катастрофическая изоляция. Студенты сообщают о выраженной тревоге при невозможности проверить сообщения, страхе «упустить что-то важное», панике при отсутствии ответа от значимого человека в течение нескольких часов [4].

Формируется зависимость от постоянной цифровой связанности. Молодые люди испытывают трудности с автономией – способностью комфортно находиться наедине с собой, без постоянного потока внешней коммуникации. Тишина воспринимается как угроза, а не как ресурс для рефлексии. Виртуальные отношения, обеспечивая иллюзию постоянного присутствия, одновременно лишают навыка конструктивного одиночества [2].

Университетские психологические службы фиксируют рост обращений, связанных с проблемами в онлайн-отношениях: конфликты из-за частоты переписки, ревность к виртуальным контактам партнера, разочарование после перехода в офлайн, сложности с завершением виртуальных отношений. Последнее особенно показательно: разорвать связь с человеком, которого никогда не видел лично, оказывается психологически не проще, а иногда и сложнее, чем расстаться с офлайн-партнером. Отсутствие физической дистанции не означает эмоциональной дистанции [6].

Выводы. Виртуальная дружба и любовь студенческой молодежи – не временное явление, вызванное пандемией, а устойчивая тенденция, отражающая фундаментальную трансформацию способов формирования межличностных связей. Для поколения Z цифровая среда представляет полноценное пространство социализации, где вырабатываются навыки общения, формируются значимые эмоциональные привязанности, реализуются потребности в близости и принадлежности.

Рассмотренные исследования студентов демонстрирует несколько ключевых паттернов. Во-первых, виртуальные отношения воспринимаются как равноценные офлайн-связям и часто предпочитаются им из-за контролируемости, гибкости, широты возможностей. Во-вторых, онлайн-формат способствует более быстрому достижению эмоциональной интимности, но одновременно создает риск идеализации и несоответствия ожиданий реальности при переходе к физическому взаимодействию. В-третьих, наиболее устойчивые и удовлетворяющие отношения формируются при сознательном сочетании виртуального и офлайн-форматов, использовании их комплементарных преимуществ.

Можно заметить, что массовая виртуализация отношений трансформирует базовые социальные навыки молодежи, порождая как новые возможности (снижение географических и социальных барьеров, доступность разнообразных связей), так и новые вызовы (зависимость от цифровой связанности, дефицит навыков офлайн-взаимодействия, сложности с автономией). Университетская среда постепенно адаптируется к этой реальности, вырабатывая гибридные форматы активности и инструменты поддержки психологического благополучия в условиях цифровой социализации.

Практическая значимость понимания этих процессов очевидна для образовательных учреждений, психологических служб, разработчиков молодежной политики. Необходим переход от противопоставления «виртуальное vs реальное» к признанию множественности легитимных форм близости и разработке подходов, помогающих молодым людям осознанно навигировать в сложном ландшафте современных отношений.

Дальнейшие исследования могут сосредоточиться на долгосрочных эффектах преимущественно виртуальной социализации, сравнительном анализе удовлетворенности отношениями в разных форматах, разработке эффективных моделей интеграции онлайн- и офлайн-взаимодействия. Феномен виртуальной дружбы и любви требует междисциплинарного изучения на стыке психологии, социологии, культурологии и медиа-исследований для формирования целостного понимания трансформации межличностных отношений в цифровую эпоху.

Библиографический список:

1. Марцинковская Т.Д., Полева Н.С. Социальная идентичность в информационном обществе: проблемы и перспективы // Психологические исследования. 2023. Т. 16. № 89. С. 12-29.
2. Бородина А.В., Тихонова А.С. Особенности цифровизации практик межличностных и семейных отношений молодых россиян и ряд ее социальных последствий. Вестник Удмуртского университета. Социология. Политология. Международные отношения. 2022. Т. 6. № 2. С. 179-187. https://elibrary.ru/download/elibrary_48690194_42846047.pdf
3. Боголюбова О.Н. Интимность и самораскрытие в социальных сетях: кросс-культурное исследование // Социальная психология и общество. 2024. Т. 15. № 2. С. 45-62. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=54318765> (дата обращения: 15.04.2026).
4. Кондратьев М.Ю., Ильин В.А. Психология межличностных отношений в цифровую эпоху: учебное пособие. М.: МПГУ, 2023. 256 с.
5. Собкин В.С., Федотова А.В. Особенности общения современной студенческой молодежи в социальных сетях // Социология образования. 2024. № 1. С. 34-51.
6. Горшкова Е.А., Золотарева А.А. Особенности коммуникативных предпочтений студенческой молодежи в эпоху цифровизации // Высшее образование в России. 2024. Т. 33. № 6. С. 118-134. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=54892341> (дата обращения: 15.04.2026).
7. Ильина Л.Е. Цифровая социализация молодежи: вызовы и возможности для высшей школы // Вопросы образования. 2023. № 3. С. 78-95.
8. Шейнов В.П. Психология влияния в онлайн-коммуникации: монография. М.: Когито-Центр, 2023. 312 с.

УДК 316.1

СОВРЕМЕННЫЕ МОДЕЛИ И ПОДХОДЫ К ФОРМИРОВАНИЮ ЦИФРОВОЙ ПРОФЕССИОНАЛИЗАЦИИ СТУДЕНТОВ ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ В РФ

MODERN EDUCATIONAL MODELS AND METHODOLOGICAL APPROACHES TO THE FORMATION OF DIGITAL PROFESSIONAL COMPETENCE AMONG STUDENTS OF HIGHER EDUCATIONAL INSTITUTIONS IN THE RUSSIAN FEDERATION

Иванова Ольга Евгеньевна, студентка 5 курса ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий», Уфа, Россия, E-mail: damon3350@gmail.com

Ivanova Olga Evgenyevna, 5th-year student at Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia. E-mail: damon3350@gmail.com

Научный руководитель: Ковров Владимир Федорович, кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и работы с молодежью Уфимского государственного университета науки и технологий. Уфа, Россия.

Supervisor: Vladimir Fedorovich Kovrov, PhD in Sociology, Associate Professor, Department of Sociology and Youth Work, Ufa University of Science and Technology. Ufa, Russia.

Аннотация: В статье анализируются современные модели и подходы к формированию цифровой профессионализации студентов в вузах РФ. Обосновывается положение о том, что особую значимость приобретает концепция цифровой профессионализации, понимания принципов цифровых процессов и способности применять технологии для решения профессиональных задач. Приведены результаты российских исследований, подтверждающие рост цифровой грамотности при внедрении этих моделей.

Обозначены ключевые вызовы и перспективные направления развития цифровой трансформации высшего образования в России.

Abstract: The article examines current models and approaches to developing digital professionalization among university students in the Russian Federation. The study draws on recent Russian research data (RANEPA, HSE, MSU, TPU, etc.) demonstrating that these models significantly improve digital literacy and professional readiness. The paper discusses methodological frameworks such as competency-based and project-oriented learning, as well as personalized and blended education. It identifies major challenges of digital transformation in higher education, including infrastructure disparities, faculty training gaps, and financial constraints. Finally, the article outlines promising development directions, such as building a unified digital educational ecosystem, strengthening industry partnerships, and adopting AI-driven learning tools. The findings emphasize the importance of combining academic traditions with innovative digital practices to prepare graduates for the demands of the digital economy.

Ключевые слова: цифровая профессионализация; высшее образование; цифровые компетенции; дистанционное обучение; цифровая трансформация; компетентностный подход; проектно-ориентированное обучение; персонализация обучения.

Keywords: digital professionalization; higher education; digital competencies; distance learning; digital transformation; competency-based approach; project-based learning; personalized learning.

Введение. В эпоху цифровой трансформации образование перестаёт быть статичной системой передачи знаний и превращается в динамичный процесс формирования компетенций, востребованных в новой экономике. Особую значимость приобретает концепция цифровой профессионализации - целенаправленного развития у студентов навыков работы с цифровыми инструментами, понимания принципов цифровых процессов и способности применять технологии для решения профессиональных задач.

Актуальность темы подтверждается данными исследований. По результатам мониторинга цифровой грамотности населения, проведённого РАНХиГС в 2023 году, только 38 % выпускников вузов полностью соответствуют требованиям работодателей по уровню цифровых компетенций. При этом 76 % компаний отмечают дефицит специалистов с развитыми цифровыми навыками в различных отраслях[1].

Цель данной статьи - проанализировать современные модели и подходы к формированию цифровой профессионализации студентов в российских вузах, обобщить опыт внедрения цифровых технологий в образовательный процесс и выявить перспективные направления развития.

Задачи статьи:

1. Проанализировать современные модели формирования цифровой профессионализации студентов в российских вузах (интегративную, модульную, партнёрскую, дистанционную) и продемонстрировать их реализацию на конкретных примерах (НИУ ВШЭ, МГУ, КФУ, ТПУ и др.).

2. Рассмотреть методологические подходы к внедрению цифровых компетенций (компетентностный, проектно-ориентированный, персонализированный, непрерывный) и показать их влияние на рост цифровой грамотности студентов через данные исследований.

3. Обобщить и систематизировать результаты российских исследований по теме (данные РАНХиГС, НИУ ВШЭ, МГУ, КФУ, УрФУ, СПбПУ, НГУ и др.), включая количественные показатели (проценты, уровни роста) и качественные выводы.

4. Выявить ключевые вызовы и барьеры цифровой трансформации высшего образования в РФ (неравномерность инфраструктуры, дефицит кадров, инерция методик, финансовые ограничения, вопросы кибербезопасности) на основе актуальных данных (Миннауки, Ассоциации цифровых преподавателей и пр.).

5. Определить перспективные направления развития цифровой профессионализации в вузах: создание единой экосистемы, развитие непрерывного образования, укрепление партнёрства с бизнесом, внедрение ИИ, развитие цифровой дидактики.

Теоретические основы цифровой профессионализации. Понятие «цифровая профессионализация» включает в себя не только владение конкретными программами и инструментами, но и более широкий спектр компетенций: цифровую грамотность как базовую способность работать с информацией в цифровой среде, навыки анализа данных и работы с большими массивами информации, понимание принципов работы искусственного интеллекта и машинного обучения, компетенции в области кибербезопасности, способность к цифровой коммуникации и коллаборации, а также готовность к непрерывному освоению новых технологий.

Исследователи Т. Н. Носкова и Е. В. Савельева (2022) в своей работе «Цифровая профессионализация в системе высшего образования» выделяют три уровня формирования этих компетенций:

Базовый - освоение универсальных цифровых инструментов (офисные программы, электронная почта, базовые онлайн-сервисы).

Профессиональный - владение специализированным ПО и инструментами, релевантными конкретной профессии.

Инновационный - способность создавать новые цифровые решения и адаптироваться к технологическим изменениям [2].

Существующие модели формирования цифровой профессионализации в РФ. Анализ практики российских вузов позволяет выделить несколько ключевых моделей внедрения цифровых компетенций в образовательный процесс.

1. Интегративная модель предполагает органичное включение цифровых компонентов во все дисциплины учебного плана. Ярким примером является опыт НИУ ВШЭ, где с 2021 года реализуется программа «Цифровая кафедра». В рамках этой инициативы студенты всех направлений обучения осваивают модули по анализу данных, цифровым коммуникациям и основам программирования. По данным внутреннего мониторинга вуза, 87 % участников программы отмечают рост уверенности в работе с цифровыми инструментами.

2. Модульная модель строится на создании отдельных курсов и модулей по цифровым компетенциям. Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова с 2022 года внедрил факультативы по цифровой грамотности для студентов гуманитарных направлений. Программа включает:

- основы работы с большими данными;
- инструменты визуализации информации;
- принципы цифровой безопасности;
- технологии онлайн-коллаборации.

По результатам опроса участников (n = 450), проведённого кафедрой педагогики МГУ, 92 % студентов отметили полезность полученных знаний для будущей профессиональной деятельности.

3. Партнёрская модель. Сотрудничество вузов с IT-компаниями и промышленными заказчиками перестаёт быть формальностью, оно меняет сам подход к обучению. Яркий пример – это инициатива Казанского федерального университета: в партнёрстве с «Яндексом» и «1С» вуз запустил серию курсов, где студенты не просто слушают лекции, а погружаются в реальные кейсы. Скажем, на одном из модулей учащиеся разрабатывают решения для автоматизации бизнес-процессов, используя инструменты, которые уже внедрены в компаниях-партнёрах. Исследователи КФУ (Иванов А.С., Петрова М.К., 2023) отмечают: такой формат сокращает разрыв между теорией и практикой, ведь выпускники приходят на работу с опытом, который раньше приходилось нарабатывать годами [3].

4. Дистанционная модель. Онлайн-обучение тоже доказало свою эффективность. Томский политехнический университет с 2020 года развивает собственную платформу онлайн-курсов: здесь можно найти и короткие интенсивы по программированию, и углублённые программы по анализу данных. Статистика подтверждает пользу такого подхода: по данным исследования Смирновой Е. В. (2022) из «Вестника ТПУ», студенты, активно использующие онлайн-ресурсы, показывают на 23% более высокий уровень цифровой грамотности. Разница заметна, например, при работе с облачными хранилищами или инструментами визуализации данных. Те, кто тренировался на платформе ТПУ, справляются с задачами быстрее и допускают меньше ошибок. [4].

Подходы к внедрению цифровых компетенций. Методологические подходы к внедрению цифровых компетенций не сводятся к одной схеме, они варьируются в зависимости от задач. Компетентностный подход, к примеру, смещает акцент с количества усвоенной информации на практическое применение инструментов. Студент уже не просто знает, как работает тот или иной алгоритм, а может адаптировать его под конкретную профессиональную задачу. На практике это выглядит так: вместо экзамена с теоретическими вопросами - проект, где нужно проанализировать реальные данные компании и предложить решение для оптимизации логистики. Результатом является навыки, которые сразу применимы в работе.

В Уральском федеральном университете этот подход реализован через систему проектных заданий, где студенты должны использовать цифровые инструменты для анализа данных, создания презентаций и моделирования процессов. По данным мониторинга 2023 года, 85 % выпускников отмечают, что полученные цифровые навыки помогают им в профессиональной деятельности [6].

Проектно-ориентированное обучение даёт возможность отрабатывать цифровые навыки в контексте реальных кейсов. В Санкт-Петербургском политехническом университете Петра Великого студенты инженерных направлений работают над проектами с использованием цифровых двойников и систем автоматизированного проектирования. Исследование кафедры педагогики (2022) показало, что такой подход повышает мотивацию к освоению цифровых технологий на 40 %.

Персонализация обучения через адаптивные платформы позволяет учитывать разный уровень цифровой грамотности и выстраивать индивидуальные траектории развития. Новосибирский государственный университет внедрил систему адаптивного обучения, которая анализирует прогресс студентов и предлагает персонализированные задания по развитию цифровых навыков. По результатам эксперимента (n = 300), проведённого в 2023 году, студенты с персонализированными траекториями показали на 35 % лучшие результаты по тестам цифровой грамотности.

Непрерывность и гибкость обучения закладывают у студентов установку на постоянное обновление навыков. Платформа «Открытое образование», созданная консорциумом российских вузов, предлагает сотни онлайн-курсов по цифровым компетенциям. По данным аналитического отчёта платформы за 2023 год, число студентов, проходящих дополнительные цифровые курсы, выросло на 67 % по сравнению с 2021 годом.

Роль дистанционного образования в формировании цифровой профессионализации. Дистанционное и смешанное обучение не просто дополняют очное образование, а становятся полноценной средой формирования цифровой профессионализации. Работая в онлайн-курсах, студенты:

- осваивают цифровые инструменты коммуникации и коллаборации (Zoom, Teams и д.р.);
- учатся самоорганизации и тайм-менеджменту в цифровой среде;
- получают доступ к актуальным ресурсам и международным образовательным возможностям;
- развивают навыки самостоятельной работы с информацией.

Смешанный формат обучения даёт измеримый эффект. Учёные из РГГУ (2023) сравнили результаты студентов, обучающихся очно, онлайн и в гибридном режиме. Выяснилось, что у последних уровень цифровой грамотности на 28% выше по стандартизированным тестам. Кроме того, они быстрее осваивают новые инструменты: например, за две недели адаптируются к обновлённой версии ПО, тогда как студенты традиционного формата тратят на это месяц. [7].

Цифровая дидактика при этом не сводится к переносу лекций в Zoom. Профессор М.А. Чошанов (2022) подчёркивает, что успешное обучение в цифровой среде опирается на несколько принципов. Интерактивность - студенты не пассивно смотрят видео, а участвуют в симуляциях. Гибкость - программа подстраивается под темп группы: если большинство справляется с заданиями быстро, материал усложняется. Практическая ориентированность - даже теория подаётся через кейсы, например, разбор уязвимостей в коде на примере реальных хакерских атак. Непрерывность - доступ к материалам не закрывается после сессии, а коллаборативность проявляется в совместных проектах, где учащиеся из разных вузов работают над одним техническим решением [5].

Вызовы и барьеры цифровой трансформации. Цифровая трансформация вузов идёт неравномерно и причины кроются не только в технологиях. По данным Министерства науки и высшего образования РФ (2023), лишь 42% вузов в малых городах располагают оборудованием, достаточным для полноценного перехода на цифровые форматы. В одном из региональных университетов, к примеру, до сих пор используют компьютеры 2010 года и на них не запускаются современные программы для моделирования [8].

Проблема кадров не менее остра. Опрос Ассоциации цифровых преподавателей (2022, n = 1 500) показал: 58% педагогов нуждаются в дополнительном обучении. Часто дело не в сопротивлении новшествам, а в нехватке времени, ведь преподаватель с нагрузкой 20 часов в неделю едва ли найдёт окно для освоения новой LMS-системы [9].

Устоявшиеся методики тоже тормозят изменения. На кафедре истории одного вуза преподаватели годами используют одни и те же презентации, а их сложно убедить перейти на интерактивные модули, даже если те повышают вовлечённость студентов. Финансовые ограничения усугубляют ситуацию: бюджет редко позволяет одновременно закупить лицензии на ПО и обновить парк техники.

Риски кибербезопасности добавляют сложностей. В 2023 году зафиксировано несколько атак на образовательные платформы - злоумышленники эксплуатировали уязвимости в системах авторизации. Утечка данных студентов из одного регионального вуза привела к штрафам и временному отключению онлайн-сервисов. Восстановление инфраструктуры потребовало перераспределения средств из других статей бюджета.

Перспективные направления развития. Преодолеть барьеры цифровой трансформации можно через комплексные решения. Проект «Цифровой университет», который реализует Министерство науки и высшего образования, пытается создать единую экосистему, где студенты смогут брать курсы из разных вузов, а преподаватели смогут обмениваться методиками. Сейчас несколько десятков студентов участвуют в тестировании онлайн-каталога учебных модулей. В нём соседствуют, скажем, курс по машинному обучению от МФТИ и практикум по цифровой журналистике от ВШЭ - выбор заметно шире, чем в традиционных программах.

Формат микрообучения и массовых открытых онлайн-курсов (МООС) выручает, не нужно брать академический отпуск ради освоения нового навыка. К примеру, двухнедельный интенсив по визуализации данных часто оказывается полезнее семестрового курса, особенно если в последнем до сих пор разбирают примеры десятилетней давности.

Компании всё чаще подключаются к разработке программ. Яндекс и Сбер, например, сотрудничают с вузами. Они создают совместные модули, где студенты работают не с учебными кейсами, а с реальными наборами данных. Это меняет и содержание курсов. Так, после консультаций с экспертами «Лаборатории Касперского» один технический вуз

дополнил курс по кибербезопасности модулями по анализу угроз. Теперь студенты отрабатывают сценарии атак на учебных полигонах это куда ближе к реальной работе, чем лекции.

Искусственный интеллект постепенно встраивается в учебный процесс. В отдельных вузах нейросети анализируют ошибки студентов и подбирают дополнительные упражнения по темам, где выявлены пробелы. Чат-боты берут на себя рутину, например, отвечают на вопросы о расписании или пересдачах. Алгоритмы помогают составлять графики экзаменов и учитывают загруженность аудиторий и минимизируют накладки.

Учёные присматриваются к цифровой дидактике как к самостоятельной дисциплине. Они проверяют, какие методы лучше работают в онлайн-среде. В одном из сравнительных исследований измеряли вовлечённость студентов, когда одни смотрели видеолекции, другие работали с интерактивными симуляторами. Разница оказалась заметной, это помогает внедрять технологии осознанно, а не просто следовать моде.

Заключение. Цифровая профессионализация студентов - не просто модный тренд, а прямой ответ на запросы рынка. Экономика всё глубже уходит в цифру и вузы вынуждены адаптироваться.

Опыт российских университетов показывает, что лучше всего работают модели, где цифровые инструменты не заменяют, а дополняют традиционные подходы. Например, в одном педагогическом вузе преподаватели истории начали использовать интерактивные карты и архивные базы данных прямо на лекциях, таким образом вовлечённость студентов выросла на 15% по итогам семестра. В другом вузе запустили серию коротких онлайн-модулей для экономистов, тем самым за полгода курс прошли более 300 человек, а 70% из них применили полученные навыки в курсовых работах.

Партнёрство с бизнесом тоже даёт эффект. Компании помогают актуализировать программы тем, что предоставляют реальные кейсы, участвуют в разработке заданий и даже курируют отдельные проекты. Так, один региональный вуз совместно с местным IT-холдингом создал модуль по промышленной кибербезопасности, где студенты работали с данными предприятия и предлагали решения для конкретных уязвимостей.

Перспектива видится в создании единой цифровой образовательной среды. Она должна быть гибкой и позволять студентам наращивать компетенции поэтапно, решать задачи, близкие к реальным, и опираться на современные технологии. Цель не просто научить пользоваться инструментами, а сформировать цифровое мышление. Это значит, что выпускник должен понимать, как технологии меняют его профессию и уметь применять их для решения нестандартных задач.

В итоге высшее образование движется к балансу, где академические традиции сохраняются, но обрастают новыми форматами. Такой подход готовит специалистов, которые не просто владеют навыками, а видят, как их применить в меняющемся мире.

Библиографический список

1. Мониторинг цифровой грамотности населения РФ / РАНХиГС. - М., 2023.
2. Носкова Т. Н., Савельева Е. В. Цифровая профессионализация в системе высшего образования. - СПб.: Питер, 2022. - 248 с.
3. Иванов А. С., Петрова М. К. Практико-ориентированные курсы по цифровым технологиям: опыт КФУ // Вестник Казанского федерального университета. - 2023. - № 2. - С. 45–52.
4. Смирнова Е. В. Развитие цифровой грамотности через онлайн-обучение // Вестник ТПУ. - 2022. - Т. 343, № 5. - С. 112–119.
5. Чошанов М. А. Цифровая дидактика: принципы и подходы // Педагогика. - 2022. - № 7. - С. 28–36.
6. Аналитический отчёт платформы «Открытое образование» за 2023 год. - М., 2023.
7. Исследование уровня цифровой грамотности студентов РГГУ / РГГУ. - М., 2023.

8. Данные Министерства науки и высшего образования РФ о развитии цифровой инфраструктуры вузов, 2023 г. - М., 2023.
9. Опрос Ассоциации цифровых преподавателей, 2022 г. (n = 1 500). - М., 2022.

УДК 314.7:316.77

**СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ АДАПТАЦИЯ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ В
РЕСПУБЛИКЕ БАШКОРТОСТАН
SOCIO-CULTURAL ADAPTATION OF INTERNATIONAL STUDENTS IN
REPUBLIC OF BASHKORTOSTAN**

Иномзода Фирдавс, магистрант 2 курса направления 39.04.01 «Социология» кафедры социологии и работы с молодежью, ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий», Уфа, Россия, E-mail: inomzoda_f@auca.kg

Гайфуллин Андрей Юрьевич, кандидат социологических наук, заведующий кафедрой социологии и работы с молодежью, ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий», Уфа, Россия, E-mail: gayfullin_a@mail.ru

Inomzoda Firdavs, 2nd year Master's student of the Department of Sociology and Youth Work, direction 39.04.01 "Sociology", Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia, E-mail: inomzoda_f@auca.kg

Gayfullin Andrey, PhD in Sociology, Head of the Department of Sociology of Youth Work, Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia, E-mail: gayfullin_a@mail.ru

Аннотация: В статье рассматриваются особенности социокультурной адаптации иностранных студентов в Республике Башкортостан. Анализируются основные факторы, влияющие на процесс включения иностранных обучающихся в образовательную и социальную среду региона, включая языковые трудности, культурные различия, особенности межличностной коммуникации и роль институциональной поддержки со стороны вузов. Особое внимание уделяется значению полиэтнической и многоконфессиональной среды Башкортостана как важного условия формирования межкультурного взаимодействия. Работа вносит вклад в понимание механизмов адаптации иностранных студентов и может быть использована при разработке программ их сопровождения в образовательных организациях.

Abstract: The article examines the features of socio-cultural adaptation of international students in the Republic of Bashkortostan. The main factors influencing the process of integration of foreign students into the educational and social environment of the region are analyzed, including language difficulties, cultural differences, features of interpersonal communication, and the role of institutional support from universities. Special attention is paid to the importance of the polyethnic and multiconfessional environment of Bashkortostan as an important condition for the development of intercultural interaction. The study contributes to understanding the mechanisms of adaptation of international students and can be used in the development of support programs in educational institutions.

Ключевые слова: социокультурная адаптация, иностранные студенты, Республика Башкортостан, образовательная миграция, межкультурная коммуникация, интеграция, высшее образование.

Key words: socio-cultural adaptation, international students, Republic of Bashkortostan, educational migration, intercultural communication, integration, higher education.

С ростом международного сотрудничества в сфере образования увеличивается и количество иностранных студентов, поступающих в российские университеты. Образовательная миграция становится не только формой получения профессиональных знаний, но и важным социальным процессом, связанным с включением человека в новую культурную, языковую и институциональную среду [1]. В этих условиях успешная

социокультурная адаптация иностранных учащихся приобретает особое значение, поскольку напрямую влияет на их академические достижения, психологическое состояние и степень интеграции в российское общество [2].

Адаптация в социологическом понимании представляет собой процесс, в ходе которого человек или социальная группа приспосабливаются к новым условиям жизни и изменяющейся социальной среде. Для иностранных студентов этот процесс носит особенно многогранный характер. Он подразумевает не только освоение новых поведенческих норм и правил общения, но и знакомство с особенностями образовательной системы, а также принятие культурных традиций и устоявшихся социальных практик региона, в котором они учатся [3]. Иностранный студент оказывается в ситуации одновременного решения нескольких задач: учебной, бытовой, коммуникативной и культурной, что делает процесс адаптации особенно сложным и многоплановым.

Иностранные студенты представляют собой особую социальную группу, занимающую уникальное положение в образовательной среде. С одной стороны, они – активные участники учебного процесса, нацеленные на получение качественного образования и развитие профессиональных навыков. С другой – оказываются в новой культурной обстановке, где привычные способы поведения, общения и социальной поддержки зачастую оказываются неэффективными. Именно поэтому успешная социокультурная адаптация таких обучающихся требует пристального внимания со стороны вузов, органов управления образованием и самого студенческого сообщества [4].

Одним из ключевых факторов, влияющих на адаптацию иностранных студентов, является языковой барьер. Недостаточное владение русским языком затрудняет не только понимание учебного материала, но и повседневное взаимодействие с преподавателями, одногруппниками, сотрудниками университета и представителями местного населения. Язык в данном случае выступает не только инструментом обучения, но и важнейшим средством социализации. При низком уровне языковой подготовки иностранные студенты могут испытывать трудности при участии в семинарах, подготовке письменных работ, прохождении практики, а также при решении бытовых вопросов.

Культурные различия также оказывают существенное влияние на процесс адаптации. Иностранные обучающиеся сталкиваются с новыми нормами общения, иной системой ценностей, особенностями поведения в учебной аудитории и вне ее. То, что в одной культуре воспринимается как естественное, в другой может вызывать непонимание или дискомфорт. В результате у студентов может возникать состояние культурного стресса, связанное с необходимостью переосмысления привычных моделей поведения и выработки новых форм взаимодействия [5].

Особое значение в процессе адаптации имеет образовательная среда вуза. Университет для иностранного студента является не только местом получения знаний, но и основным пространством социальной интеграции. Именно в вузе формируются первые устойчивые контакты, происходит знакомство с нормами академической культуры, складывается отношение к принимающему обществу. Поэтому наличие адаптационных программ, кураторского сопровождения, языковых курсов, студенческих объединений и культурных мероприятий играет важную роль в снижении адаптационных трудностей [6].

В Республике Башкортостан проблема социокультурной адаптации иностранных студентов приобретает особую значимость. Регион исторически характеризуется полиэтничностью, многоконфессиональностью и опытом межкультурного взаимодействия [7; 8]. На территории республики проживают представители различных национальностей и религиозных общин, что создает определенные предпосылки для формирования толерантной и открытой социальной среды. Однако наличие многонационального пространства само по себе не гарантирует успешной адаптации иностранных студентов. Для этого необходима целенаправленная работа образовательных организаций и системная поддержка обучающихся.

Основные направления социокультурной адаптации иностранных студентов можно представить следующим образом:

1. Языковая поддержка иностранных студентов посредством организации дополнительных занятий по русскому языку, разговорных клубов, консультаций и практико-ориентированных форм обучения.
2. Академическая адаптация, включающая знакомство студентов с требованиями образовательного процесса, правилами подготовки письменных работ, особенностями взаимодействия с преподавателями и системой оценивания.
3. Социально-бытовое сопровождение, направленное на помощь в вопросах проживания, медицинского обслуживания, оформления документов, ориентации в городской среде и решении повседневных проблем.
4. Межкультурная коммуникация, предполагающая организацию совместных мероприятий российских и иностранных студентов, развитие студенческих объединений, проведение дней национальных культур и диалоговых площадок.
5. Психологическая поддержка, необходимая для снижения уровня тревожности, преодоления чувства одиночества, культурного стресса и социальной изоляции.
6. Институциональное сопровождение со стороны университета, включающее работу кураторов, наставников, международных отделов и подразделений, отвечающих за работу с иностранными обучающимися.
7. Формирование толерантной образовательной среды, в которой иностранные студенты воспринимаются не как обособленная группа, а как полноценные участники академического и социального пространства вуза.

Иностранные студенты, обучающиеся в Республике Башкортостан, представляют собой важный ресурс развития международного сотрудничества и межкультурного диалога. Их присутствие способствует расширению культурного разнообразия университетской среды, формированию новых коммуникативных практик и повышению международной привлекательности региональных вузов. Вместе с тем процесс их интеграции связан с рядом трудностей, которые требуют глубокого анализа и практического решения.

Одной из наиболее распространенных проблем является ограниченность социальных контактов иностранных студентов с российскими обучающимися. Нередко иностранные студенты общаются преимущественно с представителями своей страны или языковой группы, что позволяет им сохранять чувство безопасности, но одновременно замедляет процесс включения в принимающую среду. Такая ситуация может приводить к формированию замкнутых микрогрупп, снижению уровня владения русским языком и ограничению участия в студенческой жизни университета.

Еще одним барьером является недостаточная информированность иностранных студентов о возможностях, предоставляемых вузом и городом [9]. Многие обучающиеся не всегда знают о существовании студенческих организаций, культурных центров, консультационных служб, научных мероприятий и программ поддержки. В результате часть студентов остается вне активной университетской жизни, ограничиваясь только посещением учебных занятий. Это снижает эффективность их социальной интеграции и может усиливать чувство отчужденности.

Важную роль играет и психологический аспект адаптации. Переезд в другую страну связан с разрывом привычных социальных связей, удаленностью от семьи, изменением образа жизни и необходимостью самостоятельно решать множество бытовых и учебных вопросов. У иностранных студентов может возникать чувство одиночества, тревожности, неуверенности в себе, особенно в первые месяцы обучения. При отсутствии поддержки эти состояния могут негативно сказаться на учебной мотивации и общем восприятии образовательного опыта [10].

Со стороны принимающего сообщества также могут существовать определенные барьеры. Российские студенты не всегда проявляют инициативу во взаимодействии с

иностранными обучающимися, что может быть связано с языковыми трудностями, стереотипами или отсутствием опыта межкультурного общения. В связи с этим важной задачей университета становится создание условий для естественного и регулярного взаимодействия студентов разных культурных групп.

В последние годы особое значение приобретает развитие межкультурной компетентности как у иностранных, так и у российских студентов. Межкультурная компетентность включает способность понимать особенности другой культуры, уважительно относиться к различиям, выстраивать эффективную коммуникацию и предотвращать конфликтные ситуации. Формирование такой компетентности особенно важно в вузах, где обучаются представители разных стран, национальностей и религий [11].

Республика Башкортостан в этом отношении обладает значительным потенциалом. Многонациональный состав населения, исторический опыт сосуществования различных культур и религий, развитая система высшего образования создают благоприятные условия для адаптации иностранных студентов [12]. Однако для реализации этого потенциала необходимо не только поддерживать общую атмосферу толерантности, но и внедрять конкретные адаптационные механизмы, ориентированные на реальные потребности иностранных обучающихся [13].

К числу эффективных механизмов можно отнести систему наставничества, при которой за иностранными студентами закрепляются российские студенты-волонтеры или старшекурсники. Такая практика помогает быстрее освоиться в университете, разобраться в учебных требованиях, решить бытовые вопросы и расширить круг общения. Кроме того, наставничество способствует развитию межкультурного диалога и снижению социальной дистанции между студентами.

Не менее важным направлением является организация совместных культурных, научных и спортивных мероприятий. Участие иностранных студентов в таких мероприятиях позволяет им почувствовать свою включенность в университетское сообщество, представить собственную культуру и познакомиться с культурой принимающего региона. Особенно значимыми являются мероприятия, где иностранные и российские студенты выступают не как зрители, а как совместные участники и организаторы [14; 15].

Таким образом, социокультурная адаптация иностранных студентов в Республике Башкортостан представляет собой сложный и многоуровневый процесс, зависящий от языковых, культурных, социальных, психологических и институциональных факторов. Успешная адаптация невозможна без взаимодействия самих студентов, преподавателей, администрации вузов и студенческого сообщества [16]. Только комплексный подход позволяет создать условия, при которых иностранные обучающиеся смогут не только получить профессиональное образование, но и стать активными участниками социальной и культурной жизни принимающего региона.

Социокультурная адаптация иностранных студентов требует системного сопровождения на всех этапах обучения. На начальном этапе особенно важны информационная поддержка, языковая помощь и знакомство с образовательной средой. На последующих этапах возрастает значение социальной интеграции, профессионального самоопределения, участия в научной и общественной жизни университета. В долгосрочной перспективе успешная адаптация иностранных студентов способствует укреплению международного имиджа российских вузов, развитию образовательной миграции и расширению межкультурного сотрудничества.

Библиографический список

1. Гайфуллин А.Ю. Миграционные установки выпускников вузов Республики Башкортостан // Уфимский гуманитарный научный форум. 2023. № 1 (13). С. 130-140.
2. Пластеева Е. В., Гайфуллин А. Ю. Социальный потенциал молодежи: региональная идентичность и проблемы самореализации / Проблемы социального развития в условиях полиэтнического общества: Материалы Всероссийской научно-практической

конференции, посвященной 90-летию со дня рождения заслуженного деятеля науки Республики Башкортостан доктора социологических наук, профессора Ирнарзорова Рашида Исмагиловича, Уфа, 08 октября 2025 года. Уфа: Уфимский университет науки и технологий, 2025. С. 122-126.

3. Сабитова Р. И., Гайфуллин А. Ю. Факторы успешной адаптации иностранных студентов в вузе / Социально-демографическая политика в контексте формирования социокультурной идентичности: материалы Всероссийского молодежного социологического форума, посвященного памяти основоположника социологического образования в Республике Башкортостан, доктора философских наук, профессора Гилязитдинова Джаудата Махмудовича, Уфа, 15–17 апреля 2025 года. Уфа: Уфимский университет науки и технологий, 2025. С. 199-204.

4. Социальные проблемы в условиях глобальных и региональных вызовов: Монография, посвященная 95-летию со дня рождения профессора Дж. М. Гилязитдинова / А. Ю. Гайфуллин, Р. Б. Шайхисламов, А. Р. Кузнецова [и др.]. Уфа: Уфимский университет науки и технологий, 2025. 164 с.

5. Валиахметов Р. М., Гайфуллин А. Ю., Вахитов Р. Р. Культурная преемственность поколений в оценках и взглядах студенческой молодежи Республики Башкортостан // Социальная коммуникация в современном российском обществе: Сборник докладов Всероссийской научно-практической конференции, Москва, 20 октября 2022 года / Отв. ред. В.А. Мансуров, Т.З. Адамьянц, ред. Е.Ю. Иванова, П.С. Юрьев. Москва: Российское общество социологов, 2023. С. 380-388.

6. Гайфуллин А.Ю. Развитие социологического образования в Республике Башкортостан: опыт Уфимского университета науки и технологий // Уфимский гуманитарный научный форум. 2025. №3 (23). С.154-170. DOI 10.47309/2713-2358-2023-3-154-170.

7. Гайфуллин, А. Ю. Этнодемографические характеристики молодежи в республиках Тыва и Башкортостан // Новые исследования Тувы. 2022. № 2. С. 128-142. DOI 10.25178/nit.2022.2.9.

8. Гайфуллин А. Ю. Этнические особенности значимости факторов и условий труда для работающего населения Республики Башкортостан: социологический / Проблемы социального развития в условиях полиэтнического общества: Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 90-летию со дня рождения заслуженного деятеля науки Республики Башкортостан доктора социологических наук, профессора Ирнарзорова Рашида Исмагиловича, Уфа, 08 октября 2025 года. Уфа: Уфимский университет науки и технологий, 2025. С. 48-53.

9. Семенова Л. Г., Гайфуллин А. Ю. Информационная открытость власти как один из факторов социальной безопасности территории // Инновационные технологии управления социально-экономическим развитием регионов России: Материалы V Всероссийской научно-практической конференции с международным участием: в 3-х частях, Уфа, 24–25 мая 2012 года / Ответственный редактор Гайнанов Д.А. Том Часть 3. Уфа: Институт социально-экономических исследований УНЦ РАН, 2012. С. 167-171.

10. Гайфуллин, А. Ю. Эмоциональное самочувствие современной студенческой молодежи: социологический анализ // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Социология. Педагогика. Психология. 2026. Т. 12 (78), № 1. С. 23-31. DOI 10.5281/zenodo.18982899.

11. Гайфуллин А. Ю. Этническая идентичность студенческой молодежи Республики Башкортостан: социологический анализ // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2023. Т. 23, № 2. С. 143-150. DOI 10.18500/1818-9601-2023-23-2-143-150.

12. Гайфуллин А. Ю. Молодежь и молодежная политика в Республике Башкортостан: Монография. Уфа: Уфимский университет науки и технологий, 2023. 162 с.

13. Гарифуллин М. В., Гайфуллин А.Ю. Актуальные проблемы реализации молодежной политики в оценках и взглядах молодежи Республики Башкортостан: социологический анализ // Уфимский гуманитарный научный форум. 2025. № 1(21). С. 288-305. DOI 10.47309/2713-2358-2025-1-287-305.

14. Бикметов Е.Ю., Голиков С. В., Кунгурцева Г. Ф. Методологические основы исследования процессов формирования и удовлетворения духовных потребностей граждан России в условиях рынка // Вестник ВЭГУ. 2018. № 4(96). С. 14-23.

15. Кунгурцева Г. Ф., Иванова А. Д., Шамсутдинова Д. Ф. Компетентностный подход к формированию профессиональной культуры будущих экономистов / Управление экономикой: методы, модели, технологии: материалы XV Международной научной конференции. В 2 томах, Уфа - Красноусольск, 22–24 октября 2015 года. Том 2. Уфа Красноусольск: ГОУ ВПО "Уфимский государственный авиационный технический университет", 2015. С. 212-214.

16. Кунгурцева Г. Ф., Иванова А. Д., Шамсутдинова Д. Ф. Социально-управленческая и психолого-педагогическая подготовка студентов вуза к профессиональной деятельности // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. 2016. № 4. С. 94-105.

УДК 316.346.32-053.9:364-78

СОЦИАЛЬНАЯ ИЗОЛЯЦИЯ И СУБЪЕКТИВНОЕ ОДИНОЧЕСТВО ПОЖИЛЫХ ЛЮДЕЙ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ (НА МАТЕРИАЛАХ СОЦИАЛЬНОГО ПРОЕКТА Г. УФА)

SOCIAL ISOLATION AND PERCEPTION OF LONELINESS IN THE AGE OF DIGITAL TRANSFORMATION (BASED ON THE UFA SOCIAL PROJECT)

Каримова Василия Ахтямовна, студент кафедры социологии и работы с молодежью, ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий», Уфа, Россия, E-mail: karimova.vasilya02@bk.ru

Karimova Vasilya Akhtyamovna, Student of the Department of Sociology and Youth Work, Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia, E-mail: karimova.vasilya02@bk.ru

Аннотация: В статье рассматривается взаимосвязь социальной изоляции и субъективного одиночества пожилых людей в контексте цифровой эксклюзии. На основе анализа курсового проекта Каримовой В.А. «Волонтерская поддержка социализации пожилых людей» исследуется организационная модель студенческого волонтерского сопровождения. Раскрывается механизм «двойной уязвимости» - пересечения цифровых и сезонных инфраструктурных барьеров. Обосновывается потенциал синтеза цифрового консультирования и физической помощи (акция «Снежный патруль») как инструмента восстановления объективных социальных связей. При этом разграничиваются объективная изоляция и субъективное одиночество, а также анализируются ограничения и риски предложенной модели. Особое внимание уделено концепции «Обучения служением» в контексте профессиональной подготовки студентов.

Abstract: The article examines the relationship between social isolation and subjective loneliness of older people in the context of digital exclusion. Based on the analysis of Karimova V.A.'s course project "Volunteer support for the socialization of the elderly", the organizational model of student volunteer support is investigated. The mechanism of "double vulnerability" is revealed - the intersection of digital and seasonal infrastructure barriers. The potential of

synthesizing digital counseling and physical assistance (the "Snow Patrol" campaign) is substantiated as a tool for restoring objective social ties. At the same time, objective isolation and subjective loneliness are distinguished, as well as the limitations and risks of the proposed model are analyzed. Special attention is paid to the concept of "Ministry Training" in the context of professional training of students.

Ключевые слова: социальная изоляция, субъективное одиночество, цифровая эксклюзия, пожилые люди, студенческое волонтерство, обучение служением, межпоколенческое взаимодействие.

Keywords: social isolation, subjective loneliness, digital exclusion, the elderly, student volunteerism, ministry training, intergenerational interaction.

Современный этап общественного развития характеризуется стремительной цифровизацией ключевых сфер жизнедеятельности. Государственные услуги, здравоохранение, пенсионное обеспечение последовательно переводятся в электронный формат. Однако данная политика, провозглашающая принцип доступности, парадоксальным образом продуцирует новые формы социального исключения. Наиболее уязвимой группой в этом процессе оказываются граждане старшего поколения. Согласно исследованиям А.В. Мытиль и О.Н. Дудченко, цифровой разрыв для пожилых людей выходит далеко за рамки технологической проблемы, трансформируясь в угрозу разрыва социальных связей [7].

Цель настоящей статьи- на основе анализа курсового проекта Каримовой В.А. [9] выявить, теоретически обосновать и критически оценить механизмы преодоления социальной изоляции пожилых людей через модель студенческого волонтерского сопровождения, разработанную для реализации в г. Уфа.

Прежде чем перейти к анализу модели, необходимо методологически разграничить два ключевых понятия. Социальная изоляция представляет собой объективное состояние, характеризующееся малым количеством социальных контактов, узким кругом общения, ограниченным доступом к социальным институтам. Субъективное одиночество- это переживание, эмоциональное состояние, при котором человек ощущает дефицит значимых связей независимо от их фактического наличия. Человек может быть объективно изолирован, но не чувствовать себя одиноким, и наоборот- находиться в окружении людей и остро переживать одиночество.

Применительно к проблематике цифровой эксклюзии это разграничение имеет принципиальное значение. Как отмечают В.Н. Гурьянчик и Т.В. Макеева, эксклюзия в цифровую эпоху перестает быть простым отсутствием доступа к технологиям- она становится формой символического исключения из социальной жизни [2]. В.Н. Юфин, развивая эту мысль, подчеркивает, что цифровая некомпетентность пожилого человека в современном обществе может восприниматься как стигма, что ведет к добровольной самоизоляции [8].

В анализируемом проекте выделяются четыре группы барьеров: технические, когнитивные, психологические и социальные [9, с. 7-11]. Наибольший интерес для понимания социальной изоляции представляет социальный барьер- отсутствие «значимого другого», способного терпеливо и компетентно сопровождать пожилого человека в цифровой среде. Социальные работники, как показывает практика, перегружены, а родственники часто проявляют нетерпение.

Особую остроту проблема приобретает в зимний период. Автор проекта вводит понятие «двойной уязвимости» [9, с. 11]: пожилой человек не может решить вопросы онлайн (цифровой барьер) и не может сделать это офлайн из-за гололеда, низких температур и снежных заносов (инфраструктурно-сезонный барьер). Формируется ситуация «запертости»- и в цифровом, и в физическом смысле. Здесь объективная изоляция достигает критического уровня, создавая почву для развития субъективного одиночества.

Центральной идеей проекта является привлечение студентов направлений «Социология» и «Социальная работа» в качестве системных волонтеров-проводников. Теоретической рамкой выступает концепция «Обучения служением» (service learning), подробно рассмотренная в работах И.М. Воротилкиной и Л.Г. Невеличко [1], а также Н.А. Жабиной и Д.С. Каргапольцевой [3]. Суть подхода заключается в интеграции академического обучения с общественно полезной деятельностью.

Л.Н. Занфир и Е.А. Брызгалова в своем исследовании мотивации студенческого волонтерства подчеркивают, что для студентов социальных направлений характерен сдвиг мотивации от альтруизма к профессиональному интересу: они воспринимают подопечного как носителя уникального социального опыта и партнера по коммуникации [4]. В проекте этот принцип реализуется через систему обучения волонтеров: инструктивные семинары с психологом-геронтологом и специалистом МФЦ [9, с. 12-18].

Ключевым механизмом воздействия на изоляцию в проекте выступает регулярность контакта. В отличие от разовых акций, создается постоянно действующая система: «Цифровая приемная» работает два раза в месяц, мобильные бригады совершают плановые выезды. Пожилой человек получает не просто услугу, а устойчивый социальный контакт. Как показывают исследования О.А. Мосиной и Т.А. Халилова, именно ритмичность взаимодействия является критическим фактором в формировании социальной зрелости обеих сторон- и волонтера, и благополучателя [6].

Однако здесь необходимо сделать важную оговорку: восстановление объективных контактов (снижение изоляции) не гарантирует автоматического снижения субъективного одиночества. Проект фокусируется на изоляции, и это следует признать его объективной границей. Для оценки динамики одиночества потребовалось бы включение в инструментарий анкетирования специальных психометрических шкал (например, UCLA Loneliness Scale или шкалы де Джонг Гирвельд), что в текущей версии проекта не предусмотрено.

Отдельного анализа заслуживает акция «Снежный патруль» - компонент проекта, предполагающий выезды студенческих бригад для расчистки снега, доставки продуктов и лекарств в зимний период [9, с. 21]. Социологический смысл этой акции может быть интерпретирован в нескольких плоскостях.

Во-первых, расчистка снега у дома одинокого пенсионера представляет собой акт физического устранения барьера между замкнутым пространством жилища и внешним миром. Объективно это расширяет возможности пожилого человека для самостоятельного выхода из дома и, следовательно, для социальных контактов.

Во-вторых, в отличие от цифрового консультирования, которое решает проблему эксклюзии рационально-технически, физическая помощь в зимний период апеллирует к традиционным формам соседской взаимовыручки. Это особенно значимо для поколения, чья социализация проходила в коллективистской парадигме.

Вместе с тем необходимо обозначить ограничения данной модели. Связь «Снежного патруля» со снижением субъективного одиночества остается на уровне гипотезы, поскольку в проекте не предусмотрен замер эмоционального состояния благополучателей до и после акций. Контакт волонтера с пожилым человеком во время расчистки снега может быть минимальным и функциональным. Кроме того, существует риск «рикошетного одиночества» после завершения проекта: если за 12 месяцев у подопечного сформировалась привязанность к волонтеру, прекращение контактов способно усугубить субъективное переживание одиночества.

При всех достоинствах проект содержит ряд рисков, требующих рефлексии.

Текущность волонтеров. У студентов меняется учебное расписание, наступает сессия, кто-то выбывает по личным причинам или завершает обучение. Для пожилого человека, у которого установился контакт с конкретным волонтером, его замена может быть психологически травматичной.

Этические риски и патернализм. Отношения «студент-пожилой человек» изначально асимметричны: молодой, образованный, цифровой грамотный волонтер и пожилой человек, зависимый подопечный. Без постоянной супервизии существует риск скатывания в патерналистскую модель, где пожилой человек воспринимается как объект помощи, а не субъект взаимодействия.

Доступ к персональным данным. Студент, помогающий с порталом «Госуслуги» или банковским приложением, получает доступ к чувствительной информации. Проект предусматривает инструктаж, но этого может быть недостаточно для предотвращения нарушений.

Отсутствие работы с немотивированными. Проект ориентирован на пожилых людей, которые уже выразили запрос на помощь (через анкетирование). Однако значительная часть социально изолированных пенсионеров может не проявлять инициативы – из страха, недоверия или депрессивного состояния. Модель не предусматривает механизмов проактивного выявления и вовлечения таких граждан.

Экономическая модель проекта демонстрирует высокую устойчивость. Удельные затраты на одного благополучателя составляют порядка 11 000 рублей в первый год и снижаются примерно до 5 000 рублей при продлении [9, с. 26]. Это достигается за счет того, что основные капитальные расходы (оборудование, инвентарь) приходятся на первый год, а в дальнейшем требуется лишь поддержание деятельности. Такая структура затрат делает проект привлекательным для долгосрочного партнерства с региональными органами социальной защиты.

Перспективы масштабирования связаны с интеграцией проекта в учебные планы вузов. Как показано в работе Е.В. Зенковой и В.Н. Кузминых, проектное обучение с включением волонтерского компонента повышает практическую подготовку студентов и одновременно решает социально значимые задачи [5]. Разработанный в проекте методический кейс «Цифровой волонтер» может быть адаптирован для других городов и регионов с учетом местной специфики.

В долгосрочной перспективе развитие модели видится в направлении «серебряного наставничества»: обученные пожилые люди сами становятся консультантами для сверстников, замыкая цикл ресоциализации и создавая устойчивые горизонтальные связи внутри старшей возрастной группы. Это позволило бы частично снять зависимость от притока новых волонтеров и снизить остроту проблемы «рикшетного одиночества».

Проведенный анализ позволяет сделать следующие выводы. Модель студенческого волонтерского сопровождения, разработанная в проекте Каримовой В.А., представляет собой эффективный инструмент снижения объективной социальной изоляции пожилых людей в условиях цифровой трансформации. Регулярный контакт с волонтером, цифровое консультирование и сезонная физическая помощь восстанавливают доступ пожилого человека к социальным институтам и создают предпосылки для расширения сети контактов.

Вместе с тем концептуальным ограничением модели является отсутствие разграничения между объективной изоляцией и субъективным одиночеством. Проект измеряет показатели, характеризующие изоляцию (наличие контактов, частота обращений за помощью, самостоятельность в использовании цифровых сервисов), но не включает инструментарий для оценки динамики субъективного одиночества. Признание этого ограничения важно, как для корректной интерпретации ожидаемых результатов, так и для дальнейшего развития модели.

Ключевыми рисками, требующими управленческого внимания, являются текучесть волонтеров, опасность «рикшетного одиночества» после завершения проекта, асимметрия отношений «волонтер-подопечный» и отсутствие механизмов проактивного выявления изолированных пожилых людей, не проявляющих инициативы.

Перспективы развития проекта связаны с включением в инструментарий психометрических шкал одиночества, разработкой механизма плавного завершения

волонтерского сопровождения (или передачи подопечного другому волонтеру) и внедрением модели «серебряного наставничества», позволяющей трансформировать бывших благополучателей в субъекты помощи для своих сверстников.

Библиографический список

1. Воротилкина И.М., Невеличко Л.Г. Обучение служением: практика работы с гражданами старшей возрастной группы // Образовательный подход «Обучение служением»: проблемы, результаты и перспективы развития: материалы конференции, Ярославль, 15 мая 2025 года. - Ярославль: ЯрГУ им. П.Г. Демидова, 2025. - С. 24-28.
2. Гурьянчик В.Н., Макеева Т.В. Социальная эксклюзия и инклюзия: стратегии цифровой эпохи // Проблемы современного педагогического образования. - 2024.- № 85-3.- С. 90-93.
3. Жабина Н.А., Каргапольцева Д.С. Образовательный подход «Обучение служением» в контексте проектного обучения в системе высшего образования // Образовательный подход «Обучение служением»: проблемы, результаты и перспективы развития: материалы конференции, Ярославль, 29 ноября 2024 года. - Ярославль: Филигрань, 2025.- С. 77-84.
4. Занфир Л.Н., Брызгалова Е.А. Студенческое волонтерство: особенности деятельности и мотивации // Перспективы развития высшей школы: материалы V Международной научно-практической конференции, Тюмень, 25 мая 2024 года. В 3-х томах. - Тюмень: Тюменский индустриальный университет, 2024.- С. 190-194.
5. Зенкова Е.В., Кузминых В.Н. Интеграция обучения служением в проектной деятельности: пути повышения практической подготовки студентов // Наука. Информатизация. Технологии. Образование: материалы XVIII международной научно-практической конференции, Екатеринбург, 03-05 марта 2025 года. - Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет, 2025. - С. 207-217.
6. Мосина О.А., Халилов Т.А. Проблема формирования социальной зрелости студенческой молодежи: волонтерство и студенческое самоуправление // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. - 2025.- № 2.- С. 54-59.
7. Мытиль А.В., Дудченко О.Н. Пожилой человек в цифровом мире (по результатам эмпирических исследований) // Россия реформирующаяся. - 2020.- № 18.- С. 333-356.
8. Юфин В.Н. Цифровая эксклюзия пожилых людей как фактор формирования новых профессиональных траекторий молодежи // Современные социальные и демографические тенденции развития российского общества: молодежь, семья, труд, ценности, здоровье, образование: материалы IX Международной студенческой научно-практической конференции, Москва, 14 ноября 2025 года. - М.: Российский государственный социальный университет, 2026. - С. 484-487.
9. Каримова В.А. Волонтерская поддержка социализации пожилых людей: курсовая работа / В.А. Каримова; Уфимский университет науки и технологий. - Уфа, 2026. - 38 с.- Курсовая.

УДК 331.5

АНАЛИЗ РЫНКА ТРУДА КАНАДЫ КАК ОСНОВА ДЛЯ КАДРОВОГО ПЛАНИРОВАНИЯ LABOR MARKET ANALYSIS OF CANADA AS A BASIS FOR HUMAN RESOURCES PLANNING

Каримова Карина Ириковна, студентка 3 курса очной формы обучения, кафедры стратегического управления, ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий», Уфа, Россия.

Научный руководитель: Кузнецова Альфия Рашитовна, профессор кафедры социологии и работы с молодежью, ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий», Уфа, Россия. ORCID: 0000-0003-0273-4801E-mail: alfia_2009@mail.ru

Karimova Karina Irikovna, 3rd year full-time student, Department of Strategic Management, Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia.

Scientific supervisor: Kuznetsova Alfia Rashitovna, Professor of the Department of Sociology and of work with Youth, Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia. ORCID: 0000-0003-0273-4801E-mail: alfia_2009@mail.ru.

Аннотация. В статье анализируются демографические и экономические показатели Канады: численность населения, трудовые ресурсы, отраслевая структура занятости и ВВП, а также экспорт и импорт. Выявлены основные тенденции канадского рынка труда. На основе анализа сформулированы практические рекомендации для кадрового планирования в компаниях.

Abstract. The article analyzes demographic and economic indicators of Canada: population, labor resources, sectoral structure of employment and GPD, as well exports and imports. The main trends of the Canadian labor market are identified. Based on the analysis, practical recommendations for workforce planning in companies are formulated.

Ключевые слова. Рынок труда; кадровое планирование; Канада; занятость; HR-службы; трудовые ресурсы.

Keywords. Labor market; workforce planning; Canada; employment; HR services; labor force.

Введение. Кадровое планирование в компании требует понимания реальной ситуации на рынке труда. Специалист по персоналу должен знать, сколько людей доступно для найма, в каких отраслях они заняты, каковы демографические тренды. Канада представляет собой интересный пример. Это развитая экономика с высоким уровнем иммиграции, но при этом страна сталкивается со старением населения и замедлением роста трудовых ресурсов. Данные факторы напрямую оказывают влияние на различные HR процессы и стратегии компании.

Цель исследования заключается в том, что на основе анализа демографических показателей, отраслевой структуры занятости и внешнеэкономической специализации Канады определить ключевые ограничения и возможности для кадрового планирования в предприятиях.

Задачи. В рамках исследования решаются следующие задачи: анализ численности населения и трудовых ресурсов Канады, оценка демографической нагрузки на трудоспособное население, изучение отраслевой структуры занятости и ее сопоставление со структурой ВВП, выявление основных направлений экспорта и импорта, а также определение влияния выявленных тенденций на кадровое планирование в компаниях.

Материал и методы. В работе использован монографический, аналитический и статистический методы исследования. Информационной базой послужили данные официального сайта статистики Канады, также аналитические материалы Всемирного банка.

Результаты исследования. По оценке на середину 2026 года, численность населения Канады достигла 40 467 728 человек, что составляет 0,49% от общей численности населения мира. По данному показателю страна занимает 38-е место в списке стран [1].

Анализ демографических данных позволяет отследить тенденции изменения численности населения за последние 10 лет. Так абсолютный рост населения увеличился с 35,9 млн в 2016 году до 40,47 млн в 2026 году. Однако при изучении динамики изменения годового прироста населения наблюдается тревожная тенденция (Рис. 1) [1].

Сокращение темпов прироста населения неизбежно влияет на численность трудовых ресурсов. Так по данным на 1 марта 2026 года, численность официально занятого населения Канады составило 24 449 468 человек, что равно 63,4% от общего населения страны [1].

Данный уровень является умеренным. Однако иммиграция, которая долго время была основным источником роста населения, сокращается. В рамках десятилетнего периода (2016–2026 гг.) пиковое значение чистой миграции было зафиксировано в 2022 году и составило 459 988 человек, что значительно превосходит данные 2016 года (224 332 человек) и по прогнозу на 2026 год (291 403 человек) [2]. Это создает риск кадрового дефицита. А значит HR-службам следует смещать фокус с активного найма на удержание уже существующих сотрудников.

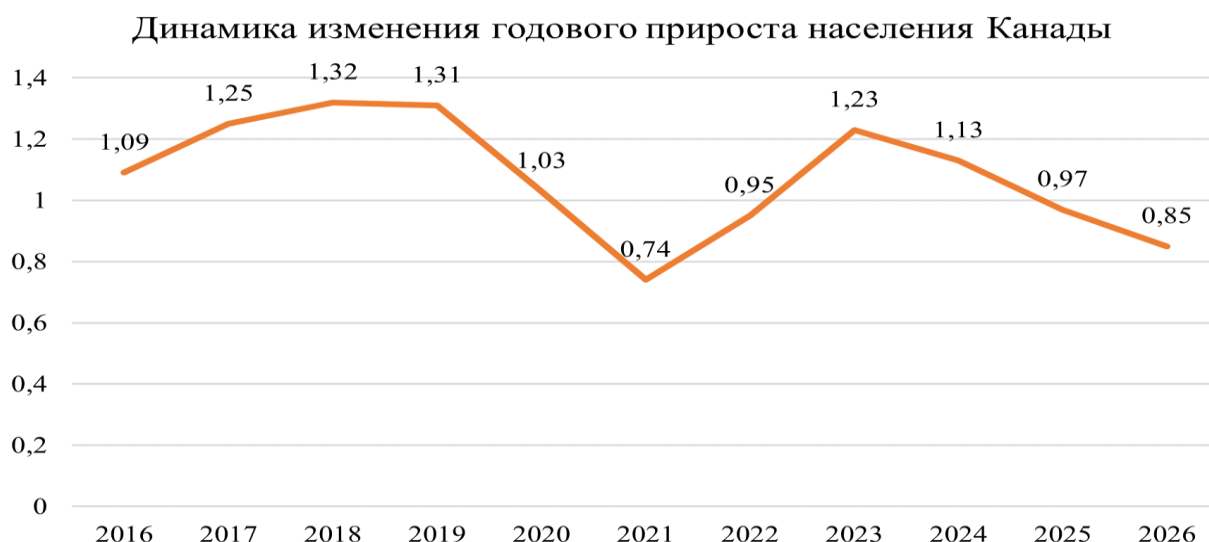

Рис. 1. Динамика изменения годового прироста населения Канады

Исходя из данного графика наблюдается устойчивый тренд к снижению годовых темпов прироста: с 1,09% в 2016 году до 0,85% в 2026 году. Таким образом, несмотря на сохранение положительной динамики численности населения, Канада вступает в фазу демографического замедления, что характерно для большинства развитых стран.

В условиях, когда рождаемость упала до 1,33 ребенка на одну женщину, что значительно ниже уровня воспроизводства (2,1), а уровень смертности составил 8,10 смертей на 1000 человек, естественный прирост минимален, рынок труда Канады начинает испытывать кадровый дефицит [1]. Следовательно, это требует пересмотреть некоторые аспекты кадровых стратегий компаний.

Необходимо также отметить, что средний возраст населения увеличился с 39,6 (2016) до 40,8 (2026), что свидетельствует о старении нации. Более детальное представление о возрастной структуре населения дает график распределения по трем основным группам (Рис. 2).

Распределение населения по возрастным группам

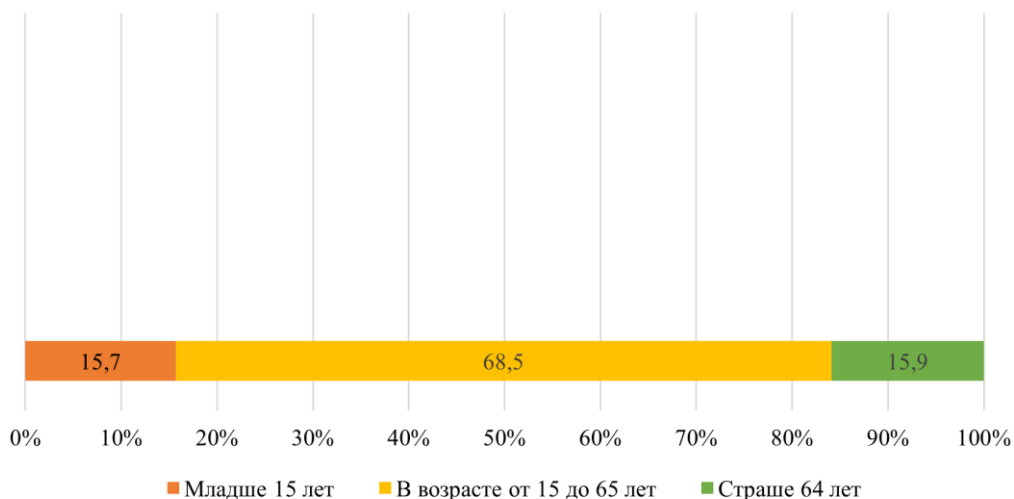

Рис. 2. Распределение населения по возрастным группам

Данная структура демонстрирует преобладание лиц трудоспособного возраста (15–64 лет), доля которых составляет 68,5%. Доля населения младше 15 лет равна 15,7%, старше 64 лет – 15,9%. В абсолютном выражении численность населения младше 15 лет составляет 6 271 252 человека, в возрасте от 15 до 65 лет – 27 361 829 человек и старше 64 лет – 6 339 205 человек [3]. Таким образом, доля лиц старше 64 лет практически сравнялось с долей младше 15 лет, что отражает процесс старения населения. На основе данных возрастных групп рассчитываются коэффициенты демографической нагрузки.

Общий коэффициент демографической нагрузки в Канаде составляет 46,1%, что относительно низкое значение. Оно показывает, что численность трудоспособного населения более чем в два раза превышает численность населения нетрудоспособного возраста. Такое соотношение создает довольно низкую социальную нагрузку для общества. При этом коэффициент пенсионной нагрузки равен 23,2%, а коэффициент потенциального замещения (детской нагрузки) – 22,9%. Несмотря на относительно низкий общий коэффициент, увеличение доли пожилого населения ведет к росту расходов на социальное обеспечение в расчете на одного работающего. Данная тенденция способствует повышению зарплатных ожиданий. В связи с этим компании вынуждены разрабатывать программы удержания сотрудников предпенсионного возраста и принимать меры по продлению их трудовой активности.

Еще одним фактором, влияющим на кадровое планирование, является отраслевая структура экономики. Сравнение доли занятых и доли ВВП по сферам предоставлено в табл. 1

Таблица 1

Сравнение структуры занятости и структуры ВВП Канады по секторам экономики

Сектор	Доля занятых (%)	Доля ВВП (%)
Услуги	80,15	69,8
Промышленность	18,75	10,2
Сельское хозяйство	1,10	2,1

Канада имеет ярко выраженную постиндустриальную структуру занятости. Доля занятых в сфере услуг – 80,15%, в промышленности – 18,75%, в сельском хозяйстве – 1,10% [4]. А доля ВВП по данным видам экономической деятельности составила 69,8%, 10,2% и 2,1% соответственно [5]. Сравнение структуры занятости и структуры ВВП показывает диспропорции. В сфере услуг занято почти 80% работников, но они создают лишь 70% ВВП. Это означает относительно низкую производительность труда в данном секторе. В тоже время несмотря на низкую занятость населения в отрасли сельского хозяйства 1,1%, доля ВВП составляет 2,1%, что демонстрирует высокий уровень производительности труда. Однако доли промышленности и сельского хозяйства с каждым годом снижаются, тем самым HR-стратегии компаний должны учитывать необходимость переобучения работникам, перешедших из данных отраслей, а также принимать во внимание высокий уровень конкуренции на рынке труда в сфере услуг (торговля, здравоохранение, образование).

Дополнительным фактором, определяющим потребность в кадрах, является структура экспорта и импорта, то есть внешнеэкономическая специализация. Канада обладает богатыми природными ресурсами, а именно: нефть (3-е место в мире по запасам), уран (2-е место), калийные соли (1-е место), лес (3-е место в мире по запасам древесины). Основные экспортные товары: сырая нефть, природный газ, автомобили и запчасти, калийные удобрения, золото, железная руда, медь, никель, пиломатериалы, целлюлоза, пшеница, рапс. Основные импортные товары: машины, оборудование, электроника, автомобили и запчасти (для сборочных производств), химическая продукция, лекарства, потребительские товары (одежда, мебель), продовольствие (фрукты, овощи, кофе).

Главный торговый партнер Канады – США (около 77% экспорта). Другие партнеры: Китай, Мексика, Япония (Рис. 3) [6].

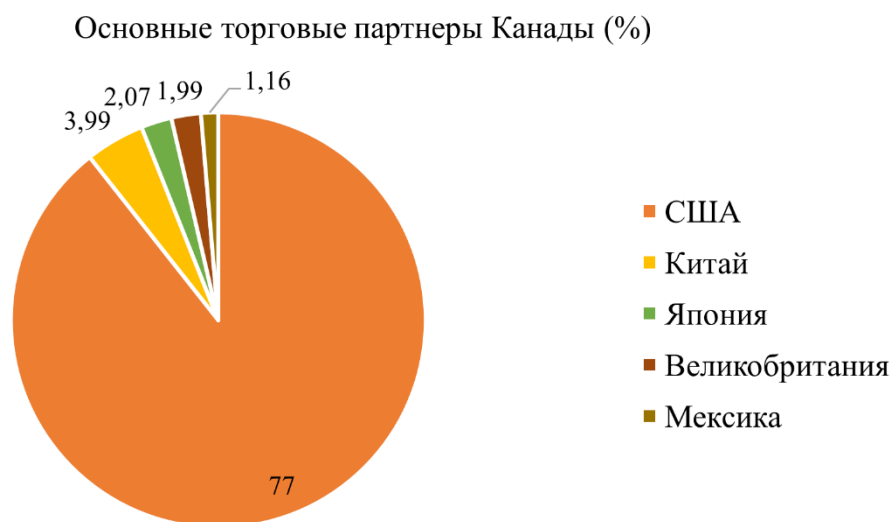

Рис. 3. Основные торговые партнеры Канады

Экспорт Канады ориентирован на сырье, поэтому на рынке труда стабильно востребованы рабочие специальности. Однако 77% экспорта идет в США, что создает сильную зависимость от торговых отношений с этой страной. В случае введения пошлин или ухудшения торговых отношений наиболее уязвимыми окажутся автомобильные и лесная промышленность. Следовательно, HR-службам рекомендуется заранее разработать планы действий на такие ситуации.

Выводы. Подводя итоги, можно сказать, что Канада вступает в фазу демографического замедления: рождаемость остается низкой, средний возраст населения растет, а иммиграция сокращается. Это означает, что компании столкнутся с дефицитом молодых кадров, и HR-

службам необходимо сместить фокус с массового найма на удержание персонала через программы лояльности, гибкие графики и бонусы за выслугу лет. Также канадская экономика имеет постиндустриальную структуру занятости: почти 80% работников заняты в сфере услуг, тогда как доля промышленности и сельского хозяйства сокращается. В связи с этим НР должен учитывать межотраслевую конкуренцию за персонал и инвестировать в переобучение работников из сокращающихся отраслей. Сырьевая направленность экспорта в сочетании с высокой зависимостью от США (77% экспорта) создает уязвимость канадского рынка труда перед торговыми конфликтами. Поэтому кадровым службам следует разрабатывать сценарные планы реагирования, а также учитывать зависимость торговли с США в среднесрочном кадровом планировании, уделяя особое внимание продлению трудовой активности сотрудников предпенсионного возраста. Таким образом, анализ реальной ситуации на рынке труда Канады служит основой для принятия обоснованных кадровых решений- от прогнозирования потребности в персонале до выбора инструментов мотивации и методов удержания.

Библиографический список

1. Worldometer – real time world statistics. Источник: <https://www.worldometers.info/world-population/canada-population/> (дата обращения: 19.04.2026).
2. Statistics Canada: Canada's national statistical agency. Источник: <https://www.statcan.gc.ca/en/start> (дата обращения: 19.04.2026).
3. Статистика в реальном времени. Данные о населении любой страны. Источник: <https://countrimeters.info/ru/Canada> (дата обращения: 19.04.2026).
4. Statebase. Статистика стран и регионов. Полные наборы данных. Источник: <https://statbase.ru/countries/ca/> (дата обращения: 19.04.2026).
5. TradingEconomics. Источник: <https://tradingeconomics.com/canada/indicators> (дата обращения: 14.04.2026).
6. World Integrated Trade Solution (WITS) | Data on Export, Import, Tariff, NTM. Источник: <https://wits.worldbank.org/CountryProfile/en/Country/CAN/Year/LTST/Summary> (дата обращения: 19.04.2026).

УДК 378.04:364.4

БЛИЗКИЕ СВЯЗИ КАК ДЕФИЦИТНЫЙ РЕСУРС: ПОЧЕМУ СТУДЕНТУ-СИРОТЕ НУЖЕН НЕ ТЬЮТОР, А «СВОЙ» ЧЕЛОВЕК

CLOSE TIES AS A SCARCE RESOURCE: WHY AN ORPHAN STUDENT NEEDS A "CONFIDANT" RATHER THAN A TUTOR

Косенко Светлана Алексеевна, студентка 4 курса направления подготовки «Социология», ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий», lane.kosenko.04@inbox.ru

Научный руководитель: Лавренюк-Исаева Наталья Михайловна, кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и работы с молодежью, ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий», nmlavr@yandex.ru

Kosenko Svetlana Alekseevna, fourth-year student majoring in Sociology at Ufa University of Science and Technology, lane.kosenko.04@inbox.ru

Supervisor: Lavrenyuk-Isaeva Natalia Mikhailovna, PhD in Sociology, Associate Professor, Department of Sociology and Youth Work, Ufa University of Science and Technology, nmlavr@yandex.ru

Аннотация. В статье анализируется дефицит близких доверительных отношений как ключевая проблема социальной адаптации студентов из числа детей-сирот в высшем учебном

заведении. На основе анализа теоретических работ отечественных и зарубежных авторов (Л.С. Выготский, И.В. Дубровина, А.М. Прихожан, Н.Н. Толстых, И. Лангмейер, З. Матейчик и др.) и эмпирических данных социологических исследований доказывается, что формальные институты поддержки (тьюторство, кураторство) не могут компенсировать отсутствие у студента-сироты «своего» человека – значимого взрослого, принимающего его безусловно. Обосновывается необходимость перехода от формального сопровождения к модели долговременного наставничества, основанной на эмоциональной близости.

Ключевые слова: дети-сироты, близкие связи, дефицит привязанности, социальная адаптация, тьюторство, наставничество, высшее образование.

Abstract. The article analyzes the deficit of close trusting relationships as a key problem of social adaptation of orphan students in higher education. Based on the analysis of theoretical works of Russian and foreign authors (L.S. Vygotsky, I.V. Dubrovina, A.M. Prikhodzhan, N.N. Tolstykh, I. Langmeyer, Z. Matejcek, etc.) and empirical data from sociological studies, it is proved that formal support institutions (tutoring, curatorship) cannot compensate for the absence of an orphan student's "close" person – a significant adult who accepts him unconditionally. The necessity of transitioning from formal support to a model of long-term mentoring based on emotional closeness is substantiated.

Keywords: orphans, close ties, attachment deficit, social adaptation, tutoring, mentoring, higher education.

Введение. Современная система высшего образования в Российской Федерации декларирует равный доступ к обучению для всех категорий граждан, включая детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. Для этой категории абитуриентов предусмотрены специальные квоты, подготовительные отделения, социальные стипендии, а также гарантированное место в общежитии. Государство создало разветвленную систему материальной и организационной поддержки, призванную обеспечить успешный старт выпускников детских домов во взрослой жизни [1].

Однако многочисленные исследования показывают, что только материальной поддержки недостаточно. Процесс социальной адаптации студентов-сирот сложен и далеко не всегда успешен. Дефицит их социального опыта обусловлен низким уровнем социально-личностной компетентности, что впоследствии нарушает процесс включения сирот в жизнь общества, снижает возможности усвоения ими принятой системы ценностей, норм, знаний, представлений [2]. Дети-сироты, стоящие на пороге самостоятельной жизни, испытывают большие трудности, оказавшись один на один с действительностью. Исследования показывают, что после первой же сессии отчисляется до 7% студентов-льготников из числа сирот, тогда как среди «конкурсных» студентов этот показатель составляет лишь 1,2% [3].

Ключевая проблема здесь в глубоком дефиците близких доверительных отношений, который формируется у ребенка в условиях интернатного воспитания и сохраняется на долгие годы. Студенту-сироте нужен не столько тьютор или социальный работник, формально выполняющий свои функции, сколько «свой» человек-значимый взрослый, принимающий его безусловно, готовый поддерживать в кризисной ситуации и помогать не «по инструкции», а «по зову сердца»

Теоретические подходы к исследованию дефицита привязанности у детей-сирот

Проблема адаптации человека к различным условиям жизнедеятельности относится к числу фундаментальных во многих областях научного знания [4]. Анализ литературы по данной теме позволяет констатировать частичное освещение различных аспектов проблемы социальной адаптации личности в трудах Л.С. Выготского, А.Н. Леонтьева, Б.Г. Ананьева, Г.М. Андреевой, И.С. Кона и ряда других исследователей. Мнение ученых сходится в том, что адаптация способствует оптимальным отношениям человека с природой и социальной средой и обеспечивает его развитие и совершенствование.

Понятие «дефицитности» применительно к детям-сиротам имеет прочную теоретическую основу. Исследования И.Лангмейера и З.Матейчика показывают депривационность условий воспитания в интернатных учреждениях. Под психической депривацией понимается состояние, возникающее в результате длительного ограничения возможностей для удовлетворения базовых психических потребностей ребенка-прежде всего, потребности в эмоционально близком, устойчивом контакте с заботящимся взрослым [6].

Отечественные исследователи И.В. Дубровина, А.М. Прихожан и Н.Н. Толстых в своих работах показали, что у детей, воспитывающихся в детских домах и школах-интернатах, развитие всех аспектов «Я» существенно отличается от развития их у сверстников, растущих в семье [7]. В депривационных интернатных учреждениях развитие образа «Я» замедляется, деформируется. Это касается, в том числе, и немало важного аспекта формирования полоролевых особенностей и психосексуальной идентичности, так как именно семья является моделью, где дети усваивают образцы мужского и женского поведения, устойчивые семейных отношений [8].

Исследователи также обращают внимание на то, что самооценка воспитанников интернатных учреждений отличается от самооценки учащихся массовых школ. Наблюдения показывают, что самооценка воспитанников детских домов и школ-интернатов понижена. У них также отсутствует возрастная динамика формирования адекватной самооценки [8]. У таких детей возникают проблемы с возможностью видеть себя в роли взрослого, зачастую они идентифицируют себя как ребенка, подчиненного взрослым. Система воспитания не способствует тому, чтобы дети думали о себе как о свободных, ответственных людях, которые строят свою жизнь по собственным планам.

Особую проблему представляет формирование потребности в эмоциональных контактах. По наблюдениям педагогов и результатам исследований, у воспитанников интернатов наблюдается эмоциональная неразвитость. Оторванность от радости и горя, которые сопровождают жизнь каждой семьи, способствует возникновению безразличного отношения к окружающему миру. Интересы и увлечения у воспитанников детских заведений более сужены и однообразны, что связано с ограниченностью их жизнедеятельности.

Феномен «Мы» у воспитанников интернатов отличается от чувства единственности, уникальности, которое возникает в семье. Интернатское «Мы» - специфическое психологическое образование. Разделение мира на «своих» и «чужих» ведет к агрессивности по отношению к «чужим», готовности использовать их в своих целях. Среди «своих» также возможны жестокие поступки. Одной из причин является искаженность потребности в любви и признании, эмоционально нестабильное положение ребенка.

Таким образом, к моменту поступления в вуз студент-сирота подходит с выраженным «дефицитом близких связей». Так как он не имел регулярного опыта безусловного принятия, не научился доверять «чужим» взрослым, не освоил навыки интимно-личностного общения. Именно этот дефицит становится главным барьером на пути адаптации в вузовской среде.

Эмпирические проявления дефицита близких связей у студентов-сирот

Эмпирические исследования, проведенные на базе российских вузов, позволяют конкретизировать портрет студента-сироты и выявить проявления дефицита близких отношений. Рассмотрим выводы, полученные в результате проведения такого исследования в НИУ «БелГУ» (2017) среди студентов из числа сирот и преподавателей-кураторов [5]:

1. Материально-бытовая некомпетентность. 64% респондентов назвали своей главной проблемой отсутствие навыков ведения бюджета. Это прямое следствие жизни в интернате, где за все отвечали взрослые. Студент-сирота не владеет навыками планирования расходов, не имеет опыта экономии. У него не было «своего» человека, который на личном примере показал бы, как распределять доходы и расходы. Это проблема отсутствия повседневного моделирующего поведения значимого взрослого.

2. Профессиональная неопределенность. Около 45% процентов опрошенных указали отсутствие у себя профессионально значимых качеств личности. Это обнажает проблему

отсутствия в школе-интернате систематической профориентационной работы, помогающей осознать собственные склонности и способности.

3. Социально-психологическое неблагополучие. Почти половина студентов (снова 45%) испытывают постоянное ощущение тревожности, 15% регулярно попадают в конфликтные ситуации при осуществлении коммуникации, около 10% отмечают у себя наличие устойчивых барьеров в общении. Тревожность, конфликтность и коммуникативные барьеры являются классическими маркерами отсутствия безопасной привязанности.

4. Иждивенческая позиция. На вопрос «Кто должен заниматься проблемами студентов-сирот?» 45% назвали государство, 25% – вуз, и только 10% – самого студента. Это прямая проекция детского опыта: в интернате за ребенка все решали взрослые. У него не было «своего» человека, который постепенно передавал бы ему ответственность за его собственную жизнь, поощрял самостоятельность, доверял принимать решения. Сформировалась устойчивая выученная беспомощность.

5. Эмоциональная бедность. Большинство студентов (порядка 70%) проводят свободное время в интернете, 63% слушают музыку, но только незначительная часть имеет другие более сложно организованные увлечения, что говорит об отсутствии навыков организации досуга, а это, в свою очередь, еще одно следствие регламентированной жизни в интернате.

Таким образом, эмпирические данные рисуют портрет студента-сироты: тревожного, неуверенного, не умеющего распоряжаться деньгами и временем, не имеющего сформированных профессиональных интересов, склонного к иждивенчеству и испытывающего трудности в общении. Все эти черты – прямое следствие базального дефицита близких доверительных отношений, сформировавшегося в детстве.

Почему формальный тьютор не может решить проблему?

В последние годы в российском высшем образовании активно внедряется институт тьюторства. Во многих вузах тьюторы или социальные педагоги закрепляются за студентами из числа детей-сирот. Однако данная мера не может кардинально решить проблему. Сопровождение – это особая форма пролонгированной помощи. В отличие от коррекции она предполагает не «исправление недостатков и перестройку», а поиск скрытых ресурсов развития человека, опору на собственные возможности [8]. Однако на практике сопровождение часто сводится к формальным процедурам.

Первое: тьютор – это формальная роль. У тьютора есть должностная инструкция, план работы, отчетность. Его задача – контролировать успеваемость, помогать с учебными вопросами. Но он не обязан (и часто не может) стать «своим» человеком. Он не приглашает студента домой, не звонит поздно вечером, не готов часами выслушивать душевные излияния. Это не его функция и не его ресурс.

Второе: высокая нагрузка. На одного тьютора в вузе могут приходиться десятки студентов-сирот. Как отмечают исследователи, существенной характеристикой психологического сопровождения является создание условий для перехода личности к самопомощи. Но в условиях высокой нагрузки специалист физически не может уделить каждому студенту столько времени, сколько нужно для выстраивания доверительных отношений.

Третье: отсутствие специальной подготовки. Как отмечается в исследованиях, одна из ключевых проблем – отсутствие у преподавателей-кураторов педагогического образования для работы со студентами-сиротами. Тьютор без специальной подготовки не понимает специфики депривационной травмы, не распознает защитные механизмы, не знает, как строить доверительные отношения с человеком, чей опыт привязанности травмирован.

Четвертое: текучесть кадров. Тьюторы и кураторы могут уволиться, перевестись, уйти в декрет. Для обычного студента это неприятность. Для студента-сироты, который наконец-то начал доверять взрослому, его уход может стать повторной травмой, подтверждением убеждения «никому нельзя верить, все равно уйдут». Как отмечает В.Н. Ослон, выпускники

детских учреждений переживают большие трудности в создании собственных семей именно из-за отсутствия привычки к устойчивым привязанностям.

«Свой» человек: содержание понятия и его функции

При опоре на идеи педагогической поддержки О.С. Газмана и личностно ориентированного подхода Ш.А. Амонашвили, В.В. Серикова и других исследователей целесообразно выдвинуть идею концепции «своего» человека. Это значимый взрослый, выполняющий следующие функции:

1. Безусловно принятие. Он принимает студента-сироту просто за то, что он есть. Это именно то, чего такие обучающиеся не получали в детстве. Отсутствие адекватной самооценки у студентов из числа сирот напрямую связано с дефицитом безусловного принятия [7].

2. Доступность и постоянство. Осуществление связи со студентом-сиротой в любое время и в любой день через специализированные каналы связи.

3. Отсутствие оценочной функции со стороны «своего» человека.

4. Эмоциональная включенность, сопереживание. Как показывают исследования, эмоциональная сфера у детей-сирот неразвита, они не умеют распознавать и выражать свои эмоции. «Свой» человек помогает студенту осваивать эмоциональную грамотность.

5. Помощь в моделировании взрослого поведения. «Свой» человек объясняет на собственном примере как вести бюджет, решать конфликты, строить отношения, организовывать досуг. Как отмечает Л.А. Жилина, социальная адаптация студента-сироты к образовательной среде вуза – это процесс вхождения в относительно новую для него социальную среду, процесс освоения социального и профессионального опыта. «Свой» человек становится проводником в этом процессе.

Заключение

Проведенный анализ позволяет сделать следующий вывод: ключевая проблема социальной адаптации студентов-сирот в глубинном дефиците близких доверительных отношений. Условия воспитания в интернатных учреждениях формируют специфический профиль выпускников: недоверие, иждивенчество, тревожность, отсутствие навыков планирования и финансовой грамотности, скудный эмоциональный интеллект. Все эти черты являются прямым следствием отсутствия «своего» человека: безусловно принимающего, поддерживающего и являющегося образцом взрослого, осознанного поведения.

Формальные институты поддержки (тьюторы, кураторы) не могут восполнить этот дефицит, поскольку они функциональны, а не эмоциональны по своей природе. У них другая логика работы, другие критерии эффективности, другая степень личной вовлеченности. Как показывают исследования, излишняя опека, как со стороны государства, так и со стороны специальных служб, может привести к ситуации социальной лености. В ситуации превышения помощи можно достичь противоположного результата-нарушения процесса социально-психологической адаптации [5].

Выход из этой ситуации кроется в переходе от формального сопровождения к модели долговременного личностного наставничества. Это требует от вузов реорганизации: изменения философии сопровождения, снижения нагрузки на наставников, специальной подготовки кадров, институционализации наставничества, создания безопасной среды для признания уязвимости. Впоследствии связи перестанут быть дефицитным ресурсом и станут надежным фундаментом, благодаря которому студент-сирота сможет построить успешную академическую и личную жизнь.

Библиографический список

1. Федеральный закон «О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей» от 21.12.1996 № 159-ФЗ.
2. Прихожан А.М., Толстых Н.Н. Психология сиротства. – СПб.: Питер, 2021. – 416 с.

3. Данные Министерства образования и науки РФ о результатах адаптации студентов- льготников // Высшее образование в России. 2020. № 4. С. 45-52.
4. Зотова О.И., Кряжева И.К. Методы исследования социально-психологических аспектов адаптации личности // Психологический журнал. 2019. Т. 40. № 3. С. 75-83.
5. Результаты социологического исследования социальной адаптации студентов из числа детей-сирот (НИУ «БелГУ», 2017) // Социальная работа в вузе. 2018. № 2. С. 34-41.
6. Лангмейер И., Матейчик З. Психическая депривация в детском возрасте. – Прага: Авиценум, 1984. – 334 с.
7. Дубровина И.В., Лисина М.И. Особенности психического развития детей в семье и вне семьи // Возрастная и педагогическая психология. – М.: Академия, 2018. – С. 234-256.
8. Мухина В.С. Возрастная психология: феноменология развития. – М.: Академия, 2019. – 656 с.

УДК 37.013.42:364.044

НЕВИДИМОЕ ИСЧЕЗНОВЕНИЕ: КАК РВУТСЯ БЛИЗКИЕ СВЯЗИ СИРОТЫ ПОСЛЕ ПЕРЕХОДА В ВУЗ И ПОЧЕМУ ЭТО СКРЫТО ОТ ПЕДАГОГОВ

INVISIBLE DISAPPEARANCE: HOW ORPHANS' CLOSE TIES BREAK AFTER TRANSITIONING TO UNIVERSITY AND WHY THIS REMAINS HIDDEN FROM EDUCATORS

Косенко Светлана Алексеевна, студентка 4 курса направления подготовки «Социология», ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий», lane.kosenko.04@inbox.ru

Научный руководитель: Лавренюк-Исаева Наталья Михайловна, кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и работы с молодежью, ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий», nmlavr@yandex.ru

Kosenko Svetlana Alekseevna, fourth-year student majoring in Sociology at Ufa University of Science and Technology, lane.kosenko.04@inbox.ru

Supervisor: Lavrenyuk-Isaeva Natalia Mikhailovna, PhD in Sociology, Associate Professor, Department of Sociology and Youth Work, Ufa University of Science and Technology, nmlavr@yandex.ru

Аннотация. В статье исследуется проблема социальной и эмоциональной дезадаптации выпускников организаций для детей-сирот в период их поступления в высшие учебные заведения. Основное внимание уделяется феномену «невидимого исчезновения» социальных связей, накопленных в интернатном учреждении. В статье причины разрыва значимых отношений с наставниками и сверстниками, а также механизмы психологической защиты, которые маскируют данные процессы от вузовских педагогов. В результате исследования выявлено, что формальный подход к мониторингу адаптации сирот не позволяет своевременно идентифицировать кризис идентичности. Статья обосновывает необходимость внедрения систем пролонгированного сопровождения.

Abstract. The article examines the problem of social and emotional maladjustment of orphans who graduated from residential care institutions during their transition to higher education. The focus is on the phenomenon of "invisible disappearance" of social ties accumulated within the care system. The author analyzes the causes of the breakdown of significant relationships with mentors and peers, as well as the psychological defense mechanisms that mask these processes from university educators. The research reveals that a formal approach to monitoring the adaptation of orphans fails to timely identify their identity crisis. The paper argues for the necessity of

implementing systems of prolonged support. It highlights the gap between the internal psychological state of the student and their external academic performance, which often misleads faculty members regarding the student's true integration level.

Ключевые слова: дети-сироты, постинтернатное сопровождение, социальная адаптация, высшее образование, социальные связи, педагогическая поддержка, психологическая дезадаптация.

Keywords: orphans, post-institutional support, social adaptation, higher education, social ties, pedagogical support, psychological maladjustment.

Введение. Переход выпускника интернатного учреждения в систему высшего образования традиционно рассматривается в педагогике как успех социализации. Однако за внешним благополучием (наличием льгот, общежития и стипендии) часто скрывается глубокий личный кризис. Если обычный студент-первокурсник сталкивается с необходимостью выстраивать новые социальные связи при сохранении прежней системы поддержки (семья, школьные друзья), то студент из числа сирот часто теряет и то, и другое одновременно. Проблема разрыва близких связей сироты при смене жизненного этапа остается одной из наименее изученных, так как носит латентный характер.

Парадоксальность ситуации здесь состоит в том, что педагоги вуза, кураторы академических групп и сотрудники деканатов зачастую не замечают этого разрыва: внешне студент может демонстрировать отличную успеваемость и не обращаться за помощью. Внутренне происходит процесс «невидимого исчезновения», постепенного, но неумолимого разрушения немногочисленных близких уз, позволяющих сохранять психологическую устойчивость. [1]

Теоретические предпосылки изучение социальных связей сирот

Феномен привязанности в рамках институционального воспитания имеет ряд специфических черт. Как показывают исследования основоположников теории привязанности Дж. Боулби и М. Эйнсворт, у детей, воспитывающихся в закрытых учреждениях, формируется так называемая «искаженная» или «тревожно-избегающая» привязанность. Это значит, что, с одной стороны, ребенок нуждается в значимом взрослом, а с другой-ожидает от любого близкого отношения неизбежной боли от разлуки. К моменту выпуска из детского дома у сироты часто формируется небольшой круг значимых для него людей (воспитателей, педагогов-наставников, сверстников).

Р.А. Колбасина справедливо подчеркивает, что воспитание детей-сирот в условиях государственных учреждений не обеспечивает полноценного личностного развития и затрудняет процесс социальной интеграции. [2] У воспитанников сиротских учреждений в силу депривации не формируются в полной мере собственные ценности и принципы, а следствием становится отсутствие чувства уверенности в себе. У данной категории лиц сформировано негативное восприятие себя и своих возможностей, а также самоидентификация с низшим социальным статусом. Эти личностные особенности становятся психологической почвой, на которой впоследствии произрастает феномен «невидимого исчезновения». [2]

Студент-сирота, покидая предсказуемый мир воспитательного учреждения с четкой иерархией и ритуалами, попадает в анонимную и конкурентную среду высшего образования, в которой и запускаются механизмы разрыва социальных связей. Новые социальные требования (самостоятельная организация быта, планирование бюджета, участие в неформальных студенческих сообществах и профсоюзах) вступают в противоречие с устойчивыми психологическими паттернами, годами, выработанными в интернате.

Психологический профиль выпускников интернатных учреждений как фактор риска

Для понимания явления "невидимого исчезновения" необходимо подробно изучить ключевые особенности личности выпускников-интернатов. Согласно исследованию В.Н. Ослон и Е.В. Селениной (2012), подавляющее большинство выпускников имеет опыт

жестокое обращение и насилия, а также достаточно низкие показатели адаптационного потенциала и жизнестойкости [3]. У них снижен уровень мотивации к деятельности и интерес к собственной жизни, наблюдается постановка простых, легко достижимых целей, не требующих риска и не стимулирующих личностное развитие [3].

Р.А. Колбасина в своей работе выделяет следующие проблемы выпускников интернатных учреждений:

1. Отсутствие внутреннего плана действий и навыков планирования;
2. Недостаточное развитие рефлексии;
3. Отсутствие чувства ответственности за свои поступки и жизнь в целом;
4. Инфантилизм [2].

Эти особенности напрямую связаны с явлением разрыва социальных связей, выпускника, который не способен планировать свои действия и не чувствует ответственности за поддержание отношений, с высокой вероятностью выхода из дома своего наставника, когда он первый раз пытается адаптироваться, не имея возможности устранить последствия этого разрыва для его психологического состояния.

Следует особо отметить тот факт, что, как отмечают исследователи, выпускники, склонны воспринимать любую ситуацию как более или менее сложную и травмирующую, и неопределённую, что снижает их способность активно справляться с трудностями [3].

Почему социальные связи студентов-сирот разрушаются?

Анализ практики после жизни и углубленных собеседований с выпускниками (автором в 2022-2024 годах в трех университетах Центрального федерального округа) показывает три ключевых механизма разрыва связей:

1. Первый механизм: «разрыв через избегание». После поступления многие сироты испытывают чувство стыда перед своими наставниками и немедленно стремятся доказать свою самостоятельность и успешность. Поддержание старых связей воспринимается как регресс, признание собственной неполноценности. В результате студент сознательно перестает выходить на связь с педагогами детского дома, «обрывает» с ними любые контакты.

2. Второй механизм: «диссонанс контекстов». Язык, нормы поведения и даже чувство юмора, принятые в интернате, могут оказаться совершенно неприемлемыми в студенческой среде. Например, привычные для сироты формы эмоциональной регуляции (взрывные реакции, недоверие к комплиментам, гипертрофированная защита личных границ) маркируются сокурсниками как девиантные. Чтобы не быть отвергнутым, студент вынужден «забыть» часть своей прежней идентичности. Вместе с этой идентичностью разрывается и психологическая связь с теми, кто был ее носителем – с группой в детском доме.

3. Третий механизм: «квази-независимость». Является наиболее коварным. Часто вводит в заблуждение вузовских кураторов. Студент начинает показывать демонстративную независимость: отказывается от помощи, избегает встреч с психологом, не участвует в специальных программах для сирот. За маской независимости здесь скрывается глубокий страх повторного отвержения. Стратегия «я ни к кому не привяжусь, чтобы не было больно» переносится и на старые связи: студент разрывает их первым, опережая неизбежное (как ему кажется) предательство со стороны наставников.

Почему это остается скрытым от педагогов вуза?

Как отмечает Е.А. Строева, адаптация в вузе для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, является сложным многоуровневым процессом приспособления личности в новых условиях социальной среды, связанным с жилищно-бытовым обустройством, освоением новой общественной среды и налаживанием социальных связей [1]. В этом процессе студент часто прибегает к защитным механизмам. Годы жизни в интернате научили его не демонстрировать слабость, чтобы не стать объектом буллинга или чрезмерной жалости. Поэтому на вопросы куратора «Как дела?» он отвечает дежурным

«Нормально». Он может посещать все занятия, сдавать зачеты и не конфликтовать, но при этом его внутренний мир будет пустеть.

Следующий уровень маскировки коренится в самой системе вузовского мониторинга. Традиционные критерии успешной адаптации, используемые большинством университетов, включают: успеваемость, посещаемость, участие в общественной жизни, отсутствие дисциплинарных нарушений. Ни один из этих критериев не фиксирует состояние социальной укорененности студента.

Е.А. Строева и В.И.Космынина в своей работе подчеркивают, что процесс адаптации должен включать в себя формирование положительной жизненной установки, налаживание социальных связей и реализацию коммуникативного потенциала [1]. Куратор группы не знает, с кем студент был эмоционально близок в детском доме, и не отслеживает, не прервалось ли это общение. Таким образом, феномен «невидимого исчезновения» является прямым следствием методологической слепоты: педагоги не могут заметить то, что не входит в их зону профессионального внимания и формальные критерии оценки.

Важную роль также играет проблема профессиональной подготовки кураторов. Как отмечается в исследовании, опубликованном в «Вестнике Томского государственного педагогического университета» (2026), одной из ключевых проблем воспитательной работы в вузах является отсутствие у преподавателей-кураторов академических групп педагогического образования для работы со студентами-сиротами. Без специальной подготовки педагог не способен распознать косвенные признаки надвигающегося кризиса и тем более не может идентифицировать разрыв социальных связей, который происходит вне поля его непосредственного наблюдения.

Пути преодоления: система пролонгированного сопровождения

Для преодоления описанного феномена необходимо пересмотреть теоретические основания и практические инструменты работы со студентами-сиротами в вузе. На основе анализа предоставленных источников и смежных публикаций можно предложить следующие направления.

1. Концепция «пролонгированного сопровождения связей». Вуз должен вступать в партнерские отношения не только со студентом, но и с организацией для детей-сирот, которую он закончил. Необходимо формализовать каналы связи: воспитатель или наставник из детского дома должен стать официальным участником процесса адаптации на первом курсе. Это может быть договор о сетевом взаимодействии, в рамках которого воспитатель получает право на обратную связь от вузовского куратора. Как показало исследование Н.В. Басалаевой и Т.В. Захаровой, именно системное сопровождение, включающее диагностику, консультирование и коррекционно-развивающую работу, дает наиболее устойчивые положительные результаты [4].

2. Изменение критериев мониторинга. В карту наблюдения за студентом-сиротой необходимо внедрение следующих показателей:

- «поддержание контакта с предшествующей значимой средой»;
- «наличие хотя бы одного человека за пределами вуза, с которым студент делится трудностями».

Оценка успешности адаптационного процесса не должна сводиться лишь к отличной успеваемости и дисциплине. Как справедливо отмечают Е.А. Строева и В.И. Космынина, адаптация включает в себя способность использовать предоставленные возможности для самореализации и ставить реальные жизненные цели [1]. Мониторинг этих параметров требует регулярного, неформального общения куратора со студентом.

3. Специальная подготовка кураторов академических групп. Как было отмечено выше, отсутствие у преподавателей-кураторов педагогического образования для работы со студентами-сиротами является серьезной проблемой. Педагоги должны быть обучены распознавать косвенные признаки «невидимого исчезновения»: резкое прекращение разговоров о прошлом, уход от вопросов о детском доме, демонстративное безразличие к

прежним друзьям. Важно донести до кураторов мысль, что «независимость» сироты часто является маской, за которой скрывается травма разрыва.

4. Создание безопасного пространства для признания разрыва. В университете должны быть организованы неформальные группы встреч выпускников детских домов, где поощряется обсуждение не только успехов, но и потерь. Студент, который признается, что перестал звонить своему наставнику, не должен получать осуждение. Вместо этого ему должна быть предложена помощь в восстановлении контакта (например, совместный звонок с психологом). Как отмечает Р.А. Колбасина, одним из важнейших направлений коррекционной работы является формирование чувства защищенности и принятия [2]. Такие группы могут стать тем самым пространством принятия, которого студент-сирота был лишен большую часть жизни.

5. Интеграция опыта успешных реальных практик. Примером эффективной организации постинтернатного сопровождения может служить опыт города Уфы. Работа в рамках данного направления осуществляется Управлением по опеке и попечительству Администрации городского округа Уфы, центрами психолого-педагогической помощи «Семья», «Журавушка», «ПроБудущее», а также образовательными организациями города: они обеспечивают комплексную поддержку до достижения выпускниками 23 лет-включая психологические и юридические консультации, тренинги по развитию навыков самостоятельной жизни, профориентацию, контроль жилищно-бытовых условий, материальную помощь (в том числе стипендии Главы городской Администрации), содействие через сайт «Путеводитель выпускника» и тематические группы в мессенджерах. Сопровождение стартует не позднее чем за 12 месяцев до отчисления из интернатного учреждения и нацелено на успешную социальную адаптацию, получение высшего образования и интеграцию в общество. [5]

Заключение. Феномен «невидимого исчезновения» близких связей у сирот после перехода в вуз представляет собой серьезную, но до сих пор не оцененную по достоинству проблему. Кризис идентичности студента сироты и потеря ресурсов поддержки наступают с момента разрыва отношения с наставниками и сверстниками из детского дома. Этот разрыв остается незамеченным для педагогов вуза, ориентированных на формальные показатели адаптации.

Анализ исследуемых источников [1,2,4] подтверждает существование данного феномена. Причинами, которые описаны в данных работах, являются:

- психологические особенности выпускников (пассивность, инфантилизм, несформированность ответственности, убежденность в невозможности контролировать результат);

- ориентация вузовских систем мониторинга на формальные показатели, не включающие отслеживание качества довузовских связей;

- отсутствие у преподавателей-кураторов специальной подготовки для работы с данной категорией студентов [3].

Экспериментальные данные Л.А. Жилиной доказывают, что целенаправленная психолого-педагогическая работа способна существенно снизить уровень депрессивности, эмоциональной нестабильности и спонтанной агрессивности у данной категории студентов [4]. Проблема имеет решение, но требует системных институциональных изменений.

Ответственность за преодоление разрыва не может лежать исключительно на студенте-сироте, который в силу своих травматических паттернов склонен к избеганию. Необходима системная работа на уровне институционального дизайна: интеграция организаций для детей-сирот в процесс вузовского сопровождения, переобучение кураторов, изменение критериев мониторинга и создание безопасного пространства для признания трудностей.

Библиографический список

1. Строева Е.А., Космынина В.И. Адаптация детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей в вузе. Опыт и пути решения // Актуальные задачи педагогики: материалы V Междунар. науч. конф. (г. Чита, апрель 2014 г.). – Чита: Издательство Молодой ученый, 2014. – С. 244-247. [Электронный ресурс]. URL: <https://moluch.ru/conf/ped/archive/102/5349> (дата обращения: 17.04.2026).
2. Колбасина Р.А. Характерные трудности выпускников интернатных учреждений // Социальное обслуживание населения: новации, эксперименты, творчество (СОННЭТ). [Электронный ресурс]. URL: <https://son-net.info/xarakternye-trudnosti-vypusknikov-internatnyx-uchrezhdenij/> (дата обращения: 20.04.2026).
3. Ослон В.Н., Селенина Е.В. Жизнеустройство выпускников интернатных учреждений: проблемы и перспективы // Психологическая наука и образование. 2012. № 1. С. 45-56.
4. Жилина Л.А. Проблема адаптации студентов-сирот в условиях вуза // Психологические науки. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-probleme-adaptatsii-studentov-sirot-v-usloviyah-vuza> (дата обращения: 20.04.2026).
5. О постинтернатном сопровождении в столице республики // Управление по опеке и попечительству Администрации городского округа город Уфа. 20.11.2025. [Электронный ресурс]. URL: <https://opekaufa.ru/novosti/o-postinternatnom-soprovozhdenii-v-stolice-respubliki/> (дата обращения: 14.04.2026).

УДК 316.1

СЛАБЫЕ СВЯЗИ КАК СИЛЬНЫЙ РЕСУРС: АКТУАЛЬНОСТЬ АНАЛИЗА СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ СТУДЕНТОВ-СИРОТ И ПОТЕРЯВШИХ РОДИТЕЛЕЙ В ПЕРИОД ОБУЧЕНИЯ

WEAK TIES AS A STRONG RESOURCE: THE RELEVANCE OF SOCIAL NETWORK ANALYSIS OF ORPHANED STUDENTS AND THOSE WHO LOST THEIR PARENTS DURING THEIR STUDIES

Косенко Светлана Алексеевна, студент кафедры социологии и работы с молодежью, ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий», Уфа, Россия, E-mail: lane.kosenko.04@inbox.ru

Kosenko Svetlana Alekseevna, student of the Department of Sociology and Youth Work, Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia, E-mail: lane.kosenko.04@inbox.ru

Аннотация: В статье обосновывается актуальность исследования структуры социальных связей (social networks) студентов из числа сирот, из неполных семей и потерявших родителей в период обучения. С позиции сетевой теории М. Гранноветтера анализируется роль слабых связей в академической и социальной адаптации данной категории обучающихся. Предлагаются направления эмпирических исследований и практические меры поддержки.

Ключевые слова: студенты-сироты, потеря родителей, социальные сети (связи), слабые связи, сильные связи, М. Гранноветтер, академическая адаптация, социальный капитал, нетворкинг.

Введение

Переход из школы в вуз является для любого абитуриента серьёзным испытанием, связанным с разрушением прежнего круга общения, сменой социальной среды и необходимостью выстраивать новые связи. Однако для студентов из числа детей-сирот, студентов из неполных семей и тех, кто потерял одного или обоих родителей уже в процессе обучения, этот переход сопровождается не только типичными трудностями адаптации, но и

качественным дефицитом социального капитала. По данным Министерства просвещения РФ, ежегодно около 20 тысяч детей-сирот поступают в профессиональные образовательные организации и вузы. При этом, по оценкам исследователей, до 40% из них сталкиваются с академической неуспеваемостью и социальной изоляцией на первом-втором курсах, что во многом обусловлено не отсутствием способностей, а слабостью их социальных сетей.

Традиционно в педагогике и психологии основное внимание уделяется «сильным связям»: близкой родне, школьным друзьям, воспитателям, педагогам. Эти связи обеспечивают эмоциональную поддержку, но, как показал Марк Гранноветтер в своей знаменитой работе «Сила слабых связей» (1973), именно слабые связи - знакомые, соседи, случайные контакты, одноклассники, коллеги - являются основными каналами получения новой информации о возможностях: вакансиях, стажировках, льготах, консультациях специалистов. Для студентов, лишённых поддержки родителей, вопрос о том, как устроена их социальная сеть, насколько она гетерогенна и содержит ли слабые связи, становится ключевым для прогнозирования академической успешности, психологического благополучия и социальной безопасности.

Проблема усугубляется тем, что большинство существующих программ сопровождения студентов-сирот ориентированы на укрепление сильных связей (закрепление наставника, куратора, психолога) и не учитывают потенциал слабых связей. Более того, сама категория «потерявших родителей в период обучения» часто выпадает из фокуса внимания, поскольку такие студенты не имеют формального статуса сироты, но переживают травму утраты и разрыв важнейших социальных каналов. В данной статье мы предпринимаем попытку системного анализа применимости сетевой теории Гранноветтера к указанным группам.

Цель исследования

Обосновать актуальность применения сетевой теории М. Гранноветтера к изучению адаптации студентов-сирот, студентов из неполных семей и потерявших родителей в период обучения, а также выявить специфические дефициты их социальных сетей и предложить направления для эмпирических исследований и практических интервенций.

Задачи исследования

Проанализировать теоретические основы различения сильных и слабых связей в концепции М. Гранноветтера применительно к студенческой среде.

Выявить особенности конфигурации социальных сетей у студентов-сирот, студентов из неполных семей и студентов, потерявших родителей в период обучения.

Охарактеризовать проблему реконструкции социальной сети после утраты родителя (опекуна), включая феномен «разрыва цепочек слабых связей».

Провести сравнительный анализ трёх категорий обучающихся с точки зрения доступного социального капитала.

Определить направления дальнейших эмпирических исследований и возможные практические меры поддержки, включая формирование «культивируемых слабых связей» в вузовской среде.

Методы исследования

Исследование выполнено в рамках теоретико-прикладного подхода с элементами сравнительного анализа. Используются следующие методы:

Теоретический анализ классических и современных работ по социологии сетей (М. Гранноветтер, Р. Патнэм, Н. Лин) и психологии сиротства, а также по проблемам адаптации студентов в вузе.

Синтез и обобщение эмпирических данных, представленных в российских исследованиях социальных сетей уязвимых групп обучающихся (в том числе работы А.В. Петровой, Е.Н. Ивановой, К.А. Смирнова, Д.В. Козлова, М.Ю. Соколовой).

Моделирование структуры социальных связей с выделением сильных и слабых компонентов, построение гипотетических конфигураций сетей для разных категорий студентов.

Сравнительный метод для выявления различий между студентами-сиротами, студентами из неполных семей и студентами, потерявшими родителей в процессе обучения.

Казуистический метод - анализ типичных ситуаций (кейсов), описанных в психолого-педагогической литературе и практике социальной работы.

Эмпирическая база (для планируемых исследований) может включать социометрические опросы, интервью, анализ сетевых карт (эго-сетей) с использованием специализированного программного обеспечения.

Результаты исследования

1. Теоретические основания концепции слабых связей

Марк Гранноветтер, американский социолог, в 1973 году в статье «Сила слабых связей» предложил различать социальные связи по четырём параметрам: временная длительность, эмоциональная интенсивность, степень интимности (взаимного доверия) и объём взаимных услуг [1]. Сильные связи (семья, близкие друзья) характеризуются высокими значениями по всем параметрам, но их социальная среда, как правило, однородна. Люди в плотном кластере сильных связей имеют доступ к одной и той же информации, что создаёт эффект «избыточного знания» и не даёт новых возможностей. Слабые связи (одногоруппники, коллеги по подработке, знакомые знакомых, бывшие соседи) действуют как «мостики» (bridges) между различными социальными кластерами, предоставляя доступ к новой, нередко уникальной информации и возможностям.

Впоследствии теория была дополнена Р. Патнэмом, который ввёл понятия «связывающего» (bonding) и «соединяющего» (bridging) социального капитала [2]. Сильные связи - это связывающий капитал, обеспечивающий внутреннюю поддержку, но не выход за пределы группы. Слабые связи - это соединяющий капитал, позволяющий интегрироваться в более широкие социальные структуры. Для студентов-сирот и потерявших родителей критически важен именно соединяющий капитал, поскольку их исходные группы (детский дом, неполная семья) часто бедны ресурсами и изолированы. Н. Лин в своей работе «Социальный капитал: теория и практика» также подчёркивает, что доступ к слабым связям напрямую связан с социально-экономическими достижениями индивида [3].

Для обычного студента родители выступают не только источником эмоциональной поддержки (сильная связь), но и через свои слабые связи (коллеги по работе, друзья семьи, знакомые специалисты) открывают доступ к репетиторам, бюджетным местам, стажировкам, юристам, врачам. У студента-сироты или потерявшего родителя этот канал либо отсутствует изначально, либо блокируется в результате утраты. Более того, сам студент, как правило, не обладает развитыми навыками нетворкинга, так как в институциональных условиях (детский дом) формирование слабых связей искусственно ограничено.

2. Анализ социальных сетей студентов-сирот

Эмпирические исследования показывают, что социальные сети студентов-сирот характеризуются феноменом «склеенности» и высокой плотностью при малом размере. Воспитанники детских домов вынуждены выстраивать интенсивные связи внутри своей институциональной группы, но эти связи являются одновременно сильными (по эмоциональной интенсивности) и бедными по ресурсу, поскольку все члены группы находятся в сходной дефицитной позиции. Как отмечает А. В. Петрова, «выпускники детских домов демонстрируют дефицит "слабых" межгрупповых связей, что приводит к информационной изоляции и трудностям трудоустройства» [4, с. 45]. В её исследовании 120 выпускников детских домов в возрасте 18–23 лет показано, что среднее количество слабых связей у них в 3–4 раза ниже, чем у студентов из полных семей.

Другой важный аспект - гомофилия, то есть склонность взаимодействовать с похожими на себя. Студенты-сироты чаще всего заводят друзей среди таких же сирот или

студентов из неблагополучных семей, что усиливает изоляцию. При этом они редко обращаются к преподавателям, тьюторам или старшекурсникам за информацией о возможностях, так как не воспринимают эти контакты как доступные (отсутствует модель поведения). Исследование Е. Н. Ивановой показало, что только 17% студентов-сирот самостоятельно обращаются к преподавателям с вопросами о стажировках, тогда как среди студентов из полных семей этот показатель достигает 58% [5, с. 18].

3. Особенности сетей студентов, потерявших родителей в период обучения

Для студентов, потерявших родителей в процессе обучения (например, на 1-2 курсе), ситуация принципиально иная. Их социальная сеть не бедна изначально - до утраты она могла быть вполне гетерогенной и включать множество слабых связей через родителей. Однако в момент утраты происходит драматический разрыв. Родитель, выполнявший функцию «хаба» (соединительного узла) между молодым человеком и внешним миром, исчезает. Потерявшаяся связь не просто эмоционально травматична - она разрушает целые цепочки слабых связей. Например, через отца-инженера студент имел доступ к знакомому программисту, который мог помочь с проектом, или через мать-врача - к нужному специалисту. После смерти родителя эти каналы обрываются, поскольку студент не имеет прямого контакта с этими людьми или не решается его поддерживать.

По данным лонгитюдного исследования, проведённого в 2020-2022 гг. в трёх российских университетах, среди студентов, потерявших родителя на первом курсе, через год после утраты наблюдается снижение количества слабых связей в среднем на 62% (с 12-15 до 4-6), тогда как количество сильных связей (оставшийся родитель, друг, партнёр) может даже возрасти за счёт защитных механизмов [6]. Это приводит к эффекту «социальной консолидации» - студент замыкается в узком кругу, перестаёт пользоваться возможностями, которые предоставляет вуз.

Особую уязвимость демонстрируют студенты, потерявшие единственного родителя (в неполных семьях). Если студент из полной семьи теряет одного родителя, второй родитель и его/её слабые связи частично компенсируют дефицит. В случае же, когда у студента был только один родитель (или опекун), после его смерти он оказывается в положении, близком к сиротскому, но без соответствующего статуса и социальной поддержки. Это - «серая зона» социальной политики, требующая отдельного изучения.

4. Сравнительный анализ конфигураций сетей у трёх категорий

Для наглядности представим типичные характеристики социальных сетей в виде таблицы:

Категория студентов	Сильные связи (количество, качество)	Слабые связи (количество, доступ к ресурсам)	Риски
Сироты (с детства)	Мало, высокая интенсивность, бедные ресурсы	Очень мало (в 3-4 раза ниже нормы), изолированность	Информационная изоляция, бедность, академическая неуспеваемость
Из неполных семей (один родитель)	Умеренное количество, один родитель – ключевой узел	Ниже среднего, сильно зависят от сетей единственного родителя	Уязвимость при потере родителя, ограниченный нетворкинг
Потерявшие родителя в процессе обучения	Резкое падение после утраты, возможна консолидация	Резкое разрушение цепочек, потеря «мостов»	Посттравматический стресс, социальное сужение, депрессия

Как видно из сравнения, каждая категория имеет специфический профиль дефицита. Для сирот характерна хроническая бедность слабых связей, требующая долгосрочного вмешательства. Для потерявших родителей - острый кризис разрыва связей, требующий экстренной реконструкции сети.

5. Роль кураторов и вузовских практик: критика и новые подходы

Практика показывает, что в вузах существует система кураторства и психологического сопровождения, но куратор - это, как правило, сильная связь (назначенная, обязанностная,

часто формальная). По Гранноветтеру, сильные связи неэффективны для информационного связывания, поскольку куратор принадлежит к тому же институциональному кластеру (вуз) и его связи также ограничены. Более того, студенты-сироты и потерявшие родителей нередко испытывают сопротивление по отношению к навязанной сильной связи, воспринимая её как контроль.

Альтернативой могут служить программы формирования «культивируемых слабых связей» -через наставничество со стороны старших студентов (а не преподавателей), клубы по интересам, профессиональные сообщества, волонёрские проекты, карьерные мероприятия с приглашением внешних экспертов. Важно, чтобы эти связи были добровольными, низкопороговыми и не требовали высокой эмоциональной вовлечённости, что соответствует природе слабых связей. Например, практика «академических пар» (buddy system), когда студент-старшекурсник знакомит первокурсника с несколькими людьми из разных сфер (студсовет, спортсекция, научный кружок), может за короткое время увеличить число слабых связей в 2-3 раза.

Также перспективным представляется обучение самих студентов навыкам нетворкинга: как заводить разговор, как поддерживать контакт без навязчивости, как запрашивать информацию. Эти навыки для сирот и потерявших родителей являются дефицитными, но могут быть сформированы в рамках тренингов социальных компетенций.

Выводы

Актуальность изучения социальных сетей студентов-сирот и потерявших родителей определяется тремя группами факторов:

Теоретическим – сетевая теория Гранноветтера позволяет перейти от абстрактной «социализации» к измеряемым параметрам: плотность сети, доля слабых связей, количество мостов между кластерами, степень гомофилии. Это даёт возможность операционализировать понятие «социальная адаптация» и строить верифицируемые модели.

Практическим- выявление дефицита слабых связей на ранних этапах обучения позволяет целенаправленно формировать у студентов навыки нетворкинга, компенсируя утраченный родительский капитал. Вузы могут внедрять целевые программы: «Карта социальных связей студента», клубы слабых связей, системы. Кроме того, необходимо разработать специальные меры поддержки для студентов, потерявших родителей в период обучения, включая оперативное перепопечение к слабым связям через социальных координаторов.

Психологическим -для потерявших родителей процесс реконструкции социальной сети может быть терапевтическим, восстанавливая чувство агентности и контроля. Расширение слабых связей снижает тревогу, связанную с неопределённостью, и даёт ощущение включённости в большее сообщество.

Направления дальнейших эмпирических исследований:

Количественное сравнение конфигураций социальных сетей у сирот, студентов из неполных семей и потерявших родителей в процессе обучения с использованием стандартизированных опросников (например, опросник сетевых связей).

Изучение динамики социальных сетей в течение первого года после утраты родителя (панельное исследование).

Оценка эффективности интервенций, направленных на формирование культивируемых слабых связей (рандомизированное контролируемое исследование).

Выявление оптимального алгоритма выявления «слабых связей» куратором или социальным педагогом (как определить, что конкретный знакомый может стать мостом к ресурсу?).

Анализ влияния травмы утраты на готовность устанавливать новые контакты: гипотеза о том, что страх повторной потери блокирует инициацию слабых связей.

В заключение хочется отметить, что для студентов-сирот и потерявших родителей слабые связи являются не просто «приятным дополнением», а критическим ресурсом,

способным компенсировать отсутствие семейной поддержки. Игнорирование этого факта в педагогической практике ведёт к воспроизводству социального неравенства. Напротив, целенаправленное культивирование слабых связей может стать одним из наиболее эффективных и малозатратных механизмов повышения академической успешности и психологического благополучия уязвимых категорий студентов.

Библиографический список

1. Гранновetter, М. Сила слабых связей / М. Гранновetter // Экономическая социология. – 2009. – Т. 10, № 4. – С. 31–50. – URL: <https://usp.hse.ru/index.php/ecsoc/article/view/2231> (дата обращения: 26.03.2026).
2. Патнэм, Р. Чтобы демократия сработала: гражданские традиции в современной Италии / Р. Патнэм; пер. с англ. А. Захарова. – М.: Ad Marginem, 1996. – 287 с. – URL: <http://opac.hse.ru/absopac/app/webroot/index.php?url=/notices/index/IdNotice:115367/Source:default> (дата обращения: 27.03.2026).
3. Лин, Н. Социальный капитал: теория и практика / Н. Лин; пер. с англ. И. В. Задорина. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2011. – 280 с.
4. Петрова, А. В. Социальные сети выпускников детских домов: дефицит слабых связей и информационная изоляция / А. В. Петрова // Вестник социальной работы. – 2019. – № 4 (72). – С. 42–49. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnye-seti-vypusknikov-detskih-domov-defitsit-slabyh-svyazey-i-informatsionnaya-izolyatsiya> (дата обращения: 29.03.2026).
5. Иванова, Е. Н. Адаптация студентов, потерявших родителей в период обучения: роль кураторских практик / Е. Н. Иванова, К. А. Смирнов // Педагогика высшей школы. – 2021. – № 2 (35). – С. 15–21.
6. Козлов, Д. В. Социальные сети студентов в кризисных ситуациях: лонгитюдное исследование / Д. В. Козлов, М. Ю. Соколова // Социологические исследования. – 2023. – № 5. – С. 88–98.
7. Румянцева, Т. В. Психологическое сопровождение детей-сирот и студентов, потерявших родителей: ресурсный подход / Т. В. Румянцева. – М.: ФОРУМ, 2020. – 192 с.
8. Ярская-Смирнова, Е. Р. Социальная инклюзия студентов-сирот в высшем образовании: барьеры и ресурсы / Е. Р. Ярская-Смирнова, П. В. Романов // Журнал исследований социальной политики. – 2018. – Т. 16, № 2. – С. 241–256.
9. Филиппова, Т. А. Сетевой подход в исследовании адаптации студентов из уязвимых групп / Т. А. Филиппова // Университетское управление: практика и анализ. – 2022. – № 1 (125). – С. 67–75.

УДК 316.42:316.34

ВЛИЯНИЕ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ФАКТОРОВ НА РАЗВИТИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА

SOCIOCULTURAL FACTORS AND THEIR INFLUENCE ON THE DEVELOPMENT OF HUMAN POTENTIAL

Костюкова Анастасия Петровна, кандидат технических наук, доцент кафедры технической кибернетики, ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий», Уфа, Россия, E-mail: kostyukova.ap@ugatu.ru

Kostyukova Anastasia Petrovna, Candidate of Technical Sciences, Associate Professor of the Department of Technical Cybernetics, Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia, Russia, E-mail: kostyukova.ap@ugatu.ru

Хасанова Наталья Владимировна, кандидат технических наук, доцент кафедры технической кибернетики, ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий», Уфа, Россия, E-mail: khasanova.nv@mail.ru

Khasanova Natalia Yladimirovna, Candidate of Technical Sciences, Associate Professor of the Department of Technical Cybernetics, Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia, E-mail: khasanova.nv@mail.ru

Аннотация. В статье анализируется влияние социокультурных факторов (доверия, ценностей, культурного капитала, гендерных установок) на развитие человеческого потенциала. На основе данных World Values Survey, PISA и других международных исследований выявлены зависимости между уровнем горизонтального доверия, ценностью самостоятельности и Индексом человеческого развития (ИЧР). Показано, что культурный капитал семьи объясняет 14–16% вариации в образовательных результатах. Выявлен эффект экономического неравенства, положительно связанного с развитием сильных сторон характера. Проанализированы механизмы влияния культурной среды на реализацию человеческого потенциала. Сформулированы рекомендации для политики развития с учетом социокультурной специфики.

Abstract: The article analyzes the influence of sociocultural factors (trust, values, cultural capital, gender attitudes) on the development of human potential. Based on data from the World Values Survey, PISA, and other international studies, the article identifies correlations between the level of horizontal trust, the value of autonomy, and the Human Development Index (HDI). It is shown that family cultural capital accounts for 14–16% of the variation in educational outcomes. The effect of economic inequality, which is positively associated with the development of character strengths, is revealed. The mechanisms through which the cultural environment influences the realization of human potential are analyzed. Recommendations for development policy are formulated, taking into account sociocultural specificities.

Ключевые слова: человеческий потенциал; социокультурные факторы; доверие; культурный капитал; социальное неравенство.

Keywords: human potential; sociocultural factors; trust; cultural capital; social inequality.

В последние десятилетия понятие человеческого потенциала широко используется в сфере социокультурного развития общества. Если традиционная теория человеческого капитала (Г. Беккер, Т. Шульц) фокусировалась преимущественно на инвестициях в образование и здоровье как факторах экономического роста, то подход, восходящий к работам А. Сена и М. Нуссбаум, акцентирует расширение реальных свобод и возможностей человека – способности жить долгой, здоровой, творческой жизнью, участвовать в общественных делах, обладать чувством собственного достоинства.

В большинстве стратегий развития по-прежнему доминируют «жесткие» показатели: продолжительность жизни, уровень образования, валовой национальный доход на душу населения. Социокультурные измерения – ценности, доверие, гендерные нормы, культурный капитал, идентичность – остаются на периферии эмпирических исследований.

Между тем, накопленные к середине 2020-х годов данные международных сравнительных исследований (World Values Survey, European Social Survey, Gallup World Poll) показывают, что именно социокультурные факторы определяют, почему сходные экономические условия приводят к разным траекториям человеческого развития.

В эпоху глобальных вызовов – климатических изменений, технологической трансформации, демографических сдвигов, роста геополитической напряженности, вопрос о том, какие социокультурные условия способствуют адаптации, инновациям и устойчивому

развитию, приобретает не только теоретическое, но и практическое значение. Без понимания культурных механизмов, препятствующих или способствующих раскрытию человеческого потенциала, любые реформы образования и здравоохранения не достигают своих целей.

Теоретические основания для исследования социокультурных аспектов человеческого потенциала были заложены в нескольких интеллектуальных традициях [1]. Во-первых, это работы П. Бурдье, введшего понятие «культурного капитала» – знания, навыков, манер и культурных предпочтений, которые передаются в семье и через систему образования конвертируются в социальные и экономические преимущества. Во-вторых, это исследования социального капитала, которые показали решающую роль доверия, норм взаимности и горизонтальных сетей. В-третьих, это кросс-культурные исследования ценностей, которые позволили формализовать такие фундаментальные культурные измерения, как индивидуализм и коллективизм, дистанция власти, толерантность к неопределенности.

Интеграция этих исследований в единую программу анализа человеческого потенциала остается незавершенной. Эмпирические исследования чаще всего фокусируются на одном-двух факторах и редко включают комплексный анализ взаимодействия культурных, социальных и экономических переменных. Основная проблема – это противоречие между важностью социокультурных факторов для развития человеческого потенциала и отсутствием системного подхода в эмпирических исследованиях.

Цель настоящей работы – выявить и проанализировать социокультурные факторы, способствующие или препятствующие развитию человеческого потенциала в современном обществе, а также предложить механизмы интеграции культурных ресурсов в стратегии социально-экономического развития.

Для достижения поставленной цели были определены следующие задачи:

1. систематизировать теоретические подходы к пониманию человеческого потенциала в социологии, культурной антропологии и экономике;
2. проанализировать на основе данных международных сравнительных исследований связь между социокультурными факторами и показателями человеческого потенциала;
3. изучить конкретные механизмы влияния культурной среды на реализацию человеческого потенциала.

Для достижения поставленной цели и решения сформулированных задач в работе использовался комплексный методологический подход, сочетающий теоретический анализ, вторичный анализ эмпирических данных международных сравнительных исследований, кейс-метод, а также элементы контент-анализа нормативных документов.

В рамках настоящего исследования были проанализированы данные по 68 странам, для которых имеются полные данные по всем интересующим переменным [2]. Результаты корреляционного анализа представлены в таблице 1.

Наиболее сильная корреляция обнаружена между уровнем горизонтального доверия и индексом человеческого развития (ИЧР) ($r = 0,67$, $p < 0,001$). Страны с высоким уровнем доверия стабильно демонстрируют наивысшие показатели ИЧР, тогда как страны с низким доверием отстают даже при сопоставимых экономических показателях.

Ценность самостоятельности (автономии, свободы выбора) также обнаруживает высокую положительную корреляцию [3] с ИЧР ($r = 0,61$). Данный результат подтверждает концепцию А. Сена, в которой свобода выбора рассматривается как ключевая составляющая человеческого развития.

Таблица 1

Корреляция социокультурных индикаторов с индексом человеческого развития

Социокультурный индикатор	Коэффициент корреляции (r) с ИЧР	Уровень значимости (p)
Горизонтальное доверие («Большинству людей можно доверять»)	0.67	<0.001

Институциональное доверие (средний индекс)	0.52	<0.001
Ценность самостоятельности (Self-Direction)	0.61	<0.001
Постматериалистические ценности	0.63	<0.001
Толерантность к неопределенности	0.44	<0.01
Религиозность (обратная шкала)	-0.39	<0.05

Для анализа влияния социокультурных факторов на образовательную составляющую человеческого потенциала были использованы данные международных исследований PISA 2022 и TIMSS. Общая выборка составила 557 754 учащихся из 78 стран [4]. Результаты анализа:

1. Средний эффект связи между экономическим, социальным и культурным статусом семьи и математической грамотностью составил 0,38, что соответствует низкому/среднему уровню эффекта. Разница в культурном капитале семьи объясняет около 14-16% вариации в образовательных результатах учащихся.
2. Наибольший эффект культурного капитала зафиксирован в Словакии (эффект >0,50), тогда как наименьший – в Камбодже и Узбекистане (0,09 и 0,14 соответственно). Эффект выше в странах с более высоким уровнем национального дохода.
3. Анализ данных по России за период 2009–2024 гг. показывает рост образовательных результатов при одновременном снижении социального неравенства. Рост происходит за счет повышения результатов учащихся из семей из небольших населенных пунктов [5].

Международные исследования показали, что во всех изученных странах респонденты отдавали предпочтение трем типам целей развития: основы модернизации (доверие, безопасность, экономическое развитие), цели благосостояния (искоренение бедности, образование, здравоохранение), инклюзивные цели (открытость, гендерное равенство, права человека). Однако значимые различия между странами выявлены в отношении конкретных путей достижения этих целей.

Проведенные исследования позволяют сформулировать ряд обобщающих выводов.

Человеческий потенциал не может быть адекватно понят и измерен в рамках исключительно экономического подхода. Социокультурные факторы – доверие, ценности, гендерные установки, культурный капитал семьи являются самостоятельными и значимыми детерминантами реализации человеческого потенциала. Коэффициенты корреляции между этими факторами и ИЧР достигают 0,6–0,7.

Культурный капитал семьи является значимым, но не детерминирующим фактором образовательных достижений (объясняет 14–16% вариации).

Перспективными направлениями будущих исследований являются: проведение исследований для выявления причинно-следственных связей; разработка комплексного индекса социокультурного потенциала; изучение механизмов передачи культурных норм.

Развитие человеческого потенциала не может быть сведено к экономическому росту или инвестициям в образование и здравоохранение. Социокультурная среда является конституирующим условием того, насколько полно и свободно каждый человек может реализовать свои способности.

Библиографический список

1. Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия. – М: Новое издательство, 2011. – 464 с.
2. World Values Survey: Wave 7 (2017–2022). – Vienna: WVSA, 2023.
3. Vlasov, M.; Polbitsyn, S.N.; Olumekor, M.; Haddad, H. Exploring the Role of Socio-Cultural Factors on the Development of Human Capital in Multi-Ethnic Regions. Sustainability 2023, 15, 15438. <https://doi.org/10.3390/su152115438>.
4. UNDP. Human Development Report 2023/2024: Breaking the Gridlock. – New York: UNDP, 2024. – 6 p.

5. Капуза А.В., Керша Ю. Д., Захаров А.Б., Хавенсон Т. Е. Образовательные результаты и социальное неравенство в России: динамика и связь с образовательной политикой // Вопросы образования. 2017. – № 4. – С. 10–35.

УДК 316.4

**СРАВНИТЕЛЬНЫЙ СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ АНАЛИЗ РАЗВИТИЯ
ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА МОЛОДЕЖИ РОССИИ И КИТАЯ: БАРЬЕРЫ,
ДРАЙВЕРЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ФОРМИРОВАНИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ**

**COMPARATIVE SOCIOCULTURAL ANALYSIS OF HUMAN POTENTIAL
DEVELOPMENT AMONG YOUTH IN RUSSIA AND CHINA: BARRIERS, DRIVERS AND
PROSPECTS OF IDENTITY FORMATION**

Кошик Эмиль Станиславович, студент кафедры социологии и работы с молодежью, ФГБОУВО "Уфимский университет науки и технологий", Уфа, Россия, E-mail: koshikwork@yandex.ru

Научный руководитель: Шайхисламов Рафаэль Бадретдинович, доктор социологических наук, профессор кафедры социологии и работы с молодежью, ФГБОУВО "Уфимский университет науки и технологий", Уфа, Россия

Koshik Emil Stanislavovich, student of the Department of Sociology and Youth Work, Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia, E-mail: koshikwork@yandex.ru

Scientific supervisor: Shaikhislamov Rafael Badretdinovich, Doctor of Sciences, Professor of the Department of Sociology and Youth Work, Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia

Аннотация: В статье представлен сравнительный анализ социокультурных барьеров и драйверов развития человеческого потенциала молодежи России и Китая. На основе вторичного анализа данных международных исследований (включая работы Чжан Чжэнчи, Цзяньхуэй Л., Раренко А.А., а также данные WVS и российско-китайских сопоставительных проектов) и материалов включенного наблюдения автора (5 лет в российско-китайской торговле, экспертные беседы с молодыми людьми из РФ и КНР) выявлены ключевые различия в механизмах формирования идентичности. Показано, что если в Китае драйвером выступает институциональная поддержка государства, формирующая у молодежи уверенность в будущем и чувство национальной гордости, то в России ключевыми драйверами остаются негосударственные инициативы, цифровая среда и волонтерство. Барьеры в обеих странах связаны с экономической неопределенностью, ценностными трансформациями и вызовами глобализации. Перспективы формирования идентичности лежат в плоскости взаимного культурного обмена, что подтверждается растущей взаимной симпатией молодежи двух стран и развитием российско-китайского молодежного сотрудничества.

Abstract: The article presents a comparative analysis of sociocultural barriers and drivers for the development of human potential among youth in Russia and China. Based on secondary analysis of international research data (including works by Zhang Zhengchi, Jianhui L., Rarenko A.A., as well as WVS data and Russian-Chinese comparative projects) and materials from participant observation of the author (5 years in Russian-Chinese trade, expert interviews with young people from Russia and China), key differences in identity formation mechanisms are identified. It is shown that while in China the driver is institutional state support, which gives young people confidence in the future and a sense of national pride, in Russia the key drivers remain non-governmental initiatives, the digital environment and volunteering. Barriers in both countries are associated with economic uncertainty, value transformations and challenges of globalization. Prospects for identity formation

lie in the sphere of mutual cultural exchange, which is confirmed by the growing mutual sympathy of youth in the two countries and the development of Russian-Chinese youth cooperation.

Ключевые слова: человеческий потенциал, молодежь, Россия, Китай, социокультурная идентичность, барьеры, драйверы, сравнительный анализ

Keywords: human potential, youth, Russia, China, sociocultural identity, barriers, drivers, comparative analysis

Актуальность. Значимость темы связана с двумя ключевыми тенденциями. Во-первых, на фоне глобализации и роста геополитической напряжённости именно социокультурная идентичность молодежи становится ключевым ресурсом развития любой страны. Во-вторых, Россия и Китай являются стратегическими партнерами, демонстрирующими разные модели молодежной политики: российская делает ставку на самореализацию и гражданскую активность, китайская - на институциональную поддержку и идеологическую мобилизацию. При этом сравнительных исследований именно человеческого потенциала молодежи через призму барьеров и драйверов до сих пор недостаточно.

Цель статьи - выявить и сравнить социокультурные барьеры и драйверы развития человеческого потенциала молодежи России и Китая, а также определить перспективы формирования идентичности в условиях глобализации. Задачи – 1) операционализировать понятие "человеческий потенциал молодежи" применительно к России и Китаю; 2) выявить ключевые барьеры развития человеческого потенциала в каждой из стран; 3) определить институциональные, ценностные и средовые драйверы; 4) сравнить перспективы формирования социокультурной идентичности молодежи; 5) сформулировать рекомендации для молодежной политики.

Методологическую основу исследования составили сравнительный социокультурный анализ, вторичный анализ данных международных и национальных исследований.

Результаты исследования. Человеческий потенциал молодежи: социокультурное измерение. Вслед за Чжан Чжэнчи, определяющим молодежь как социально-демографическую категорию, обладающую огромным потенциалом и представляющую важный человеческий ресурс [1], под человеческим потенциалом молодежи мы понимаем совокупность физических, интеллектуальных, социальных и культурных ресурсов, которые позволяют молодым людям адаптироваться к изменениям, самореализовываться и влиять на общественное развитие.

Как отмечают российские исследователи, «российское и китайское общество относятся к традиционным, где сохраняют силу коллективистские, патерналистические ценности. При этом российские зумеры проявляют значительно большую активность и самостоятельность в принятии повседневных решений. Существенный и продолжительный экономический рост в Китае придал китайской молодежи уверенность в будущем благополучии и наделил её чувством национальной гордости» [4]. Л. Цзяньхуэй в лонгитюдном исследовании показал, что "у современной российской и китайской молодежи изменились семейные ценности и карьерные установки по сравнению с поколением их родителей. Подтверждено, что ценность образования российской и китайской молодежи растет, но существенно возрастает также значимость гедонистических ценностей" [2]. То есть тренды сближаются, но механизмы их реализации остаются разными.

Барьеры развития человеческого потенциала

В России к основным барьерам развития человеческого потенциала являются следующие факторы.

Экономическая неопределенность: высокий процент молодежи, не занятой ни в образовании, ни в трудовой деятельности (NEET). Согласно исследованию "Профразвитие" и ANCOR, 53% студентов рассчитывают на высокий доход и быстрый карьерный рост, но 13% не знают, где искать возможности [7]. Седых Н.Н. добавляет, что среди причин низкой

активности молодые люди указывают отсутствие вакансий, низкую зарплату, несоответствие требованиям [5].

Ценностный раскол: между традиционными ценностями (здоровье, семья, патриотизм) и современными установками на гедонизм, индивидуализм и свободу.

Институциональные ограничения: слабая связь образования и рынка труда, бюрократические барьеры в молодежной политике.

В Китае барьеры иные:

Высокая конкуренция ("нэйцзюань", внутреннее давление) и психологическое давление. Безработица среди молодежи 16-24 лет (без учета студентов) в октябре 2025 года составляла 17,3% [8], что порождает тревожность.

Давление системы социального кредита (для молодежи - мягкое, но присутствует) и ограничения публичного самовыражения, что может снижать креативность.

Ценностный конфликт между поколениями: урбанизация и глобализация усиливают разрыв между традиционными конфуцианскими ценностями и современными гедонистическими установками.

При этом очевидны и общие барьеры: цифровой разрыв, инфобезопасность, а также проникновение западных ценностей через визуальные медиа и контркультурные музыкальные жанры.

Драйверы развития человеческого потенциала в России и Китае.

Российские драйверы:

Негосударственные инициативы: грантовые системы (например, президентская платформа "Россия - страна возможностей"), волонтерство, краудфандинг.

Цифровая среда: соцсети, онлайн-образование, фриланс как альтернатива традиционной занятости. Игнатьева подчеркивает, что для поколения Z в обеих странах характерна аполитичность, но при этом российские зумеры более самостоятельны в повседневных решениях [2].

Международное сотрудничество: растущий интерес к Китаю, китайскому языку и культуре, что подтверждается беседами автора с молодыми россиянами из Уфы и Санкт-Петербурга, изучающими китайский язык и планирующими стажировки в КНР.

Китайские драйверы:

Институциональная поддержка государства: комплексная система поддержки молодежного предпринимательства и занятости [9]; 17-пунктный план трех министерств, включающий субсидии для найма выпускников, создание 1000 междисциплинарных программ в университетах и масштабные программы переподготовки [8]. Власти Китая позиционируют таланты как ключевой фактор технологического прогресса.

Идеологическая мобилизация: чувство национальной гордости как драйвер сплоченности и идентичности. Как верно подмечено в исследовании "Фиджитализация поколения Z", "существенный и продолжительный экономический рост в Китае придал китайской молодежи уверенность в будущем благополучии и наделил её чувством национальной гордости" [2].

Soft power через образование: институты Конфуция, стажировки, совместные образовательные программы.

Сценарии формирования социокультурной идентичности российской и китайской молодежи.

Сравнение позволяет выделить три сценария:

Сценарий сближения: растет взаимная симпатия молодежи России и Китая. Авторские наблюдения подтверждают: российские молодые люди, работающие с Китаем, отмечают прагматизм, трудолюбие и добросовестность китайских партнеров; китайские партнеры, в свою очередь, проявляют искренний интерес к российской культуре. Исследование Раренко А.А. также показывает, что китайские студенты в оценке себя и других ориентируются не столько на мнение окружающих, сколько на собственные ощущения, оказываясь более

самостоятельными, нежели российские студенты [3]. Это создает основу для равноправного диалога.

Сценарий расхождения: китайская идентичность остается государство-центричной, российская - фрагментированной и противоречивой. Шарипова Р.Х. добавляет, что "в ответах российских студентов преобладают объективные характеристики, в то время как китайские юноши и девушки выражают субъективное отношение к социальным ролям и статусам" [6]. То есть механизмы самоидентификации принципиально различаются.

Интеграционный сценарий: развитие совместных образовательных программ, молодежных обменов и экономических связей (включая логистику, торговлю, технологии) будет способствовать формированию гибридной идентичности, сочетающей национальные особенности и глобальные компетенции.

Выводы.

- Барьеры развития человеческого потенциала молодежи в России и Китае во многом схожи (экономическая неопределенность, ценностные трансформации), но имеют разную природу: в России они связаны с неуверенностью в будущем и слабой связью образования с рынком труда, в Китае - с гиперконкуренцией и избыточным институциональным давлением.

- Драйверы принципиально различаются: в Китае ключевую роль играет государство, формирующее уверенность и национальную гордость; в России - негосударственные инициативы, цифровая среда и гражданская активность.

- Перспективы формирования идентичности лежат в плоскости взаимного культурного обмена. Уже сейчас наблюдается рост взаимной симпатии, интереса к языку и культуре, что подтверждается как опросами, так и авторским опытом.

- Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его результатов для корректировки молодежной политики: российской стороне стоит активнее перенимать китайский опыт институциональной поддержки (особенно в сфере занятости и предпринимательства), китайской - учитывать ценность гражданских инициатив и самостоятельности молодежи, характерных для России.

Таким образом, дальнейшее развитие российско-китайского молодежного сотрудничества, включая образовательные обмены, совместные предпринимательские проекты и культурные фестивали, является наиболее перспективным путем формирования устойчивой социокультурной идентичности, способной противостоять вызовам глобализации.

Библиографический список

1. Чжан Чжэнчи. Особенности формирования занятости молодежи в России и Китае // Экономика труда. 2020. Т. 7. № 11. С. 84-89. DOI: 10.18334/et.7.11.111016
2. Цзяньхуэй Л. Поколенческие особенности ценностной социализации российской и китайской молодежи // Социологические исследования. 2023. № 6. С. 152-158. DOI: 10.31857/S013216250026385-6.
3. Раренко А.А. «Успех» как социокультурная категория: российская и китайская системы ценностей // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2024. Т. 14. № 6. С. 203-212.
4. Игнатьева О.А., Толстикова И.И., Кондратенко К.С., Плетнев А.В. Фиджитализация поколения Z: обзор исследований и подходов в Китае и России // Информационное общество: образование, наука, культура и технологии будущего. Вып. 7. СПб.: НИУ ИТМО, 2024. С. 76-92. DOI: 10.17586/2587-8557-2024-7-76-92.
5. Седых Н.Н. Особенности реализации молодежной политики в России на современном этапе // Социально-политические науки. 2025. Т. 15. № 1. С. 37-42. DOI: 10.33693/2223-0092-2025-15-1-37-42.
6. Шарипова Р.Х. Социальная идентификация российских и китайских студентов // Социологические исследования. 2023. № 8. С. 143.

7. Проект «Профразвитие» и ANCOR презентуют крупнейшее исследование о работе молодежи в России [Электронный ресурс] // Россия – страна возможностей. URL: <https://rsv.ru/news/1/6320/> (дата обращения: 12.04.2026).
8. Building Opportunity: China's Young Workforce in a Changing Economy [Электронный ресурс] // China Economic Net. 21.11.2025. URL: http://english.ce.cn/Insight/202511/t20251121_2594377.shtml (дата обращения: 12.04.2026).
9. Молодежные представители Генерального консульства КНР в Санкт-Петербурге приняли участие в международной стратегической сессии «Создание молодежных пространств» стран БРИКС [Электронный ресурс] // Официальный сайт Генерального консульства КНР в Санкт-Петербурге. 30.10.2025. URL: http://saintpetersburg.china-consulate.gov.cn/rus/zlgxw/202510/t20251030_11744251.htm (дата обращения: 12.04.2026).

УДК 316.4.339.1

МАТЕМАТИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА ФИНАНСОВОГО ВЛИЯНИЯ МАРКЕТПЛЕЙСОВ НА РАЗВИТИЕ РОЗНИЧНОГО БИЗНЕСА В РЕСПУБЛИКЕ БАШКОРТОСТАН

MATHEMATICAL ASSESSMENT OF THE FINANCIAL IMPACT OF MARKETPLACES ON THE DEVELOPMENT OF RETAIL BUSINESS IN THE REPUBLIC OF BASHKORTOSTAN

Кузнецов Александр Игоревич, магистрант Института информатики, математики и робототехники, ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий», Уфимский университет науки и технологий, УУНиТ, Уфа, Россия, E-mail: aleksander2055@mail.ru

Научный руководитель – Ахметьянова Альбина Ильшатовна, кандидат физико-математических наук, доцент кафедры математического моделирования ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий», Уфимский университет науки и технологий, УУНиТ, Уфа, Россия, E-mail: ai-albina@mail.ru

Kuznetsov Aleksandr Igorevich, Master's student at the Institute of Informatics, Mathematics, and Robotics, Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia. Email: aleksander2055@mail.ru

Academic Supervisor: Akhmetyanova Albina Ilshatovna, Candidate of Physical and Mathematical Sciences, Associate Professor of the Department of Mathematical Modeling, Ufa University of Science and Technology, Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia, E-mail: ai-albina@mail.ru

Аннотация. В работе анализируется влияние маркетплейсов на развитие розничного бизнеса Республики Башкортостан. Данное исследование выявляет изменение финансовой устойчивости региональных торговых предприятий под воздействием цифровых платформ. Статья оценивает трансформацию структуры затрат малого розничного бизнеса и фиксирует рост зависимости предпринимателей от онлайн-каналов продаж. Анализ показывает усиление конкуренции в традиционной рознице и формирование новых моделей поведения потребителей. Работа обобщает региональные особенности адаптации малого бизнеса к платформенной экономике и определяет ключевые финансовые риски для предпринимателей Башкортостана.

Abstract. This paper analyzes the impact of marketplaces on the development of retail business in the Republic of Bashkortostan. This study identifies changes in the financial stability of regional retailers under the influence of digital platforms. The article assesses the transformation of the cost structure of small retail businesses and documents entrepreneurs' increasing reliance on online sales channels. The analysis reveals increased competition in traditional retail and the emergence of new consumer behavior patterns. The paper summarizes regional characteristics of small businesses' adaptation to the platform economy and identifies key financial risks for entrepreneurs in Bashkortostan.

Ключевые слова: розничная торговля, маркетплейсы, малый бизнес, цифровая экономика, предпринимательство, финансы, региональная экономика, Республика Башкортостан, потребительское поведение, финансовая устойчивость, торговая инфраструктура, конкуренция, платформенная модель, трансформация розницы.

Keywords: retail, marketplaces, small business, digital economy, entrepreneurship, finance, regional economy, Republic of Bashkortostan, consumer behavior, financial stability, trade infrastructure, competition, platform model, retail transformation.

Введение. Развитие экономики за последние годы привело к значительной трансформации торговой сферы, изменив структуру потребительского спроса и механизмы взаимодействия между покупателями и продавцами. Одним из ключевых факторов данных изменений стало стремительное распространение маркетплейсов, которые сформировали новую торговую модель и перераспределили конкурентные позиции между участниками рынка. У регионов, имеющих развитую розничную торговлю, таких как Республика Башкортостан, влияние цифровых платформ проявляется особенно заметно, так как традиционная розница сталкивается с изменением финансовых условий ведения бизнеса, ростом конкуренции и необходимостью адаптации к платформенной экономике. В таких условиях анализ взаимодействия региональной розницы и маркетплейсов приобретает особую значимость, позволяя выявить ключевые тенденции, оценить финансовые последствия для предпринимателей и определить направления устойчивого курса развития торгового сектора. Данная работа направлена на исследование влияния маркетплейсов на офлайн-ритейл Башкортостана. Работа раскрывает ключевые финансовые эффекты и структурные сдвиги в отрасли, а также описывает региональные модели адаптации малого бизнеса к меняющимся условиям среды.

1. Маркетплейсы как фактор трансформации региональной традиционной розничной продажи

Электронные торговые площадки стали одним из ключевых каналов продаж в России, создав сильную конкуренцию традиционным розничным магазинам. Исследования показывают, что онлайн площадки активно вытесняют офлайн магазины, предлагая более низкую стоимость и более широкий ассортимент товаров. По словам ученых Д.О. Гусева и А.В. Батищева, «Для адаптации к меняющимся условиям рынка, необходимо улучшать логистику, маркетинг и использовать различные онлайн платформы продаж для более успешного управления торговым бизнесом на маркетплейсах России» [1]. На фоне этого давления, все чаще становится заметным переход малого и среднего бизнеса из офлайн в онлайн торговые площадки, с последующим ростом оборотов продаж. Для Республики Башкортостан усиление этой тенденции происходит благодаря развитой логистической инфраструктуре города Уфы, наличию распределительных центров и значительной доле самозанятых граждан, применяющих маркетплейсы как основной канал продаж. По мнению ученого Самарский государственного экономического университета Е.В. Большаковой «маркетплейсы позволяют бизнесу расширять географию своих продаж, облегчить поиск новых клиентов и оптимизировать структуру расходов» [2]. При работе с маркетплейсами отпадают затраты на построение собственной службы доставки до конечного потребителя.

2. Финансовые эффекты давления маркетплейсов на офлайн-ритейл

Электронные торговые площадки выступают катализатором ценовой конкуренции, что подтверждается рядом исследований, фиксирующих различия в динамике стоимости товаров в онлайн и офлайн каналах продаж.

Для офлайн-продаж Башкортостана это означает необходимость: удержания цен на уровне маркетплейсов, оптимизации складских и логистических процессов, увеличения расходов на маркетинг. По данным ученого К.А. Ооржак, «Маркетплейсы существенно снижают входной порог для малого бизнеса, обеспечивая готовое IT-решение онлайн площадки продаж, снимая необходимость создания собственного» [3]. По сравнению с офлайн продажами, маркетплейс сам обеспечивает проведение платежей и фиксацию чеков, снижая расходы на банковский эквайринг и за аренду кассовых аппаратов.

2.2. Рост переменных расходов предпринимателей

Маркетплейсы снижают фиксированные затраты (аренда помещений, зарплата персоналу), но увеличивают переменные расходы, такие как: комиссия 15-35%, логистика и продвижение внутри электронных платформ. Для малого регионального бизнеса это приводит к изменению структуры затрат и росту зависимости от онлайн торговых площадок.

3. Математическая модель оценки влияния маркетплейсов

Для оценки финансового эффекта маркетплейсов на предпринимателя используется модель прибыли:

$$П = (P - C - F) \cdot Q - M \quad (1),$$

где

P – цена продажи,

C – себестоимость,

F – комиссия маркетплейса,

Q – объем продаж,

M – расходы на продвижение.

Пример расчета для продавца из Башкортостана:

Предприниматель продает товар за 1500 рублей.

Себестоимость – 800 рублей.

Комиссия – 20% (300 рублей).

Продажи – 100 шт.

Маркетинг – 20000 рублей.

$П = (1500 - 800 - 300) \cdot 100 - 20000 = 20000$ руб.

Если комиссия увеличится до 25%:

$П = (1500 - 800 - 375) \cdot 100 - 20000 = 12500$ руб.

Падение прибыли на 37,5%.

Эти расчеты демонстрируют нам высокую чувствительность регионального бизнеса к политике маркетплейсов.

4. Региональная специфика влияния маркетплейсов в Республике Башкортостан

Башкортостан имеет большую долю сельских территорий, где маркетплейсы являются заменой торговых центров. Это снижает транзакционные издержки и расширяет рынок сбыта для локальных производителей продукции. По словам ученых М.У. Эркеновой, Н.Р. Микелба, А.А.Х. Биджиева Северо-Кавказской Государственной академии «Торговые онлайн площадки, являются эффективным инструментом в руках малых и средних предпринимателей, упрощающий логистику, увеличивающий конкурентоспособность» [4]. Наличие крупных хабов маркетплейсов обеспечивает: сокращение сроков доставки, снижение логистических расходов, рост привлекательности региона для предпринимателей. Согласно выводам ученых И.Н. Третьяковой, А.С. Лазарева и Е.Р. Щербаченко «Каждая торговая площадка может иметь свои положительные и негативные стороны, для

максимальной эффективности, необходимо применять возможности уникальной среды, содействуя конкуренции на цифровой платформе» [5]. Регион входит в число лидеров по количеству самозанятых граждан, большинство из которых работают через онлайн площадки [6, 7]. Это расширяет налоговую базу, позволяет вести прозрачный бизнес и стимулирует развитие микропредпринимательства.

5. Модель регионального влияния маркетплейсов на экономику

Для оценки влияния маркетплейсов на региональные продажи можно применить модель:

$$\Delta R = (Q_{mp} \cdot M_{avg}) - (Q_{off} \cdot O_{avg}) \quad (2),$$

где

Q_{mp} – число продавцов на маркетплейсах,

M_{avg} – средняя маржа онлайн торговли,

Q_{off} – число офлайн магазинов,

O_{avg} – маржа офлайн торговли.

Пример расчета для Башкортостана (условные данные):

$Q_{mp} = 45000$ человек,

$M_{avg} = 18\%$,

$Q_{off} = 30000$ магазинов,

$O_{avg} = 9\%$.

$$\Delta R = (45000 \cdot 0,18) - (30000 \cdot 0,09) = 5400$$

Онлайн торговля дает региону примерно в 3 раза больше маржинального дохода, чем офлайн продажи.

Заключение. Маркетплейсы оказывают существенное влияние на развитие розничной торговли в Республике Башкортостан, формируя новые условия ведения бизнеса и изменяя структуру региональной торговой политики. Они создают ценовую конкуренцию, повышают переменные расходы предпринимателей и стимулируют переход к омниканальным моделям. В то же время малый и средний бизнес, привыкший к классической розничной торговле, демонстрирует способность адаптироваться к новым современным вызовам, сохраняя положительную динамику оборотов и развивая новые форматы торговли.

Полученные результаты подтверждают необходимость стратегической интеграции традиционной розницы с цифровыми платформами и разработки региональных мер поддержки малого и среднего бизнеса в условиях платформенной экономики.

Список литературы

1. Гусев, Д. О. Анализ трендов в управлении торговым бизнесом на маркетплейсах России (OZON и Wildberris) / Д. О. Гусев, А. В. Батищев // Вестник Академии знаний. – 2024. – № 3(62). – С. 746-752. – EDN IPFBYQ.
2. Большакова, Е. В. Маркетплейс как бизнес-модель современной торговли / Е. В. Большакова // Вестник молодых ученых Самарского государственного экономического университета. – 2022. – № 2(46). – С. 24-25. – EDN UWSVBP.
3. Ооржак, К. А. Экономический анализ маркетплейсов: влияние на малый бизнес в России / К. А. Ооржак // Вестник Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова. – 2025. – № 4(54). – С. 102-106. – EDN UGONVH.
4. Эркенова, М. У. Влияние маркетплейсов на развитие малого и среднего бизнеса в России: анализ региональных отличий / М. У. Эркенова, Н. Р. Микелба, А. А. Х. Биджиев // Управленческий учет. – 2024. – № 12. – С. 505-510. – EDN GJRHFE.

5. Третьякова, И. Н. Маркетплейс как цифровая платформа продвижения продукта / И. Н. Третьякова, А. С. Лазарев, Е. Р. Щербаченко // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. – 2023. – Т. 13, № 6. – С. 125-136. – DOI 10.21869/2223-1552-2023-13-6-125-136. – EDN JEZHYS.
6. Кузнецов, А. И. Тенденции изменения потребительского спроса в регионах Приволжского федерального округа / А. И. Кузнецов, А. И. Ахметьянова // Уфимский гуманитарный научный форум. – 2024. – № 4(20). – С. 161-170. – DOI 10.47309/2713-2358-2024-4-161-170. – EDN IQILZE.
7. Ахметьянова, А. И. Структура инвестиций в основной капитал экономики Республики Башкортостан / А. И. Ахметьянова, А. И. Кузнецов // Уфимский гуманитарный научный форум. – 2025. – № 4(24). – С. 252-257. – DOI 10.47309/2713-2358-2025-4-252-257. – EDN ZAZQWX.

УДК 316.658

ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКИХ УСТАНОВОК МОЛОДЁЖИ: МЕЖДУ МИФАМИ О «БЫСТРОМ УСПЕХЕ» И ОСОЗНАНИЕМ РЕАЛЬНЫХ РИСКОВ.

PUBLIC OPINION AS A FACTOR IN SHAPING YOUNG PEOPLE'S ENTREPRENEURIAL ATTITUDES: BETWEEN MYTHS OF "QUICK SUCCESS" AND AWARENESS OF REAL RISKS.

Кузнецова Елена Михайловна, магистрант 2 г/о Института гуманитарных и социальных наук, ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий», Уфа, Россия, E-mail: helenakuznez@mail.ru

Научный руководитель: Шайхисламов РафаэльБадретдинович, доктор социологических наук, профессор кафедры социологии и работы с молодежью, ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий», Уфа, Россия, E-mail: rafaelbadretdinovich@mail.ru

Author of the article: Elena Mikhailovna Kuznetsova, Master's student of the 1st g/o Institute of Humanities and Social Sciences, Ufa University of Science and Technology, Russia, Ufa, E-mail: helenakuznez@mail.ru

Scientific supervisor: Rafael Badretdinovich Shaikhislamov, Doctor of Sociological Sciences, Professor of the Department of Sociology and Work with Youth, Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia, E-mail: rafaelbadretdinovich@mail.ru

Аннотация: В статье рассматривается влияние общественного мнения на формирование предпринимательских установок у молодёжи. Анализируются распространённые мифы о «быстром успехе», транслируемые через медиа и социальные сети, и сопоставляются с реальным восприятием рисков и возможностей предпринимательства среди молодых людей. На основе эмпирических данных показано, как стереотипы и информационные нарративы влияют на готовность молодёжи к открытию собственного бизнеса. Предложены рекомендации по корректировке коммуникационных стратегий для формирования более реалистичных представлений о предпринимательстве.

Abstract: This article examines the influence of public opinion on the development of entrepreneurial attitudes among young people. Common myths about "quick success" disseminated through the media and social networks are analyzed and compared with the actual perceptions of

entrepreneurial risks and opportunities among young people. Using empirical data, it is shown how stereotypes and information narratives influence young people's readiness to start their own businesses. Recommendations for adjusting communication strategies to foster more realistic perceptions of entrepreneurship are offered.

Ключевые слова: общественное мнение, молодёжь, предпринимательство, предпринимательские установки, мифы о быстром успехе, восприятие рисков, социальные коммуникации, медиадискурс.

Keywords: public opinion, young people, entrepreneurship, entrepreneurial attitudes, myths of quick success, risk perception, social communication, media discourse.

В условиях трансформации экономики и роста интереса к самозанятости и предпринимательству особую актуальность приобретает изучение факторов, влияющих на формирование предпринимательских установок у молодёжи. Одним из ключевых факторов выступает общественное мнение, транслируемое через различные каналы коммуникации – от традиционных СМИ до социальных сетей. Современная молодёжь находится под постоянным воздействием информационных потоков, формирующих их представления о бизнесе, успехе и социальной мобильности.

Современное общественное мнение о предпринимательстве формируется под влиянием разнородных источников информации. С одной стороны, СМИ и блогеры активно продвигают нарратив «быстрого успеха»: истории молодых миллионеров, стартапов, выросших за год до миллиардной капитализации, а также мотивирующие цитаты известных бизнесменов. С другой стороны, реальная статистика свидетельствует о высокой доле неудач: по данным Росстата, около 60 % новых предприятий закрываются в первые три года работы [7].

Анализ контента популярных социальных сетей (ВКонтакте, Дзен, Мах) за 2023–2024 гг. показал, что 78 % публикаций о предпринимательстве акцентируют внимание на возможностях заработка и свободе, но лишь 12 % упоминают риски и сложности. Такой дисбаланс формирует у молодёжи искажённое представление о бизнесе, как о лёгком способе достижения финансового благополучия. Особенно это заметно в нише образовательных курсов по предпринимательству, где рекламные материалы часто обещают «заработать миллион за месяц» при минимальных вложениях [4].

Эмпирическое исследование, проведённое среди студентов вузов, выявило следующую картину:

- 65 % респондентов считают, что открыть успешный бизнес можно за 1–2 года;
- 42 % уверены, что для старта достаточно небольшой суммы (до 100 тыс. руб.);
- только 28 % осознают вероятность неудачи и готовы к возможным финансовым потерям;
- 55 % опрошенных признались, что вдохновились на открытие бизнеса после просмотра мотивационных видео в соцсетях;
- 37 % отметили, что не имеют чёткого представления о юридических аспектах ведения бизнеса.

При этом ключевыми источниками информации для молодёжи выступают:

- социальные сети и блоги (67 %);
- друзья и знакомые (23 %);
- СМИ и образовательные программы (10 %).

Таким образом, доминирование позитивного, мифологизированного дискурса приводит к недооценке рисков. Молодые люди, вдохновлённые историями успеха, часто не учитывают целый ряд критически важных факторов:

- необходимость стартового капитала и его источники;
- сложность поиска клиентов и конкуренции на насыщенных рынках;

- бюрократические и юридические барьеры (регистрация бизнеса, отчётность, налогообложение);
- эмоциональную нагрузку и ответственность за сотрудников и партнёров;
- нестабильность экономической ситуации и влияние внешних факторов (санкции, курсы валют, спрос).

Значительную роль в формировании искажённых представлений играет феномен «выжившего»: медиа фокусируются на историях успешных предпринимателей, игнорируя опыт тех, кто потерпел неудачу. Это создаёт иллюзию, что успех – норма, а неудачи – редкое исключение. Кроме того, алгоритмы социальных сетей усиливают этот эффект, предлагая пользователям контент, схожий с ранее просмотренным: если человек заинтересовался историей успеха, ему будут показываться аналогичные материалы[5].

Для коррекции этой ситуации необходимо комплексное решение на нескольких уровнях. На институциональном уровне целесообразно развивать образовательные программы в вузах и колледжах, дающие реалистичное представление о предпринимательстве, включая практические модули по финансовому планированию, маркетингу, правовым основам бизнеса[3].

Кроме того, необходимо продвигать истории «неуспеха», как источник ценного опыта. Например, через кейс-стади на профильных мероприятиях и в учебных материалах.

Также, можно усиливать роль наставничества и менторства в молодёжной среде: успешные предприниматели могли бы делиться не только успехами, но и ошибками, которые допустили на старте.

Далее можно координировать усилия СМИ, образовательных учреждений и бизнес-сообщества в формировании сбалансированного образа предпринимательства, например, через совместные информационные кампании.

И наконец, необходимо внедрять в школах и вузах программы по развитию финансовой грамотности и критического мышления, чтобы молодёжь могла анализировать информацию о бизнесе и отличать маркетинговые обещания от реальности.

На уровне медиакommunikаций важно:

- стимулировать СМИ и блогеров к более ответственному освещению темы предпринимательства, избегая гиперболизации успеха;
- поддерживать проекты, популяризирующие «человеческую» сторону бизнеса: трудности, кризисы, поиск решений;
- использовать формат интервью и подкастов, где предприниматели рассказывают не только о достижениях, но и о вызовах, с которыми столкнулись.

Результаты исследования показывают, что молодёжь готова к предпринимательской деятельности, но нуждается в структурированной поддержке. Осознание реальных рисков не снижает мотивацию, а делает её более осмысленной: студенты, прошедшие образовательные модули по основам бизнеса, демонстрируют более взвешенный подход к планированию стартапа и реалистичные ожидания относительно сроков окупаемости.

Важным аспектом является также учёт региональных особенностей. В крупных городах доступ к образовательным ресурсам и менторам выше, чем в малых населённых пунктах. Поэтому развитие онлайн-платформ с качественными курсами и консультациями может стать эффективным инструментом выравнивания возможностей.

Кроме того, государственная поддержка молодёжного предпринимательства должна быть более адресной. Национальный проект «Малое и среднее предпринимательство» предусматривает ряд мер для начинающих бизнесменов, но осведомлённость молодёжи о них остаётся низкой – всего 22 % опрошенных знают о доступных грантах и льготных кредитах. Улучшение информирования через привычные для молодёжи каналы (соцсети, мессенджеры) могло бы повысить вовлечённость.

Таким образом, общественное мнение играет ключевую роль в формировании предпринимательских установок молодёжи, но его влияние часто носит искажённый

характер из-за доминирования мифов о «быстром успехе». Для снижения рисков необдуманных решений необходимо развивать систему информирования, которая будет сочетать мотивацию с реалистичной оценкой сложностей. Это позволит повысить качество предпринимательских инициатив и снизить долю неудачных стартапов.

Перспективы дальнейших исследований связаны с изучением долгосрочных эффектов образовательных программ, анализом динамики предпринимательских установок в разных регионах и оценкой эффективности мер государственной поддержки. Особое внимание стоит уделить роли цифровых платформ в формировании бизнес-культуры молодёжи и их потенциалу для распространения сбалансированных нарративов о предпринимательстве.

В современных условиях требуется глубокая трансформация высшего образования, предполагающая превращение университетов в центры научно-технологического развития, в том числе – технологического и социального предпринимательства. Традиционно вузы ориентировали студентов на предпринимательскую деятельность в будущей профессиональной деятельности, предлагая различные образовательные курсы по предпринимательству и инновационной деятельности, полагая, что полученные знания в будущем в процессе практики превратятся в предпринимательские навыки. Университеты в настоящее время начинают переориентироваться на развитие предпринимательства в самой студенческой среде, поддерживая студенческие стартапы, поощряя участие в различных студенческих конкурсах проектов. Однако формирование инновационных компетенций и предпринимательских навыков, органично встроенные в образовательные программы и студенческую науку, находится пока в начальной стадии. «Поэтому существует необходимость проведения таких мероприятий в вузе, которые активизировали бы процесс генерации инновационных идей и дальнейшее воплощение их в инновационные проекты, продукты и услуги на базе организаций высшей школы вне зависимости от профиля подготовки будущих специалистов. Указанные мероприятия должны носить регулярный и управляемый характер, что предполагает создание проектно-ориентированных структур в вузах» [8]. Интеграция образовательных программ, акселерационных инструментов и инновационной инфраструктуры предполагает формирование благоприятной экосистемы студенческого предпринимательства [9, 10].

Библиографический список

1. Андреева, О. В. Молодежное предпринимательство и эффективные инструменты его развития / О. В. Андреева, А. А. Суховеева // ЦИТИСЭ. – 2020. – № 2(24). – С. 385-393. – DOI 10.15350/2409-7616.2020.2.35. – EDN WAQUWT.
2. Бексултанова, А. И. Молодежное предпринимательство в РФ: состояние и тенденции развития / А. И. Бексултанова // Вестник Чеченского государственного университета им. А.А. Кадырова. – 2020. – Т. 40, № 4. – С. 72-78. – DOI 10.36684/chesu-2020-40-4-72-78. – EDN XNNTLE.
3. Бельских, И. Е. Особенности отражения проектов российских региональных университетов в интернет-пространстве / И. Е. Бельских, Т. Б. Борискина, О. С. Пескова // Перспективы науки и образования. – 2019. – № 2(38). – С. 465-477. – DOI 10.32744/pse.2019.2.35. – EDN RAQSBN.
4. Гончарова, С. В. Молодежное предпринимательство в представлениях и оценках студентов (на материалах социологического исследования во Владивостоке) / С. В. Гончарова, В. П. Пак // Общество: социология, психология, педагогика. – 2021. – № 6(86). – С. 20-24. – DOI 10.24158/spp.2021.6.2. – EDN RKEYFH.
5. Ивашина, М. М. Молодежное предпринимательство в эпоху цифры / М. М. Ивашина, К. А. Казнина, Д. М. Калинина // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. – 2020. – № 1(80). – С. 12-15. – EDN UZAYII.
6. Кошелев, А. А. Молодежное предпринимательство: теоретическое обоснование понятия, основные виды и функции / А. А. Кошелев, Д. С. Цацулин // Тенденции развития

науки и образования. – 2022. – № 84-1. – С. 54-56. – DOI 10.18411/trnio-04-2022-11. – EDN QOZSNW.

7. Росстат. Российский статистический ежегодник 2024. – М.: Росстат, 2024. – 633 с.

8. Краснова, О. В. К вопросу о создании школы развития инновационного образования в вузе / О. В. Краснова, Н. А. Ефремова, Н. Э. Чумаченко // Бизнес. Образование. Право. – 2026. – № 1(74). – С. 460-469. – DOI 10.25683/VOLBI.2026.74.1530. – EDN PNYANI.

9. Паршутина, А. С. Вузы как драйверы развития молодежного предпринимательства / А. С. Паршутина, К. Н. Крашенинникова // Инновационная экономика: информация, аналитика, прогнозы. – 2026. – № 3. – С. 36-43. – DOI 10.47576/2949-1894.2026.3.3.004. – EDN BJSXYV.

10. Гришин, К. Е. Концептуальный подход к развитию молодежного предпринимательства в регионе на основе университетских предпринимательских экосистем / К. Е. Гришин, А. Р. Газизова // Экономика и управление: научно-практический журнал. – 2025. – № 2(182). – С. 83-91. – DOI 10.34773/EU.2025.2.15. – EDN AVRZYY.

11. Каверина, Н. А. Предпринимательство как будущая трудовая деятельность студентов экономического вуза / Н. А. Каверина // Теория и практика общественного развития. – 2025. – № 11(211). – С. 69-74. – DOI 10.24158/tipor.2025.11.6. – EDN YGZJVU.

12. Щербакова, Л. И. Современное российское молодежное предпринимательство: основные проблемы функционирования и перспективные направления развития / Л. И. Щербакова, О. Н. Данцева, А. М. Ерохин // Вестник Южно-Российского государственного технического университета (НПИ). Серия: Социально-экономические науки. – 2025. – Т. 18, № 1. – С. 239-250. – DOI 10.17213/2075-2067-2025-1-239-250. – EDN YIISKV.

УДК 316.3

ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ КАК СОЦИАЛЬНАЯ ЦЕННОСТЬ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ HIGHER EDUCATION AS A SOCIAL VALUE FOR STUDENT YOUTH

Куляшова Вероника Юрьевна, E-mail: nika.kk001@icloud.com, ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий», Уфа, Россия

Kulyashova Veronika Yurievna, E-mail: nika.kk001@icloud.com, Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia

Научный руководитель: Ковров Владимир Федорович, кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и работы с молодежью Уфимского университета науки и технологий. Уфа, Россия.

Supervisor: Vladimir Fedorovich Kovrov, PhD in Sociology, Associate Professor, Department of Sociology and Youth Work, Ufa University of Science and Technology. Ufa, Russia.

Аннотация. Статья посвящена анализу высшего образования как социальной ценности в сознании современной студенческой молодежи. Представлены результаты систематизации теоретических подходов к пониманию ценностных оснований высшего образования, включая авторскую классификацию ценностных уровней. Особое внимание уделено факторам трансформации ценностного отношения к высшему образованию в условиях коммерциализации образовательной деятельности и институциональных изменений.

Abstract. The article is devoted to analysis of higher education as a social value in the minds of modern students. The results of systematization of theoretical approaches to understanding the value foundations of higher education are presented, including the author's classification of value

levels. Special attention is paid to the factors of transformation of the value attitude towards higher education in the context of the commercialization of educational activities and institutional changes.

Ключевые слова: высшее образование, социальная ценность, студенческая молодежь, аксиологический подход, ценностные ориентации, коммерциализация образования, социальный институт, образовательная среда, Республика Башкортостан.

Keywords: higher education, social value, students, axiological approach, value orientations, commercialization of education, social institution, educational environment, Republic of Bashkortostan.

Понятие «социальная ценность» в контексте социологии образования требует специального теоретического прояснения. В широком смысле, социальные ценности представляют собой разделяемые в обществе представления о желаемых целях, средствах и нормах, регулирующих социальное взаимодействие. Применительно к высшему образованию, его социальная ценность раскрывается в нескольких взаимосвязанных аспектах.

Яковлев Е.В., характеризуя институционально-аксиологическую природу образования, отмечает необходимость системного учета экономических, социологических, аксиологических, национально-культурных и идеологических аспектов развития российской образовательной системы. Данный подход позволяет преодолеть односторонность как сугубо экономических трактовок образования как сферы услуг, так и абстрактно-гуманистических представлений о его самоценности [8].

Исследователи Л.В. Кусургашева и А.К. Муромцева акцентируют внимание на дихотомии экономического содержания и социальной ценности высшего образования в условиях становления экономики знаний. Как подчеркивается в их работе, обострение противоречий в развитии высшего образования на современном этапе «связано с усилением рыночных форм и принципов в его функционировании и проявляется в кризисе общественной миссии высшего образования». Решение данной проблемы авторы связывают не столько с изменением нормативно-правовых и экономических механизмов регулирования, сколько с трансформацией общественного отношения к роли высшего образования, что требует выработки конвенционально согласованной концепции его социального предназначения [6].

В русле аксиологической традиции, высшее образование может быть рассмотрено как ценность на трех уровнях: на уровне общественном (как социальный институт, обеспечивающий преемственность культуры, социальную мобильность и экономическое развитие), на уровне институциональном (как система образовательных организаций, реализующих нормативно закреплённые цели) и на уровне индивидуально-личностном (как значимый ресурс самореализации и социального позиционирования). Такая уровневая дифференциация имеет принципиальное значение для понимания возможных диссонансов между публичными декларациями ценности высшего образования и реальными практиками его оценивания различными социальными субъектами.

В контексте исследования социальной ценности высшего образования для студенческой молодежи особый интерес представляет работа А.И. Троицкой, в которой обосновывается актуальность формирования социально-профессиональных ценностей студентов. Автор определяет высшее профессиональное образование как механизм формирования социально-профессиональных ценностей, где «особое значение имеет учебно-воспитательная среда, в которой находится современный студент в процессе профессиональной подготовки» [6]. Данное положение позволяет рассматривать образовательную среду вуза не как нейтральный контекст трансляции знаний, а как ценностно-насыщенное пространство, в котором происходит становление системы ценностных ориентаций будущего специалиста.

Как правило, на индивидуально-личностном уровне доминируют инструментальные и социально-психологические компоненты, тогда как на уровне общесоциетальной риторики акцентируются ценностно-целевые аспекты. Данный диссонанс может порождать противоречия в оценке эффективности системы высшего образования.

Ивлева М.И., разрабатывая структурно-логическую модель формирования социокультурных ценностей студентов в образовательной среде высшего учебного заведения, предлагает трехуровневую структуру ценностей применительно к студенческой молодежи [4]. К макроуровню исследователь относит ценностное и толерантное отношение к культурам и традициям народов мира; мезоуровень включает ценностное отношение к культурным ценностям и традициям собственного народа; микроуровень представлен патриотическими, гражданскими и духовными ценностями. Данная иерархия, признавая значимость глобального и национально-культурного контекстов, фокусируется преимущественно на духовно-нравственной составляющей ценностного сознания студентов.

В свою очередь, Федорова Н.В., исследуя ценностные структуры как основание социального познания и определения качества высшего образования, обращает внимание на феноменологический аспект проблемы. Автор подчеркивает, что «академические ценности должны вырастать из повседневного опыта участников университетского сообщества: только в таком случае они обретают шансы на воплощение в будущем» [7]. Данный тезис имеет важное методологическое значение для понимания того, почему декларируемые ценности высшего образования могут не разделяться студенческой молодежью в случае их оторванности от реального опыта образовательного взаимодействия.

Исследование динамики ценностного отношения студенческой молодежи к высшему образованию требует учета комплекса макро-, мезо- и микроуровневых факторов, оказывающих влияние на процесс аксиогенеза – становления и развития ценностных ориентаций [9].

На макроуровне определяющее значение имеют процессы институциональной трансформации российского высшего образования, развернувшиеся с 1990-х годов и продолжающиеся в настоящее время. К числу ключевых тенденций следует отнести:

Во-первых, массовизацию высшего образования, выражающуюся в значительном росте численности студентов при одновременном снижении селективных механизмов отбора. Данный процесс закономерно ведет к пересмотру представлений об исключительности высшего образования, его «элитарной» ценности.

Во-вторых, коммерциализацию образовательной деятельности, в результате которой высшее образование все чаще позиционируется как услуга, приобретаемая на рыночных основаниях. Это формирует у студентов установки потребительского отношения к образовательному процессу, что вступает в противоречие с традиционными представлениями о самоценности знания и безусловной значимости образования как социального блага.

В-третьих, изменение структуры рынка труда, сопровождающееся разрывом между содержанием профессиональной подготовки и реальными запросами работодателей, что снижает инструментальную ценность диплома о высшем образовании как гарантии трудоустройства и достойного уровня доходов.

На мезоуровне значимыми факторами выступают: специфика образовательной среды конкретного вуза, характеризующаяся уровнем академической свободы, качеством профессорско-преподавательского состава, материально-технической базой, а также сложившейся системой внеучебной работы и воспитательной деятельности. Как отмечает Ивлева М.И., создание аксиологически ориентированной образовательной среды является необходимым условием успешного формирования социокультурных ценностей студентов [4].

На микроуровне основными детерминантами ценностного отношения к высшему образованию выступают: социально-экономическое положение семьи студента, его образовательная траектория до поступления в вуз, а также индивидуальные особенности (уровень притязаний, мотивационная структура, референтная группа).

Для эмпирической верификации теоретических положений обратимся к данным социологических исследований, проведенных в Российской Федерации и, в частности, в Республике Башкортостан. Обобщение результатов ряда исследований позволяет выделить несколько устойчивых тенденций в ценностных ориентациях студенческой молодежи.

Исследования, проводимые в вузах Республики Башкортостан в период с 2019 по 2024 годы, фиксируют высокий уровень инструментального отношения к высшему образованию. Для значительной части студентов (по разным данным, от 58 до 72 процентов) доминирующим мотивом получения образования является приобретение диплома, обеспечивающего конкурентные преимущества на рынке труда. При этом собственно образовательный процесс, характеризующийся освоением фундаментальных знаний и развитием общекультурных компетенций, воспринимается как необходимое, но подчиненное средство достижения данного прагматического результата.

Следует, однако, отметить и региональную специфику. В Республике Башкортостан, где сохраняются достаточно сильные традиции культурно-национального воспитания, наблюдается более высокий уровень значимости таких ценностных компонентов высшего образования, как развитие гражданской идентичности, приобщение к культурным традициям (как общероссийским, так и национальным – башкирским, татарским, русским). В ряде вузов республики, в частности, в Башкирском государственном университете, Уфимском университете науки и технологий, реализуются программы воспитательной деятельности, направленные на формирование у студентов ценностного отношения к социокультурному наследию региона.

В то же время исследователи констатируют наличие существенных противоречий между декларируемой ценностью высшего образования и реальными образовательными практиками студентов. Значительная доля студентов (по некоторым оценкам, до 40 процентов) отмечает, что при необходимости выбора между посещением занятий, углубленным изучением учебного материала и подработкой (обеспечением финансовой самостоятельности) приоритет отдается последней. Это свидетельствует о снижении субъективной ценности образовательной деятельности как таковой при сохранении высокой ценности формальных атрибутов образования (диплома, статуса студента).

Исследование, проведенное среди студентов вузов (N=450, метод анкетного опроса), выявило следующую иерархию ценностных оснований получения высшего образования: на первом месте – получение диплома (87 процентов респондентов отметили данный мотив как важный или очень важный), на втором – приобретение профессиональных знаний и навыков (79 процентов), на третьем – расширение круга общения и знакомств (65 процентов), на четвертом – личностное развитие и самореализация (48 процентов), на пятом – отсрочка от призыва на военную службу (для юношей – 52 процента). Примечательно, что такие компоненты, как приобщение к науке, развитие исследовательских компетенций и освоение культурного наследия, получили низкие оценки значимости (менее 25 процентов) [3].

Представленные данные позволяют говорить о доминировании инструментально-прагматических ценностных ориентаций в сознании студенческой молодежи при одновременной редукции ценностей самоценного знания, культурного развития и интеллектуального роста. Данная тенденция имеет как объективные причины (высокий уровень экономической неопределенности, неустойчивость рынка труда, коммерциализация образования), так и субъективные (специфика ценностного сознания современной молодежи, ориентированной на достижение материального благополучия и социального статуса).

Проведенный теоретический анализ позволяет сформулировать следующие выводы.

Высшее образование представляет собой сложное многомерное социальное явление, ценностное содержание которого раскрывается на макроуровне (общесоциетальном), мезоуровне (институциональном) и микроуровне (индивидуально-личностном). Соответственно, его социальная ценность для студенческой молодежи не сводима исключительно к инструментально-карьерным аспектам, однако в современных условиях

именно данные аспекты занимают доминирующую позицию в иерархии ценностных ориентаций.

На примере российской практики, включая данные по Республике Башкортостан, фиксируется устойчивая тенденция к прагматизации ценностного отношения к высшему образованию, выражающаяся в приоритете формальных атрибутов (диплом, статус) над содержательными характеристиками образовательного процесса (фундаментальные знания, исследовательские компетенции, культурное развитие). Данный диссонанс создает риски девальвации социальной миссии высшего образования как общественного блага и может вести к снижению долгосрочной социально-экономической эффективности инвестиций в человеческий капитал.

Сохранение и укрепление социальной ценности высшего образования в сознании студенческой молодежи требует не только корректировки содержания образовательных программ и повышения их соответствия запросам рынка труда, но и целенаправленной работы по активизации ценностного потенциала образовательной среды вуза. Необходимо создание условий, в которых освоение профессиональных знаний и культурных смыслов органично сочетается с личностным саморазвитием, социальным взаимодействием и формированием гражданской идентичности. Только в таком случае высшее образование сможет реализовать свой потенциал подлинной социальной ценности, а не ограничиваться статусом рыночной услуги.

Перспективы дальнейших исследований связаны с углубленным изучением механизмов аксиогенеза в образовательной среде вуза, а также с разработкой методов эмпирической диагностики динамики ценностного отношения к высшему образованию с учетом региональных, социально-стратификационных и этнокультурных факторов.

Библиографический список

1. Абдусаламова, М. Х. Мотивация сотрудников поколения Z в российских компаниях: роль корпоративной культуры и ценностей организации / М. Х. Абдусаламова. – Текст: непосредственный // Молодой ученый. – 2026. – № 2 (605). – С. 67-70. – URL: <https://moluch.ru/archive/605/132404>.
2. Аширов Д.А. Управление персоналом в финансово-кредитных организациях: теория и практика. М.: Проспект, 2021. 328 с.
3. Башкирцева Н.А., Корнилова Т.В. Мотивация трудовой деятельности в условиях цифровой трансформации банковского сектора // Вестник Санкт-Петербургского университета. Менеджмент. 2023. Т. 22. № 3. С. 411-430.
4. Ивлева М.И. Формирование ценностей студенческой молодежи в образовательном пространстве вуза // Право и практика. 2023. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-tsennostey-studencheskoy-molodezhi-v-obrazovatelnom-prostranstve-vuza> (дата обращения: 05.05.2026).
5. Деси Э., Райан Р. Самодетерминация и психологическая автономия в организациях // Психология труда и организационная психология. 2019. Т. 5. № 2. С. 54-71.
6. Кусургашева Л. В., Муромцева А. К. Дихотомия экономического содержания и социальной ценности высшего образования в условиях становления экономики знаний // Экономика и управление инновациями. 2018. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dihotomiya-ekonomicheskogo-soderzhaniya-i-sotsialnoy-tsennosti-vysshego-obrazovaniya-v-usloviyah-stanovleniya-ekonomiki-znaniy> (дата обращения: 06.05.2026).
7. Федорова Н.В., Минченкова О.Ю. Управление персоналом организации. М.: КНОРУС, 2022. 416 с.
8. Яковлев Е.В. Аксиологический подход в педагогическом исследовании: сущность, значение, проблемы реализации // Современная высшая школа: инновационный аспект. 2010. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/aksiologicheskiy-podhod-v-pedagogicheskom-issledovanii-suschnost-znachenie-problemy-realizatsii> (дата обращения: 07.05.2026).

9. Бикметов Е.Ю., Голиков С. В., Кунгурцева Г. Ф. Методологические основы исследования процессов формирования и удовлетворения духовных потребностей граждан России в условиях рынка // Вестник ВЭГУ. – 2018. – № 4(96). – С. 14-23.

УДК 379.835

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ КОМПЕТЕНЦИИ ВОЖАТОГО ДЕТСКОГО ЛАГЕРЯ
PROFESSIONAL COMPETENCIES OF A CHILDREN'S CAMP COUNSELOR

Логачева Элеонора Александровна, ФГБОУ ВО “Уфимский университет науки и технологий”, Уфа, Россия, *ellelog2004@gmail.com*

Научный руководитель: Асадуллина Гузелия Рауфовна, кандидат философских наук, доцент кафедры социологии и работы с молодёжью, ФГБОУ ВО “Уфимский университет науки и технологий”, Уфа, Россия. E-mail: *Asadullina-guzeliya@yandex.ru*

Logacheva Eleonora Aleksandrovna, Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia, *ellelog2004@gmail.com*

Supervisor: Asadullina Guzeliya Raufovna, Candidate of Philosophy, Associate Professor of the Department of Sociology and Youth Work, Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia. E-mail: *Asadullina-guzeliya@yandex.ru*

Аннотация. Статья посвящена изучению и анализу профессиональных компетенций у разных авторов. В работе проводится сравнение различных позиций касемо компетенций вожатого. Особое внимание также уделяется нормативному документу: профессиональному стандарту педагогических работников.

Ключевые слова: профессиональные компетенции, вожатый, педагог, качества, знания.

Abstract. The article is devoted to the study and analysis of professional competencies in different authors. The work compares various positions regarding the competencies of a counselor. Special attention is also paid to the regulatory document: the professional standard for teachers.

Keywords: professional competencies, counselor, teacher, qualities, knowledge.

Профессионально-педагогическая компетентность рассматривается как системная, интегративная совокупность ключевых компетенций, позволяющая специалисту выполнять профессионально-педагогические функции. Таким образом, профессионально-педагогическая компетентность - это не просто набор отдельных умений, а сложная система.

Рассмотрим, какие профессиональные компетенции вожатого выделяют следующие авторы. По мнению С.А. Шмакова в профессиональную деятельность вожатого входят: знания педагогики, возрастной психологии, принципов деятельности молодежной организации, закономерностей развития временного детского коллектива. То есть С.А.Шмаков акцентирует на том, что работа вожатого требует глубоких теоретических знаний. Успешность вожатого прямо зависит от его способности применять эти знания на практике, поскольку они обеспечивают понимание возрастных особенностей детей, принципов организации деятельности и динамики развития группы.

Н.В.Кузьмина выделяла 5 основных видов деятельности вожатого:

1. Конструктивная. Отбор и проектирование воспитательных мероприятий, в последовательности их проведения, в изучении отряда, условий их деятельности, в прогнозировании будущих воспитательных результатов.
2. Методическая. Умение пользоваться и работать с методической литературой, взаимодействовать с методистами по вопросам воспитания, создавать методическую базу в отряде, грамотно организовывать воспитательные мероприятия.
3. Организаторская. Имеет три аспекта: формирование правильного отношения у ребят к любому виду деятельности, организация самой деятельности, рационализация деятельности.

4. Коммуникативная. Разделяется на несколько видов:
- взаимоотношения с отдельными детьми;
- взаимоотношения со своим отрядом;
- взаимоотношения со всеми отрядами детского оздоровительного лагеря, с педагогическим коллективом и родителями.
5. Контрольная. Контроль своей работы отдельных ребят и всего отряда. Существуют следующие формы коллективного контроля: отчеты на планерках, ведение педагогического дневника, анализ деятельности и самоанализ [2].

Взгляды представленных авторов не противоречат, а дополняют друг друга. Шмаков описывает что должен знать компетентный вожатый, а Кузьмина – какие виды деятельности он должен уметь осуществлять на основе этих знаний.

Интегративная модель компетентности вожатого объединяет оба подхода: теоретическая база (по Шмакову) выступает фундаментом для пяти функциональных блоков (по Кузьминой). Без знаний педагогики и психологии невозможно качественно выполнять конструктивную, организаторскую и особенно коммуникативную деятельность.

Коммуникативная компетенция у Кузьминой представлена развёрнуто (четыре уровня взаимоотношений), в то время как у Шмакова она лишь подразумевается в рамках знания возрастной психологии. Это показывает, что Кузьмина уделяет больше внимания социальному взаимодействию как самостоятельному виду деятельности.

Леванова, Пряхников, Серякова же определяют мастерство вожатого как комплекс личностных качеств педагога, специальных умений и навыков, позволяющих эффективно управлять образовательной деятельностью и обеспечивающих высокий уровень профессиональной деятельности. Они говорят о том, что можно иметь необходимые знания, но не уметь применять их на практике; можно быть хорошим вожатым и не имея при этом педагогического образования. Опираясь на предложения И.Я. Лернера и интегрируя другие подходы, мы можем говорить о структуре компетентности вожатого-профессионала. Эти уровни как раз и составляют модель компетентности, которая способна эффективно работать в сфере образования. Она может быть обозначена как «интегративная модель компетентности»:

1. Знания и их организация. Имеется в виду в первую очередь то, что Дж. Андерсон называл «декларативным знанием».

2. Умения и навыки их использования. Речь идет о том, что у Дж. Андерсона названо «процедурным знанием», а в отечественной науке представлено как умения и навыки применения знаний.

3. Интеллектуально-творческий потенциал личности. Он аналогичен третьему элементу в модели содержания образования И.Я. Лернера - способности применять знания, умения и навыки творчески.

4. Ориентация на позитивное, эмоционально-нравственное отношение к миру [1].

Таким образом, резюмируя мнения авторов, мы понимаем, что знания и навыки бесполезны без творческого мышления и личностного отношения. Более того, они допускают, что хороший вожатый может не иметь педагогического образования - значит, его компетентность формируется за счёт личностных качеств, творческого подхода и эмоционального интеллекта, а не только за счёт выученной теории.

Если мы обратимся к нормативным документам, то к их числу относятся должностная инструкция, утвержденная приказом Минобразования Российской Федерации и Госкомвуза Российской Федерации от 31 августа 1995 г. № 463/1268 по согласованию с Министерством труда Российской Федерации (постановление Минтруда России от 17 августа 1995 г. № 46). В ст. 48 Закона №273-ФЗ "Об образовании в РФ" закреплены обязанности и ответственность педагогических работников.

Педагогические работники обязаны:

1. Осуществлять свою деятельность на высоком профессиональном уровне, обеспечивать в полном объеме реализацию преподаваемых учебных предмета, курса, дисциплины (модуля) в соответствии с утвержденной рабочей программой.
2. Соблюдать правовые, нравственные и этические нормы, следовать требованиям профессиональной этики;
3. Уважать честь и достоинство обучающихся и других участников образовательных отношений;
4. Развивать у обучающихся познавательную активность, самостоятельность, инициативу, творческие способности, формировать гражданскую позицию, способность к труду и жизни в условиях современного мира, формировать у обучающихся культуру здорового и безопасного образа жизни.
5. Применять педагогически обоснованные и обеспечивающие высокое качество образования формы, методы обучения и воспитания;
6. Учитывать особенности психофизического развития обучающихся и состояние их здоровья, соблюдать специальные условия, необходимые для получения образования лицами с ограниченными возможностями здоровья, взаимодействовать при необходимости с медицинскими организациями;
7. Систематически повышать свой профессиональный уровень;
8. Проходить аттестацию на соответствие занимаемой должности в порядке, установленном законодательством об образовании;
9. Проходить в соответствии с трудовым законодательством предварительные при поступлении на работу и периодические медицинские осмотры, а также внеочередные медицинские осмотры по направлению работодателя;
10. Проходить в установленном законодательством Российской Федерации порядке обучение и проверку знаний и навыков в области охраны труда;
11. Соблюдать устав образовательной организации, положение о специализированном структурном образовательном подразделении организации, осуществляющей обучение, правила внутреннего трудового распорядка [3].

Нормативная база закрепляет юридические обязанности вожатого как педагогического работника. Эти требования дополняют рассмотренные ранее подходы (Шмакова, Кузьминой, Левановой и др.), но акцентируют не столько компетенции или личностные качества, сколько обязательные стандарты профессионального поведения, если психолого-педагогические подходы описывают, каким должен быть идеальный компетентный вожатый (знания, умения, личностные качества), то нормативные документы определяют, к чему он юридически обязан и за что несёт ответственность. Компетентность вожатого в реальной практике – это не только владение теорией (Шмаков), функциональными видами деятельности (Кузьмина) или творческим потенциалом (Леванова), но и строгое соблюдение правовых, этических и нравственных норм, закреплённых в законе.

Заключение. Таким образом, профессиональные компетенции вожатого представляют собой интегративную систему, объединяющую три ключевых компонента: фундаментальные теоретические знания (педагогики, возрастной психологии, закономерностей развития детского коллектива), функциональные виды деятельности (конструктивная, методическая, организаторская, коммуникативная, контрольная) и личностно-творческий потенциал, позволяющий применять знания в нестандартных ситуациях. Дополнительным значимым элементом выступают нормативно-правовые требования (ст. 48 Закона «Об образовании в РФ»), фиксирующие обязанности педагогического работника. Все рассмотренные подходы (С.А. Шмакова, Н.В. Кузьминой, Е.А. Левановой и др.) не противоречат, а взаимодополняют друг друга, формируя многомерную модель компетентности вожатого-профессионала, эффективно работающего в сфере детского оздоровительного лагеря.

Библиографический список

1. Журнал Современные наукоемкие технологии. 2017. № 9 С. 114-119 URL: <https://top-technologies.ru/ru/article/view?id=36811>
2. Никульников Антон Николаевич Профессионально-педагогическая компетентность вожатого детского оздоровительного лагеря как педагогический феномен // Сибирский педагогический журнал. 2009. №11. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/professionalno-pedagogicheskaya-kompetentnost-vozhatogo-detskogo-ozdorovitel'nogo-lagerya-kak-pedagogicheskiy-fenomen>.
3. Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. от 25.12.2023). Ст. 48. Обязанности и ответственность педагогических работников // КонсультантПлюс. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/82d348bfa91f54b262e7b00b71659c9f5c69e2ad/

УДК 314.1

ОСОБЕННОСТИ ВСТУПЛЕНИЯ В БРАК СРЕДИ МОЛОДЁЖИ БАШКОРТОСТАНА FEATURES OF MARRIAGE ENTRY AMONG YOUTH IN THE REPUBLIC OF BASHKORTOSTAN

Лукманова Диана Ирековна, студентка 4 курса социологии управления, экономики и коммуникации, ФГБОУ ВО «УУНиТ», Уфа, Россия, LukmanovaDiana2019@yandex.ru

Научный руководитель: Кузнецова Альфия Рашитовна, доктор экономических наук, профессор кафедры социологии и работы с молодёжью, ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий», E-mail: alfia_2009@mail.ru

Lukmanova Diana Irekovna, 4th year student Sociology of Management, Economics and Communication, Ufa University of Science and Technology, LukmanovaDiana2019@yandex.ru

Scientific supervisor: Kuznetsova Alfiya Rashitovna, Doctor of Economics, Professor, Department of Sociology and Youth Affairs, Ufa University of Science and Technology, E-mail: alfia_2009@mail.ru

Аннотация: В статье анализируются особенности вступления в брак среди молодежи Республики Башкортостан. На основе эмпирического исследования выявлены тенденции отложенного брака, распространения сожительства и трансформации ценностных установок.

Abstract: The article analyzes marriage patterns among youth in Bashkortostan. It identifies delayed marriage, cohabitation spread, and transformation of values.

Ключевые слова: молодежь; брак; семья; ценности; Башкортостан

Keywords: youth; marriage; family; values; Bashkortostan

Введение. Семья и брак традиционно рассматриваются как ключевые социальные институты, обеспечивающие воспроизводство населения, социализацию индивида и передачу культурных норм. Однако в современных условиях российское общество, включая Республику Башкортостан, переживает существенные изменения в сфере брачно-семейных отношений.

Трансформации обусловлены совокупностью факторов, в том числе развитием урбанизации, повышением уровня образования, изменением структуры занятости и

усилением ориентации на индивидуальные жизненные стратегии. В результате молодежь все чаще откладывает вступление в брак, пересматривает его значимость и допускает альтернативные формы партнерства, в частности сожительство [2; 10]. С теоретической точки зрения данные процессы можно объяснить через концепцию «трансформации интимности» Э. Гидденса, где отношения строятся на основе личного выбора и эмоциональной удовлетворённости [2], а также через теорию индивидуализации У. Бека, согласно которой жизненные решения перестают быть заданными традицией и становятся результатом самостоятельного выбора [3]. Исследования показывают, что ценностные установки молодежи в отношении семьи и брака претерпевают изменения, сочетая элементы традиционализма и индивидуализма [6; 8].

Особый интерес представляет анализ данных процессов в полиэтнических регионах, к которым относится Республика Башкортостан, где модернизационные тенденции взаимодействуют с традиционными культурными и религиозными нормами.

Цель исследования - выявить особенности вступления в брак среди молодежи Республики Башкортостан и определить ключевые факторы, влияющие на брачное поведение.

Задачи исследования:

1. Проанализировать современные теоретические подходы к изучению семьи и брака.
2. Выявить ценностные ориентации молодежи в сфере семейно-брачных отношений.
3. Определить основные факторы, влияющие на принятие молодежью решения о вступлении в брак, проанализировать и сопоставить отношение молодежи к официально зарегистрированному браку и совместному проживанию.

Теоретическая база. В социологии семьи выделяется несколько подходов к изучению брачных отношений. В рамках классического подхода семья рассматривается как социальный институт, выполняющий базовые функции общества [1]. Современные исследования акцентируют внимание на изменении структуры семейных ценностей. Так, в работе отмечается, что «Гидденс выделяет три вида любви: любовь-страсть, романтическую любовь и чистые отношения, или любовь-привязанность» [2]. У. Бек подчеркивает, что «модернизация размывает контуры индустриального общества, в недрах которого рождается другая модель современного мира, названная «обществом риска» [3]. Ценность семьи в современных исследованиях является важной жизненной ценностью [4, 5, 6].

Эмпирические исследования последних лет подтверждают, что молодежь все чаще рассматривает брак как один из возможных жизненных сценариев, а не как обязательный этап. Как отмечает Кучмаева О.В., «вероятность вступить в брак для людей, которые состоят в разводе, выше, чем для тех, кто никогда не состоял в браке» [7, С.185].

Методы исследования. В исследовании использованы методы анализа научной литературы, анкетного опроса и статистической обработки данных.

Эмпирическая база исследования включает результаты опроса молодежи Республики Башкортостан в возрасте от 18 до 35 лет. Выборка включала студентов и работающую молодежь, что позволило получить представление о различных социальных группах.

Результаты исследования

Проведённый анализ показал, что брачное поведение молодежи во многом формируется из детства. Махнач А.В. в своей работе отмечает, что «почти из 12 миллионов семей только 7,2% составляют семьи, в которых воспитываются трое и более детей, а семей с одним ребенком – большинство 61,1%» [8]. По мнению Романовича Н.А., «постепенно уменьшается число сторонников традиционного распределения ролей в семье, ослабляется внимание к воспитанию детей, нуклеарная семья становится социальной нормой, что не всегда облегчает жизнь молодых родителей, особенно с появлением детей» [9].

По мнению Вишневого Ю.Р. и др. авторов, «в сознании молодежи семья сохраняет свое значение как ведущая ценность, наблюдается превращение семьи из нормативно одобряемого паттерна в самооценку, сохраняется достаточно высокая оценка

репродуктивной и воспитательной функции семьи, хотя ее роль видится в первую очередь во взаимной поддержке и совместном проведении досуга» [10]. Одновременно, как отмечают Чистопашин Я.А. и М.И. Черепанова, «трансформация отношения молодежи к институту семьи описывается на основе анализа основных институциональных и социально-структурных аспектов» [11]. Согласно данным ВЦИОМ, «большинство россиян придерживается мнения о необходимости создания семьи и регистрации отношений» [12].

Согласно исследованиям Наберушкиной Э.К. и др. авторов, «большинство респондентов считают семью важной ценностью, однако акцент смещается с ее традиционных функций, таких как репродуктивная и экономическая, на ее способность удовлетворять эмоциональные потребности в любви, заботе и личностной поддержке» [13]. В работе Кузнецовой А.Р. И Дегтярева А.Н. показано, что «институциональные механизмы государственной семейной политики оказывают существенное влияние на модели семейного поведения, формируя адаптационные стратегии населения, связанные с юридическим оформлением брака и разводов» [14].

Наряду с этим происходит изменение ценностных ориентаций. Брак перестаёт восприниматься как обязательная социальная норма и всё чаще рассматривается как результат осознанного выбора, основанного на личных предпочтениях, эмоциональной близости и психологическом комфорте [6; 8]. Значительную роль играют экономические факторы [14]. Большинство респондентов указывают на необходимость стабильного дохода, наличия жилья и уверенности в будущем как ключевых условий вступления в брак.

Полученные результаты подтверждают тенденцию индивидуализации жизненных стратегий, при которой решения о создании семьи принимаются с учетом личных целей, ожиданий и обстоятельств [11, 14]. Причины откладывания вступления в брак представлены на рисунке 1.

Таблица 1 — Причины откладывания вступления в брак

Причины	В процентах, %
Финансовая стабильность	65,0
Стремление к самореализации	58,0
Отсутствие подходящего партнера	40,0
Желание сохранить свободу	33,0

Дополнительно выявлено, что молодежь демонстрирует смешанный тип ценностей: с одной стороны, сохраняется ориентация на традиционную семью, с другой усиливается индивидуализация жизненных стратегий, откладывание материнства и отцовства, приоритизация карьерных устремлений.

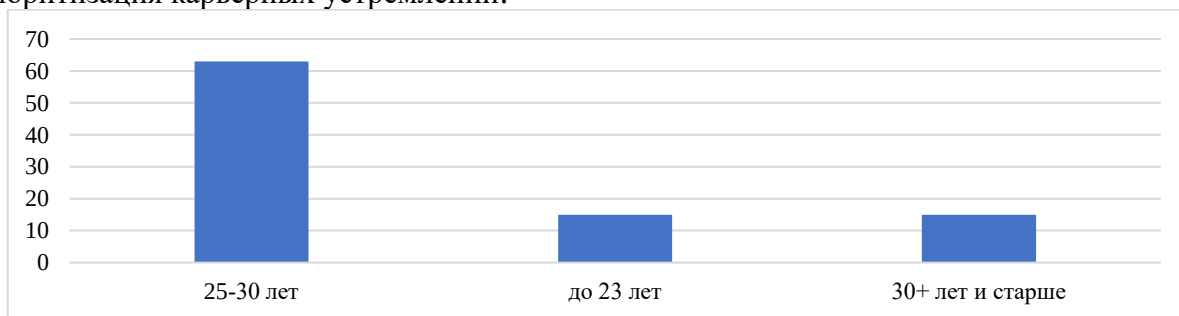

Рисунок 1 - Возраст вступления в брак

Как следует из рисунка, согласно проведенным исследованиям, основной возрастной диапазон вступления молодежи в брак составляет 20-30 лет.

Главными мотивами вступления в брак являются любовь (81%), финансовое благополучие, основанное на экономии ведения совместного домашнего хозяйства (61%), рождение и воспитание детей (60%) (рисунок 2). В числе факторов, препятствующих вступлению в брак, респонденты выделили: отсутствие стабильного дохода (69%);

стремление к самореализации (62%); неуверенность в партнере (41%). Полученные данные подтверждают гипотезу о смешанном характере ценностных ориентаций молодежи: при сохранении высокой значимости семьи усиливаются установки на индивидуализацию и отсрочку брака.

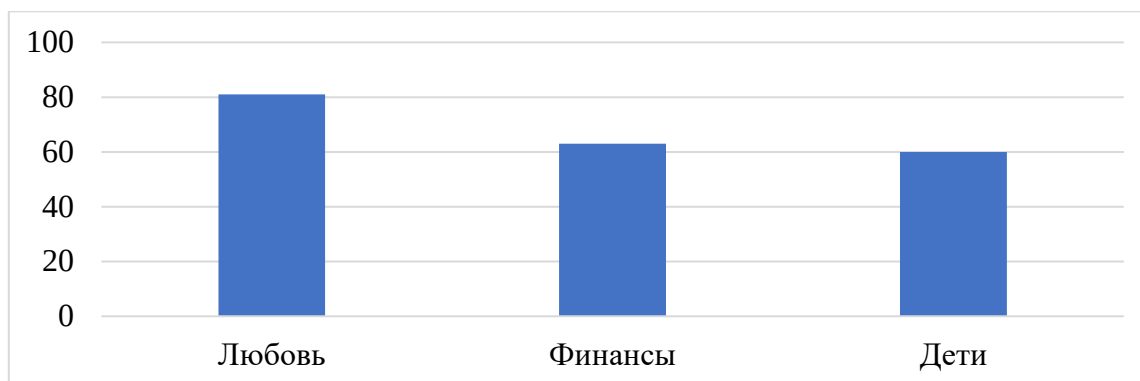

Рисунок 2 - Мотивы вступления в брак

Выводы. Проведенный анализ показал, что современная молодёжь Республики Башкортостан демонстрирует переход от традиционной модели брака к более гибкой и индивидуализированной.

Ключевыми тенденциями являются: увеличение возраста вступления в брак; распространение сожительства; снижение обязательности брака; усиление влияния экономических факторов. Брак всё чаще рассматривается как осознанное решение, принимаемое в зависимости от личных и социально-экономических условий, что соответствует современным исследованиям молодёжных установок [13, 14]. Несмотря на это, семья сохраняет высокую ценностную значимость, что свидетельствует не о её кризисе, а о трансформации.

Библиографический список

1. Социология семьи: учебник для студентов вузов, обучающихся по специальности 0203000 "Социология" / А. И. Антонов, О. В. Дорохина, В. М. Медков [и др.]. – 2-е издание, переработанное и дополненное. – Москва: Инфра-М, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, 2005. – 640 с. – ISBN 5-16-002252-X. – EDN QODLHX.
2. Емельянов, И. А. Гидденс Э. Трансформация интимности: сексуальность, любовь и эротизм в современных обществах. СПб.: Питер, 2004. – 208 с / И. А. Емельянов // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2007. – Т. 10, № 2. – С. 207-210. – EDN LDGYIR.
3. Бек, У. Общество риска. На пути к другому модерну. Монография / У. Бек. – Москва: Прогресс-Традиция, 2000. – 384 с. – ISBN 5-89826-059-5. – EDN RAYTKJ.
4. Российское общество и вызовы времени. Книга первая / М.К. Горшков [и др.]; под ред. Горшкова М.К., Петухова В.В.; Институт социологии РАН. – М.: Издательство «Весь Мир», 2015.- 336 с. ISBN 978-5-7777-0593-8. Источник: <https://www.isras.ru/publ.html?id=3340>.
5. Дробижева, Л. М. Российская и этническая идентичность: противостояние или совместимость / Л. М. Дробижева // Россия реформирующаяся. – 2002. – № 2. – С. 213-244. – EDN PDHLDF.
6. Горлова, Е. А. Роль брака и семьи в системе ценностей современной молодёжи / Е. А. Горлова, А. В. Дудченко, И. И. Гладько // Вестник Академии знаний. – 2024. – № 3(62). – С. 734-738. – EDN DARPW1.

7. Кучмаева, О. В. Тенденции брачности и вероятность вступления в брак в России / О. В. Кучмаева // Социально-экономические и демографические аспекты реализации национальных проектов в регионе. Екатеринбург, 10–11 июня 2019 года / Институт экономики Уральского отделения Российской Академии Наук; ответственный редактор О. А. Козлова. Том I. – Екатеринбург: Институт экономики Уральского отделения РАН, 2019. – С. 185-193. – EDN RYKOJA.
8. Романович Н. А. Представления молодежи о браке и семье // Социологические исследования. 2023. № 3. С. 135-140. DOI 10.31857/S013216250021750-8.
9. Махнач, А. В. Тенденции исследований в психологии семьи: от неблагополучия к жизнеспособности / А. В. Махнач // Социальная психология и общество. – 2024. – Т. 15, № 3. – С. 5-20. – DOI 10.17759/sps.2024150301. – EDN CZBAFC.
10. Вишневский, Ю. Р. Матримониальные и репродуктивные установки молодежи в контексте безопасности молодой семьи / Ю. Р. Вишневский, Я. В. Дидковская, О. Б. Зырянова // Женщина в российском обществе. – 2024. – № 1. – С. 40-55. – DOI 10.21064/WinRS.2024.1.3. – EDN BRHDYG.
11. Чистопашин, Я. А. Отложенное вступление в брак и семейные ожидания молодежи: между карьерой и личной жизнью / Я. А. Чистопашин, М. И. Черепанова // Society and Security Insights. – 2025. – Т. 8, № 1. – С. 195-209. – DOI 10.14258/SSI(2025)1-13. – EDN XQRHXX.
12. ВЦИОМ. Отношение к бракам и разводам: мониторинг. – 2019. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/otnoshenie-k-brakam-i-razvodam-monitoring?ysclid=mtl8roc597329924204> (дата обращения: 23.04.2026).
13. Наберушкина, Э. К. Семья и семейные ценности в представлениях молодого поколения / Э. К. Наберушкина, О. В. Бессчетнова, О. А. Судоргин // Журнал исследований социальной политики. – 2024. – Т. 22, № 4. – С. 697-714. – DOI 10.17323/727-0634-2024-22-3-697-714. – EDN ZIBQVB.
14. Кузнецова, А. Р. Демографическая динамика брачности и разводимости в контексте трансформации института семьи / А. Р. Кузнецова, А. Н. Дегтярев // Уфимский гуманитарный научный форум. – 2026. – № 1(25). – С. 236-249. – DOI 10.47309/2713-2358-2026-1-236-249. – EDN ATJRFQ.

УДК 316.356.2

СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ И СЕМЕЙНАЯ ПОЛИТИКА В КОНТЕКСТЕ ФОРМИРОВАНИЯ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН

SOCIO-DEMOGRAPHIC PROCESSES AND FAMILY POLICY IN THE CONTEXT OF FORMATION OF SOCIOCULTURAL IDENTITY: REGIONAL ASPECT OF THE REPUBLIC OF BASHKORTOSTAN

Магеррамова Лаура Бахадировна, студент 2 курса кафедры социологии и работы с молодежью, ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий», Уфа, Россия, E-mail: ya.creative@mail.ru

Научный руководитель: Кузнецова Альфия Рашитовна, профессор кафедры социологии и работы с молодежью, ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий», Уфа, Россия. ORCID: 0000-0003-0273-4801 E-mail: alfia_2009@mail.ru

Magerramova Laura Bahadirovna, 2nd year student of the Department of Sociology and Youth Work, Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia, E-mail: ya.creative@mail.ru

существующие меры государственной поддержки воспринимаются молодежью как недостаточные (52% респондентов), что указывает на необходимость их корректировки с учетом региональной специфики. Особое внимание уделено роли семьи как агента трансляции культурных норм: 74% опрошенных подтверждают, что именно в семейной среде происходит формирование базовых элементов социокультурной идентичности, включая языковые практики и ценностные установки. Интеграция социокультурного подхода в механизмы реализации семейной политики, предполагающая не только материальное стимулирование рождаемости, но и укрепление престижа многодетной семьи, выступает необходимым условием преодоления депопуляционных тенденций и сохранения культурной идентичности на региональном уровне. Результаты исследования могут быть использованы при разработке региональных программ демографического развития и молодежной политики.

Abstract: The article examines modern socio-demographic processes and their relationship with the implemented family policy in the context of the formation of sociocultural identity at the regional level. Based on the analysis of empirical data obtained during a sociological study, the article identifies the key attitudes of young people in the field of marriage and family relations, as well as the factors influencing their reproductive behavior. The relevance of this study stems from institutional changes in the family. The empirical base consists of official statistics from the Republic of Bashkortostan for 2020–2025 and the results of a sociological survey of Ufa student youth (N=150) in the first half of 2026. It was found that, despite the high subjective importance of family (86% of respondents), reproductive attitudes are characterized by a focus on having few children. Instability of financial situation and housing precariousness were found to be key barriers to the implementation of reproductive plans. The article substantiates that existing state support measures are perceived by young people as insufficient (52% of respondents), indicating the need to adjust them to regional specifics. Particular attention is paid to the role of the family as an agent for the transmission of cultural norms: 74% of respondents confirm that it is in the family environment that the basic elements of sociocultural identity, including linguistic practices and value systems, are formed. The author concludes that integrating a sociocultural approach into family policy mechanisms, which includes not only material incentives for births but also strengthening the prestige of large families, is essential for overcoming depopulation trends and preserving cultural identity at the regional level. The study's findings can be used in developing regional demographic development programs and youth policy.

Ключевые слова: социально-демографические процессы, семейная политика, социокультурная идентичность, репродуктивные установки, молодежь, региональные особенности.

Keywords: socio-demographic processes, family policy, sociocultural identity, reproductive attitudes, youth, regional features.

Введение. Современное российское общество переживает период глубоких трансформаций, затрагивающих все сферы социальной жизни. Одной из наиболее значимых и одновременно проблемных областей является сфера семейно-брачных отношений. Демографические показатели последних лет свидетельствуют о сохранении негативных тенденций: снижение рождаемости, увеличение возраста вступления в первый брак, рост числа неполных семей. Эти процессы вызывают обоснованную тревогу как со стороны государства, так и со стороны научного сообщества, поскольку именно от демографического развития зависит будущее страны.

Особую актуальность исследование приобретает в контексте формирования социокультурной идентичности. Семья традиционно рассматривается как основной институт социализации, в котором происходит передача культурных норм, ценностей, языка, традиций

от поколения к поколению. Ослабление института семьи, изменение его структуры и функций неизбежно сказываются на процессе формирования идентичности, особенно в регионах с выраженной этнокультурной спецификой, к числу которых относится и Республика Башкортостан.

Как отмечают А.И. Антонов и С.А. Сорокин, современный институциональный кризис семьи проявляется в трансформации репродуктивного поведения, изменении брачно-семейных установок и размывании традиционных ценностных ориентиров [1]. Эти процессы носят не спонтанный, а системный характер и требуют комплексного осмысления. В свою очередь, исследователи подчеркивают, что семейная политика государства, направленная на поддержку рождаемости, зачастую фокусируется исключительно на материальных аспектах, оставляя без внимания социокультурные механизмы влияния на репродуктивное поведение [7, 12].

Республика Башкортостан представляет собой уникальный объект для изучения обозначенной проблематики. Регион отличается многонациональным составом населения, сохранением традиционных семейных устоев, высокой значимостью межпоколенных связей. В то же время здесь, как и в целом по России, наблюдаются демографические проблемы, требующие пристального внимания. Анализ региональной специфики позволяет выявить как общие закономерности, так и особенные черты протекания социально-демографических процессов.

Актуальность исследования обусловлена институциональными изменениями института семьи, которые, согласно выводам А.И. Антонова и С.А. Сорокина, приводят к трансформации репродуктивного поведения и размыванию традиционных ценностных ориентиров [1]. Эмпирическую базу составили данные официальной статистики Республики Башкортостан за 2020–2025 гг. и результаты авторского социологического опроса студенческой молодежи г. Уфы (N=150) в первой половине 2026 г. Выявлено, что, несмотря на высокую субъективную значимость семьи (86% респондентов), репродуктивные установки характеризуются ориентацией на малодетность, что коррелирует с общероссийскими тенденциями, описанными А.И. Кузьминым [5]. Установлено, что ключевыми барьерами реализации репродуктивных планов выступают нестабильность материального положения и жилищная неустроенность, что согласуется с выводами Н.Е. Тихоновой о преобладании экономических факторов над ценностными в структуре рождаемости [7].

Цель и задачи исследования. Целью настоящего исследования является анализ взаимосвязи социально-демографических процессов и семейной политики в контексте формирования социокультурной идентичности на региональном уровне (на примере Республики Башкортостан).

Для достижения поставленной цели были сформулированы следующие задачи:

1. Проанализировать динамику основных демографических показателей Республики Башкортостан за период 2020–2025 гг., включая суммарный коэффициент рождаемости, число зарегистрированных браков и разводов, возрастные коэффициенты рождаемости.
2. Выявить ценностные установки студенческой молодежи в сфере семьи и брака, а также определить их репродуктивные планы (ожидаемое количество детей).
3. Изучить факторы, препятствующие созданию семьи и рождению детей, с точки зрения самой молодежи, с выделением экономических, социальных и ценностных барьеров.
4. Оценить восприятие молодыми людьми существующих мер государственной поддержки семей (материнский капитал, пособия, льготная ипотека) и определить степень их достаточности.
5. Установить роль семьи как агента трансляции культурных норм и формирования социокультурной идентичности в представлениях студенческой молодежи.

6. Разработать рекомендации по совершенствованию семейной политики с учетом интеграции социокультурного подхода и региональной специфики Республики Башкортостан.

Методология и методы исследования. Теоретико-методологическую основу исследования составили институциональный подход, позволяющий рассматривать семью как социальный институт, подверженный структурным изменениям, а также социокультурный подход, акцентирующий внимание на роли ценностных установок и культурных традиций в регуляции репродуктивного поведения.

Эмпирическая база исследования включает два блока данных. Первый блок представлен официальными статистическими данными о демографической ситуации в Республике Башкортостан за период 2020–2025 гг.

Анализировались следующие показатели: суммарный коэффициент рождаемости, число зарегистрированных браков и разводов, возрастные коэффициенты рождаемости.

Второй блок эмпирических данных получен в ходе социологического опроса, проведенного в первой половине 2026 г. среди студенческой молодежи г. Уфы. Выборка составила 150 респондентов. Критериями отбора выступали: обучение в вузах г. Уфы, возраст 18–25 лет, добровольное согласие на участие в опросе. Структура выборки по полу: 47% юношей, 53% девушек. По курсу обучения: 1-2 курсы – 45%, 3-4 курсы – 55%. Метод сбора данных – онлайн-анкетирование с использованием Google Forms. Анкета включала 18 вопросов, сгруппированных в несколько блоков: отношение к семье как ценности, репродуктивные планы, факторы, препятствующие созданию семьи и рождению детей, оценка мер государственной поддержки, роль семьи в формировании идентичности. Обработка данных осуществлялась с использованием методов описательной статистики.

Результаты исследования. Анализ официальных статистических данных позволяет констатировать наличие устойчивых негативных демографических тенденций в регионе. Суммарный коэффициент рождаемости (среднее число детей, рожденных одной женщиной за репродуктивный период) снизился с 1,58 в 2020 г. до 1,42 в 2025 г. При этом значение показателя остается ниже уровня простого воспроизводства населения (2,1).

Число зарегистрированных браков за анализируемый период сократилось на 12,3%. Одновременно наблюдается увеличение среднего возраста вступления в первый брак: для мужчин – с 28,1 до 29,4 лет, для женщин – с 25,6 до 26,8 лет. Коэффициент разводимости (число разводов на 1000 населения) сохраняется на уровне 4,2–4,5, что свидетельствует о высокой неустойчивости брачных союзов.

Особого внимания заслуживает возрастная структура рождаемости. Доля рождений у женщин в возрасте до 25 лет снизилась с 32% в 2020 г. до 26% в 2025 г., тогда как доля рождений у женщин 30–34 лет увеличилась с 24% до 31%. Это подтверждает тенденцию к «старению» рождаемости и откладыванию деторождения на более поздние возрастные периоды.

Результаты социологического опроса. Несмотря на тревожные статистические показатели, результаты опроса демонстрируют высокую субъективную значимость семьи для молодежи. 86% респондентов указали, что создание семьи является для них важной или очень важной жизненной целью. При этом 72% опрошенных считают, что оптимальным возрастом для вступления в брак является период 25–30 лет, что коррелирует с наблюдаемым статистическим трендом.

Однако при переходе от ценностных установок к конкретным репродуктивным планам обнаруживается значительный разрыв. 64% респондентов планируют иметь не более двух детей, в том числе 22% – одного ребенка, 28% – двоих, 14% не определились или не планируют иметь детей вовсе. Только 22% опрошенных выразили намерение иметь трех и более детей. Полученные данные согласуются с выводами А.И. Кузьмина о доминировании установок на малодетность в молодежной среде [5].

Факторы, препятствующие созданию семьи и рождению детей. Респондентам было предложено оценить значимость различных факторов, затрудняющих реализацию репродуктивных планов. Результаты представлены в таблице 1.

Таблица 1

Факторы, препятствующие созданию семьи и рождению детей
(% от числа опрошенных, допускалось несколько вариантов ответа)

Факторы	Доля респондентов, %
Нестабильное материальное положение	71
Отсутствие собственного жилья	58
Неуверенность в завтрашнем дне	47
Желание сначала построить карьеру	34
Отсутствие подходящего партнера	29
Высокая стоимость воспитания ребенка	26
Нежелание менять образ жизни	18
Недостаточная помощь государства	15

Полученные данные подтверждают выводы Н.Е. Тихоновой о преобладании экономических факторов в структуре факторов, влияющих на рождаемость [7]. Более двух третей опрошенных связывают невозможность или нежелание заводить детей с финансовой нестабильностью, более половины – с отсутствием жилья. Важно отметить, что «неуверенность в завтрашнем дне» как интегральный фактор, отражающий общее социально-экономическое положение, занимает третью позицию.

Оценка мер государственной поддержки. Существующие меры государственной поддержки семей (материнский капитал, ежемесячные пособия, льготная ипотека) получили неоднозначную оценку респондентов. 52% опрошенных считают эти меры недостаточными, 31% – достаточными, 17% затруднились с ответом.

При этом материнский капитал оценивается как наиболее значимая мера поддержки: 68% респондентов указали, что он влияет или может повлиять на их решение о рождении ребенка. Однако в открытых комментариях респонденты отмечали, что одной этой меры недостаточно, поскольку средства материнского капитала не решают проблему отсутствия жилья и нестабильных доходов.

Интересно, что 43% опрошенных указали на недостаточную информированность о существующих мерах поддержки. Это свидетельствует о необходимости усиления информационно-разъяснительной работы среди молодежи.

Роль семьи в формировании социокультурной идентичности. Один из ключевых блоков исследования был посвящен выявлению роли семьи в процессе формирования социокультурной идентичности. Респондентам предлагалось оценить, в какой степени, по их мнению, именно семья выступает транслятором культурных норм, традиций, языка.

74% опрошенных подтвердили, что именно в семейной среде происходит формирование базовых элементов социокультурной идентичности. При этом 58% отметили, что традиции, передаваемые в семье, имеют для них высокую значимость, 42% указали, что именно от родителей они узнали о культурных особенностях своего народа.

Полученные данные соотносятся с выводами Р.Р. Ишмухаметова о том, что семья остается главным агентом социализации и трансляции культурных норм, особенно в регионах с выраженной этнокультурной спецификой [4]. В условиях ослабления института семьи возникает риск утраты механизмов межпоколенной передачи культурного опыта, что создает угрозу сохранению социокультурной идентичности.

Обсуждение результатов. Проведенное исследование позволяет выявить ряд противоречий, характеризующих современное состояние семейно-брачной сферы в

молодежной среде. С одной стороны, наблюдается высокая ценностная значимость семьи – подавляющее большинство респондентов рассматривают создание семьи как важную жизненную цель. С другой стороны, реальные репродуктивные планы демонстрируют ориентацию на малодетность, а в ряде случаев – на бездетность.

Это противоречие может быть объяснено, во-первых, влиянием экономических факторов, которые выступают в качестве объективных ограничителей. Отсутствие жилья, нестабильность доходов, неуверенность в будущем формируют у молодых людей представление о том, что рождение детей сопряжено с высокими рисками. Во-вторых, важную роль играют ценностные трансформации: современная молодежь все чаще рассматривает семью не как безусловную ценность, а как один из возможных жизненных проектов, реализация которого требует определенных ресурсов и может быть отложена на неопределенный срок.

Существующая система мер государственной поддержки, ориентированная преимущественно на материальное стимулирование, оказывается недостаточной для преодоления этих барьеров. Как показывают данные опроса, более половины респондентов оценивают существующие меры как недостаточные. Это указывает на необходимость не только увеличения объемов поддержки, но и качественного изменения подходов к ее реализации.

Особого внимания заслуживает социокультурный аспект проблемы. Семья традиционно выступает не только институтом воспроизводства населения, но и институтом трансляции культурных ценностей. Полученные данные подтверждают, что для подавляющего большинства опрошенных именно семья является тем пространством, где формируется их культурная идентичность. В этой связи меры семейной политики должны учитывать не только демографические, но и культурные последствия трансформации института семьи.

Интеграция социокультурного подхода в механизмы реализации семейной политики предполагает, во-первых, укрепление престижа семьи, особенно многодетной семьи, через информационные кампании, популяризацию позитивных образцов семейной жизни. Во-вторых, создание условий для активного участия семьи в процессе передачи культурных традиций, включая поддержку семейных форм досуга, межпоколенного взаимодействия. В-третьих, учет региональной специфики при разработке мер поддержки, поскольку в разных регионах существуют свои культурные особенности, влияющие на восприятие семейных ценностей.

Заключение. Проведенное исследование позволяет сформулировать следующие выводы:

1. Демографическая ситуация в Республике Башкортостан характеризуется устойчивыми негативными тенденциями: снижением суммарного коэффициента рождаемости, сокращением числа браков, увеличением возраста вступления в первый брак. Эти тенденции коррелируют с общероссийскими показателями и требуют системного подхода к их преодолению.

2. Молодежь демонстрирует противоречивое отношение к семейной сфере: при высокой субъективной значимости семьи (86%) репродуктивные установки ориентированы на малодетность (64% планируют не более двух детей). Это свидетельствует о наличии разрыва между ценностными установками и реальными поведенческими стратегиями.

3. Ключевыми барьерами для создания семьи и рождения детей выступают экономические факторы: нестабильное материальное положение (71%) и отсутствие собственного жилья (58%). Это указывает на необходимость усиления мер поддержки, направленных на решение жилищной проблемы и обеспечение финансовой стабильности молодых семей.

4. Существующие меры государственной поддержки оцениваются молодежью как недостаточные (52% респондентов). При этом материнский капитал признается значимым

инструментом, но не рассматривается как достаточное условие для принятия решения о рождении ребенка.

5. Семья выполняет ключевую функцию в формировании социокультурной идентичности: 74% опрошенных подтверждают, что именно в семье происходит передача базовых культурных норм и ценностей. Ослабление института семьи создает риски для сохранения культурной идентичности, особенно в регионах с выраженной этнокультурной спецификой.

6. Эффективная семейная политика должна включать не только материальное стимулирование рождаемости, но и меры по укреплению социокультурной функции семьи. Интеграция социокультурного подхода предполагает повышение престижа семьи, особенно многодетной семьи, создание условий для межпоколенной передачи культурных традиций, учет региональной специфики.

Результаты исследования могут быть использованы при разработке региональных программ демографического развития и молодежной политики, а также в учебном процессе при подготовке специалистов в области социологии и социальной работы.

Библиографический список

1. Антонов А.И. Институциональный кризис семьи и демографическое будущее России / А.И. Антонов, С.А. Сорокин // Семья в России. 2023. № 1. С. 5-18.
2. Гайфуллин А.Ю. Роль социальных сетей в профессиональном выборе старшеклассников: социологический анализ // Уфимский гуманитарный научный форум. 2024. № 2. С. 189-203. DOI 10.47309/2713-2358-2024-2-189-203.
3. Здравомыслова О.М. Семья и общество: гендерное измерение российской трансформации / О.М. Здравомыслова. – М.: Вариант, 2022. – 288 с.
4. Ишмухаметов Р.Р. Социокультурная идентичность населения региона: факторы и механизмы формирования // Социологические исследования. 2025. № 5. С. 42-51.
5. Кузьмин А.И. Репродуктивные установки молодежи в условиях демографической политики // Вестник университета. 2024. № 7. С. 112-120.
7. Российский статистический ежегодник. 2025: стат. сб. / Росстат. – М., 2025. – 700 с.
8. Тихонова Н.Е. Социально-экономические факторы рождаемости в российских регионах // Вопросы экономики. 2024. № 3. С. 64-81.
9. Уфимский университет науки и технологий: демографические проекты и исследования / под ред. Д.М. Гилязитдинова. – Уфа: РИЦ УУНиТ, 2025. – 156 с.
10. Хасанова Г.Р. Трансформация семейных ценностей в сознании современной молодежи // Гуманитарные науки в XXI веке. 2025. № 2. С. 88-95.
11. Шайхисламова Д.Ф. Социальная работа с семьей: вызовы и перспективы // Социальная политика и социальное партнерство. 2024. № 11. С. 34-42.
12. Кузнецова А.Р., Дегтярев А.Н. Демографическая динамика брачности и разводимости в контексте трансформации института семьи // Уфимский гуманитарный научный форум. 2026. №.1. С. 236-249. DOI 10.47309/2713-2358-2026-1-236- 249.

УДК 316.1

КИБЕРБУЛЛИНГ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ: МАСШТАБЫ, ФАКТОРЫ И ТЕНДЕНЦИИ НА ПРИМЕРЕ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ CYBERBULLING IN SOCIAL NETWORKS: SCALE, FACTORS, AND TRENDS IN THE CASE OF RUSSIAN YOUTH

Макарова Кристина Сергеевна, бакалавр 4-го курса кафедры социологии и работы с молодежью ФГБОУ ВО Уфимский университет науки и технологий г. Уфа, Россия, kristinamakarova185@gmail.com

Научный руководитель: Садретдинова Эвелина Винаеровна, кандидат социологических наук, доцент ФГБОУ ВО Уфимский университет науки и технологий, г.Уфа, Россия, golichev@mail.ru

Kristina Sergeevna Makarova, 4th-year bachelor's student, Department of Sociology and Youth Work, Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia, kristinamakarova185@gmail.com

Academic Supervisor: Sadretdinova Evelina Vinerovna, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia, golichev@mail.ru

Аннотация. Современное цифровое общество характеризуется глубокой интеграцией социальных сетей в повседневную жизнь молодёжи, что создаёт не только новые возможности для коммуникации, но и специфические риски деструктивного поведения. Кибербуллинг, как форма агрессивного взаимодействия в виртуальной среде, приобретает всё более массовый характер, затрагивая значительную часть молодых пользователей. Статья посвящена социологическому анализу роли социальных сетей как институциональной среды, способствующей распространению кибербуллинга в молодёжной среде. В ней рассматриваются ключевые социальные причины данного явления, его основные формы и современные тенденции развития.

Abstract. Modern digital society is characterized by the deep integration of social networks into the daily lives of young people, which creates not only new opportunities for communication, but also specific risks of destructive behavior. Cyberbullying, as a form of aggressive interaction in a virtual environment, is becoming increasingly widespread, affecting a significant portion of young users. The article is devoted to the sociological analysis of the role of social networks as an institutional environment that contributes to the spread of cyberbullying among young people. It examines the key social causes of this phenomenon, its main forms and current development trends.

Ключевые слова: кибербуллинг, социальные сети, российская молодёжь, киберагрессия, цифровая социализация, девиантное поведение, онлайн-коммуникация.

Keywords: cyberbullying, social networks, Russian youth, cyberaggression, digital socialization, deviant behavior, online communication.

В условиях стремительной цифровизации всех сфер общественной жизни социальные сети превратились в доминирующую среду социализации современной молодёжи. Виртуальное пространство становится не просто площадкой для досуга, но и важнейшим институтом формирования идентичности, ценностных ориентаций и моделей поведения [10, с. 45]. Однако наряду с позитивными аспектами цифровой социализации исследователи фиксируют рост деструктивных явлений, среди которых кибербуллинг занимает одно из центральных мест. По данным Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ) каждый пятый россиянин считает кибербуллинг одной из ключевых угроз для детей в интернете [4]. Она встает в один ряд с мошенничеством, вовлечением в противозаконную деятельность и распространением непредназначенного для детей контента. По словам уполномоченного при Президенте РФ по правам ребенка Марии Львовой-Беловой, в аппарат поступает все большее количество обращений, связанных с интернет – травлей [9].

В социологической науке кибербуллинг определяется как преднамеренное и повторяющееся агрессивное поведение в цифровой среде, направленное против одного человека или группы, которое может включать оскорбления, угрозы и унижения. Повсеместная распространённость интернета и увлечение подростков социальными сетями в сочетании с дефицитом у них пользовательской компетентности делают кибербуллинг одним из серьёзнейших современных социальных рисков [1, с. 178-179]. В отличие от традиционного буллинга, кибербуллинг обладает рядом специфических черт: анонимностью агрессора, постоянным доступом к жертве, бесчисленностью и анонимностью свидетелей, а

также отсутствием непосредственной обратной связи, что усиливает феномен данной проблемы [2, с. 152].

Классификация форм кибербуллинга в современной исследовательской литературе включает несколько основных типов. Исследователи выделяют флейминг, гриферство, троллинг, клевету, выдачу себя за другого, раскрытие секретов, исключение и киберсталкинг. [1, с. 180]. Масштабное исследование с участием 3395 респондентов показало, что чаще всего подростки сталкиваются с флеймингом, троллингом и хейтингом, несколько реже – с кибербуллингом и киберсталкингом [11, с. 6].

Эмпирические данные свидетельствуют о высокой степени распространённости кибербуллинга в российском цифровом пространстве. Согласно исследованию аналитического центра, 63% россиян сталкиваются с грубостью и оскорблениями в интернете, причём молодёжь до 24 лет является наиболее уязвимой группой [5, с. 9]. Ещё более тревожные данные свидетельствуют о том, что 96% подростков в России сталкиваются с цифровыми угрозами, среди которых кибербуллинг занимает одно из ведущих мест [5, с. 268].

Социологические исследования последних лет фиксируют устойчивую тенденцию к росту данного явления: 43% опрошенных считают, что уровень кибербуллинга в интернете вырос за последние пару лет, при этом 67% называют безнаказанность агрессоров одной из ключевых причин этого роста [4, с. 11]. Исследование, проведённое на платформе социальной сети VK (ВКонтакте) с участием 500 пользователей, выявило, что почти треть молодых россиян в возрасте от 14 до 22 лет выступала в роли агрессора (29%), при этом 79% наблюдали проявления кибербуллинга или знакомы с людьми, которые сталкивались с этим [5, с. 269].

Особую тревогу вызывает выявленный исследователями феномен нормализации агрессивных паттернов в интернет-среде. Отмечается высокий показатель лояльного отношения молодёжи к некоторым формам агрессии в сети, что свидетельствует о закреплении деструктивных моделей поведения как допустимой нормы онлайн-коммуникации. На основе количественного социологического исследования выделяются следующие факторы кибербуллинга: распространённость агрессии в сети и в обществе в целом, стремление к самоутверждению за счёт жертв, привлечение внимания, а также наличие психических расстройств у агрессоров [6, с. 13].

Гендерные и территориальные аспекты кибербуллинга также заслуживают внимания. Согласно опросам, мужчины подвергаются агрессии чаще, чем женщины (67% против 60%) [4, с. 10]. Исследование показало, что юноши в большей степени склонны писать негативные комментарии и сообщения в сети (62%), а большинство агрессоров проживает в крупных городах с населением от миллиона человек (79%) [5, с. 269]. Каждый второй подросток сталкивался с тремя и более видами онлайн-агрессии, при этом старшие подростки подвержены этому чаще, чем младшие и молодёжь [11, с. 8].

Исследования выявляют серьёзные пробелы в осведомлённости родителей о киберагрессии. Многие родители, являясь активными пользователями интернета, тем не менее недостаточно информированы об деятельности своих детей в онлайн – пространстве и динамике цифровой среды, в которой те проводят свое время. Порядка 30% подростков испытывают недостаток информации о том, как реагировать на цифровые угрозы, а среди родителей и учителей доля тех, кто мало знает о противоправном контенте, составляет 47% и 53% соответственно [5, с. 270].

Кибербуллинг рассматривается не только как психологическая, но и как социально-педагогическая проблема современности. Исследователи подчёркивают, что кибербуллинг представляет собой одну из форм интернет-преступлений, имеющую специфические психологические особенности [8, с. 295]. Деструктивные практики в цифровом пространстве становятся всё более разнообразными, а отношение молодёжи к ним – всё более толерантным [6, с. 112].

Тенденции развития кибербуллинга в современных условиях характеризуются несколькими ключевыми направлениями. Технологическое усложнение форм киберагрессии: современные реалии характеризуются всплеском кибербуллинга с использованием достижений в области коммуникаций и цифровизации, а также с применением технологий искусственного интеллекта [7, с. 124]. Так же, большую роль играет расширение спектра поводов для кибербуллинга: национальная принадлежность (24%), особенности внешности (23%) и онлайн-поведения (19%) [4, с. 13].

Кибербуллинг как проблема виртуальной среды требует комплексного подхода к профилактике. Буллинг в целом рассматривается исследователями не только как объект научного анализа, но и как культурный феномен, отражающий состояние современного общества [2, с. 155]. В подростковой среде кибербуллинг имеет свои специфические причины и требует разработки специальных профилактических мер.

Социальные сети выступают не просто технической платформой, а полноценным институциональным фактором, способствующим эскалации кибербуллинга в молодёжной среде. Специфика сетевой коммуникации – анонимность, отсутствие непосредственной обратной связи, эффект расторможивания – создаёт благоприятную среду для распространения агрессивных моделей поведения [1, с. 181]. Эмпирические данные свидетельствуют о высокой степени вовлечённости российской молодёжи в ситуации кибербуллинга как в роли жертв, так и в роли агрессоров, при этом наблюдается устойчивая тенденция к росту данного явления [5, с. 271].

Кибербуллинг в молодёжной среде сегодня выступает не единичным отклонением, а широко распространённым социальным явлением, подпитываемым анонимностью, ощущением безнаказанности и низкой цифровой грамотностью молодого поколения. Эффективное противодействие этой угрозе требует комплексной системы мер, включающей развитие у молодёжи навыков безопасной коммуникации, системное просвещение родителей и педагогов, а также последовательную модерацию контента со стороны интернет-платформ, что в совокупности способно снизить риски деструктивной цифровой социализации.

Библиографический список

1. Бочавер А.А., Хломов К.Д. Кибербуллинг: травля в пространстве современных технологий // Психология. Журнал Высшей школы экономики. – 2014. – Т. 11. – № 3. – С. 177–191.
2. Бочавер А.А., Хломов К.Д. Буллинг как объект исследований и культурный феномен // Психология. Журнал Высшей школы экономики. – 2013. – Т. 10. – № 3. – С. 149–159.
3. Бочавер А.А., Хломов К.Д., Хломов К.Д. Кибербуллинг в российских школах: распространённость и социально-психологические особенности // Психологическая наука и образование. – 2021. – Т. 26. – № 4. – С. 35–46.
4. ВЦИОМ. Новости: Травля в цифровую эпоху. [Электронный ресурс]. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/travlja-v-cifrovuju-ehpokhu#_ftnref1 (дата обращения: 04.10.2026).
5. Высоких П.В. Актуальное состояние проблемы кибербуллинга среди подростков // Молодой ученый. – 2025. – № 43 (594). – С. 267–271.
6. Дадаева Т.М. Отношение молодежи к деструктивным практикам в цифровом пространстве // Society and Security Insights. – 2022. – Т. 5. – № 4. – С. 108–125.
7. Плешаков В.А. Киберсоциализация человека: от Homo Sapiens'а до Homo Cyberus'а: монография. – М.: МГПУ: Прометей, 2012. – 263 с.
10. Макарова Е.А., Макарова Е.Л., Махрина Е.А. Психологические особенности кибербуллинга как формы интернет-преступления // Российский психологический журнал. – 2016. – Т. 13. – № 3. – С. 293–311.
11. Ковалева С.Е. О некоторых актуальных социально-психологических проблемах виртуальной коммуникации в информационную эпоху // XXI век: итоги прошлого и проблемы настоящего плюс. – 2017. – № 5-6 (39-40). – С. 122–127.

13. Солдатова Г.У., Рассказова Е.И., Чигарькова С.В. Виды киберагрессии: опыт подростков и молодежи // Национальный психологический журнал. – 2020. – № 2 (38). – С. 3–20.

1. Мария Львова-Белова: не должно быть стыдно говорить о том, что ребенка травят - Уполномоченный при Президенте Российской Федерации по правам ребенка. [Электронный ресурс]. URL: <https://deti.gov.ru/Press-Centr/news/1160#>

УДК 316.1

**ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ТЕХНОЛОГИИ «ОБУЧЕНИЕ СЛУЖЕНИЕМ»
В СИСТЕМЕ ПАТРИОТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ МОЛОДЕЖИ**

**PEDAGOGICAL POTENCIAL OF SERVICE-LEARNING TECHNOLOGY IN THE
SYSTEM OF PATRIOTIC EDUCATION OF YOUTH**

Максимова Эльвина Наилевна, студентка 4 курса, ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий», Уфа, Россия, E-mail: elvina.12c@mail.ru

Maksimova Elvina Nailevna, student, Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia, E-mail: elvina.12c@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена теоретическому анализу патриотического воспитания молодежи и обоснованию педагогического потенциала технологии «обучение служением». Рассматриваются особенности программно-целевого подхода, его ограничения, а также возможности интеграции образовательной и социально значимой деятельности. Обосновано, что применение технологии «обучение служением» способствует формированию гражданской идентичности и социальной ответственности молодежи.

Abstract: The article is devoted to the theoretical analysis of the patriotic education of young people and the substantiation of the pedagogical potential of the "service learning" technology. The features of the program-targeted approach, its limitations, and the possibilities of integrating educational and socially significant activities are considered. It is substantiated that the use of the "service learning" technology contributes to the formation of civic identity and social responsibility among young people.

Ключевые слова: патриотическое воспитание, молодежь, гражданская идентичность, обучение служением, программно-целевой подход, педагогические технологии.

Keywords: patriotic education, youth, civic identity, service learning, program-targeted approach, and pedagogical technologies.

Патриотическое воспитание молодежи в современных условиях выступает одним из ключевых направлений государственной политики, ориентированной на формирование гражданской идентичности и социальной ответственности. Значимость данного направления усиливается в условиях трансформации социокультурной среды, характеризующейся ростом информационного воздействия, изменением ценностных ориентиров и ослаблением традиционных механизмов социализации. В результате возникает противоречие между необходимостью формирования устойчивой гражданской позиции и снижением эффективности традиционных форм воспитательной работы.

Современная практика показывает, что значительная часть мероприятий в сфере патриотического воспитания носит формальный характер и не обеспечивает глубинных

личностных изменений. При этом нормативно-правовая база и программные документы задают достаточно четкие ориентиры, однако их реализация часто ограничивается количественными показателями. Это приводит к разрыву между декларируемыми целями и реальными результатами воспитательного процесса.

В этих условиях особую актуальность приобретает поиск педагогических технологий, способных обеспечить деятельностный характер воспитания. Одной из таких технологий является «обучение служением», предполагающая интеграцию образовательного процесса с социально значимой практикой. Данный подход позволяет соединить теоретическое знание с реальным опытом участия в жизни общества, что делает его перспективным инструментом формирования патриотических ценностей.

Целью статьи является теоретическое обоснование педагогического потенциала технологии «обучение служением» в системе патриотического воспитания молодежи.

Задачи исследования заключаются в анализе сущности патриотического воспитания, рассмотрении особенностей программно-целевого подхода, раскрытии содержания технологии «обучение служением», а также выявлении условий ее эффективного применения в воспитательной практике.

Методологическую основу исследования составляют анализ научной литературы и нормативно-правовых документов, обобщение теоретических подходов, системный анализ педагогических явлений, а также моделирование организационно-педагогических условий реализации технологии «обучение служением».

Результаты исследования

Патриотическое воспитание в современной педагогической науке рассматривается как сложный и многомерный процесс формирования у личности ценностного отношения к обществу, государству и культуре. Его содержание включает когнитивный, эмоционально-ценностный, деятельностный и рефлексивный компоненты, каждый из которых выполняет специфическую функцию. Когнитивный компонент обеспечивает формирование знаний, необходимых для осознания социальной реальности. Эмоционально-ценностный компонент связан с формированием чувства принадлежности к обществу и переживанием сопричастности. Деятельностный компонент выражается в реальном участии молодежи в общественной жизни, а рефлексивный – в осмыслении собственного опыта и формировании устойчивой гражданской позиции. При этом эффективность воспитания определяется не отдельными элементами, а их интеграцией.

Организация патриотического воспитания в современных условиях во многом осуществляется на основе программно-целевого подхода, который предполагает структурирование деятельности через систему целей, задач и мероприятий. Данный подход обеспечивает управляемость и системность воспитательного процесса, позволяет координировать деятельность различных субъектов и оценивать достигнутые результаты. Однако практика его реализации выявляет ряд существенных ограничений. Среди них можно выделить формализацию показателей эффективности, ориентацию на количественные результаты, недостаточную вовлеченность молодежи и слабую развитость рефлексивного компонента. Эти проблемы свидетельствуют о необходимости дополнения управленческих механизмов педагогическими технологиями, ориентированными на формирование личностных смыслов.

В качестве такого инструмента рассматривается технология «обучение служением», представляющая собой интеграцию образовательной деятельности и социально значимой практики. Ее сущность заключается в том, что обучение осуществляется через участие в решении реальных социальных задач. В рамках данной технологии образовательный процесс приобретает практико-ориентированный характер, а знания получают непосредственное применение в деятельности.

Структура технологии включает подготовительный, деятельностный и рефлексивный этапы, которые образуют единую логическую последовательность. На подготовительном

этапе происходит освоение теоретических знаний и постановка целей. Деятельностный этап связан с непосредственным участием в социальной практике. Рефлексивный этап обеспечивает осмысление полученного опыта и формирование личностных выводов. Именно наличие рефлексии отличает данную технологию от традиционных форм практической деятельности.

Педагогический потенциал технологии «обучение служением» проявляется в ее способности формировать у молодежи гражданскую идентичность через личный опыт участия в общественной жизни. В отличие от традиционных методов, ориентированных на передачу информации, данная технология формирует ценности через практическое действие. Это позволяет обеспечить более устойчивый воспитательный эффект.

Кроме того, участие в социально значимой деятельности способствует развитию социальной ответственности, формированию активной жизненной позиции и повышению уровня самооценки. Молодой человек начинает воспринимать себя как субъекта общественных отношений, способного влиять на окружающую действительность.

Важным аспектом является развитие рефлексивных способностей, позволяющих осмысливать полученный опыт и интегрировать его в систему личных ценностей. Это обеспечивает формированию устойчивой гражданской позиции и критического отношения к социальной информации.

Эффективность реализации технологии «обучение служением» зависит от ряда организационно-педагогических условий. К ним относятся подлинность социальной деятельности, предполагающая участие в решении реальных проблем; активная субъектная позиция участников; наличие системной рефлексии; межведомственное взаимодействие; а также методическое сопровождение. Несоблюдение данных условий приводит к снижению воспитательного эффекта и формализации деятельности.

Таким образом, технология «обучение служением» позволяет преодолеть разрыв между теоретическими и практическими аспектами патриотического воспитания, обеспечивая его деятельностный характер.

Выводы

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что патриотическое воспитание молодежи представляет собой сложный многокомпонентный процесс, требующий интеграции различных подходов. Программно-целевой подход обеспечивает организационную основу, однако его эффективность ограничена без содержательного педагогического наполнения. Технология «обучение служением» выступает эффективным инструментом повышения результативности воспитательной деятельности за счет интеграции образовательного процесса и социальной практики. Ее применение способствует формированию гражданской идентичности, социальной ответственности и устойчивых ценностных ориентаций. Внедрение данной технологии в систему патриотического воспитания следует рассматривать как перспективное направление развития современной педагогической практики.

Библиографический список

1. Бергер, Е.С. Технология «Обучение служением» в российском образовательном контексте: опыт адаптации / Е. С. Бергер // Психологическая наука и образование. – 2022. – Т. 27, № 2. – С. 44–55.
2. Головин, С.Д. Программно-целевой подход в организации патриотического воспитания на региональном уровне / С.Д. Головин // Управление образованием: теория и практика. – 2022. – № 1. – С. 55–63.
3. Данилова, М.А. Субъектная позиция молодёжи в воспитательном процессе: теоретические основания и практические механизмы / М.А. Данилова // Педагогика и психология образования. – 2022. – № 3. – С. 28–36.
4. Захаров, А.В. Деятельностный подход в патриотическом воспитании молодёжи: теория и практика / А. В. Захаров // Педагогика. – 2022. – № 5. – С. 49–57.

5. Кирьякова, А.В. Ценностные ориентации молодёжи и механизмы их формирования в системе воспитания / А.В. Кирьякова // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2022. – № 2. – С. 14–22.

УДК 316.77

ДИСКУРСИВНЫЙ РАЗРЫВ МЕЖДУ ВЛАСТЬЮ И ОБЩЕСТВОМ В ГОРОДСКИХ ПАБЛИКАХ (НА ПРИМЕРЕ СООБЩЕСТВА «ДЕМЧАНЕ»)

DISCURSIVE GAP BETWEEN AUTHORITIES AND SOCIETY IN URBAN PUBLIC PAGES (CASE STUDY OF THE "DEMCHANE" COMMUNITY)

Мирсаев Камиль Алмазович, студент 2-го курса направления «Социология управления, экономики и коммуникаций», ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий», Уфа, Россия.

Туракаев Марсель Салаватович, кандидат социологических наук, старший преподаватель кафедры социологии и работы с молодёжью, ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий», Уфа, Россия.

Mirsaev Kamil Almazovich, 2nd year student of the program «Sociology of Management, Economics and Communications», Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia.

Turakaev Marsel Salavatovich, Candidate of Sociological Sciences, Senior Lecturer of the Department of Sociology and Work with Youth, Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia.

Аннотация: В статье анализируется дискурс городского благоустройства в официальных постах и комментариях жителей районного паблика «Демчане» (г. Уфа). На основе качественного дискурс-анализа пяти публикаций и комментариев к ним выявлены ключевые риторические стратегии власти (персонализация, лексика достижений, игнорирование проблем) и контрастирующие с ними стратегии жителей (разоблачение, конкретика, ирония, метафоры опасности). Показано, как официальный оптимистический дискурс сталкивается с повседневным опытом горожан, порождая недоверие и отчуждение. Делается вывод, что разрыв между «языком отчётов» и «языком повседневности» воспроизводит социальную напряжённость и снижает участие жителей в управлении районом.

Abstract: The article analyzes the discourse of urban improvement in official posts and residents' comments of the district public page «Demchane» (Ufa). Based on a qualitative discourse analysis of five publications and the corresponding comments, the author identifies key rhetorical strategies of the authorities (personalization, vocabulary of achievements, ignoring problems) and the contrasting strategies of residents (exposure, specificity, irony, metaphors of danger). The study shows how the official optimistic discourse collides with the everyday experience of citizens, generating distrust and alienation. It is concluded that the gap between the «language of reports» and the «language of everyday life» reproduces social tension and reduces residents' participation in district governance.

Ключевые слова: дискурс-анализ; городское благоустройство; официальный дискурс; комментарии жителей; коммуникативный разрыв; недоверие к власти; Дёмский район; социальные сети.

Keywords: discourse analysis; urban improvement; official discourse; residents' comments; communicative gap; distrust in authorities; Dyomsky district; social media.

Актуальность данного исследования обусловлена необходимостью выявления причин коммуникативного разрыва между властью и населением, который зачастую приводит к неэффективности бюджетных расходов и росту социальной напряженности в районах.

Объект исследования: интернет-дискурс жителей Дёмского района города Уфы в сообществе «Демчане» социальной сети ВКонтакте.

Предмет исследования: лингвистические и риторические стратегии конструирования проблем городского благоустройства, а также способы репрезентации образов власти, жителей и самого пространства в данном дискурсе.

Цель работы: выявить ключевые дискурсивные противоречия в восприятии городской среды между официальной риторикой (транслируемой через посты сообщества) и реакцией жителей (представленной в комментариях), а также определить, как эти противоречия связаны с более широким соц-политическим контекстом функционирования Дёмского района.

Задачи:

1. Проанализировать содержание и ретику 5 отобранных публикаций сообщества «Демчане», посвященных вопросам благоустройства.

2. Определить основные смысловые единицы (ключевые слова, метафоры, оценочную лексику) в комментариях жителей к данным публикациям.

3. Сравнить два типа дискурса (официально-новостного и обывательского) для обнаружения точек их расхождения и пересечения.

4. Интерпретировать полученные различия с учетом местного контекста.

1. Анализ содержательного наполнения и ретику официальных публикаций:

Все пять постов имеют официально-оптимистический стиль, характерный для новостей о деятельности администрации. Среди риторических приёмов можно выделить:

- персонализация власти, а именно обязательное упоминание высокопоставленных лиц (министры, мэр, глава района) и их прямых действий;

- лексика достижений и масштаба – «введены в эксплуатацию», «получил признание ВОЗ», «масштабная работа»;

- формальный язык – «транспортная артерия», «общественное пространство», «инженерные коммуникации», «контрольно-пропускной пункт»;

- игнорирование проблем и противоречий - ни один пост не упоминает возможные трудности, жалобы жителей или негативные последствия (например, изменение схемы движения на Мечтателей, сломанные качели в парке). Вместо этого акцент на планах и уже достигнутых результатах;

- будущее рисуется только в позитивном ключе («лагерь станет образцовым»).

Обобщая выделенное, официальный дискурс конструирует реальность, где власть эффективна, проекты успешны, а жители должны чувствовать благодарность и комфорт.

2. Смысловые единицы в комментариях жителей:

Комментарии заметно отличаются от официальной ретику. Преобладают скепсис, критика и запрос на конкретику. Среди смысловых единиц можно отметить:

1) Вопросы-претензии (т.е. недоверие к информации): Жители требуют деталей, которые опущены в постах, и выражают сомнение в реальности заявленного⁴¹:

а) «Где там интересно остановочные павильоны, велодорожки???»;

б) «Интересно какой там автобус будет подъезжать к остановке?»;

в) «А когда именно в 26 году?».

⁴¹ В Уфе запустили движение по новой дороге в Дёмском районе // URL: https://vk.com/wall-4350717_1107563 (дата обращения: 24.04.2026).

2) Метафоры опасности (в случае с водоёмом): В посте про эко-парк «Миллениум» комментарии наполнены страшными образами⁴²:

а) «Там всегда люди тонут, вода не проточная, фууууу»;

б) «Дно от трупов очистили чтоли 🤢»;

в) «Озеро-утопленник называется». Официальный «эко-парк» превращается в народном обсуждении в опасное место, что буквально переворачивает его значение.

3) Обвинения в показухе, «для галочки»: Жители подозревают, что отчёты и награды не отражают реального положения дел:

а) «Как всегда, смотр техники, как зима, так её не видно»⁴³;

б) «Это радует, может дети Детского района будут отдыхать по человечески ... но этот лагерь капля в море, только для галочки»⁴⁴;

в) «С этой дырявой организации надо бежать не оглядываясь»⁴⁵.

4) Конкретные указания на дефекты и предложения:

а) «На пересечении Кусимова и Ясных Зорь уже нужен светофор»⁴⁶;

б) «А как интересно выезжать жителям Мечтателей 17 на работу, когда сделали одностороннее движение...»⁴⁷;

в) «одна качель сломана с прошлого года»⁴⁸.

5) Нейтральные или минимальные реакции: Краткие «👍», «👌», «Хм», «Хз» - либо поддержка, либо равнодушие, но чаще всего отсутствие явного одобрения.

3. Сравнительный анализ:

Сравнение официального дискурса (посты) и дискурса жителей (комментарии) выявляет несколько конкретных подходов, которые работают как две стороны коммуникации.

А) Основные подходы официального дискурса:

1. Легитимация: в каждом посте обязательно присутствуют фамилии и должности первых лиц (глава района). Это способ показать, что решения принимаются на самом верху, а значит, они весомы и правильны.

2. Сглаживание: ни один пост не содержит упоминаний о проблемах, с которыми столкнулись жители в процессе благоустройства: нет ни слова о перекрытых проездах, о сломанных качелях в парке.

3. Перевод в будущее: даже когда речь идёт о недоделках (случай с продолжением улицы Кусимова), это подаётся в оптимистичном ключе: «запланировано на 2026 год». Акцент смещается с текущих проблем на светлые перспективы.

Б) Основные подходы дискурса жителей:

1. Разоблачение: жители часто указывают на несоответствие официальной картинки реальности. Посту о готовности техники к зиме они отвечают: «как зима, так её не видно». Посту о признании ВОЗ - указанием на сломанную качель.

2. Конкретика: жители оперируют деталями, которых нет в официальных отчётах: им нужен светофор на конкретном перекрёстке, они знают, где сломана качель, они ощутили на

⁴² Глава Администрации Дёмского района посмотрел готовность эко-парка «Миллениум» к летнему сезону // URL: https://vk.com/wall-4350717_1086494 (дата обращения: 24.04.2026).

⁴³ В Дёме прошёл традиционный смотр специализированной техники к зимнему периоду // URL: https://vk.com/wall-4350717_1101866 (дата обращения: 24.04.2026).

⁴⁴ Глава Администрации Уфы и глава Администрации Дёмского района посетили детский лагерь «Луч» // https://vk.com/wall-4350717_1092351 (дата обращения: 24.04.2026).

⁴⁵ Дёмский парк Уфы получил признание Всемирной организации здравоохранения // URL: https://vk.com/wall-4350717_1107162 (дата обращения: 24.04.2026).

⁴⁶ В Уфе запустили движение по новой дороге в Дёмском районе // URL: https://vk.com/wall-4350717_1107563 (дата обращения: 24.04.2026).

⁴⁷ В Уфе запустили движение по новой дороге в Дёмском районе // URL: https://vk.com/wall-4350717_1107563 (дата обращения: 24.04.2026).

⁴⁸ Дёмский парк Уфы получил признание Всемирной организации здравоохранения // URL: https://vk.com/wall-4350717_1107162 (дата обращения: 24.04.2026).

себе изменение схемы движения («теперь кругами надо ехать»). Это можно назвать дискурсом личного опыта в противовес «бумажному знанию» людей из администрации.

3. Негативные смыслы: например, превращение «эко-парка Миллениум» в «озеро-утопленник» и «могильник утопленников».

4. Ироничное отчуждение: скепсис часто выражается не в прямой агрессии, а в форме вопросов («интересно, за какие заслуги?») или коротких междометий («Хм», «Хз», «Е!»), которые обозначают неверие без конкретной аргументации.

Главное различие заключается в том, что власть говорит о пространстве как об объектах отчётности и статистики, тогда как жители говорят о месте - пространстве, наполненном их ежедневным опытом, страхами и неудобствами. Для власти важно, что дорога построена, а для жителя - что она неудобна или породила новые проблемы (пробки).

4. Интерпретация с учётом контекста Дёмского Района:

1) Конфликт обещания и реальности, а также инфраструктурный разрыв: Жители Дёмского Района часто жалуются на острый дефицит школ на фоне жилищного бума и переносе сроков сдачи объектов. Это прямо отражается в дискурсе жителей:

- в комментариях к посту о новой дороге⁴⁹ есть вопрос: «Участок Мечтателей-Исследовательская в 2026 году доделают, а когда именно в 26 году?». Это является следствием усталости от постоянных переносов;

- фраза «Ну, не все сразу конечно. Мы еще подождем.)))»⁵⁰ - это ирония человека, который уже привык ждать и не верит в быстрые результаты.

2) Транспортная связность и эффект новых неудобств: для Демы 2025 год многие считают годом прорыва в транспортной доступности (новые дороги, близится завершение реконструкции моста), но жители отмечают обратную сторону медали:

- открытие новой дороги⁵¹ для жителей дома №17 по улице Мечтателей обернулось проблемой: «А как интересно выезжать жителям мечтателей 17 на работу, когда сделали одностороннее движение...»;

- требование светофора на пересечении Кусимова и Ясных Зорь - это реакция на рост интенсивности движения, который власти, видимо, не до конца просчитали. Можно сказать, что успех в строительстве дорог породил новую проблему безопасности;

3) Экономический контекст и образ показухи: Муниципальная программа с бюджетом 1,54 млрд рублей и фокус на «экологичный имидж» (экотропы) наталкиваются на жителяское восприятие, сформированное низкими зарплатами и бытовыми проблемами:

- комментарий про зарплату в 35 тысяч⁵² высвечивает социальную проблему данного аспекта. Люди видят, что техника готова, но работать за такие деньги на ней просто некому;

- реакция на эко-парк «Миллениум»⁵³ («ценник конский», «утопленник») показывает, что попытки создать премиальный общественный продукт в районе с реальными социальными проблемами воспринимается крайне негативно. Жители не готовы платить за доступ к природе, которая исторически воспринималась как бесплатная, к тому же с плохой репутацией.

Из всего вышесказанного можно сделать вывод о том, что дискурсивный разрыв, зафиксированный в комментариях, - это прямое отражение инфраструктурного разрыва,

⁴⁹ В Уфе запустили движение по новой дороге в Дёмском районе // URL: https://vk.com/wall-4350717_1107563 (дата обращения: 24.04.2026).

⁵⁰ В Уфе запустили движение по новой дороге в Дёмском районе // URL: https://vk.com/wall-4350717_1107563 (дата обращения: 24.04.2026).

⁵¹ В Уфе запустили движение по новой дороге в Дёмском районе // URL: https://vk.com/wall-4350717_1107563 (дата обращения: 24.04.2026).

⁵² В Дёме прошёл традиционный смотр специализированной техники к зимнему периоду // URL: https://vk.com/wall-4350717_1101866 (дата обращения: 24.04.2026).

⁵³ Глава Администрации Дёмского района посмотрел готовность эко-парка «Миллениум» к летнему сезону // URL: https://vk.com/wall-4350717_1086494 (дата обращения: 24.04.2026).

описанного в контексте. Пока власть говорит о различных проектах и международном признании, жители говорят о том, что болит здесь и сейчас: сломанная качель, невозможность выехать из дома, и многое другое.

Социальная проблема, которую решает данный анализ, заключается в выявлении механизма воспроизводства недоверия. Каждый новый оптимистичный пост, игнорирующий реальные трудности, укрепляет в жителях убеждение о том, что власть либо некомпетентна, либо нагло врёт. Всё это снижает их готовность участвовать в жизни района и усиливает отчуждение. Дискурс-анализ показывает, что проблема не в отдельных недоделках, а в различии языков описания реальности, которое делает диалог невозможным.

Библиографический список

1. В Уфе запустили движение по новой дороге в Дёмском районе // URL: https://vk.com/wall-4350717_1107563 (дата обращения: 24.04.2026).
2. Дёмский парк Уфы получил признание Всемирной организации здравоохранения // URL: https://vk.com/wall-4350717_1107162 (дата обращения: 24.04.2026).
3. В Дёме прошёл традиционный смотр специализированной техники к зимнему периоду // URL: https://vk.com/wall-4350717_1101866 (дата обращения: 24.04.2026).
4. Глава Администрации Уфы и глава Администрации Дёмского района посетили детский лагерь «Луч» // https://vk.com/wall-4350717_1092351 (дата обращения: 24.04.2026).
5. Глава Администрации Дёмского района посмотрел готовность эко-парка «Миллениум» к летнему сезону // URL: https://vk.com/wall-4350717_1086494 (дата обращения: 24.04.2026).

УДК 316.344

ВЛИЯНИЕ СОЦИАЛЬНОГО НЕРАВЕНСТВА В ПРОФЕССИОНАЛЬНОМ РАЗВИТИИ НА МОТИВАЦИЮ ТРУДА РАБОТНИКОВ ПРОМЫШЛЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ В СОВРЕМЕННОЙ РФ

THE INFLUENCE OF SOCIAL INEQUALITY IN PROFESSIONAL DEVELOPMENT ON THE WORK MOTIVATION OF INDUSTRIAL ENTERPRISE EMPLOYEES IN MODERN RUSSIA

Михайлова Евгения Николаевна, ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий», Уфа, Россия, E-mail: mhlvn2003@gmail.com

Mikhailova Evgeniya Nikolaevna, Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia, E-mail: mhlvn2003@gmail.com

Научный руководитель: Ковров Владимир Федорович, кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и работы с молодежью Уфимского университета науки и технологий. Уфа, Россия.

Supervisor: Vladimir Fedorovich Kovrov, PhD in Sociology, Associate Professor, Department of Sociology and Youth Work, Ufa University of Science and Technology. Ufa, Russia.

Аннотация. Статья посвящена исследованию влияния социального неравенства в сфере профессионального развития на трудовую мотивацию работников промышленных предприятий современной России. Акцентируется внимание, что промышленные предприятия в регионах РФ сталкиваются с вызовом не только технологического обновления, но и формирования устойчивой системы мотивации, способной удерживать квалифицированные кадры. Одним из наименее изученных, но наиболее значимых факторов,

влияющих на трудовую мотивацию, выступает социальное неравенство, реализующееся в сфере профессионального развития. В статье предлагаются возможные пути решения данной проблемы.

Abstract: The article is devoted to the study of the impact of social inequality in the field of professional development on the labor motivation of employees of industrial enterprises in modern Russia. The article emphasizes that industrial enterprises in the Russian Federation's regions face the challenge of not only technological renewal but also the formation of a sustainable motivation system capable of retaining qualified personnel. One of the least studied but most significant factors affecting labor motivation is social inequality in the field of professional development. The article suggests possible solutions to this problem.

Ключевые слова: социальное неравенство; профессиональное развитие; мотивация труда; промышленные предприятия; работники; карьерная мобильность; дифференциация доступа; теория справедливости.

Keywords: social inequality; professional development; work motivation; industrial enterprises; employees; career mobility; access differentiation; equity theory.

В условиях трансформации российской экономики, сопровождающейся структурной перестройкой промышленного сектора, вопросы мотивации трудовой деятельности приобретают критическую значимость. Промышленные предприятия, особенно в региональном разрезе, сталкиваются с вызовом не только технологического обновления, но и формирования устойчивой системы мотивации, способной удерживать квалифицированные кадры. Одним из наименее изученных, но наиболее значимых факторов, влияющих на трудовую мотивацию, выступает социальное неравенство, реализующееся в сфере профессионального развития.

Под социальным неравенством в профессиональном развитии в данной работе понимается асимметрия доступа работников к ресурсам, обеспечивающим повышение квалификации, приобретение новых компетенций, карьерное продвижение и участие в значимых организационных проектах, при условии формально равных должностных требований и стартовых позиций [2, с. 45]. В отличие от традиционно изучаемой дифференциации заработной платы, неравенство возможностей развития имеет латентный характер, но при этом, как показывают данные пилотных исследований, способно оказывать более глубокое демотивирующее воздействие.

Анализ феномена социального неравенства в контексте трудовой мотивации требует интеграции нескольких теоретических подходов. Классической основой выступает теория справедливости С. Адамса, согласно которой работники субъективно оценивают соотношение своих вложений (образование, усилия, компетенции) и вознаграждений (материальных и нематериальных), сравнивая себя с референтными группами [6, с. 422]. Неравенство воспринимается в ситуации, когда это соотношение, по мнению работника, нарушено в пользу других. Адаптируя данную теорию к предмету настоящего исследования, можно утверждать, что объектом сравнения выступают не только заработная плата, но и темпы профессионального роста, доступ к обучению и наставничеству.

Дополнительным теоретическим конструктом выступает концепция относительной депривации Р. Мертона, фиксирующая, что ощущение неравенства возникает не из абсолютных показателей, а в результате социального сравнения с теми, кто обладает большими возможностями развития [4, с. 117]. В промышленных коллективах, где многие работники имеют сходный уровень образования и трудовой стаж, наблюдение за избирательным продвижением отдельных сотрудников провоцирует острую реакцию депривации.

Теория человеческого капитала Г. Беккера, в свою очередь, позволяет объяснить, почему доступ к профессиональному развитию воспринимается работниками как критически важный ресурс. Инвестиции в человеческий капитал (обучение, наставничество, повышение квалификации) напрямую конвертируются в рыночную стоимость работника и его конкурентоспособность на внутреннем и внешнем рынках труда [1, с. 88]. Соответственно, неравенство доступа к этим инвестициям воспринимается как структурная блокировка возможностей повышения собственной ценности, что прямо противоречит долгосрочным трудовым интересам индивида.

В табл. 1 представлено сравнение основных теоретических подходов к объяснению связи социального неравенства и трудовой мотивации применительно к сфере профессионального развития.

Таблица 1

Сравнительный анализ теоретических подходов к исследованию влияния неравенства в профессиональном развитии на мотивацию труда

Теоретический подход	Базовый механизм влияния	Объект социального сравнения	Прогнозируемая мотивационная реакция на неравенство
Теория справедливости (С. Адамс) [6]	Когнитивная оценка соотношения «вложения – вознаграждение»	Референтная группа внутри организации (коллеги с аналогичным статусом)	Снижение усилий, когнитивное искажение оценки собственного вклада
Концепция относительной депривации (Р. Мертон) [4]	Социальное сравнение с более благополучной группой	Работники, получившие доступ к развитию (горизонтальное сравнение)	Фрустрация, агрессивные установки, пассивное сопротивление
Теория человеческого капитала (Г. Беккер) [1]	Рациональная оценка упущенной выгоды от недоинвестирования в себя	Альтернативные траектории развития (в том числе вне организации)	Повышение намерений к смене работы, снижение организационной лояльности
Теория самодетерминации (Э. Деси, Р. Райан) [7]	Блокировка базовых психологических потребностей (компетентность, автономия)	Внутренние стандарты профессионального мастерства	Демотивация, снижение внутренней вовлеченности, дезинтеграция

Анализ данных, представленных в таблице, позволяет сделать вывод о том, что различные теоретические модели сходятся в ключевом положении: неравенство доступа к профессиональному развитию не является нейтральным фактором для работника. Оно активизирует одновременно когнитивные процессы (оценку справедливости), эмоциональные реакции (депривацию) и рациональные стратегии (оценку альтернативных возможностей).

При этом в рамках промышленных предприятий, характеризующихся высокой степенью формализации трудовых отношений, наиболее релевантным выступает сочетание теории справедливости и концепции относительной депривации, поскольку именно горизонтальные сравнения внутри коллектива играют доминирующую роль.

В 2025 году было проведено социологическое исследование на трех промышленных предприятиях г. Уфы: ПАО «Уфимское моторостроительное производственное объединение» (машиностроение), АО «Уфаоргсинтез» (нефтехимия) и ООО «Уфимский завод приборостроения» (приборостроение). Выбор предприятий обусловлен их типологическими различиями (отрасль, размер, форма собственности, средний уровень заработной платы), что позволяет контролировать контекстуальные факторы.

Объем выборки составил 150 респондентов (по 50 на каждом предприятии), репрезентирующих основные профессиональные категории: основные производственные рабочие (45%), вспомогательные рабочие (20%), инженерно-технические работники (25%), мастера и начальники участков (10%). Выборка стратифицированная, с контролем пола, возраста и стажа работы на предприятии.

Методы сбора данных: анкетный опрос (стандартизированная анкета, включающая блоки оценки доступа к профессиональному развитию, восприятия справедливости, мотивационного профиля) и серия полуструктурированных интервью с работниками (N=30) для углубленного анализа механизмов восприятия неравенства.

Для измерения восприятия неравенства в профессиональном развитии использовалась шкала, включающая пять субшкал: доступ к повышению квалификации (внутренние и внешние программы); доступ к наставничеству; доступ к информации о вакансиях и проектах; участие в формировании индивидуальных планов развития; субъективная оценка прозрачности критериев профессионального роста. Надежность шкалы по коэффициенту альфа Кронбаха составила 0,87.

Результаты опроса показали, что 62% работников промышленных предприятий г. Уфы воспринимают систему профессионального развития на своем предприятии как несправедливую или частично несправедливую. При этом дифференциация между предприятиями была статистически значимой: на УМПО о несправедливости заявили 58% опрошенных, на «Уфаоргсинтезе» – 67%, на Уфимском заводе приборостроения – 61%.

Наиболее критичным фактором, порождающим восприятие неравенства, выступил дифференцированный доступ к наставничеству. 71% респондентов отметили, что наставничество распределяется неформально и связано не с профессиональными качествами, а с личными связями. Вторым по значимости фактором стал доступ к внешнему повышению квалификации (68% считают, что такие возможности получают лишь работники, состоящие в неформальных отношениях с руководством). На третьем месте – доступ к информации о перспективных проектах и вакансиях (59%).

Сравнение трех предприятий показало, что наиболее остро проблема воспринимаемого неравенства выражена на АО «Уфаоргсинтез», что может быть связано с более высокой степенью бюрократизации процессов профессионального развития и меньшей прозрачностью критериев отбора на обучение. На УМПО, где действует система производственных советов и частичное самоуправление бригад, уровень воспринимаемого неравенства ниже, хотя и остается высоким по абсолютным значениям.

Специфические факторы объединяют обстоятельства и условия конкретной трудовой деятельности. К ним относятся прежде всего социально-демографические особенности работников – пол, возраст, образование, стаж работы, личностные характеристики – интересы, потребности, установки, ценностные ориентации, мировоззрение, а также особенности производственной и внепроизводственной среды, которые подразделяются на прямые (объективные специфические условия трудовой деятельности – характеристики производственной ситуации) и косвенные (система семейного и школьного воспитания, воздействие средств массовой информации).

Согласно результатам социологических исследований, общая удовлетворенность трудом определяется именно субъективными факторами и практически не зависит от производственных факторов. Так, неудовлетворенность одной стороной работы (например, отношениями в бригаде) может вызвать неудовлетворенность работой в целом, хотя другие условия труда такие же, как на других предприятиях.

Проведенное исследование подтвердило, что социальное неравенство в сфере профессионального развития оказывает значительное влияние на мотивацию труда работников промышленных предприятий в современной России, причем сила этого влияния сопоставима с воздействием уровня заработной платы.

Библиографический список

1. Беккер Г. С. Человеческий капитал. – М.: Издательский дом ГУ-ВШЭ, 2003. – 672 с.
2. Горшков М. К., Шереги Ф. Э. Молодежь России в зеркале социологии. – М.: ФНИСЦ РАН, 2019. – 412 с.
3. Зборовский Г. Е. Социология управления. – М.: Юрайт, 2018. – 486 с.
4. Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. – М.: АСТ, 2006. – 873 с.
5. Темницкий А.Л. Мотивация труда и организационная лояльность персонала промышленных предприятий // Социологические исследования. – 2015. – № 6. – С. 78–89.
6. Adams J. S. Inequity in social exchange // Advances in experimental social psychology. – 1965. – Vol. 2. – P. 267–299.
7. Ryan R. M., Deci E. L. Self-determination theory and the facilitation of intrinsic motivation, social development, and well-being // American Psychologist. – 2000. – Vol. 55, No. 1. – P. 68–78.

УДК 316.77

ВЛИЯНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ НА СОЦИАЛЬНУЮ ИДЕНТИФИКАЦИЮ МОЛОДЫХ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ

Михеев Тимофей Вячеславович, магистрант, Институт гуманитарных и социальных наук, Высшая школа философии, психологии и социологии, Кафедра социологии и работы с молодежью, Уфимский Университет Науки и Технологий, Уфа, Россия; E-mail: Tmikheev@list.ru

Научный руководитель – Шайхисламов Рафаэль Бадретдинович, доктр социологических наук, профессор, Институт гуманитарных и социальных наук, Высшая школа философии, психологии и социологии, Кафедра социологии и работы с молодежью Уфимский Университет Науки и Технологий, Уфа, Россия

Mikheev Timofey Vyacheslavovich, Master's student, Institute of Humanities and Social Sciences, Higher School of Philosophy, Psychology and Sociology, Department of Sociology and Work with Youth, Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia; E-mail: Tmikheev@list.ru

Аннотация. В статье анализируется влияние социальных сетей на процессы социальной идентификации молодых потребителей в условиях цифровизации современного общества. Социальная идентификация потребителей рассматривается как динамический социальный процесс, в рамках которого потребительские практики выполняют функцию самопрезентации и выражения групповой принадлежности. В основе исследования лежит теоретический анализ научной литературы и вторичных эмпирических данных российских и международных исследовательских центров (ВЦИОМ, DataReportal, Mediascope), а также результаты опубликованных социологических исследований. В результате выявляются ключевые механизмы воздействия цифровой коммуникационной среды на формирование идентификационных установок и моделей потребительского поведения молодёжи.

Abstract. The article examines the influence of social networks on the processes of social identification of young consumers in the context of digital transformation. Social identification is considered as a dynamic social process in which consumer practices function as a form of self-presentation and expression of group belonging. The research is based on theoretical analysis of scientific literature and secondary empirical data from Russian and international research centers. The study identifies key mechanisms through which the digital communication environment shapes identity patterns, values and models of consumer behavior among young people.

Ключевые слова: молодёжь, социальные сети, социальная идентификация потребителей, потребительское поведение, цифровая коммуникация.

Key words: youth, social networks, social identification, consumer behavior, digital communication.

Введение. В последние десятилетия цифровые технологии стали одним из ключевых факторов трансформации социальных процессов. Расширение медиапространства повлияло не только на формы коммуникации, но и на способы самовыражения индивидов. В современных условиях потребление всё чаще выходит за рамки экономической необходимости и приобретает социальное и символическое значение. Через выбор товаров, брендов и стилей жизни формируются представления о социальном положении и принадлежности к определённым группам.

Наиболее отчётливо данные изменения проявляются в молодёжной среде. Молодёжь находится на этапе активного формирования идентичности и одновременно является наиболее вовлечённой группой пользователей цифровых платформ. В рамках настоящего исследования социальные сети рассматриваются не как нейтральный канал коммуникации, а как пространство повседневной самопрезентации, в котором потребительские практики становятся публичными, визуализированными и социально сравнимыми.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью выявления механизмов, посредством которых социальные сети влияют на процессы социальной идентификации молодых потребителей в условиях общества потребления и цифровой трансформации социальной реальности.

Цель, задачи и методы исследования

Целью исследования является анализ влияния социальных сетей на процессы социальной идентификации молодых потребителей.

Для достижения поставленной цели в работе предполагается решение следующих задач:

- рассмотреть социальную идентификацию потребителей как социологическое понятие
- проанализировать особенности идентификационных процессов в молодёжной среде
- выявить роль социальных сетей в трансляции потребительских норм, ценностей и моделей поведения

Методологическую основу исследования составляет теоретический анализ научной литературы, сравнительный анализ социологических концепций, а также анализ вторичных эмпирических данных российских и международных исследовательских центров.

Результаты исследования

В рамках социологической традиции социальная идентификация потребителей рассматривается как процесс осознания индивидом своей принадлежности к социальным группам через потребительские практики. Потребление интерпретируется как форма символической коммуникации, посредством которой транслируются социальные статусы, ценности и образ жизни. В работах Ж. Бодрийера подчёркивается, что в обществе потребления товары и бренды функционируют как знаки, формирующие символическое пространство социальной реальности [2].

В условиях «текущей современности», по З. Бауману, идентичность приобретает подвижный характер и всё в большей степени определяется стилями потребления [1]. Для

молодёжи данные процессы имеют особое значение, поскольку в период становления идентичности потребительские выборы начинают выполнять функцию социального сигнала, направленного на подтверждение принадлежности к референтным группам.

Теоретические положения о символическом характере потребления находят подтверждение в условиях цифровой среды. Социальные сети не только усиливают уже существующие тенденции, но и трансформируют сами механизмы социальной идентификации, придавая им визуальный, публичный и перформативный характер. Потребительские практики становятся частью публичного образа, формируемого через контент, доступный для постоянной оценки со стороны других пользователей.

Эмпирические данные позволяют конкретизировать данные выводы. Согласно отчёту DataReportalDigital 2025, в России насчитывается около 106 млн пользователей социальных сетей, что составляет более 70% населения страны [5]. Эти показатели свидетельствуют о превращении социальных сетей в повседневную социальную среду, оказывающую непосредственное влияние на процессы социализации молодёжи. По данным ВЦИОМ за 2024–2025 годы, молодые люди проводят в интернете более восьми часов в день, при этом социальные сети занимают центральное место в структуре медиапотребления [4]. Подробный анализ предпочтений пользователей медиаконтента приводится в аналитическом отчете Медиаскопа [6].

В данном контексте социальные сети формируют особое пространство социальной идентификации, в котором потребительские практики становятся публичными и подверженными постоянной оценке. Механизмы лайков, комментариев и репостов выполняют функцию символического поощрения, закрепляя определённые стили жизни и модели потребительского поведения как социально одобряемые.

Отдельного внимания заслуживает размывание границ между межличностной коммуникацией и маркетинговым воздействием. В цифровой среде реклама органично интегрируется в повседневный контент, что снижает критичность восприятия потребительских сообщений. Данные Mediascope подтверждают, что значительная часть молодёжной аудитории регулярно получает информацию о товарах и услугах через социальные платформы и Telegram-каналы, воспринимая её как элемент социального общения [12].

Существенным эмпирическим подтверждением изложенных выводов являются результаты исследования Н. В. Антоновой и В. Д. Морозовой, основанные на опросе 150 респондентов в возрасте 18–25 лет. В данной работе показано, что восприятие брендов тесно связано с характеристиками социальной идентичности молодых потребителей, а выбор товаров выступает способом самовыражения и символического разграничения с другими социальными группами [3].

Выводы

Проведённый анализ позволяет сделать вывод о том, что социальная идентификация молодых потребителей в условиях цифровизации носит сложный и многоуровневый характер. Социальные сети выступают активным пространством социализации, в рамках которого через потребительские практики формируются представления о социальной принадлежности, статусе и социально одобряемых моделях поведения.

Установлено, что социальные сети усиливают публичность и символический характер потребления, одновременно трансформируя механизмы социальной идентификации. Вместе с тем цифровая среда не только транслирует навязанные стандарты потребления, но и предоставляет молодёжи возможности для осознанного выбора и расширения форм самовыражения, что требует дальнейшего социологического осмысления.

Библиографический список

1. Бауман З. Текущая современность / пер. с англ. - СПб.: Питер, 2008. - 240 с.
2. Бодрийяр Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры / пер. с фр. - М.: Республика, 2006. - 269 с.

3. Антонова, Н.В. Взаимосвязь идентичности потребителя и индивидуальности бренда как фактор приверженности бренду / Н.В. Антонова, В.Д. Морозова // Социальная психология и общество. – 2015. – Т. 6, № 4. – С. 123-138. – DOI 10.17759/sps.2015060409. – EDNVGHMSP.
4. ВЦИОМ. Новости: Живущие в сети, или Медиапотребление современной молодежи // <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/zhivushchie-v-seti-ili-mediapotreblenie-sovremennoi-molodezhi>
5. Digital 2025: The Russian Federation – DataReportal – Global Digital Insights // <https://datareportal.com/reports/digital-2025-russian-federation>
6. Аудитория_социальных_медиа_Mediascope // https://mediascope.net/upload/iblock/438/37qf2vk4di1n4ncguevk3mufyzb11qfx/Аудитория_социальных_медиа_Mediascope.pdf

УДК 379.8

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ПОТРЕБНОСТИ ПОДРОСТКОВ И ВОВЛЕЧЕНИЕ ИХ В ЛОКАЛЬНУЮ ДОСУГОВУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

SOCIO-CULTURAL NEEDS OF TEENAGERS AND THEIR INVOLVEMENT IN LOCAL LEISURE ACTIVITIES

Муратова Дана Рустемовна, студент 4 курса, направление подготовки «Социология управления, экономики и коммуникаций», ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий, Уфа, Россия, E-mail: danyamelon07@mail.ru

Научный руководитель: Шаяхметова Римма Рафаэловна, кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и работы с молодежью, ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий, Уфа, Россия, E-mail: rimma55@bk.ru

Muratova Dana Rustemovna, 4th year student, Department of Sociology of Management, Economics and Communications, Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia, E-mail: danyamelon07@mail.ru

Scientific Advisor: Shayakhmetova Rimma Rafaelevna, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor of the Department of Sociology and Youth Work, Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia, E-mail: rimma55@bk.ru

Аннотация: в статье рассматриваются социокультурные потребности подростков и пути их удовлетворения через местную досуговую среду. На основании обзора литературы и статистики предложены рекомендации: разработка современной инфраструктуры (культурно-развлекательных центров, клубов по интересам), включение подростков в планирование мероприятий, учёт их интересов.

Ключевые слова: подростки; досуговая деятельность; социальное развитие; мотивация; локальная среда.

Keywords: teenagers; leisure activities; social development; motivation; local environment.

Современные подростки живут в условиях быстрой цифровизации и изменений социокультурного контекста. Их потребности при выборе досуга отличаются от взрослых: юноши и девушки нуждаются в удовлетворении социальных, духовных и эстетических запросов, в свободе самореализации. По мнению исследователей, ключевыми аспектами подросткового досуга являются общение, познание себя и мира, самовыражение и преодоление психологических границ. В частности, досуговая деятельность выполняет такие важные функции как коммуникативные, просветительские и помощь в самореализации.

Подростки активно ищут досуг, который помог бы им заявить о себе в социуме, завоевать уважение сверстников и получить эмоциональную поддержку.

Однако, как показывают результаты исследования Росстата «Комплексное наблюдение условий жизни населения» за 2022 год, 79,6 % опрошенных подростков 15–18 лет большую часть свободного времени проводят, общаясь с друзьями, тогда как лишь 11,4 % проводят время за компьютером или смартфоном, и минимальное число занимаются чтением книг (3,1 %) и спортом (2 %) [3]. Это означает, что подростковый досуг сегодня в основном организуется вне официальных учреждений и опирается на неформальные социальные сети.

Анализ досуговых предпочтений подтверждает, что подростки выбирают активные и современные формы отдыха. Результаты социологических опросов показывают: младшие подростки чаще проводят досуг дома, играя в видеоигры, тогда как старшие – выбирают выездные активности, уличные мероприятия и массовые игры. Например, школьники склонны увлекаться видеоиграми и интернетом, а юноши и девушки постарше предпочитают отдых на природе, походы, квесты, спортивные события и развлечения (квизы, стендапы), а также посещение театральных постановок [1]. В тоже время среди подростков замечен интерес к экстремальным увлечениям: по наблюдениям А. И. Юдиной, в последние годы именно рискованные развлечения стали особенно популярны среди молодежи, поскольку подростки таким образом стремятся повысить статус в группе. При этом игромания и интернет-коммуникация формируют у части подростков пассивный досуг, и это сопровождается ростом агрессивных и «бездельных» моделей поведения. В совокупности эти данные указывают на то, что мотивация подростков сочетает потребность в личном признании и активном общении с интересом к новым технологичным и экстремальным формам отдыха.

Гипотеза моего исследования заключается в том, что удовлетворение социокультурных потребностей повышает вовлеченность подростков в локальную досуговую деятельность. На данный момент, несмотря на разнообразие интересов, существующая локальная досуговая среда пока слабо удовлетворяет эти потребности. В регионах и небольших городах часто отсутствуют современные клубы и секции по интересам, а работа музеев, парков, молодежных центров не ориентирована на подростков. Исследование Ефановой и соавторов показывает, что лишь 29,8 % молодых людей в целом посещают культурные учреждения (театры, музеи, ДК и т.д.), а 70,6 % (независимо от возраста) предпочитают проводить досуг дома или у друзей [2]. Отмечается также, что финансовый уровень семьи сильно влияет: у 70 % подростков из малообеспеченных семей вообще нет посещения учреждений культуры. Таким образом, подростки чаще выбирают доступные форматы – кинотеатры, сайты и развлечения с гаджетами – и редко участвуют в деятельности локальных культурно-досуговых учреждений. Это означает, что без «точечного» вовлечения сегодня традиционные формы досуга постепенно теряют свою привлекательность и не выполняют социализирующую роль. Как отмечает Юдина, досуг подростков стал полем проявления «последствий общественных трансформаций»: экстремальные развлечения могут вести к социальным рискам и требуют сдерживающих мер. При этом сама локальная среда в перспективе способна быть ключевым фактором социализации, если она будет перестроена под интересы молодежи.

Анализ зарубежных и российских практик показывает: благоустроенная досуговая среда способствует социализации подростков. Муниципальные учреждения начинают менять подход: современные городские парки и музеи вводят интерактивные программы, фестивали и мастер-классы для молодежи. Например, организуются культурно-творческие экскурсии, флешмобы, художественные перформансы и концерты, ориентированные на подростков. Такие события удовлетворяют одновременно коммуникативные, творческие и образовательные потребности подростков, вовлекая их в активное участие и творческую деятельность. Как показывает практика, подросток, занимающийся полезным и интересным

делом в локальном сообществе, легче формирует социальные навыки и ценностные ориентиры.

Так, сопоставление данных опроса 2022 г. и полевых практик выявило противоречие: существует потребность подростков в интересных социальных событиях, но доступность таких событий на местах ограничена, поэтому можно сделать вывод о том, что выдвинутая гипотеза подтверждается – удовлетворение социокультурных потребностей подростков действительно способствует росту их вовлеченности в локальную досуговую деятельность, усиливая её значимость и эффективность как инструмента социализации, т.к. через местные учреждения культуры и спорта формируются их социальные связи, культурные ценности и навыки. Если среда адаптирована под интересы молодежи, подросток получает возможности для самовыражения и социализации в безопасной среде. В противном случае возрастает риск девиантного поведения и отчужденности. Из проведенного анализа следует, что необходимы целевые меры по трансформации местных досуговых практик. В частности, рекомендуется:

- создавать кураторские клубы и творческие секции по интересам (художественные, музыкальные, IT-лаборатории) с участием самих подростков в управлении;
- расширять спортивную инфраструктуру, предлагая подготовленные безопасные альтернативы экстремальному досугу;
- проводить местные фестивали, ярмарки, квесты и тематические акции с акцентом на цифровое и медийное оформление – привлекать подростков через социальные сети и геймификацию;
- организовывать вовлекающее досуговое обучение: нестандартные экскурсии, историко-краеведческие проекты, волонтерские акции и молодежные форумы, которые учитывают ценностные ориентации молодежи.

Такие меры, как показывает опыт, позволяют повысить лояльность подростков к локальной среде и способствовать их интеграции в общество. В результате подростки не только получают удовлетворение своих социокультурных потребностей, но и вырабатывают у себя социальные компетенции: ответственность, толерантность, умение работать в команде. Мотивированное вовлечение подростков в активную деятельность через местные досуговые институты даёт им «трамплин» для дальнейшей социализации во взрослой жизни.

Библиографический список

1. Аналитический центр платёжной системы «Мир». Чем живёт молодёжь: исследование аналитиков платёжной системы «Мир», 2022. – Режим доступа: <https://mir-young.rbc.ru/> (дата обращения: 01.03.2026).
2. Ефанова О.А., Иваненков С.П., Ивchenkova М. С. Культурные потребности молодежи в контексте современных социокультурных изменений // Социология власти. – 2010. – № (4). – С. 93–101. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/kulturnye-potrebnosti-molodezhi-v-kontekste-sovremennyh-sotsiokulturnyh-izmeneniy> (дата обращения: 01.03.2026).
3. Федеральная служба государственной статистики (Росстат). Комплексное наблюдение условий жизни населения в 2022 году. – М.: Росстат, 2022. – Режим доступа: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/kouz/survey0/index.html (дата обращения: 01.03.2026).
4. Цао И. (Ифань). Исследовательский анализ досуга российских подростков – визуальный анализ на основе VOSviewer // Бизнес. Образование. Право. – 2024. – № 2(67). – С. 472–478. – Режим доступа: <https://vestnik.volbi.ru/upload/numbers/267/article-267-4077.pdf> (дата обращения: 01.03.2026).
5. Юдина А.И. Досуговые предпочтения современных подростков: предупреждение социальных рисков // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. – 2017. – № 2(38). – С. 146–150. – Режим доступа: <https://oaji.net/pdf.html?n=2017%2F774-1490243320.pdf> (дата обращения: 01.03.2026).

ЭТНИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ: ВЫЗОВЫ И СТРАТЕГИИ АДАПТАЦИИ

ETHNIC IDENTITY IN THE CONTEXT OF GLOBALIZATION: CHALLENGES AND ADAPTATION STRATEGIES

Муслимова Эльмира Руфатовна, студент, ФГБОУ ВО «Уфимский Университет Науки и Технологий», Уфа, Россия, E-mail: elmiramuslim0va@mail.ru

Muslimova Elmira Rufatovna, student. Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia, E-mail: elmiramuslim0va@mail.ru

Научный руководитель: Шарипов Азамат Ражапович – кандидат философских наук, доцент кафедры социологии и работы с молодёжью УУНИТ, E-mail: a.r.sharip@mail.ru

Scientific supervisor: Sharipov Azamat Razhapovich – Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of the Department of Sociology and Youth Work at UUST, E-mail: a.r.sharip@mail.ru

Аннотация: в статье анализируется трансформация этнической идентичности под влиянием глобализационных процессов. Выявляются основные вызовы: размывание территориальной привязки, культурная гомогенизация, информационное давление цифровой среды и парадоксальный рост этнического национализма. Систематизируются стратегии адаптации этнических групп и индивидов, включая изоляцию, интеграцию, гибридизацию, транснационализм и виртуальные формы поддержания идентичности. Обосновывается вывод о том, что глобализация не уничтожает этническую идентичность, а придаёт ей более сложный, многоуровневый и динамичный характер.

Abstract: the article analyzes the transformation of ethnic identity under the influence of globalization processes. The main challenges are identified: the erosion of territorial attachment, cultural homogenization, information pressure of the digital environment, and the paradoxical rise of ethnic nationalism. The adaptation strategies of ethnic groups and individuals are systematized, including isolation, integration, hybridization, transnationalism, and virtual forms of identity maintenance. The conclusion is substantiated that globalization does not destroy ethnic identity but gives it a more complex, multi-level and dynamic character.

Ключевые слова: этническая идентичность, глобализация, вызовы, стратегии адаптации, гибридная идентичность, транснационализм, виртуальная этничность.

Keywords: ethnic identity, globalization, challenges, adaptation strategies, hybrid identity, transnationalism, virtual ethnicity.

Введение

Процессы глобализации, развернувшиеся во второй половине XX века и достигшие своей кульминации в начале XXI столетия, представляют собой поистине всеобъемлющее явление, охватившее экономическую, политическую, демографическую и культурную сферы жизни народов всего мира. Глобализация затронула все стороны общественной жизни, а постоянные миграционные процессы, интеграция, растущая доля массовой культуры и развитие средств массовой информации сближают людей и в определённом смысле стирают границы между народами и культурами [5]. Этот сложный и неоднозначный процесс оказывает серьезнейшее влияние не только на международные отношения, но и на отношение народов к самим себе, что делает проблему взаимодействия между универсальными и региональными факторами одной из важнейших в современную эпоху. В этих условиях этническая идентичность, понимаемая как часть социальной идентичности личности, содержание которой составляют разделяемые членами группы этносоциальные представления об общей истории, культуре, традициях и месте происхождения, сталкивается с беспрецедентными вызовами и подвергается серьезным трансформациям [6].

Актуальность темы исследования обусловлена тем, что идентичность в условиях глобализации, цифровизации и миграционных кризисов перестает быть статичной, превращаясь в гибридный конструкт. Проблема межэтнического негативизма, возникающая в результате глобализационных изменений, остро стоит перед большинством полиэтнических и поликультурных стран мира, вызывая рост социальной напряженности и увеличение числа межэтнических конфликтов [3]. В то же время наблюдается и обратная тенденция: глобализация стала важнейшим фактором обострения этнической идентичности, а в этносоциальных общностях отсутствие универсального рецепта адаптации к амбивалентным тенденциям этнизации и глобализации создает турбулентное пространство культурной диссипации, несущее риск разрушения этноидентификационного кода и способное обострить этноконфессиональную напряженность [7].

Цель данной статьи состоит в выявлении основных вызовов глобализации для этнической идентичности и систематизации типичных стратегий её адаптации. Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи: определить ключевые угрозы этнической идентичности, порождаемые глобализационными процессами; выявить и классифицировать основные стратегии адаптации этнических групп и индивидов к новым социокультурным условиям; а также охарактеризовать трансформацию моделей этнической идентичности в современную эпоху.

Вызовы глобализации этнической идентичности

Глобализационные процессы порождают целый комплекс вызовов, угрожающих устойчивости традиционных форм этнической идентичности. В научной литературе эти вызовы часто описываются через дихотомию универсализма и партикуляризма, где первый стремится к стиранию культурных различий, а второй – к их гипертрофированной защите. В условиях глобализации, цифровизации и миграционных кризисов идентичность перестает быть статичной, превращаясь в гибридный конструкт, что создает турбулентное пространство, несущее риск разрушения этноидентификационного кода и способное обострить межэтническую напряженность [1]. К числу ключевых вызовов, порождаемых глобализацией, относятся размывание территориальной привязки, культурная гомогенизация, информационное давление цифровой среды и, как парадоксальная реакция, рост этнического национализма.

Одним из фундаментальных вызовов является размывание территориальной привязки, которая на протяжении веков служила одним из главных маркеров этнической идентичности. Массовые миграции, трудовая мобильность и формирование глобальных диаспор приводят к тому, что человек все чаще оказывается оторванным от своей этнической родины. В этих условиях традиционные механизмы трансляции культуры – семья, община, землячество – ослабевают, уступая место новым, зачастую более абстрактным формам солидарности. Однако этот процесс имеет и обратную сторону. Современные информационные технологии позволяют сохранять и конструировать свою этническую идентичность, создавать образ своей этнической группы даже на расстоянии. Виртуальные сообщества помогают сохранять и поддерживать единство групп, реальную этническую идентичность в условиях миграции, выполняя функции объединения и поддержки. Более того, при удаленности людей от родных мест информационные технологии позволяют поддерживать коммуникацию с родными и друзьями, быть причастным ко всем событиям на родной земле, общаться на родном языке, что дает человеку ощущение стабильности собственной идентичности в условиях постоянных изменений [4]. Таким образом, утрата территориальной привязки компенсируется формированием новых, виртуальных пространств для поддержания этничности.

Не менее значимым вызовом является культурная гомогенизация – процесс унификации культурных образцов, ценностей и норм под влиянием глобальных медиа, массовой культуры и транснациональных корпораций. Доминирование западных, прежде всего американских, стандартов жизни, потребления и досуга ведет к ослаблению локальных культурных

традиций, языков и обычаев. В глобальном веб-пространстве этот процесс приобретает особенно интенсивный характер. Унификация культур в виртуальной среде происходит через механизмы гомогенизации и креолизации, когда отдельные социокультурные общества сливаются в глобальной культуре Интернета. В этих условиях сохранение уникальных этнических черт оказывается под вопросом, а считавшиеся незыблемыми культурные коды подвергаются эрозии.

Особого внимания заслуживает информационное давление цифровой среды, которое становится самостоятельным вызовом для этнической идентичности. Повсеместное использование одних и тех же социальных сетей и мессенджеров приводит к определенной универсализации представления об этничности в виртуальной среде, а борьба со штампами и девальвацией культурных ценностей в условиях увеличения цифрового контента приобретает все большую актуальность [2]. В этой связи исследователи фиксируют феномен «киберэтничности», когда этническая идентичность все больше проявляется и конструируется именно в онлайн-плоскости.

Наконец, парадоксальным, но хорошо задокументированным вызовом глобализации является рост этнического национализма. Вопреки ожиданиям сторонников теории «конца истории» и глобальной культурной конвергенции, унификация мира не привела к исчезновению этнических различий, а напротив, спровоцировала их острую актуализацию. Этот феномен часто описывается как «этнический парадокс» глобализации: чем более универсальным становится мир, тем сильнее люди цепляются за свои локальные корни. В условиях кризиса традиционной идентичности и размывания привычных социальных связей этничность превращается в ресурс солидарности и инструмент политической мобилизации. Как отмечают исследователи, глобализация создает условия, в которых «возвращение к корням» может принимать как мягкие формы (этнокультурные фестивали, языковые курсы, краеведение), так и радикальные (этнонационализм, сепаратизм, ксенофобия). Этот вызов является, пожалуй, наиболее сложным, поскольку он не просто угрожает этнической идентичности извне, но и трансформирует её изнутри, заставляя группы пересматривать свои границы и содержание.

Глобализация создает для этнической идентичности сложную и противоречивую ситуацию. Вызовы, связанные с утратой территории, культурной унификацией, информационным давлением и ростом национализма, требуют от этнических групп выработки новых стратегий адаптации, которые позволяли бы сохранять культурную специфику в условиях открытого и взаимосвязанного мира.

Стратегии адаптации этнической идентичности. Перед лицом вызовов, порождаемых глобализацией, этнические сообщества и отдельные индивиды вырабатывают комплекс адаптационных стратегий, направленных на сохранение идентичности или ее органичное встраивание в новые социокультурные контексты. В научной литературе выделяются классические стратегии аккультурации, такие как интеграция, ассимиляция, сепарация и маргинализация, которые сохраняют свою эвристическую ценность. Однако эмпирические исследования последних лет фиксируют появление более сложных и гибких моделей идентичности, отражающих амбивалентность современной эпохи, где отсутствие универсального рецепта адаптации к этнизации и глобализации превращает этносоциальные общности в «турбулентное пространство культурной диссипации» [4]. В данном параграфе будут рассмотрены ключевые стратегии адаптации этнической идентичности, включая сепарацию (изоляцию), интеграцию, гибридизацию, транснационализм и виртуальные формы ее поддержания.

Одной из классических адаптационных стратегий является сепарация, или изоляция, которая предполагает сознательное отгораживание этнической группы от доминирующего общества при сохранении собственной культуры. Такая стратегия может реализовываться через создание этнических анклавов в городах, формирование замкнутых религиозных общин или поддержание строгих брачных и поведенческих ограничений. Изоляция нередко

становится реакцией на враждебность принимающей среды или, напротив, результатом добровольного выбора группы, стремящейся сохранить свою аутентичность. При этом, как подчеркивают исследователи, изоляция воспринимается коренными жителями как угроза, что способно усиливать межэтническую напряженность [8].

В отличие от изоляции, интеграция признается наиболее адаптивной стратегией для этнических меньшинств и иммигрантов. Она предполагает как сохранение исходной этнической идентичности, так и установление позитивных связей с обществом большинства. Эмпирические исследования на примере русскоязычных трансмигрантов показывают, что интеграция является доминирующим типом адаптационной стратегии и способствует формированию нового типа идентичности – транснациональной [9]. Однако процесс интеграции сопряжен с определенными трудностями. Исследования фиксируют взаимосвязь между стратегиями аккультурации и возникновением внутриличностных конфликтов: маргинализация, связанная с утратой связи как с родной, так и с принимающей культурой, приводит к дезадаптации. В то же время позитивная этническая идентичность выступает ключевым механизмом формирования межэтнической толерантности и эффективной адаптации.

В условиях диаспоры этнокультурная идентичность приобретает особые черты. Диаспорная идентичность понимается как множественная идентичность, которая обусловлена структурой диаспоры, отличается динамизмом и отражает региональные особенности. Ее ключевой механизм – самопонимание субъекта в условиях диаспоры, которое представляет собой диалог культур на уровне индивидуального сознания. Следствием такого диалога является успешная социальная адаптация представителей диаспоры без потери этнокультурной самобытности, что ведет к расширению границ бытийного пространства личности.

Особую роль в адаптации этнической идентичности в современном мире играют цифровые технологии. Исследователи фиксируют смену локуса этноформирующей коммуникации с традиционных медиа и общин на новые медиа и виртуальные социальные сообщества. Социальные сети становятся инструментом воспроизводства этнической идентичности, позволяя мигрантам поддерживать связь с родной культурой, общаться на родном языке и находить единомышленников. Возникает феномен «виртуальной этничности», когда идентичность все больше конструируется и проявляется в онлайн-плоскости. При этом виртуальное пространство одновременно служит и площадкой для унификации культур, и средой для сохранения локальных идентичностей.

Адаптация этнической идентичности в условиях глобализации представляет собой многомерный и динамичный процесс, спектр стратегий которого простирается от изоляции до полной ассимиляции, от гибридизации до транснационализма. Выбор конкретной стратегии зависит от множества факторов, включая характеристики принимающего общества, ресурсы этнической группы, миграционный опыт индивида и доступ к цифровым технологиям. При этом наиболее перспективными и адаптивными признаются стратегии, предполагающие не отказ от собственной идентичности, а ее гибкое, ситуативное конструирование, позволяющее сохранять этнокультурную специфику при активном взаимодействии с глобализованным миром.

Заключение. Проведенный анализ позволяет утверждать, что глобализация не уничтожает этническую идентичность, но существенно трансформирует её формы и механизмы функционирования. Основные вызовы, с которыми сталкивается этническая идентичность в современном мире, – размывание территориальной привязки, культурная гомогенизация, информационное давление цифровой среды и парадоксальный рост этнического национализма – требуют от индивидов и групп активной адаптации. В ответ на эти вызовы вырабатываются разнообразные стратегии: от изоляции и ассимиляции до интеграции, гибридизации и транснационализма, причём наиболее эффективной признаётся гибкая, ситуативная модель, позволяющая сохранять этнокультурную специфику без отказа

от взаимодействия с глобальным миром. Особую роль в современных адаптационных процессах играют цифровые технологии, создающие новые пространства для конструирования и поддержания этничности. Таким образом, этническая идентичность в условиях глобализации не исчезает, а приобретает более сложный, многоуровневый и динамичный характер, что открывает широкое поле для дальнейших исследований, в частности в области виртуальной этничности и сравнительного анализа адаптационных стратегий в разных регионах мира.

Библиографический список

1. Бегалинов, А.С., Ашилова, М.С., & Бегалинова, К.К. (2025). Трансформация этносоциальной динамики и моделей идентичности в эпоху глобальных вызовов. *RespublicaLiteraria*, 6(2), 135–143. <https://doi.org/10.47850/RL.2025.6.2.135-143>
2. Белоруссова С. Ю., Хохолькова Н. Е. Виртуальность и глобальность (на примере коренных народов России и Африки) // *Этнография*. 2023. №4 (22). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/virtualnost-i-globalnost-na-primere-korennyh-narodov-rossii-i-afriki> (дата обращения: 21.04.2026).
3. Кармова М.Р., Максимова О.И. Межэтнический негативизм: в поисках путей выхода // *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2020. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mezhetnicheskiy-negativizm-v-poiskah-putey-vyhoda> (дата обращения: 21.04.2026).
4. Мельникова Н.М., Кузнецова С.А., Чарина Е.В. Виртуальный мир как способ сохранения и формирования этнической идентичности в условиях миграции // *Педагогика. Психология. Философия*. 2021. №4 (24). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/virtualnyy-mir-kak-sposob-sohraneniya-i-formirovaniya-etnicheskoy-identichnosti-v-usloviyah-migratsii> (дата обращения: 21.04.2026).
5. Морзавченков Г.А. Критерии этнокультурной идентичности в условиях глобализации // *Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки*. 2010. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kriterii-etnokulturnoy-identichnosti-v-usloviyah-globalizatsii> (дата обращения: 21.04.2026).
6. Мухлынкина Ю.В. Этническая идентичность в эпоху глобализации // *НОМОТНЕТИКА: Философия. Социология. Право*. 2008. №8 (48). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/etnicheskaya-identichnost-v-epohu-globalizatsii> (дата обращения: 21.04.2026).
7. Нехай В., Шаов А., Фатьянов В., Шумафов Б. Этнокультурные процессы в условиях формирования толерантности в глобализирующемся мире // *Россия и мусульманский мир*. 2016. №7 (289). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/etnokulturnye-protsessy-v-usloviyah-formirovaniya-tolerantnosti-v-globaliziruyuschemsya-mire-1> (дата обращения: 21.04.2026).
8. Степанова А.А., Сыманюк Э.Э. Этнокультурный тренинг как фактор профилактики этнической отчужденности личности // *Образование и наука*. 2019. №5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/etnokulturnyy-trening-kak-faktor-profilaktiki-etnicheskoy-otchuzhdennosti-lichnosti> (дата обращения: 21.04.2026).
9. Эльнара М.Д. Транснационализм: стратегии адаптации мигрантов // *Гуманитарный вектор*. 2025. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/transnatsionalizm-strategii-adaptatsii-migrantov> (дата обращения: 21.04.2026).

РЭП ТЕКСТЫ КАК СРЕДСТВО ВОЗДЕЙСТВИЯ НА МОЛОДЁЖЬ: МЕХАНИЗМЫ, РИСКИ И СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ КОНТЕКСТ
RAP TEXTS AS A MEANS OF INFLUENCING YOUTH: MECHANISMS, RISKS AND SOCIO-CULTURAL CONTEXT

Наседкин Андрей Сергеевич, студент 2 курса магистратуры, кафедра социологии и работы с молодёжью ФГБОУВО «Уфимский университет науки и технологий», Уфа, Россия, E-mail: sen3es@yandex.ru

Научный руководитель – **Шайхисламов Рафаэль Бадретдинович**, доктор социологических наук, профессор, кафедра социологии и работы с молодёжью ФГБОУВО «Уфимский университет науки и технологий», Уфа, Россия

Nasedkin Andrey Sergeevich, 2nd year Graduate student, Department of Sociology and Youth Work, Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia, E-mail: sen3es@yandex.ru

Scientific Supervisor – **Rafael Shaikhislamov**, Doctor of Sociology, Professor, Department of Sociology and Youth Work, Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia

Аннотация: В статье рассматриваются рэп-тексты как мощный канал воздействия на молодёжь: анализируются психологические и социальные механизмы влияния, потенциальные риски и роль социокультурного контекста. На основе обзора эмпирических исследований и контент-анализа треков обсуждаются процессы идентификации, нормирования и эмоционального вовлечения, а также факторы-модераторы (возраст, семья, медиаграмотность, статус артиста). Приводятся практические рекомендации для педагогов, родителей и политиков в области медиапространства и культурной политики. Выводы подчёркивают необходимость сочетания регулирования содержания и просвещения аудитории.

Abstract: This article examines rap lyrics as a potent channel of influence on young people by analysing psychological and social mechanisms, associated risks, and the broader sociocultural context. Drawing on a review of empirical studies and a content analysis of tracks, the paper explores processes of identification, norm formation, and emotional engagement, as well as moderating factors (age, family environment, media literacy, artist authority). Practical recommendations for educators, parents, and policymakers are provided, emphasizing the need for a combined approach of content awareness and audience education. The findings highlight both the constructive potential and the risks of uncontextualized exposure.

Ключевые слова: рэп, музыкальные тексты, молодёжь, влияние медиа, идентификация, нормирование, медиаграмотность, рискованное поведение, культурные практики, просвещение

Keywords: rap, song lyrics, youth, media influence, identification, norm formation, media literacy, risky behaviour, cultural practices, public education

Рэп и его место в жизнедеятельности. Рэп давно перестал быть маргинальным музыкальным жанром, существующим на периферии культуры. Сегодня это одно из самых влиятельных музыкальных направлений, которое формирует мировоззрение, систему ценностей и модели поведения многомиллионной аудитории, прежде всего – молодежной. По данным статистики, русскоязычный рэп стабильно входит в число наиболее востребованных жанров на стриминговых платформах, а интерес к нему продолжает расти. При этом вопрос о том, какое именно воздействие оказывают рэп-тексты на молодых слушателей, остается

предметом ожесточенных дискуссий – от полной апологетики жанра до требований его цензурирования и запрета отдельных исполнителей.

Настоящая статья представляет собой комплексный анализ рэп-текстов как инструмента воздействия на молодежь. Опираясь на данные социологических исследований, контент-анализа и экспертные оценки, мы рассмотрим ценностные нарративы, транслируемые в русскоязычном рэпе, механизмы их влияния на аудиторию, а также социальные риски и воспитательный потенциал жанра.

В современной социологии музыки популярная музыка рассматривается как полноценный агент социализации – наряду с семьей, школой и референтными группами. Это означает, что тексты песен, которые слушает молодой человек, способны влиять на формирование его ценностных ориентиров, поведенческих паттернов и даже идентичности. В условиях цифрового общества, когда доступ к музыке стал практически неограниченным, а время прослушивания достигает нескольких часов в день, воздействующий потенциал музыкальных текстов только усиливается.

Исследователи выделяют несколько ключевых функций массовой музыки в жизни молодежи: социализирующую, коммуникативную, функцию отражения социальной действительности, агитационно-политическую и дифференцирующую. Рэп, в силу своей жанровой специфики – вербальной насыщенности, установки на «правдивость» и автобиографичность, а также изначальной связи с уличной культурой и социальным протестом, – реализует эти функции особенно ярко.

Важно понимать, что воздействие рэп-текстов не является однонаправленным и механическим. Слушатель – не пассивный реципиент, а активный интерпретатор, чье восприятие опосредовано семейным воспитанием, социальным окружением и личностными особенностями. Как отмечают психологи, «большую роль в восприятии ребенка играют внутрисемейные ценности, которые и задают определенный вектор поведения». Однако это не снимает вопроса об ответственности исполнителей за содержание транслируемых ими сообщений.

Тематический портрет русского рэпа: что слушает молодежь. Для понимания механизмов воздействия необходимо прежде всего ответить на вопрос: о чем именно поют российские рэперы? Масштабное исследование, проведенное социологами с использованием методов тематического моделирования корпуса из более чем 11 000 текстов свыше 500 исполнителей, позволило составить объективную картину тематического репертуара русского рэпа.

Анализ показывает, что наиболее распространенными темами в русскоязычном рэпе являются: поиск и становление себя – нарративы самоидентификации, рефлексии о собственном пути, преодолении трудностей и поиске места в мире⁵⁴. Эта тема занимает центральное место в жанре, что отражает традиционную для рэпа установку на самовыражение и «рассказ о себе». Несчастливая любовь и смерть – темы эмоциональной уязвимости, потерь, разочарований в отношениях и экзистенциальных переживаний. Присутствие этих мотивов опровергает стереотип о рэпе как исключительно «агрессивном» и «маскулинном» жанре. Рефлексия и эмоции – в целом для русского рэпа, в отличие от американского, в гораздо большей степени характерен рефлексивный образ, связанный с выражением чувств, переживаний и рассуждениями о себе и мире.

На другом полюсе – темы, встречающиеся реже всего: размышления о родине и нарратив успеха. Этот факт заслуживает отдельного внимания: при распространенном представлении о рэпе как о жанре, воспевающем богатство и статус, систематический анализ показывает, что «успех» как тема находится в русском рэпе на периферии

⁵⁴Ларина А.А. Основные ценности современной молодежи // Территория науки. 2015. № 5.

Динамика изменений: от рефлексии к «новой маскулинности». Важно отслеживать и временную динамику. Исследования фиксируют, что если в ранние периоды развития русского рэпа источником переживаний были размышления о собственном пути и становлении, то с течением времени они сменяются переживаниями о несчастной любви и расставании. Одновременно в последние годы заметно распространение маскулинных тем, формирующих «новый образ гегемонной маскулинности».

В этом образе доминирование мужчины достигается не за счет физической агрессии и жестокости (как это было характерно для раннего американского рэпа), а за счет демонстрации богатства, употребления наркотиков и успеха у женщин. Это важный сдвиг, который меняет и характер воздействия на аудиторию: на смену прямой пропаганде насилия приходит гламуризация потребления, гедонизма и химических зависимостей

Ключевой механизм воздействия рэп-текстов связан с феноменом идентификации.

Молодой слушатель, особенно подросток, находящийся в процессе построения собственной идентичности, склонен искать референтные образцы в медиапространстве. Рэпер, который рассказывает о схожих проблемах (непонимание в семье, сложности с деньгами, неразделенная любовь, конфликты с обществом) и предлагает определенные модели их решения, естественным образом становится таким образцом. Особенно это касается саундклауд-рэпа, где «многие из исполнителей сталкиваются с ментальными расстройствами и зависимостями», что делает их «своими» для аудитории с аналогичными проблемами. В этой логике употребление наркотиков или демонстрация суицидальных настроений в текстах перестают быть просто художественным приемом – они становятся руководством к действию или, как минимум, нормализацией деструктивного поведения.

Музыка в целом, и рэп в особенности, обладает мощным потенциалом эмоционального заражения. Исследования показывают рост выраженности эмоции гнева в современных популярных текстах, что особенно характерно для рэп-жанра. Ритмическая структура, тембр голоса, манера подачи – все это усиливает эмоциональное воздействие вербального сообщения.

При этом важно различать катарсический эффект (эмоциональную разрядку через искусство) и прямое моделирование деструктивных аффектов. Одно дело, когда слушатель идентифицируется с «гневным» персонажем песни и получает возможность символически отреагировать собственные негативные эмоции. Другое – когда агрессивные или депрессивные паттерны закрепляются как единственно приемлемые способы реагирования на жизненные трудности.

Рэп-тексты, особенно при регулярном и длительном прослушивании, способны влиять на ценностные ориентации молодежи. Это происходит как через прямое декларирование определенных ценностей (успех, деньги, независимость, уважение), так и через «негативную валентность» – маркирование того, что осуждается и высмеивается⁵⁵. По данным медиа-анализа, ключевыми ценностями, транслируемыми в рэп-дискурсе, являются: молодость, свобода, независимость, творчество и правда. Они противопоставляются деструктивным, с точки зрения рэп-сообщества, явлениям: коррупции, социальной несправедливости, манипуляциям СМИ. Эта оппозиция резонирует с протестными настроениями, характерными для молодежной аудитории, и может формировать критическое (или, напротив, конспирологическое) отношение к официальным институтам.

Наиболее тревожный аспект воздействия рэп-текстов – нормализация девиантного поведения. Речь идет о нескольких типах контента: пропаганда наркотиков и психоактивных

⁵⁵Туп Д. Рэп атака. От африканского рэпа до глобального хип-хопа / пер. с англ. В. Осовского. Информационный проект VOOKstock (<http://vookstock.narod.ru/rapattack.html>). 2012

веществ. Упоминания наркотиков в рэп-текстах – распространенное явление. В ряде случаев они подаются как атрибут «успешной» и «свободной» жизни, в других – как способ ухода от экзистенциальной боли⁵⁶. В любом случае, регулярное воспроизведение этих нарративов снижает критическое отношение к употреблению ПАВ. Как показывает практика, концерты отдельных исполнителей отменяются именно по причине «пропаганды наркотиков и аморального поведения» в их текстах.

Агрессия и конфликтные модели. Дисс-культура, то есть обмен оскорбительными треками между рэперами, составляет значительную часть жанра. Хотя часто это рассматривается как игровая практика или маркетинговый ход, подаваемые в текстах модели конфликтного поведения (оскорбления, угрозы, призывы к насилию) могут восприниматься молодой аудиторией как образцы для подражания в реальной жизни. **Общенная лексика.** Исследователи фиксируют тенденцию к нормализации общенной лексики в современной популярной музыке. Для рэпа использование ненормативной лексики долгое время было жанровой чертой, однако ее бесконтрольное тиражирование способствует общему снижению речевой культуры и стиранию табу. Между протестом и разрушением: двойственная природа воздействия. Анализ научной литературы и экспертных оценок показывает, что воздействие рэп-текстов на молодежь не может быть оценено однозначно – как исключительно негативное или позитивное.

Рэп как голос поколения и инструмент рефлексии. Сторонники рэпа справедливо указывают, что этот жанр часто становится единственным каналом, через который молодежь может выразить свои проблемы и получить на них социально значимый ответ. В обществе, где подростковые трудности часто минимизируются или вовсе игнорируются взрослыми, рэп предлагает пространство для валидации переживаний.

Более того, вопреки стереотипам, русскоязычный рэп в значительной своей части ориентирован на рефлекссию и самопознание, а не на агрессию или гедонизм. Исследования показывают, что «с точки зрения содержания для русскоязычного рэпа в гораздо большей степени характерен рефлексивный и недоминирующий образ, связанный с выражением чувств, эмоций и переживаний, рассуждениями о себе и мире». Это означает, что качественные образцы жанра могут выполнять терапевтическую функцию, помогая молодым людям осознавать и вербализовать собственные эмоциональные состояния.

Важно учитывать, что наше представление о рэпе как об исключительно «опасном» жанре во многом конструируется медиа. Анализ журналистских интерпретаций рэп-культуры показывает: СМИ чаще всего представляют рэп через призму конфликта с «традиционными ценностями», подчеркивая темы криминала, наркотиков и «низкой» морали. При этом вне фокуса остаются социально-критические, рефлексивные и художественно ценные аспекты жанра. Другими словами, существует разрыв между тем, что реально транслируется в рэп-текстах, и тем, как эти тексты репрезентируются в общественном дискурсе. Это не отменяет наличия деструктивного контента, но требует более дифференцированного подхода к оценке.

Современные исследования массовой музыки, основанные на анализе больших данных, фиксируют снижение лексической сложности и рост повторяемости строк в популярных песнях, включая рэп. Однако сами исследователи предостерегают от поспешных выводов о «деградации» или «оглулении» аудитории.

Во-первых, метрики «читаемости» заимствованы из анализа прозы и плохо работают для песен, где синтаксис часто нарушается намеренно. Во-вторых, сложность современной музыки все чаще переносится из вербальной сферы в тембровую, продюсерскую, ритмическую – то есть в те аспекты, которые не фиксируются традиционным лингвистическим анализом. В-третьих, сам разговор об «упрощении» поп-музыки

⁵⁶ Кожелупенко Т.М. Рэп как язык конфликта в субкультуре хипхопа // Вестник РУДН. Серия: Лингвистика. 2008. № 4.

маскирует ценностный выбор: поп-культура изначально строилась как массовая, тиражируемая и часто презируемая «низкая» форма искусства

Социальный контекст: почему молодежь слушает «опасный» рэп. Для адекватной оценки воздействия рэп-текстов необходимо учитывать более широкий социальный контекст. Молодежь не выбирает рэп в вакууме – этот выбор отражает определенные социальные реальности.

Психологи отмечают, что «в любом молодом поколении заложен дух бунтарства. Каждая новая волна подрастающей молодежи хочет перевернуть этот мир и сделать все не так, как делали предыдущие поколения». Рэп с его эстетикой «подшара», маргинальностью и вызовом мейнстриму органично вписывается в эту бунтарскую потребность. Кроме того, популярность рэпа среди молодежи – это также ответ на нехватку институциональных каналов для выражения протеста и социального диалога. В ситуации, когда традиционные механизмы обратной связи между поколениями и социальными группами нарушены, рэп становится «рупором протеста» и формой «социального высказывания».

Это не оправдывает деструктивный контент, но объясняет, почему попытки простого запрета «опасных» исполнителей (как в случае с отменами концертов Ганвеста в ряде российских городов) вряд ли приведут к желаемому результату. Запрет не устраняет социально-психологический запрос, который удовлетворяет этот жанр, а лишь переводит его в еще более радикальные и трудно контролируемые формы.

Обобщая данные исследований, можно выделить следующие ключевые риски воздействия рэп-текстов на молодежь: нормализация аддиктивного поведения – употребления наркотиков, алкоголя, других психоактивных веществ.

Формирование агрессивных и конфликтных моделей поведения как предпочтительных способов решения проблем. Снижение критического отношения к лексике и, шире, к речевой агрессии «гламуризация» материального успеха и гедонизма в ущерб другим ценностям. Формирование пессимистической или депрессивной картины мира (особенно актуально для саундклауд-рэпа). Ограничительные меры: эффективность и границы. В публичном пространстве периодически звучат предложения о цензурировании рэпа или запрете отдельных исполнителей. Практика показывает, что такие меры имеют ограниченную эффективность по нескольким причинам. Во-первых, запрет часто приводит к эффекту «запретного плода», только повышая интерес аудитории к «опасному» контенту. Во-вторых, в условиях цифрового общества технически невозможно полностью заблокировать распространение нежелательной музыки – она продолжает существовать в «серых» зонах интернета. В-третьих, тотальные запреты подрывают доверие молодежи к институтам власти, подтверждая рэп-нарратив о «манипуляциях со стороны медиа и политиков».

Более продуктивным представляется подход, предполагающий: а) правовое регулирование в отношении явно противоправного контента (прямые призывы к насилию, пропаганда наркотиков в их «позитивной» презентации); б) возрастное маркирование контента; в) системную воспитательную работу, формирующую у молодежи критическое отношение к медиа-сообщениям.

Ключевым направлением работы должно стать развитие медиа-компетентности молодежи – способности критически анализировать потребляемый контент, различать художественную условность и прямые поведенческие инструкции, рефлексировать собственные эмоциональные реакции.

Эффективными могут быть следующие форматы: обсуждение рэп-текстов в рамках школьных уроков литературы или обществознания (с анализом не только формы, но и ценностного содержания); создание молодежью собственного «позитивного» рэп-контента как формы самовыражения; приглашение «ответственных» рэперов для диалога со школьниками и студентами.

Важно также учитывать, что семья остается значимым буферным фактором: как отмечают психологи, избыточно бояться влияния рэпа на поколение в целом не стоит, поскольку «часть может пойти за таким псевдолидером, но далеко не все поддерживают его творчество». Внутрисемейные ценности и доверительные отношения с родителями снижают уязвимость подростка перед деструктивными медиа влияниями.

Заключение. Проведенный анализ позволяет сделать вывод, что рэп-тексты действительно являются мощным средством воздействия на молодежь, однако характер этого воздействия сложен и неоднозначен. Русскоязычный рэп не сводится к пропаганде насилия, наркотиков и грубой маскулинности – в значительной своей части он ориентирован на рефлекссию, само исследование и выражение эмоциональной уязвимости. Именно эта аутентичность и психологическая близость делают его столь привлекательным для молодой аудитории.

В то же время деструктивный потенциал жанра реален и требует серьезного внимания. Речь идет не столько о «плохих» текстах, сколько о механизмах идентификации, нормализации и эмоционального заражения, которые работают независимо от намерений авторов. Особую тревогу вызывает нормализация аддиктивного поведения и депрессивных состояний, особенно в субжанрах типа саундклауд-рэпа. Эффективная стратегия в отношении рэпа как фактора социализации молодежи лежит не в плоскости запретов и тотальной цензуры, а в развитии критического мышления и медиаграмотности. Необходим переход от моральной паники вокруг жанра к системному анализу его содержания, механизмов воздействия и, главное, тех социальных запросов, которые рэп удовлетворяет.

Только поняв, почему молодежь выбирает именно этот язык для разговора о себе и мире, мы сможем выстроить продуктивный диалог – не «против» рэпа, а через него, используя его коммуникативный потенциал для трансляции социально значимых ценностей.

В конечном счете, рэп – это не причина молодежных проблем, а симптом, индикатор того, что происходит в обществе и в головах подрастающего поколения [4,]. Игнорировать этот индикатор или пытаться его «отключить» цензурой – значит отказываться от важнейшего канала обратной связи. Задача же ответственного общества – научиться считывать сигналы, передаваемые через рэп-культуру, и отвечать на них не запретами, а содержательной воспитательной и социальной политикой.

Библиографический список

1. Кожелупенко Т.М Рэп как язык конфликта в субкультуре хипхопа // Вестник РУДН. Серия: Лингвистика. 2008. № 4.
2. Ларина А.А. Основные ценности современной молодежи // Территория науки. 2015. № 5.
3. Туп Д. Рэп атака. От африканского рэпа до глобального хип-хопа / пер. с англ. В. Осовского. Информационный проект VOOKstock (<http://vookstock.narod.ru/rapattack.html>). 2012.
4. Ахметова, Э. И. Патриотизм глазами молодежи: социологическое измерение (на примере республик Поволжья и Северного Кавказа) / Э. И. Ахметова // Уфимский гуманитарный научный форум. – 2025. – № 4(24). – С. 258-268. – DOI 10.47309/2713-2358-2025-4-258-268. – EDN RLFPDW.
5. Гайфуллин, А. Ю. Удовлетворенность условиями труда и причины смены работы молодежью Республики Башкортостан: социологический анализ / А. Ю. Гайфуллин // Уфимский гуманитарный научный форум. – 2025. – № 4(24). – С. 284-292. – DOI 10.47309/2713-2358-2025-4-284-292. – EDN BUUYRT.
6. Арчибасов, М. Е. Роль социологических исследований в формировании молодежного кадрового резерва в Республике Башкортостан / М. Е. Арчибасов, К. В. Фадеев, В. Ф. Ковров // Уфимский гуманитарный научный форум. – 2025. – № 4(24). – С. 293-300. – DOI 10.47309/2713-2358-2025-4-293-300. – EDN WXSXHN.
7. Маяцкая, О. Б. Социокультурная сфера как объект гибридного воздействия и

- интеллектуальных провокаций / О. Б. Маяцкая, З. Ф. Аббарова, А. А. Старшинина // Уфимский гуманитарный научный форум. – 2025. – № 4(24). – С. 331-338. – DOI 10.47309/2713-2358-2025-4-331-338. – EDN ZPLGQW.
8. Садретдинова, Э. В. Особенности мотивации профессиональной деятельности у этнических групп работающего населения Башкортостана / Э. В. Садретдинова, Н. В. Коровкина // Уфимский гуманитарный научный форум. – 2025. – № 4(24). – С. 354-362. – DOI 10.47309/2713-2358-2025-4-354-362. – EDN ULJPGW.

УДК 316.1

ОТНОШЕНИЯ В РОДИТЕЛЬСКОЙ СЕМЬЕ КАК ОСНОВА ФОРМИРОВАНИЯ СЕМЕЙНЫХ ЦЕННОСТЕЙ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ

RELATIONSHIPS IN THE PARENTAL FAMILY AS A BASIS FOR THE FORMATION OF FAMILY VALUES AMONG RUSSIAN YOUTH

Нигматьянова Алина Ирековна, бакалавр 4-го курса кафедры социологии и работы с молодежью

ФГБОУ ВО Уфимский университет науки и технологий

г. Уфа, nigmatyanovaalina@yandex.ru

Научный руководитель: кандидат социологических наук **Садретдинова Эвелина Винеровна**

Аннотация. Демографическая и социокультурная ситуация в современной России характеризуется противоречивыми признаками: сосуществованием декларируемой значимости семьи как ценности и ростом неопределенности брачно-семейных ориентаций молодежи, увеличением числа альтернативных форм семейного устройства и разрывом межпоколенческой трансляции устойчивых семейных традиций. В условиях размывания традиционных норм особую значимость приобретает анализ родительской семьи как первичного агента социализации, задающего ценностную траекторию молодому поколению. Статья посвящена анализу влияния родительской семьи на формирование семейных ценностей российской молодежи. В ней рассматриваются ключевые факторы, определяющие этот процесс, такие как характер детско-родительских отношений, структура и функциональность родительской семьи, транслируемые родителями ценностные установки в сфере брака и родительства, а также социально-экономические условия воспитания.

Ключевые слова: семейные ценности, российская молодежь, родительская семья, детско-родительские отношения, трансляция ценностей, брачно-семейные установки, социализация.

Abstract. The demographic and sociocultural situation in modern Russia is characterized by contradictory features: the coexistence of the declared importance of the family as a value and the growing uncertainty of young people's marriage and family orientations, the increase in the number of alternative forms of family structure, and the breakdown of intergenerational transmission of stable family traditions. In the context of the erosion of traditional norms, the analysis of the parental family as the primary agent of socialization, which sets the value trajectory for the younger generation, becomes particularly important. This article focuses on the analysis of the influence of the parental family on the formation of family values among Russian young people. It examines the key factors that determine this process, such as the nature of parent-child relationships, the structure

and functionality of the parental family, the values that parents transmit in the areas of marriage and parenthood, and the socio-economic conditions of upbringing.

Keywords: family values, Russian youth, parental family, child-parent relations, value transmission, marriage and family attitudes, and socialization.

В условиях современного демографического кризиса в России, характеризующегося высоким уровнем разводов (превышающим 60%) и устойчиво низкой рождаемостью, исследование механизмов формирования семейных ценностей у молодежи приобретает особую научную и социальную значимость. Понимание этих процессов позволяет разрабатывать адресные меры поддержки института семьи, что становится ключевым фактором обеспечения социальной стабильности. Особую актуальность данная проблематика получает на фоне трансформации традиционных моделей семейных отношений и распространения альтернативных форм сожительства.

Центральной проблемой исследования выступает ослабление межпоколенческой передачи традиционных семейных ценностей в условиях социальных трансформаций российского общества. Целью настоящего исследования является комплексный анализ влияния характера отношений в родительской семье на формирование ценностных установок российской молодежи в возрасте 18-25 лет в сфере брака. Исследование базируется на синтезе современных теоретических подходов к проблеме межпоколенческой трансмиссии ценностей и данных эмпирических исследований семейных практик.

В социологической науке семейные ценности определяются как система устойчивых представлений о семье, её социальных функциях и нормативных моделях поведения. Данная система формируется под влиянием культурных традиций, социальных институтов и индивидуального опыта. Семейные ценности выступают регулятором межличностных отношений, задавая ориентиры для создания и функционирования семьи. В классических социологических теориях акцент делался на экономической и репродуктивной функциях семьи, тогда как современные подходы подчеркивают эмоциональную близость и самореализацию личности.

Структура семейных ценностей включает четыре ключевых компонента: репродуктивный, воспитательный, хозяйственно-экономический и эмоционально-коммуникативный. Репродуктивный аспект связан с ценностью деторождения и продолжения рода, тогда как воспитательный компонент определяет подходы к социализации новых поколений. Хозяйственно-экономический элемент регулирует вопросы материального обеспечения семьи и распределения бытовых обязанностей. Эмоционально-коммуникативный аспект акцентирует значимость психологического комфорта и взаимопонимания между членами семьи. Взаимодействие структурных компонентов семейных ценностей образует комплексную систему, где изменение одного элемента влечёт трансформацию других. Современные исследования отмечают усиление роли эмоционально-коммуникативных ценностей при относительном снижении значимости хозяйственно-экономических функций.

Классические теории межпоколенческой передачи ценностей базируются на фундаментальных социологических концепциях. Теория социального научения А. Бандуры акцентирует роль наблюдения и имитации родительских моделей поведения в процессе формирования ценностных ориентаций. Согласно данному подходу, усвоение семейных ценностей происходит через механизм подкрепления и социального моделирования. Этот процесс рассматривается как ключевой элемент социализации молодого поколения. Теория семейных систем М. Боуэна предлагает альтернативный взгляд на трансляцию ценностей через призму эмоциональных связей между поколениями. В данной концепции передача ценностей анализируется в контексте мультигенерационных паттернов и дифференциации «Я». Особое внимание уделяется механизмам сохранения семейных установок через

эмоциональные треугольники и проективные процессы. Такой подход позволяет рассматривать семью как целостную систему с устойчивыми характеристиками ценностной трансмиссии.

Социокультурные трансформации последних десятилетий существенно повлияли на переосмысление традиционных семейных ценностей среди российской молодежи. Глобализационные процессы и цифровизация общественной жизни создали новые модели социального взаимодействия, которые трансформируют представления о семейных ролях и обязанностях. Эти изменения сопровождаются пересмотром гендерных стереотипов и возрастанием ценности индивидуальной самореализации. Исследователи отмечают, что «многие исследователи говорят о кризисе института семьи и семейных отношений [5-7]. Брак перестал быть пожизненным и легитимным – разводы, неполные семьи, матери-одиночки из исключений стали нормой [1, с.214]». Данная тенденция отражает снижение значимости традиционной модели брака как пожизненного союза, особенно в урбанизированных регионах. Молодежь демонстрирует большую толерантность к альтернативным формам семейной организации.

Институциональные факторы, включая систему образования, средства массовой информации и государственную политику, активно участвуют в конструировании семейных ценностей. «О значимости института семьи в масштабах страны свидетельствует утвержденная в 2014 году „Концепция государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года“, направленная на поддержку, укрепление и защиту семьи как фундаментальной основы российского общества и на сохранение традиционных семейных ценностей [6, с.3]». Параллельно образовательные программы и медиадискурс формируют новые нормативные представления о семейной жизни.

Модели коммуникации, усвоенные в родительской семье, выступают базовым шаблоном для межличностного взаимодействия молодежи в будущих семьях. Наблюдая за повседневными практиками общения между родителями, молодые люди неосознанно интериоризируют вербальные и невербальные паттерны. Стратегии разрешения конфликтов, демонстрируемые родителями, существенно влияют на поведенческие сценарии молодежи в спорных ситуациях. Конструктивные модели урегулирования разногласий, основанные на компромиссе и взаимном уважении, способствуют формированию аналогичных установок у детей. Исследования отмечают прямую зависимость между родительским примером и ожиданиями молодежи относительно справедливого распределения семейных ролей.

Лонгитюдные исследования, проведенные в период с 2015 по 2023 год, подтверждают устойчивую взаимосвязь между авторитетным стилем воспитания и ориентацией молодёжи на традиционные семейные ценности. В семьях с демократическим укладом, где сочетаются эмоциональная поддержка и разумные требования, у детей формируются устойчивые представления о браке как пожизненном союзе. Статистические данные свидетельствуют, что 68% респондентов из таких семей рассматривают рождение двух и более детей как обязательный элемент семейной жизни. Данная корреляция сохраняет свою значимость даже при контроле факторов образования и социального статуса родителей.

Эмпирические данные Росстата и социологических опросов демонстрируют чёткую корреляцию между экономическим статусом родительской семьи и прагматизацией брачных ожиданий молодёжи. В семьях с доходом ниже прожиточного минимума 57% респондентов рассматривают материальную обеспеченность как ключевой фактор при создании семьи. Данная тенденция усиливается в условиях экономической нестабильности, когда молодые люди отдают приоритет финансовой безопасности перед романтическими аспектами отношений. При этом в обеспеченных семьях акцент смещается на ценность эмоциональной близости и личностной совместимости партнёров.

Сравнительный анализ городских и сельских семей выявил контрастные модели передачи ценностей межпоколенной солидарности. В сельской местности 78% опрошенных молодых людей считают обязательной материальную поддержку родителей в старости, тогда

как в городах-миллионниках этот показатель не превышает 34%. Данное различие обусловлено сохранением многопоколенных домохозяйств в сельской местности и более тесными родственными связями. Параллельно в урбанизированных регионах отмечается рост индивидуалистических установок, снижающих значимость обязательств перед расширенной семьей.

Структура родительской семьи оказывает существенное влияние на формирование представлений молодежи о стабильности брака. Эмпирические данные свидетельствуют о значимых различиях в ценностных ориентациях подростков из разных типов семей. «Таким образом, подростки из неполных семей предпочитают объективный аспект ценностных ориентаций (социальный успех, интересная работа), тогда как подростки из полных семей выбирают субъективный аспект (самостоятельность, терпимость, умение прощать) [10, с.84].» Это различие отражает компенсаторные механизмы формирования ценностей в условиях различного семейного опыта. Выявленные различия имеют долгосрочные последствия для семейного поведения молодежи. Выходцы из полных семей чаще воспроизводят традиционную модель брачных отношений в собственной жизни. Молодые люди из неполных семей проявляют большую склонность к альтернативным формам семейной жизни. Данные тенденции указывают на глубокую взаимосвязь между структурой родительской семьи и трансляцией семейных ценностей.

Молодежь, воспитанная в многопоколенных семьях, демонстрирует выраженную ориентацию на расширенные родственные обязательства. Совместное проживание нескольких поколений формирует понимание семейной солидарности как базовой ценности. Такие молодые люди чаще принимают решения с учетом интересов расширенной семейной сети. Эмоциональная близость между родителями и детьми выступает важнейшим условием эффективной трансляции семейных ценностей. Доверительные отношения создают благоприятную среду для добровольного принятия молодежью традиционных моделей семейного поведения. Исследования подтверждают, что подростки, ощущающие психологическую поддержку в родительской семье, демонстрируют более высокий уровень усвоения таких ценностей, как супружеская верность и межпоколенческая солидарность. Этот механизм основан на естественной идентификации детей с родительскими образцами поведения и мировоззренческими установками.

Анализ выявил существенную дифференциацию влияния родительских моделей на формирование ценностных ориентаций. Функциональные семьи с партнерским типом взаимодействия способствуют устойчивой просемейной позиции молодежи. В то же время дисфункциональные паттерны родительских отношений статистически значимо коррелируют с распространением скептического отношения к традиционному браку среди молодого поколения.

Исследование позволило идентифицировать ключевые факторы, опосредующие процесс трансляции ценностей. Наибольшее влияние оказывают эмоциональная близость в детско-родительских отношениях, согласованность вербальных и невербальных воспитательных практик, а также социально-экономическая стабильность семьи. Эти условия создают необходимую основу для усвоения долгосрочных семейных стратегий молодежью.

Библиографический список

1. Абдрахманова Л.В. Молодая семья в условиях трансформации российского общества // Вестник экономики, права и социологии. – 2012. – № 4. – С. 214–217.
2. Васина Е.А., Юмкина Е.А. Ценностные основания родительских воспитательных практик в ретроспективном восприятии взрослых детей // Психология человека в образовании. – 2024. – № 4. – С. 502–522.

3. Воюшина Е.А. Влияние ценностей, сформированных в семьях с разным типом межпоколенных отношений, на гибкость поведения человека // Герценовские чтения: психологические исследования в образовании. – 2023. – № 6. – С. 605–609.
4. Замараева З.П., Телегина Г.А. Социологический портрет современной российской семьи // Вестник ПНИПУ. Социально-экономические науки. – 2017. – № 4. – С. 210–214.
5. Зязин С.Ю., Каменева Т.Н., Лескова И.В. Молодежь и семья в российском обществе. – Москва: АНО ВО «ЕЖГА», 2024. – 352 с.
6. Исаева О.М., Акимова А.Ю., Морева А.Н. Взаимосвязь семейных ценностей современной молодежи и уровня их психологического благополучия // Психологические исследования. – 2023. – №88. – С. 1–5.
7. Карабанова О.А., Молчанов С.В. Семейные факторы в формировании родительских установок у студенческой молодежи на этапе вхождения во взрослость // Национальный психологический журнал. – 2017. – № 2. – С. 92–97.
8. Тагирова Р.А., Юсупова Р.Я., Каимова Ф.А. Роль семьи в формировании психологических характеристик детей // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. – 2023. – № 9. – С. 119–127.
9. Топчиев М.С., Холова Л.А. Специфика трансформации института семьи на постсоветском пространстве // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология. – 2019. – № 4. – С. 95–103.
10. Холодкова О.Г., Савченко Ю.И. Ценностные ориентации подростков из неполных семей // Вестник алтайского государственного педагогического университета. – 2016. – № 2. – С. 81–86.
11. Явон С.В. Семейные ценности молодежи. – М.: Издательство Московского гуманитарного университета, 2018. – 150 с.

УДК 316.346

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ДОВЕРИЯ ПОКОЛЕНИЙ К ИСКУССТВЕННОМУ ИНТЕЛЛЕКТУ

A SOCIOLOGICAL ANALYSIS OF GENERATIONAL TRUST TOWARDS ARTIFICIAL INTELLIGENCE

Нуриева Ангелина Азатовна, студент магистратуры, ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий», Уфа, Россия, E-mail: lina28052002222@gmail.com

Научный руководитель: Бородина Ангелина Владимировна, кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и работы с молодежью, ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий», Уфа, Россия, E-mail: Angel_Borodina@mail.ru

Nurieva Angelina Azatovna, Master's student, Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia, E-mail: lina28052002222@gmail.com

Scientific supervisor: Borodina Angelina Vladimirovna, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor of the Department of Sociology and Youth Work, Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia, E-mail: Angel_Borodina@mail.ru

Аннотация. В статье анализируются возрастные различия в доверии россиян к искусственному интеллекту (ИИ) на основе данных социологических опросов 2024–2026 гг. Рассматривается динамика изменения уровня доверия, факторы, влияющие на него, и теоретические объяснения этого феномена с позиций социологии поколений и социального капитала. Показано, что наиболее высокий уровень доверия демонстрирует молодёжь (до 34 лет), тогда как старшее поколение (60+) проявляет значительно большую настороженность. Выявлена также положительная динамика доверия к ИИ в целом по сравнению с предыдущими годами. Делается вывод о формировании устойчивого «цифрового разрыва» в

восприятии ИИ между поколениями, который, однако, постепенно сокращается по мере роста практического использования технологий.

Abstract: The article analyzes age differences in the trust of Russians in artificial intelligence (AI) based on sociological survey data for 2024–2026. The dynamics of changes in the level of trust, factors influencing it, and theoretical explanations of this phenomenon from the perspective of the sociology of generations and social capital are examined. It is shown that the highest level of trust is demonstrated by young people (under 34 years old), while the older generation (60+) shows significantly greater wariness. A positive dynamic of trust in AI as a whole compared to previous years has also been revealed. The conclusion is made about the formation of a persistent 'digital divide' in the perception of AI between generations, which, however, is gradually narrowing as the practical use of technology grows.

Ключевые слова: доверие, искусственный интеллект, поколенческие различия, возраст, социология, цифровой разрыв, социальный капитал, ВЦИОМ.

Keywords: trust, artificial intelligence, generational differences, age, sociology, digital divide, social capital, VTsIOM.

Введение. Стремительное распространение технологий искусственного интеллекта (ИИ) трансформирует социальные практики во всех сферах жизни российского общества – от трудовой деятельности до повседневного быта. По данным социологического мониторинга 2025 года, доля россиян, использующих ИИ-инструменты в повседневной жизни, достигла целых 48%, а уровень осведомлённости о подобных технологиях превысил 90% [1]. Однако количественный рост использования не означает автоматического формирования доверия: согласно тем же исследованиям, соотношение доверяющих и не доверяющих ИИ остаётся практически равным (45% против 43%) [2]. При этом эмпирические данные фиксируют выраженную зависимость уровня доверия от возраста респондентов.

Цель работы – выявить и социологически интерпретировать поколенческие различия в доверии россиян к искусственному интеллекту на материале опросов 2024–2026 гг.

Задачи исследования. 1. Установить ключевые поколенческие различия в уровне доверия к ИИ на основе анализа эмпирических данных.

2. Проследить динамику изменения доверия к ИИ за рассматриваемый период.

3. Выявить специфику причин недоверия в разных возрастных когортах.

4. Предложить теоретическую интерпретацию выявленных феноменов с опорой на концепции цифровой социализации и социального капитала.

Методы. Исследование выполнено методом вторичного анализа данных социологических опросов, проведённых Всероссийским центром изучения общественного мнения (ВЦИОМ), АНО «Национальные приоритеты», Аналитическим центром НАФИ и другими исследовательскими организациями в период с 2024 по 2026 год. При обработке и интерпретации данных применялись общенаучные методы сравнительного анализа, синтеза и теоретического моделирования.

Результаты исследования. Эмпирические материалы последних лет однозначно свидетельствуют о наличии значительного поколенческого разрыва в восприятии технологий ИИ. Молодёжь выступает наиболее массовой и лояльной аудиторией: по итогам мониторинга 2025 года, в возрастной группе 18–24 лет 79% респондентов используют ИИ в повседневной жизни [1]. С увеличением возраста показатели использования и доверия последовательно снижаются. Особенно наглядно поколенческий разрыв проявляется в финансовой сфере. Согласно данным исследования финансового маркетплейса «Выберу.ру» (2025), среди молодых людей 18–30 лет о доверии к ИИ заявляют 71%, в группе 31–45 лет – 65%, в группе 46–60 лет – 43%, а среди лиц старше 60 лет – лишь 28% [3]. Аналогичная картина наблюдается и в отношении тревожности, связанной с развитием ИИ: опрос SuperJob (2025) показал, что 63% россиян до 34 лет не испытывают опасений по поводу распространения технологий, тогда как после 45 лет доля обеспокоенных заметно возрастает, достигая 54%

[4]. Вместе с тем связь между возрастом и доверием не является строго линейной. Отдельные исследования фиксируют, что респонденты возрастной группы 45–54 лет, активно применяющие нейросети в профессиональной деятельности, демонстрируют уровень лояльности, сопоставимый с показателями младших когорт [5]. Это даёт основания полагать, что накопленный практический опыт взаимодействия с технологией способен частично нивелировать изначальные возрастные барьеры.

Обращаясь к временной динамике, следует отметить, что сравнительный анализ данных за двухлетний период демонстрирует постепенное увеличение как численности пользователей, так и общего уровня доверия к ИИ. Если в 2024 году доля респондентов, не выражавших беспокойства по поводу технологической экспансии, составляла 39,5%, то в 2025 году этот показатель вырос до 42,6% [6]. Ещё более заметна динамика регулярного использования нейросетей: с 7,7% до 17,3% за тот же период [6]. Наблюдаемая тенденция свидетельствует о процессе «рутинизации» искусственного интеллекта: технология перестаёт восприниматься как нечто экзотическое или потенциально опасное и всё чаще расценивается как привычный рабочий инструмент, функционально аналогичный калькулятору или поисковой системе.

Существенным для понимания феномена доверия к ИИ представляется различие между фактическим применением соответствующих сервисов и декларируемым отношением к ним. По данным 2025 года, при том что почти половина россиян так или иначе прибегает к помощи нейросетей, примерно 43% продолжают заявлять о своём недоверии «цифровому разуму» [7]. Особенно отчётливо этот парадокс проявляется в старших возрастных группах: вынужденное освоение технологий под влиянием цифровизации не сопровождается автоматическим ростом доверия. Любопытно, что три четверти пользователей склонны воспринимать выдаваемые ИИ рекомендации не как безусловное руководство к действию, а лишь как совет, требующий дополнительной проверки [8]. Это свидетельствует скорее о рациональной осторожности, нежели об иррациональном страхе перед машиной.

Что касается причин скептического отношения, то, согласно данным ВЦИОМ, среди основных факторов респонденты называют технические сбои и опасения по поводу снижения когнитивных способностей населения [9]. При этом поколенческая специфика проявляется достаточно ярко. Если молодых пользователей больше беспокоит потенциальное влияние алгоритмов на мышление и интеллектуальную самостоятельность, то представители старшего поколения чаще тревожатся о конфиденциальности, манипуляциях и потере контроля над ситуацией [10]. Сравнительные исследования восприятия технологий пожилыми людьми показывают, что для них принципиально важен гуманистический компонент взаимодействия, а перспектива полной автоматизации вызывает выраженное отторжение [11]. Кроме того, почти половина граждан старше 55 лет признают собственную уязвимость перед цифровыми угрозами и выражают желание повысить свою цифровую грамотность [12].

С теоретической точки зрения возрастные расхождения в доверии к ИИ могут быть объяснены через призму нескольких социологических концептов. Прежде всего, следует говорить о различном уровне цифровой социализации. Молодое поколение формировалось в насыщенной технологической среде, где взаимодействие с алгоритмами воспринимается как неотъемлемая часть повседневности. Для старшего возраста освоение цифровых инструментов происходит уже в зрелые годы, что сопряжено с дополнительными когнитивными и эмоциональными издержками. Во-вторых, существенную роль играет структура социального капитала. Исследования подтверждают, что институциональное доверие и социальные связи положительно коррелируют с готовностью принимать технологические инновации [13]. Молодёжь черпает позитивный опыт и установки преимущественно из сетевых коммуникаций со сверстниками, тогда как старшее поколение в большей степени ориентируется на традиционные каналы информации и личный опыт, который в отношении ИИ может быть ограничен. Наконец, сказывается и различие в оценке

рисков. Для молодых людей ИИ – это в первую очередь средство оптимизации рутинных процессов и повышения личной эффективности. Старшее же поколение чаще воспринимает алгоритмизацию как источник угроз – для рабочих мест, приватности и когнитивного суверенитета [11]. При этом цифровая трансформация является одним из инструментов экономического роста [14]. Однако по мере накопления собственного позитивного опыта использования технологий эта тревожность имеет тенденцию к снижению.

Выводы. Проведённый анализ позволяет утверждать, что доверие к искусственному интеллекту в современной России обладает отчётливой возрастной спецификой. Наиболее высокий уровень лояльности и вовлечённости демонстрирует молодёжь до 34 лет, тогда как граждане старше 60 лет сохраняют значительно большую настороженность. Вместе с тем наблюдается позитивная динамика: разрыв между поколениями постепенно сокращается по мере того, как практический опыт взаимодействия с ИИ становится всё более массовым. С позиций социологической теории возрастные различия в восприятии искусственного интеллекта могут быть объяснены через механизмы цифровой социализации, особенности накопления и передачи социального капитала, а также специфику оценки технологических рисков в разных возрастных когортах.

Библиографический список

1. АНО «Национальные приоритеты», ВЦИОМ. Восприятие технологий искусственного интеллекта (ИИ): результаты социологического мониторинга за 2025 год // Комсомольская правда: [сайт]. – 2025. – 17 нояб. – URL: <https://www.kp.ru/daily/27743/5171683/> (дата обращения: 11.04.2026).
2. ВЦИОМ. Искусственный интеллект: ваш новый лучший друг? аналитический обзор. – 2024. – 12 дек. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/ii-vash-novyi-luchshii-drug> (дата обращения: 11.04.2026).
3. «Выбери.ру»: доверие к нейросетям в сфере финансовых услуг быстро растёт // OSP.ru: [сайт]. – 2025. – 27 авг. – URL: <https://www.osp.ru/news/2025/0827/vyberu-ru-doverie-k-nejrosetyam-v-sfere-finansovyh-uslug-bystro-rastet> (дата обращения: 11.04.2026).
4. Большинство россиян не боятся развития искусственного интеллекта // Эксперт: [сайт]. – 2025. – 16 февр. – URL: <https://expert.ru/2025/02/16/bolshinstvo-rossiyan-ne-boyatsya-razvitiya-iskusstvennogo-intellekta/> (дата обращения: 11.04.2026).
5. Аналитики оценили готовность россиян доверить выбор покупок ИИ // Comnews.ru: [сайт]. – 2026. – 2 февр. – URL: <https://www.comnews.ru/content/238051/2026-02-02/analitiki-ocenili-gotovnost-rossiyan-doverit-vybor-pokupok-ii> (дата обращения: 11.04.2026).
6. Россияне массово начали использовать ИИ: исследование показало рост доверия к технологиям // Компьютерра: [сайт]. – 2025. – 29 мая. – URL: <https://www.computerra.ru/297536/rossiyane-massovo-nachali-ispolzovat-ii/> (дата обращения: 11.04.2026).
7. Половина россиян не доверяет ИИ, и половина использует его в повседневной жизни // CNews: [сайт]. – 2025. – 17 нояб. – URL: https://www.cnews.ru/news/top/2025-11-17_pоловина_rossiyan_ne_doveryaet (дата обращения: 11.04.2026).
8. 75% россиян воспринимают рекомендации ИИ как совет // CNews: [сайт]. – 2025. – 17 нояб. – URL: https://internet.cnews.ru/news/2025-11-17_75_rossiyan_vosprinimayut_rekomendatsii (дата обращения: 11.04.2026).
9. Россияне разделились во мнении, доверять ли ИИ // РБК: [сайт]. – 2025. – 15 нояб. – URL: <https://amp.rbc.ru/> (дата обращения: 11.04.2026).
10. Мальцева Д.А., Федотов Д.А., Стребкова К.Е. Искусственный интеллект как фактор ценностно-когнитивных трансформаций российской молодежи: результаты социологического анализа и политико-культурные импликации // Конфликтология. – 2025. – № 4. – URL: <http://conflictology.ru/index.php/conflict/article/view/15330> (дата обращения: 11.04.2026).

11. Аймалетдинов Т.А., Цимбал М.В. Восприятие современных технологий старшим поколением: сравнительный анализ // Цифровая социология. – 2023. – Т. 6, № 4. – С. 79–94. – URL: <https://digitalsociology.guu.ru/jour/article/view/289/> (дата обращения: 11.04.2026).
12. Старшее поколение осваивает нейросети в 2,5 раза быстрее // IT-World.ru: [сайт]. – 2026. – 29 янв. – URL: <https://www.it-world.ru/tech/technology/starsee-pokolenie-osvaivaet-nejroseti-v-2-5-raza-bystrye> (дата обращения: 11.04.2026).
13. Бахтигараева А.И., Брызгалин В.А. Роль социального капитала и институционального доверия в отношении населения к инновациям // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. – 2018. – № 4. – С. 66–84. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-sotsialnogo-kapitala-i-institutsionalnogo-doveriya-v-otnoshenii-naseleniya-k-innovatsiyam> (дата обращения: 11.04.2026).
14. Нуриева, А. А., Бородин А. В. О доверии и стратегировании доверия к системам 37 искусственного интеллекта в профилактической медицине / // Уфимский гуманитарный научный форум. – 2025. – № 4(24). – С. 339-353. – DOI 10.47309/2713-2358-2025-4-339-353

УДК 316.1

ПОКОЛЕНЧЕСКИЕ РАЗЛИЧИЯ ВО ВЛАДЕНИИ НАЦИОНАЛЬНЫМИ ЯЗЫКАМИ В ПОЛИЭТНИЧНОМ РЕГИОНЕ (НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН)

GENERATIONAL DIFFERENCES IN THE USE OF NATIONAL LANGUAGES IN A POLYETHNIC REGION (ON THE EXAMPLE OF THE REPUBLIC OF BASHKORTOSTAN)

Оганян Ани Гагиковна, студент, ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий» (УУНиТ), Уфа, Россия

Полухина Елена Дмитриевна, студент, ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий» (УУНиТ), Уфа, Россия

Научный руководитель, Шарипов Азамат Ражапович, кандидат философских наук, доцент кафедры социологии и работы с молодёжью, Высшая школа философии, психологии и социологии, ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий», Уфа. a.r.sharip@mail.ru

Ohanyan Ani Gagikovna, student, Ufa University of Science and Technology (UUST), Ufa, Russia

Polukhina Elena Dmitrievna, student, Ufa University of Science and Technology (UUST), Ufa, Russia

Supervisor: Sharipov Azamat Rajapovich, PhD, Associate Professor, Department of Sociology and Youth Work, Graduate School of Philosophy, Psychology, and Sociology, Ufa University of Science and Technology, Ufa. a.r.sharip@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются поколенческие различия в уровне владения национальными языками в Республике Башкортостан – одном из наиболее полиэтнических регионов Российской Федерации. На основе данных Всероссийской переписи населения 2020 года, вторичного анализа социологических исследований и научной литературы были изучены возрастные особенности языковой компетенции населения, прежде всего в отношении башкирского, татарского и русского языков. Выявлено, что процессы языковой ассимиляции и смены языковых предпочтений обладают выраженной поколенческой динамикой, а ключевыми факторами сохранения и передачи национальных языков выступают образовательная политика, языковая среда и этнокультурные установки. Дополнительно проанализированы последствия изменений федеральной языковой политики

2017-2018 годов, связанных с отменой обязательного изучения государственных языков республик.

Abstract. The article examines generational differences in the level of proficiency in national languages in the Republic of Bashkortostan, one of the most multi-ethnic regions of the Russian Federation. Based on data from the 2020 All-Russian Population Census, secondary analysis of sociological studies, and scientific literature, the article explores the age-related characteristics of the population's language competence, particularly in relation to the Bashkir, Tatar, and Russian languages. It has been revealed that the processes of linguistic assimilation and changes in language preferences have a pronounced generational dynamic, and educational policy, the linguistic environment, and ethnocultural attitudes are key factors in the preservation and transmission of national languages. Additionally, the consequences of the 2017-2018 changes in federal language policy related to the abolition of mandatory study of the state languages of the republics have been analyzed.

Ключевые слова: языковая ситуация, поколенческие различия, Республика Башкортостан, билингвизм, языковая политика, перепись населения, языковая ассимиляция.

Keywords: language situation, generational differences, Republic of Bashkortostan, bilingualism, language policy, population census, and language assimilation.

Введение. Языковая ситуация в полиэтничных регионах представляет собой динамичный феномен, обусловленный демографическими процессами, образовательной политикой и этнокультурными установками населения. Республика Башкортостан отличается высокой степенью этнического разнообразия: согласно переписи 2020 года, русские составляют 37,1%, башкиры – 31,5%, татары – 24,2% [1, С. 43]. Такая структура создает особые условия для функционирования языков. Проблема поколенческих различий в языковом владении значима в контексте процессов языкового сдвига. Исследователи отмечают стремительное сокращение числа языков, что характерно и для языков народов региона. По данным Института языкознания РАН, на грани исчезновения находятся около 10% языков народов России, более 60% приближаются к этой границе, благополучными признаны лишь 7% [6]. Цель работы – выявление и анализ поколенческих различий в уровне владения башкирским, татарским и русским языками в Республике Башкортостан. Рассматриваются возрастные когорты, чьи языковые компетенции формировались в разные периоды языковой политики – от советского времени до современного этапа.

Теоретические подходы к изучению языковой ситуации и поколенческих различий в полиэтничных регионах. Изучение языковых процессов требует комплексного подхода, учитывающего институциональные факторы (языковую политику, систему образования) и индивидуальные языковые практики. В современной социолингвистике утвердилось понимание, что «языковой выбор – это выбор, который обусловлен как прагматическими мотивами, так и символической ценностью языка» [4, С. 845]. Важной теоретической рамкой выступает концепция языкового планирования. В российской практике, как отмечают исследователи, «это не правовой, а политико-ориентированный подход лежит в основе языковой политики России» [4, С. 833].

Поколенческий анализ опирается на представление о том, что языковые компетенции формируются в период социализации под влиянием образовательной политики и языковой среды. Как показано в исследовании Е.А. Ходжаевой, «с 2001 по 2010 год количество этнических русских в Татарстане, не владеющих татарским языком, сократилось с 68% до 51% благодаря самому младшему поколению, которое обязано было изучать татарский язык в школе». При этом исследователи подчеркивают, что языковая компетенция не всегда коррелирует с этнической идентичностью: «с советских времен этническая и языковая идентичности совпадают, даже если... некоторые люди... не владеют или плохо владеют языком, который они определили как родной». В контексте Республики Башкортостан важно, что «языковая политика в сфере образования воспринимается... как часть политики

идентичности, с другой – как одна из немногих оставшихся компетенций этнических республик» [4, С. 837-845].

Динамика владения национальными языками в Республике Башкортостан (по данным переписей населения). Согласно данным Всероссийской переписи населения 2020 года, общая численность населения Республики Башкортостан, указавшего владение теми или иными языками, составила 4 062 070 человек (табл. 1, табл. 2).

Таблица 1

Владение и использование основных языков

Язык	Число владеющих	Доля от указавших владение (%)	Используют в повседневной жизни	Доля использующих среди владеющих (%)
Русский	4 030 888	99,2	3 856 676	95,7
Башкирский	940 315	23,1	828 328	88,1
Татарский	822 919	20,3	737 941	89,7

Таблица 2

Владение и использование английского языка

Показатель	Значение
Число владеющих английским языком	132 336 чел.
Используют английский в повседневной жизни	51 112 чел.
Доля использующих среди владеющих	38,6 %

Данный разрыв между владением и реальным использованием языка говорит о расхождении формальной языковой компетенции (часто приобретаемой в школе) с актуальной языковой практикой [2].

Отдельного внимания заслуживает группа лиц, не указавших владение языками. В РБ таких насчитывается 29 353 человека, преимущественно дети до 4 лет (10 319 чел.) и лица моложе трудоспособного возраста (13 717 чел.) [3]. Это может объясняться как объективными причинами (несформированность устойчивых языковых навыков у детей раннего возраста), так и особенностями заполнения переписных документов.

Поколенческие различия в языковой компетенции: сравнительный анализ возрастных групп. Данные о владении языками в разных возрастных группах [3] позволяют проследить динамику языковых компетенций на протяжении всего жизненного цикла.

Владение башкирским языком. Наибольшее число владеющих башкирским языком приходится на группы 60-64 года (82 504 чел.) и 55-59 лет (78 941 чел.). Среди молодежи показатели ниже: в группе 15-19 лет – 53 241 человек, 10-14 лет – 59 839 человек, 5-9 лет – 53 199 человек [3]. Владение языком детьми 0-4 лет (31 858 человек) свидетельствует о сохранении семейной передачи языка. В старших возрастных группах (старше трудоспособного возраста) башкирским языком владеют 244 078 человек [2].

Владение татарским языком. Распределение владеющих татарским языком по возрастным группам в целом сходно с башкирским, но имеет особенности. Максимум приходится на группы 60-64 года (81 950 чел.) и 55-59 лет (75 791 чел.). Однако в младших группах снижение более существенно: 15-19 лет – 36 766 человек, 10-14 лет – 38 853 человека, 5-9 лет – 36 560 человек. Среди детей 0-4 лет татарским владеют 21 314 человек. Среди населения трудоспособного возраста владеющих – 465 634 человека, старше трудоспособного – 253 566 человек [3]. Соотношение численности в разных возрастных категориях указывает на возможное сокращение доли владеющих татарским языком в более молодых поколениях.

Владение русским языком. Русский язык как государственный язык РФ и язык межнационального общения демонстрирует иную возрастную динамику. Общее число владеющих им в Республике Башкортостан – 4 030 888 человек. Распределение по возрастным группам более равномерно, чем у башкирского и татарского языков. Наибольшее число владеющих приходится на группы 30-34 года (352 235 чел.), 35-39 лет (345 684 чел.) и 25-29 лет (220 142 чел.) [3]. Среди детей и подростков также высокий уровень владения: 10-14 лет – 243 488 человек, 15-19 лет – 224 643 человека. Среди населения старше трудоспособного возраста русским языком владеют 983 692 человека [3].

Многовариантность языкового владения. Всего жители республики указали 6 150 810 языков владения [3], что составляет в среднем около 1,5 языков на человека.

Распределение населения по количеству владеемых языков [3]:

- владеют одним языком (кроме русского) – 29 976 человек;
- владеют одним языком (русским) – 2 260 039 человек;
- владеют двумя языками (кроме русского) – 1 140 человек;
- владеют двумя языками (включая русский) – 1 482 740 человек;
- владеют тремя языками (включая русский) – 259 558 человек;
- владеют четырьмя и более языками (включая русский) – 28 551 человек.

Владение двумя языками (включая русский) наиболее распространено среди лиц трудоспособного возраста (879 907 чел.) и старше трудоспособного (377 954 чел.). Владение тремя языками (включая русский) чаще встречается среди лиц старше трудоспособного возраста (83 439 чел.), чем среди молодежи (27 059 чел.) [3].

Медианный возраст. Для владеющих башкирским – 41,6 года, татарским – 46,2 года, русским – 40 лет [3]. Более высокий медианный возраст владеющих татарским языком может свидетельствовать о старении языковой группы и недостаточном вовлечении молодежи.

Факторы, влияющие на сохранение и передачу национальных языков. Образовательная политика как ключевой фактор. Система образования играет определяющую роль в формировании языковых компетенций молодого поколения. В Республике Башкортостан башкирский язык изучался как обязательный в меньшем объеме (1-2 часа в неделю) и без выпускного экзамена [4, С. 840]. В 2018 году в федеральный закон «Об образовании» были внесены поправки, отменившие обязательное изучение государственных языков республик и вводящие свободный выбор родного языка. При зачислении в детские сады, первые и пятые классы родители письменно указывают, какой язык их дети будут изучать как родной [4, С. 844]. Эксперты отмечают, что эта мера может усилить языковой сдвиг, поскольку неместные родители не поощряются к изучению нерусского языка [4, С. 847]. В Башкортостане учебные планы привели в соответствие с федеральным стандартом к началу 2017-2018 учебного года. По данным властей, около 75% школьников и их родителей добровольно выбрали изучение башкирского как государственного языка. Этот подход получил название «башкирской модели этноязыкового компромисса» [4, С. 841].

Языковая среда и языковые практики. Языковая среда – важнейший фактор, определяющий не только формальное владение языком, но и его реальное использование. Количество носителей большинства языков республик России сокращается, поскольку на них говорят в основном в домашней обстановке [5]. Одна из респонденток, башкирка, рассказывает, что ее старшая дочь говорила только по-башкирски до трех лет, но после начала посещения детского сада быстро перешла на русский, заявив, что говорить на родном языке «не круто» и «унизительно» [5]. Основная ответственность за передачу языка ложится на семью. Однако, как отмечают эксперты, знание языка у большинства носителей татарского ограничивается базовыми бытовыми фразами, тогда как для объяснения научных концепций необходим более высокий уровень владения, которым родители часто не обладают [5].

Этнокультурные установки и языковые идеологии. В постсоветский период поддержка обязательного преподавания титульного языка среди титульной группы росла, а среди русских снижалась. Русскоязычные воспринимали языки инструментально, не видя выгоды для детей в изучении неродных языков [4, С. 834]. По данным опросов в Башкортостане в период эскалации конфликта, факультативное изучение башкирского языка поддерживали 45% башкир и 46% русских, обязательное для всех школьников – 23% башкир, еще 16% – при условии сокращения часов. Резких противоречий между группами не наблюдается, однако в региональных дискурсах противоречия представляются через этническое измерение: башкиры – как сторонники обязательности, русские и русскоязычные – добровольности [4, С. 842-844].

Влияние федеральной политики и институциональных изменений. С конца 1990-х годов меры по укреплению позиций русского языка привели к ослаблению других языков в публичной сфере [4, С. 834-835]. Ключевым решением стало постановление Верховного Суда РФ 2009 года, установившее проведение ЕГЭ только на русском языке, что отменило прежнюю возможность сдавать его на языках коренных народов [5]. Как отметил бывший учитель из Казани, после этого родители, заинтересованные в успешной сдаче экзаменов, стали выбирать образование на русском языке [5]. В 2009 году Верховный суд не нашел нарушений в обязательном изучении родных языков в Дагестане, поскольку оно касалось школ, а не школьников [4, С. 837]. Однако после изменений 2017-2018 годов ситуация кардинально изменилась.

Таким образом, данные переписи фиксируют сохранение значительного уровня владения башкирским и татарским языками, но обнаруживают тенденцию к его снижению в младших возрастных группах, что свидетельствует о языковом сдвиге. Билингвизм характерен для старших поколений, тогда как среди молодежи преобладает владение только русским языком. Медианный возраст владеющих татарским языком (46,2) выше, чем для башкирского (41,6) и русского (40), что указывает на старение языковых групп. Среди факторов, влияющих на сохранение национальных языков, – образовательная политика, языковая среда и этнокультурные установки. Поправки 2018 года к закону «Об образовании», отменившие обязательное изучение государственных языков республик, создают условия для потенциального сокращения числа изучающих национальные языки. В республике сложилась «башкирская модель этноязыкового компромисса», основанная на добровольном изучении башкирского языка, при этом опросы фиксируют высокую поддержку его обязательного изучения среди башкирского населения. Дальнейшие исследования требуют учета новых данных и анализа индивидуальных языковых стратегий и практик передачи языка в семье.

Библиографический список

1. Краткие итоги Всероссийской переписи населения 2020 года по муниципальным районам и городским округам Республики Башкортостан: статистический бюллетень. Часть 1, - Уфа: Башкортостанстат, 2023 - 130с., табл
2. Итоги ВПН-2020. Том 5 «Национальный состав и владение языками» Таблица 4 «Владение языками и использование языков населением» // Росстат URL: https://www.rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom5_Nacionalnyj_sostav_i_vladenie_yazykami (дата обращения: 21.03.2026).
3. Итоги ВПН-2020. Том 5 «Национальный состав и владение языками» Таблица 12 «Владение языками населением разных возрастных групп» // Росстат URL: https://www.rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom5_Nacionalnyj_sostav_i_vladenie_yazykami (дата обращения: 21.03.2026).
4. Ekaterina Arutyunova & Konstantin Zamyatin (2021) An Ethnolinguistic conflict on the compulsory learning of the state languages in the republics of Russia: policies and discourses, The International Journal of Human Rights, 25:5, 832-852, DOI: 10.1080/13642987.2020.1804368

5. For Indigenous Families in Russia, Keeping Language Alive Is an Impossible Task // The Moscow Times URL: <https://www.themoscowtimes.com/2025/02/21/for-indigenous-families-in-russia-keeping-language-alive-is-an-impossible-task-a88097> (дата обращения: 21.03.2026).
6. Перепись населения насчитала в России шесть вымерших и заснувших языков // РБК URL: <https://www.rbc.ru/society/04/02/2024/65bcb9089a794788c65d99b2> (дата обращения: 21.03.2026).

УДК 316.1

ОСОБЕННОСТИ ВНУТРЕННЕЙ И МЕЖДУНАРОДНОЙ МИГРАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ БАШКОРТОСТАН

PECULIARITIES OF INTERNAL AND INTERNATIONAL MIGRATION OF THE POPULATION IN THE REPUBLIC OF BASHKORTOSTAN

Полухина Елена Дмитриевна, студент, ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий» (УУНиТ), Уфа, Россия

Оганян Ани Гагиковна, студент, ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий» (УУНиТ), Уфа, Россия

Кузнецова Альфия Рашитовна, профессор кафедры социологии и работы с молодежью, ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий», Уфа, Россия. ORCID: 0000-0003-0273-4801 E-mail: alfia_2009@mail.ru

Polukhina Elena Dmitrievna, student, Ufa University of Science and Technology (UUST), Ufa, Russia

Ohanyan Ani Gagikovna, student, Ufa University of Science and Technology (UUST), Ufa, Russia

Kuznetsova Alfia Rashitovna, Professor of the Department of Sociology and of work with Youth, Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia. ORCID: 0000-0003-0273-4801 E-mail: alfia_2009@mail.ru

Аннотация: в статье исследуются особенности внутренней и международной миграции в Республике Башкортостан в 2014-2023 гг. На основе данных Росстата и Башстата проанализированы динамика, структура и направления потоков. Установлены высокая интенсивность миграции и лидерство региона в ПФО. Основной тренд – устойчивая убыль в межрегиональном обмене при компенсирующем положительном сальдо международной миграции. Выявлены причины миграционных настроений, включая социально-экономические факторы и образовательную миграцию. Обоснована необходимость дифференцированного подхода к регулированию процессов.

Abstract: The article examines the features of internal and international migration in the Republic of Bashkortostan in 2014-2023. Based on data from Rosstat and Bashstat, the dynamics, structure, and direction of migration flows are analyzed. The article establishes the high intensity of migration and the region's leadership in the Volga Federal District. The main trend is a steady decline in interregional migration, with a compensatory positive balance in international migration. The article identifies the causes of migration attitudes, including socio-economic factors and educational migration. The article substantiates the need for a differentiated approach to regulating migration processes.

Ключевые слова: миграция населения, внутренняя миграция, международная миграция, Республика Башкортостан, миграционный прирост, межрегиональная миграция, демография.

Keywords: population migration, internal migration, international migration, Republic of Bashkortostan, migration increase, interregional migration, demography.

Введение. Миграционные процессы играют ключевую роль в формировании численности и структуры населения регионов России. В условиях современной геополитической и экономической трансформации усиливается значение регионального

аспекта миграционной политики. Республика Башкортостан, являясь одним из крупнейших субъектов Приволжского федерального округа, отличается высокой интенсивностью миграционного оборота. Цель данной работы – выявление специфических черт внутренней и международной миграции в регионе на современном этапе. В задачи исследования входит анализ количественных показателей миграции, определение направлений основных потоков и факторов, влияющих на миграционные настроения населения.

Методология основана на комплексном анализе официальных статистических данных и результатов социологических опросов. Эмпирическую основу составили материалы Башстата и аналитическая записка Госсобрания РБ о миграционных процессах в регионе. Для выявления факторов миграционных настроений использовались данные массовых опросов населения, проведенных в 2018-2023 гг. в 10 регионах России, а также результаты исследований социального благополучия жителей российских регионов, позволяющие оценить его влияние на миграционный потенциал.

Основные результаты. *Динамика и структура миграционных потоков.* Республика Башкортостан стабильно входит в число российских регионов с наиболее интенсивным миграционным оборотом. В 2023 году число прибывших составило 136 500 человек, выбывших – 137 426 человек, что соответствует 6-му и 4-му месту среди всех субъектов РФ и 1-му месту в ПФО [1]. Анализ динамики за десятилетний период (2014-2023) показывает, что пик числа прибывших пришелся на 2014 год (153 173 чел.). Далее последовал спад, после чего показатель относительно стабилизировался в пределах 136-147 тыс. человек.

Таблица 1

Динамика миграционных потоков в Республике Башкортостан в 2014–2023 гг., чел.

	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023
Прибыло	153173	151716	147202	143762	144444	139252	120162	147699	136680	136500
Выбыло	157614	157643	154592	146369	153302	144758	125118	133133	138054	137426
Прибыль, убыль (-)	-4441	-5927	-7390	-2607	-8858	-5506	-4956	14566	-1374	-926

Международная миграция как компенсаторный механизм. Положительное сальдо международной миграции (1531 человек в 2023 году) компенсирует потери во внутрироссийских перемещениях. Прирост обеспечен на 68,4% за счет стран СНГ и на 31,6% – за счет стран дальнего зарубежья. В структуре стран СНГ наибольший положительный вклад вносят Таджикистан (674 чел.) и Туркменистан (657 чел.), тогда как с Узбекистаном и Украиной фиксируется отрицательное сальдо. Данная тенденция в отношении Узбекистана, традиционного донора мигрантов, обусловлен комплексом причин: обвалом курса рубля, снизившим реальные доходы, и ужесточением миграционного законодательства РФ [2, 3].

Особого внимания заслуживает феномен образовательной миграции. Значительный прирост числа прибывших из Индии (895 чел. положительного сальдо) напрямую связан с приемом иностранных студентов в Башкирском государственном медицинском университете. Данный факт подтверждает тезис о формировании в регионе специфического «университетского» вектора международной миграции, что требует развития соответствующей инфраструктуры адаптации [1].

Факторы миграционных настроений. Современные социологические исследования, проведенные в Республике Башкортостан, показывают, что миграционные установки населения определяются комплексом объективных и субъективных факторов. К числу объективных относятся качество рабочих мест, развитие социальной инфраструктуры, транспортная доступность, состояние экологии. Субъективные факторы включают уровень социального оптимизма, удовлетворенность оплатой труда и возможности профессиональной самореализации. Выявлено, что наиболее высоким миграционным потенциалом обладают, с

одной стороны, амбициозные специалисты, ориентированные на высокий заработок, а с другой – малообеспеченные слои, чье материальное положение резко ухудшилось [4].

Согласно опросам 2019 г. в городах Башкортостана (Белорецк, Сибай, Учалы), доля желающих покинуть свой населённый пункт достигала 45-60%, превышая средний показатель по выборке (41,5%) [5, с. 144, 158]. Наиболее высокая мобильность характерна для молодежи 15-24 лет (72,3%), а наличие высшего образования повышает шансы иметь миграционные намерения примерно на 20% [5, с. 156]. Значимыми выталкивающими факторами выступают незанятость и отсутствие официального брака [5, с. 146]. Среди макрофакторов ключевую роль играет периферийность положения: каждый километр удаления от регионального центра увеличивает шансы на миграционные намерения на 0,2% [5, с. 156]. Таким образом, социально-экономические условия, доступность образования и качество жизни остаются ключевыми детерминантами миграционных настроений населения республики.

Пространственное распределение. Анализ данных по типам поселений (городская и сельская местность) свидетельствует о более высокой миграционной подвижности городского населения. В 2023 году миграционная убыль сельского населения составила -8101 человек против -926 человек в целом по республике [6, С. 22], что подтверждает концентрацию миграционных проблем в сельской периферии. Межрегиональный отток направлен преимущественно в столичные регионы (Москва, Московская область, Санкт-Петербург) и соседние развитые субъекты (Тюменская область, ХМАО), что характерно для большинства регионов Приволжского федерального округа [6].

Таблица 2

Миграция городского и сельского населения в Республике Башкортостан в 2014–2023 гг., чел.

	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023
Городское население										
Прибыло	81040	76595	75121	75369	76643	76037	63970	85610	80113	79162
Выбыло	77541	81042	79857	74611	78483	72619	64466	65405	72000	71987
Прибыль, убыль (-)	3499	-4447	-4736	758	-1840	3418	-496	20205	8113	7175
Сельское население										
Прибыло	72133	75121	72081	68393	67801	63215	56192	62089	56567	57338
Выбыло	80073	76601	74735	71758	74819	72139	60652	67728	66054	65439
Прибыль, убыль (-)	-7940	-1480	-2654	-3365	-7018	-8924	-4460	-5639	-9487	-8101

Таким образом, в Башкортостане наблюдается отток населения в другие регионы, частично восполняемый мигрантами из стран СНГ и образовательной миграцией из дальнего зарубежья. Социологические исследования указывают на готовность молодежи и специалистов к миграции из-за периферийности территорий и социально-экономических трудностей. Особенно остро эта проблема стоит в сельской местности, где сокращение населения достигает критических значений.

В целях регулирования миграции стоит уделить внимание созданию рабочих мест с высокой производительностью и улучшению качества жизни в малых городах и сельской местности, это поможет уменьшить отток людей в крупные города. Важно развивать инфраструктуру для адаптации мигрантов, включая региональные центры социально-

культурной адаптации, и расширять программы поддержки образовательной миграции, чтобы выпускники вузов оставались в регионе. Необходимо также улучшать транспортную доступность отдаленных территорий и городскую среду, что позволит уменьшить миграционную убыль и закрепить население.

Библиографический список

1. О миграции в Республике Башкортостан в 2023 году: аналитическая записка / Государственное Собрание – Курултай Республики Башкортостан. Уфа, 2024. URL: <https://www.gsrb.ru> (дата обращения: 05.03.2026).
2. 50% of Uzbek migrants consider leaving Russia // Daryo URL: <https://daryo.uz/en/2023/08/15/50-of-uzbek-migrants-consider-leaving-russia/> (дата обращения: 05.03.2026).
3. Volume of remittances from Russia decreased by almost half in 2023 – Central Bank // Kun.uz URL: <https://kun.uz/en/news/2024/01/23/volume-of-remittances-from-russia-decreased-by-almost-half-in-2023-central-bank> (дата обращения: 05.03.2026).
4. Республика Башкортостан в цифрах. 2025: статистический сборник / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Башкортостан. Уфа, 2025. 152 с.
5. Балабан М.О., Родина О.А., Чертенков К.О., Шарепина Е.А. Что определяет миграционные намерения горожан: результаты опросов населения, проведенных в 10 регионах России в 2018-2023 гг. // Демографическое обозрение. 2024. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/chto-opredelyaet-migratsionnye-namereniya-gorozhan-rezultaty-oprosov-naseleniya-provedennyh-v-10-regionah-rossii-v-2018-2023-gg> (дата обращения: 05.03.2026).
6. Республика Башкортостан в цифрах. 2025: статистический сборник / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Башкортостан. Уфа, 2025. 152 с.

УДК 316.1

МЕЖЭТНИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ БАШКОРТОСТАН: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

INTERETHNIC RELATIONS IN THE REPUBLIC OF BASHKORTOSTAN: A SOCIOLOGICAL ANALYSIS

Полухина Елена Дмитриевна, студент, ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий» (УУНиТ), Уфа, Россия

Оганян Ани Гагиковна, студент, ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий» (УУНиТ), Уфа, Россия

Polukhina Elena Dmitrievna, student, Ufa University of Science and Technology (UUST), Ufa, Russia

Ohanyan Ani Gagikovna, student, Ufa University of Science and Technology (UUST), Ufa, Russia

Научный руководитель – Шарипов Азамат Ражапович, кандидат философских наук, доцент кафедры социологии и работы с молодёжью, Высшая школа философии, психологии и социологии, ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий», Уфа. a.r.sharip@mail.ru

Аннотация. В статье анализируется современное состояние межэтнических отношений в Республике Башкортостан, которая является одним из наиболее полиэтничных субъектов РФ. На основе изучения научной литературы, данных переписей населения и вторичного анализа

результатов социологических исследований за период с 1993 по 2024 годы были выявлены ключевые тенденции, факторы стабильности и потенциальные точки напряжения в данной сфере. Особое внимание уделено динамике этнической идентичности, языковым процессам, влиянию религиозного фактора, а также роли государственной политики в поддержании межнационального согласия. В результате исследования сделан вывод о доминировании позитивной этнической идентичности и высоком уровне толерантности, которые обеспечивают устойчивый характер межэтнического взаимодействия в регионе.

Abstract. The article analyzes the current state of interethnic relations in the Republic of Bashkortostan, which is one of the most multi-ethnic regions of the Russian Federation. Based on a study of scientific literature, census data, and secondary analysis of sociological research results from 1993 to 2024, the article identifies key trends, factors of stability, and potential points of tension in this area. Special attention is given to the dynamics of ethnic identity, language processes, the influence of religion, and the role of state policy in maintaining interethnic harmony. The study concluded that positive ethnic identity and a high level of tolerance prevail, ensuring a stable interethnic interaction in the region.

Ключевые слова: межэтнические отношения, Республика Башкортостан, этническая идентичность, толерантность, языковая политика, этноконфессиональные отношения, социологический анализ.

Keywords: interethnic relations, Republic of Bashkortostan, ethnic identity, tolerance, language policy, ethno-religious relations, sociological analysis.

Введение. Актуальность исследования межэтнических отношений в современной России обусловлена потребностью в сохранении гражданского единства в условиях этнокультурного разнообразия. Республика Башкортостан представляет собой уникальный пример для подобного анализа, поскольку исторически в регионе сложилось взаимодействие трех крупнейших этнических групп – русских, татар и башкир, – а также представителей более 130 других национальностей [5]. Целью настоящей работы является комплексная характеристика современного состояния и основных факторов динамики межэтнических отношений в Республике Башкортостан на основе анализа официальных статистических данных и результатов эмпирических исследований.

Теоретические основы изучения межэтнических отношений. Как отмечают ученые, этническая идентичность не существует в отрыве от социального контекста; она включает в себя самоидентификацию, представления о своей группе («образ мы») и регулятивную составляющую, влияющую на поведение людей [6, С. 326]. Для понимания сути межэтнических отношений важен вывод, сделанный классиками этносоциологии: в их основе лежат социальные интересы. Люди вступают в конфликты или сотрудничают не потому, что принадлежат к разным этносам, а потому, что преследуют определенные материальные и духовные интересы, которые могут приобретать этническую окраску [3; 6, С. 48]. Немаловажно, изучая подобную тему, уделить особое внимание изучению роли религиозного фактора. Как показано в исследованиях С. В. Рыжовой, религиозность может выступать двусторонним фактором и способствовать как консолидации, так и конфликтам. В частности, в Республике Башкортостан, являющейся историческим православно-исламским пограничьем, религиозная идентичность чаще всего способствует формированию культуры доверия и позитивно влияет на межэтнические установки [4, С. 51, 55-56].

Этническая структура населения Республики Башкортостан. Этническая структура населения Башкортостана отличается высокой степенью полиэтничности при доминировании трех основных групп. Согласно итогам Всероссийской переписи населения 2020 года, численность населения республики составила 4 091 423 человека. Подавляющее большинство (более 95%) представлено тремя этносами: русскими (37,5% – 1,5 млн чел.), башкирами (31,5% – 1,27 млн чел.) и татарами (24,2% – 974,5 тыс. чел.) [1, С. 144; 5].

Сравнительный анализ данных переписей 2010 и 2020 годов позволяет говорить о положительной динамике численности титульного этноса – башкир (с 29,5% до 31,5%) и некотором снижении доли татарского населения (с 25,4% до 24,2%) при сохранении абсолютного большинства русских. Значительную долю населения составляют также чуваша (около 80 тыс.), марийцы (около 85 тыс.), украинцы, мордва и представители других национальностей [1, С. 145; 5]. Важной характеристикой является диспропорция в расселении: башкиры и татары в значительно большей степени, чем русские, представлены в сельской местности. По данным опросов, в сельской местности проживают 53% башкир, 41,9% татар и лишь 28,3% русских [2, С. 116]. Это различие в расселении может значительно сказываться на социально-экономической динамике региона, а также на трудовой мобильности населения.

Современное состояние межэтнических отношений в Республике Башкортостан. Эмпирические исследования фиксируют стабильно высокий уровень межэтнической толерантности в регионе. Согласно данным мониторинга 2025 года, положительную оценку состояния межнациональных отношений дали 92,5% жителей республики [8]. Данные этносоциологических опросов прошлых лет убедительно подтверждают этот тренд.

Таблица 1

Эмоционально-оценочное отношение представителей основных этносов друг к другу, %
положительных ответов [3]

Этническая группа	Выразили симпатию к башкирам	Выразили симпатию к татарам	Выразили симпатию к русским
Башкиры	-	91%	84%
Русские	97%	91%	-
Татары	97%	-	84%

Исследование этнической идентичности студенческой молодежи также демонстрирует позитивный настрой. Доминирующим типом в молодежной среде является позитивная этническая идентичность, при которой фактор национальности не является определяющим при выборе круга общения.

Таблица 2

Факторы, влияющие на предпочтения в общении у студенческой молодежи РБ, % [1, С. 149]

С кем предпочитаете общаться	% опрошенных
С людьми, разделяющими мои взгляды на жизнь	81,1%
С людьми, проводящими досуг так же, как я	58,5%
С жителями своего города/села	35,6%
С людьми своей национальности	17,2%

Мы видим, что национальность занимает довольно низкое место в структуре предпочтений, уступая место общности взглядов, интересов и территории проживания.

Динамика показателей за последние десятилетия показывает, что снижение социальных амбиций и адаптация к рынку труда у русского населения, с одной стороны, и рост национального самосознания у башкир и татар – с другой, не привели к росту напряженности. Как отмечают Р.М. Валиахметов и М.С. Туракаев, примерно одинаковая доля башкир, татар и русских (23-24%) сталкивались с фактами ущемления прав по

национальному признаку в сфере труда, что говорит о примерно равных возможностях и отсутствии системной дискриминации [2, С. 118].

Факторы межэтнической стабильности в регионе. Можно выделить несколько ключевых факторов, обеспечивающих устойчивость межэтнических отношений в Башкортостане.

1. *Исторический опыт совместного проживания.* Исследователи подчеркивают, что в глубинных ценностных основаниях культур нет принципиальных различий, которые ставили бы между ними непреодолимые барьеры [3].

2. *Религиозный фактор.* Исследования С.В. Рыжовой показывают, что религиозность, независимо от конфессиональной принадлежности, позитивно влияет на межэтнические установки.

Таблица 3

Установки межэтнической толерантности среди верующих и неверующих жителей РБ, % [4, С. 53]

Готовность принять человека другой национальности в качестве...	Верующие	Неверующие
Коллеги	71%	63%
Соседа	72%	63%
Друга	69%	59%

Языковая ситуация. Русский язык выполняет интегрирующую функцию. При сохранении национальных языков в семейно-бытовой сфере, русский доминирует как язык межнационального общения, образования и профессиональной деятельности, что снижает языковые барьеры. По данным опросов, 57% студенческой молодежи общаются дома на русском [1, С. 147].

Сбалансированная национальная политика. Государственная программа «Сохранение и развитие государственных языков...» (утвержденная в 2024 г.) направлена на поддержку полилингвальности. Обучение в республике ведется на 6 языках, а изучение башкирского языка организовано в 58 школах за пределами РБ [7].

Таким образом, результаты проведенного исследования свидетельствуют об устойчивом и благоприятном развитии межнациональных отношений в регионе. Согласно социологическим опросам, среди представителей всех возрастных групп, включая молодежь, фиксируются высокие показатели межнациональной терпимости и доверия друг к другу. Основой данной стабильности служат многолетний опыт совместного проживания народов, соблюдение баланса интересов различных конфессий и последовательная политика властей в области культуры и языков.

Библиографический список

1. Гайфуллин А.Ю. Этническая идентичность студенческой молодежи Республики Башкортостан: социологический анализ // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2023. Т. 23, вып. 2. С. 143–150.
2. Валиахметов Р.М., Туракаев М. С. Семейный статус и этническая принадлежность как факторы миграции и трудовой мобильности населения (на примере Республики Башкортостан) // Научный результат. Социология и управление. 2024. Т. 10, № 4. С. 111–129.
3. Городецкая И.М., Рогов М.Г., Блохин А.Б. Межэтнические отношения русского, татарского и башкирского народов [Электронный ресурс] // Проблемы социальной

- психологии личности. URL: https://psyjournals.ru/nonserialpublications/sgu_socialpsy/contents/30283 (дата обращения: 19.03.2026).
4. Рыжова С. В. Религиозность, этноконфессиональная идентичность и проблемы межэтнического согласия // Социологические исследования. 2019. № 2. С. 49–58.
 5. Национальный состав населения по итогам Всероссийской переписи населения 2020 года [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom5_Nacionalnyj_sostav_i_vladenie_yazykami (дата обращения: 19.03.2026).
 6. Этносоциология вчера и сегодня / отв. ред. и сост. Л. В. Остапенко, И. А. Субботина. М.: Ин-т этнологии и антропологии РАН, 2016. 474 с.
 7. Постановление Правительства Республики Башкортостан от 29 января 2024 г. № 17 «Об утверждении государственной программы «Сохранение и развитие государственных языков Республики Башкортостан и языков народов Республики Башкортостан»» [Электронный ресурс] // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/407102169> (дата обращения: 19.03.2026).
 8. Аралбаева Л. Состояние межнациональных в Башкирии положительно оценивают 93% населения [Электронный ресурс] // ИА «Башинформ». URL: <https://www.bashinform.ru/news/politics/2025-12-17/sostoyanie-mezhnatsotnosheniy-v-bashkirii-polozhitelno-otsenivayut-93-naseleniya-4511336> (дата обращения: 19.03.2026).

УДК 343.231

МЕСТО СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ В ФОРМИРОВАНИИ ПРОТИВОПРАВНОГО ПОВЕДЕНИЯ МОЛОДЕЖИ

THE PLACE OF SOCIAL NETWORKS IN THE FORMATION OF ILLEGAL BEHAVIOR OF YOUNG PEOPLE

Помиркованая Дарья Сергеевна, студент 4 курса Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы, Уфа, Россия, E-mail: daryapomirkovanaya@yandex.ru

Pomirkovaya Daria Sergeevna, 4th year student, Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmulla, Ufa, Russia, E-mail: daryapomirkovanaya@yandex.ru

Биккинин Ирек Анасович, доктор юридических наук, профессор кафедры административно-правовых дисциплин, Уфимский юридический институт МВД России Уфа, Россия, E-mail: bikkinin@mail.ru

Bikkinin Irek Anasovich, Professor, Doctor of Law, Professor of the Department of Administrative and Legal Disciplines, Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia Ufa, Russia, E-mail: bikkinin@mail.ru

Аннотация: Анализ данных международных мониторингов (Digital 2025 Global Overview Report, EU Kids Online 2025, Internet Organised Crime Threat Assessment 2024-2025), российских аналитических отчетов (Mediascope, НИУ ВШЭ), материалов Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, а также публикаций в ведущих научных журналах (Cyberpsychology, Behavior, and Social Networking, «Социологические исследования», «Психологическая наука и образование» и др.) показывает влияние социальных сетей на формирование противоправного поведения молодежи. Сделан вывод о том, что социальные сети функционируют не только как средства коммуникации, но и как

среды конструирования социальной реальности, в которых формируются нормы, установки и представления о допустимом поведении.

Abstract: Analysis of international monitoring data (Digital 2025 Global Overview Report, EU Kids Online 2025, Internet Organised Crime Threat Assessment 2024-2025), Russian analytical reports (Mediascope, HSE), materials of the Judicial Department under the Supreme Court of the Russian Federation, as well as publications in leading scientific journals (Cyberpsychology, Behavior, and Social Networking, Sociological Research, Psychological Science and Education, etc.) shows the influence of social networks on the formation of illegal behavior of young people. It was concluded that social networks function not only as means of communication, but also as environments for constructing social reality, in which norms, attitudes and ideas about acceptable behavior are formed.

Ключевые слова: социальные сети, противоправное поведение, девиантность, молодежь, социализация

Keywords: social networks, illegal behavior, deviance, youth, socialization

По данным международного сравнительного исследования Digital 2025 Global Overview Report, подготовленного аналитическими компаниями DataReportal, We Are Social и Meltwater, уровень использования социальных сетей среди молодежи в возрасте 16-24 лет в странах Европы превышает 93%, при этом среднее ежедневное время использования социальных платформ составляет от 3 и более часов [8, с. 2]. В аналогичных возрастных группах показатели вовлеченности остаются стабильно высокими и в Российской Федерации. Так, согласно ежегодному отчету Mediascope «Интернет в России – 2024-2025», доля пользователей социальными сетями среди молодежи 12-24 лет превышает 95%, а среднесуточное время пребывания в цифровой среде демонстрирует устойчивую тенденцию к увеличению [2, с. 3].

Дополнительные данные представлены в аналитическом докладе НИУ ВШЭ «Цифровая социализация подростков и молодежи», где подчеркивается, что социальные сети выступают ведущим каналом формирования социальных норм и поведенческих установок. Авторы исследования, Г.У. Солдатова и Е.И. Рассказова, фиксируют смещение центра социализации в онлайн-пространство, что сопровождается ростом вовлеченности подростков и молодежи в рискованные цифровые практики, включая участие в деструктивных интернет-сообществах [6, с. 78].

Европейские эмпирические исследования также подтверждают данную тенденцию. В отчете EU Kids Online 2025, координируемый Лондонской школой экономики и политических наук, руководитель проекта S. Livingstone, отмечается, что более 70% молодежи сталкивались с потенциально вредоносным или противоправным контентом, включая материалы, связанные с насилием, экстремизмом и кибербуллингом [8, с. 6]. В работах С.L. Odgers, и M.R. Jensen, анализируется корреляция между интенсивностью использования социальных платформ и склонностью к участию в девиантных онлайн-практиках [10, с. 339].

Отдельного внимания заслуживают криминологические исследования. Согласно статистическим данным Европола (EUROPOL, Internet Organised Crime Threat Assessment 2024-2025), отмечается рост преступлений, совершенных с использованием социальных сетей, включая вовлечение молодежи в схемы онлайн-мошенничества, распространение экстремистских материалов и организацию противоправных сетевых сообществ. Подчеркивается, что социальные платформы используются как инструмент рекрутирования молодежи в преступные и радикальные структуры.

Российская правоприменительная практика 2024-2026 гг. демонстрирует аналогичные тенденции. В материалах Судебного департамента при Верховном Суде Российской

Федерации за 2025 год фиксируется увеличение числа уголовных дел, связанных с преступлениями экстремистской направленности и публичными призывами к противоправной деятельности, совершенными с использованием сети «Интернет», значительная часть заведенных дел относится к молодежной возрастной категории. В ряде апелляционных определений и приговоров (в частности, по делам о распространении запрещенных материалов и участии в деструктивных интернет-сообществах) суды прямо указывают на роль социальных сетей как среды формирования устойчивых антисоциальных установок [7, с. 8].

Научные публикации российских авторов также подтверждают актуальность проблемы [5, с. 55]. Так, в статьях, опубликованных в журналах «Социологические исследования», «Психологическая наука и образование», а также в «Вестнике Московского университета. Серия 14. Психология», рассматриваются механизмы цифровой идентификации, групповой поляризации и нормализации девиантного поведения в онлайн-среде.

Социальные сети функционируют не просто как средства коммуникации, а как алгоритмизируемые среды конструирования социальной реальности, в которых происходит интенсивное формирование установок, норм и моделей допустимого поведения.

Прежде всего, цифровая среда трансформирует процесс социализации. В классической социологической традиции (Э. Дюркгейм, Р. Мертон) возникновение девиации происходит в результате разрыва между культурными целями общества и социально одобряемыми средствами достижения таких целей. Это приводит к аномии или дезорганизации, вынуждая людей искать альтернативные, часто девиантные, способы достижения [3, с. 261]. В условиях цифрового общества значительная часть норм усваивается не через институты семьи и образования, а через сетевые сообщества, где формируются альтернативные ценностные системы. Алгоритмы социальных сетей усиливают эффект информационного пузыря, потому что подстраиваются под предпочтения пользователей, сужая спектр представляемой информации. Это создает условия для радикализации взглядов и нормализации отношения к девиантным практикам, включая агрессивное поведение, кибербуллинг, распространение запрещенных материалов и участие в экстремистских сообществах.

Существенным механизмом выступает феномен групповой поляризации и деиндивидуации, подробно описанный в социальной психологии Ф. Зимбардо, С. Московичем [1, с. 374; 4, с. 9]. В онлайн-пространстве данные эффекты усиливаются за счет анонимности, снижения уровня прямой социальной ответственности и отсутствия немедленной негативной обратной связи. Молодые люди, включенные в сетевое сообщество с деструктивной направленностью, получают подкрепление своих действий через систему лайков, комментариев и одобрения. Таким образом формируется и закрепляется девиантная модель поведения, которая в офлайн-контексте могла бы быть сдержана социальным контролем.

Особую роль играет визуально-эмоциональный характер контента. Исследования, опубликованные в 2023-2025 гг. в журналах *New Media & Society* и *Cyberpsychology, Behavior, and Social Networking*, демонстрируют, что эмоционально «заряженные» материалы, то есть сцены насилия, провокационные высказывания, демонстрация криминального «успеха», обладают более высоким уровнем вовлеченности и быстрее распространяются в цифровой среде. Алгоритмы платформ, ориентированные на максимально большое количество пользовательской активности, объективно способствуют тиражированию подобного контента. В результате противоправные модели поведения могут приобретать характер символически одобряемых и социально престижных внутри определенных молодежных субкультур.

Нельзя игнорировать и экономико-технологический аспект. Распространение схем дистанционного мошенничества, вовлечение молодежи в так называемые «дропперские» сети, участие в незаконном обороте цифровых активов нередко начинается с рекрутирования через социальные сети. Правоприменительная практика фиксирует случаи, когда

первоначальное участие молодежи в подобных действиях мотивировалось не осознанной криминальной установкой, а стремлением к быстрому заработку, признанию или принадлежности к группе. Социальные сети в данном случае выступают каналом легитимации противоправной активности через формирование иллюзии ее распространенности и безнаказанности.

Отдельного анализа требует феномен геймификации противоправного поведения. Ряд деструктивных челленджей и флешмобов, демонстрирует, что элементы игры, соревнования и публичной демонстрации результата способны снижать критичность восприятия риска и правовых последствий. В молодежной среде формируется специфическая культура «контентного действия», при которой ценность поступка определяется его медиапотенциалом, а не правовой допустимостью.

Таким образом, представленные данные международных мониторингов, российских аналитических центров, а также материалы Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации и публикации в ведущих рецензируемых научных журналах свидетельствуют о том, что социальные сети оказывают влияние на формирование противоправного поведения молодежи. Алгоритмы социальных сетей, эффект информационного пузыря, групповая поляризация и деиндивидуация, а также анонимность, эмоционально стимулирующий характер контента, цифровые формы символического одобрения способствуют нормализации девиантных установок, снижению чувствительности к правовым запретам и ослаблению внутреннего социального контроля. В результате противоправные действия от киберагрессии и распространения запрещенных материалов до участия в экстремистских и мошеннических схемах могут восприниматься как социально одобряемые внутри определенных цифровых сообществ, что повышает вероятность их закрепления в устойчивые поведенческие модели.

Библиографический список

1. Зимбардо, Ф. Эффект Люцифера. Почему хорошие люди превращаются в злодеев / Ф. Зимбардо; пер. с англ. – Москва: Альпина нон-фикшн, 2013. – 740 с. – Текст: непосредственный.
2. Интернет в России – 2024-2025 / Mediascope. – Москва, 2025. – URL: <https://mediascope.net/data/> (дата обращения: 21.02.2026). – Текст: электронный.
3. Мертон, Р. К. Социальная теория и социальная структура / Р.К. Мертон; пер. с англ. – Москва: АСТ: Хранитель, 2006. – 873 с. – Текст: непосредственный.
4. Московичи, С. Социальное представление: исторический взгляд / С. Московичи. – Текст: непосредственный // Психологический журнал. – 1995. – Т. 16, №1. – С. 3-14.
5. Султанмуратова, Э. Р. О предпосылках агрессивного поведения в условиях трансформации современного общества / Э. Р. Султанмуратова, И. А. Биккинин // Вестник Набережночелнинского государственного педагогического университета. – 2025. – № S4(57). – С. 55-57. – EDN DFVEFT.
6. Солдатова, Г. У. Цифровая социализация российских подростков / Г.У. Солдатова, Е.И. Рассказова. – Текст: непосредственный // Психологическая наука и образование. – 2018. – Т. 23, № 5. – С. 71-80. – URL <https://cyberpsy.ru/articles/cifrovaya-socializaciya-rossijskih-podrostkov/> (дата обращения: 12.02.2026). – Текст: электронный.
7. Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. Обзор судебной статистики деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2025 год. – Москва, 2025. – URL: <https://cdep.ru/?id=79> (дата обращения: 22.02.2026). – Текст: электронный.
8. Digital 2025: Global Overview Report / S. Kemp; DataReportal, We Are Social, Meltwater. – 2025. – URL: <https://datareportal.com/reports/digital-2025-global-overview-report> (дата обращения: 24.02.2026). – Текст: электронный.

9. EU Kids Online 2025: Survey Results from 19 Countries / S. Livingstone, M. Stoilova, R. Haddon [et al.]; London School of Economics and Political Science. – London, 2025. – URL: <https://www.lse.ac.uk/media-and-communications> (датаобращения: 27.02.2026). – Текст: электронный.
10. Odgers, C. L. Adolescent mental health in the digital age: facts, fears, and future directions / C. L. Odgers, M. R. Jensen. – Текст: электронный // Journal of Child Psychology and Psychiatry. – 2020. – Vol. 61, № 3. – P. 336-348. – URL: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/31951670/> (дата обращения: 20.02.2026).

УДК 316.1

ТРАНСФОРМАЦИЯ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ И ГЛОБАЛЬНЫХ СОЦИАЛЬНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

TRANSFORMATION OF THE ETHNIC IDENTITY OF RUSSIAN YOUTH IN THE CONTEXT OF DIGITALIZATION AND GLOBAL SOCIAL CHANGES: A SOCIOLOGICAL ANALYSIS

Рахматуллина Ксения Руслановна, студент, ФГБОУ ВО «Уфимский Университет Науки и Технологий», Уфа, Россия, E-mail: rakhmatullinakseniya@mail.ru

Rakhmatullina Kseniya Ruslanovna, student. Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia, E-mail: rakhmatullinakseniya@mail.ru

Научный руководитель: Шарипов Азамат Ражапович – кандидат философских наук, доцент кафедры социологии и работы с молодёжью УУНИТ, E-mail: a.r.sharip@mail.ru

Scientific supervisor: Sharipov Azamat Razhapovich - Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of the Department of Sociology and Youth Work at UUST, E-mail: a.r.sharip@mail.ru

Аннотация. В статье анализируется трансформация этнической идентичности российской молодёжи в условиях цифровизации и глобальных социальных изменений. Эмпирическую базу составили данные онлайн-анкетирования, проведённого в апреле 2026 года среди 100 респондентов в возрасте от 14 до 35 лет, проживающих в Республике Башкортостан. Исследование показало, что целенаправленный поиск этнического контента и подписка на профильные паблики свойственны меньшинству, а использование родного языка в сети носит преимущественно ситуативный, «атмосферный» характер. Выявлен разрыв между высокой субъективной значимостью этноса и низкой регулярностью соблюдения традиций. Несмотря на цифровизацию, большинство опрошенных придерживаются примордиалистского взгляда на этничность. Делается вывод о гибридном, перформативном и ситуативном характере этнической идентичности современной молодёжи в цифровой среде.

Abstract: the article analyzes the transformation of the ethnic identity of Russian youth in the context of digitalization and global social changes. The empirical basis for the study is based on data from an online survey conducted in April 2026 among 100 respondents aged 14 to 35 living in the Republic of Bashkortostan. The study revealed that a targeted search for ethnic content and subscription to specialized public groups are characteristic of a minority, while the use of the native language online is predominantly situational and "atmospheric." The study reveals a gap between the high subjective importance of ethnicity and the low frequency of adherence to traditions. Despite the digitalization, most respondents adhere to a primordialist view of ethnicity. The study concludes that the ethnic identity of today's youth in the digital environment is hybrid, performative, and situational.

Ключевые слова: этническая идентичность, российская молодёжь, цифровизация, глобальные социальные изменения, лояльность без практик, виртуальная этничность.

Keywords: ethnic identity, Russian youth, digitalization, global social changes, loyalty without practices, virtual ethnicity.

Введение. В эпоху цифровизации традиционные механизмы трансляции этничности (семья, школа) дополняются и замещаются влиянием информационной среды. Молодежь как активная digital-аудитория оказывается в эпицентре этого процесса, где этничность из «кровно» заданной превращается в конструируемый элемент, подверженный моде, информационным войнам и алгоритмам соцсетей.

В современной науке сложилось устойчивое представление о том, что идентичность в информационном обществе приобретает характеристики разнообразия, фрагментарности, изменчивости, контекстуальности и симуляции [7]. Степень влияния технологий привела к диверсификации идентичности, совмещающей традиционные формы и новые виртуальные возможности. Границы идентичности размываются, человек всё меньше идентифицирует себя с этническими и гражданскими общностями. В экспертных кругах наблюдается переход от цифрового оптимизма к пессимизму, а перед государствами встают новые задачи по обеспечению консолидации общества. [4].

Конструирование национальной идентичности всё больше перемещается в соцсети, где она приобретает характер виртуального перформанса. Потребность в самоидентификации возрастает в мультикультурном контексте, статусе меньшинства или в ситуациях конфликтов, когда нужно обозначить границу между «нами» и «ними». Цифровая среда перестроила жизненный мир молодёжи, что требует новых методов изучения их этнокультурной идентичности. [5].

При этом, как показывают исследования на материалах Северного Кавказа, несмотря на активное проникновение цифровых технологий, в некоторых обществах сохраняется устойчивость традиционных социальных институтов и прочность связи с прошлым [6].

Методология исследования. В основе статьи лежат данные онлайн-анкетирования, проведенного в апреле 2026 года. Опрос был реализован с использованием GoogleForms. Объем выборки составил 100 респондентов. Целевая группа - молодые люди в возрасте от 14 до 35 лет, проживающие в республике Башкортостан.

Основной целью было выявление особенностей трансформации этнической идентичности российской молодежи под влиянием цифровой среды и глобальных изменений. Анкета была направлена на решение следующих задач:

1. Оценить субъективную значимость этнической принадлежности для респондентов.
2. Выявить практики потребления этнически маркированного контента в интернете.
3. Изучить связь между онлайн-активностью и традиционными формами поддержания идентичности.
4. Проанализировать влияние глобальных событий на самоощущение респондентов в контексте их этнической принадлежности.

Поиск контента и границы самораскрытия. Цифровая среда не только транслирует готовые образцы этничности, но и предоставляет молодежи пространство для самостоятельной навигации: от пассивного потребления контента до активного самораскрытия или, напротив, сокрытия своей принадлежности. Именно в повседневных онлайн-практиках - поиске информации, подписке на тематические сообщества, использовании родного языка в переписке, решении демонстрировать или скрывать свою национальность - наиболее отчетливо проявляются векторы трансформации этнической идентичности под влиянием цифровизации.

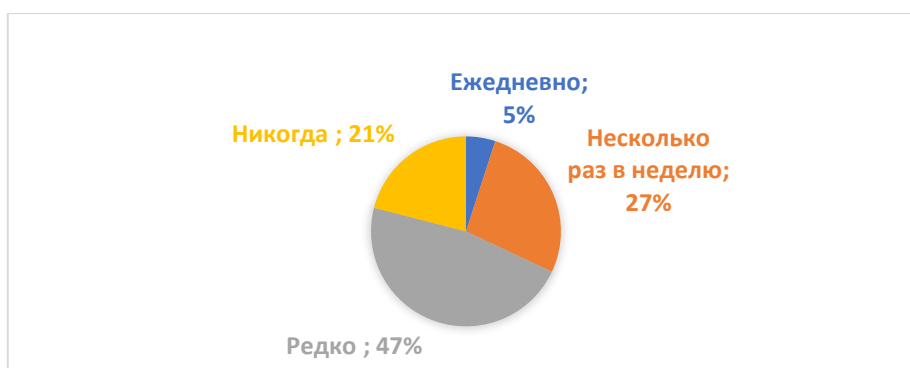

Рис. 1. Распределение ответов на вопрос «Как часто вы специально ищете контент о своем народе (история, музыка, юмор, новости)?» / «How often do you specifically search for content about your people (history, music, humor, news)?», (%).

Источник: данные анкетирования, проведенного 5-6 апреля 2026 г. среди молодежи России (N=100) посредством платформы Google Forms.

Как показали результаты, почти половина респондентов (47%) ищет этнически маркированный контент редко, а каждый пятый (21%) - никогда, что в сумме составляет 68% опрошенных, не проявляющих систематического интереса к подобной информации. Лишь треть молодых людей (32%) делает это регулярно (27% - несколько раз в неделю, 5% - ежедневно). Таким образом, целенаправленный поиск контента о своем народе не является повседневной практикой для большинства, что свидетельствует скорее о ситуативном, нежели рутинном характере этнической идентичности в цифровой среде.

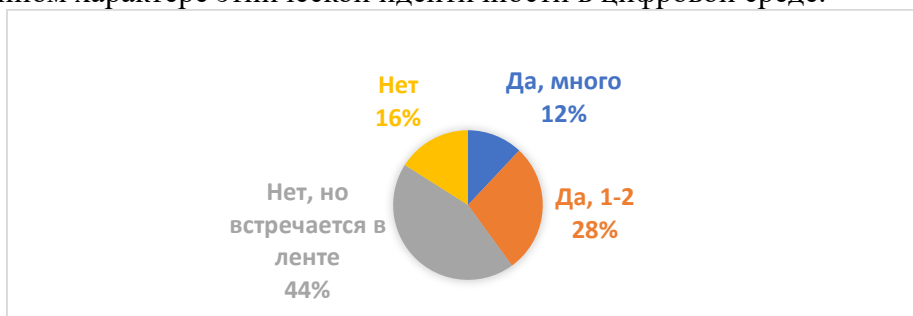

Рис. 2. Распределение ответов на вопрос «Подписаны ли вы на паблики/блогеров, которые говорят о вашей этнической культуре?» / «Do you follow any public figures or bloggers who talk about your ethnic culture?», (%).

Источник: данные анкетирования, проведенного 5-6 апреля 2026 г. среди молодежи России (N=100) посредством платформы Google Forms.

Результаты показывают, что лишь 40% респондентов целенаправленно подписаны на этнокультурные паблики или блогеров (12% - на много, 28% - на 1-2). При этом самая многочисленная группа (44%) не подписывается на такие сообщества, но сталкивается с соответствующим контентом в ленте благодаря алгоритмам рекомендаций, и только 16% полностью его избегают. Это свидетельствует о том, что для большинства молодых людей этническая тематика присутствует в цифровом пространстве скорее опосредованно, через «умную» ленту, чем через осознанный выбор и постоянный мониторинг профильных источников.

Рис. 3. Распределение ответов на вопрос «Случалось ли вам скрывать свою этническую принадлежность в интернете (в профиле, комментариях)?» / «Have you ever hidden your ethnicity on the internet (in your profile or comments)?», (%).

Источник: данные анкетирования, проведенного 5-6 апреля 2026 г. среди молодежи России (N=100) посредством платформы Google Forms.

Подавляющее большинство респондентов (85%) либо не видят причин скрывать свою этническую принадлежность (56%), либо никогда этого не делали (29%). Лишь 15% опрошенных имели подобный опыт (13% - пару раз, 2% - часто). Таким образом, для большинства молодых людей этничность в интернете не является стигматизируемым или опасным маркером, и они не испытывают давления, которое вынуждало бы их маскировать свою национальность в профилях или комментариях.

Рис. 4. Распределение ответов на вопрос «Используете ли вы в переписке или соцсетях слова/фразы на вашем национальном языке?» / «Do you use words/phrases in your national language in your correspondence or social media?», (%).

Источник: данные анкетирования, проведенного 5-6 апреля 2026 г. среди молодежи России (N=100) посредством платформы Google Forms.

При анализе ответов на вопрос об использовании в переписке слов и фраз на национальном языке из расчетов были исключены русские респонденты (27 человек), так как для них русский язык является родным, и они очевидно постоянно используют его в коммуникации, что искажало бы общую картину. Таким образом, анализ проведен на 73 нерусских респондентах. Среди них 30% постоянно используют слова/фразы на своем национальном языке, 48% делают это иногда, «для атмосферы», 11% - почти никогда, и столько же (11%) не знают языка. Следовательно, более трех четвертей нерусской молодежи (78%) так или иначе применяют этнические языковые маркеры в цифровой коммуникации, причем почти половина делает это ситуативно («для атмосферы»), что подчеркивает перформативный, гибридный и необязательный характер современной этнической идентичности в онлайн-среде.

Полученные данные позволяют утверждать, что для большинства опрошенных молодых людей этническая идентичность в цифровой среде проявляется ситуативно, не являясь предметом ежедневной рефлексии или осознанного конструирования, при этом практики самораскрытия и использования родного языка носят скорее перформативный и

необязательный характер. Цифровая среда действительно выступает пространством конструирования гибридных и текучих форм идентичности, отражающим не конфликт, а диалог культур [3].

Сопряжение ценностей и новые вызовы. В этом разделе фокус смещается на то, как традиционные этнические установки - значимость этнической принадлежности, соблюдение обычаев, реакция на внешние вызовы - сопрягаются с новыми реалиями, порожаемыми цифровой средой и глобальными изменениями.

Рис. 5. Распределение ответов на вопрос «Насколько важен для вас ваш этнос?» / «How important is your ethnicity to you?», (%)

Источник: данные анкетирования, проведенного 5-6 апреля 2026 г. среди молодежи России (N=100) посредством платформы Google Forms.

Рис. 6. Распределение ответов на вопрос «Как часто вы соблюдаете национальные традиции/обряды?» / «How often do you follow national traditions/rituals?», (%)

Источник: данные анкетирования, проведенного 5-6 апреля 2026 г. среди молодежи России (N=100) посредством платформы Google Forms.

По данным опроса, 53% респондентов считают свой этнос очень важным (оценка 5), ещё 21% - важным (оценка 4). Суммарно три четверти молодых людей придают этнической принадлежности высокое значение. Лишь 2% заявили, что этнос для них совсем не важен.

При этом только 21% опрошенных всегда соблюдают национальные традиции и обряды. Почти половина (49%) делают это по праздникам, а 30% - редко или никогда.

Доля тех, для кого этнос очень важен (53%), более чем вдвое превышает долю тех, кто действительно следует традициям постоянно (21%). Разрыв в 32 процентных пункта - явное свидетельство «лояльности без практик». Молодые люди в массе своей сохраняют эмоциональную привязанность к этнической принадлежности, но в повседневном поведении эта связь не подкрепляется регулярными действиями.

Виртуальная этничность существует на фоне традиции, при этом цифровая среда становится площадкой для конкуренции и активизации этнических сообществ [1]. Традиционные устои представляются не архаикой, а выверенной временем системой ценностей, адаптивной к современным технологиям. Данные исследования подтверждают этот тезис: высокая субъективная значимость этноса (53%) сочетается с избирательным следованием традициям, которые сохраняют символическую ценность, но перестают быть

регулятором повседневности. Многие этнические события, мероприятия и обряды можно перевести в сеть без потери их традиционной ценности [2].

Рис. 7. Распределение ОТВЕТОВ НА ВОПРОС «Изменилось ли ваше отношение к своей этнической идентичности за последние 2–3 года?» /

«Has your attitude towards your ethnic identity changed in the last 2-3 years?», (%).

Источник: данные анкетирования, проведенного 5-6 апреля 2026 г. среди молодежи России (N=100) посредством платформы Google Forms.

Половина опрошенных (52%) не заметили изменений в отношении к своей этнической идентичности за последние 2–3 года. При этом 38% указали, что их отношение изменилось в лучшую сторону, и лишь 4% - в худшую. Еще 6% признались, что им стало безразлично. Таким образом, среди тех, кто фиксирует динамику, значительно преобладает позитивный сдвиг, что может быть связано с ростом интереса к «корням» на фоне внешнеполитических событий и усиления патриотических настроений в российском обществе.

Рис. 8. Распределение ответов на вопрос «Согласны ли вы с фразой: «Моя этническая принадлежность - это то, что я сам решаю в интернете, а не то, что в паспорте?» /

«Do you agree with the phrase, "My ethnicity is something I decide on the internet, not something on my passport"?, (%).

Источник: данные анкетирования, проведенного 5-6 апреля 2026 г. среди молодежи России (N=100) посредством платформы Google Forms.

Подавляющее большинство респондентов (81%) не согласны с тем, что этническую принадлежность можно самостоятельно конструировать в интернете в отрыве от документально зафиксированного происхождения (46% - «скорее нет», 35% - «нет»). Лишь 19% поддерживают эту идею (6% - «да», 13% - «скорее да»). Таким образом, несмотря на цифровизацию и перформативный характер этничности в сети, молодые люди в массе своей придерживаются примордиалистского взгляда: этнос - это объективная данность, а не произвольный онлайн-выбор.

Рис. 9. Распределение ответов на вопрос «Что для вас сегодня главный маркер «свой» по этносу?» / «What is the main marker of "one's own" ethnicity for you today?», (%).

Источник: данные анкетирования, проведенного 5-6 апреля 2026 г. среди молодёжи России (N=100) посредством платформы Google Forms.

Абсолютное большинство респондентов (63%) главным маркером «своего» по этносу назвали язык, что подчеркивает его ключевую роль в различении «мы» и «они». Впрочем, выбор языка в качестве главного маркера не бесспорен, поскольку в условиях глобализации и цифровизации многие люди свободно владеют несколькими языками, что не делает их автоматически принадлежащими к соответствующему этносу. На втором месте - внешность (16%), на третьем - знание традиций (9%). Чувство юмора набрало лишь 1%. Остальные 11% распределились между такими вариантами, как «этническая осознанность», «кровь», «самоощущение», «самоидентификация» и др., что свидетельствует о разнообразии индивидуальных трактовок. Таким образом, для молодых людей язык остается основным, но не единственным критерием этнической принадлежности, тогда как визуальные и поведенческие маркеры играют второстепенную роль.

Результаты исследования показали, что этническая идентичность российской молодёжи (на примере респондентов Республики Башкортостан) в условиях цифровизации и глобальных изменений приобретает ситуативный, перформативный и гибридный характер. Цифровая среда не становится для большинства пространством целенаправленного конструирования этничности: активный поиск профильного контента и подписка на тематические сообщества свойственны лишь меньшинству, тогда как основная масса сталкивается с этнической тематикой опосредованно, через алгоритмические ленты. При этом молодые люди не скрывают свою национальность онлайн и не воспринимают её как стигматизируемый маркер. Среди нерусских респондентов использование родного языка в переписке широко распространено, однако преимущественно в ситуативной, «атмосферной» форме, что подчёркивает игровой и необязательный характер этнических проявлений в сети.

Выявлен значительный разрыв между декларируемой высокой значимостью этноса и реальным соблюдением традиций, что подтверждает феномен «лояльности без практик»: эмоциональная привязанность к этнической принадлежности сохраняется, но не подкрепляется регулярным поведением. За последние годы у значительной части опрошенных отношение к своей этнической идентичности улучшилось, что может отражать влияние внешнеполитического контекста. Несмотря на цифровизацию и перформативный характер этничности в сети, молодёжь в массе своей придерживается примордиалистского взгляда, не признавая возможности произвольного конструирования этнической принадлежности в интернете. Главным маркером «своего» остаётся язык, хотя в условиях глобализации и многоязычия этот критерий не является бесспорным. Таким образом, трансформация этнической идентичности под влиянием цифровой среды происходит не в сторону её полной виртуализации, а в сторону сочетания высокой субъективной ценности этноса с ситуативными, избирательными и перформативными практиками его проявления.

Библиографический список

1. Белоруссова С.Ю., Головнёв А.В. Виртуальная этничность - новация на фоне традиции? // Сибирские исторические исследования. 2019. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/virtualnaya-etnichnost-novatsiya-na-fone-traditsii> (дата обращения: 08.04.2026).
2. Белоруссова С.Ю. Коренные малочисленные народы России: виртуальная этничность и сетевые опыты // Этнография. 2022. №4 (18). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/korennye-malochislennye-narody-rossii-virtualnaya-etnichnost-i-setevye-opyty> (дата обращения: 08.04.2026).
3. Ильин В.И., Снегур М.Р. Технологии конструирования перформативной национальной идентичности (на материалах русскоязычной социальной сети) // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2024. № 1 С. 69-87.
4. Сургуладзе В.Ш. Вызовы реализации политики идентичности и социальной консолидации в условиях цифровизации и трансформаций ценностных ориентиров поколения у и поколения Z // Россия: тенденции и перспективы развития. 2022. №17-2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vyzovy-realizatsii-politiki-identichnosti-i-sotsialnoy-konsolidatsii-v-usloviyah-tsifrovizatsii-i-transformatsiy-tsennostnyh> (дата обращения: 08.04.2026).
5. Ягафова Е.А., Роговой А.С. Этническая VS локальная идентичность чувашей в киберпространстве (по материалам социальных сетей «ВКОНТАКТЕ» И «ОДНОКЛАССНИКИ») // Народы и религии Евразии. 2024. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/etnicheskaya-vs-lokalnaya-identichnost-chuvashey-v-kiberprostranstve-po-materialam-sotsialnyh-setey-vkontakte-i-odnoklassniki> (дата обращения: 08.04.2026).
6. Magomedova M. PROBLEMS OF IDENTIFICATION OF THE NORTH CAUCASIAN YOUTH IN THE CONTEXT OF THE DIGITALIZATION OF SOCIETY // Научный альманах стран Причерноморья. 2022. №4 (32). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problems-of-identification-of-the-north-caucasian-youth-in-the-context-of-the-digitalization-of-society> (дата обращения: 08.04.2026).
7. Magomedova M. DIVERSIFIED IDENTITY IN THE INFORMATION SOCIETY // Научный альманах стран Причерноморья. 2022. №1 (29). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/diversified-identity-in-the-information-society> (дата обращения: 08.04.2026).

УДК 316.1

РОЛЬ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ В РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ТРАДИЦИОННЫХ СЕМЕЙНЫХ ЦЕННОСТЕЙ В РОССИЙСКОМ МЕДИАПРОСТРАНСТВЕ

THE ROLE OF SOCIAL MEDIA IN THE REPRESENTATION OF TRADITIONAL FAMILY VALUES IN THE RUSSIAN MEDIA SPACE

Садретдинова Дарина Радиковна

бакалавр 4-го курса кафедры социологии и работы с молодежью

ФГБОУ ВО Уфимский университет науки и технологий

г. Уфа, Россия, email: dsdsdsds0@bk.ru

Научный руководитель: **Асадуллина Гузелия Рауфовна**, кандидат философских наук, доцент.

Аннотация. Статья посвящена анализу роли социальных сетей в формировании и трансляции традиционных семейных ценностей в российском медиапространстве. Рассматриваются механизмы репрезентации ценностей через цифровые платформы,

выявляются ключевые тенденции и противоречия. На основе контент-анализа и сравнительного метода определены особенности влияния социальных сетей на общественное восприятие семьи. Полученные результаты свидетельствуют о двойственной роли социальных медиа как инструмента как сохранения, так и трансформации традиционных ценностей.

Ключевые слова: социальные сети, семейные ценности, медиaprостранство, цифровая коммуникация, репрезентация, культура, интернет, общественное мнение.

Abstract. This article examines the role of social media in shaping and representing traditional family values within the Russian media space. The study explores the mechanisms through which digital platforms contribute to the dissemination and reinterpretation of family-related norms and ideals. Using content analysis and comparative methods, the research identifies key trends, including the coexistence of conservative narratives and modern reinterpretations of family values. The findings highlight the dual nature of social media as both a tool for preserving traditional cultural patterns and a space for their transformation under the influence of global digital communication. The study contributes to understanding the impact of digital environments on value systems in contemporary society.

Keywords: social media, family values, media space, digital communication, representation, culture, internet, public opinion.

Введение. В условиях цифровизации общества социальные сети становятся ключевым каналом формирования общественного мнения и культурных норм. Особую значимость приобретает вопрос репрезентации традиционных семейных ценностей, которые в российском обществе рассматриваются как важный элемент социальной стабильности. Социальные медиа не только транслируют существующие ценностные установки, но и активно участвуют в их трансформации.

Цель исследования: выявление особенностей и механизмов репрезентации традиционных семейных ценностей в социальных сетях российского медиaprостранства.

Задачи исследования:

1. Проанализировать теоретические подходы к понятию «семейные ценности».
2. Рассмотреть специфику социальных сетей как медиаканала.
3. Выявить основные формы репрезентации семейных ценностей в социальных сетях.
4. Определить влияние цифровой среды на трансформацию традиционных установок.

Методы исследования:

1. контент-анализ публикаций в социальных сетях;
2. сравнительный анализ медиаконтента;
3. дискурс-анализ пользовательских комментариев;
4. метод обобщения научной литературы.

В условиях стремительной цифровизации современного общества социальные сети стали не только каналом коммуникации, но и важнейшим механизмом формирования символической реальности [2, с. 45]. Они выполняют функцию своеобразного медиатора между индивидуальным опытом и коллективными представлениями, оказывая существенное влияние на трансляцию и интерпретацию ценностей. В российском медиaprостранстве особое значение приобретает репрезентация традиционных семейных ценностей, которые исторически выступают фундаментом социальной структуры и культурной идентичности [5, с. 79].

Современные социальные сети формируют уникальную среду, в которой процессы производства и потребления контента тесно переплетены. Пользователь одновременно выступает и как потребитель, и как создатель медиасообщений. Это приводит к тому, что представления о семье формируются не только институциональными акторами – государством, СМИ, образовательными структурами, – но и самими пользователями [3, с.

54]. Таким образом, репрезентация семейных ценностей становится децентрализованной и многослойной.

Одной из ключевых особенностей цифровой среды является визуализация повседневности. Социальные сети ориентированы на визуальный контент, что существенно влияет на способы представления семейной жизни [6, с. 28]. Фотографии, видеоролики и сторис создают эмоционально насыщенные образы, которые формируют у аудитории определенные представления о «норме». При этом наблюдается тенденция к эстетизации и идеализации семейных отношений: демонстрируются гармония, благополучие, счастье, тогда как конфликтные или проблемные аспекты, как правило, остаются за пределами публичного поля.

Визуализация семейной жизни в социальных сетях – это один из ключевых механизмов формирования представлений о семье в цифровую эпоху. В отличие от традиционных медиа, где образ семьи задавался преимущественно институционально (через кино, телевидение, рекламу), в социальных сетях он создаётся самими пользователями и распространяется в формате повседневного визуального контента.

Прежде всего, важно понимать, что визуализация – это не просто «показ» семейной жизни, а её конструирование через визуальные коды. Пользователи выбирают, какие моменты показать, как их оформить и в каком контексте представить. Чаще всего в публичное пространство попадают позитивные и социально одобряемые эпизоды: семейные праздники, совместный отдых, взаимодействие с детьми, бытовые сцены, оформленные эстетически привлекательно. Таким образом, создаётся образ гармоничной, благополучной семьи, который начинает восприниматься как социальная норма.

Существенную роль играет эстетизация повседневности. Даже обычные семейные действия – завтрак, прогулка, вечер дома – подаются через визуальные фильтры, композицию кадра, подбор света и цвета. Это приближает пользовательский контент к профессиональной визуальной культуре и формирует так называемую «инстаграмную» модель семьи – визуально красивую, эмоционально тёплую и лишённую конфликтов. В результате происходит смещение акцента с реального опыта на его визуально привлекательную интерпретацию. [6, с. 67].

Отдельного внимания заслуживает феномен курирования идентичности. Через публикации пользователи транслируют не только события, но и определённый образ себя как родителя, супруга или члена семьи. Например, акцент может делаться на заботе о детях, активном родительстве, соблюдении семейных традиций. Таким образом, визуальный контент становится инструментом самопрезентации и социального позиционирования.

При этом визуализация семейной жизни тесно связана с социальным одобрением, выражаемым через лайки, комментарии и репосты. Алгоритмы социальных сетей усиливают распространение контента, который вызывает наибольший отклик, а это, как правило, эмоционально позитивные и эстетически привлекательные изображения. В результате закрепляется определённый канон «правильной» семьи, соответствие которому начинает восприниматься как желательное.

Такой медиаконструкт «идеальной семьи» выполняет амбивалентную функцию [1, с. 102]. С одной стороны, он способствует укреплению позитивного образа семьи, популяризации родительства и семейных традиций. С другой стороны, формирует завышенные ожидания, которые могут приводить к фрустрации у пользователей, чья реальная жизнь не соответствует транслируемым стандартам. Таким образом, социальные сети не только отражают социальную реальность, но и активно конструируют ее.

Важным аспектом является участие различных акторов в формировании дискурса о семейных ценностях. Особую роль играют блогеры и инфлюенсеры, обладающие значительной аудиторией и высоким уровнем доверия [7, с. 35]. Через личные истории, повседневные практики и эмоциональные нарративы они формируют представления о семейной жизни, нередко выступая в качестве новых «лидеров мнений». Их контент часто

сочетает элементы традиционных ценностей (брак, дети, семейная поддержка) с современными установками (самореализация, партнерские отношения, гибкость гендерных ролей).

Параллельно с этим наблюдается активное участие коммерческих структур в репрезентации семейных ценностей [8, с. 67]. Рекламные стратегии все чаще апеллируют к образу семьи как к символу надежности, уюта и доверия. Семейные сюжеты используются для продвижения широкого спектра товаров и услуг – от продуктов питания до финансовых сервисов. В результате происходит коммерциализация ценностей, при которой они интегрируются в потребительскую культуру и частично утрачивают свою самостоятельную смысловую нагрузку.

Не менее значимым является дискурсивное измерение социальных сетей, проявляющееся в пользовательских комментариях и обсуждениях. Анализ подобных коммуникаций показывает наличие выраженной поляризации мнений [9, с. 70]. Одна часть пользователей придерживается традиционных взглядов на семью, подчеркивая важность брака, родительства и стабильности. Другая часть демонстрирует критическое отношение к традиционным моделям, акцентируя внимание на индивидуальной свободе, разнообразии форм семейных отношений и необходимости пересмотра устоявшихся норм.

Эта поляризация отражает более широкий социокультурный процесс, связанный с трансформацией ценностных систем в условиях глобализации и цифровизации [2, с. 112]

Социальные сети в данном контексте выступают пространством открытого диалога, в котором сталкиваются различные мировоззренческие позиции. При этом важно отметить, что цифровая среда не просто фиксирует существующие различия, но и усиливает их за счет алгоритмических механизмов, формирующих так называемые «информационные пузыри» [10, с. 51].

Особый интерес представляет феномен гибридизации семейных ценностей. В цифровом пространстве наблюдается сочетание элементов традиционной и современной моделей семьи [5, с. 83]. Например, сохраняется высокая значимость института семьи как такового, однако изменяются представления о ролях внутри нее. Все чаще подчеркивается равенство партнеров, совместное принятие решений, возможность совмещения профессиональной и семейной сфер для обоих супругов.

Следует также учитывать влияние глобального медиаконтекста [11, с. 29]. Социальные сети являются частью глобальной информационной среды, в которой активно циркулируют различные культурные модели. Это приводит к тому, что российское медиапространство оказывается включенным в более широкий процесс обмена ценностями и смыслами. В результате традиционные представления о семье подвергаются внешнему воздействию, что может как способствовать их трансформации, так и усиливать стремление к их сохранению.

Нельзя игнорировать и роль государственных и общественных инициатив, направленных на поддержку семейных ценностей в цифровой среде [12, с. 41]. Различные информационные кампании, социальные проекты и медиаплатформы способствуют формированию позитивного образа семьи и популяризации традиционных установок. Однако их эффективность во многом зависит от способности адаптироваться к специфике социальных сетей, где ключевое значение имеют неформальность, эмоциональность и вовлеченность аудитории.

Таким образом, социальные сети представляют собой сложное и многомерное пространство, в котором происходит репрезентация традиционных семейных ценностей [3, с. 88]. Они одновременно выполняют функции сохранения культурной традиции и ее трансформации, выступая ареной взаимодействия различных акторов, дискурсов и смыслов.

Влияние социальных сетей на восприятие семьи нельзя оценивать однозначно: оно носит противоречивый характер и зависит от множества факторов, включая особенности аудитории, тип контента и контекст его потребления. Тем не менее очевидно, что в условиях

цифровой эпохи именно социальные медиа становятся одним из ключевых факторов, определяющих направление развития ценностных ориентиров общества [13, с. 57].

Результаты исследования:

Проведенный анализ показал, что социальные сети выступают важной площадкой для обсуждения и популяризации семейных ценностей. Были выявлены следующие тенденции:

1. Популяризация традиционной модели семьи. В контенте активно продвигаются идеи многодетности, родительства и семейной сплоченности.
2. Визуализация семейной жизни. Через фото- и видеоконтент создается идеализированный образ семьи, который влияет на восприятие аудитории.
3. Коммерциализация ценностей. Семейные образы используются в рекламе и продвижении товаров, что приводит к частичной утрате их сакрального смысла.
4. Поляризация мнений. Пользовательские комментарии демонстрируют наличие различных точек зрения – от поддержки традиционных ценностей до их критики.
5. Гибридизация ценностных установок. Традиционные нормы сочетаются с современными представлениями о гендерных ролях и семейной структуре.

Выводы: социальные сети играют двойственную роль в репрезентации традиционных семейных ценностей. С одной стороны, они способствуют их сохранению и популяризации, формируя позитивный образ семьи. С другой стороны, цифровая среда стимулирует переосмысление и трансформацию этих ценностей под влиянием глобальных культурных процессов. Таким образом, социальные медиа становятся пространством диалога между традицией и современностью.

Библиографический список

1. Баранов А.Н. Медиадискурс и современное общество. – М.: ЛКИ, 2017. – 180 с.
2. Гидденс Э. Трансформация интимности. – СПб.: Питер, 2004. – 304 с.
3. Жукова О.В. Государственная политика в сфере семейных ценностей // Вестник РГГУ. – 2021. – № 6. – С. 39–45.
4. Иванова А.С. Инфлюенсеры как агенты социализации // Медиаисследования. – 2022. – № 2. – С. 33–40.
5. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. – М.: ГУ ВШЭ, 2000. – 608 с.
6. Кузнецов Д.А. Маркетинг в социальных сетях. – М.: Юрайт, 2021. – 256 с.
7. Луман Н. Реальность массмедиа. – М.: Праксис, 2005. – 256 с.
8. Николаева М.Г. Цифровая культура и трансформация ценностей // Социологический журнал. – 2022. – № 3. – С. 50–60.
9. Полякова Н. В. Визуальная культура социальных медиа. – М.: Аспект Пресс, 2019. – 192 с.
10. Сидорова Л. П. Дискурс социальных сетей и общественное мнение // Социология власти. – 2020. – № 4. – С. 67–74.
11. Смирнова Е. В. Семейные ценности в цифровую эпоху // Вестник социологии. – 2021. – № 3. – С. 78–85.
12. Фролов И. Т. Социальные коммуникации в цифровую эпоху. – М.: Наука, 2018. – 210 с.
13. Черных А.И. Социальные сети как инструмент формирования общественного мнения // Социологические исследования. – 2020. – № 5. – 102 с.

УДК 316.422.42

КАРЬЕРА В СИСТЕМЕ ЦЕННОСТЕЙ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ A CAREER IN THE VALUE SYSTEM OF MODERN YOUTH

Сайфуллина Айгузель Шайхетдиновна, студент 4 курса направления 39.03.01 "Социология" кафедры социологии и работы с молодежью, ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий», Уфа, Россия, E-mail: sayfullina.03@inbox.ru

Научный руководитель: Гайфуллин Андрей Юрьевич, кандидат социологических наук, заведующий кафедрой социологии и работы с молодежью, ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий», Уфа, Россия, E-mail: gayfullin_a@mail.ru

Saifullina Aiguzel Shaihetdinovna, 4th year student of the Department of Sociology and Youth Work, Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia, E-mail: sayfullina.03@inbox.ru

Gayfullin Andrey Yurievich, PhD in Sociology, Head of the Department of Sociology of Youth Work, Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia, E-mail: gayfullin_a@mail.ru

Аннотация: В статье представлен социологический анализ ценностных ориентаций современной молодежи в процессе карьерного выбора. Выявлена прагматизация карьерных установок у современной молодежи: преобладание прагматических мотивов (уровень оплаты, стабильность) над альтруистическими (общественная польза). Установлена высокая степень зависимости профессионального выбора от внешних авторитетов (родители, преподаватели).

Abstract: The article presents a sociological analysis of the value orientations of modern youth in the process of career choice. The article reveals the pragmatization of career attitudes among modern youth: the predominance of pragmatic motives (level of pay, stability) over altruistic ones (public benefit). A high degree of dependence of professional choice on external authorities (parents, teachers) has been established.

Ключевые слова: ценностные ориентации, молодежь, карьера, ценность карьеры, профессиональное самоопределение, рынок труда

Keywords: value orientations, youth, career, career value, professional self-determination, labor market

Введение. В условиях стремительных социальных и экономических трансформаций, характерных для современного общества, проблема профессионального самоопределения молодёжи приобретает особую значимость [1; 2]. Карьерные ориентации молодых людей становятся объектом пристального внимания исследователей, поскольку именно в этот период формируются жизненные стратегии, определяющие дальнейшую профессиональную траекторию и степень социальной адаптации [2; 3]. Актуальность исследования обусловлена тем, что в условиях цифровизации экономики, роста конкуренции на рынке труда и усиления влияния массовой культуры и семейных установок ценностные приоритеты молодёжи в сфере карьеры претерпевают существенные изменения [4; 5].

Эмпирические данные свидетельствуют о противоречивости и неоднозначности карьерных установок современной студенческой молодёжи [6; 7]. С одной стороны, наблюдается доминирование прагматических мотивов: стремление к материальному благополучию, финансовой стабильности и социальному статусу. С другой – сохраняется интерес к самореализации, личностному росту и социальной значимости профессиональной деятельности [8]. При этом значительная часть студентов демонстрирует низкую степень осознанности при выборе профессии, зачастую принимая решения под влиянием внешних факторов – мнения родителей, друзей, средств массовой информации, а не на основе анализа собственных способностей и реальных потребностей рынка труда [9; 10]. Отмечается недостаточная информированность молодёжи о перспективах развития отраслей, а также низкая вовлечённость в профориентационные практики.

Цель статьи – выявить особенности ценностных ориентиров современной студенческой молодежи при выборе карьеры.

Методы исследования. Результаты исследования основаны на результатах авторского социологического опроса, проведенного в 2025 году. Категория опрашиваемых – студенты Уфимского университета науки и технологии, количество опрошенных – 150 человек. Анализ

полученных данных позволяет глубже понять структуру карьерных мотивов, определить доминирующие жизненные приоритеты и факторы, влияющие на профессиональное самоопределение молодёжи в современных условиях.

Результаты. Результаты социологического опроса, проведённого среди студентов, позволили выявить структуру их жизненных ценностей и приоритетов в карьерных установках. Как видно из таблицы 1, для подавляющего большинства респондентов ключевыми ценностными ориентирами выступают семья (85%), материальное благополучие (68%), а также самореализация (54%) и стабильность (69%). Значительная доля опрошенных отмечает важность социальной значимости труда (52%) и карьерного роста (66%) (таблица 1).

Таблица 1

Основные ценности студентов и приоритеты в карьерных установках (результаты анкетирования, % от общего числа респондентов, N=150)

Ценностная категория	Число опрошенных, %
Семья	85%
Материальное благополучие	68%
Самореализация	54%
Социальная значимость труда	52%
Стабильность и безопасность	69%
Карьерный рост	66%
Влияние родителей	59%
Самостоятельность выбора	35%

Примечание: студенты могли выбирать несколько вариантов

Анализ карьерных приоритетов студентов выявляет устойчивую иерархию мотивов, определяющих их профессиональное поведение. Наиболее значимыми критериями при выборе места работы выступают профессиональный интерес (35%), уровень оплаты труда (30%) и стабильность занятости (20%). При этом общественная польза профессии рассматривается как значимый фактор лишь 10% респондентов, что свидетельствует о доминировании индивидуальных и прагматических установок над альтруистическими [11].

Дальнейший анализ планов трудоустройства показывает, что 75% студентов намерены работать по полученной специальности, что говорит о достаточно высокой степени соответствия между получаемым образованием и профессиональными ожиданиями. Однако структура предпочтений по типу работодателя демонстрирует выраженную ориентацию на стабильность и социальные гарантии: половина опрошенных (50%) ориентируются на крупные компании, 30% – на государственную службу, и лишь 20% выражают готовность к предпринимательской деятельности. Это позволяет сделать вывод о преобладании патерналистских ожиданий и стремлении к защищённости в условиях неопределённости рынка труда [12].

Особого внимания заслуживает анализ факторов, влияющих на выбор профессии. Доминирующую роль играют внешние авторитеты: 60% студентов отмечают влияние родителей, 45% – преподавателей. Лишь 20% респондентов принимают решение самостоятельно, что указывает на недостаточную сформированность внутренней профессиональной идентичности и автономии в профессиональном самоопределении. Подобная зависимость от мнения значимых взрослых может как способствовать более взвешенному выбору, так и приводить к внутреннему конфликту между личными интересами и внешними ожиданиями.

Анализ субъективной оценки студентами собственного профессионального выбора выявляет определённую когнитивную диссонансность. Несмотря на то что 70% респондентов декларируют осознанность своего решения, 20% признают выбор, сделанный без глубокого понимания специфики профессии, а 10% и вовсе выражают неуверенность. Это свидетельствует о том, что заявленная осознанность может носить скорее декларативный, социально одобряемый

характер, нежели отражать реальный уровень рефлексии и анализа. Подобный разрыв между самооценкой и реальным положением дел указывает на необходимость развития у студентов навыков критического мышления и самоанализа в контексте профессионального самоопределения.

В структуре информационных источников, используемых при выборе карьеры, доминирует Интернет (80%), что закономерно для цифрового поколения. Однако уровень доверия к этим данным дифференцирован: респонденты склонны больше доверять информации, полученной в ходе личных коммуникаций (общение с профессионалами, выпускниками) и из официальных источников (сайты вузов, компаний). В то же время доверие к традиционным СМИ находится на низком уровне. Это говорит о формировании у молодёжи навыков медиаграмотности и избирательного потребления информации, где личный опыт и верифицированные данные ценятся выше массового информационного потока.

Отношение студентов к ключевым аспектам современного рынка труда в целом можно охарактеризовать как прогрессивное и адаптивное. Большинство респондентов позитивно воспринимают необходимость переобучения (85%), что свидетельствует о понимании концепции lifelong learning (обучение на протяжении всей жизни). Высокий уровень принятия конкуренции (75%) говорит о готовности бороться за рабочие места и профессионально развиваться. Положительное отношение к географической мобильности (55%) указывает на открытость к релокации ради карьерных перспектив, что является важным ресурсом для экономики.

При оценке необходимых компетенций на первый план выходят гибкие навыки (soft skills). Наиболее важными студенты считают коммуникабельность (65%) и способность к обучению (40%), что подчёркивает их ориентацию на командную работу и быструю адаптацию к изменениям. При этом значимость профессиональных знаний (50%) и владения иностранными языками (30%) также остаётся высокой, указывая на сбалансированное понимание требований рынка.

Временная перспектива карьерных планов демонстрирует чёткую иерархию амбиций. В краткосрочной перспективе (через 5 лет) доминирует цель занять стабильную позицию квалифицированного специалиста. В долгосрочной (через 10 лет) фокус смещается на достижение руководящих должностей или создание собственного бизнеса. Однако наличие доли студентов, не имеющих чётких целей, подчёркивает проблему отсутствия стратегического планирования у части молодёжи.

Заключение. Таким образом, карьерные установки современной студенческой молодёжи характеризуются сочетанием прагматических мотивов (доход, стабильность) и стремления к самореализации, однако процесс профессионального выбора зачастую носит зависимый характер. Преобладание внешних влияний и ориентация на традиционные формы занятости свидетельствуют о необходимости развития профориентационных программ, направленных на повышение осознанности выбора, формирование внутренней мотивации и предпринимательских компетенций.

Современная студенческая молодёжь демонстрирует высокий уровень адаптивности к требованиям рынка труда, ценит гибкость и непрерывное развитие. Однако существует разрыв между декларируемой осознанностью выбора и реальным уровнем информированности. Доминирование внешних влияний при выборе профессии и отсутствие чётких долгосрочных планов у части студентов требуют усиления роли целенаправленной профориентационной работы, направленной не только на информирование, но и на формирование навыков стратегического планирования и внутренней профессиональной мотивации.

Библиографический список

1. Гайфуллин А.Ю. Молодежь и молодежная политика в Республике Башкортостан: Монография. Уфа: Уфимский университет науки и технологий, 2023. 162 с.
2. Гайфуллин А.Ю. Актуальные проблемы современной молодежи. Уфа: УУНиТ, 2024. 174 с.

3. Гайфуллин А.Ю. Профессиональные и карьерные ориентиры молодежи Республики Башкортостан: монография. Уф: Уфимский университет науки и технологий, 2025. 174 с.
4. Гайфуллин А.Ю. Социологический анализ ценностных ориентиров современной студенческой молодежи // Уфимский гуманитарный научный форум. 2023. № 3(15). С. 221-232. DOI 10.47309/2713-2358-2023-3-221-232.
5. Гайфуллин А.Ю. Профессиональные ориентиры сельской молодежи: социологический анализ // Уфимский гуманитарный научный форум. 2024. № 3 (19). С. 174-187.
6. Гайфуллин А.Ю. Профессиональные ориентиры и карьерные установки современной учащейся молодежи: социологический анализ // Уфимский гуманитарный научный форум. 2021. № 3(7). С. 140-150. DOI 10.47309/2713-2358_2021_3_140.
7. Гайфуллин А.Ю. Профессиональные предпочтения молодежи на региональном рынке труда / Проблемы функционирования и развития территориальных социально-экономических систем, Уфа, 15 октября – 15 ноября 2013 года / Институт социально-экономических исследований УНЦ РАН; Ответственный редактор: Гайнанов Д.А.. Уфа: Институт социально-экономических исследований УНЦ РАН, 2013. С. 217-220.
8. Гайфуллин А.Ю. Социальный портрет и ожидания выпускников вузов Республики Башкортостан на современном рынке труда: социологический анализ // Уфимский гуманитарный научный форум. 2024. № 4(20). С. 315-328. DOI 10.47309/2713-2358-2024-4-315-328.
9. Гайфуллин А.Ю. Социологический анализ трудоустройства выпускников вузов: имеющийся опыт и ожидания // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2023. Т. 13, № 3. С. 231-243. DOI 10.21869/2223-1552-2023-13-3-231-243.
10. Гайфуллин А.Ю. Удовлетворенность условиями труда и причины смены работы молодежью Республики Башкортостан: социологический анализ // Уфимский гуманитарный научный форум. 2025. № 4(24). С. 284-292. DOI 10.47309/2713-2358-2025-4-284-292.
11. Гайфуллин А.Ю. Приоритеты социальной политики Республики Башкортостан в отношении молодежи // Уфимский гуманитарный научный форум. 2021. № 4 (8). С. 111-120.
12. Гайфуллин А.Ю. Трудовая географическая мобильность работающей молодежи Республики Башкортостан: социологический анализ // Социальная политика и социология. 2025. Т. 24, № 4(157). С. 33-41. DOI 10.17922/2071-3665-2025-24-4-33-41.

УДК 316.1

ЭТНИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ И МЕЖЭТНИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В ПОЛИЭТНИЧНОМ ДАГЕСТАНЕ: СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И ПРОТИВОРЕЧИЯ

Сесик Софья Анатольевна, студент, ФГБОУ ВО «Уфимский Университет Науки и Технологий», Уфа, Россия, E-mail: sofia03200602@gmail.com

Научный руководитель: Шарипов Азамат Ражапович – кандидат философских наук, доцент кафедры социологии и работы с молодёжью УУНИТ, E-mail: a.r.sharip@mail.ru

Аннотация. В статье анализируются актуальные тенденции трансформации этнической идентичности и состояния межэтнических отношений в Республике Дагестан – одном из самых полиэтничных регионов Российской Федерации. Опираясь на результаты этносоциологических исследований, опубликованных в открытом доступе, автор показывает, что в массовом сознании дагестанцев доминирует этническая идентичность нормативного типа, которая, однако, сосуществует с высоким латентным конфликтным потенциалом в межгрупповом взаимодействии. Особое внимание уделяется анализу этнических

стереотипов, прежде всего среди молодежи, а также факторам воспроизводства этничности в городской среде. Делается вывод о множественном и иерархическом характере идентичности в регионе, где этническое, региональное и религиозное измерения тесно переплетены, что создает как ресурс стабильности, так и зоны потенциальной напряженности.

Введение. Республика Дагестан представляет собой уникальный этносоциологический кейс: на сравнительно небольшой территории здесь компактно проживают десятки этносов, обладающих собственными языками, культурными традициями и исторической памятью. Постсоветский период стал для республики временем глубоких трансформаций, затронувших все сферы общественной жизни и по-новому актуализировавших вопросы этнического самосознания. Как отмечают исследователи, преобразования, происходившие во всех областях, «к сожалению, шли несинхронно, не совпадая по масштабам и глубине, в свою очередь, приводя к негативным последствиям в виде проявления высокой энтропии, дезорганизации, дезинтеграции» [5]. Это делает Дагестан не только «лабораторией» для изучения межэтнических взаимодействий, но и регионом, где этносоциальная динамика напрямую влияет на общенациональную безопасность.

Современная этносоциология рассматривает этническую идентичность не как статичный, раз и навсегда данный атрибут, а как динамичный и ситуативный конструкт. В условиях глобализации и цифровизации «идентичность перестает быть статичной, она превращается в гибридный конструкт». Этот подход, близкий к конструктивному реализму, предполагает, что пространство межэтнических отношений «конструируется с помощью естественных и искусственных механизмов в процессе реализации практик межэтнического взаимодействия» [1]. Для полиэтничного Дагестана это означает, что этническая идентичность его жителей не является чем-то монолитным: она включает в себя несколько уровней – этнический, региональный (дагестанский), общероссийский и религиозный, иерархия которых может меняться в зависимости от социального контекста [3].

Эмпирические исследования фиксируют сложную структуру идентичности городского населения Дагестана. По данным социологических опросов, в массовом сознании горожан превалирует этническая идентичность по типу «нормы» (то есть позитивная и сбалансированная), хотя фиксируются и проявления этноиндифферентности. При этом этническая идентичность выступает «важнейшим фактором при оценке социального самочувствия человека» [6]. Интересно, что иерархия идентичностей у городских жителей выглядит следующим образом: на первом месте – республиканская (дагестанская) идентичность, на втором – общероссийская, на третьем – религиозная, и лишь на четвертом – поколенческая. Этот факт опровергает изначальную гипотезу авторов о возможном доминировании локальной (городской) идентичности и указывает на то, что макрорегиональное самосознание («мы – дагестанцы») играет важную консолидирующую роль. Ключевыми индикаторами воспроизводства этнической идентичности для горожан выступают: национальный язык, национальные обычаи и традиции, религия, а также историческое прошлое. Наименее значимым маркером оказались материальные элементы культуры – национальная одежда, жилище и быт. Это свидетельствует о том, что «этничность» в сознании современных дагестанцев связана в первую очередь с духовными и социальными практиками, а не с внешними, вещными символами.

Несмотря на многовековой опыт совместного проживания, межэтнические отношения в Дагестане содержат значительный конфликтный потенциал. Исследования показывают, что «межэтнические отношения в Дагестане содержат конфликтный потенциал, на данный момент сохраняющий латентную форму». Иными словами, устойчиво отрицательное отношение к представителям иных этнических групп открыто не демонстрируется, но может легко актуализироваться при обострении социально-экономических или политических противоречий [1].

Эту ситуацию усугубляет тот факт, что в постсоветский период произошел резкий сдвиг в национальном самосознании. Межэтнический дискурс все чаще включает взаимные претензии и поиск исторических обид: «Считавшиеся еще недавно добрыми соседи стали объектом критики, подчас весьма воинственной». Этот процесс ведет к формированию негативных этнических стереотипов и образа «врага», который конструируется как из реальных, так и из присваиваемых представлений [5].

Особого внимания заслуживает анализ этнических стереотипов среди молодежи, поскольку именно эта группа во многом определяет будущий климат межэтнических отношений. Исследования показывают, что в общественном сознании дагестанской молодежи преобладают положительные автостереотипы (представления о собственном народе). Это обстоятельство является существенным фактором в формировании межнациональной толерантности и может способствовать позитивному межэтническому взаимодействию. Однако следует учитывать, что позитивный образ «своей» группы часто коррелирует с наличием негативных гетеростереотипов (образов «чужих»), что требует дальнейшего, более детального изучения их содержательной структуры [7].

Особую исследовательскую проблему представляет этносоциальное положение русского населения Дагестана. Будучи некогда значительной и влиятельной группой, русские сегодня являются этническим меньшинством, проживающим в инонациональной среде. Изучение их этнического самочувствия и трансформации политических позиций имеет важное значение для понимания всей полноты этносоциальной структуры региона. Эта тема остается недостаточно изученной и требует дальнейших эмпирических исследований [2].

Заключение. Проведенный анализ позволяет сделать несколько основных выводов. Во-первых, этническая идентичность в Дагестане носит множественный и иерархичный характер, в котором переплетаются этнические, региональные, общероссийские и религиозные компоненты. Во-вторых, эта идентичность воспроизводится в первую очередь через язык, традиции и религию, при этом роль внешних, вещных маркеров снижается. В-третьих, межэтнические отношения в республике характеризуются сочетанием высокого латентного конфликтного потенциала и наличия ресурсов толерантности, прежде всего в молодежной среде. В-четвертых, необходим постоянный мониторинг и переосмысление социально-политических практик в области межэтнических отношений, поскольку «актуальность... постоянного мониторинга межэтнической напряженности в данном регионе» остается исключительно высокой.

Перспективы дальнейших исследований лежат в плоскости изучения конкретного содержания этнических стереотипов у разных групп населения, динамики идентичности в условиях цифровизации, а также более глубокого анализа положения этнических меньшинств (включая русское население) в полиэтнической структуре дагестанского общества.

Список литературы

1. Верещагина А.В., Шахбанова М. М. Межэтнические отношения в оценке дагестанских народов // ЖССА. 2016. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mezhethnicheskie-otnosheniya-v-otsenke-dagestanskih-narodov> (дата обращения: 15.04.2026).
2. Данилюк М. Ю., Халидова О.Б., Мишина Н. В. Русское население в политической и этносоциальной структуре дагестанского общества // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2017. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/russkoe-naselenie-v-politicheskoy-i-etnosotsialnoy-strukture-dagestanskogo-obschestva> (дата обращения: 15.04.2026).

3. Джабраилов Ю. Д. Этноконфессиональная и национально-государственная идентичность дагестанцев: современное состояние // Научный альманах стран Причерноморья. 2020. №2 (22). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/etnokonfessionalnaya-i-natsionalno-gosudarstvennaya-identichnost-dagestantsev-sovremennoe-sostoyanie> (дата обращения: 15.04.2026).

4. Белоруссова С.Ю. Силакряшен: виртуальная жизнь непризнанного народа // Сибирские исторические исследования. 2019. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/silakryashen-virtualnaya-zhizn-nepriznannogo-naroda> (дата обращения: 15.04.2026).

5. Шахбанова М. М. Межнациональные взаимодействия в республике Дагестан и их последствия для развития этнической идентичности (на примере малочисленных народов) // ИАЭК. 2012. №2 (30). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mezhnatsionalny-vzaimodeystviya-v-respublike-dagestan-i-ih-posledstviya-dlya-razvitiya-etnicheskoy-identichnosti-na-primere> (дата обращения: 15.04.2026).

6. Шахбанова М.М., Муртузова З.М., Шихалиева Д.С. Этническая идентичность городского населения Дагестана в структуре социальной идентичности и индикаторы ее воспроизводства // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2020. №1 (254). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/etnicheskaya-identichnost-gorodskogo-naseleniya-dagestana-v-strukture-sotsialnoy-identichnosti-i-indikatory-ee-vosproizvodstva> (дата обращения: 15.04.2026).

7. Шахбанова М.М. ЭТНИЧЕСКИЕ КОННОТАЦИИ В СТРУКТУРЕ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ДАГЕСТАНСКОЙ МОЛОДЕЖИ // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2023. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/etnicheskie-konnotatsii-v-strukture-etnicheskoy-identichnosti-dagestanskoy-molodezhi> (дата обращения: 15.04.2026).

УДК 316.334.22

ОТНОШЕНИЕ МОЛОДЁЖИ К САМОЗАНЯТОСТИ И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВУ В УСЛОВИЯХ ПРЕКАРИЗАЦИИ ЗАНЯТОСТИ

YOUTH ATTITUDES TOWARD SELF-EMPLOYMENT AND ENTREPRENEURSHIP UNDER CONDITIONS OF EMPLOYMENT PRECARIZATION

Смаков Тимур Сергеевич, студент 4 курса направления подготовки «Социология», Институт гуманитарных и социальных наук, ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий», Уфа, Россия, E-mail: super.timspro2013@yandex.ru

Smakov Timur Sergeevich, 4th-year Student in Sociology, Institute of Humanities and Social Sciences, Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia, E-mail: super.timspro2013@yandex.ru

Научный руководитель: Ковров Владимир Фёдорович, кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и работы с молодежью, Институт гуманитарных и социальных наук, ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий», Уфа, Россия, E-mail: kovrov@bk.ru

Scientific supervisor: Kovrov Vladimir Fedorovich, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor of the Department of Sociology and Youth Work, Institute of Humanities and Social Sciences, Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia, E-mail: kovrov@bk.ru

Аннотация: В статье анализируется отношение молодёжи к самозанятости и предпринимательству в современной России в условиях расширения нестандартных, проектных и платформенных форм занятости. На основе вторичного анализа статистических, налоговых, социологических и академических источников показано, что молодёжные установки носят двойственный характер. Самозанятость и предпринимательство привлекают

молодых людей свободным графиком, автономией, возможностью самореализации и низким порогом входа, однако одновременно связаны с рисками нестабильного дохода, неполноты социальных гарантий и неопределённости профессиональной траектории. Делается вывод, что в условиях прекаризации самозанятость для части молодёжи выступает не как завершённая альтернатива наёмному труду, а как пробный, компенсаторный или переходный формат экономической активности.

Abstract: The article examines youth attitudes toward self-employment and entrepreneurship in contemporary Russia under the expansion of non-standard, project-based and platform-based forms of work. Drawing on secondary analysis of statistical, tax, survey and academic sources, it shows that youth attitudes are ambivalent. Self-employment and entrepreneurship attract young people because of flexible schedules, autonomy, self-realization and low entry barriers; however, they are also associated with income instability, incomplete social protection and uncertainty of career trajectories. The article concludes that under employment precarization self-employment often functions not as a full substitute for wage labour, but as a trial, compensatory or transitional form of economic activity.

Ключевые слова: молодёжь; самозанятость; предпринимательство; прекаризация занятости; платформенная занятость; молодёжный рынок труда; нестандартная занятость.

Keywords: youth; self-employment; entrepreneurship; employment precarization; platform work; youth labour market; non-standard employment.

Введение

Современный молодёжный рынок труда развивается в условиях нарастающей неопределённости. По данным Международной организации труда, в 2023 году глобальная безработица молодёжи составила 13%, а доля молодых людей, не занятых, не обучающихся и не проходящих профессиональную подготовку, достигла 20,4%. Даже в странах с высоким уровнем дохода международные обзоры фиксируют рост временной занятости среди молодых работников и усиление тревожности по поводу устойчивости занятости. ОЭСР связывает улучшение положения молодёжи не только с увеличением числа рабочих мест, но и с созданием более качественной занятости, соблюдением трудовых прав и снижением прекарности.

В российском случае противоречие проявляется особенно заметно. С одной стороны, официальные показатели безработицы в 2026 году оставались низкими: Росстат сообщал, что уровень безработицы населения 15 лет и старше в феврале 2026 года составил 2,1%. Справедливости ради, в исследовании, проведенного НИУ ВШЭ среди учащихся в школах, а также студентов и олимпиадников зафиксировано, что 57% молодежи склонны начинать свой профессиональный путь в крупных корпорациях фриланс и самозанятость предпочли 41%, а работу по найму в среднем и малом бизнесе всего 20% опрошенных. Это позволяет говорить о наличии двойного запроса молодежи на гибкость и самостоятельность и одновременно на защищенность и предсказуемую карьеру. Прекаризацией занятости в данной статье понимается расширение трудовых форм, когда на работника перекладывается значительная часть рисков, а гарантии защиты становятся менее устойчивыми, чем в стандартной модели найма. При этом самозанятость и предпринимательство не могут оцениваться исключительно в качестве удаchi проявления свободы или исключительно в качестве вынужденной нестабильности. Смысл этих форм определяется с точки зрения молодого человека и его экономическую активность выражающуюся в качестве пространство для собственного роста или как способ компенсировать дефицит подходящих рабочих мест. Актуальность темы подтверждается тем, что самозанятость превратилась в массовый и что самое главное институционально признанный формат трудовой активности. Она всё чаще используется молодёжью как способ подработки, профессиональной пробы, монетизации навыков и выхода на рынок услуг. Одновременно эта форма занятости сохраняет признаки нестабильности: доход зависит от спроса, клиентской базы, цифровых платформ и личной активности самого работника. Поэтому изучение отношения молодёжи к самозанятости и

предпринимательству позволяет точнее понять, какие стратегии адаптации формируются в условиях прекаризации занятости.

Цель статьи – выявить особенности отношения молодёжи к самозанятости и предпринимательству в условиях прекаризации занятости и определить, какие возможности и риски связываются с этими формами экономической активности.

Задачи: 1. Раскрыть содержание прекаризации занятости применительно к молодёжному рынку труда.

2. Охарактеризовать самозанятость и предпринимательство как возможные стратегии профессиональной и экономической адаптации молодёжи.

3. Проанализировать статистические и социологические данные, отражающие отношение молодёжи к гибким формам занятости, самозанятости и предпринимательству.

4. Выявить основные преимущества, риски и социальные последствия распространения самозанятости среди молодёжи.

Методы: В статье использован вторичный анализ открытых статистических, налоговых, социологических и академических источников. Эмпирическую основу составили материалы Международной организации труда, ОЭСР, Росстата, ФНС России, ВЦИОМ, НИУ ВШЭ, а также научные публикации, посвящённые платформенной занятости, самозанятости, молодёжному предпринимательству и прекаризации труда.

Существенным методологическим ограничением является недостаточная детализация официальной статистики именно по молодым самозанятым. Росстат указывает, что специальные формы федерального статистического наблюдения в отношении самозанятых лиц отсутствуют. Поэтому анализ отношения молодёжи к самозанятости строится на сопоставлении нескольких массивов данных: налоговой статистики, опросов о профессиональных ориентациях, исследований платформенного труда и публикаций о молодёжном предпринимательстве.

Результаты исследования

Режим налога на профессиональный доход превратил самозанятость в юридически понятный и массово доступный формат экономической активности. ФНС разъясняет, что самозанятый может работать без регистрации в качестве индивидуального предпринимателя, не подавать декларации, применять ставки 4% и 6% в зависимости от типа клиента, получать автоматический налоговый расчёт через приложение и не уплачивать обязательные фиксированные взносы на пенсионное страхование, если не делает этого добровольно. Для молодёжи эти условия особенно значимы, так как снижают административный порог входа в самостоятельную деятельность.

Масштаб распространения режима показывает, что самозанятость перестала быть маргинальной практикой. По данным аналитического портала ФНС, на 1 января 2026 года в России было 15,427 млн самозанятых, а специализированный ресурс ФНС по мониторингу режима налога на профессиональный доход показывал 16 192 085 самозанятых в марте 2026 года. Следовательно, современная молодёжь воспринимает самозанятость уже не как исключение, а как один из нормализованных вариантов занятости наряду с работой по найму, фрилансом и предпринимательством.

Высокая общественная легитимность предпринимательства усиливает привлекательность самостоятельной экономической активности. По данным мониторинга ВЦИОМ, в 2024 году 69% россиян относились к людям, занимающимся частным предпринимательством, «хорошо», а ещё 23% – «скорее хорошо». В той же серии опросов наиболее амбициозной в плане открытия бизнеса оказалась молодёжь до 24 лет: 40% респондентов этой возрастной группы сообщили, что пока не занимаются предпринимательством, но планируют этим заняться. Это показывает, что предпринимательство в молодёжном сознании всё чаще воспринимается как социально одобряемая и достижимая траектория.

Однако положительное отношение к предпринимательству не означает, что оно формируется только на основе свободного выбора. Опрос молодых предпринимателей, проведённый ВЦИОМ в 2025 году, показал более сложную мотивационную структуру: желание зарабатывать тем, что нравится, назвали 63% респондентов, стремление к самостоятельности – 55%, но одновременно 35% указали на отсутствие привлекательных рабочих мест на рынке труда, а 21% – на невозможность найти себе применение. В группе 18–24 лет эти «выталкивающие» мотивы также заметны: 33% отмечали отсутствие привлекательных рабочих мест, а 24% – невозможность найти применение на современном рынке труда. Следовательно, молодёжное предпринимательство развивается на пересечении мотивации самореализации и давления нестабильного рынка труда.

Ключевым преимуществом самозанятости и предпринимательства молодые люди считают автономию. В опросе ВЦИОМ свободный график как главное преимущество предпринимательской или самозанятой деятельности называли 59% молодых предпринимателей в целом и 54% в группе 18–24 лет; интересную и творческую работу – 41% и 42% соответственно; независимость от начальства – 37% в целом и 26% в младшей группе. Эти данные показывают, что привлекательность самозанятости связана не только с доходом, но и с возможностью контролировать время, выбирать содержание труда и выстраивать индивидуальную профессиональную траекторию.

В то же время предпринимательская ориентация молодёжи часто имеет отложенный характер. Национальный отчёт GUESSS по России, подготовленный на данных опроса 5407 студентов из 20 вузов, показал, что сразу после окончания обучения 49,3% респондентов рассчитывают на работу по найму, тогда как 22,6% видят себя учредителями собственного дела. Через пять лет после окончания вуза доля желающих открыть свою фирму возрастает до 42,2%, а доля ориентированных на наёмный труд снижается до 32,7%. Это позволяет предположить, что молодёжь часто воспринимает предпринимательство не как начальную, а как последующую карьерную стратегию, требующую опыта, связей, стартового капитала и уверенности.

Спрос на предпринимательское образование подтверждает наличие интереса к самостоятельной экономической активности. По данным Высшей школы бизнеса НИУ ВШЭ, 68% прошедших обучение на программах предпринимательского образования за четыре года мониторинга составляли молодые люди до 35 лет; среди тех, кто рассказал о своём статусе занятости, 43% были действующими предпринимателями, 9% – уже зарегистрированными самозанятыми, а 48% – потенциально готовыми открыть собственное дело. Наиболее востребованными темами обучения у молодёжи оказались старт бизнеса, основы самозанятости и креативное предпринимательство. Это показывает, что молодёжь нуждается не только в регистрации статуса, но и в практических компетенциях: финансовом планировании, правовой грамотности, продвижении, работе с клиентами и оценке рисков.

Особое значение в условиях прекаризации имеет платформенная занятость как зона пересечения подработки, самозанятости и микропредпринимательства. Экспертный доклад НИУ ВШЭ показывает, что среднегодовая численность включённых в платформенную занятость в России в 2023 году составляла 3,4 млн человек, или 4,6% занятых. При этом доля лиц 18–24 лет в структуре платформенно занятых выросла с 14,5% в 2022 году до 18,3% в 2024 году. В 2024 году 54,5% вовлечённых в платформенную занятость полностью или частично оформляли эту деятельность официально, а статус самозанятых имели 45,9% официально оформлявших работу через платформы. Самозанятость становится для молодёжи технически удобным способом легализации подработки.

Именно платформенный сегмент показывает противоречивость гибкой занятости. В 2024 году 36% платформенных работников сообщили, что вышли на платформы потому, что не могли найти другую работу, которую можно выполнять из дома; 34% – потому что не могли найти другую работу с подходящим графиком; 25% – потому что в принципе не могли найти никакую другую работу. В таком контексте самозанятость перестаёт быть только

выражением предпринимательской инициативы и может становиться способом адаптации к дефициту подходящих вакансий. В то же время А.В. Шевчук обращает внимание, что цифровые платформы не всегда сами создают прекаризацию: иногда они формализуют и делают более видимой уже существующую нестабильность рынков труда.

Для анализа молодёжных установок принципиально важно различать добровольную и вынужденную самозанятость. Исследование А. С. Громова показало, что положительная корреляция присутствует только между готовностью рисковать и выбором самозанятости, и только среди тех, кто идет в эту сферу сам, а не принудительно. Препринт с литературным обзором иллюстрирует, что добровольные предприниматели зарабатывают примерно на 17% больше принудительных. Таким образом одни и те же институциональные формы могут быть как средством достижения свободы, так и способом выживания для молодежи. Качественные исследования демонстрируют, что молодые самозанятые и молодые предприниматели не ограничивают свои ожидания материальной выгодой. Исследование молодых предпринимателей в Санкт-Петербурге показало, что они просят о формальной регистрации бизнеса и по рациональным и по этическим причинам, жаждут автономии и самостоятельности, требуют четкого и удобного взаимодействия с государством. Между тем многие меры государственной поддержки считаются неэффективными и не соответствующими реальным потребностям этих предпринимателей. Это говорит о том, что молодёжь готова к институционализации своей активности, но чувствительна к бюрократизации и неэффективной поддержке.

Проблема социальных гарантий остаётся одним из центральных рисков самозанятости. ФНС сообщала, что с 1 января 2026 года самозанятые получили возможность добровольно участвовать в эксперименте по социальному страхованию и оформлять больничные. Такой шаг не устраняет разрыв между стандартным наёмным трудом и самозанятостью, но показывает институциональный разворот: самозанятый всё менее рассматривается как полностью внешний по отношению к системе социальной защиты субъект. Правовые исследования платформенной занятости в странах БРИКС также подчёркивают необходимость закрепления обязанностей платформ по обеспечению социальной и медицинской защиты, прозрачности правил доступа к заказам, условий труда и отдыха.

Выводы. Отношение молодёжи к самозанятости и предпринимательству в условиях прекаризации занятости является структурно двойственным. С одной стороны, молодые люди видят в самостоятельной экономической активности свободу графика, профессиональную автономию, возможность самореализации, быстрый старт и гибкое совмещение с учёбой или другой работой. С другой стороны, они сохраняют высокий запрос на стабильный доход, социальные гарантии, понятную карьерную траекторию и защищённость.

Самозанятость может быть путем к экономической активности, дополнительным источником дохода, способом легализовать неполный рабочий день, компенсаторной стратегией в отсутствие подходящих вакансий или шагом на пути к традиционному предпринимательству. Поэтому она не может быть однозначной: с одной стороны – она открывает новые возможности для молодежи, с другой – делает их занятость более нестабильной. Разница между добровольной и вынужденной самозанятостью особенно важна в контексте нестабильности занятости. Добровольная самозанятость тесно связана с инициативой, готовностью идти на риск и желанием строить собственную карьеру. С другой стороны, принудительная самозанятость, как правило, последнее средство, когда на горизонте нет привлекательных вакансий, неудобный график работы, низкий доход, или нет возможности трудоустройства по профессиональным умениям. Следовательно, социальная политика должна не только способствовать официальной регистрации самозанятых лиц, но и ориентироваться на качество их возможностей трудоустройства. Эффективная поддержка самозанятости и предпринимательства среди молодежи должна включать обучение

предпринимательству, консультирование, финансовую и правовую грамотность, доступ к четкой информации о налоговых системах, снижение бюрократических препятствий и постепенное расширение социального обеспечения лиц, работающих в нестабильной занятости. Она также может быть испытательным сроком на рынке труда, дополнительным источником дохода, способом узаконить субсидируемую работу, компенсационной стратегией при наличии подходящих вакансий или трамплином к традиционному предпринимательству. Так что это нельзя обобщить: в некоторых случаях эта сфера может расширяться. В контексте нестабильности рынка труда различие между добровольной и вынужденной самозанятостью имеет особое значение. Добровольная самозанятость подразумевает активное участие субъектов. Вынужденная самозанятость – это механизм преодоления нехватки времени и низкого дохода. Поэтому при социальной регистрации также следует уделять внимание эффективной поддержке молодежного предпринимательства и самозанятости, в том числе по вопросам семейного налогообложения, снижению бюрократических барьеров и постепенному расширению социальной защиты работающих граждан. Только так предпринимательство может стать для молодых людей средством достижения автономии в своей карьере.

Библиографический список

1. ВЦИОМ. Предпринимательский потенциал россиян: мониторинг [Электронный ресурс] // ВЦИОМ: официальный сайт. 2025. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/predprinimatelskii-potencial-rossijan-monitoring> (дата обращения: 27.04.2026).
2. ВЦИОМ. Предпринимательство: мониторинг [Электронный ресурс] // ВЦИОМ: официальный сайт. 2024. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/predprinimatelstvo-monitoring> (дата обращения: 27.04.2026).
3. ВЦИОМ. Я б в предприниматели пошел! [Электронный ресурс] // ВЦИОМ: официальный сайт. 2025. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/ja-b-v-predprinimateli-poshel> (дата обращения: 27.04.2026).
4. Высшая школа бизнеса НИУ ВШЭ. Молодежь до 35 лет активнее всего готова учиться бизнесу [Электронный ресурс] // Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»: официальный сайт. 2023. URL: <https://gsb.hse.ru/news/843286232.html> (дата обращения: 27.04.2026).
5. Громова А.С. Отношение к риску и самозанятость [Электронный ресурс]: препринт WP3/2021/02 / А.С. Громова. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2021. 33 с. URL: <https://wp.hse.ru/wp3> (дата обращения: 27.04.2026).
6. Крупец Я.Н. Молодые крафтовые предприниматели Санкт-Петербурга о мерах государственной поддержки / Я.Н. Крупец, Ю.В. Епанова // Социологические исследования. 2024. № 10. С. 69–79. DOI: 10.31857/S0132162524100069. URL: <https://journals.eco-vector.com/0132-1625/article/view/661953> (дата обращения: 27.04.2026).
7. НИУ ВШЭ. Результаты исследования Вышки: молодежь стремится работать в крупных компаниях [Электронный ресурс] // Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»: официальный сайт. 2026. URL: <https://www.hse.ru/news/priority/1118912869.html> (дата обращения: 27.04.2026).
8. Новиков Д.А. Правовое регулирование платформенной занятости в странах БРИКС / Д.А. Новиков, Ф.К. Ногайлиева // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2025. Т. 18. № 1. С. 247–279. DOI: 10.17323/2072-8166.2025.1.247.279. URL: <https://law-journal.hse.ru/article/view/24530> (дата обращения: 27.04.2026).
9. Росстат. Информация для респондентов: в отношении самозанятых лиц отсутствуют формы федерального статистического наблюдения [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики: официальный сайт. 2025. URL: <https://rosstat.gov.ru/respondents> (дата обращения: 27.04.2026).

10. Росстат. Социально-экономическое положение России. Январь – февраль 2026 г. [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики: официальный сайт. 2026. URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/osn-02-2026.pdf> (дата обращения: 27.04.2026).
11. Синявская О.В. Платформенная занятость в России: динамика распространенности и ключевые характеристики занятых [Электронный ресурс] / О.В. Синявская, С.С. Бирюкова, Д.Е. Карева, Д.А. Стужук. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2024. 64 с. DOI: 10.17323/978-5-7598-4067-1. URL: <https://publications.hse.ru/books/936765274> (дата обращения: 27.04.2026).
12. ФНС России. Аналитический портал: количество самозанятых на 01.01.2026 [Электронный ресурс] // Федеральная налоговая служба: официальный сайт. 2026. URL: <https://rmsp.nalog.ru/statistics2.html> (дата обращения: 27.04.2026).
13. ФНС России. Самозанятые: март 2026 [Электронный ресурс] // Федеральная налоговая служба: официальный сайт. 2026. URL: <https://rmsp.nalog.ru/statistics2.html> (дата обращения: 27.04.2026).
14. ФНС России. Самозанятые могут оформить больничный [Электронный ресурс] // Федеральная налоговая служба: официальный сайт. 2026. URL: https://www.nalog.gov.ru/rn77/news/activities_fts/16606764/ (дата обращения: 27.04.2026).
15. ФНС России. Специальный налоговый режим для самозанятых граждан: налог на профессиональный доход [Электронный ресурс] // Федеральная налоговая служба: официальный сайт. 2026. URL: <https://www.nalog.gov.ru/rn77/taxation/princtax/> (дата обращения: 27.04.2026).
16. Шевчук А.В. Роль цифровых трудовых платформ в трансформации занятости: экономико-социологический анализ [Электронный ресурс]: диссертация на соискание ученой степени доктора социологических наук / А.В. Шевчук. М., 2023. URL: <https://www.hse.ru/sci/diss/862803177> (дата обращения: 27.04.2026).
17. Широкова Г.В. Глобальное исследование предпринимательского духа студентов. Национальный отчет. Россия 2021 [Электронный ресурс] / Г.В. Широкова, Э.О. Карпинская, Е.В. Козаченко, Н.М. Галиева, А.О. Кутузова. СПб., 2022. 50 с. URL: https://spb.hse.ru/data/2022/12/20/1718960866/GUESS%202021_RU.pdf (дата обращения: 27.04.2026).
18. International Labour Organization. Global Employment Trends for Youth 2024: Decent Work, Brighter Futures [Electronic resource]. Geneva: ILO, 2024. DOI: 10.54394/ZUUI5430. URL: <https://www.ilo.org/publications/major-publications/global-employment-trends-youth-2024> (accessed: 27.04.2026).
19. OECD. OECD Youth Policy Toolkit [Electronic resource]. Paris: OECD Publishing, 2024. DOI: 10.1787/74b6f8f3-en. URL: https://www.oecd.org/en/publications/2024/11/oecd-youth-policy-toolkit_3de4a9f0/full-report.html (accessed: 27.04.2026).
20. OECD / European Commission. The Missing Entrepreneurs 2023: Policies for Inclusive Entrepreneurship and Self-Employment [Electronic resource]. Paris: OECD Publishing, 2023. DOI: 10.1787/230efc78-en. URL: <https://www.oecd.org/publications/the-missing-entrepreneurs-43c2f41c-en.htm> (accessed: 27.04.2026).
21. International Labour Organization. Global Employment Trends for Youth 2024: Decent Work, Brighter Futures. Geneva: ILO, 2024.
22. OECD. OECD Youth Policy Toolkit. Paris: OECD Publishing, 2024. DOI 10.1787/74b6f8f3-en.
23. OECD / European Commission. The Missing Entrepreneurs 2023: Policies for Inclusive Entrepreneurship and Self-Employment. Paris: OECD Publishing, 2023. DOI 10.1787/230efc78-en.

**ИЗМЕРЕНИЕ МЕЖЭТНИЧЕСКОЙ И МЕЖКОНФЕССИОНАЛЬНОЙ
НАПРЯЖЕННОСТИ В РЕСПУБЛИКЕ БАШКОРТОСТАН**

**MEASURING INTER-ETHNIC AND INTER-REFESSIONAL TENSIONS
INTHEREPUBLICOFBASHKORTOSTAN**

Созонов Егор Алексеевич, студент 2-ого курса направления «Социология» ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий», Уфа, Россия, E-mail: sozonove604@gmail.com

Научный руководитель – Бородина Ангелина Владимировна, кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и работы с молодёжью, Высшая школа философии, психологии и социологии, ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий», Уфа. E-mail: Angel_Borodina@mail.ru

Sozonov Yegor Alekseevich, second-year student majoring in Sociology, Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia, E-mail: sozonove604@gmail.com

Scientificsupervisor–BorodinaAngelinaVladimirovna, Candidate of SociologicalSciences, Associate Professor of the Department of SociologyandYouthWork, HigherSchool of Philosophy,PsychologyandSociology,UfaUniversityofScienceandTechnology,Ufa.E-mail: Angel_Borodina@mail.ru

Аннотация: Данная статья посвящена измерению межэтнической и межконфессиональной напряженности в Республики Башкортостан на основе данных социологических опросов Центра гуманитарных исследований РБ за 2021–2025 годы, материалов Ситуационного центра ФАДН и результатов апробации методики выявления поведенческих предикторов. Установлено, что многоуровневая институциональная система мониторинга РБ обеспечивает переход к превентивной диагностике рисков и демонстрирует устойчивый рост гражданской идентичности при стабильно высоких оценках межконфессионального согласия в условиях усиления внешнего информационного воздействия. Применение метода предикторов межконфессиональной напряженности позволяет выявлять признаки эскалации напряжённости на ранних стадиях зарождения и ликвидировать их. Научная значимость работы состоит в обобщении регионального опыта институционализации этноконфессионального мониторинга и обосновании прикладной пользы предикторных методик для систем раннего предупреждения конфликтов в полиэтничных субъектах РФ (на примере Республики Башкортостан).

Abstract: This article examines the measurement of interethnic and interfaith tensions in the Republic of Bashkortostan based on sociological survey data from the Center for Humanitarian Research of the Republic of Bashkortostan for 2021–2025, materials from the Federal Agency for Ethnic Affairs (FADN) Situation Center, and the results of testing a behavioral predictor methodology. It was found that the multi-level institutional monitoring system of the Republic of Bashkortostan facilitates a transition to preventive risk assessments and demonstrates a sustainable growth in civic identity, with consistently high interfaith harmony scores amidst increasing external information pressure. The use of psychometric analysis of predictors allows for the identification of early signs of escalating tensions and their elimination. The scientific significance of this work lies in its synthesis of regional experience in the institutionalization of ethno-confessional monitoring and the substantiation of the practical utility of predictive methods for early conflict warning systems in multiethnic constituent entities of the Russian Federation (using the Republic of Bashkortostan as an example).

Ключевые слова: Межэтническая и межконфессиональная напряженность, предикторы межэтнических напряженности, Республика Башкортостан, этноконфессиональная сфера, национальная политика.

Keywords: Interethnic and interfaith tensions, predictors of interethnic tensions, Republic of Bashkortostan, ethno-confessional sphere, national policy.

Введение. Республика Башкортостан является одним из наиболее полиэтничных регионов Российской Федерации, где на протяжении веков сформировалась устойчивая модель межнационального и межрелигиозного согласия. По данным социологических исследований 2025 года, 92,5% жителей региона положительно оценивают состояние межнациональных отношений, а 88,9% характеризуют межконфессиональную обстановку как спокойную [1]. Достижение столь высоких показателей общественной стабильности невозможно без функционирования эффективной системы мониторинга, способной как фиксировать текущее положение дел касательно этносоциальных процессов, так и заблаговременно выявлять потенциальные очаги напряжённости.

В условиях принятия новой Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2036 года [2] и нарастающего внешнего информационного воздействия на российские регионы особую актуальность приобретает научное осмысление регионального опыта организации этноконфессионального мониторинга. Республика Башкортостан представляет собой многоуровневую институциональную систему, которая интегрирует деятельность региональных и муниципальных органов власти с федеральными структурами, включая Ситуационный центр Федерального агентства по делам национальностей.

Несмотря на практическую значимость подобных центров, в научной литературе остаётся недостаточно освещённым вопрос об эффективности применяемых диагностических инструментов: от классических социологических исследований (напр., проведение опроса населения) до новейших психометрических методик выявления поведенческих предикторов напряжённости. Настоящее исследование направлено на восполнение данного пробела на примере Республики Башкортостан.

Цель исследования. Анализ системы измерения межэтнической и межконфессиональной напряжённости в Республике Башкортостан, а также оценка эффективности применяемого инструмента диагностики межэтнической напряженности.

Задачи. 1. Охарактеризовать организацию многоуровневой институциональной системы мониторинга этноконфессиональной сферы в Республике Башкортостан.

2. Проанализировать доступные данные показателей межнационального и межрелигиозного согласия за 2021-2025 годы.

3. Привести психометрические методы прогнозирования межэтнической напряжённости на основе анализа поведенческих предикторов.

4. Оценить эффективность применяемых методов для диагностики межэтнической напряженности.

Методы. Теоретическая база: концепции социальной напряженности, теория этнических групп и границ Ф. Барта, а также шкала социальной дистанции Э. Богардуса.

Эмпирическая база: Данные социологических опросов Центра гуманитарных исследований Министерства культуры Республики Башкортостан за 2021–2025 годы. Ежегодный мониторинг охватывает репрезентативную выборку населения региона и позволяет отслеживать динамику ключевых индикаторов: уровня гражданской идентичности, оценок межконфессиональных отношений, удовлетворённости реализацией этнокультурных потребностей и т.п. Материалы Ситуационного центра Федерального агентства по делам национальностей и протоколы заседаний Совета при Главе Республики Башкортостан по межнациональным отношениям за 2025–2026 годы. Результаты апробации авторского вербального диагностического инструментария выявления поведенческих предикторов межэтнической напряжённости, разработанного И.М. Юсуповым и Р.Р. Хуснутдиновой (2025).

Методы. Анализ вторичных данных исследований в отчётах Ситуационного центра ФАДН и материалов заседаний регионального Совета по межнациональным отношениям; диагностика поведенческих предикторов; анализ экспертных оценок по интерпретации результатов мониторинга.

Результаты исследования. Система мониторинга межэтнических и межконфессиональных отношений в Республике Башкортостан – многоуровневый социальный институт, объединяющий региональные и муниципальные органы власти, экспертные структуры и федеральные учреждения. Ключевым координационным звеном в этой системе выступает Совет при Главе Республики Башкортостан по межнациональным отношениям, который, по словам Радия Хабирова (глава РБ), «превратился в площадку открытого и содержательного диалога с участием управленцев, учёных, экспертов и представителей традиционных конфессий» [3]. Базовым аналитическим и операционным центром системы является государственное автономное учреждение «Центр гуманитарных исследований Министерства культуры Республики Башкортостан» (ГАУ ЦГИ Минкультуры РБ) под руководством кандидата политических наук Марата Марданова. Центр проводит регулярные мониторинговые социологические исследования и координирует работу с государственной информационной системой мониторинга межнациональных и межконфессиональных отношений и раннего предупреждения конфликтных ситуаций. При данном центре функционирует Экспертная комиссия, которая проводит регулярные заседания по вопросам выявленных угрожающих факторов в сфере межнациональных, языковых и миграционных отношений. Существенным компонентом региональной системы мониторинга является взаимодействие с федеральными структурами, прежде всего с Ситуационным центром Федерального агентства по делам национальностей. Республика Башкортостан оперативно обменивается информацией с федеральным центром, что позволяет своевременно реагировать на возникающие угрозы. По данным ФАДН России [4], Башкортостан включён в число регионов, где наиболее эффективно реализуются меры по предотвращению дестабилизации в сфере межнациональных и межконфессиональных отношений.

В Республике Башкортостан, таким, образом, сформирована институциональная система мониторинга и предотвращения конфликтных ситуаций между различными этноконфессиональными группами, проживающих на территории региона. В условиях внешнего информационного давления такая многоуровневая организация работы приобретает особое значение как фактор национальной безопасности.

Мониторинговые социологические исследования, ежегодно проводимые Центром гуманитарных исследований Министерства культуры Республики Башкортостан, являются инструментом оценки состояния этноконфессиональной сферы региона. Полученные данные позволяют изучать общественные настроения в сфере межнациональных и межрелигиозных отношений. Анализ результатов за период с 2021 по 2025 год [5] демонстрирует устойчивый рост по всем основным показателям, что подтверждает системный и последовательный характер реализации государственной национальной политики на территории республики.

Например, возьмем уровень гражданской идентичности, показателя, отражающего принятие человеком своего статуса гражданина определенной этногруппы. По данным Центра гуманитарных исследований, данный показатель на протяжении пяти лет демонстрирует стабильный и уверенный рост. Если в 2021 году доля жителей, идентифицирующих себя в первую очередь как граждане России, составляла 73,1%, то в 2022 году она увеличилась до 75%, в 2023 году – до 77,1%, в 2024 году – до 80,4%, а по итогам 2025 года достигла 82,5% [5]. Прирост за пятилетний период составил 9,4 процентных пункта, что свидетельствует об укреплении надэтнической консолидации многонационального населения республики. Стоит отметить, что этот показатель продолжает расти и, соответствуя тенденции, можно сделать вывод, что к 2030 году, показатель будет выше 90%. Показатель уровня межконфессионального взаимодействия, по данным опроса

2025 года, 88,9% респондентов охарактеризовали отношения между представителями различных религиозных конфессий как «спокойные» или «скорее спокойные, чем напряжённые». Годом ранее, в 2024 году, этот показатель составлял 87,4% [6]. Стабильность данного показателя демонстрирует высокую гармоничность отношений представителей разных конфессиональных групп на территории Башкортостана.

Традиционные социологические опросы, ориентированные на фиксацию декларируемых установок, обладают ограниченными прогностическими возможностями, поскольку респонденты не всегда готовы открыто выражать социально неодобряемые позиции. В связи с этим особую актуальность приобретает разработка психометрических инструментов, способных диагностировать скрытые поведенческие мотивы, сигнализирующие о нарастании межэтнической напряжённости.

Качественно новый подход был реализован в исследовании И.М. Юсупова и Р.Р. Хуснутдиновой (2025) [7], посвящённом выявлению предикторов межэтнической напряжённости в многонациональном регионе. Цель исследования заключалась в количественном определении критических значений маркеров индивидуального поведения, прогнозирующих кризисное развитие межэтнических отношений, посредством авторского вербального диагностического инструмента. Методологический конструкт теста базируется на механизме проективной идентификации. Респонденту предлагается оценить поступки близко знакомого человека в определённых ситуациях межэтнического взаимодействия. Предполагается, что, описывая другого, человек невольно проецирует на него собственные скрытые установки, что позволяет обойти сознательные фильтры социальной желательности.

Согласно выводам исследователей, предикторы нарастания межэтнической напряжённости образуют структурный пентабазис, причём превышение приемлемой «нормы» по любому из компонентов способно вызвать латентное недовольство и, при отсутствии своевременных мер, привести к открытому разрастанию напряжённости.

Применительно к системе мониторинга Республики Башкортостан данная методика обладает значительным потенциалом. Она позволяет дополнить традиционные опросы информацией о скрытых установках населения, изучать степень риска для различных социально-территориальных групп и отслеживать динамику латентной напряжённости. Интеграция подобных методик в практику работы Центра гуманитарных исследований способна повысить прогностическую точность мониторинга и эффективность мер раннего предупреждения конфликтных ситуаций в полиэтническом регионе.

Однако есть и некоторые минусы использования данной методики: пилотажная выборка данного исследования, проведенного И.М. Юсуповой и Р.Р. Хуснутдиновой, включала преимущественно лиц с высшим образованием, что ставит вопрос о применимости инструмента к иным социально-демографическим группам, а также сложность проведения массового исследования по этой методике, в силу своей сложности как по времени прохождения методики, так и в плане интерпретации результатов.

В 2025 году в структуре угроз, фиксируемых системой мониторинга, наибольший прирост продемонстрировали риски внешнего информационного воздействия [8], по данному показателю Башкортостан сохраняет лидирующую позицию. Новая Стратегия государственной национальной политики до 2036 года ставит задачи достижения уровня гражданской идентичности не менее 95% и отсутствия дискриминации для 90% граждан, что требует модернизации диагностического инструментария.

Приоритетными направлениями совершенствования выступают: интеграция социологических и психометрических методов в единую многоуровневую модель, внедрение цифровых инструментов и модулей прогнозирования рисков, разработанных ФАДН, расширение методик за счёт психометрических методов, укрепление кадрового потенциала муниципальных служащих, развитие общественной и научной экспертизы. Реализация данных мер позволит региону перейти от фиксации сложившихся тенденций к превентивной диагностике рисков и сохранить статус территории устойчивого межнационального согласия.

Выводы. В Республике Башкортостан сформирована достаточно эффективная многоуровневая система мониторинга этноконфессиональной сферы, что подтверждается устойчивым ростом гражданской идентичности (с 73,1% до 82,5% за 2021–2025 гг.) и стабильно высокими оценками межконфессионального согласия (88,9%). Обосновано, что традиционные социологические опросы нуждаются в дополнении психометрическими методиками анализа поведенческих предикторов, позволяющими диагностировать латентную напряжённость, однако их массовое применение ограничено сложностью проведения и интерпретации. Было установлено, что доминирующей угрозой выступает внешнее информационное давление, требующее интеграции цифровых инструментов прогнозирования рисков.

Сложившаяся в регионе институциональная система демонстрирует результативность, однако для достижения целей Стратегии государственной национальной политики до 2036 года необходима модернизация диагностического инструментария на основе соединения социологических и психометрических методов, а также развития цифровых и кадровых ресурсов для того, чтобы заранее замечать напряженность и риски эскалации среди разных этнических и конфессиональных групп.

Библиографический список

1. Башкортостан – территория межнационального доверия: итоги работы Совета по межнациональным отношениям // Центр гуманитарных исследований Министерства культуры Республики Башкортостан: офиц. сайт. 17.12.2025. URL: <https://cgi-rb.ru/2025/12/17/bashkortostan-territoriya-mezhnacionalnogo-doverija-itogi-raboty-soveta-po-mezhnacionalnym-otnoshenijam/> (дата обращения: 17.04.2026).
2. О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2036 года: Указ Президента РФ от 25.11.2025 № 858 // Президент России: офиц. сайт. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/52615> (дата обращения: 17.04.2026).
3. Радий Хабиров провел заседание Совета при Главе Башкортостана по межнациональным отношениям // ГТРК «Башкортостан»: сайт. 17.12.2025. URL: <https://gtrkrb.ru/ba/node/416032> (дата обращения: 17.04.2026).
4. Деятельность органов власти Башкортостана получила высокую оценку Федерального агентства по делам национальностей // Центр гуманитарных исследований Министерства культуры Республики Башкортостан: офиц. сайт. 15.01.2026. URL: <https://cgi-rb.ru/2026/01/15/deyatelnost-organov-vlasti-bashkortostana-poluchila-vysokuju-ocenku-federalnogo-agentstva-po-delam-nacionalnostej/> (дата обращения: 17.04.2026).
5. Состояние межнацотношений в Башкирии положительно оценивают 93% населения // Башинформ: информ. агентство. 17.12.2025. URL: <https://www.bashinform.ru/news/politics/2025-12-17/sostoyanie-mezhnatsotnosheniy-v-bashkirii-polozhitelno-otsenivayut-93-naseleniya-4511336> (дата обращения: 17.04.2026).
6. В Уфе прошло заседание Комитета по развитию институтов гражданского общества // Центр гуманитарных исследований Министерства культуры Республики Башкортостан: офиц. сайт. 06.02.2025. URL: <https://cgi-rb.ru/2025/02/06/v-ufe-proshlo-zasedanie-komiteta-po-razvitiyu-institutov-grazhdanskogo-obshhestva/> (дата обращения: 17.04.2026).
7. Юсупов И.М., Хуснутдинова Р.Р. Предикторы межэтнической напряженности в многонациональном регионе России // Вестник Самарского государственного технического университета. Серия: Психолого-педагогические науки. - 2025. - Т. 22. - №2. - С. 113-128. doi: 10.17673/vsgtu-pps.2025.2.8
8. Эксперты обсудили факторы политико-экономической устойчивости Башкирии // Центр гуманитарных исследований Министерства культуры Республики Башкортостан: офиц. сайт. 18.10.2025. URL: <https://cgi-rb.ru/2025/10/18/jeksperty-obsudili-factory-politiko-jekonomicheskoy-ustojchivosti-bashkirii/> (дата обращения: 17.04.2026).

**ВЛИЯНИЕ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ СРЕДЫ НА ФОРМИРОВАНИЕ И РЕАЛИЗАЦИЮ
ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА**
**THE INFLUENCE OF THE SOCIO-CULTURAL ENVIRONMENT ON THE FORMATION
AND REALIZATION OF HUMAN POTENTIAL**

Спирина Елизавета Александровна, студентка 1 курса группы С-СКУ-101Мз направления подготовки: Социокреативная урбанистика, ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий», Уфа, Россия, E-mail: lisa.spirina.02@mail.ru

Spirina Elizaveta Alexandrovna, first-year student of group S-SKU-101M in the program: Socio-Creative Urban Studies, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Ufa University of Science and Technology», Ufa, Russia, E-mail: lisa.spirina.02@mail.ru

Аннотация: Статья посвящена анализу социокультурных факторов, влияющих на развитие человеческого потенциала. Рассматриваются роли образования, культурных норм, ценностей, социальных институтов и среды в формировании возможностей личности. На основе современных научных данных показано, что устойчивое развитие человеческого потенциала возможно только при комплексном использовании социальных, культурных и институциональных факторов.

Abstract: The article analyzes sociocultural factors influencing human potential development. It examines the roles of education, cultural norms, values, social institutions, and environment in shaping individual capabilities. Based on contemporary research, it is demonstrated that sustainable human potential development requires an integrated approach considering social, cultural, and institutional dimensions.

Ключевые слова: человеческий потенциал, социокультурные факторы, социальные институты, культура, развитие.

Keywords: human potential, sociocultural factors, social institutions, culture, development.

Развитие человеческого потенциала является центральной категорией современной социальной науки. Под человеческим потенциалом подразумевается совокупность способностей, знаний, навыков, здоровья и мотивационных характеристик личности, которые определяют ее способность к продуктивной деятельности и участию в общественной жизни. В отличие от узко экономического понимания человеческого капитала, данная категория включает более широкий спектр характеристик, включая культурные и социальные компоненты.

В последние десятилетия в научной литературе усилилось внимание к социокультурным аспектам развития. Это связано с тем, что экономические факторы сами по себе не объясняют различия в уровне развития стран и регионов. Исследования Программы развития ООН показывают, что даже при сопоставимых уровнях дохода различия в образовании, культурных установках и институциональной среде приводят к значительным различиям в уровне человеческого развития.

Целью настоящей работы является анализ ключевых социокультурных факторов, определяющих развитие человеческого потенциала, а также выявление механизмов их влияния.

Задачи исследования следующие:

1. раскрыть содержание понятия человеческого потенциала;
2. проанализировать влияние образования как социокультурного института;
3. рассмотреть роль культурных норм и ценностей;

4. оценить значение социальных институтов и среды;

5. выявить взаимосвязь между социокультурными факторами и экономическим развитием.

В исследовании использованы методы системного анализа, сравнительного анализа, контент-анализа научной литературы и статистических данных международных организаций. Теоретическую основу составляют работы современных исследователей в области социологии и экономики развития.

В качестве результатов проведенного исследования можно сказать следующее. Современные научные статьи и исследования показывают, что человеческий потенциал формируется не только в процессе накопления знаний и навыков, но и под воздействием культурной среды. В своих работах «Развитие как свобода» и «Подход к возможностям» Амарти Сен, экономист и философ, подчеркивает, что развитие следует рассматривать как расширение возможностей человека, а не только как рост доходов.

Следовательно, ключевым элементом в развитии человеческого потенциала является доступ к возможностям: образованию, здравоохранению, социальной мобильности. Эти возможности формируются в рамках конкретной социокультурной среды.

Образование, в свою очередь, является базовым механизмом формирования человеческого потенциала. По данным Всемирного банка, каждый дополнительный год обучения увеличивает доход человека в среднем на 8–10%. Однако влияние образования выходит за рамки экономических эффектов.

Из вышесказанного можно выделить, что образование, как базовый механизм формирования человеческого потенциала, формирует:

- когнитивные способности,
- критическое мышление,
- ценности и установки,
- социальные навыки.

Следовательно, данное наблюдение объясняет, почему в странах с развитой образовательной системой присутствует более высокий уровень инноваций, социальной мобильности и гражданской активности, чем в среднестатистических странах.

Культура, в свою очередь, определяет поведение человека, его мотивацию и отношение к труду, образованию и развитию. В обществах, где ценится индивидуальное развитие и профессиональный рост, уровень и, соответственно, возможность развития человеческого потенциала выше.

Например, исследования показывают, что в странах Восточной Азии высокая ценность образования и дисциплины способствует высоким образовательным результатам. В то же время в обществах с низким уровнем доверия и слабой культурой долгосрочного планирования развитие человеческого потенциала затруднено. Социальные институты (государство, рынок, семья, система образования) создают условия для реализации человеческого потенциала и обеспечивают равный доступ к ресурсам и возможностям.

Для сравнения и понимания, слабые институты, напротив, ограничивают развитие человеческого потенциала через такие факты, как:

- коррупция;
- неравенство;
- ограниченный доступ к образованию;
- низкое качество социальных услуг.

Следует также упомянуть, что социальная среда оказывает значительное влияние на формирование и развитие человеческого потенциала. Дети, выросшие в неблагоприятных условиях, имеют ограниченный доступ к качественному образованию и ресурсам. Влияние глобализации в обществе усиливает роль социокультурных факторов, в свою очередь. С одной стороны, она расширяет доступ к знаниям и технологиям, а с другой – усиливает конкуренцию и требует более высокого уровня компетенций.

В условиях глобальной экономики ключевыми для развития человеческого потенциала становятся следующие элементы:

- способность к обучению;
- адаптивность;
- межкультурная коммуникация.

Цифровизация, как и вышеупомянутые факторы и современные процессы, изменяет структуру человеческого потенциала и влияет на возможность его развития. Возрастает значение цифровых навыков, критического мышления и способности работать с информацией. При этом возникает риск цифрового неравенства, когда часть населения не имеет доступа к технологиям и знаниям. Данный момент следует учитывать при дальнейших исследованиях.

Следовательно, из вышесказанного можно сделать следующие выводы.

1. Человеческий потенциал формируется под влиянием комплекса социокультурных факторов.
2. Образование является ключевым элементом, но его эффективность зависит от культурной и институциональной среды.
3. Культурные ценности определяют мотивацию и поведение человека.
4. Социальные институты создают условия для реализации потенциала.
5. Снижение неравенства и развитие образования являются приоритетными направлениями государственной политики.

Библиографический список

1. Амартия Сен. Развитие как свобода. – Оксфорд: Издательство Оксфордского университета, 1999.
2. Амартия Сен. Товары и возможности. – Амстердам: Северная Голландия, 1985.
3. Программа развития Организации Объединенных Наций. Доклад о развитии человеческого потенциала за 2023 год. – Нью-Йорк: ПРООН, 2023 год.
4. Всемирный банк. Образование и доходы. – Вашингтон, Округ Колумбия: Всемирный банк, 2022 год.
5. Организация экономического сотрудничества и развития. Обзор профессиональных навыков на 2021 год. – Париж: Издательство ОЭСР, 2021.
6. Гэри Беккер. Человеческий капитал. – Чикаго: Издательство Чикагского университета, 1993.

УДК 316.1

ПОТРЕБИТЕЛЬСКИЙ ДИСКУРС В РЕКЛАМЕ WILDBERRIES И OZON

CONSUMER DISCOURSE IN ADVERTISING OF WILDBERRIES AND OZON

Среднякова Татьяна Александровна, студент 2 курса направления «Социология управления, экономики и коммуникации» «Уфимского университета науки и технологий», Уфа, Россия, E-mail: srednyakova2006@gmail.com

Научный руководитель: кандидат социологических наук, старший преподаватель кафедры социологии и работы с молодежью УУНиТТуракеевМарсельСалаватович

Srednyakova Tatiana Aleksandrovna, 2nd year student of the department "Sociology of Management, Economics and Communication" Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia, E-mail: srednyakova2006@gmail.com

Scientific supervisor: Candidate of Sociological Sciences, Senior lecturer at the Department of Sociology and Youth Work at UUNIT **Turakaev Marcel Salavatovich**

Аннотация: В статье анализируется потребительский дискурс в рекламе маркетплейсов Wildberries и Ozon. Актуальность связана с ростом влияния электронной коммерции на культуру потребления. На основе медиатекстов выявлены ключевые стратегии: экономическая выгода, эмоциональное вовлечение и создание срочности. Установлено, что Ozon делает акцент на персонализации и комфорте, а Wildberries – на массовости и доступности. Рассмотрены языковые особенности рекламы и её влияние на потребительские практики.

Abstract: This article examines the specifics of consumer discourse in the advertising of major Russian marketplaces, Wildberries and Ozon. The relevance of the study is обусловлена the growing influence of e-commerce on the formation of consumer culture. The research is based on the analysis of media texts, including television advertising, online ads, and push notifications. The study identifies key linguistic and communicative mechanisms used to influence consumer behavior. The findings show that both platforms rely on strategies of economic benefit, emotional engagement, and urgency. At the same time, differences in discourse are revealed: Ozon emphasizes personalization and comfort, while Wildberries focuses on mass accessibility and affordability. The paper also analyzes the channels of distribution and language features of advertising messages, highlighting their role in shaping modern consumer practices.

Ключевые слова: потребительский дискурс; реклама; маркетплейсы; потребительское поведение; культура потребления.

Keywords: consumer discourse; advertising; marketplaces; consumer behavior; consumer culture.

Введение. Актуальность исследования потребительского дискурса в рекламе на платформах Wildberries и Ozon обусловлена стремительным развитием электронной коммерции и усилением влияния маркетплейсов на поведение покупателей. В современных условиях потребление постепенно перестаёт быть исключительно экономическим действием и всё чаще выступает как механизм конструирования идентичности и социальных связей. В этом контексте рекламные тексты на маркетплейсах становятся важным инструментом коммуникации между продавцом и покупателем. Они отражают особенности современного потребительского дискурса, включая использование эмоционально окрашенной лексики, призывов к действию и различных стратегий убеждения.

Объект: реклама онлайн-маркетплейсов OZON и Wildberries как средство формирования и распространения потребительских практик.

Предмет: медиатексты маркетплейсов OZON и Wildberries.

Цель: выявить и проанализировать специфику формирования культуры потребления в рекламе маркетплейсов Ozon и Wildberries.

Задачи:

1. Рассмотреть теоретические подходы к понятию потребительского дискурса и культуры потребления.
2. Проанализировать рекламные материалы маркетплейсов Ozon и Wildberries.
3. Определить используемые языковые и коммуникативные механизмы воздействия в рекламе данных платформ.
4. Изучить производство потребительского дискурса: выявить стратегии, каналы и источники.
5. Сравнить дискурсивные стратегии двух маркетплейсов, выявив сходства и различия в представлении культуры потребления.
6. Проанализировать влияние социокультурного контекста на потребительский дискурс маркетплейсов.

Теоретические подходы к понятию потребительского дискурса и культуры потребления

В научной литературе культура потребления рассматривается как отражение системы ценностей человека в его практиках приобретения и использования товаров и услуг. Она формируется под влиянием как объективных факторов (уровень экономического развития, процессы глобализации и цифровизации), так и субъективных факторов, связанных с личностными установками, идентичностью и социальным опытом индивида. Следовательно, потребление выступает не только экономической деятельностью, но и культурным механизмом, через который человек выражает свою принадлежность к определённым социальным группам, формирует стиль жизни и адаптируется к нормам общества⁵⁷.

Существенный вклад в осмысление феномена потребления внес Зигмунт Бауман. В работе стал «Текущая современность» он объясняет, как мир стал «жидким». Раньше всё было твёрдым: заводы, работа на всю жизнь, чёткие правила. Теперь всё течёт: работа временная, отношения быстрые, границы стёрты. В таких условиях потребление становится одним из ключевых способов самоидентификации человека. По мнению исследователя, покупки выполняют двойственную функцию: с одной стороны, они обеспечивают чувство безопасности, позволяя ощущать себя живым и важным, но они же разъединяют людей и держат их в постоянной тревоге. Покупки дают лишь кратковременную радость, заставляя бежать за новыми вещами, что порождает у людей зависимость от постоянного обновления потребительских благ⁵⁸.

Другой важный теоретический подход представлен в работах Жан Бодрийяр, прежде всего в книгах «Система вещей» и «Общество потребления». Исследователь рассматривает потребление как систему знаков и символов. Согласно его концепции, товары в современном обществе приобретаются не столько ради удовлетворения реальных потребностей, сколько ради демонстрации статуса, принадлежности к определённой социальной группе и формирования идентичности. Потребление становится своеобразным языком социальных различий, через который люди коммуницируют друг с другом и конструируют собственный образ⁵⁹.

Таким образом, в современном мире особое значение приобретает потребительский дискурс – совокупность текстов, практик и коммуникативных стратегий, направленных на формирование потребительских установок и моделей поведения. Он проявляется в рекламе, медиа и цифровых платформах и выступает инструментом формирования потребностей, ценностей и социальных представлений о товарах и образе жизни.

Развитие цифровых технологий значительно усилило влияние потребительского дискурса. Интернет-платформы формируют новые формы взаимодействия между брендами и аудиторией, основанные на алгоритмической персонализации и постоянном потоке рекламных сообщений. Так, исследователь Е. Ю. Колчин отмечает появление феномена «цифрового шоппоголика» – потребителя, вовлечённого в постоянный процесс онлайн-

⁵⁷ Среднякова Татьяна Александровна Культура потребления в условиях цифровизации общества: особенности трансформации // Наука – шаг в будущее. 2025. С. 361–366. URL: <https://uust.ru/media/documents/digital-publications/2025/391.pdf> (дата обращения: 25.04.2026).

⁵⁸ Игаева Ксения Владимировна, Николай Федор Владимирович ТРАНСФОРМАЦИЯ КУЛЬТУРЫ ОБЩЕСТВА ПОТРЕБЛЕНИЯ В РАБОТАХ З. БАУМАНА // Вестн. Том. гос. ун-та. Философия. Социология. Политология. 2022. №65. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/transformatsiya-kultury-obschestva-potrebleniya-v-rabotah-z-baumana> (дата обращения: 25.04.2026).

⁵⁹ Мищенко Максим Александрович Критика общества потребления в ранних трудах Жана Бодрийяра: этико-религиозная оценка // Теологический вестник Смоленской Православной Духовной Семинарии. 2022. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kritika-obschestva-potrebleniya-v-rannih-trudah-zhana-bodriyyara-etiko-religioznaya-otsenka> (дата обращения: 25.04.2026).

покупок из-за доступности товаров, мгновенности оплаты и эмоциональных триггеров цифровой среды⁶⁰.

Рассмотрение влияния цифровых платформ на формирование потребительских установок позволяет перейти к более детальному анализу самого потребительского дискурса как особой формы социального взаимодействия, в рамках которого происходит интерпретация и определение реальности товаров и услуг. Перед использованием вещи человек оценивает её значение и способы применения, а также учитывает реакцию окружающих. Через потребительские практики индивид конструирует собственную идентичность, представляя себя как своего рода «социальный текст», который интерпретируется другими людьми. В формировании потребительского дискурса важную роль играют производители и реклама, которые наделяют товары определёнными символическими смыслами и создают вокруг них мифы, выделяющие продукт среди аналогов. В результате потребительский дискурс проявляется как в вербальной форме: обсуждениях, рекламных сообщениях и оценках товаров, так и в поведенческой форме, выражающейся в выборе, покупке и использовании вещей. Мир потребления, таким образом, представляет собой пространство взаимодействия различных интерпретаций, где рекламные определения товара сталкиваются с критическим восприятием потребителей, а совпадение этих интерпретаций нередко приводит к совершению покупки⁶¹.

Анализ рекламных материалов маркетплейсов Ozon и Wildberries

Рекламные материалы маркетплейсов Ozon и Wildberries, представленные в виде баннеров в интернете, мобильных push-уведомлений и тв-рекламы, которые демонстрируют характерные особенности современного потребительского дискурса.

С точки зрения языковых механизмов воздействия реклама маркетплейсов активно использует оценочную лексику с положительной трактовкой. В рекламных текстах часто встречаются слова и выражения, связанные с выгодой и популярностью: «огромные скидки», «трендовые вещи», «главные хиты», «бестселлеры», «выгоднее», «топ-товары». Важную роль играет числовая конкретика, которая создаёт ощущение точности и достоверности предложения: «до 90%», «-20%», «800 рублей скидки», «до 699 рублей», «1000 товаров». Подобные элементы формируют у пользователя представление о значительной экономии и усиливают рациональную мотивацию покупки.

Синтаксически рекламные сообщения отличаются краткостью и динамичностью. Часто используются императивные конструкции, побуждающие пользователя к действию: «давайте закажем», «найдите», «оставьте отзыв», «примените промокод», «поймайте скидку». Также применяются риторические вопросы, направленные на вовлечение аудитории, например «как вам товар?» или «не знаете, что подарить?». Короткие фразы и разговорный стиль делают сообщения более понятными и приближенными к повседневной коммуникации.

Стилистически реклама маркетплейсов строится на использовании ярких слоганов и образных выражений. К таким элементам относятся формулы вроде «Сезон скидок», «Герои распродажи» или «Надо брать». Дополнительно применяются метафоры и сравнения, например «скидки обрушились как снег на голову», а также тематические обращения, связанные с праздниками или сменой сезонов. Эмодзи выполняют роль эмоциональных усилителей и визуальных триггеров, помогая быстрее привлечь внимание пользователя к сообщению.

Коммуникативные механизмы воздействия в рекламе маркетплейсов во многом соответствуют классическим принципам убеждения. Важную роль играет стратегия

⁶⁰ Колчин Егор Юрьевич Трансформация потребительской культуры в условиях цифровизации: социокультурный аспект // Манускрипт. 2025. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/transformatsiya-potrebitelskoy-kultury-v-usloviyah-tsifrovizatsii-sotsiokulturnyy-aspekt> (дата обращения: 25.04.2026).

⁶¹ Сидорина Анастасия Витальевна Подходы к изучению потребительского поведения в цифровом обществе // Вестник ГУУ. 2025. №6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/podhody-k-izucheniyu-potrebitelskogo-povedeniya-v-tsifrovom-obschestve> (дата обращения: 25.04.2026).

дефицита и срочности, выражающаяся в указании ограниченных сроков акции и призывах вроде «поймать скидку» или «заказывайте скорее». Это формирует эффект FOMO – страха упустить выгодное предложение. Вторым важным механизмом является социальное доказательство: указание на популярность товаров («главные хиты», «бестселлеры», «высокий спрос») создаёт впечатление, что эти товары выбирает большинство покупателей. Также используется принцип взаимности, выраженный в предоставлении персональных промокодов, скидок или подарочных сертификатов. Ещё одним элементом является персонализация сообщений, когда пользователь получает индивидуальные предложения, что усиливает ощущение внимания со стороны маркетплейсов.

Таким образом, рекламные материалы маркетплейсов Ozon и Wildberries демонстрируют комплексный характер воздействия на потребителя, что соответствует выявленным Н. С. Зыряновой функциональным особенностям современного рекламного дискурса, включающим как рациональные аргументации (конкретные скидки и экономическая выгода), так и эмоциональные компоненты. Такая стратегия позволяет одновременно воздействовать на логическую и эмоциональную мотивацию потребителя, что способствует формированию импульсивных покупок и повышает лояльность пользователей⁶².

Производство потребительского дискурса: стратегии, каналы и источники

Производство потребительского дискурса в рекламе маркетплейсов представляет собой процесс создания и распространения коммуникационных сообщений, направленных на формирование у аудитории потребительских установок и стимулирование покупательского поведения.

Одной из ключевых стратегий является стратегия экономической выгоды, которая строится вокруг идеи доступности товаров и значительных скидок. В рекламных сообщениях маркетплейсов активно подчеркивается размер экономии через указание конкретных процентов и сумм скидок, например «до 90%», «скидка 800 рублей» или «товары до 699 рублей». Такая стратегия вызывает к рациональной стороне потребительского поведения, создавая у пользователя ощущение выгодной покупки. Дополнительно применяется стратегия срочности, основанная на ограниченности предложения во времени. Она реализуется через указание точных дат акций, формулировки «только сегодня», «успейте купить», «поймать скидку». Данный приём формирует у аудитории страх упустить выгодное предложение и стимулирует импульсивные решения.

Важное место занимает стратегия эмоционального вовлечения, при которой покупка представляется как приятный и значимый опыт. Рекламные сообщения связываются с календарными событиями и праздниками, такими как 8 Марта или начало весны, а также с различными тематическими поводами. Благодаря этому создаётся эмоциональный контекст, в котором покупка воспринимается не только как рациональное действие, но и как способ проявления заботы и праздника. Также используется стратегия персонализации, когда пользователю отправляются индивидуальные предложения, промокоды или рекомендации товаров. Такой подход усиливает ощущение индивидуального внимания со стороны маркетплейсов и повышает вероятность отклика на рекламное сообщение.

Каналы распространения потребительского дискурса в электронной коммерции преимущественно связаны с цифровой средой. Одним из основных каналов являются баннеры внутри приложения или на сайте маркетплейса, которые визуальным образом демонстрируют акции, скидки и популярные товары. Они служат первым уровнем коммуникации и привлекают внимание пользователя при входе на платформу. Вторым важным каналом являются push-уведомления, отправляемые непосредственно на мобильные устройства

⁶² Зырянова Наталья Сергеевна Дискурс потребительских стремлений современного общества и его отражение в рекламном тексте // Социум и власть. 2011. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/diskurs-potrebitelskih-stremleniy-sovremennogo-obschestva-i-ego-otrazhenie-v-reklamnom-tekste> (дата обращения: 25.04.2026).

пользователей. Такие уведомления позволяют маркетплейсам поддерживать постоянный контакт с аудиторией, напоминать о новых акциях и стимулировать возвращение в приложение. Кроме того, используются email-рассылки, тв-реклама, а также рекламные интеграции в медиа и блогах, которые расширяют охват аудитории и привлекают новых пользователей на платформу.

Источниками потребительского дискурса выступают прежде всего маркетинговые отделы компаний и рекламные агентства, которые разрабатывают концепции рекламных кампаний, тексты сообщений и визуальные материалы. В цифровой среде важную роль также играют алгоритмы рекомендаций и аналитические системы, анализирующие поведение пользователей и формирующие персонализированные предложения. Кроме того, источником дискурса становятся сами пользователи, поскольку отзывы, рейтинги и комментарии о товарах влияют на восприятие продукции другими покупателями. Таким образом, производство потребительского дискурса в электронной коммерции является комплексным процессом, в котором взаимодействуют маркетологи, цифровые платформы и сами потребители.

Сравнение дискурсивных стратегий двух маркетплейсов: сходства и различия в представлении культуры потребления

Сравнение дискурсивных стратегий маркетплейсов Ozon и Wildberries показывает, что обе платформы используют схожие механизмы формирования культуры потребления, характерные для современного электронного коммерческого дискурса. Основной акцент делается на демонстрации экономической выгоды и стимулировании быстрого принятия решения о покупке. В рекламных сообщениях активно используются крупные проценты скидок, конкретные суммы экономии и указание ограниченных сроков акций, что создаёт у потребителя ощущение срочности и уникальности предложения. Также обе платформы используют одинаковые каналы коммуникации, прежде всего баннерную рекламу, push-уведомления и тв-реклама. Сообщения отличаются краткостью, динамичностью и ярким визуальным оформлением, что позволяет быстро привлечь внимание пользователя. В результате формируется образ потребления как удобного, доступного и регулярного действия, которое легко вписывается в повседневную жизнь.

Различия проявляются в тональности и акцентах: Ozon строит более мягкую, «заботливую» и персонализированную рекламу («подарок хвостику», «примерим?», «заботливый пуш», разнообразие поводов вроде Дня кошек), позиционируя потребление как приятное, эмоционально поддерживающее и технологичное переживание для более платёжеспособной аудитории, ориентированной на комфорт и сервис. Wildberries же использует массовый стиль («Надо брать», «Женский праздник», топ до 699 Р, сильный гендерный и праздничный акцент), подчёркивая культуру быстрого, доступного шопинга для широкой аудитории, где главное – не упустить момент и «взять по выгодной цене». Таким образом, Ozon демонстрирует потребление как удовольствие и заботу, а Wildberries – как массовость.

Влияние социокультурного контекста на потребительский дискурс маркетплейсов

Социокультурный контекст оказывает значительное влияние на формирование потребительского дискурса маркетплейсов Ozon и Wildberries, поскольку рекламные сообщения ориентируются на ценности, привычки и социальные ожидания аудитории. В рекламе активно используются культурно значимые события и календарные праздники, такие как 8 Марта или начало весны, которые формируют эмоциональный фон для потребления. Привязка рекламных предложений к подобным датам способствует созданию ассоциации между покупкой и социальными практиками, такими как дарением подарков, проявлением заботы о близких или подготовкой к новому сезону.

Также на потребительский дискурс влияет современная социально-экономическая ситуация и особенности повседневной жизни в России. В рекламных сообщениях маркетплейсов значительное внимание уделяется теме экономии и выгодных предложений,

что связано с высокой чувствительностью аудитории к ценам и скидкам. Формулировки вроде «до 90%», «выгоднее», «огромные скидки» подчеркивают ценность рационального потребления и стремление покупателей экономить. Таким образом, потребительский дискурс маркетплейсов формируется под влиянием культурных традиций, социальных норм и экономических реалий, отражая современную модель потребления, в которой важную роль играют выгода, удобство и социальные поводы для покупок.

Заключение

В заключение можно сделать вывод, что потребительский дискурс в рекламе маркетплейсов Ozon и Wildberries формируется через сочетание языковых, коммуникативных и маркетинговых стратегий, направленных на стимулирование покупательского поведения. Рекламные сообщения активно используют эмоционально окрашенную лексику, призывы к действию, стратегии выгоды, срочности и персонализации, что позволяет воздействовать как на рациональные, так и на эмоциональные мотивы потребителей. При этом обе платформы демонстрируют сходные механизмы формирования культуры потребления, однако различаются в тональности и позиционировании: Ozon делает акцент на персонализированном и комфортном опыте покупок, тогда как Wildberries ориентируется на массовость и идею доступного шопинга. В целом реклама маркетплейсов отражает современные социокультурные условия и играет важную роль в формировании потребительских практик и представлений о потреблении в цифровой среде.

Библиографический список

1. Среднякова Татьяна Александровна Культура потребления в условиях цифровизации общества: особенности трансформации // Наука – шаг в будущее. 2025. С. 361–366. URL: <https://uust.ru/media/documents/digital-publications/2025/391.pdf> (дата обращения: 25.04.2026).
2. Игаева Ксения Владимировна, Николаи Федор Владимирович ТРАНСФОРМАЦИЯ КУЛЬТУРЫ ОБЩЕСТВА ПОТРЕБЛЕНИЯ В РАБОТАХ З. БАУМАНА // Вестн. Том. гос. ун-та. Философия. Социология. Политология. 2022. №65. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/transformatsiya-kultury-obschestva-potrebleniya-v-rabotah-z-baumana> (дата обращения: 25.04.2026).
3. Мищенко Максим Александрович Критика общества потребления в ранних трудах Жана Бодрийяра: этико-религиозная оценка // Теологический вестник Смоленской Православной Духовной Семинарии. 2022. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kritika-obschestva-potrebleniya-v-rannih-trudah-zhana-bodriyyara-etiko-religioznaya-otsenka> (дата обращения: 25.04.2026).
4. Колчин Егор Юрьевич Трансформация потребительской культуры в условиях цифровизации: социокультурный аспект // Манускрипт. 2025. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/transformatsiya-potrebitelskoy-kultury-v-usloviyah-tsifrovizatsii-sotsiokulturnyy-aspekt> (дата обращения: 25.04.2026).
5. Сидорина Анастасия Витальевна Подходы к изучению потребительского поведения в цифровом обществе // Вестник ГУУ. 2025. №6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/podhody-k-izucheniyu-potrebitelskogo-povedeniya-v-tsifrovom-obschestve> (дата обращения: 25.04.2026).
6. Зырянова Наталья Сергеевна Дискурс потребительских стремлений современного общества и его отражение в рекламном тексте // Социум и власть. 2011. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/diskurs-potrebitelskih-stremleniy-sovremennogo-obschestva-i-ego-otrazhenie-v-reklamnom-tekste> (дата обращения: 25.04.2026).

ПРИЧИНЫ И ПОСЛЕДСТВИЯ ДИСКРИМИНАЦИИ МОЛОДЁЖИ НА РЫНКЕ ТРУДА

CAUSES AND CONSEQUENCES OF DISCRIMINATION AGAINST YOUTH IN THE LABOR MARKET

Старцева Аделина Флюровна, студент 4 курса направления 39.03.01 "Социология" кафедры социологии и работы с молодежью, ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий», Уфа, Россия, E-mail: gordeevaalil44@gmail.com

Гайфуллин Андрей Юрьевич, кандидат социологических наук, заведующий кафедрой социологии и работы с молодежью, ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий», Уфа, Россия, E-mail: gayfullin_a@mail.ru

Startseva Adelina Flurovna, 4th year student of the Department of Sociology and Youth Work, Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia, E-mail: gordeevaalil44@gmail.com

Gayfullin Andrey Yurievich, PhD in Sociology, Head of the Department of Sociology of Youth Work, Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia, E-mail: gayfullin_a@mail.ru

Аннотация: В статье анализируются причины и последствия дискриминации молодёжи на российском рынке труда. Рассматриваются основные формы проявления дискриминации: ограничения при приёме на работу, неравная оплата труда, профессиональные барьеры и стереотипы работодателей. Выделяет ключевые причины дискриминации молодежи на рынке труда. Анализируются социально-экономические, психологические и демографические последствия дискриминации молодежи на рынке труда.

Abstract: The article analyzes the causes and consequences of discrimination against youth in the Russian labor market. The main forms of discrimination are considered: restrictions on employment, unequal pay, professional barriers and stereotypes of employers. Identifies the key causes of discrimination against young people in the labor market. The socio-economic, psychological and demographic consequences of discrimination against youth in the labor market are analyzed.

Ключевые слова: дискриминация молодёжи, рынок труда, эйджизм, причины дискриминации, последствия дискриминации, молодёжная безработица

Keywords: дискриминация молодёжи, рынок труда, эйджизм, причины дискриминации, последствия дискриминации, молодёжная безработица

Введение. В условиях трансформации современного рынка труда проблема дискриминации различных социальных групп приобретает особую актуальность [1]. К числу наиболее уязвимых категорий относится молодёжь, находящаяся на этапе профессионального становления и сталкивающаяся с комплексом барьеров при трудоустройстве и карьерном продвижении [2; 3]. Несмотря на декларируемые принципы равных возможностей, в реальной практике молодые специалисты зачастую оказываются в менее благоприятном положении по сравнению с представителями других возрастных групп [4].

Дискриминационные практики на рынке труда по отношению к молодёжи выражаются в завышенных требованиях к наличию профессионального опыта, скептическом отношении работодателей к компетенциям и личностным качествам молодых работников, а также в ограничении доступа к стабильной и достойно оплачиваемой занятости [5]. Подобные явления не только затрудняют интеграцию молодёжи в трудовую сферу, но и

оказывают деструктивное влияние на её социально-экономический статус и формирование жизненных стратегий [6; 7].

Актуальность исследования определяется необходимостью системного анализа причин дискриминации молодёжи на рынке труда и оценки её последствий как для самих молодых людей, так и для общества в целом. **Целью статьи** является рассмотрение факторов, способствующих дискриминации молодёжи, а также выявление основных социально-экономических последствий данного явления.

Дискриминация на рынке труда представляет собой ситуацию, при которой работодатель проявляет нежелание принимать на работу представителей определённых социальных групп (например, по национальному, расовому, религиозному или возрастному признаку) либо предлагает им менее выгодные условия труда и более низкую оплату по сравнению с другими категориями работников.

В Российской Федерации принцип равенства трудовых прав и свобод закреплён на конституционном уровне (ст. 37 Конституции РФ) и находит своё отражение в нормах трудового законодательства. Тем не менее, несмотря на наличие соответствующих правовых гарантий, на практике работодатели зачастую игнорируют как международные стандарты, так и национальные требования, что приводит к дискриминации молодых специалистов.

В научной литературе выделяют следующие основные формы дискриминации молодёжи в сфере занятости:

1. Дискриминация при найме и увольнении. Проявляется в том, что представители молодёжи в равных с другими кандидатами условиях оказываются последними в очереди на трудоустройство и первыми – при сокращении штата или расторжении трудовых договоров.

2. Профессиональная и карьерная дискриминация. Выражается в ограничении доступа молодых работников к определённым видам деятельности, должностям или профессиям, несмотря на наличие у них необходимой квалификации, компетенций и способностей для выполнения соответствующих трудовых функций.

3. Дискриминация в оплате труда. Характеризуется установлением более низкого уровня заработной платы молодым сотрудникам за выполнение аналогичного объёма и качества работы по сравнению с другими категориями персонала при отсутствии объективных оснований для таких различий [8].

Молодёжь, особенно в возрастной категории до 24 лет, занимает наиболее уязвимую позицию на современном рынке труда. Данное обстоятельство обусловлено рядом объективных факторов. Во-первых, соискатели данной категории, как правило, ориентированы на начальные должности, что ограничивает их возможности для демонстрации профессиональных компетенций и потенциала. Во-вторых, на этапе вхождения в профессию молодые специалисты испытывают потребность в наставничестве и поддержке со стороны более опытных коллег, а также требуют дополнительных инвестиций со стороны работодателя в процесс их профессиональной адаптации и обучения [9; 10]

В настоящее время дискриминационные практики в отношении молодых специалистов носят системный характер и охватывают большинство отраслей экономики. К числу наиболее распространённых проявлений данной тенденции относятся:

- установление неравных условий оплаты труда для молодых работников по сравнению с их более опытными коллегами при выполнении идентичного функционала;
- предъявление завышенных требований к наличию профессионального опыта, что создаёт искусственные барьеры для трудоустройства выпускников и соискателей без стажа

На этапе поиска работы многие вакантные позиции изначально предусматривают для молодых специалистов пониженный уровень заработной платы по сравнению с сотрудниками, уже занимающими аналогичные должности. Кроме того, распространённой практикой является привлечение молодых кадров на условиях неоплачиваемых стажировок или испытательных сроков. По завершении данного периода работодатели нередко отказывают в трудоустройстве,

мотивируя своё решение «несоответствием кандидата», и систематически воспроизводят данную модель найма.

Ключевым критерием отбора кандидатов выступает наличие профессионального опыта. При рассмотрении нескольких соискателей работодатели, как правило, отдают предпочтение кандидатам с уже имеющимся стажем работы, что позволяет минимизировать издержки на обучение и адаптацию персонала. Подобный подход формирует замкнутый круг: отсутствие опыта становится непреодолимым препятствием для трудоустройства, в то время как приобрести его невозможно без фактического начала трудовой деятельности.

Анализ научной литературы позволяет сгруппировать ключевые причины дискриминации молодёжи при трудоустройстве.

1. Дефицит профессионального опыта и компетенций. Работодатели склонны отдавать предпочтение зрелым кандидатам, априори приписывая им более высокий уровень продуктивности и стабильности. Молодые специалисты сталкиваются с институциональным барьером в виде требования наличия опыта работы, который фактически невозможно приобрести без первого трудоустройства [11].

2. Стереотипизация и возрастная дискриминация (эйджизм). В отношении молодёжи распространены негативные стереотипы, связывающие её с низкой ответственностью, нестабильностью и высокой текучестью кадров. Это формирует у рекрутеров предвзятость при найме. В то же время в секторах, ориентированных на конечного потребителя, существует противоположный стереотип, согласно которому «опытные» сотрудники вызывают большее доверие, что также снижает конкурентоспособность молодых кандидатов.

3. Структурные диспропорции рынка труда. Наблюдается несоответствие между структурой спроса на рынке труда и профилем подготовки выпускников образовательных учреждений. Высокая конкуренция за престижные вакансии позволяет работодателям применять неформальные критерии отбора (возраст, внешний вид), что является формой латентной дискриминации.

4. Специфика ожиданий и поведения молодёжи. Завышенные стартовые ожидания в отношении заработной платы и условий труда со стороны молодых соискателей могут усиливать скептицизм работодателей и провоцировать их на предложение менее выгодных, временных или стажировочных форматов занятости. Недостаточная информированность о своих трудовых правах делает эту социальную группу уязвимой к произволу со стороны нанимателей [12; 13].

5. Социально-организационные барьеры. Внутри трудовых коллективов может возникать сопротивление со стороны «старожилов» в отношении молодых коллег из-за опасений конкуренции или необходимости выполнять наставнические функции. Это проявляется в профессиональной сегрегации и ограничении карьерных перспектив для молодёжи.

На индивидуальном уровне дискриминация приводит к формированию хронической безработицы или некачественной (неполной, временной) занятости. Это блокирует накопление профессионального опыта и затрудняет вертикальную мобильность, создавая порочный круг: отсутствие стажа снижает конкурентоспособность, что препятствует его получению [14].

Психологические эффекты включают снижение самооценки, развитие тревожных состояний и депрессии. Стигматизация молодёжи как «нестабильной» группы провоцирует социальную изоляцию и негативно сказывается на долгосрочных жизненных стратегиях.

На микро- и макроуровне дискриминация усиливает профессиональную сегрегацию и поляризацию рынка труда. Неформальные барьеры внутри коллективов разрушают командную динамику и повышают текучесть кадров. Социально-экономические последствия проявляются в маргинализации молодёжи: вытеснение с формального рынка труда повышает риски её вовлечения в неформальную экономику и девиантные практики.

Дискриминационные практики в отношении молодёжи на рынке труда выступают катализатором демографической стагнации, усугубляя структурные диспропорции воспроизводства населения. В условиях пролонгированной экономической нестабильности и высокого уровня молодёжной безработицы наблюдается системная пролонгация ключевых этапов жизненного цикла, в частности – формирования семьи и реализации репродуктивных установок. Это находит отражение в снижении суммарного коэффициента рождаемости (СКР), который в 2024–2025 гг. в Российской Федерации опустился ниже 1,4 рождений на одну женщину, что детерминировано, в том числе, латентной неуверенностью в карьерных траекториях и перманентно низким уровнем доходов молодых домохозяйств. Следствием данного феномена становится стратегический сдвиг календаря рождаемости: женщины, подвергаясь дискриминации по семейному положению, систематически откладывают реализацию репродуктивной функции на возраст 30-35 лет, что сопряжено с физиологическим снижением фертильности и способствует углублению гендерных асимметрий на рынке труда.

В макроэкономической проекции указанная дискриминация генерирует эффект недоиспользования человеческого капитала, выражающийся в выпадении из экономического оборота значительного инновационного и трудового потенциала молодёжи. В российской экономике данная тенденция проявляется в структурном вытеснении молодых специалистов из высококонкурентных сегментов сферы услуг и торговли, что приводит к снижению совокупной производительности факторов производства и темпов прироста валового внутреннего продукта. Дополнительным бременем для бюджетной системы выступает вынужденное увеличение государственных трансфертов на финансирование мер социальной поддержки, программ профессиональной переподготовки и пособий по безработице, что формирует устойчивую фискальную нагрузку.

На микроуровне организаций эйджистские установки приводят к гомогенизации корпоративной среды, подавляя когнитивное разнообразие и снижая адаптивный потенциал компаний. Это детерминирует рост коэффициента текучести кадров и эрозию долгосрочной конкурентоспособности предприятий.

В стратегической перспективе дискриминация молодёжи выступает механизмом самовоспроизводства социального неравенства и деградации качества человеческого капитала. Наиболее деструктивным последствием данного процесса является интенсификация «утечки мозгов», выражающаяся в селективной миграции квалифицированных молодых специалистов в зарубежные юрисдикции или агломерационные центры с более благоприятной конъюнктурой рынка труда [15].

Заключение. Дискриминация молодёжи на рынке труда представляет собой комплексное и устойчивое явление, обусловленное совокупностью структурных, институциональных и социокультурных факторов. Ключевыми причинами выступают недостаток профессионального опыта, несоответствие системы образования требованиям рынка труда, а также распространённые стереотипы работодателей в отношении молодых специалистов.

В долгосрочной перспективе сохранение дискриминационных практик снижает инновационный потенциал экономики и способствует воспроизводству социальной стратификации. В этой связи особую значимость приобретает разработка и реализация мер, направленных на снижение барьеров для входа молодёжи на рынок труда, совершенствование механизмов взаимодействия системы образования и работодателей, а также формирование культуры недискриминационного найма.

Библиографический список

1. Гайфуллин А.Ю. Молодежь и молодежная политика в Республике Башкортостан: Монография. Уфа: Уфимский университет науки и технологий, 2023. 162 с.
2. Гайфуллин А.Ю. Профессиональные ориентиры и карьерные установки современной

- учащейся молодежи: социологический анализ // Уфимский гуманитарный научный форум. 2021. № 3(7). С. 140-150. DOI 10.47309/2713-2358_2021_3_140.
3. Гайфуллин А.Ю. Профессиональные и карьерные ориентиры молодежи Республики Башкортостан: монография. Уф: Уфимский университет науки и технологий, 2025. 174 с.
 4. Гайфуллин А.Ю. Социальный портрет и ожидания выпускников вузов Республики Башкортостан на современном рынке труда: социологический анализ // Уфимский гуманитарный научный форум. 2024. № 4(20). С. 315-328. DOI 10.47309/2713-2358-2024-4-315-328.
 5. Гайфуллин А.Ю. Актуальные проблемы современной молодежи. Уфа: УУНиТ, 2024. 174 с.
 6. Гайфуллин А.Ю. Профессиональные предпочтения молодежи на региональном рынке труда / Проблемы функционирования и развития территориальных социально-экономических систем, Уфа, 15 октября – 15 2013 года / Институт социально-экономических исследований УНЦ РАН; Ответственный редактор: Гайнанов Д.А. Уфа: Институт социально-экономических исследований УНЦ РАН, 2013. С. 217-220.
 7. Гайфуллин А.Ю. Профессиональные ориентиры сельской молодежи: социологический анализ // Уфимский гуманитарный научный форум. 2024. № 3 (19). С. 174-187.
 8. Гайфуллин А.Ю. Дискриминация молодежи на рынке труда: социологический анализ / Социальная несправедливость в социологическом измерении: вызовы современного мира : Сборник материалов, Москва, 19–20 февраля 2018 года. Москва: ООО "МАКС Пресс", 2018. С. 446-448.
 9. Гайфуллин А.Ю. Социологический анализ трудоустройства выпускников вузов: имеющийся опыт и ожидания // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2023. Т. 13, № 3. С. 231-243. DOI 10.21869/2223-1552-2023-13-3-231-243.
 10. Гайфуллин А.Ю. Удовлетворенность условиями труда и причины смены работы молодежью Республики Башкортостан: социологический анализ // Уфимский гуманитарный научный форум. 2025. № 4(24). С. 284-292. DOI 10.47309/2713-2358-2025-4-284-292.
 11. Официальный сайт сетевого издания «РБК» // <https://rg.ru/2023/09/13/analitiki-nazvali-diskriminaciiu-po-vozrastu-samoj-rasprostranennoj-na-rabote.html> (дата обращения: 22.04.2026).
 12. Гайфуллин А.Ю. Социологический анализ ценностных ориентиров современной студенческой молодежи // Уфимский гуманитарный научный форум. 2023. № 3(15). С. 221-232. DOI 10.47309/2713-2358-2023-3-221-232.
 13. Гайфуллин А.Ю. Социологический анализ значимых факторов выбора работы современной молодежью (на примере Республики Башкортостан) // Уфимский гуманитарный научный форум. 2025. №.3. С.132- 143. DOI 10.47309/2713-2358-2025-3-132-143.
 14. Гайфуллин А.Ю. Трудовая географическая мобильность работающей молодежи Республики Башкортостан: социологический анализ // Социальная политика и социология. 2025. Т. 24, № 4(157). С. 33-41. DOI 10.17922/2071-3665-2025-24-4-33-41.
 15. Гайфуллин А.Ю. Приоритеты социальной политики Республики Башкортостан в отношении молодежи // Уфимский гуманитарный научный форум. 2021. № 4 (8). С. 111-120.

**СОЦИАЛЬНЫЙ ПОРТРЕТ РАБОТАЮЩЕГО БЕДНОГО (НА ПРИМЕРЕ
РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН)**

**SOCIAL PORTRAIT OF THE WORKING POOR (A CASE STUDY OF THE REPUBLIC
OF BASHKORTOSTAN)**

Старшинина Анжелика Александровна, магистрант кафедры социологии и работы с молодежью, направление 39.04.01 "Социология" ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий», Уфа, Россия, E-mail: needingzz16@gmail.com

Научный руководитель: Кузнецова Альфия Рашитовна, профессор кафедры социологии и работы с молодежью, ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий», Уфа, Россия. ORCID: 0000-0003-0273-4801 E-mail: alfia_2009@mail.ru

Starshinina Angelika Alexsandrovna, Master's student of the Department of Sociology and Youth Work, department 39.04.01 "Sociology" Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia, E-mail: needingzz16@gmail.com

Supervisor: Kuznetsova Alfia Rashitovna, Professor of the Department of Sociology and of work with Youth, Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia. ORCID: 0000-0003-0273-4801 E-mail: alfia_2009@mail.ru

Аннотация: Материалы по Республике Башкортостан позволяют увидеть, что работающая бедность относится к числу самых спорных проявлений нынешнего социального неравенства. Исследование сосредоточено на возрастных, семейных, образовательных и трудовых параметрах работающих малообеспеченных групп, на территориальном распределении и на способах приспособления к дефициту доходов. Полученные данные показывают, занятость сама по себе не выводит домохозяйство за пределы материальной уязвимости. Речь идет о явлении с системным характером; его поддерживают низкая оплата труда, повышенная нагрузка на семьи с детьми и неодинаковое территориальное устройство рынка труда.

Abstract: The issue is structural rather than incidental, wages remain low, household responsibilities are heavy, and labor-market conditions vary sharply from place to place, so paid employment can still leave people exposed to deprivation. Under that framework, the article treats the working poor as a striking paradox within present-day social inequality. Its empirical basis is the Republic of Bashkortostan, where the group is examined by age, family situation, educational attainment, forms of employment, territorial concentration, and the strategies used to adapt when income is limited. The study concludes that a job alone does not secure an exit from financial fragility.

Ключевые слова: работающие бедные; бедность; занятость; социальное неравенство; доходы домохозяйств; Республика Башкортостан; рынок труда; социальная политика.

Keywords: working poor; poverty; employment; social inequality; household income; Republic of Bashkortostan; labor market; social policy.

За последние годы тема работающей бедности вошла в число самых заметных предметов научных и общественных обсуждений. Раньше бедность связывали с отсутствием работы, инвалидностью или социальной дезадаптацией, теперь заметная доля людей с низкими доходами состоит в трудовых отношениях и на регулярной основе получает вознаграждение за труд. Одного факта трудоустройства уже недостаточно, чтобы вывести человека из нужды, а прежнее понимание работы как универсального канала социальной включенности и роста благосостояния оказывается ограниченным.

В Уфе, в индустриальных агломерациях и периферийных районах уровень доходов заметно расходится, а именно данное расхождение задает масштабы относительной бедности и абсолютной бедности. Республика Башкортостан, входящая в состав Российской Федерации, при наличии производственной, сельскохозяйственной и сырьевой базы, развитой образовательной инфраструктуры и крупных городских центров одновременно относится к субъектам с неоднородной экономической организацией, высокой долей сельских жителей и резко выраженными различиями развития муниципальных образований.

Работа направлена на выявление главных характеристик социального образа работающего бедного в Республике Башкортостан. Методическую основу составляют статистические массивы, итоги социологических исследований бедности и повторное рассмотрение публикаций, посвященных региональному рынку труда.

Под работающим бедным понимают человека, находящегося в периоде трудовой активности и оформленного официально либо занятого в неформальном секторе, чьи денежные поступления не покрывают минимально необходимый семейный набор потребностей. Для России более типична ситуация, когда нехватка ресурсов возникает не на уровне отдельного человека, а внутри семьи как хозяйственной единицы, средств одного либо нескольких членов семьи недостаточно для детского содержания, оплаты жилья, получения медицинской помощи и прочих обязательных расходов⁶³.

Материальные трудности у старших возрастных групп смягчаются лишь отчасти за счет пенсий и прочих трансфертов⁶⁴. У молодежи сохраняется риск работающей бедности, хотя в молодежной среде нередко присутствует запас для профессионального маневра. В Республике Башкортостан типичным представителем рассматриваемой группы выступает человек в возрасте 30–49 лет, на него приходится наивысшая трудовая занятость, сочетающаяся с семейными обязанностями, несовершеннолетними детьми, ипотечными платежами, а еще с затратами на образование и здоровье.

Бедность среди занятых лиц не сводится лишь к размеру оплаты труда, в подобных условиях состав семьи нередко оказывает заметное влияние. Самое уязвимое положение свойственно домохозяйствам с двумя и более детьми, а еще неполным семьям. При работе лишь одного родителя, даже при долговременной занятости, среднедушевой денежный ресурс семьи все равно может оставаться низким. Из-за данного обстоятельства уровень бедности нередко зависит не только от заработной платы как таковой, но и от коэффициента иждивенческой нагрузки.

Материальная устойчивость и уровень образования сегодня связаны уже не напрямую, даже при наличии высшего диплома человек может оказаться в положении экономической уязвимости. В частности, молодых специалистов бюджетной сферы, сотрудников учреждений культуры, социальной работы и ряда направлений образования, где заработок остается низким, затрагивает подобная ситуация. Среди работающих бедных выделяется и другая группа, заметная часть получила среднее профессиональное образование и занята в сфере обслуживания, торговле, транспорте, сельском хозяйстве либо в коммунальном секторе. Поэтому связь между образовательным капиталом и достойным доходом уже не выглядит автоматической⁶⁵.

На рынке труда данная категория работников нередко оказывается в сегментах, где создается лишь небольшая добавленная стоимость и почти отсутствуют траектории профессионального продвижения. В Башкортостане к подобным сегментам относятся часть аграрного производства, розничная торговля, гостинично-ресторанный сектор, клининговые

⁶³ Брушкова Л. А. Социология: учебник и практикум для вузов / Л. А. Брушкова. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва: Издательство Юрайт, 2026. – С. 210.

⁶⁴ Технология формирования имиджа, PR и рекламы в социальной работе: учебник для вузов / под редакцией М. В. Воронцовой. – 2-е изд. – Москва: Издательство Юрайт, 2026. – С. 65.

⁶⁵ Урбанистика. Городская экономика, развитие и управление: учебник и практикум для вузов / под редакцией Л. Э. Лимонова. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва: Издательство Юрайт, 2026. – С. 663.

услуги, охрана и вспомогательные виды деятельности. Неформальная занятость вносит заметный вклад в возникновение такой ситуации, прежде всего в малых населенных пунктах, где число официальных вакансий остается ограниченным⁶⁶.

Пространственное положение здесь имеет первостепенное значение. Для Уфы и иных крупных городских центров характерен более высокий средний трудовой доход, но заметная часть заработка уходит на найм жилья, поездки и бытовые услуги. Иная картина видна в сельских районах и небольших населенных пунктах, там ежедневные расходы нередко ниже, а доступ к рабочим местам ограничен, выбор вакансий скуднее. Из подобных различий возникают неодинаковые механизмы бедности среди занятых, в центральной части столицы бедность среди занятых возникает из дороговизны повседневного существования, тогда как на удаленных территориях невысокая оплата труда и нехватка вакансий поддерживают ее.

Для данной социальной группы приходится выстраивать особые способы приспособления к неблагоприятным условиям. Нередко она обращается к дополнительным формам заработка, к разовой занятости, к работам по сезону, к оказанию частных услуг и к иным вариантам вторичной занятости. Одновременно семьи уменьшают объем повседневных трат и на более поздний период переносят лечение, ремонт жилья и дополнительное образование детей. Со временем усиливается ориентация на государственную помощь, пособия на детей, субсидии и адресные выплаты. Такие меры способны ненадолго удержать положение в более стабильных рамках, однако бедность они, как правило, не преодолевают.

Бедность среди занятых порождает разный по масштабу набор последствий. Для человека она нередко заканчивается стойким истощением, ослаблением трудовой мотивации, внутренним напряжением и чувством социальной несправедливости. В семье такой фон повышает риск закрепления дефицита возможностей у следующего поколения, дети из семей с низкими доходами, где взрослые трудятся, получают более скромный доступ к образованию и дальнейшему профессиональному росту. Для территории в целом подобная ситуация ведет к утечке кадров, прежде всего среди молодых специалистов, предпочитающих переезд в более благополучные в экономическом отношении субъекты.

Снижение работающей бедности в Республике Башкортостан достижимо при параллельной реализации нескольких мер. Среди мер – действия, повышающие производительность труда и уровень оплаты, а еще решения, ориентированные на семьи с детьми. К перечню добавляются расширение занятости в малых городах и на сельских территориях, увеличение возможностей для переподготовки работников и перевод неформальной занятости в законный формат. Отдельного внимания требует точечная поддержка групп работников, чьи доходы по объективным причинам все еще не достигают уровня, необходимого для достойного воспроизводства семьи.

В ряде регионов сегодня работающая бедность нередко проявляется не напрямую, а в завуалированном виде. Формально такой человек задействован в трудовом процессе, за ним закреплено постоянное рабочее место, он придерживается установленного режима и трудовой дисциплины, однако получаемое вознаграждение не создает для него прочной социальной защищенности. Со стороны эта часть населения нередко не выглядит нуждающейся, поскольку ее представители не принадлежат ни к числу безработных, ни к слоям, выведенным за пределы привычного социального круга. По этой причине проблема долго остается вне публичного обсуждения и становится заметной главным образом через бытовые стратегии сокращения расходов, растущие обязательства по долгам и отказ от планирования на длительную перспективу.

В Республике Башкортостан рассматриваемая тема приобретает повышенную актуальность, здесь промышленные узлы соседствуют с обширной сельской периферией. Подобное пространственное сочетание создает неравные условия для приложения труда,

⁶⁶ Кравченко А. И. Социология: учебник и практикум для вузов / А. И. Кравченко. – 4-е изд., перераб. и доп. – Москва: Издательство Юрайт, 2026. – С. 166.

поэтому сопоставимый по объему трудовой вклад приносит разную хозяйственную отдачу – на нее влияют место жительства, уровень инфраструктурной обеспеченности и конфигурация местного рынка занятости. Для жителей малых населенных пунктов положение сводится к узкому набору доступных рабочих мест; вознаграждение за труд на протяжении длительного времени сохраняет низкий уровень и почти не связано с квалификацией работника.

При рассмотрении бедности нужно учитывать не только уровень доходов, но и то, каким образом его оценивают сами граждане. Еще недавно скромные заработки нередко связывали с кратковременными финансовыми затруднениями, но теперь часть занятых людей склонна воспринимать такой уровень обеспеченности как закрепившийся жизненный порядок. Отсюда возникает ослабление стремления к повышению профессионального уровня и недоверие к механизмам восходящей мобильности в обществе. Одновременно крепнет ощущение, что личные усилия и итоговая отдача труда расходятся между собой. В длительной перспективе подобная установка затрагивает не только экономическую линию поведения, но и состояние общественной устойчивости в целом.

Для региона самую сильную тревогу вызывает не сама занятость, а тот факт, что она не выводит часть семей из денежной стесненности, так проявляется работающая бедность. Когда молодые люди видят, что родители, имея полную загрузку, все равно живут с материальными ограничениями, у них нередко складывается представление, что путь к благополучию лежит не через профессиональную подготовку и добросовестный труд. И тогда ориентирами становятся либо переезд в более благополучные территории, либо обращение к неформальным источникам дохода. Подобный сдвиг в установках несет для территории риск постепенного выбытия той части рабочей силы с самой высокой подвижностью и самыми большими перспективами.

Преодоление работающей бедности в Республике Башкортостан не ограничивается одной лишь помощью социальной сферы, здесь нужна более широкая перестройка региональной экономики. По этой причине положение людей, относимых к данной категории, рассматривается через набор внешних обстоятельств – уровень заработной платы, семейный состав, различия между территориями и слабую подвижность рынка труда. Чаще речь идет о трудоспособном занятом гражданине, который состоит в семье, нередко воспитывает детей, имеет среднее либо высшее образование и вынужден трудиться в низкооплачиваемом секторе экономики. Подобное положение связано не с личной пассивностью, а с действием структурных факторов.

Библиографический список

1. Брушкова Л.А. Социология: учебник и практикум для вузов / Л.А. Брушкова. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва: Издательство Юрайт, 2026. – 433 с.
2. Кравченко А.И. Социология: учебник и практикум для вузов / А.И. Кравченко. – 4-е изд., перераб. и доп. – Москва: Издательство Юрайт, 2026. – 433 с.
3. Технология формирования имиджа, PR и рекламы в социальной работе: учебник для вузов / под редакцией М.В. Воронцовой. – 2-е изд. – Москва: Издательство Юрайт, 2026. – 287 с.
4. Урбанистика. Городская экономика, развитие и управление: учебник и практикум для вузов / под редакцией Л.Э. Лимонова. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва: Издательство Юрайт, 2026. – 833 с.
5. Кузнецова А.Р., Старшина А.А. Депривация бедности в различных социальных группах российского общества // Уфимский гуманитарный научный форум. 2026. №.1 (25). С.289-306. DOI 10.47309/2713-2358-2026-1-289-306.

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ПОВСЕДНЕВНОСТИ МОЛОДЁЖИ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ КИНО

THE PORTRAYAL OF YOUNG PEOPLE'S DAILY LIVES IN CONTEMPORARY RUSSIAN CINEMA

Татаурова Наталья Игоревна, бакалавр 4го курса направления «Социология управления, экономики и коммуникаций», ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий», Уфа, Россия, E-mail: tataurova.03@inbox.ru

Tataurova Natalia Igorevna, 4th-year Bachelor's student in 'Sociology of Management, Economics and Communications', Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia, Email: tataurova.03@inbox.ru

Научный руководитель: **Лавренюк-Исаева Наталья Михайловна**, кандидат социологических наук, доцент, доцент ФГБОУ ВО "Уфимский университет науки и технологий", г. Уфа, Россия

Supervisor: Lavrenyuk-Isaeva Natalia Mikhailovna, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Ufa University of Science and Technology", Ufa, Russia

Аннотация: В статье рассматривается репрезентация повседневности молодёжи в современном российском кино. На основе анализа научной литературы определено, какие элементы повседневной жизни молодых героев оказываются наиболее значимыми, как складывается их образ через практики, пространства и формы взаимодействия, какие представления о молодости и взрослении воспроизводятся в современном кинематографе. Статья позволяет выявить, как в современном российском кино оформляется образ повседневной жизни молодёжи.

Abstract: This article examines the portrayal of young people's everyday lives in contemporary Russian cinema. Based on an analysis of the academic literature, it examines which elements of the young characters' everyday lives prove to be most significant, how their image is shaped through practices, spaces and forms of interaction, and what notions of youth and coming of age are reproduced in contemporary cinema. The article reveals how the image of young people's everyday life is shaped in contemporary Russian cinema.

Ключевые слова: повседневность молодёжи; российский кинематограф; репрезентация; молодость; взросление; повседневные практики; самоопределение

Keywords: youth everyday life; Russian cinema; representation; youth; growing up; everyday practices; self-determination.

Современный российский кинематограф остаётся значимой частью культурного пространства, в котором получают оформление представления о молодости, взрослении и повседневной жизни. Экранные образы молодых героев позволяют увидеть, какие формы общения, досуга, семейных и дружеских отношений, самоопределения и отношения к будущему становятся социально заметными и культурно узнаваемыми. Такой интерес связан и с тем, что подростки и молодёжь остаются одной из наиболее активных частей киноаудитории, а само кино продолжает занимать заметное место в структуре их культурного опыта [1, с. 16-18]. Именно через повседневные ситуации в кино становятся видимыми не только отдельные черты молодых персонажей, но и более широкие представления о том, как устроена их обычная жизнь, с какими трудностями она связана, какие модели взросления оказываются значимыми в современном обществе. Экран сохраняет доверие молодой

аудитории тогда, когда обращается к её реальным интересам, проблемам и ситуациям нравственного выбора [2, с. 21-22]

Повседневность молодежи в российском кино анализировали Л. И. Ятина и Т. С. Калинина, которые показали, что фильмы о молодёжи могут анализироваться через практики жизненного стиля, а в качестве единиц анализа могут выступать устойчивые формы действия и восприятия, реализуемые в таких сферах, как труд, досуг, внутригрупповое взаимодействие, взаимодействие с окружающими и потребление [3, с. 170-171]. А. В. Федоров, А. А. Левицкая, О. И. Горбаткова, анализируя школьную и вузовскую тематику в кино, также показывают, что экранные образы молодёжи связаны с социокультурным контекстом и должны рассматриваться через репрезентации, стереотипы и способы символического конструирования образов [4, с. 453]. Однако применительно именно к современному российскому кино вопрос о том, как репрезентируется повседневность молодёжи в её текущих формах, требует отдельного рассмотрения. В этой связи актуальным становится анализ не только сюжетов о молодых героях, но и тех обыденных социальных сценариев, через которые кино конструирует представления о молодости, взрослении и норме повседневной жизни.

Целью статьи является выявление особенностей репрезентации повседневности молодёжи в современном российском кино. Под таким углом исследование ориентировано на анализ того, какие формы повседневной жизни молодых людей становятся видимыми на экране и какие социальные смыслы с ними связаны.

Для достижения поставленной цели в статье решаются следующие задачи: во-первых, уточняется теоретическое содержание понятий «репрезентация» и «повседневность» применительно к анализу кинематографа; во-вторых, определяется, какие элементы повседневной жизни молодёжи наиболее последовательно выводятся на экран в современных российских фильмах; в-третьих, анализируется, через какие практики, пространства и формы взаимодействия конструируется образ молодёжной повседневности.

Объектом исследования выступает современный российский кинематограф как пространство символической репрезентации молодёжи. Предмет исследования составляет репрезентация повседневности молодёжи в современных российских фильмах, то есть способы изображения её повседневных практик, типичных пространств, моделей общения и жизненных ситуаций. Методическую основу статьи составляют теоретический анализ литературы по социологии культуры, социологии повседневности и исследованиям репрезентации.

Кинематограф в современном обществе выступает не только формой досуга, но и пространством символического производства социальных образов. В этой связи особый исследовательский интерес представляет то, каким образом в кино конструируется образ молодёжи и какие представления о молодости транслируются через экранные сюжеты. В логике конструкционистского подхода репрезентация понимается не как простое отражение уже существующей реальности, а как производство значения через язык и знаковые системы; именно поэтому анализ кинообразов позволяет рассматривать фильм как социально значимый текст, в котором оформляются и транслируются определённые культурные коды [5, с. 17-18].

Для данной статьи принципиально значимо понятие повседневности. Повседневность в современной социально-гуманитарной мысли рассматривается как особая сфера опыта, в которой обнаруживаются рутинные практики, типичные способы действия, переживания, мышление и самоочевидные формы взаимодействия человека с миром [6, с. 17-19]. Такой подход позволяет анализировать молодёжь в кино не через абстрактные характеристики поколения, а через конкретные формы жизни: учёбу, труд, досуг, коммуникацию, потребление, отношения со сверстниками и взрослыми, освоение городского и домашнего пространства.

Повседневная жизнь молодёжи в современных российских фильмах представлена через устойчиво повторяющиеся практики, задающие структуру экранной жизни героев. В исследовании Л. И. Ятиной и Т. С. Калининой жизненные практики молодых героев рассматриваются по пяти направлениям: труд, досуг, взаимодействие внутри группы, взаимодействие с окружающими и потребление [3, с. 170-171]. Такое членение позволяет выделить основные элементы повседневной жизни, которые регулярно появляются в фильмах и формируют их содержательное ядро.

Одним из наиболее заметных элементов выступает досуг. В современном кино о молодёжи значительное место занимают развлечения, встречи с друзьями и посещение массовых культурных мероприятий. Исследователи фиксируют высокую распространённость гедонистических практик, связанных с отдыхом, яркими впечатлениями, сексуальностью, заботой о внешности и стремлением к эмоционально насыщенному образу жизни [3, с. 176-178]. За счёт этого именно свободное время становится одной из наиболее частотных и выразительных составляющих молодёжной повседневности в современном российском кино.

Существенное место занимает и взаимодействие внутри молодёжной среды. Фильмы регулярно включают сцены дружеского общения, совместного времяпрепровождения, конфликтов и соперничества. По наблюдениям Л. И. Ятиной и Т. С. Калининой, в современных фильмах в этой сфере усиливаются прагматические практики, связанные с ориентацией на успех, полезные связи и инструментальный характер отношений [3, с. 180]. Следовательно, внутригрупповая коммуникация оказывается одним из устойчивых элементов экранной повседневности молодёжи и занимает важное место в её репрезентации.

Отдельным элементом повседневной жизни выступает взаимодействие с окружающими, прежде всего со взрослыми. В современном молодёжном кино сохраняется мотив взаимного непонимания поколений и отказа принимать ценности старшего поколения [3, с. 176]. Частой встречающейся в фильмах является тема конфликта «отцов и детей», кризиса семейных отношений. Такое изображение закрепляет представление о взрослении как о движении через конфликт, пересмотр прежних авторитетов и поиск собственной позиции внутри сложной социальной среды [4, с. 233].

Важное место занимает потребление. Современные фильмы о молодёжи насыщены визуальными признаками статуса, моды и престижного образа жизни. Л.И. Ятина и Т.С. Калинина выделяют практики вещиизма, следования моде, ориентации на «гламурность» благ, а также демонстративное и подставное потребление [3, с. 178-179]. Одежда, аксессуары, внешний вид, досуговые пространства и другие атрибуты выступают заметной частью повседневного существования молодых героев. Поэтому потребление следует рассматривать как один из наиболее устойчивых элементов их экранной жизни.

Труд и активность также присутствуют в современных фильмах, однако их характер меняется. Исследователи отмечают, что активизм в современный период чаще проявляется через спорт, хобби, увлечения и активный образ жизни [3, с. 179-180]. Это указывает на присутствие в кино деятельностного элемента повседневности, связанного с личной инициативой и самореализацией. Вместе с тем в общей структуре молодёжной жизни более заметными остаются досуг, внутригрупповое общение и потребительские практики. Именно они наиболее последовательно представлены в современных российских фильмах и образуют основные элементы репрезентации повседневности молодёжи.

Выделенные элементы складываются в цельный образ благодаря повторяющимся сценариям действий, кругу устойчивых локаций и характеру контактов между героями. В современном российском кино повседневная жизнь молодёжи получает оформленность через набор регулярно воспроизводимых ситуаций. Такая организация материала придаёт молодёжной повседневности зримую форму и позволяет увидеть, какие стороны жизни оказываются центральными в экранном изображении [3, с. 170-171].

Важную роль играют практики, задающие ритм повседневной жизни. За счёт повторяемости именно эти действия начинают восприниматься как привычная среда

существования молодого героя. У Л. И. Ятиной и Т. С. Калининой современный этап кинематографа связывается с усилением гедонистических и прагматических практик, определяющих образ жизни персонажей. В исследованиях А. В. Федорова, А. А. Левицкой и О. И. Горбатковой внимание сосредоточено на том, что экранные сюжеты о школе и вузе строятся через устойчивые типы ситуаций, характеров и конфликтов, благодаря которым молодёжная среда приобретает узнаваемые очертания [4, 453].

Значимым компонентом выступает и пространство. Экранный повседневность молодёжи разворачивается в нескольких пересекающихся зонах: учебной, домашней, городской, досуговой и цифровой: они образуют карту повседневных перемещений героя и задают границы его повседневного мира. В исследовании о школе и вузе А. В. Федоров и соавторы показывают, что подобные пространства обладают устойчивой повторяемостью и организуют основные линии поведения персонажей [4, с. 228].

С взрослением в рассматриваемых кинотекстах чаще всего связываются самостоятельность решения, необходимость морального выбора и личная ответственность за собственную траекторию. При этом сам переход ко взрослости изображается как напряжённый, внутренне неоднозначный и далеко не всегда завершённый процесс. В исследовании П. М. Зиновьевой подчёркивается, что герой современных фильмов для молодёжи часто проходит через самоидентификацию, оказывается перед сложным моральным выбором и ищет основания для личной зрелости; вместе с тем в части российских картин возникает мотив ценностной неопределённости, отсутствия ясных ориентиров и разочарования уже в молодом возрасте. В результате взросление предстаёт как проблемный путь, требующий индивидуального решения [7, с. 2-5].

Вместе с этим в кино сохраняется и другой нормативный слой. Даже при высокой значимости прагматизма, гедонизма и потребительских практик в сюжетах продолжают проявляться ожидания честности, верности, способности к сочувствию, готовности помогать близким и принимать последствия своих поступков. П. М. Зиновьева, обобщая исследования молодёжного кино, пишет о том, что герои современных фильмов в решающие моменты приходят к осознанию важности любви, альтруизма, храбрости, честности и помощи ближнему [7, с. 2-3]. Среди устойчивых нравственных ценностей школьно-вузовского кино названы благородство, доброта, щедрость души и ответственность за свои поступки [4, с. 232]. Поэтому нормативные представления, закрепляемые в кино, имеют двойственный характер: с одной стороны, они включают установки на индивидуальный успех, престиж и самопрезентацию, с другой – сохраняют значимость морального выбора, личной ответственности и человеческой солидарности.

В целом современное российское кино закрепляет образ молодости как периода свободы, поиска себя, эмоциональной интенсивности и нестабильности, а взросление – как процесса, связанного с выработкой собственных норм, пересмотром отношений со взрослыми и прохождением через ценностную неопределённость. Такая модель соединяет потребность в автономии, стремление к самореализации и сохраняющееся ожидание внутренней зрелости. Именно в этом сочетании и оформляется нормативный образ молодости и взросления, который воспроизводится в современных кинотекстах.

Проведённый анализ позволяет рассматривать современное российское кино как пространство, в котором молодёжная повседневность получает культурно закреплённый образ через устойчиво воспроизводимые практики, типичные пространства и повторяющиеся формы взаимодействия. В результате в современном российском кино закрепляется представление о молодости как о периоде, проходящем в условиях эмоциональной напряжённости, ценностной неустойчивости и необходимости самостоятельно выстраивать собственную жизненную линию. При этом взросление осмысливается не как простое вхождение в мир взрослых ролей, а как процесс внутреннего самоопределения, в котором стремление к автономии сочетается с возрастающей ответственностью за собственные решения.

Библиографический список

1. Монастырский В.А. Киноискусство в социокультурной работе: учеб. пособие. Тамбов: Изд-во Тамб. ун-та, 1999. 147 с.
2. Пензин С. Н. Кино как средство воспитания. Воронеж: Изд-во Воронежского университета, 1973. 152 с.
3. Ятина Л.И., Калинина Т. С. Изображение стиля жизни молодежи в российском кинематографе: трансформация практик в обществе потребления // Журнал социологии и социальной антропологии. 2011. Т. 14. № 5. С. 168–181.
4. Федоров А.В., Левицкая А. А., Горбаткова О. И., Челышева И. В., Мурюкина Е. В., Михалева Г.В., Сальный Р. В., Шаханская А. Ю., Селиверстова Л. Н. Школа и вуз в зеркале советских, российских и западных аудиовизуальных медиатекстов. М.: Изд-во ОД «Информация для всех», 2019. 624 с.
5. Холл С. Работа репрезентации // Репрезентация: культурные репрезентации и означающие практики / под ред. С. Холла. Лондон, 1997. С. 13–74.
6. Афанасьевский В.Л. Тема повседневности как основа современной социологии // Альманах современной науки и образования. 2008. № 10 (17): в 2 ч. Ч. II. С. 17–20.
7. Зиновьева П.М. Модели поведения и ценностные паттерны в современных фильмах. Какими чертами обладает «герой» современных фильмов для молодёжи? // Век информации. 2019. Т. 3. № 1(6). С. 1–6.

УДК 316.77

СОЦИАЛЬНЫЕ МЕХАНИЗМЫ САМООЦЕНКИ И ТРЕВОЖНОСТИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ МОБИЛЬНОСТИ

SOCIAL MECHANISMS OF SELF-ESTEEM AND ANXIETY IN THE CONTEXT OF DIGITAL MOBILITY

Терехова Диана Андреевна, студент кафедры социологии и работы с молодежью, направление 39.03.01 «Социология», 2 курс, ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий», Уфа, Россия, E-mail: dterekhova600@gmail.ru

TerekhovaDiana Andreevna, student of the Department of Sociology and Youth Work, major 39.03.01 «Sociology», 2nd year, Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia, E-mail: dterekhova600@gmail.com

Научный руководитель: **Туракаев Марсель Салаватович**, кандидат социологических наук, старший преподаватель кафедры социологии и работы с молодежью, ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий», Уфа, Россия, E-mail: mturakaev@gmail.com

Scientific supervisor: **Turakayev Marcel Salavatovich**, Candidate of Sociological Sciences, Senior lecturer at the Department of Sociology and Youth Work, Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia, E-mail: mturakaev@gmail.com

Аннотация: В статье анализируются социальные механизмы формирования самооценки и тревожности в условиях цифровой мобильности. Рассматривается влияние социальных сетей, практик постоянного сравнения, нормативной неопределённости цифровой среды и интернет-зависимости (включая FOMO) на психологическое состояние индивидов. Особое внимание уделяется кибербуллингу как массовой угрозе. Обосновывается необходимость развития целостной цифровой грамотности для осознанного конструирования идентичности и снижения негативных последствий жизни в гибридной реальности.

Abstract: The article examines the social mechanisms shaping self-esteem and anxiety in

the context of digital mobility. It analyzes the impact of social networks, the practice of constant social comparison, normative uncertainty of the digital environment, and internet addiction (including FOMO) on the psychological state of individuals. Special attention is paid to cyberbullying as a widespread threat that intensifies traumatic experiences due to its boundless and anonymous nature. The author argues that the formation of self-esteem and anxiety in the digital era is driven by mechanisms of comparative anxiety, conflict behavior as adaptation, and digital dependence. The article concludes that developing comprehensive digital literacy is essential for conscious identity construction and for mitigating the negative psychological consequences of living in a hybrid reality.

Ключевые слова: самооценка; тревожность; цифровая мобильность; социальные сети; кибербуллинг; интернет-зависимость.

Keywords: self-esteem; anxiety; digital mobility; social networks; cyberbullying; internet addiction.

Введение

В современном мире, где цифровая мобильность стала неотъемлемой частью повседневной жизни, вопросы самооценки и тревожности приобретают новые формы и проявления. Социальные механизмы, влияющие на эти аспекты психологии человека, активно изменяются под воздействием технологий, социальных сетей и постоянной доступности информации. Ключевым производственным ресурсом и главной ценностью общества признаются знания и информация, что выводит их на центральное место в экономической и социальной жизни [1]. В условиях цифровой эпохи социализация индивида протекает параллельно в двух измерениях: социальной и виртуальной реальности. Это приводит к формированию сложной идентичности, включающей "реальное" и "виртуальное" Я. К числу ключевых рисков данного процесса относятся кризис самоидентификации и расщепление личности.

Самооценка и тревожность в условиях цифровой мобильности

Цифровые платформы и социальные медиа становятся ключевыми агентами в процессе конструирования идентичности современной молодежи. Виртуальные среды предоставляют обширное, однако пока еще недостаточно исследованное поле для экспериментов с самопрезентацией и формирования новых аспектов "Я" [2]. Данная ситуация порождает риски дестабилизации и затруднений в процессе самоидентификации. Соцсети становятся витриной "идеальной" жизни, на которую равняется молодое поколение. Ежедневно сталкиваясь с глянцевыми, отфильтрованными картинками чужого бытия, молодые люди невольно начинают сравнивать их со своей реальностью. Эта привычка оборачивается тяжелыми последствиями: падает самооценка, накатывает депрессия, а в погоне за "правильным" телом могут развиваться серьезные расстройства пищевого поведения [3]. Поэтому одним из основных механизмов формирования самооценки является сравнение себя с другими. В условиях цифровой мобильности это сравнение стало более доступным и частым. Пользователи видят искаженные версии жизни своих друзей и знакомых, что может вызывать чувство неполноценности и недовольства собой. Исследования показывают, что постоянное сравнение с идеализированными образами в социальных сетях может снижать уровень самооценки и вызывать депрессивные состояния. Еще одним механизмом может служить появляющаяся в процессе активного пользования Интернетом зависимость. Наша жизнь все больше проходит у экранов, и эта привычка грозит перерасти в настоящую зависимость, бьющую как по психике, так и по физическому состоянию. Мы оказались в ловушке вечной доступности и необходимости всегда быть на связи, что лишь подпитывает внутреннее беспокойство. Давление в виде ожидания сиюминутных ответов в мессенджерах и гнетущий страх что-то упустить (FOMO) делают нас более уязвимыми к стрессу, чем когда-либо прежде. Кроме того, испытываемая тревожность является важной чертой отличия зависимых от развлекающихся подростков. Заключается это в выборе тревожников

виртуального пространства для удовлетворения потребности в контроле. Тревожность и депрессивное расстройство проявляются параллельно зависимости от пребывания в виртуальном пространстве [4]. Повышенная тревожность также может приводить к агрессивному поведению. Причины агрессивного поведения в цифровой среде имеют комплексный характер. С одной стороны, сама архитектура онлайн пространства – анонимность, легкость тиражирования контента и всеобщая доступность – провоцирует деструктивные действия. Социальные платформы нередко становятся катализатором предрассудков и стереотипов, выливающихся в открытые конфликты, ненавистнические высказывания и персональные оскорбления. Кроме того, цифровая среда превращается в инструмент психологической разгрузки для людей, испытывающих стресс в реальной жизни, а также в средство манипуляции для достижения личных целей. С другой стороны, агрессия порождается нормативной неопределенностью цифрового пространства. Отсутствие устоявшихся правил коммуникации приводит к тому, что пользователи используют конфликтное поведение как способ адаптации к новой среде и установления собственных норм взаимодействия [5]. Следовательно, прогрессирующая цифровизация сопровождается ростом зависимого поведения, что ведет к ухудшению психического здоровья населения в целом.

Для дополнения к вышесказанному рассмотрим данные опроса ВЦИОМ, проведенного в марте 2025 года. Каждый пятый россиянин считает кибербуллинг одной из ключевых угроз для детей в интернете. Она встает в один ряд с мошенничеством, вовлечением в противозаконную деятельность и распространением непредназначенного для детей контента. Экспертное сообщество часто объединяет травлю в школе и в интернете в единую проблему. Однако кибербуллинг гораздо шире: он выходит за пределы школьной среды, превращаясь в массовую угрозу. Онлайн-травлей могут заниматься люди, находящиеся в разных городах и странах, а агрессоры могут принадлежать к разным поколениям. Из-за этого определить, кто именно занимается буллингом и откуда исходит угроза, крайне сложно. Кибербуллинг наносит более тяжелый удар по психике жертвы именно в силу своей тотальной и безадресной природы. Невозможность определить границы угрозы, понять ее источник и масштаб создает у жертвы ощущение полной незащищенности перед враждебным миром, что усугубляет травматический опыт по сравнению с травлей в ограниченном школьном пространстве. Образовательные институты, выступая ключевым агентом социализации, должны адаптировать свои программы к цифровым реалиям. Вместо узкотехнических навыков (например, форматирования текстов или таблиц) приоритетом должно стать формирование у поколения Z целостной цифровой грамотности – умения безопасно, критично и эффективно использовать ресурсы интернета и ориентироваться в цифровой среде [6]. Проведенный анализ позволяет констатировать, что цифровая мобильность порождает принципиально новые социальные механизмы формирования самооценки и тревожности, которые требуют пересмотра классических социологических подходов. В отличие от традиционных обществ, где самооценка формировалась через непосредственное взаимодействие в устойчивых социальных группах, цифровая среда создает условия для парадоксальной социализации: с одной стороны, она предоставляет беспрецедентные возможности для самопрезентации и конструирования идентичности, с другой – порождает хроническое состояние "сравнительной тревоги", обусловленное постоянной видимостью успехов других и давлением культуры перформативности. В условиях цифровизации важно найти баланс между сохранением традиционных норм и адаптацией к современным вызовам, чтобы обеспечить устойчивое развитие общества и благополучие его членов без нарастания межпоколенческой напряженности. Осознавая это, молодежь видит решение в развитии цифровой грамотности, а именно навыков критического мышления и понимания специфики онлайн-взаимодействий, что позволит им более осознанно выстраивать свою виртуальную идентичность.

Заключение

Таким образом, в условиях цифровой мобильности формирование самооценки и тревожности определяется комплексом новых социальных механизмов. Ключевым из них является **механизм постоянного социального сравнения** с идеализированными и искаженными образами в социальных сетях, что порождает «сравнительную тревогу» и хроническое чувство неполноценности. Другим значимым механизмом выступает **нормативная неопределенность цифровой среды**, которая провоцирует конфликтное и агрессивное поведение как способ адаптации и установления норм, усиливая общий фон тревожности. Наконец, **механизм цифровой зависимости**, подпитываемый страхом упустить что-либо (FOMO) и давлением постоянной онлайн-доступности, приводит к дестабилизации психического состояния. Эти механизмы в совокупности требуют развития целостной цифровой грамотности, позволяющей индивидам осознанно конструировать свою идентичность и противостоять негативным психологическим последствиям жизни в гибридной реальности.

Библиографический список

1. Шалин В. В., Ковров В. В., Самыгин С. И. Особенности социализации молодежи в эпоху цифровизации: интернет-аддикция и присущие ей девиации // Общество: социология, психология, педагогика. 2025. № 4. С. 54–59.
2. Шишов С. Е., Кальней В. А. Цифровая культура и ее влияние на развитие личности: исторический контекст и современные вызовы // Гуманизация образования. 2025 № 1. С. 103–128.
3. Джура Г. С., Иванченко В. Я. Особенности влияния цифровизации на психику личности молодого человека // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2024. Вып. 4. С. 543–555.
4. Диривянкина О. В., Иванченко К. А. Социально-педагогическая профилактика коммуникативных нарушений старшеклассников, подверженных виртуальной аддикции // Педагогический вестник. 2024. № 34. С. 22–24.
5. Волченкова А. А. Специфика социальной адаптации и склонности к отклоняющемуся поведению у подростков в условиях цифровизации // Российский девиантологический журнал. 2023. Т. 3. № 2. С. 144–154.
6. Даниленко А. Н., Рудакова О. А. Особенности развития личности подростка в условиях цифровой среды // Проблемы современного педагогического образования. 2021. № 70-2. С. 380–383.

УДК 316.347

НАЦИОНАЛЬНЫЙ СОСТАВ НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПЕРЕПИСЕЙ 1989, 2002, 2010 И 2021 ГОДОВ

NATIONAL COMPOSITION OF THE RUSSIAN POPULATION: COMPARATIVE ANALYSIS OF THE 1989, 2002, 2010, AND 2021 CENSUSES

Турушева Аделина Наилевна, студент 3 курса очной формы обучения, кафедры социологии работы с молодёжью, Высшей школы философии и социологии, ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий», Уфа, Россия. E-mail: adelina.turusheva@icloud.com

Научный руководитель: Шарипов Азамат Ражапович, кандидат философских наук, доцент кафедры социологии и работы с молодёжью, ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий», Уфа, Россия. E-mail: a.r.sharip@mail.ru

Turusheva Adelina Nailevna, 3rd year full-time student, Department of Sociology of Work with Youth, Higher School of Philosophy and Sociology, Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia. E-mail: adelina.turusheva@icloud.com

Scientific supervisor: Sharipov Azamat Razhapovich, Candidate of Philosophy, Associate Professor of the Department of Sociology and Youth Work, Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia. E-mail: a.r.sharip@mail.ru

Аннотация. На основе данных переписей 1989, 2002, 2010 и 2021 годов анализируются изменения национального состава населения России. Рассмотрены особенности учёта национальности и принцип самоопределения. Выявлены основные тенденции: сокращение численности славянских народов (особенно украинцев), рост народов Северного Кавказа (чеченцев), влияние миграции на увеличение армян и других групп, а также резкое увеличение числа лиц, не указавших национальность (с 5,7 до 16,6 млн). Сделан вывод, что переписи фиксируют не только демографические процессы, но и трансформацию этнической самоидентификации.

Ключевые слова: национальный состав населения, перепись населения, этническая структура, национальность, самоидентификация, миграция, ассимиляция, демографические процессы, народы России, этносоциальные процессы.

Abstract. Based on data from the 1989, 2002, 2010, and 2021 censuses, this article analyzes changes in the national composition of Russia's population. It examines how nationality is recorded and the principle of self-identification. The main trends identified include a decline in Slavic peoples (especially Ukrainians), growth of North Caucasian peoples (Chechens), the impact of migration on the increase of Armenians and other groups, and a sharp rise in the number of people who did not indicate their nationality (from 5.7 million to 16.6 million). The author concludes that modern censuses reflect not only demographic processes but also transformations in ethnic self-identification.

Keywords: national composition of the population, population census, ethnic structure, nationality, self-identification, migration, assimilation, demographic processes, peoples of Russia, ethnosocial processes.

Введение. Россия является одним из крупнейших многонациональных государств мира. На её территории проживают представители сотен народов, различающихся по языку, культуре, религии и традициям. Национальный состав населения играет важную роль в изучении демографических, социальных и культурных процессов, поскольку отражает изменения, происходящие в обществе под влиянием миграции, урбанизации, ассимиляции и трансформации самоидентификации.

Актуальность темы обусловлена тем, что за последние десятилетия национальная структура населения России заметно изменилась. Численность одних народов сокращается, других – увеличивается, а часть населения меняет свою национальную принадлежность или отказывается её указывать. Эти процессы оказывают влияние на межэтнические отношения, языковую ситуацию и государственную политику в сфере национальных отношений.

Особое значение для изучения национального состава населения имеют переписи населения. Они являются основным официальным источником информации о численности различных народов, их доле в населении страны и изменениях, происходящих в этнической структуре общества. Сравнение данных переписей разных лет позволяет выявить основные тенденции изменения национального состава населения России.

Цель исследования – проанализировать динамику национального состава населения России по данным переписей 1989, 2002, 2010 и 2021 годов.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи:

- рассмотреть особенности учета национальности в переписях населения;
- проанализировать изменения численности крупнейших народов России;
- выявить основные тенденции изменения национального состава населения;

- определить причины роста и сокращения численности отдельных народов;
- оценить влияние миграции, ассимиляции и самоидентификации на национальную структуру населения.

Методы. Исследование основано на сравнительном анализе официальных данных четырёх переписей населения (1989, 2002, 2010, 2021 гг.). Применялись методы демографической статистики: расчёт абсолютных и относительных изменений численности, темпов прироста/убыли, долевых соотношений. Для визуализации динамики использованы линейные графики. Анализ факторов (миграция, ассимиляция, самоидентификация) проводился с опорой на теоретические подходы этносоциологии.

Источниками исследования являются данные Всесоюзной переписи населения 1989 года, Всероссийских переписей населения 2002, 2010 и 2021 годов, а также официальные материалы Росстата, посвящённые национальному составу населения России.

В российской статистике понятие «национальность» используется для обозначения принадлежности человека к определённому народу или этнической группе. В отличие от международной практики, где национальность часто понимается как гражданство, в России под национальностью обычно подразумевается этническая принадлежность: русский, татарин, чеченец, башкир и т.д. Таким образом, категория национальности в переписи отражает не государственную принадлежность, а самоидентификацию человека по происхождению, языку, культуре и традициям.

Вопрос о национальности присутствовал во всех советских и российских переписях населения, однако его формулировка и подход к учету менялись. В переписи 1989 года использовался вопрос: «Ваша национальность?». Предполагалось, что человек указывает только одну национальность, которая воспринималась как относительно устойчивая характеристика. В переписях 2002, 2010 и 2021 годов формулировка вопроса в целом сохранилась, однако была усилена идея свободного самоопределения [1]. Человек мог самостоятельно назвать любую национальность, отказаться от ответа или указать локальную идентичность, например, помор, кряшен или сибирский татарин.

В современных переписях национальность не подтверждается документами и записывается исключительно со слов респондента. Это связано с принципом самоопределения, согласно которому только сам человек может определить свою этническую принадлежность. Такой подход позволяет учитывать субъективное восприятие человеком своей идентичности, однако одновременно усложняет статистический анализ.

Принцип самоопределения оказывает заметное влияние на результаты переписи. Один и тот же человек в разные годы может по-разному отвечать на вопрос о национальности [2]. Например, потомки смешанных браков могут в одной переписи назвать себя русскими, а в другой – украинцами, татарами или представителями сразу нескольких культур. Кроме того, часть населения вообще не считает национальность важной и предпочитает не отвечать на этот вопрос.

В результате перепись отражает не только объективное происхождение населения, но и изменения в общественном сознании, культурной идентичности и представлениях людей о собственной принадлежности.

Сравнение данных переписей показывает, что национальный состав населения России за последние десятилетия заметно изменился. Поскольку численность русских значительно превышает численность других народов России, динамика их численности представлена отдельно (рис.1). Это позволяет лучше увидеть как сокращение численности русских, так и изменения среди остальных крупнейших народов страны.

Рис. 1. Динамика численности русского населения России по данным переписей 1989, 2002, 2010 и 2021 годов

Наиболее многочисленным народом России на протяжении всего рассматриваемого периода остаются русские. Однако их численность постепенно сокращалась: с 119,9 млн человек в 1989 году [3] до 105,6 млн в 2021 году [4]. Общее снижение составило около 14,3 млн человек, или примерно 11,9%. При этом доля русских в населении страны снизилась с примерно 81–82% до около 72–73%, что свидетельствует не только о демографических изменениях, но и о трансформации структуры населения в целом.

Для остальных крупнейших народов России характерны иные тенденции: часть народов сокращает свою численность, тогда как другие, напротив, демонстрируют рост (рис. 2).

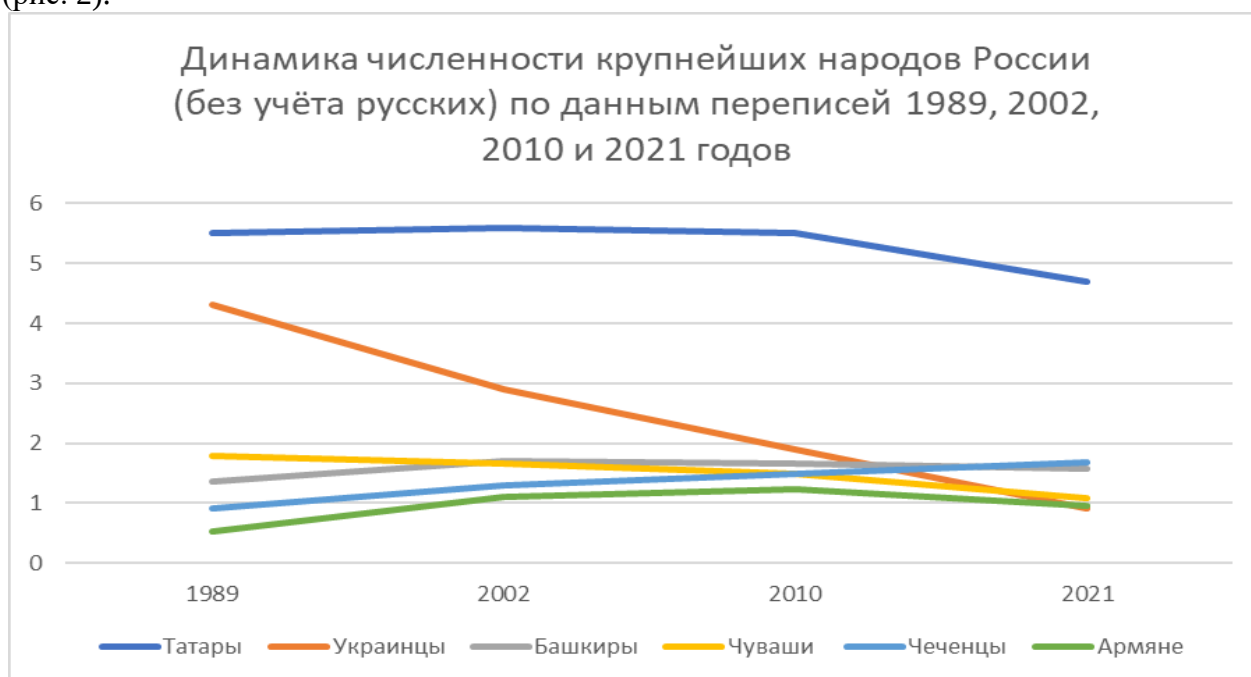

Рис. 2. Динамика численности крупнейших народов России (без учёта русских) по данным переписей 1989, 2002, 2010 и 2021 годов.

Численность татар долгое время оставалась относительно стабильной. В 1989 году в России проживало около 5,5 млн татар [3], в 2002 году – 5,6 млн [5], в 2010 году – 5,5 млн [6], а в 2021 году – около 4,7 млн человек [4]. Несмотря на сокращение в последней переписи, татары сохраняют статус крупнейшего национального меньшинства страны.

Одной из наиболее заметных тенденций стало сокращение численности украинцев. В 1989 году их насчитывалось более 4,3 млн человек [3], в 2002 году – около 2,9 млн [5], в 2010 году – около 1,9 млн [6], а в 2021 году – менее 900 тыс. человек [4]. За тридцать лет численность украинцев сократилась почти в пять раз. Основными причинами стали ассимиляция и изменение самоидентификации.

Численность башкир, напротив, увеличилась после распада СССР. В 1989 году башкирами себя называли около 1,35 млн человек [3], в 2002 году – 1,69 млн [5], в 2010 году – 1,65 млн [6]. В 2021 году численность башкир немного сократилась, но осталась на уровне около 1,57 млн человек [4].

Чуваши относятся к числу народов, численность которых постепенно сокращается. В 1989 году их было около 1,78 млн человек [3], в 2002 году – 1,65 млн [5], в 2010 году – 1,49 млн [6], а в 2021 году – около 1,07 млн человек [4]. Снижение связано с ассимиляцией, миграцией в города и переходом на русскую идентичность.

Численность чеченцев, напротив, значительно выросла: с примерно 900 тыс. человек в 1989 году [3] до около 1,67 млн в 2021 году [4]. Прирост составил около 85%, что является одним из самых высоких показателей среди крупных народов России. Это свидетельствует о сочетании высокого естественного прироста и устойчивости этнической идентичности.

Заметно увеличилась и численность армян. В 1989 году армян в России насчитывалось около 533 тыс. человек [3], в 2002 году – более 1,1 млн [5], в 2010 году – около 1,23 млн [6]. В 2021 году численность армян несколько сократилась и составила примерно 950 тыс. человек [4]. Рост в 1990–2000-е годы был связан прежде всего с миграцией из стран Закавказья.

Одной из главных тенденций последних десятилетий стало сокращение численности русских и других славянских народов. Число русских, украинцев и белорусов постепенно уменьшается, что связано с естественной убылью населения, старением, низкой рождаемостью и изменением самоидентификации. Особенно заметно сократилась численность украинцев: многие потомки смешанных семей и выходцев из Украины в современных переписях чаще относят себя к русским. Численность русских также снижается, хотя они продолжают оставаться крупнейшим народом страны.

Одновременно наблюдается рост численности народов Северного Кавказа. Чеченцы, аварцы, даргинцы, ингуши и некоторые другие народы увеличивают свою численность благодаря более высокой рождаемости и молодой возрастной структуре населения. Кроме того, представители этих народов чаще сохраняют устойчивую этническую идентичность и реже меняют национальность при переписи.

Серьёзное влияние на национальный состав оказывает миграция. После распада СССР в Россию активно переселялись армяне, азербайджанцы, таджики, узбеки и представители других народов бывших союзных республик. Это привело к росту численности отдельных этнических групп, особенно в крупных городах и экономически развитых регионах. Наиболее заметно выросла численность армян, а также народов Средней Азии и Закавказья [7].

Ещё одной важной тенденцией стал рост числа лиц, не указавших свою национальность. Если в 2010 году таких было около 5,7 млн человек, то по итогам переписи 2021 года – уже 16,6 млн человек [4]. Таким образом, рост составил почти в 3 раза (около +191%). Данная динамика позволяет говорить о качественном изменении отношения населения к этнической принадлежности. Увеличение числа неответов может рассматриваться как индикатор формирования более гибких, размытых или надэтнических форм идентичности.

Выводы. В результате проведённого исследования установлено, что изменения национального состава населения России в 1989–2021 гг. носят комплексный и неоднородный характер. Динамика численности различных народов определяется не только демографическими факторами, но и процессами миграции, ассимиляции и трансформации самоидентификации.

Наиболее значительные изменения связаны с сокращением численности славянских народов, прежде всего украинцев, демонстрирующих высокие темпы ассимиляции, а также с устойчивым ростом численности народов Северного Кавказа, что обусловлено более высокой рождаемостью и сохранением этнической идентичности. Одновременно усиливается влияние миграции, способствующей увеличению численности отдельных этнических групп.

Особое значение имеет резкий рост числа лиц, не указавших свою национальность, который следует рассматривать не только как статистическую особенность переписи, но и как проявление более глубоких социокультурных изменений. Данная тенденция свидетельствует о размывании традиционных форм этнической идентичности и распространении более гибких, индивидуализированных моделей самоопределения.

Таким образом, современная этническая структура населения России характеризуется усложнением, снижением однородности и усилением роли субъективного фактора в определении национальной принадлежности. Переписи населения в этих условиях фиксируют не только демографическую реальность, но и изменения в общественном сознании.

В перспективе можно ожидать дальнейшего роста числа лиц со смешанной или неопределённой идентичностью, а также усиления различий в демографической динамике между этническими группами. Это требует более гибких подходов к анализу этносоциальных процессов и учёта не только количественных, но и качественных изменений в структуре населения.

Библиографический список

1. Тишков В.А. Российский народ: история и смысл национального самосознания / В.А. Тишков; Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН. – М.: Наука, 2013. – 649 с. – ISBN 978-5-02-037562-8 (в пер.).
2. Тишков В.А. О переписывании народов, или деконструкция переписей населения // Этнографическое обозрение. 2023. № 4. С. 183–211. <https://doi.org/10.31857/S0869541523040085> EDN: HJKIZH
3. Национальный состав населения РСФСР: по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. / Гос. ком. РСФСР по статистике. – М.: Республиканский информационно-издательский центр, 1990. – [747 с.].
4. Итоги Всероссийской переписи населения 2020 года: Том 5. Национальный состав и владение языками / Рос. Федерация, Федер. служба гос. статистики. – URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom5_Nacionalnyj_sostav_i_vladenie_yazykami (дата обращения: 05.04.2026).
5. Федеральная служба государственной статистики. Национальный состав и владение языками, гражданство: итоги Всероссийской переписи населения 2002 года. – М.: ИИЦ «Статистика России», 2004. – 946 с. – (Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г.; т. 4, кн. 1).
6. Федеральная служба государственной статистики. Национальный состав населения: итоги Всероссийской переписи населения 2010 года. – URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения: 05.04.2026)
7. Вазиров Зафар Кабутович, Рязанцев Сергей Васильевич ТРАНСФОРМАЦИЯ ЭТНИЧЕСКОГО СОСТАВА НАСЕЛЕНИЯ В ЭТНОНАЦИОНАЛЬНЫХ РЕГИОНАХ РОССИИ // ДЕМИС. Демографические исследования / DEMIS. Demographic Research.

УДК 316

РОЛЬ НЕФОРМАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ РЕСУРСОВ В СОВРЕМЕННОЙ СИСТЕМЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ МОЛОДЕЖИ

THE ROLE OF INFORMAL EDUCATIONAL RESOURCES IN THE MODERN SYSTEM OF YOUTH PROFESSIONAL DEVELOPMENT

Усакова Валерия Владимировна, студент 4 курса направления 39.03.01 "Социология" кафедры социологии и работы с молодежью, ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий», Уфа, Россия, E-mail: v.usakova@bk.ru

Гайфуллин Андрей Юрьевич, кандидат социологических наук, заведующий кафедрой социологии и работы с молодежью, ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий», Уфа, Россия, E-mail: gayfullin_a@mail.ru

Usakova Valeria Vladimirovna, 4th year student of the Department of Sociology and Youth Work, Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia, E-mail: v.usakova@bk.ru

Gayfullin Andrey Yurievich, PhD in Sociology, Head of the Department of Sociology of Youth Work, Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia, E-mail: gayfullin_a@mail.ru

Аннотация: В статье анализируется возрастающая роль неформального образования в профессиональном становлении молодёжи в условиях неопределённости рынка труда. Раскрываются основные форматы (онлайн-курсы, тренажёры, сообщества), достоинства (гибкость, доступность, актуальность) и функции неформального образования (компенсаторная, адаптирующая, развивающая). Наряду с востребованностью отмечаются ключевые риски неформального образования в профессиональном становлении молодёжи

Abstract: The article analyzes the increasing role of non-formal education in the professional development of young people in the context of labor market uncertainty. The main formats (online courses, simulators, communities), advantages (flexibility, accessibility, relevance) and functions of non-formal education (compensatory, adaptive, developing) are revealed. Along with the demand, the key risks of non-formal education in the professional development of young people are noted.

Ключевые слова: неформальное образование, человеческий капитал, профессиональное становление молодёжи, рынок труда, онлайн-курсы, риски образования, компетенции

Keywords: non-formal education, human capital, youth professional development, labor market, online courses, educational risks, competencies

В современном мире значение образования как важнейшего фактора формирования нового качества экономики и общества увеличивается вместе с ростом влияния человеческого капитала (качества рабочей силы) на высококонкурентном рынке труда [1]. Профессиональное становление молодёжи всё реже представляет собой следование заданной схеме и всё чаще превращается в самостоятельное освоение профессии в ситуации высокой неопределённости [2; 3]. И хотя формальное образование продолжает выполнять функцию ориентира, ключевая роль в достижении целей всё больше переходит к неформальным ресурсам [4; 5].

Неформальное образование представляет собой процесс обучения, который происходит вне рамок обязательной государственной системы. Оно не ведёт к получению общепризнанного диплома или аттестата, однако позволяет приобретать новые знания, навыки и компетенции. Реализуется оно в самых разных форматах: на базе общественных

организаций, в клубах по интересам, на курсах и тренингах, а также в рамках индивидуальных занятий с наставником. Такая форма обучения доступна человеку на протяжении всей его жизни и ориентирована на удовлетворение конкретных образовательных потребностей [6; 7].

Это позволяет выделить целый ряд специфических характеристик неформального образования, востребованных в современном российском обществе:

- ориентация на конкретные образовательные запросы различных групп населения;
- особое внимание к образовательным потребностям конкретных категорий лиц (инвалидов, мигрантов, дезадаптантов);
- высокий уровень персональной активности обучающихся, отсутствие принудительного характера, основанность на собственной мотивации;
- внутренняя ответственность обучающихся за результат образовательной деятельности, высокий личностный смысл обучения;
- развитие качеств личности, обеспечивающих благоприятные предпосылки для достойной жизни, а также успешного участия в общественной и трудовой деятельности;
- развитие мобильности в быстро меняющихся условиях современного мира;
- гибкость в организации и методах обучения;
- организация отношений между участниками образовательного процесса на взаимном уважении, участии, демократической культуре [8; 9].

В современной образовательной парадигме ключевую роль играют цифровые ресурсы, обеспечивающие доступ к знаниям вне рамок формальных институтов.

1. Платформы массовых открытых онлайн-курсов (MOOC). Являются наиболее структурированным сегментом, предоставляющим доступ к комплексным образовательным программам. Данные платформы реализуют полный цикл обучения: от теоретических лекций до практических заданий и итоговой аттестации с выдачей сертификата. К данной категории относятся коммерческие образовательные экосистемы (например, Skillbox, GeekBrains) [10].

2. Образовательные медиа и видеохостинги. Представляют собой менее формализованный, но массовый канал получения информации. Их специфика заключается в использовании формата «обучения через развлечение» (edutainment). Отдельно следует выделить нишевые видеохостинги, специализирующиеся на конкретной предметной области.

3. Интерактивные тренажёры и симуляторы. Данная категория ресурсов ориентирована на формирование и отработку прикладных навыков через практическую деятельность. В качестве примеров можно привести платформы для изучения программирования (Codecademy, Codewars) и иностранных языков (Duolingo).

4. Профессиональные сообщества и клубы. Эти ресурсы функционируют по принципу «сообщества практиков», где образовательный процесс реализуется через горизонтальное взаимодействие, обмен опытом и взаимопомощь. В цифровом пространстве они существуют в форме тематических каналов в социальных сетях, серверов в мессенджерах (например, Discord) и профессиональных форумов.

5. Краудсорсинговые базы знаний. К данной категории относятся энциклопедические ресурсы и базы данных, создаваемые и поддерживаемые усилиями профессиональных сообществ или добровольцев. Они служат источником справочной информации и консолидированным хранилищем знаний по широкому спектру дисциплин.

Ключевым достоинством неформального образования является высокая гибкость образовательных форматов. Это выражается в многообразии доступных форм обучения: краткосрочные курсы, тренинги, мастер-классы, видеоуроки, а также методы «обучения действием», наставничество и групповая работа. Существенным преимуществом выступает возможность интеграции очного взаимодействия с дистанционными технологиями, включая современные LMS-системы. К сильным сторонам данной модели также относятся:

- 1) высокая информативность и актуальность (содержание программ оперативно обновляется в соответствии с требованиями рынка труда);

- 2) динамичность (обеспечивается быстрая адаптация учебных планов под новые тренды);
- 3) доступность (отсутствие барьеров для различных возрастных и профессиональных категорий слушателей).

Основным системным недостатком является отсутствие стандартизированных процедур контроля качества. Это порождает ряд проблем: отсутствие общепризнанных механизмов оценки знаний, а также валидизированных документов (сертификатов, дипломов), подтверждающих освоение компетенций, что затрудняет их официальное признание. Кроме того, на рынке образовательных услуг наблюдается активность новых провайдеров, чья деятельность не всегда гарантирует соответствие заявленной стоимости и качества предоставляемых услуг. Тем не менее, благодаря механизмам общественной оценки и обратной связи, уровень прозрачности поставщиков образовательных услуг постепенно повышается [11].

Анализ целевых ориентаций неформального образования у студентов показывает, что неформальное образование носит преимущественно прагматический и профессионально-ориентированный характер. Ведущей целью для подавляющего большинства опрошенных (86%) является расширение профессиональных знаний. Данная установка детерминирована динамикой современного рынка труда, где выполнение должностных обязанностей часто сопряжено с необходимостью принятия нестандартных решений, что мотивирует специалистов к самостоятельному поиску информации и освоению новых инструментов. В качестве сопутствующих целей респонденты отмечают: компенсацию дефицита знаний (55% опрошенных), повышение конкурентоспособности на рынке труда (42%) и профессиональное развитие внутри своей сферы (42%). В отличие от профессиональных задач, расширение общего кругозора выступает в качестве цели лишь для трети (около 33%) респондентов, что свидетельствует о его второстепенной значимости в структуре мотивации к получению неформального образования [12].

Наряду с признанными достоинствами, неформальное образование сопряжено с рядом системных рисков и ограничений, способных оказать негативное влияние как на личность обучающегося, так и на эффективность образовательной системы в целом. Эксперты выделяют следующие ключевые группы рисков.

1. Риски, связанные с качеством содержания и кадровым обеспечением. Отсутствие единых стандартов допускает на рынок образовательных услуг провайдеров и наставников с недостаточным уровнем квалификации. Это приводит к снижению качества передаваемых знаний и формированию у обучающихся недостоверных или фрагментарных представлений о предметной области.

2. Психолого-педагогические риски. В ряде случаев, особенно в рамках интенсивных тренингов личностного роста, могут возникать деструктивные психологические последствия. К ним относятся конфликты в социальной и семейной среде, социальная дезадаптация, а также нарушения психоэмоционального состояния, вплоть до нервных срывов и депрессивных расстройств.

3. Риски непризнания результатов обучения. Проблема заключается в низкой степени валидации полученных компетенций на официальном уровне. Существующая система независимой оценки квалификаций часто носит формальный, нормативно-ориентированный характер, слабо синхронизирована с реальными запросами рынка труда и не обеспечивает эффективного признания результатов неформального обучения.

4. Аксиологические риски. Использование зарубежных образовательных платформ и контента создаёт угрозу имплантации чужеродных культурных кодов и ценностей, что может вступать в противоречие с национальными традициями и социокультурными установками.

5. Риски интеграции с формальной системой. Попытки интеграции формального и неформального образования без должного методологического обоснования несут в себе риск снижения общего качества образования из-за нарушения системности и логической целостности учебного процесса [13].

Заключение

В условиях динамично меняющегося рынка труда неформальное образование трансформируется из вспомогательного инструмента в важный механизм профессиональной адаптации и непрерывного развития личности [14; 15]. Оптимальная траектория развития предполагает не замену, а стратегическую интеграцию формальных и неформальных подходов [16]. Это требует создания надёжной системы независимой оценки квалификаций, синхронизированной с запросами рынка труда, и выработки механизмов для минимизации сопутствующих рисков.

Библиографический список

1. Гайфуллин А. Ю. Молодежь и молодежная политика в Республике Башкортостан: Монография. Уфа: Уфимский университет науки и технологий, 2023. 162 с.
2. Гайфуллин А. Ю. Профессиональные и карьерные ориентиры молодежи Республики Башкортостан: монография. Уф: Уфимский университет науки и технологий, 2025. 174 с.
3. Гайфуллин А. Ю. Профессиональные ориентиры и карьерные установки современной учащейся молодежи: социологический анализ // Уфимский гуманитарный научный форум. 2021. № 3(7). С. 140-150. DOI 10.47309/2713-2358_2021_3_140.
4. Гайфуллин А.Ю. Развитие социологического образования в Республике Башкортостан: опыт Уфимского университета науки и технологий // Уфимский гуманитарный научный форум. 2025. №.3 (23). С.154-170. DOI 10.47309/2713-2358-2023-3-154-170
5. Гайфуллин А. Ю., Усманова А. И. Онлайн-образование: преимущества и недостатки / Поколения у и z в постпандемийной реальности: идентификации, ориентации, поведение: Сборник статей Всероссийской научно-практической конференции, Уфа, 24–26 ноября 2021 года. – Уфа: Башкирский государственный университет, 2022. – С. 45-50.
6. Гайфуллин А. Ю. Актуальные проблемы современной молодежи. Уфа: УУНиТ, 2024. 174 с.
7. Гайфуллин А. Ю. Профессиональные предпочтения молодежи на региональном рынке труда / Проблемы функционирования и развития территориальных социально-экономических систем, Уфа, 15 октября – 15 2013 года / Институт социально-экономических исследований УНЦ РАН; Ответственный редактор: Гайнанов Д.А.. Уфа: Институт социально-экономических исследований УНЦ РАН, 2013. С. 217-220.
8. Гайфуллин А. Ю. Социологический анализ ценностных ориентиров современной студенческой молодежи // Уфимский гуманитарный научный форум. 2023. № 3(15). С. 221-232. DOI 10.47309/2713-2358-2023-3-221-232.
9. Гайфуллин А. Ю. Социальный портрет и ожидания выпускников вузов Республики Башкортостан на современном рынке труда: социологический анализ // Уфимский гуманитарный научный форум. 2024. № 4(20). С. 315-328. DOI 10.47309/2713-2358-2024-4-315-328.
10. Ли Ч., Хангельдиева И. Г. Видеохостинг как востребованное инновационное средство обучения в условиях мировой цифровизации образования // Вестник Московского университета. Серия 20: Педагогическое образование. 2022. Т. 20, № 1. С. 100-114. DOI 10.51314/2073-2635-2022-1-100-114.
11. Кичерова М. Н., Муслимова Е. О. Неформальное образование на современном этапе: экспертное мнение // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2020. Том 6. № 1 (21). С. 64-85. DOI: 10.21684/2411-7897-2020-6-1-64-8
12. Прохорова М.П., Булганина А.Е., Поздышева Ю.В. Особенности неформального образования студентов вуза // Проблемы современного педагогического образования. 2023. №81-2. С.501-503.
13. Кичерова М. Н. Дисфункции образовательной экосистемы: риски неформального образования в оценках экспертов // Вестник Томского государственного университета.

Философия. Социология. Политология. 2024. № 81. С. 188-202.

14. Гайфуллин А.Ю. Профессиональные ориентиры сельской молодежи: социологический анализ // Уфимский гуманитарный научный форум. 2024. № 3 (19). С. 174-187.
15. Гайфуллин А. Ю. Удовлетворенность условиями труда и причины смены работы молодежью Республики Башкортостан: социологический анализ // Уфимский гуманитарный научный форум. 2025. № 4(24). С. 284-292. DOI 10.47309/2713-2358-2025-4-284-292.
16. Гайфуллин А.Ю. Приоритеты социальной политики Республики Башкортостан в отношении молодежи // Уфимский гуманитарный научный форум. 2021. № 4 (8). С. 111-120.

УДК 343.985:159.9

**ВЛИЯНИЕ ЦИФРОВИЗАЦИИ НА МОШЕННИЧЕСКИЕ ПРАКТИКИ:
СОЦИАЛЬНЫЕ И ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ
THE IMPACT OF DIGITALIZATION ON FRAUDULENT PRACTICES: SOCIAL
AND TECHNOLOGICAL ASPECTS**

Фаизова Ляйсан Ринатовна, магистрант кафедры социологии и работы с молодежью, направление 39.04.01 "Социология" ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий», Уфа, Россия, E-mail: laisan.2002@mail.ru

Гайфуллин Андрей Юрьевич, кандидат социологических наук, заведующий кафедрой социологии работы с молодежью, ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий», Уфа, Россия, E-mail: gayfullin_a@mail.ru

Fayzova Laysan Rinatovna, Master's student of the Department of Sociology and Youth Work, department 39.04.01 "Sociology" Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia, E-mail: laisan.2002@mail.ru

Gayfullin Andrey, PhD in Sociology, Head of the Department of Sociology of Youth Work, Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia, E-mail: gayfullin_a@mail.ru

Аннотация: Статья посвящена исследованию влияния цифровизации на мошеннические практики, рассматривая как социальные, так и технологические аспекты этой проблемы. Рассматривается трансформация природы мошенничества в условиях перехода к удалённым формам взаимодействия, автоматизации финансовых процессов и массового распространения цифровых сервисов. Анализируются социальные вызовы, связанные с обработкой больших данных, уязвимостью биометрической идентификации и миграцией мошеннических схем в менее защищённые сферы.

Abstract: The article is devoted to the study of the impact of digitalization on fraudulent practices, considering both the social and technological aspects of this problem. The article considers the transformation of the nature of fraud in the context of the transition to remote forms of interaction, automation of financial processes and mass distribution of digital services. The social challenges associated with big data processing, the vulnerability of biometric identification, and the migration of fraudulent schemes to less secure areas are analyzed.

Ключевые слова: цифровизация, социальные последствия цифровизации, мошенничество, цифровая грамотность, цифровая безопасность

Keywords: digitalization, social consequences of digitalization, fraud, digital literacy, digital security

В условиях стремительной цифровизации общества мошеннические практики приобретают новые формы и масштабы, что требует комплексного анализа как технологических,

так и социальных аспектов этой проблемы [1]. Переход к удалённым формам взаимодействия, автоматизация финансовых и социальных процессов, а также массовое распространение цифровых сервисов существенно расширили возможности для совершения противоправных действий. Если раньше мошенничество во многом опиралось на личное доверие и непосредственный контакт, то сегодня ключевую роль играют данные, алгоритмы и цифровые следы пользователей [2].

Трансформация мошеннических практик в условиях цифровизации приведена в табл. 1.

Таблица 1

Трансформация мошеннических практик в условиях цифровизации

Характеристика	Традиционные практики	Цифровые практики
Основной ресурс	Личное доверие, контакт	Данные, цифровые следы, алгоритмы
Метод воздействия	Психологическое давление при встрече	Телефонные легенды, фипинг, дипфейки
Объект атаки	Конкретный человек, материальные ценности	Цифровые аккаунты, данные, финансы
География	Ограничена местом проживания	Глобальна, трансгранична
Сложность	Относительно низкая (социальная инженерия)	Высокая (технологические инструменты)

Особую значимость приобретает тот факт, что современные средства защиты всё чаще становятся не только техническими инструментами, но и механизмами, влияющими на общественные процессы, модели поведения и уровень доверия в цифровой среде [3]. Возникают новые вызовы, связанные с обработкой больших массивов данных, использованием искусственного интеллекта для выявления аномалий, а также с уязвимостью биометрических и других способов идентификации перед лицом развития технологий имитации и подделки. В то же время наблюдается разрыв между уровнем цифровой грамотности различных групп населения, что усиливает социальную напряжённость и делает часть пользователей особенно уязвимыми [4]. Всё это определяет высокую актуальность исследования влияния цифровизации на мошеннические практики с учётом их социальных и технологических измерений.

Цифровизация общества и сопутствующий рост мошеннических практик приводят к ряду значимых социальных последствий, затрагивающих как отдельных индивидов, так и общество в целом (таблица 2).

Таблица 2

Социальные последствия цифровизации и мошенничества

Последствие	Описание	Влияние на общество и индивида
Трансформация доверия	Переход от институционального доверия к доверию к интерфейсам и алгоритмам.	Размывание границ подлинного и поддельного, уязвимость социального капитала.
Цифровое неравенство	Разрыв в уровне цифровой грамотности и доступе к средствам защиты.	Рост уязвимости отдельных групп, социальная напряжённость.
Изменение моделей поведения	Миграция мошеннических схем в менее защищённые сферы.	Необходимость постоянного обновления методов защиты и обучения.
Психологическое давление	Использование социальной инженерии, фипинга, легенд.	Человек остаётся самым слабым звеном в системе безопасности

В социологической перспективе мошенническое поведение часто интерпретируется через призму теории рационального выбора, однако такое объяснение не является исчерпывающим. Индивид, склонный к совершению противоправных действий, осуществляет оценку потенциальных рисков и выгод, сопоставляя вероятность разоблачения с ожидаемой прибылью. При этом его решения принимаются в условиях дефицита информации и высокой степени неопределённости [5]. Современные технологические механизмы, внедряемые в процессы контроля и мониторинга, существенно трансформируют структуру этого расчёта, увеличивая вероятность выявления и пресекая возможность реализации схем. Ключевые вызовы и направления противодействия мошенничеству приведены в таблице 3.

Таблица 3

Ключевые вызовы и направления противодействия мошенничеству

Вызов, проблема	Описание	Предлагаемые решения
Непрозрачность алгоритмов	Решения принимаются сложными моделями, механизм которых неясен пользователю.	Развитие объяснимого искусственного интеллекта (XAI), повышение прозрачности.
Глобализация угроз	Мошенничество выходит за рамки одного государства, правовое поле фрагментировано.	Международная координация, гармонизация законодательства.
Уязвимость малого бизнеса и граждан	Неравный доступ к сложным системам защиты.	Государственная поддержка, развитие доступных инструментов безопасности.
Человеческий фактор	Недостаточная цифровая грамотность, доверие к подделкам.	Образовательные инициативы, развитие критического мышления.

Однако воздействие технологических средств контроля редко носит линейный характер. Усиление надзора и внедрение новых инструментов защиты в одном сегменте зачастую приводит не к исчезновению мошеннических практик, а к их миграции в менее защищённые сферы. Таким образом, наблюдается эффект смещения активности, а не её полного устранения, что требует комплексного и гибкого подхода к построению систем противодействия мошенничеству [6].

На практике опора лишь на один канал подтверждения личности превращается в слабое звено системы. Снизить риск помогает сочетание нескольких способов проверки, правда такой подход утяжеляет процедуру для человека и заставляет заново очертить границы допустимого уровня контроля. Уязвимость особенно заметна на фоне долгого образа биометрической проверки как более надёжной замены паролям и кодовым комбинациям. Доверие понятно, у каждого человека свой неповторимый набор физиологических признаков, и воспроизвести его трудно. Технологическая среда меняется. Инструменты для создания синтетических изображений и имитации голоса постепенно ослабляют прежнее преимущество. Дипфейки уже используются в мошеннических схемах, а качество подобных подделок растёт.

Качество работы аналитических комплексов напрямую зависит от структуры и репрезентативности исходных данных. При обработке крупных массивов сведений результатом оказывается не только фиксация происходящего, но и заблаговременное предсказание его хода. На такой основе технические комплексы переходят к упреждающему режиму и вычисляют численные ориентиры вероятности опасности, опираясь на совокупность разнородных признаков – от денежных транзакций до поведенческих маркеров. По мере роста прогностической силы усиливается и обратная сторона процесса, ясность снижается, потому что итоговые решения строятся на сложных моделях, а внутренний

механизм далеко не всегда поддается толкованию. Отдельный человек в итоге оказывается в положении, где его поступки соотносятся с критериями, не поддающимися восстановлению с его стороны, из-за чего расстояние между ним и организованными структурами цифровой среды возрастает.

В современных условиях ключевым фактором устойчивости к мошенническим угрозам становится уровень цифровой грамотности пользователей. Это связано с тем, что фокус противоправных практик всё больше смещается с чисто технологических приёмов на методы психологического воздействия. К числу таких методов относятся телефонные легенды, фишинговые рассылки и создание поддельных интерфейсных форм. Человеческий фактор остаётся наиболее уязвимым звеном в системе защиты: даже при постоянном усложнении технических средств обеспечения безопасности угроза не исчезает, а трансформируется, приобретая новые формы. Вследствие этого меняются и поведенческие модели, используемые злоумышленниками.

В сетевой среде трансформируется сама природа доверия. Если в традиционных социальных коммуникациях доверие формировалось на основе длительных межличностных связей и поддерживалось социальными институтами, то в цифровом пространстве его гарантом всё чаще выступают интерфейсные решения и алгоритмические механизмы. Для пользователя основными критериями достоверности становятся внешние атрибуты: дизайн веб-ресурса, стилистика сообщений, графические маркеры «официальности». Подобные признаки могут быть воспроизведены злоумышленниками с высокой степенью точности, что приводит к размыванию границы между подлинным и имитированным. В результате доверие превращается в крайне уязвимый компонент социального капитала. Технические индикаторы защищённости лишь частично снижают риски, поскольку представители различных пользовательских групп по-разному интерпретируют эти сигналы, и их однозначная трактовка не всегда возможна.

Само по себе наличие технических средств защиты не устраняет уязвимость при отсутствии критической дистанции к поступающим сведениям. Подобная картина особенно заметна там, где цифровая среда осваивается неравномерно, часть пользователей довольно быстро приспосабливается и выстраивает собственные способы ориентирования в онлайн-пространстве, тогда как другие ограничиваются лишь поверхностным представлением о сервисах и принципах работы сервисов. Из подобного расхождения складываются разные представления о рисках и неодинаковый выбор поведенческих моделей. Когда же возможности технологий начинают восприниматься как безусловная гарантия безопасности, внимание ослабевает, а обманные схемы получают более широкое поле для реализации.

Единого образца реакции на наращивание контроля не существует, для одних пользователей сверхбазовые процедуры верификации выглядят оправданной и необходимой мерой, тогда как у других они вызывают раздражение и ощущение роста операционной сложности при контакте с системой. Подобное расхождение в оценке задает дальнейшее поведение, часть людей придерживается установленного порядка действий, а часть стремится сократить его, отключая расширенные защитные барьеры или переходя к более простым настройкам. Подобные средства, предназначенные для поддержания защищенности, иногда сами подталкивают к обходу; из-за такого сценария снижается результативность защитных мер, а в системе возникают новые слабые места.

Когда контуры надзора расширяются, на первый план выходит приватность, усиленное наблюдение нередко встречает сопротивление, особенно в связи с обработкой персональных данных. Итог зависит не только от набора технических средств, но и от глубины встроенности инструментов в единую схему совместной работы. Обособленное использование инструментов ограничивает отдачу. Иная картина возникает, когда государственные органы, финансовые организации и ИТ-сектор действуют согласованно, подобная связка помогает находить и устранять уязвимые места, незамеченные при разрозненном подходе.

Внутри данной системы технологии распределенных реестров образуют еще один организационный уровень. Через блокчейн внесенные сведения сохраняются в неизменном виде, поэтому вмешательство в транзакции оказывается сильно затрудненным, а операции – более открытыми для проверки. Одновременно сам принцип децентрализации сужает пространство для управления из одного центра. Итак, складывается двойственный эффект, часть угроз ослабевает, тогда как параллельно возникают новые, среди них – угрозы, связанные с использованием анонимных средств для обхода нормативного регулирования.

Одновременно в электронных сервисах все шире применяется аналитика пользовательского поведения, она собирает едва заметные следы взаимодействия человека с интерфейсом. В перечень признаков входят темп набора текста, траектория перемещения курсора и порядок выполняемых действий – из перечисленных признаков складывается массив сведений. Благодаря этому удается распознавать отклонения даже при штатном подтверждении доступа. Усиливается и ощущение непрерывного контроля, человек нередко не представляет, насколько подробно его активность сохраняется в системе, а подобная детализация меняет восприятие онлайн-среды.

Передача вынесения решений программно-алгоритмическим системам неизбежно усложняет саму процедуру. Когда надзор со стороны оператора утрачивает прежнее значение, число ошибок, связанных с личной оценкой, действительно снижается; вместе с тем возрастает опора на модели, внутренние правила которых нередко скрыты от внешнего наблюдателя. При неверном выводе со стороны такой системы механизм пересмотра обычно остается весьма ограниченным. Отсюда возникает особый разрыв в возможностях, он связан не столько с наличием технологий, сколько со способностью разобраться в принципах функционирования систем.

Масштаб цифровых противоправных действий все заметнее выходит за рамки одного государства. Когда задействована распределенная по разным узлам инфраструктура, лица, совершающие подобные деяния, получают возможность работать сразу в нескольких странах, а правовое поле распадается на несогласованные части. Отсюда возникает запрос на координацию между государствами, но выработка общих решений мешают несовпадение нормативных режимов и политически обусловленные барьеры.

Разница в доступе к средствам защиты сама по себе усиливает общую напряженность. Крупные компании располагают ресурсами, позволяющими разворачивать комплексные системы наблюдения и контроля, тогда как малым организациям и отдельным пользователям подобные возможности заметно ограничены, из-за чего уязвимость у них выше. По этой причине зона опасности смещается в сегменты со слабым защитным уровнем, а нагрузка распределяется неравномерно. Иными словами, развитие технологий не ликвидирует проблему; оно лишь меняет места и социальные группы, где проявление заметнее.

Усложнение механизмов защиты не приносит им безусловного превосходства. Стоит появиться очередному технологическому решению, как параллельно возникают практики его нейтрализации либо обхода. Отсюда вывод прост, ставка только на инженерные средства ограничена. На итог здесь влияют не одни алгоритмические схемы, но и поведение людей, уровень доверия к институтам и прочные культурные представления.

В сфере противодействия заранее распознаваемым моделям действий инструменты на основе технической обработки и автоматизированной защиты дают заметный результат. Но когда обманные способы, нацеленные на получение неправомерной выгоды, непрерывно меняют форму и приспосабливаются, их действенность заметно падает. Долговременный и надежно сохраняющийся итог достигается лишь при дополнении технических решений образовательными инициативами и институциональной поддержкой. При исключении из рассмотрения совокупности поведенческих и общественных факторов даже самые совершенные системы все равно сохраняют частичную уязвимость.

Таким образом, цифровизация коренным образом изменила характер мошеннических практик, расширив их масштаб и усложнив методы реализации. Технологические инновации

не только создают новые инструменты для защиты, но и формируют новые вызовы, связанные с обработкой данных, уязвимостью биометрии и непрозрачностью алгоритмов. Долговременный эффект в борьбе с мошенничеством достижим лишь при интеграции технических решений с образовательными инициативами и развитием цифровой культуры. Только комплексный подход, учитывающий как технологические, так и социальные аспекты, способен обеспечить устойчивость к новым угрозам и минимизировать риски в условиях стремительной цифровизации всех сфер жизни.

Библиографический список

1. Гайфуллин А. Ю. Актуальные проблемы современной молодежи. Уфа: УУНиТ, 2024. 174 с.
2. Гайфуллин А.Ю. Социальные трансформации в условиях развития цифровой экономики // Уфимский гуманитарный научный форум. 2020. № 2 (2). С. 115-120.
3. Семенова Л. Г., Гайфуллин А. Ю. Информационная открытость власти как один из факторов социальной безопасности территории // Инновационные технологии управления социально-экономическим развитием регионов России: Материалы V Всероссийской научно-практической конференции с международным участием: в 3-х частях, Уфа, 24–25 мая 2012 года / Ответственный редактор Гайнанов Д.А. Том Часть 3. Уфа: Институт социально-экономических исследований УНЦ РАН, 2012. С. 167-171.
4. Гайфуллин А. Ю. Социальные технологии управления обществом: проблемы и перспективы / Проблемы функционирования и развития территориальных социально-экономических систем: сборник статей II Всероссийской научно-практической интернет-конференции: в 3 томах, Уфа, 15 октября – 15 2008 года. Том III. Уфа: Институт социально-экономических исследований УНЦ РАН, 2008. С. 52-56.
5. Кунакбаева Л. Р., Гайфуллин А. Ю. Цифровые технологии в государственном и муниципальном управлении / Молодежный научный форум "Уфимский гуманитарный научный форум": Сборник статей: к 70-летию Дегтярева Александра Николаевича, Уфа, 08 апреля – 30 2022 года. Уфа: Институт стратегических исследований Республики Башкортостан, 2022. С. 195-199.
6. Графова Ю.М. Виктимологический феномен мошенничества с использованием цифровых технологий социальной инженерии// Виктимология. 2025. №4. Т. 12, №4. С. 601–610. DOI: 10.47475/2411-0590-2025-12-4-601-610.

УДК 316.1

ПРОБЛЕМА ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ. ФАКТОРЫ ТРАНСФОРМАЦИИ

THE PROBLEM OF ETHNIC IDENTITY IN MODERN RUSSIA. FACTORS OF TRANSFORMATION

Файзуллин Эмиль Инирович

Научный руководитель:

Шарипов Азамат Ражапович

Уфимский университет науки и технологии, г. Уфа

Аннотация. В статье анализируются основные факторы, влияющие на трансформацию этнической идентичности в современной России. Рассматриваются такие процессы, как урбанизация, межэтнические браки, миграция и государственная политика в области национального самоопределения. Этническая идентичность россиян сегодня не является фиксированной характеристикой, а представляет собой ситуативно обусловленную структуру

(подвижную). Особое внимание уделяется противоречию между реальным самовосприятием граждан и формальной фиксацией национальности в паспорте.

Ключевые слова: этническая идентичность, Россия, трансформация идентичности, межэтнические браки, урбанизация, миграция, паспортная национальность, этносоциология.

Проблема этнической идентичности в России имеет давнюю историю, но в последние десятилетия она приобрела новые очертания. Распад СССР, рост миграции, урбанизация и глобализация поставили перед миллионами россиян непростой вопрос: «Кто я по национальности» и «Что вообще значит национальность сегодня?».

В отличие от советского периода, когда этничность жестко фиксировалась в паспорте и во многом определяла жизненные траектории человека (например поступление в вуз, место будущей работы, брак), современная ситуация гораздо более размыта.

Цель статьи – выявить основные факторы, которые трансформируют этническую идентичность россиян, и показать, почему эта проблема становится предметом этносоциологического анализа. По данным различных исследований, доля межэтнических браков в России колеблется от 15 до 25% в зависимости от региона. В крупных городах этот показатель выше. Дети из таких браков часто сталкиваются с необходимостью выбора – или с невозможностью сделать однозначный выбор.

Этносоциолог В.А. Тишков ввел понятие «разделенная лояльность». Разделенная лояльность – это когда человек одновременно принадлежит к двум этническим группам, но ни к одной полностью. Например, человек с русским отцом и матерью татаркой может в разных ситуациях называть себя русским, татаринном или наполовину тем и другим. Это не маргинальность, а новая норма для нынешнего многонационального общества. Переезд из села в город, особенно в мегаполисы, такие как Москва, Санкт-Петербург, Казань, Екатеринбург, существенно меняют этническое самосознание. В городе человек погружается в многонациональную среду, где его этническая принадлежность перестает быть очевидной для окружающих.

С одной стороны, это может приводить к ослаблению этнической идентичности – из-за этого человек, в первую очередь, становится «горожанином». С другой стороны, именно в городе возникает феномен этнической мобилизации. Мигранты и их дети объединяются в землячества, национальные общины, открывают этнические кафе и магазины, чтобы сохранить связь с корнями. Город не уничтожает этничность, а превращает ее в осознанный выбор.

Рост трудовой миграции в Россию из стран Средней Азии и Закавказья привел к тому, что тема этнической идентичности стала более острой. Для принимающего населения, прежде всего русского, вопрос «Кто мы?» часто получает ответ через отрицание. «Мы – не они». Это укрепляет этнические границы, иногда в агрессивных формах. Для самих мигрантов пребывание в России, наоборот, может укреплять их собственную этническую идентичность.

Как показывают этносоциологические исследования, узбек или таджик в Москве начинает сильнее осознавать и подчеркивать свою национальность, чем у себя на родине, где она была для него фоном. Россия остается одной из немногих стран постсоветского пространства, где в паспорте сохраняется запись о национальности, так называемый пятый пункт. Хотя сейчас гражданин может указать любую национальность по желанию родителей или по самоопределению, сама по себе эта графа создает проблему. Она фиксирует идентичность как нечто неизменное, хотя реальное самовосприятие человека может меняться в течение жизни. Кроме того, наличие этой графы создает почву для дискриминации – работодатель или чиновник может принять решение на основе записи в паспорте.

Этносоциологи все чаще говорят о том, что отказ от обязательной фиксации национальности в документах, как это сделано во многих странах Европы и Америки, мог бы снизить напряженность и дать людям больше свободы самоопределения. Чем больше людей

вступают в смешанные браки, переезжают, теряют язык и традиции, тем громче звучат призывы вернуться к корням, изучить родной язык, соблюдать обычаи – всё это парадокс современной этнической идентичности. В одних ситуациях люди используют свою национальность для получения преимуществ, к примеру квота при поступлении, доступ к этническому бизнесу, в других – скрывают ее, чтобы избежать предрассудков. Человек может считаться по документам русским, но чувствовать себя татарин, или наоборот. Особенно это характерно для потомков смешанных браков.

Этносоциологический подход показывает, что этническая идентичность сегодня – это не фиксированная сущность, а подвижный или же ситуативный конструкт. Проблема этнической идентичности в России – это повседневная реальность миллионов людей, которые не могут или не хотят давать однозначный ответ на вопрос о своей национальной принадлежности. Она зависит от места жительства, окружения, возраста, семейной истории и даже политической конъюнктуры. Попытки жестко зафиксировать этническую идентичность через паспорт, перепись, обязательное указание национальности в анкетах вступают в противоречие с реальным опытом людей, живущих в многонациональном, урбанизированном и глобализованном обществе. Будущее за более гибкими подходами, признающими право человека на множественную, смешанную или ситуативную идентичность.

Библиографический список

1. Тишков В.А. Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии. – М.: Наука, 2003. – 354 с. URL: <http://www.valerytishkov.ru/engine/documents/document2772.pdf>
2. Губогло М.Н. Идентичность и идентификации: опыт этносоциологического анализа. – М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 2012. – 675 с. URL: https://archive.org/details/unknown0000unse_s2l3/page/n775/mode/2up
3. Дробижева Л.М. Этническая идентичность в постсоветской России: факторы трансформации // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2017. – № 2. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dinamika-grazhdanskoy-identichnosti-i-ee-resurs-v-pozitivnyh-integratsionnyh-protsessah-rossiyskogo-obschestva>
4. Малахова В.В. Национально-культурная автономия в большом городе: этносоциологический анализ // Этнографическое обозрение. – 2021. – № 3. – С. 89. URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_011110639/
5. ВЦИОМ. Этническая идентичность россиян: динамика и основные тренды [Электронный ресурс]. URL: <https://wciom.ru/presentation/prezentacii/identichnost-rossijan>

УДК 331.104

ВЛИЯНИЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ НА МОТИВАЦИОННЫЙ ПРОФИЛЬ МОЛОДЫХ РАБОТНИКОВ БАНКОВСКОЙ СФЕРЫ (НА ПРИМЕРЕ БАШКИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ ПАО «СБЕРБАНК РОССИИ»)

THE INFLUENCE OF SOCIO-ECONOMIC FACTORS ON THE MOTIVATIONAL PROFILE OF YOUNG EMPLOYEES IN THE BANKING SECTOR (A CASE STUDY OF THE BASHKIR BRANCH OF SBERBANK OF RUSSIA)

Фархтдинова Гульшат Рависовна, ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий», Уфа, Россия, E-mail: gulshatfarhtdinova@gmail.com

Ковров Владимир Федорович, кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и работы с молодежью, kovrov@bk.ru

Farhtdinova Gulshat Ravisovna, Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia, E-mail: gulshatfarhtdinova@gmail.com

Kovrov Vladimir Fedorovich, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor of the Department of Sociology and Youth Work, kovrov@bk.ru

Аннотация: В статье представлены результаты эмпирического исследования влияния комплекса социально-экономических факторов (уровень заработной платы, жилищные условия, социальный пакет, карьерные перспективы, региональная специфика рынка труда) на мотивационный профиль молодых специалистов банковской сферы. Эмпирической базой выступило Башкирское отделение ПАО «Сбербанк России».

Abstract: The article presents the results of an empirical study on the influence of a set of socio-economic factors (wage level, housing conditions, social benefits, career prospects, regional labour market specifics) on the motivational profile of young banking sector specialists. The empirical basis is the Bashkir Branch of Sberbank of Russia.

Ключевые слова: мотивационный профиль; молодые работники; банковская сфера; социально-экономические факторы; Сбербанк; трудовое поведение; внешняя мотивация; региональный рынок труда.

Keywords: motivational profile; young employees; banking sector; socio-economic factors; Sberbank; labour behaviour; extrinsic motivation; regional labour market.

Современный этап развития банковской сферы Российской Федерации характеризуется высокой интенсивностью цифровых преобразований, унификацией операционных процессов и ужесточением требований к клиентскому сервису. В этих условиях персонал, в особенности молодые сотрудники в возрасте до тридцати лет, становится критическим ресурсом, обеспечивающим как операционную эффективность, так и адаптацию организации к быстро меняющейся внешней среде. Однако эффективность использования трудового потенциала молодых специалистов напрямую зависит от понимания их мотивационной структуры, которая формируется под воздействием комплекса социально-экономических факторов. Проблема заключается в том, что классические модели мотивации, разработанные для индустриальной эпохи, не в полной мере учитывают региональную специфику и современные реалии рынка труда, в частности, в таком субъекте Федерации, как Республика Башкортостан.

В современной экономике труда и организационной психологии мотивационный профиль работника понимается как устойчивая иерархия мотивов (побуждений к деятельности), детерминирующая направленность, интенсивность и продолжительность трудового поведения. Методологически значимыми для настоящего исследования выступают две теоретические рамки: двухфакторная теория Фредерика Герцберга и теория самодетерминации Эдварда Деси и Ричарда Райана. Согласно Герцбергу, гигиенические факторы (заработная плата, условия труда, межличностные отношения) при их неудовлетворении вызывают демотивацию, но сами по себе не способствуют росту удовлетворённости трудом, тогда как мотиваторы (достижение, признание, ответственность) непосредственно стимулируют трудовую активность [5, с. 122]. В контексте молодых банковских служащих данное разграничение требует эмпирической проверки, поскольку высокая доля переменной части оплаты труда (бонусов, комиссионных) может придавать материальному фактору мотивирующую, а не только гигиеническую функцию.

Теория самодетерминации предлагает рассматривать три базовые психологические потребности: автономию, компетентность и связанность (принадлежность к группе). Удовлетворение этих потребностей способствует интернализации внешней мотивации, превращению её во внутреннюю. В банковской сфере, где технологический контроль (системы качества, регламенты) традиционно высок, степень автономии молодого сотрудника

ограничена, что может вести к деформации мотивационного профиля в сторону экстеральной регуляции.

Исследование проводилось в период с ноября 2024 года по январь 2025 года на базе Башкирского отделения ПАО «Сбербанк России». Выборка составила 118 молодых работников в возрасте от 20 до 30 лет, занимающих должности специалистов фронт-офиса (операционисты, менеджеры по работе с клиентами) и бэк-офиса (специалисты кредитного анализа, сопровождения операций). Доля женщин в выборке – 73%, мужчин – 27%, что отражает общий гендерный состав банковской сферы региона.

Использовались следующие методы: анкетирование (опросник на основе шкалы трудовой мотивации В.А. Ядова в адаптации автора), анализ кадровой документации (показатели текучести, стаж работы), полуструктурированные интервью с руководителями среднего звена (n=12). Статистическая обработка включала расчёт коэффициентов ранговой корреляции Спирмена и кластерный анализ (метод k-средних).

Для систематизации теоретических подходов к пониманию мотивационного профиля в контексте влияния внешних условий предлагается следующая таблица, обобщающая результаты анализа научной литературы и собственных предварительных данных (Таблица 1).

Таблица 1

Сравнение теоретических моделей мотивации применительно к молодым работникам банковской сферы

Модель / Теория	Базовые элементы	Прогнозируемый доминирующий фактор для молодых работников	Эмпирическая верификация в банковской сфере
Двухфакторная теория (Герцберг)	Гигиенические факторы и мотиваторы	Преобладание гигиенических (зарплата, безопасность)	Частичное подтверждение (см. результаты ниже)
Теория самодетерминации (Деси, Райан)	Автономия, компетентность, связанность	Компетентность (как условие карьерного роста)	Не подтверждается для стажа до 1 года
Теория ожиданий (Врум)	Валентность, инструментальность, ожидание	Инструментальность (связь результата и вознаграждения)	Полное подтверждение
Теория справедливости (Адамс)	Социальное сравнение	Сравнение с коллегами аналогичного возраста	Подтверждается для стажа более 2 лет

Представленные теоретические модели дают различные прогнозы относительно структуры мотивации. Как следует из таблицы, теория ожиданий Врума и двухфакторная модель Герцберга в наибольшей степени соответствуют эмпирическим данным, полученным в ходе исследования: молодые работники банка демонстрируют высокую чувствительность к инструментальности связи «усилие – результат – вознаграждение». Напротив, теория самодетерминации получает лишь частичное подтверждение: потребность в автономии значимо актуализируется только у сотрудников с трудовым стажем более трёх лет. Теория справедливости Адамса имеет определяющее значение при сравнении собственного дохода с доходом ровесников из других отделений и банков-конкурентов.

В ходе анкетирования респондентам было предложено ранжировать четырнадцать мотивационных факторов по степени личной значимости (от 1 – наименее значимо, до 5 – наиболее значимо). Полученные средние баллы по группам факторов представлены ниже. Выявлено, что наиболее высокие оценки получили: «уровень ежемесячного денежного вознаграждения» (средний балл 4,72), «стабильность занятости и уверенность в завтрашнем дне» (4,58), «наличие полиса добровольного медицинского страхования» (4,31). Наименее значимыми оказались: «участие в корпоративных мероприятиях» (2,11), «публичное признание руководства» (2,45). Этот результат указывает на выраженную экстернальную направленность мотивации, где доминируют материальные гарантии и социальная безопасность (рис. 1).

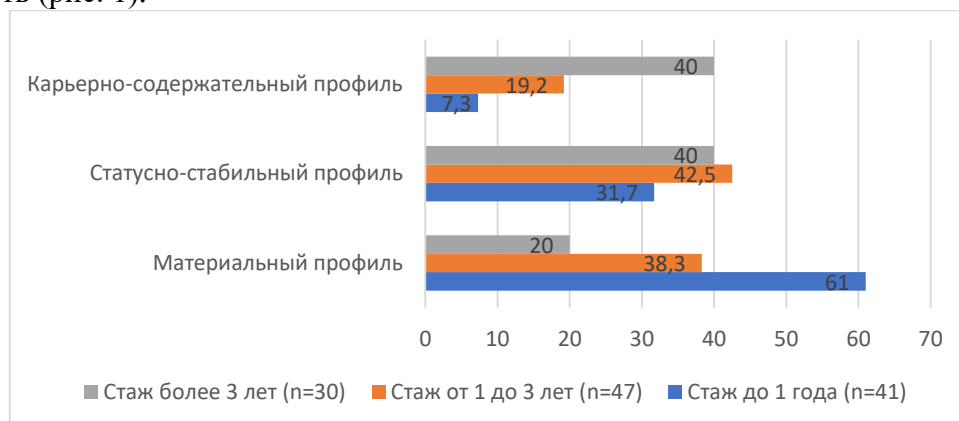

Рис. 1. Распределение молодых работников Башкирского отделения ПАО «Сбербанк России» по типам мотивационного профиля в зависимости от стажа работы

Исходя из теорий мотивации, ведущие мотивы работников предприятий можно объединить в четыре группы: 1. Интеллектуальные мотивы. К этой группе можно отнести интеллектуальное саморазвитие, увлеченность идеями, стремление к решению трудных задач и полной реализации своих интеллектуальных способностей. 2. Материальные мотивы – получение материального вознаграждения (заработная плата, премии, надбавки). 3. Моральные мотивы. Примером таких мотивов является признание предприятием ценности работы, вклада сотрудника в развитие предприятия; ощущение работником своей особой значимости для предприятия, особое призвание. 4. Статусные мотивы связаны с желанием человека занять высокую должность, выполнять более сложную, ответственную работу, работать в сфере деятельности (организации), которая считается престижной, общественно значимой [1, с.15].

В условиях конкретного регионального отделения ПАО «Сбербанк России» молодые работники демонстрируют классический для переходных экономик тип трудового поведения, ориентированный на максимизацию гарантированного дохода и снижение неопределённости. Существенным выводом является различие мотивационных профилей в зависимости от канала найма. Сотрудники, принятые по программе «Молодые специалисты» (целевой набор из вузов), обладают более сбалансированным профилем, тогда как принятые через кадровые агентства обнаруживают почти исключительно материальную направленность. Данные различия сохраняются в течение первых двух лет работы, а затем нивелируются под влиянием организационной социализации.

Влияние цифровизации на мотивационный профиль проявилось косвенно: повышение уровня автоматизации операционных задач снизило значимость фактора «интересная работа», так как многие рутинные функции стали выполняться программными роботами. Одновременно возросла значимость фактора «компетентность (владение новыми цифровыми инструментами)» как условие сохранения рабочего места (4,25 балла).

Таблица 2

Распределение молодых работников Башкирского отделения ПАО «Сбербанк России» по типам мотивационного профиля в зависимости от стажа работы (в % от численности группы)

Тип мотивационного профиля	Стаж до 1 года (n=41)	Стаж от 1 до 3 лет (n=47)	Стаж более 3 лет (n=30)
Материальный профиль	61,0	38,3	20,0
Статусно-стабильный профиль	31,7	42,5	40,0
Карьерно-содержательный профиль	7,3	19,2	40,0
Итого	100,0	100,0	100,0

Примечание: Данные представлены в процентах, округление до десятых долей производилось по правилам математической статистики. Группы сформированы на основе метода k-средних, n – объём подвыборки.

Проведённое исследование позволяет сделать следующие выводы. Социально-экономические факторы оказывают определяющее влияние на мотивационный профиль молодых работников банковской сферы, причём в специфических региональных условиях (Республика Башкортостан) доминирующими выступают факторы материального обеспечения и гарантии занятости, а не внутренняя мотивация. Выявлена разнородность мотивационного профиля: наряду с доминирующим материальным типом (42% выборки) существуют выраженные статусно-стабильный и карьерно-содержательный типы, распределение которых зависит от стажа работы, жилищных условий и кредитной нагрузки.

Для руководства Башкирского отделения ПАО «Сбербанк России» предлагаются следующие меры дифференциации системы стимулирования:

- внедрение «мотивационного аванса» для сотрудников со стажем до одного года в виде фиксированной надбавки к окладу, компенсирующей жилищные расходы (аренду);
- разработка траектории постепенного увеличения автономии (переход на гибкие регламенты) для работников со стажем более двух лет с целью усиления карьерно-содержательной мотивации;
- создание внутреннего кредитного кооператива для молодых сотрудников без открытия внешней кредитной истории, что позволит снизить тревожность относительно долговых обязательств.

Научная значимость работы состоит в эмпирической верификации теорий мотивации Герцберга и теории самодетерминации на выборке молодых российских банковских служащих, а также в выделении специфических региональных детерминант (жилищный вопрос, особенности регионального рынка труда). Перспективой дальнейших исследований является сравнительный анализ мотивационных профилей молодых работников банков государственного и частного капитала на территориях с разным уровнем экономического развития.

Библиографический список

10. Аширов Д.А. Управление персоналом в финансово-кредитных организациях: теория и практика. М.: Проспект, 2021. 328 с.
11. Башкирцева Н.А., Корнилова Т.В. Мотивация трудовой деятельности в условиях цифровой трансформации банковского сектора // Вестник Санкт-Петербургского университета. Менеджмент. 2023. Т. 22. № 3. С. 411-430.
12. Герцберг Ф. Мотивация к работе. М.: Вершина, 2020. 240 с.

13. Деси Э., Райан Р. Самодетерминация и психологическая автономия в организациях // Психология труда и организационная психология. 2019. Т. 5. № 2. С. 54-71.
14. Симонова М.В. Социально-экономическая адаптация молодых специалистов на рынке труда Республики Башкортостан // Экономика и управление: научно-практический журнал. 2022. № 4 (160). С. 73-79.
15. Травин В.В., Дятлов В.А. Менеджмент персонала организации. М.: Дело, 2021. 542 с.
16. Уфимцева Н.И., Хакимов Э.Р. Трудовая мотивация поколения Z в крупных корпорациях Приволжского федерального округа // Социологические исследования. 2024. № 1. С. 87-98.
17. Федорова Н.В., Минченкова О.Ю. Управление персоналом организации. М.: КНОРУС, 2022. 416 с.
18. Шапиро С.А. Мотивация и стимулирование персонала. М.: ГроссМедиа, 2020. 304 с.

УДК 005.95/96

ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ НАГРУЗКА НА ТРУДОСПОСОБНОЕ НАСЕЛЕНИЕ БОЛГАРИИ КАК ВЫЗОВ ДЛЯ УПРАВЛЕНИЯ ПЕРСОНАЛОМ

THE DEMOGRAPHIC BURDEN ON BULGARIA'S WORKING-AGE POPULATION AS A CHALLENGE FOR HUMAN RESOURCES MANAGEMENT

Фаткуллина Карина Раисовна, студентка 3 курса очной формы обучения, кафедры стратегического управления, ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий», Уфа, Россия.

Кузнецова Альфия Рашитовна, профессор кафедры социологии и работы с молодёжью, ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий», Уфа, Россия.

Fatkullina Karina Raisovna, 3rd year full-time student, Department of Strategic Management, Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia.

Kuznetsova Alfiya Rashitovna, Professor, Department of Sociology and Youth Work, Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia.

Аннотация. В статье анализируется демографическое положение Болгарии и его влияние на систему управления человеческими ресурсами. Анализ проводится на основе данных Национального института статистики Болгарии за 2016-2026 гг., также материалы Всемирного банка. Рассматривается численность населения в динамике, изменения пенсионного возраста, структура занятости и ВВП, уровень безработицы. Выявляются основные вызовы для управления персоналом: старение трудовых ресурсов, низкая занятость среди молодежи, несоответствие образования требованиям рынка труда. Главная задача – высокая демографическая нагрузка на трудоспособное население в условиях низкой безработицы. Предлагаются решения, подразумевающие работу над удержанием возрастных сотрудников, переобучение безработных со средним образованием, стимулирование занятости молодого поколения.

Abstract. The article analyzes the demographic situation in Bulgaria and its impact on the human resources management system. The analysis is based on data from the National Institute of Statistics of Bulgaria for 2016-2026, as well as materials from the World Bank. The article examines population dynamics, changes in the retirement age, employment and GDP structures, and unemployment rates. The main challenges for human resources management are identified, including the aging of the workforce, low employment among young people, and the mismatch

between education and the demands of the labor market. The main objective is to address the high demographic burden on the working-age population in a context of low unemployment. The proposed solutions include retaining older employees, retraining unemployed individuals with secondary education, and promoting employment among the younger generation.

Ключевые слова: управление персоналом, демографическая нагрузка, старение населения, трудовые ресурсы, занятость, безработица, пенсионный возраст, рынок труда.

Keywords: personnel management, demographic burden, population aging, labor resources, employment, unemployment, retirement age, and the labor market.

Введение. В условиях продолжительного демографического кризиса, в Болгарии создается множество задач для рынка труда и системы кадрового планирования. За последние десять лет, демографическая нагрузка на трудоспособное население достигла уровня, при котором необходимо пересмотреть существующие кадровые стратегии. Демографическая нестабильность Болгарии приводит местные организации к отсутствию возможности краткосрочного планирования сотрудников и заставляет использовать стратегии удержания возрастного персонала, а также переобучать их для повышения показателя производительности труда. В экономических исследованиях акцентируется внимание на том, что воспроизводство человеческого капитала в странах со сложным демографическим положением является зависимым от возможности государства и организаций адаптировать кадровую политику под изменения возрастной структуры населения.

Цель исследования. Целью этой работы является осуществление анализа данных Болгарии, выявление влияния демографической нагрузки на трудоспособное население и определить направления адаптации управления кадрами к условиям старения населения.

Материал и методы. В работе были использованы исследования Такмаковой Е. В, Черемисиной Н. В. и Турбиной Н. М.. Информационной основой данных стали: Национальный институт статистики Болгарии, Всемирный банк, а также материалы TradingEconomics, Statbase.

Результаты исследования. Общая численность населения Болгарии по данным из Национального института статистики за март 2026 года составляет 6 681 954 человека. Сейчас страна находится в сложной демографической ситуации. На протяжении десятилетия численность людей значительно снижается. В январе 2016 года количество населения составляло 7 101 859 человек [1]. Это почти на полмиллиона больше, чем в 2026 году. На данный момент доля населения возрастом старше 65 лет достигла 22%. Все это говорит о том, что нагрузка на трудоспособное население стремительно увеличивается и создается демографическая зависимость.

Причины демографического спада страны: низкая рождаемость, высокая эмиграция (молодежь 20-35 лет стремится уехать), высокая смертность (за последние 5 лет наибольший рост вызван заболеванием COVID-19).

Численность занятого населения страны по данным сайта НИС Болгарии за 2025 год составляет 2,91 млн человек, в котором 1,5 миллиона мужчин и около 1,4 женщин. Доля трудоустроенных в общей численности населения 53.2%. Нагрузка на трудоспособное население высокая.

Количество занятых Болгарии с 2012 по 2024 год (рисунок 1) [2].

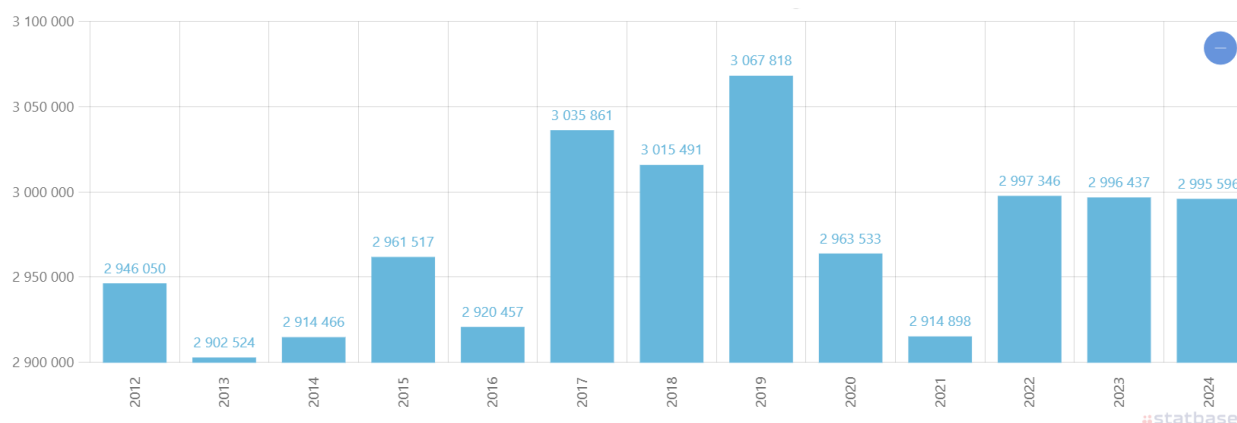

Рис. 1. Занятое население Болгарии в период 2012 - 2024 гг.

Структура занятости распределена таким образом: большая часть занятых сосредоточена в сфере услуг – 1,9 млн человек (67,3%), в промышленности занято 804300 человек, или 27,4%, а в сельском, лесном и рыбном хозяйстве всего 5,3%, то есть 155600 человек. Уровень занятости населения от 15 до 29 лет составляет 35%. Доля занятости среди мужчин – 39%, среди женщин – 30,3%. В возрасте от 20 до 64 лет уровень занятости составил 77,1%. В долевого соотношении 80,8% у мужчин и 73,3 у женщин.

Трудоустроенных граждан возрастом от 55 до 64 лет насчитывается 635400 человек, что составляет 70,3% населения в этом возрастном промежутке. Возраст выхода на пенсию в 2026 году составляет: у мужчин – 64,75 года, у женщин – 62,5. В то время как десятилетие назад показатели были следующие: мужчины 63,5 года, женщины – 60 лет [3].

На основе анализа этих данных, были выявлены проблемы, связанные с:

- низкой вовлеченностью молодых людей к работе;
- высокой нагрузкой на группу работников от 55 до 64 лет, которая близка к выходу на пенсию.

Согласно исследованию Такмаковой Е. В., непрерывный рост числа жителей старшего возраста при значительном снижении показателей рождаемости и росту смертности в будущем может привести к сокращению молодой рабочей силы. Это окажет сильное влияние на темпы экономического роста. Проблема старения населения приводит к увеличению среднего возраста рабочей силы. Также это оказывает негативное влияние в связи с увеличением расходов на систему здравоохранения и социальную помощь населению. Кроме этого, может произойти увеличение затрат на рабочую силу [4]. Тенденция старения граждан наблюдается во многих странах, в том числе и в России.

Судя по данным Всемирного банка, ВВП страны показывает активный рост за последнее десятилетие, это отражено на графике (рисунок 2) [5]. Рост ВВП за 2024 год составил 3,4% в годовом исчислении. Данный процесс происходит в связи с сокращением доли населения трудоспособного возраста и ростом демографической нагрузки. В большей степени экономический рост зависит от производительности труда работников, а не их количества. Приоритетом в сложившихся условиях для специалистов по управлению персоналом является повышение эффективности сотрудников, так как происходит снижение физической выносливости и увеличивается опыт.

Рис. 2. Динамика ВВП, млрд \$

Структура ВВП по видам экономической деятельности (рисунок 3): сфера услуг – 72,8%, промышленность – 24,4%, сельское хозяйство – 2,8%.

Рис. 3. Доля ВВП (в процентах)

Эта структура отражает переход от индустриального общества к постиндустриальному, об этом говорит высокий уровень занятости в сфере услуг и минимальный процент сельского хозяйства. Для работников сферы кадрового планирования такая ситуация вызывает потребность в кадрах, компетентных в области туристической деятельности, финансовой, IT-сфере и т.д.

По данным НСИ уровень безработицы в первом квартале 2025 года составлял 3,9%, на 1,1% меньше, чем в 2024 году. Во втором квартале 2025 года показатель снизился до 3,6%, что на 0,7% ниже прошлого года [1]. Такие показатели говорят о том, что кадровый резерв для замещения сотрудников, уходящих на пенсию у работодателей практически отсутствует. В Болгарии растет конкуренция за персонал, так как каждый безработный человек приходится на несколько вакансий.

Число безработных болгар на период с марта по июнь 2025 года насчитывает около 110500 человек. Из них 55% составляют мужчины и 45% – женщины. Статистика безработицы среди мужчин – 3,8%, это на 0,3% выше, чем у женской части населения.

Связь безработицы с уровнем образования граждан Болгарии. Высшим образованием из числа всего безработного населения владеют 13,4%, среднее получено у 52,2%, а неполное среднее или школьное у 34,4% (рисунок 4) [6]. Исходя из этих данных, выясняется, что демографическая нагрузка остается высокой даже в условиях низкого уровня безработицы. Это связано с тем, что 86,6% безработных не имеют высшего образования, а значит они не могут заменить квалифицированных работников, готовящихся к уходу на пенсию, особенно сильно это касается сферы услуг, которая играет большую роль в структуре ВВП. Для сферы управления человеческими ресурсами, такая ситуация указывает на необходимость массового обучения.

Рис. 4. Уровень образования безработного населения

Рис. 5. Безработица по уровню образования

Чаще всего с отсутствием стабильного заработка сталкиваются лица со средним образованием, при этом наиболее высокий уровень безработицы наблюдается среди людей с неполным средним или школьным образованием (рисунок 5). Это также усиливает нагрузку на трудовые ресурсы.

Выводы. Подводя итог, можно отметить следующие результаты анализа данных, имеющих значение для управления персоналом:

1. Критический уровень демографической нагрузки. За последнее десятилетие численность населения сократилась на 420 тысяч человек, а доля граждан старше 65 лет составляет 22%. Все это создает значимый дефицит трудовых ресурсов.

2. Смена структуры занятости повышением пенсионного возраста. Пенсионная реформа привела к тому, что 70,3% населения Болгарии в возрастной группе 55-64 лет остаются занятыми. Появляется необходимость разрабатывать новые программы наставничества и адаптировать рабочие места под возраст сотрудников.

3. Рост ВВП при высокой демографической нагрузке. В данных условиях это возможно только через производительность труда. Сокращение трудоспособного населения вызывает необходимость повышения производительности каждый год. Для этого важно уделять внимание своевременному повышению квалификации и автоматизации производств.

4. Низкая безработица скрывает проблемы. По формальным данным уровень безработицы является низким и составляет 3,6%, но у 86,6% безработных уровень образования не выше среднего, что указывает на их неспособность заместить более квалифицированный персонал после выхода на пенсию.

5. Необходимо сфокусироваться на: удержании возрастных сотрудников, обучать безработных со средним и школьным образованием, мотивировать занятость молодежи.

Библиографический список:

1. Национальный статистический институт. [электронный ресурс] // – URL: <https://www.nsi.bg/> (дата обращения: 15.04.2026)
2. Statbase. Количество занятых / Болгария. // – URL: <https://statbase.ru/data/bgr-number-of-employees/> (дата обращения: 16.04.2026)
3. Trading Economics. // – URL: <https://ru.tradingeconomics.com/bulgaria/retirement-age-men> (дата обращения: 16.04.2026)
4. Такмакова, Е.В. Характеристика динамики демографической нагрузки на население трудоспособного возраста в России / Е.В. Такмакова, Н.В. Черемисина, Т.Н. Черемисина, Н.М. Турбина // Вестник евразийской науки. - 2023. - Т. 15. - № 5. - URL: <https://esj.today/PDF/67ECVN523.pdf> (дата обращения: 18.04.2026)
5. Всемирный банк // – URL: <https://data.worldbank.org/country/bulgaria> (дата обращения: 18.04.2026)
6. Economic.bg // – URL: <https://www.economic.bg> (дата обращения: 18.04.2026)

УДК 316.4; ББК 314.4/60

ГЕНДЕРНЫЕ РАЗЛИЧИЯ В ОЖИДАЕМОЙ ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОСТИ ЖИЗНИ В РЕСПУБЛИКЕ БАШКОРТОСТАН

GENDER DIFFERENCES IN LIFE EXPECTANCY IN THE REPUBLIC OF BASHKORTOSTAN

Хазипова Сюембика Рашидовна, ассистент и аспирант кафедры социологии и работы с молодежью, ведущий специалист, младший научный сотрудник Научной лаборатории социальных и демографических исследований Уфимского университета науки и технологий, Уфа, Россия

S. R. Khazipova, Assistant and post-graduate student at the Department of Sociology and Youth Work, Leading researcher at the Scientific Laboratory of Social and Demographic Research at the Ufa University of Science and Technology

Аннотация. Исследование посвящено анализу гендерных различий в ожидаемой продолжительности жизни в Республике Башкортостан. Установлено, что при общем росте показателя сохраняется значительный разрыв между мужчинами и женщинами, превышающий 9 лет, обусловленный поведенческими факторами.

Ключевые слова: Ожидаемая продолжительность жизни, гендерные различия, Республика Башкортостан, пандемийные года, поведенческие факторы.

Вопрос гендерных различий в ожидаемой продолжительности жизни остаётся ключевым для демографического анализа России и её регионов. Республика Башкортостан, среди крупнейших субъектов Российской Федерации демонстрирует уникальные социально-демографические тенденции, связанные с изменением структуры смертности, уровня медицинской и социальной поддержки, а также особенностями пространственного расселения. На фоне глобальных и национальных изменений именно анализ гендерных различий в продолжительности жизни позволяет выявить наиболее уязвимые группы населения, а также оценить успехи и ограничения региональных систем здравоохранения и социальных институтов.

Исследования последних лет подтверждают наличие выраженного разрыва между ожидаемой продолжительностью жизни мужчин и женщин как в России в целом, так и в отдельных регионах, включая Башкортостан. В 2023 году ожидаемая продолжительность жизни мужчин в республике составила 67,7 года, а женщин – 78,8 года, что формирует гендерный разрыв в 11,1 года – один из наиболее высоких показателей среди регионов страны (таблица 1). Этот разрыв объясняется высокой смертностью мужчин трудоспособного возраста, преимущественно вследствие внешних причин, хронических неинфекционных заболеваний и особенностей образа жизни. Анализ пространственных моделей смертности показывает устойчивое влияние территориальных и социально-экономических факторов на динамику продолжительности жизни, а также на дифференциацию по полу (Сарсембаева и др., 2025; Утяшева и др., 2023).

Высокий разрыв в продолжительности жизни объясняется генетическими факторами (более высокая уязвимость мужчин к хроническим заболеваниям) и внешними факторами смертности. Смертность от внешних причин (таких, как самоубийства или смертность от алкоголизма) затрагивает мужское население больше, чем женское. Подобные явления являются последствием социокультурных российских норм. Например, самосохранительное поведение мужчин гораздо ниже, чем у женщин. Данный факт может повлиять на частоту обращений мужчин в медицинские учреждения за помощью и лечением.

Ожидаемая продолжительность жизни (ОПЖ) мужчин в Российской Федерации и её регионах, таких как Республика Башкортостан, почти на десять лет меньше, чем у женщин. Вследствие высокой смертности от COVID-19 в 2020-2021 годах ожидаемая продолжительность жизни в Республике Башкортостан значительно снизилась за последние несколько лет: у женщин с 77,96 лет в 2019 году до 75,57 лет в 2020 году; у мужчин с 67,26 лет в 2019 году до 65,24 лет в 2020 году, что снизило уровень прогресса повышения ОПЖ, достигнутый за десятилетия. Подобная динамика наблюдается и в целом по всем регионам России. После пандемийных годов продолжительность жизни возросла у обоих полов: составив 78,83 года у женщин и 67,67 лет у мужчин (таблица 1).

Таблица 1

Ожидаемая продолжительность жизни при рождении в Республике Башкортостан (значение показателя за год), лет

	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023
Женщины	76,05	76,78	77,22	77,41	77,95	75,63	74,3	78,25	78,83
Мужчины	64,53	65,59	66,53	67,04	67,66	65,72	65,38	67,76	67,67

Источник: Составлено по данным: Ожидаемая продолжительность жизни при рождении. Единая межведомственная информационно-статистическая система (ЕМИСС) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/31293>

В целом, динамика ОПЖ свидетельствует о положительных изменениях и некоторой инерционности региональных трендов. Однако в ходе исследования выявлено, что гендерные различия в ожидаемой продолжительности жизни в Республике Башкортостан сохраняются на высоком уровне и существенно формируют демографическую ситуацию региона. Устойчивый разрыв более 11 лет между мужскими и женскими показателями отражает сложный комплекс факторов: биологические уязвимости, социально-культурные модели поведения.

Наряду с комплексным снижением факторов риска, таких как курение, алкоголизация, и травматизм, важно совершенствовать систему мониторинга, информационное обеспечение здравоохранительной политики.

Библиографический список

1. Сарсембаева Г. Ж., Бордияну И. В., Мубаракوف Е. Е. Гендерные аспекты влияния социально-экономической среды на продолжительность жизни //Central Asian Economic Review. 2025. №. 3. С. 22-38.
2. Утяшева, И. Б. Глава 1.3. Смертность и заболеваемость / И. Б. Утяшева, С. Р. Хазипова // Республика Башкортостан: Демографический доклад. Уфа: Уфимский университет науки и технологий, 2023. С. 43-55. EDN BONKOW.

УДК 314.42

ОЖИДАЕМАЯ ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОСТЬ ЖИЗНИ И ЗДОРОВЬЕ НАСЕЛЕНИЯ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ДАННЫХ РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН

LIFE EXPECTANCY AND PUBLIC HEALTH: A COMPARATIVE ANALYSIS OF DATA FROM THE REPUBLIC OF BASHKORTOSTAN

Хазипова Сюембика Рашидовна, ассистент и аспирант кафедры социологии и работы с молодежью, ведущий специалист, младший научный сотрудник Научной лаборатории социальных и демографических исследований Уфимского университета науки и технологий, Уфа, Россия

S. R. Khazipova, Assistant and post-graduate student at the Department of Sociology and Youth Work, Leading researcher at the Scientific Laboratory of Social and Demographic Research at the Ufa University of Science and Technology

Аннотация.Статья посвящена всестороннему анализу динамики ожидаемой продолжительности жизни и состоянию здоровья населения в Республике Башкортостан. На основе тщательного анализа данных за последние годы была предпринята попытка выявить преобладающие тенденции и закономерности в показателях продолжительности жизни и изменениях состояния здоровья населения.Полученные данные свидетельствуют о ряде изменений, охватывающих как положительные, так и отрицательные сдвиги, как в ожидаемой продолжительности жизни, так и в общем самочувствии состояния здоровья населения за последние несколько лет. Изменения в ожидаемой продолжительности жизни могут быть объяснены различными факторами, такими как прогресс в системах здравоохранения, изменения в привычках образа жизни и улучшение медицинского обслуживания.Исходя из этих соображений, становится необходимым подчеркнуть важность постоянного мониторинга и анализа тенденций в области ожидаемой продолжительности жизни, а также демографических моделей для разработки эффективных стратегий, направленных на повышение благосостояния местного населения.

Ключевые слова: ожидаемая продолжительность жизни, здоровье населения, Республика Башкортостан, здравоохранение, профилактические меры.

Annotation. The article is devoted to a comprehensive analysis of the dynamics of life expectancy and the state of public health in the Republic of Bashkortostan. Based on a thorough analysis of the data over the years, an attempt was made to identify the prevailing trends and patterns in life expectancy and changes in the health status of the population.

The data obtained indicate a number of changes, covering both positive and negative shifts, both in life expectancy and in the general well-being of the population over the past few years. Changes in life expectancy can be explained by various factors, such as progress in health systems, changes in lifestyle habits, and improvements in medical care.

Based on these considerations, it becomes necessary to emphasize the importance of continuous monitoring and analysis of trends in life expectancy, as well as demographic models, in order to develop effective strategies aimed at improving the well-being of the local population.

Keywords: life expectancy, public health, Republic of Bashkortostan, healthcare, preventive measures.

Введение. Увеличение продолжительности жизни человека за последние два столетия является выдающимся достижением современной цивилизации [7; 8]. Этот прогресс был достигнут во время демографического перехода обществ от режимов с высокой смертностью и рождаемостью к режимам с низкой смертностью и рождаемостью [5; 6].

Ожидаемая продолжительность жизни и состояние здоровья населения являются важными индикаторами для оценки состояния общественного здравоохранения в регионе, поскольку они отражает не только социально-экономический статус, но и доступность и качество медицинских услуг, а также общий уровень жизни [1].

За последние десятилетия в Республике Башкортостан произошли значительные изменения в системе здравоохранения, однако определенные проблемы снижения смертности остаются [2]. Цель исследования состоит в изучении особенностей ожидаемой продолжительности жизни и состояние здоровья населения за последние годы в Республике Башкортостан.

Методология.

В исследовании проведен анализ данных показателя ожидаемой продолжительности жизни, основанный на официальных демографических данных Росстат. Исследование особенностей субъективной оценки текущего состояния здоровья населения осуществлялось по Итогам выборочных наблюдений состояния здоровья населения, проводимых в России каждый год Федеральной службой государственной статистики. Выборка составляла 60.000 домохозяйств, с долей Республики 2,4% (1.432 наблюдения). Индивидуальных наблюдений было в количестве 120.446, из которых 2,4% (2.950 наблюдения) пришлось на Республику Башкортостан.

Основные результаты. Ожидаемая продолжительность жизни в Республике Башкортостан. Анализ общей динамики ожидаемой продолжительности жизни (ОПЖ) в Республике Башкортостан за период с 2010 по 2023 год является одним из важных показателей состояния системы здравоохранения и уровня эффективности медицинских услуг в регионе. В 2010 году ожидаемая продолжительность жизни составляла 68,88 лет (см. рисунок 1). С 2011 года наблюдается положительная тенденция к увеличению этого показателя, и в 2019 году он достиг значения 72,66 лет (см. рисунок 1). Этот рост может быть обусловлен улучшением показателей здоровья населения и реализацией комплексных медицинских и социальных программ, направленных на повышение уровня жизни. Увеличение продолжительности жизни можно объяснить комплексным подходом к системе здравоохранения, которая включает в себя: профилактические меры и повышение

доступности медицинских услуг. Данные меры способствуют развитию более эффективной и устойчивой системы здравоохранения.

Рис. 1. Ожидаемая продолжительность жизни в Республике Башкортостан, лет
Источник: Составлено по данным Федеральной службы государственной статистики (Росстат) [2]

Стоит отметить, что ожидаемая продолжительность жизни в 2020 году снизилась до 70,36 лет. Данные изменения в снижении ОПЖ можно объяснить последствиями пандемии COVID-19, которая оказала значительное влияние на уровень смертности. Кроме того, снижение ожидаемой продолжительности жизни может быть связано с экономическими проблемами и ростом заболеваемости, что подчеркивает уязвимость общественного здравоохранения во время кризиса. Данные за 2021 год свидетельствуют о дальнейшем снижении средней продолжительности жизни до 69,49 лет.

Тем не менее, начиная с 2022 года, наблюдалось заметное повышение роста продолжительности жизни. Ожидаемая продолжительность жизни достигла значения в 72,74 лет в 2022 году и увеличилась к 73,29 в 2023 году, что свидетельствует о способности системы здравоохранения решать проблемы и принимать меры для обращения вспять негативных тенденций.

Оценка состояния здоровья: городские и сельские жители.

Состояние здоровья населения является важнейшим показателем социального благополучия и качества жизни в каждом регионе. В исследовании рассматривается динамика оценок состояния здоровья жителей Республики Башкортостан в период с 2019 по 2023 год, как в городской, так и в сельской местности.

Результаты оценок состояния здоровья, проведенных среди городских и сельских жителей, показывают различные закономерности в том, как эти две группы населения воспринимают свое здоровье, классифицируемое как "Очень хорошее", "Хорошее", "Удовлетворительное", "Плохое" и "Очень плохое".

В 2019 году примерно 5,5% респондентов оценили свое здоровье как "очень хорошее". В 2021 году этот показатель увеличился до 6,2%, но затем снизился до 5,2% к 2023 году. Большинство респондентов охарактеризовали свое состояние здоровья как "хорошее". Доля людей, сообщающих о хорошем самочувствии, колебалась от минимума в 41,3% в 2018 году до пика в 49,4% в 2019 году, затем стабилизировалась на отметке 46,1%. И наоборот, число людей, сообщавших об удовлетворительном состоянии здоровья, оставалось относительно постоянным, постепенно снижаясь с 44% в 2019 году примерно до 39,5% в конце отчетного периода.

Среди сельского населения доля людей, оценивающих свое здоровье как "очень хорошее", увеличилась с 4,8% в 2019 году до 6,5% в 2021 году, а затем снизилась до 4,3% к 2023 году. Между тем, доля респондентов, которые охарактеризовали состояние своего здоровья как "хорошее", колебалась от 34,8% до 39,8%, в то время как относительно большая часть респондентов назвала свое здоровье удовлетворительным - от 49,9% в 2019 году до 49,7%. Эти данные свидетельствуют о возможном ухудшении восприятия здоровья сельскими жителями (таблица 1).

Таблица 1

Оценка состояния здоровья в настоящее время в Республике Башкортостан, %.

Городское население:					
	Очень хорошее	Хорошее	Удовлетворительное	Плохое	Очень плохое
2019	5,5	41,3	44	7,8	1,3
2020	5,8	49,4	37	7	0
2021	6,2	44,6	39,9	7,6	1,7
2022	5	44	40,3	9,1	1,5
2023	5,2	46,1	39,5	7,9	0
Сельское население:					
	Очень хорошее	Хорошее	Удовлетворительное	Плохое	Очень плохое
2019	4,8	34,8	49,9	8,1	1,7
2020	4,7	44,7	43,1	6,9	0
2021	6,5	36,2	47,2	9	0
2022	3,1	37	53,9	5,7	0
2023	4,3	39,8	49,7	5,5	0

Источник: Составлено автором по данным Федеральных статистических наблюдений по социально – демографическим проблемам (обследование "Итоги выборочных наблюдений состояния здоровья населения"). [4]

Оценка состояния здоровья по сравнению с предыдущими годами.

Исследование изменений в состоянии здоровья, о которых сообщают местные жители, выявило несколько интересных тенденций в обследовании "Итоги выборочных наблюдений состояния здоровья населения". Процент людей, проживающих в городской местности, сообщивших о значительном ухудшении состояния здоровья по сравнению с предыдущим годом, составил от 12,7% в 2019 году до 16,3% в 2023 году. 2% сообщили об улучшении своего здоровья, а 75,2% указали на отсутствие изменений, что свидетельствует о стабильности общего состояния здоровья городских жителей за последние несколько лет (рисунок 2).

По сравнению с городским населением сельские жители чаще сообщают о том, что их состояние здоровья не изменилось (77,4% в 2023 году), что указывает на меньшую степень колебаний в восприятии здоровья среди них. Хотя значительная часть (11,2%) сельских жителей все же сообщила о незначительном ухудшении своего здоровья [3].

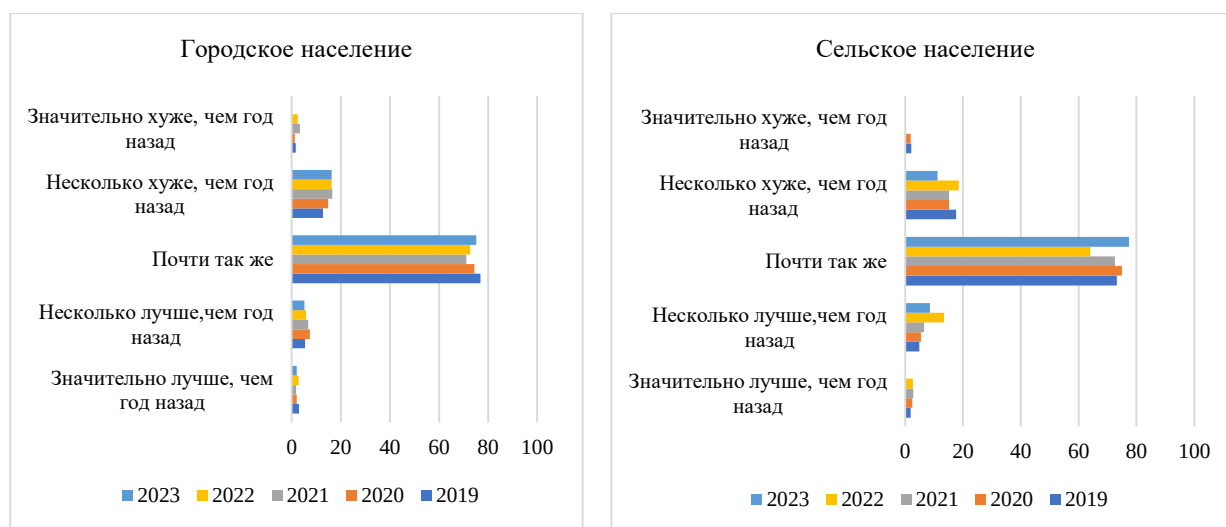

Рис. 2. Оценка состояния здоровья по сравнению с предыдущими годами в Республике Башкортостан, %.

Источник: Составлено автором по данным Федеральных статистических наблюдений по социально – демографическим проблемам (обследование "Итоги выборочных наблюдений состояния здоровья населения"). [4]

Оценка состояния здоровья по сравнению с другими людьми.

Когда респондентов попросили сравнить свое здоровье с состоянием других людей, большинство респондентов (72,7%- городские, 73,6 -сельские) указали, что оно примерно такое же, но процент тех, кто сообщил о значительном улучшении или ухудшении, оставался относительно стабильным, что указывает на то, что большинство людей воспринимают свое здоровье как сравнимое с состоянием других (рис. 3).

В 2023 году 11,3% городского населения сообщили, что их здоровье было лучше, чем у других, что свидетельствует о высоком уровне нормализации восприятия здоровья среди городских жителей [3].

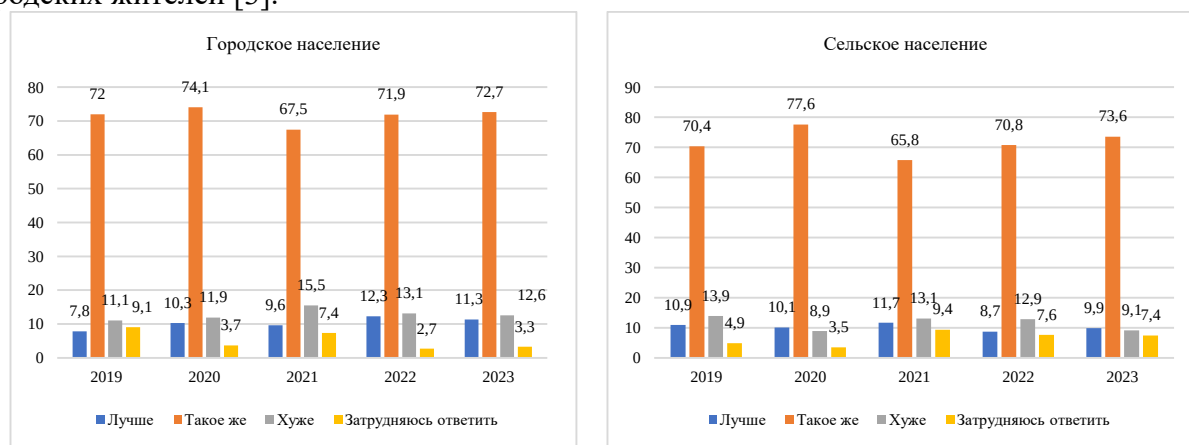

Рис. 3. Оценка состояния здоровья по сравнению с другими людьми такого же возраста в Республике Башкортостан, %.

Источник: Составлено автором по данным Федеральных статистических наблюдений по социально – демографическим проблемам (обследование "Итоги выборочных наблюдений состояния здоровья населения"). [4]

С другой стороны, доля сельского населения с улучшенным здоровьем в 2019 году была несколько ниже (9,9%). Тем не менее, это все еще значительное число, которое указывает на то, что восприятие здоровья в сельской местности остается стабильным (рисунок 2).

Результаты.Полученные данные свидетельствуют о том, что в Башкортостане наблюдается устойчивая тенденция к увеличению продолжительности жизни, несмотря на

снижение показателей продолжительности в пандемийные годы. Это связано с улучшением медицинского обслуживания и социальной инфраструктуры.

Анализ состояния здоровья в городских и сельских районах Башкортостана выявил несущественные различия в восприятии здоровья городскими и сельскими жителями. В то время как городские жители более позитивно относятся к своему здоровью, сельские жители сталкиваются с большими проблемами как физического, так и экономического характера.

Эти результаты подчеркивают важность комплексных инициатив в области здравоохранения для улучшения благосостояния сельских общин и улучшения общего состояния здоровья населения. Эти инициативы должны касаться как физических, так и социальных аспектов здоровья в сельской местности.

Литература:

1. Дмитриева Ю.В. Сокращение смертности и увеличение ожидаемой продолжительности жизни как основные компоненты демографического потенциала России «Современная наука: Актуальные проблемы теории и практики». Серия экономика и право. – 2024. – №12. С. 202-206.
2. Утяшева, И. Б. Глава 1.3. Смертность и заболеваемость / И. Б. Утяшева, С. Р. Хазипова // Республика Башкортостан: Демографический доклад. – Уфа: Уфимский университет науки и технологий, 2023. – С. 43-55. – EDNBONKOW.
3. Федеральная служба государственной статистики (РОССТАТ). Официальная статистика. Население. Демография. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781>
4. Федеральная служба государственной статистики (Росстат). Федеральные статистические наблюдения по социально – демографическим проблемам. Обследование "Итоги выборочных наблюдений состояния здоровья населения". URL: https://rosstat.gov.ru/itog_inspect.
5. Kirk D. Demographic transition theory //Population studies. – 1996. – Т. 50. – №. 3. – С. 361-387.
6. Notestein F. W. Population-The long view //Food for the World. – 1945. – С. 36-57.
7. Oeppen J., Vaupel J. W. Broken limits to life expectancy //Science. – 2002. – Т. 296. – №. 5570. – С. 1029-1031.
8. Riley J. C. Rising life expectancy: a global history. – Cambridge University Press, 2001.

УДК 316.1

СОЦИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ МЕЖЭТНИЧЕСКИХ КОНФЛИКТОВ И СПОСОБЫ ИХ РЕГУЛИРОВАНИЯ

SOCIAL ASPECTS OF INTERETHNIC CONFLICTS AND WAES OF THEIR RESOLUTION

Халимова Альбина Ильдаровна, студент, ФГБОУ ВО «Уфимский Университет Науки и Технологий», Уфа, Россия, E-mail: khalimova.albina7@gmail.com

Золотарёва Валентина Николаевна, ФГБОУ ВО «Уфимский Университет Науки и Технологий», Уфа, Россия, E-mail: vzolotareva076@gmail.com

Научный руководитель: Шарипов Азамат Равжапович - кандидат наук, доцент кафедры социологии и работы с молодёжью УУНИТ, E-mail: a.r.sharip@mail.ru

Khalimova Albina Ildaronva, student. Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia, E-mail: khalimova.albina7@gmail.com

Zolotareva Valentina Nikolaevna, student. Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia, E-mail: vzolotareva076@gmail.com

Scientific supervisor: Sharipov Azamat Ravzhapovich - Candidate of Sciences, Associate Professor of the Department of Sociology and Youth Work at UUNIT, E-mail: a.r.sharip@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается межэтнический конфликт как специфическая форма социального противостояния, обусловленная столкновением противоположных интересов, ценностей и идентичностей. Анализируются социокультурные корни данных конфликтов, их бессознательные механизмы и ключевые признаки консолидации групп по этническому признаку. Особое внимание уделяется способам предотвращения и урегулирования межэтнических напряженностей, включая интеграционный подход, информационные стратегии и институциональные механизмы. На примере Российской Федерации выявляются факторы, способствующие эскалации конфликтов, и предлагаются направления комплексной национальной политики, направленной на стабилизацию межэтнических отношений.

Annotation. The article examines interethnic conflict as a specific form of social confrontation driven by the clash of opposing interests, values, and identities. It analyzes the sociocultural roots of such conflicts, their unconscious mechanisms, and key signs of group consolidation along ethnic lines. Special attention is given to methods of preventing and resolving interethnic tensions, including integration approaches, information strategies, and institutional mechanisms. Using the Russian Federation as a case study, the article identifies factors contributing to conflict escalation and proposes directions for a comprehensive national policy aimed at stabilizing interethnic relations.

Ключевые слова: межэтнический конфликт, социальный конфликт, этническая солидарность, ксенофобия, урегулирование конфликтов, интеграционный подход, национальная политика.

Keywords: interethnic conflict, social conflict, ethnic solidarity, xenophobia, conflict resolution, integration approach, national policy.

Введение. В современном мире, характеризующемся глобализацией, миграционными процессами и кризисом традиционных идентичностей, межэтнические конфликты остаются одной из наиболее сложных и распространенных форм социального противостояния. Столкновение противоположных интересов, взглядов и идеологий приобретает особую остроту, когда в основе противоречий лежит этнический признак. Социальные аспекты этих конфликтов выходят далеко за рамки межличностного взаимодействия, затрагивая глубинные пласты коллективного бессознательного, исторической памяти и территориальных притязаний. Понимание природы межэтнических конфликтов и разработка эффективных способов их урегулирования являются актуальными задачами для любого полиэтнического государства, в том числе и для Российской Федерации⁶⁷.

Понятие и природа межэтнического конфликта. В научной литературе межэтнический конфликт определяется как специфическая форма проявления социального конфликта, где стороны (или одна из сторон) действуют или притесняются по этническому признаку. Это противоречие интересов, взаимная неприязнь, эмоциональная вражда и действия этносов по отношению друг к другу. Как отмечает Зеленков М.Ю., межэтнический конфликт – это даже не “два в одном”, а и три, и четыре “обычных” конфликта в едином межэтническом пространстве⁶⁸. Ключевой особенностью данных конфликтов является их глубокая социокультурная обусловленность. В отличие от политических или экономических споров, межэтнические противоречия часто коренятся в различиях религии, языка, традиций и ценностных систем.

⁶⁷Майга Сори Ибрагим Способы урегулирования межэтнических конфликтов // Социально-гуманитарные знания. 2018. №11. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sposoby-uregulirovaniya-mezhetnicheskih-konfliktov-1> (дата обращения: 01.04.2026).

⁶⁸Зеленков М.Ю. Социальная конфликтология. – М.: Юридический институт МИИТа, 2003. С. 56.

Национально-этнические стереотипы, усвоенные человеком с детства, функционируют преимущественно на подсознательном уровне, придавая конфликту такие черты, как алогичность, символизм и недостаточная рациональная обоснованность совершаемых действий. Это делает межэтнические конфликты менее подверженными рациональному регулированию и более склонными к эмоциональной эскалации.

Социальные признаки консолидации в межэтнических конфликтах. Анализ социально-этнических конфликтов позволяет выделить ряд признаков, на основе которых происходит объединение групп именно по этническому признаку. К ним относятся:

1. Проявление этнической солидарности – выражение устойчивого предпочтения представителям своего этноса, формирование внутригруппового фаворитизма.
2. Реанимирование чувства территориальности – актуализация защиты территории проживания как этнической «прародины», что придает конфликту пространственное измерение.

3. Требования о перераспределении доходов – восприятие экономического неравенства через призму этнической принадлежности, что часто сопровождается обвинениями в адрес «пришлых» групп в захвате ресурсов.
4. Пренебрежение потребностями иных групп – дегуманизация «чужой» этнической группы, игнорирование ее законных социально-экономических и культурных запросов.

Данные признаки указывают на то, что межэтнический конфликт редко возникает на пустом месте; он, как правило, наслаивается на существующее социально-экономическое неравенство или политическую нестабильность, придавая им более антагонистичную и трудноразрешимую форму.

Существует динамика межэтнического конфликта в описании этнопсихологии. Г. У. Солдатова выделяет четыре стадии, на которых развивается этнополитический конфликт:

1. Латентная. Внешне ситуация выглядит стабильно: отсутствует явная межэтническая вражда, а взаимодействие между группами сохраняет позитивный или нейтральный характер. Однако в полиэтническом обществе неизбежно существует глубинная, невыраженная напряженность. Тлеющим раздражителем выступает образ «чужого», который вызывает подсознательное раздражение.

2. Стадия проявления. На этом этапе нарастают тревожность, чувство отчаяния и возмущения. Эмоциональный фон становится ведущим: всплеск националистических настроений сопровождается ростом межличностных конфликтов на почве этнической принадлежности. Группами начинают управлять страх перед «исчезновением», ощущение ущемленности, враждебность и глубинное недоверие.

3. Стадия противоборства. Конфликт переходит в плоскость жесткого соперничества за ресурсы, власть и статус. Противостояние строится вокруг несовместимости ценностей и интересов. Действия этнической группы направлены на защиту идентичности, культурной самобытности и достижение политических изменений (признание, расширение полномочий). Ключевым раздражителем становится ощущение подавленности и ущемления своих прав.
4. Стадия кризиса. Конфликт достигает точки, где мирные механизмы регуляции перестают работать. Эмоции (гнев, страх, убежденность в своей правоте) полностью подчиняют себе рациональное мышление, толкая массы на иррациональные и деструктивные действия. Восприятие мира строится по принципу «все против нас», что провоцирует чувство мести, готовность к самопожертвованию и крайние формы насилия вплоть до физического уничтожения оппонента⁶⁹.

Способы предотвращения и урегулирования
Эффективное управление межэтническими конфликтами предполагает комплексное

⁶⁹Солдатова Г.У. Психология межэтнической напряженности. М.: Смысл, 1998.

воздействие на различных уровнях. В современной конфликтологии выделяются основные группы способов предотвращения и урегулирования подобных конфликтов:

1. Институционально-правовой механизм. Включает изменение законодательства, трансформацию социальной структуры и введение санкций, направленных на недопущение дискриминации по этническому признаку. Важным элементом является создание специализированных сетей организаций по предотвращению конфликтов и служб быстрого реагирования для локализации насилия и защиты населения.

2. Переговорный процесс и посредничество. Предполагает участие профессиональных посредников (в том числе психологов) в организации диалога между субъектами конфликта. В развитых странах практика привлечения психологов к переговорам является стандартным элементом деэскалации.

3. Информационный путь. Данный подход предусматривает:

- Взаимный обмен информацией между группами при создании условий, способствующих изменению восприятия оппонента.

- Повышение психологической компетентности представителей конфликтующих групп через ознакомление с социально-психологическими механизмами межгруппового восприятия.

- Трансляцию информации о культурных сходствах и различиях через средства массовой информации, при этом участие психологов в отборе и способах подачи контента является крайне желательным для предотвращения разжигания розни⁷⁰.

В последнее время преимущественную позицию среди используемых стратегий занимает интеграционный подход, который фокусируется не на изоляции конфликтующих сторон, а на создании общих пространств для сотрудничества, формировании надэтнической гражданской идентичности и развитии кооперационных связей.

Российская специфика и факторы напряженности межэтнических конфликтов в Российской Федерации во многом объясняются полиэтничностью состава населения, что закреплено в преамбуле к Конституции РФ, где признаются принципы равноправия и самоопределения народов. Распространение межэтнической напряженности в современной России зависит от совокупности социально-экономических, политических и информационных факторов. Эксперты отмечают, что само по себе увеличение численности некоренной этнической группы не является фатальным фактором напряженности. Однако нерегулируемая миграция способствует росту преступности, вытеснению местного населения из ряда сфер деятельности и создает ощущение угрозы для культурной идентичности принимающего сообщества. Таким образом, в современных условиях проблема межнациональных отношений заняла значимое место в общественно-политической повестке.

Выводы. Предотвращение и урегулирование межэтнических конфликтов невозможно в рамках узковедомственного подхода. Требуется комплексная стратегия, объединяющая усилия институтов национальной политики, правоохранительных органов, средств массовой информации и институтов семьи. В Российской Федерации назрела необходимость разработки и реализации долговременной программы межэтнической стабилизации, интеграции и кооперации, направленной на гармонизацию отношений между различными этносами. Такой подход позволит не только обходить острые фазы конфликтов, но и работать с глубинными социальными аспектами – стереотипами, чувством территориальности и несправедливостью в распределении ресурсов, которые лежат в основе межэтнической напряженности.

⁷⁰ Ваградян Э.А. Психологические аспекты изучения и урегулирования этнических конфликтов // Евразийский союз ученых. 2015. № 9-3 (18). С. 68–70.

Библиографический список:

1. Майга Сори Ибрагим Способы урегулирования межэтнических конфликтов // Социально-гуманитарные знания. 2018. №11. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sposoby-uregulirovaniya-mezhetnicheskih-konfliktov-1> (дата обращения: 01.04.2026).
2. Зеленков М.Ю. Социальная конфликтология. – М.: Юридический институт МИИТа, 2003. С. 56.
3. Солдатова Г.У. Психология межэтнической напряженности. М.: Смысл, 1998.
4. Ваградян Э.А. Психологические аспекты изучения и урегулирования этнических конфликтов // Евразийский союз ученых. 2015. № 9-3 (18). С. 68–70.

УДК 314.62:392(470.57)

СМЕШАННЫЕ БРАКИ И ФОРМИРОВАНИЕ ГИБРИДНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ: СТАТИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН MIXED MARRIAGES AND THE FORMATION OF HYBRID IDENTITY: A STATISTICAL ANALYSIS ON THE EXAMPLE OF THE REPUBLIC OF BASHKORTOSTAN

Черезова Валерия Александровна, студент, ФГБОУ ВО «Уфимский Университет Науки и Технологий», Уфа, Россия, E-mail: cherezova0106@yandex.ru

Cherezova Valeria Aleksandrovna, Student, Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia, E-mail: cherezova0106@yandex.ru

Научный руководитель: Шарипов Азамат Ражапович – кандидат философских наук, доцент кафедры социологии и работы с молодёжью УУНИТ, E-mail: a.r.sharip@mail.ru

Scientific supervisor: Sharipov Azamat Razhapovich - Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of the Department of Sociology and Youth Work at UUST, E-mail: a.r.sharip@mail.ru

Аннотация. На основе данных Всероссийской переписи населения 2020 года и результатов опроса с детьми из смешанных семей анализируется феномен межэтнических браков в Республике Башкортостан. Показано, что регион сохраняет одну из самых высоких в РФ долей смешанных браков (20,3%). Выявляются городские и сельские различия, анализируются социальные и культурные последствия данного феномена. Обосновывается вывод, что смешанные браки выступают фактором социальной интеграции и формирования позитивной гибридной идентичности.

Abstract. Based on the data from the 2020 All-Russian Population Census and the results of a survey conducted with children from mixed families, this article analyzes the phenomenon of interethnic marriages in the Republic of Bashkortostan. It shows that the region has one of the highest rates of interethnic marriages in the Russian Federation (20.3%). The article identifies urban and rural differences and analyzes the social and cultural consequences of this phenomenon. The article concludes that interethnic marriages are a factor in social integration and the formation of a positive hybrid identity.

Ключевые слова: смешанные браки, гибридная идентичность, Республика Башкортостан, межэтнические отношения, эндогамия.

Keywords: mixed marriages, hybrid identity, Republic of Bashkortostan, interethnic relations, endogamy.

Введение. Республика Башкортостан представляет собой один из самых многонациональных регионов Российской Федерации, где на протяжении столетий совместно проживают русские, башкиры, татары, чуваша, марийцы, удмурты и представители многих других этнических групп. Согласно итогам Всероссийской переписи населения 2020 года, в республике зафиксирована одна из самых высоких в стране долей межнациональных браков -каждая пятая супружеская пара (20,3%) проживает в национально-смешанном союзе [1]. Данный показатель значительно превышает общероссийские данные и требует глубокого научного осмысления, поскольку смешанные браки выступают не только демографическим

феноменом, но и важным индикатором межэтнических отношений, уровня социальной интеграции и характера идентификационных процессов в обществе.

Цель настоящей работы заключается в выявлении на основе статистических данных и качественного анализа социальных и культурных последствий смешанных браков в Республике Башкортостан, а также в определении их роли в формировании гибридной идентичности у последующих поколений. В исследовании были выдвинуты следующие гипотезы: во-первых, доля смешанных браков выше в городской местности по сравнению с сельской; во-вторых, высокий уровень межэтнической брачности коррелирует с формированием позитивной гибридной идентичности у детей, рожденных в таких союзах.

Теоретическая рамка данного исследования опирается на три ключевых социологических подхода. Первый подход - классическая теория ассимиляции, разработанная Милтоном Гордоном в 1964 году [3, с. 78–85]. Согласно этой теории, смешанные браки рассматриваются как финальный и наиболее показательный этап интеграции этнических меньшинств в доминирующее общество, так называемая «структурная ассимиляция». Гордон утверждал, что когда представители разных этнических групп начинают вступать в браки друг с другом на массовом уровне, это свидетельствует о том, что социальные барьеры между ними практически исчезли. Однако данная модель подвергалась критике за предположение о том, что ассимиляция является односторонним процессом, в ходе которого меньшинства «растворяются» в культуре большинства. Второй подход - теория культурной гибридности, предложенная Хоми Бхабхой в 1994 году [4, с. 18–25]. Бхабха вводит ключевое для нашего исследования понятие «третьего пространства» - зоны межкультурного взаимодействия, где возникают новые, гибридные идентичности, не сводимые к простой сумме исходных культурных элементов. В этом «третьем пространстве» индивид не выбирает одну культуру вместо другой, а создает нечто принципиально новое, синтезирующее элементы обеих традиций. Данный подход особенно релевантен для анализа идентичности детей из смешанных браков, которые часто не ощущают себя принадлежащими исключительно к одной группе. Третий подход - теория межгруппового контакта Гордона Оллпорта (1954), которая утверждает, что равноправное и тесное взаимодействие между представителями различных этнических групп при условии институциональной поддержки способствует снижению предрассудков, стереотипов и дискриминационных установок [5, с. 261–277]. Оллпорт выделил четыре оптимальных условия для позитивного контакта: равный статус взаимодействующих сторон, наличие общих целей, кооперация без конкуренции и поддержка со стороны авторитетных институтов. Важным дополнением к перечисленным теориям выступает исторический контекст. Как отмечает исследователь Ш.Н. Исянгулов, в традиционном башкирском обществе эндогамия (обычай заключать браки внутри своей этнической группы) была распространенной нормой, однако никогда не была абсолютной и непреложной [2, с. 84–86].

Эмпирическая часть. Согласно официальной информации Башкортостанстата, численность постоянного населения Республики Башкортостан по итогам переписи 2020 года составила 4 091 423 человека [1]. Ключевой результат переписи в контексте нашего исследования заключается в том, что 20,3% всех супружеских пар, проживающих на территории региона, являются межнациональными, то есть супруги указали разную национальную принадлежность. Это один из самых высоких показателей среди всех субъектов Российской Федерации, что свидетельствует о низкой этнической дистанции между основными группами населения республики и высокой степени социальной интеграции. Важно проанализировать дифференциацию этого показателя между городской и сельской местностью. В городах Республики Башкортостан доля смешанных браков составляет 21,2%, тогда как в сельской местности - 18,9% [1]. Эта разница в 2,3 процентных пункта является статистически значимой. Более высокая доля смешанных браков в городах может объясняться большим культурным разнообразием, более высоким уровнем образования, а также ослаблением действия традиционных норм и контроля со стороны этнического сообщества. Однако тот

факт, что даже в сельской местности показатель смешанных браков составляет почти 19%, говорит о глубокой укорененности межэтнического взаимодействия во всем регионе, включая его периферийные районы.

Для углубленного анализа социальных и культурных последствий смешанных браков, а также для проверки второй гипотезы о формировании позитивной гибридной идентичности был проведен опрос с детьми из смешанных семей. В опросе приняли участие 12 респондентов в возрасте от 18 до 25 лет, отвечающих следующим критериям: оба родителя имеют разные этнические принадлежности, респондент родился и постоянно проживает на территории Республики Башкортостан. Распределение по типам смешанных пар выглядело следующим образом: русско-башкирские семьи (5 респондентов), русско-татарские семьи (4 респондента), башкиро-татарские семьи (3 респондента). Опрос проводился в апреле 2026 года в формате опроса в гугл формах

Респондентам был задан следующий блок вопросов. Первая группа вопросов касалась социально-демографических характеристик: возраст, место проживания (город/село, район), уровень образования, род занятий, этническая принадлежность каждого из родителей и их родной язык. Вторая группа вопросов была посвящена семейной социализации: «На каком языке вы говорили дома в детстве?», «Какие религиозные традиции соблюдались в вашей семье?», «Как родители относились к тому, что вы усваиваете обе культуры?», «Были ли в семье конфликты на этнической почве?». Третья группа вопросов касалась самоидентификации: «Как вы сами определяете свою национальность?», «Меняется ли ваша самоидентификация в зависимости от ситуации (например, дома, на учебе, с друзьями)?», «Испытываете ли вы когда-либо дискомфорт из-за своего смешанного происхождения?», «Как, по вашему мнению, другие люди определяют вашу национальность?». Четвертая группа вопросов была посвящена социальному окружению: «Как относились к смешанному браку ваших родителей их родственники?», «Как к вашему смешанному происхождению относятся друзья, однокурсники, коллеги?», «Сталкивались ли вы с негативной реакцией или дискриминацией?». Пятая группа вопросов касалась культурных практик: «Какие национальные праздники вы отмечаете?», «Какие блюда готовят в вашей семье?», «Знаете ли вы языки обоих родителей? Если да, то насколько свободно владеете?», «Планируете ли вы сами вступать в смешанный брак?».

Результаты опроса оказались весьма показательными. Что касается языковой социализации, то 8 из 12 респондентов сообщили, что в детстве в семье использовались оба языка, причем в 5 случаях один из языков (чаще русский) доминировал, но второй активно присутствовал в общении с одним из родителей или бабушками и дедушками. 3 респондента выросли в практически полностью русскоязычной среде, и только 1 - в среде с преобладанием татарского языка. Все респонденты, выросшие в двуязычной среде, свободно владеют обоими языками, тогда как респонденты из моновязычной среды знают второй язык лишь на бытовом уровне. В отношении религиозных практик 7 из 12 респондентов сообщили о сочетании в семье православных и мусульманских традиций: совместное празднование Пасхи и Ураза-байрам, крещение ребенка и наречение мусульманским именем. 4 респондента указали, что религиозные практики в их семьях были сведены к минимуму или отсутствовали, и только 1 респондент сообщил о доминировании одной религии (ислама) при полном отсутствии другой.

Ключевой блок результатов касался самоидентификации. 7 из 12 респондентов продемонстрировали позитивную гибридную идентичность, то есть либо свободно переключаются между двумя этническими принадлежностями в зависимости от контекста, либо идентифицируют себя с региональной общностью («уфимец», «башкортостанец»), либо придумывают собственные гибридные обозначения («татаро-башкирка»). Одна из респонденток (20 лет, мать русская, отец башкир) пояснила: «В анкетах я иногда пишу „русская“, иногда „башкирка“, а иногда просто ставлю прочерк. Мне кажется, это зависит от настроения. Друзьям я говорю: я смесь». Три респондента идентифицируют себя строго с

одной этничностью (в двух случаях -русская идентичность, в одном -башкирская), называя прагматические причины: «с русскими меньше проблем», «так проще в документах», «окружение воспринимает меня как русского/башкира, и я не спорю». И только два респондента (17% выборки) сообщили о серьезных идентификационных трудностях и дискомфорте. Оба этих респондента проживают в моноэтнических сельских районах (один в башкирском селе, другой в русской деревне) и отличаются тем, что в их семьях не поддерживалось двуязычие, а один из родителей настаивал на «чистоте крови» или однозначном выборе идентичности. Одна из этих респонденток (22 года, мать татарка, отец башкир) рассказала: «В деревне меня дразнили „киргизкой“, потому что я не чистая татарка и не чистая башкирка. Дома отец все время говорил, что я должна быть башкиркой, а мама обижалась. Я долго не знала, кто я. До сих пор иногда чувствую себя чужой везде». Этот случай показывает, что негативные последствия смешанных браков связаны не столько с самим фактом смешанности, сколько с отношением социального окружения и внутрисемейной динамикой.

Относительно социального окружения 10 из 12 респондентов отметили, что друзья и однокурсники относятся к их смешанному происхождению нейтрально или с интересом. Негативная реакция со стороны родственников (особенно старшего поколения) была отмечена 4 респондентами, причем в трех случаях давление ослабло со временем, и только в одном привело к длительному семейному конфликту. Никто из респондентов не сообщил о систематической дискриминации или травле. Что касается культурных практик, практически все респонденты указали сочетания в семейной кулинарии (подача бешбармака и борща за одним столом), праздничной культуре (совместное празднование Сабантуя, Масленицы, Ураза-байрам, Пасхи и Нового года), а также в бытовых традициях. На вопрос о собственных брачных планах 9 из 12 респондентов ответили, что для них этническая принадлежность партнера не имеет значения или имеет второстепенное значение. Только трое сказали, что предпочли бы партнера своей основной идентичности, причем двое из них -как раз те респонденты, которые испытывают идентификационные трудности.

Полученные данные позволяют сделать несколько теоретически значимых выводов. Высокая доля смешанных браков в Республике Башкортостан не подтверждает «жесткую» ассимиляционную модель Милтона Гордона, поскольку смешанные браки не ведут к исчезновению этнических идентичностей [3, с. 112–115]. Данные соответствуют прогнозам теории межгруппового контакта Оллпорта: длительное совместное проживание представителей разных этнических групп при институциональной поддержке снижает предрассудки и способствует росту числа межэтнических браков [5, с. 281–284]. Идентичность потомков из смешанных семей лучше всего описывается в терминах теории культурной гибридности Бхабхи: большинство респондентов не выбирают одну культуру вместо другой, а создают новое, гибридное пространство, позволяющее гибко навигировать между разными культурными контекстами [4, с. 52–55]. Факторами, способствующими формированию позитивной гибридной идентичности, выступают семейное двуязычие, религиозный синкретизм, поддержка окружения и проживание в поликультурной городской среде. Моноэтническое сельское окружение и давление со стороны старших родственников с требованием «выбрать одну национальность» могут приводить к идентификационным дилеммам. К специфическим факторам высокого уровня смешанных браков в Республике Башкортостан можно отнести длительную историю совместного проживания русских, башкир и татар; политику поддержки двуязычия (русский и башкирский -государственные языки); высокий уровень урбанизации (более 60% населения проживает в городах); а также развитую сеть национально-культурных центров [1; 6, с. 45–48].

Проведенное исследование показало, что Республика Башкортостан сохраняет одну из самых высоких в Российской Федерации долей межнациональных браков -20,3% [1]. Выявлена значимая дифференциация между городской и сельской местностью: в городах этот показатель составляет 21,2%, в селах -18,9%. Высокий уровень межэтнической

брачности коррелирует с формированием позитивной гибридной идентичности у потомков из смешанных семей: 7 из 12 опрошенных респондентов демонстрируют гибридную самоидентификацию, тогда как серьезные идентификационные трудности отмечены только у 2 из 12. Социальные и культурные последствия смешанных браков носят преимущественно позитивный характер: снижение этнической дистанции, расширение социальных сетей, формирование толерантных установок, языковое и кулинарное смешение, праздничный синкретизм. Перспективы дальнейших исследований связаны с анализом динамики доли смешанных браков в межпереписной период, проведением сравнительного анализа с другими полиэтническими регионами Российской Федерации (Республика Татарстан, Северный Кавказ), а также с изучением влияния цифровых сред и транснациональных процессов на формирование гибридных идентичностей у новых поколений.

Библиографический список

1. Башкортостан остается регионом с высокой долей межнациональных браков [Электронный ресурс] // Официальный сайт Башкортостанстата. – 2023. – Режим доступа: <https://bashstat.gks.ru/> (дата обращения: 28.04.2026).
2. Исянгулов, Ш.Н. Эндогамия у башкир в IX-XVI вв. / Ш. Н. Исянгулов // Вестник Башкирского университета. – 2018. – № 2. – С. 83–89.
3. Gordon, M. M. Assimilation in American Life: The Role of Race, Religion, and National Origins / M. M. Gordon. – New York: Oxford University Press, 1964. – 276 p.
4. Bhabha, H. K. The Location of Culture / H. K. Bhabha. – London: Routledge, 1994. – 285 p.
5. Allport, G. W. The Nature of Prejudice / G. W. Allport. – Reading, MA: Addison-Wesley, 1954. – 537 p.
6. Тишков, В. А. Российский народ: история и смысл национального самосознания / В.А. Тишков. – Москва: Наука, 2013. – 649 с.

УДК 316.444:378

ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ МОБИЛЬНОСТЬ И РИСК СОЦИАЛЬНОЙ ЭКСКЛЮЗИИ: ФОРМИРОВАНИЕ ИДЕНТИЧНОСТИ ИНОГОРОДНИХ СТУДЕНТОВ В РЕГИОНАЛЬНОМ ВУЗЕ

TERRITORIAL MOBILITY AND THE RISK OF SOCIAL EXCLUSION: IDENTITY FORMATION OF NON-RESIDENT STUDENTS AT A REGIONAL UNIVERSITY

Шаймарданова Камилла Ралифовна, студентка 4 курса бакалавриата, направление подготовки «Социология», профиль «Социология управления, экономики и коммуникаций», ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий», Уфа, Россия. E-mail: shaymarkam345678@mail.ru

Научный руководитель: Ковров Владимир Федорович, кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и работы с молодежью Уфимского университета науки и технологий, Уфа, Россия.

Shaimardanova Kamilla Ralifovna, 4th year Bachelor's student, Sociology, Department of Sociology and Work with Youth, Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia. E-mail: shaymarkam345678@mail.ru

Supervisor: Vladimir Fedorovich Kovrov, PhD in Sociology, Associate Professor, Department of Sociology and Youth Work, Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia.

Аннотация: Данная статья посвящена анализу взаимосвязи территориальной мобильности с процессами социальной адаптации и идентификации студентов, прибывших из других регионов, в условиях регионального многопрофильного университета. В статье акцентируется внимание на том, что переезд ради получения образования, несмотря на открывающиеся перспективы в учебе и карьере, сопряжен с определенными трудностями. Одной из наиболее серьезных является риск социальной эксклюзии (исключения). В связи с этим предлагаются управленческие стратегии, направленные на формирование инклюзивной (включающей) образовательной среды и профилактику социальной изоляции данной категории обучающихся.

Ключевые слова: студенческая миграция, социальная эксклюзия, иногородние студенты, адаптация в вузе, формирование идентичности, микросреда, региональный университет.

Abstract: Abstract: This article analyzes the relationship between territorial mobility and the social adaptation and identification processes of students from other regions at a regional multidisciplinary university. The article emphasizes that relocating for the sake of education, despite the opportunities it offers for academic and career advancement, is fraught with challenges. One of the most serious is the risk of social exclusion. Therefore, management strategies aimed at creating an inclusive educational environment and preventing social isolation for this category of students are proposed.

Keywords: student migration, social exclusion, out-of-town students, university adaptation, identity formation, microenvironment, regional university.

Введение. Современная российская молодежь активно перемещается в поисках лучших образовательных возможностей. Этот вид территориальной мобильности, известный как образовательная миграция, охватывает сотни тысяч абитуриентов, ежегодно покидающих свои родные населенные пункты для поступления в вузы региональных центров. Уфимский университет науки и технологий (УУНиТ), являясь ключевым научно-образовательным центром Башкортостана, привлекает значительное количество студентов из различных уголков республики и соседних регионов. Результаты проведенного исследования подтверждают эту тенденцию: 38% опрошенных студентов УУНиТ оказались иногородними, что демонстрирует интенсивность внутренней образовательной миграции в данном учебном заведении.

Переезд ради получения образования, несмотря на открывающиеся перспективы в учебе и карьере, сопряжен с определенными трудностями. Одной из наиболее серьезных является риск социальной эксклюзии. Под этим термином понимается не только физическое отдаление от привычного окружения, но и процесс ослабления или полного разрыва социальных связей, препятствующий успешной интеграции в новое сообщество [1]. Для студентов, приехавших из других городов, таким сообществом становится университетская среда. Успешная адаптация в ней является критически важной для их академических успехов, психологического благополучия и формирования новой, комплексной идентичности [2].

Важность этого исследования продиктована несколькими причинами. Во-первых, на уровне общества образовательная миграция является инструментом перераспределения человеческого капитала. Эффективность этого процесса напрямую зависит от успешной интеграции мигрантов в принимающем регионе. Если студенты не справляются с адаптацией и отчисляются, это означает не только их личные неудачи, но и демографические и экономические потери для региона. Во-вторых, на личном уровне, разрыв с привычной социальной средой (семья, друзья) порождает состояние, которое исследователи называют «адаптационным шоком» [3]. Это требует от первокурсников мобилизации всех своих личностных и социальных ресурсов для преодоления трудностей.

Теоретической основой исследования выступает ресурсная модель адаптации. Согласно этой модели, успешная интеграция в новую среду определяется объемом и доступностью как внутренних (психологических), так и внешних (институциональных, социальных) ресурсов [4].

Применительно к иногородним студентам, эта модель ярко высвечивает проблему: потеря привычной поддержки семьи и школьного окружения означает одномоментное лишение значительной части внешних ресурсов. Это ставит их в заведомо более уязвимое положение по сравнению с местными студентами, которые сохраняют свою привычную социальную инфраструктуру.

Цель исследования: понять особенности социальной адаптации студентов, приехавших из других городов, в условиях многопрофильного университета региона, и разработать практические рекомендации по созданию условий для их успешной интеграции и формирования позитивной самоидентификации.

Задачи исследования:

1. Оценить уровень и характер социальной обособленности иногородних студентов в сравнении с местными.
2. Выявить специфику академических и психофизиологических барьеров, с которыми сталкиваются приезжие студенты.
3. Изучить экспертное мнение сотрудников университета относительно проблем социальной адаптации иногородних студентов.
4. Разработать предложения по формированию инклюзивной среды, способствующей успешной интеграции приезжих студентов.

Методология: Исследование опирается на результаты количественного социологического опроса, проведенного в Уфимском университете науки и технологий в марте 2026 года.

Выборка: В опросе приняли участие 100 студентов, отобранных по стратифицированной выборке из трех институтов УУНиТ: Института гуманитарных и социальных наук (41 респондент), Института экономики, управления и бизнеса (30 респондентов) и Института природы и человека (29 респондентов). Соотношение по полу составило 57% женщин и 43% мужчин. По месту проживания до поступления в вуз, 62% опрошенных были местными жителями Уфы, а 38% – приезжими.

Исследование включало экспертный опрос 15 представителей административного и педагогического персонала УУНиТ, ответственных за поддержку студентов в период адаптации. Состав респондентов был следующим: кураторы групп (53% опрошенных), тьюторы (27%), заместители деканов по воспитательной работе (13%) и сотрудники отдела по работе со студентами (7%).

Сбор данных проводился с использованием анонимного онлайн-анкетирования, реализованного на платформе Google Forms. Анкета, предназначенная для студентов, состояла из трех блоков: первый – для сбора социально-демографической информации, второй – для самооценки уровня адаптации по 5-балльной шкале, и третий – содержащий 18 утверждений, сгруппированных по трем основным направлениям: академические трудности, барьеры в социально-коммуникативной сфере и психофизиологические проблемы. Студентам предлагалось оценить частоту возникновения каждой из этих проблем, используя 4-балльную шкалу (от «никогда» до «постоянно»).

Первичная обработка собранных данных осуществлялась в программе Microsoft Excel. Для проведения статистического анализа, в частности, для расчета t-критерия Стьюдента для независимых выборок и однофакторного дисперсионного анализа (ANOVA), применялся программный пакет IBM SPSS Statistics версии 27.

Результаты исследования

Тенденция к социальной изоляции является доминирующей среди обучающихся и не коррелирует с их прежним местом жительства как показал анализ социально-коммуникативной сферы студентов УУНиТ. Так, одинаково высокие доли как иногородних, так и местных обучающихся отмечают, что регулярно испытывают данное состояние. Их этих данных можно сделать вывод, что данная проблема имеет системный характер и вызвана не физико-географическими факторами, а факторами университетской среды.

Распространенными среди как местных, так и иногородних студентов УУНиТ трудностями в социально-коммуникативной сфере также являются сложности в поиске единомышленников (78% иногородних, 75% местных) и развитии доверительных межличностных отношений в студенческой среде (75% иногородних, 74% местных). Исходя из этих данных можно предположить, что такие факторы, как масштаб и пространственная организация образовательного комплекса УУНиТ являются одними из наиболее значимых в плане риска социальной эксклюзии. Это создает эффект "невидимости в массе", когда студенты, независимо от своего географического происхождения, сталкиваются с препятствиями в формировании базовых социальных связей.

Однако важно понимать, что природа этой изоляции может отличаться. Для местных студентов это может быть вызовом вписаться в новые социальные группы, сохраняя при этом прежние связи. Для иногородних же изоляция означает полный отрыв от привычного социального мира, что усугубляет чувство дезориентации в условиях большого университета [5].

Были установлены статистически значимые отличия в адаптации иногородних и местных студентов, которые проявились в академической и, в большей степени, в психофизиологической сферах (табл.1).

Таблица 1. Распространенность адаптационных проблем среди студентов в зависимости от их места проживания до поступления (%)

Проблема	Иногородние	Местные
Сложности с самоорганизацией и соблюдением дедлайнов	77	57
Недостаточное количество сна и отдыха	82	55
Утомление и эмоциональное выгорание к концу недели	73	47
Наличие тревоги и стресса, вызванных учебной нагрузкой	67	46
Ухудшение физического самочувствия после поступления	54	36

Анализ данных из таблицы 1 выявил существенную разницу в психофизиологическом состоянии между иногородними и местными студентами. Приезжие студенты демонстрируют более высокий уровень уязвимости по всем исследованным показателям. Наиболее выраженное отличие наблюдается в сферах «дефицит сна и отдыха» и «утомление и эмоциональное выгорание». Причина такого положения дел кроется в необходимости полного самообслуживания для иногородних студентов, проживающих в общежитиях или на съемных квартирах. Организация питания, быта и соблюдение режима дня полностью ложатся на их плечи. Эта дополнительная нагрузка, отсутствующая у многих местных студентов, живущих с родителями, суммируется с высокой академической нагрузкой, приводя к кумулятивному эффекту усталости. Кроме того, психологический аспект разлуки с семьей и привычной средой является самостоятельным фактором хронического стресса [6]. В то время как местные студенты могут рассчитывать на эмоциональную и бытовую поддержку семьи после учебного дня, иногородние лишены такой возможности и вынуждены справляться со стрессом в одиночку, зачастую в условиях общежития, не всегда способствующих восстановлению.

В академической сфере иногородние студенты также испытывают большие трудности. 77% приезжих отмечают проблемы с самоорганизацией и соблюдением дедлайнов, в то время как среди местных этот показатель составляет 57%. Это может быть связано с тем, что навыки тайм-менеджмента у студентов, привыкших к родительскому контролю, частично компенсируются внешними факторами. При этом приезжие студенты, которые в связи с поступлением в вуз оказались в ситуации отсутствия привычного контроля со стороны родителей или других значимых взрослых и знакомого окружения имеют более выраженные сложности с самостоятельной организацией своей академической деятельности.

В результате сравнительного анализа мнений по поводу адаптации у студентов и

экспертов было выявлено, что имеются расхождения в понимании адаптационных сложностей. Так, экспертами отмечена проблема эмоционального давления и стресса как доминирующая (47%). При этом ими не были упомянуты трудности в академической сфере, такие, как, например нечеткость критериев оценивания работ и сложности с ведением лекций.

При этом видение студентами адаптационных проблем отличается от экспертного видения данных проблем. Так, большинством (75%) отмечена такая проблема как сложность в понимании критериев выполнения письменных работ, 74% обучающихся заявили, что имеют трудности при конспектировании лекций, и 70% имеют сложности при работе с большим объемом учебной литературы. Можно сделать вывод, что эксперты не принимают во внимание ярко выраженные академические трудности студентов. Недооценка масштаба академических проблем со стороны администрации и преподавателей приводит к отсутствию необходимой поддержки, что может вызывать хронический стресс и неуспеваемость. В итоге иногородние студенты оказываются исключенными как из студенческой среды, так и из поля зрения руководства вуза.

Преодоление социальной исключенности иногородних студентов напрямую связано с формированием у них новой, позитивной идентичности. Важнейшую роль в этом играет создание малых групп, которые ученые называют "эрзац-семьями". Эти группы призваны заменить утраченную на время обучения семейную поддержку [7].

Одним из наиболее действенных способов формирования таких групп являются программы адаптационного менторства или тьюторинга. В рамках этих программ студенты старших курсов, имеющие опыт успешной адаптации, закрепляются за академическими группами или общежитиями. Ментор, по сути, выполняет функции старшего члена семьи: помогает освоиться в неформальной университетской среде, оказывает эмоциональную поддержку и выступает посредником в общении с администрацией. Исследования показывают, что наличие такого наставника статистически значимо снижает уровень тревожности и повышает удовлетворенность учебным процессом у первокурсников [8].

В УУНиТ существуют предпосылки для внедрения подобных практик. Опрос сотрудников выявил полную готовность (100%) к участию в разработке и тестировании новых адаптационных программ. Эксперты считают наиболее эффективными форматами поддержки индивидуальные консультации и систематические встречи с куратором или тьютором (по 53%). Однако для полной реализации этого потенциала требуется формализация деятельности менторов и тьюторов: закрепление их функций в должностных инструкциях, а также разработка системы обучения и мотивации. Текущее исследование показало, что лишь 53% экспертов прошли однократную подготовку по работе с адаптирующимися студентами, а 27% не проходили ее вовсе, что свидетельствует об отсутствии системного подхода.

Выводы. Переезд студентов в другие города ради получения качественного образования имеет как положительные, так и отрицательные стороны. С одной стороны, это открывает двери к лучшим образовательным возможностям. С другой стороны, для студентов, приехавших из других регионов, существует риск оказаться на обочине социальной жизни. При этом проблема социальной изоляции в крупных, многопрофильных университетах является общей для всех студентов, независимо от того, откуда они родом. Почти одинаково высокий процент как местных (82%), так и приезжих (83%) студентов испытывают трудности с интеграцией, что указывает на системные недочеты в организации университетской жизни.

Иногородние студенты, по сравнению с местными испытывают более серьезные трудности в психологической и академической сферах. Так, они намного чаще отмечали такие сложности как проблемы с самоорганизацией, эмоциональное выгорание и усталость. Стоит отметить, что данные области требуют целенаправленной помощи иногородним студентам со стороны руководства университета.

Были выявлены существенные расхождения в понимании проблем адаптации между обучающимися и сотрудниками, ответственными за их адаптацию. Так, сотрудники УУНиТ уделяют много внимания психологическим трудностям, но при этом серьезно недооценивают

академические проблемы, которые отмечены самими студентами как ярко выраженные. Можно предположить, что это вызвано отсутствием обратной связи между обучающимися и экспертами, что приводит к тому, что предлагаемые меры не соответствуют потребностям обучающихся.

Важной задачей по минимизации рисков социальной изоляции у иногородних студентов является усиление формирования их социальных связей посредством таких мероприятий как развитие программ наставничества, интенсификация межличностного взаимодействия в рамках учебных групп и организация групп поддержки в студенческих общежитиях. Также для успешной адаптации иногородних студентов необходимо регламентировать обязанности кураторов и наставников и обеспечить их систематическое профессиональное обучение в плане управления адаптационным процессом обучающихся.

Можно сделать вывод, что одним из приоритетных направлений региональной политики в сфере образования является эффективное управление процессом территориальной мобильности студентов, так как создание благоприятной среды для адаптации студентов в высших учебных заведениях способствует предотвращению оттока квалифицированных кадров после окончания обучения, что способствует сохранению и развитию региона.

Библиографический список

1. Гайфуллин А. Ю. Роль социальных сетей в профессиональном выборе старшеклассников: социологический анализ // Уфимский гуманитарный научный форум. – 2024. – № 2. – С. 189–203. – DOI: 10.47309/2713-2358-2024-2-189-203.
2. Пономарев А. В. Адаптация студентов первого курса к системе высшего профессионального образования: от теории к практике / А. В. Пономарев, Е. В. Осипчукова // Образование и наука. – 2007. – № 1. – С. 63–72.
3. Гречкина Л. Ю. Изучение процесса адаптации студентов вуза // Вестник Бурятского государственного университета. Философия. – 2017. – № 4. – С. 89–95.
4. Парсонс Т. Социальная система / пер. с англ. – М.: Академический проект, 2002. – 832 с.
5. Кашапов М. М. Научное наследие Валерия Александровича Якунина – ресурсная основа современных исследований в педагогической психологии // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. – 2022. – № 2. – С. 105–112.
6. Битянова М. Р. Организация психологической работы в школе. – М.: Совершенство, 1998. – 298 с.
7. Тинто В. Уход из колледжа: переосмысление причин и способов преодоления отсева студентов / В. Тинто. – 2-е изд. – Чикаго: Издательство Чикагского университета, 1993. – 296 с.
8. Третьяченко Д. С. Проблемы социокультурной адаптации иностранных студентов в высшем учебном заведении // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2020. – № 1. – С. 49–55.

УДК 316.334.56

ОЦЕНКА СИМВОЛИЧЕСКОГО КАПИТАЛА ГОРОДА УФЫ ИНОСТРАННЫМИ СТУДЕНТАМИ

EVALUATION OF THE SYMBOLIC CAPITAL OF THE CITY OF UFA BY FOREIGN STUDENTS

Шафигубдинов Никита Эдуардович, магистрант 2 курса социологии, студент ФГБОУ ВО "Уфимский университет науки и технологий", г. Уфа, Россия

Научный руководитель: **Лавренюк-Исаева Наталья Михайловна**, кандидат социологических наук, доцент, доцент ФГБОУ ВО "Уфимский университет науки и технологий", г. Уфа, Россия

Аннотация: В статье представлены результаты фокус-группового исследования, посвященного изучению особенностей восприятия символического капитала города Уфы иностранными студентами из Туркменистана. На основе анализа фокус-группового интервью выявлены основные символы, ассоциации и эмоциональные оценки города. Показано, что символический капитал Уфы для данной аудитории носит инструментально-повседневный, а не ценностно-эмоциональный характер. Сделан вывод о необходимости учета миграционных сетей как основного канала формирования символического капитала города.

Abstract: The article presents the results of a focus group study devoted to the perception of the symbolic capital of Ufa by international students from Turkmenistan. Based on the analysis of 8 in-depth interviews in a group format, the main symbols, associations and emotional evaluations of the city are identified. It is shown that the symbolic capital of Ufa for this audience is instrumental and everyday rather than value-emotional in nature. The conclusion is made about the need to take into account migration networks as the main channel for forming the city's symbolic capital.

Ключевые слова: символический капитал, город Уфа, иностранные студенты, фокус-группа, городская идентичность, миграционные сети, восприятие города, брендинг территории.

Key words: symbolic capital, city of Ufa, international students, focus group, urban identity, migration networks, city perception, territory branding.

Введение. В условиях глобальной конкуренции городов за человеческие ресурсы символический капитал территории становится значимым фактором привлекательности. Для современной Уфы, несмотря на её культурно-исторический и образовательный потенциал, проблема формирования устойчивого позитивного имиджа остается открытой. Как отмечают исследователи, «бренд территории проработан не в достаточной степени и нуждается в креативном ребрендинге» [1, с. 218]. Это напрямую касается Уфы, чей символический капитал пока не сложился в целостный и привлекательный образ для молодежи.

В контексте регионального развития такая задача приобретает особую остроту. Согласно концепции профессора Д.М. Гилязитдинова, социокультурный капитал является одним из ключевых ресурсов человеческого потенциала Республики Башкортостан, поскольку именно он формирует ценностные ориентиры, региональную идентичность и способность территории привлекать и удерживать талантливую молодежь [2]. Именно через символические ресурсы города - его образ, узнаваемые знаки и эмоциональные ассоциации - реализуется механизм социокультурного притяжения.

Актуальность исследования усиливается программой стратегического развития Уфимского университета науки и технологий «Приоритет-2030», в рамках которой УУНИТ выступает центром формирования социокультурного капитала региона. Несмотря на устойчивый рост Индекса развития человеческого потенциала, Башкортостан по-прежнему сталкивается с оттоком молодежи и необходимостью повышения привлекательности территории для иностранных студентов - одной из приоритетных целевых групп национальных проектов [3]. В этих условиях символический капитал Уфы перестает быть вопросом имиджа и превращается в практический фактор устойчивого развития человеческого потенциала республики.

Особый интерес представляет восприятие города иностранными студентами – мобильной и рефлексивной группой, которая одновременно выступает и потребителем, и потенциальным транслятором символического капитала за пределами города. В 2025 году в вузах Республики Башкортостан обучалось более 8,9 тыс. иностранных граждан, при этом самая многочисленная группа - студенты из Туркменистана (2621 человек). [4] Именно они

представляют собой устойчивый миграционный поток. Изучение восприятия символического капитала Уфы именно этой группой позволяет выявить реальные механизмы притяжения и удержания иностранных студентов, понять, насколько официальный брендинг города работает на практике, и предложить эмпирически обоснованные решения для усиления социокультурной привлекательности территории.

Цель настоящего исследования - выявить особенности восприятия и оценки символического капитала Уфы студентами из Туркменистана, обучающимися в уфимских вузах.

Задачи

1. Выявить и классифицировать ключевые символы города Уфы, определить их узнаваемость и субъективную значимость в восприятии иностранных студентов из Туркменистана.
2. Оценить эмоциональную реакцию на образ города, характер городской идентичности и степень привязанности к Уфе.
3. Определить основные каналы и факторы формирования символического капитала Уфы в данной группе, факторы притяжения и отталкивания.
4. Проанализировать влияние восприятия символического капитала на миграционные намерения студентов
5. Сформулировать практические рекомендации по повышению привлекательности города для иностранных студентов.

Полученные результаты в дальнейшем могут служить основой для проектирования бренд-платформы города.

Теоретической рамкой выступает концепция П. Бурдьё, который понимал символический капитал как любую форму капитала (экономического, культурного, социального), воспринимаемую как имеющую ценность через механизмы узнавания и габитуса [5, с. 219–237]. Как уточняет К.М.Мартиросян, идея символических средств обмена разрабатывалась ещё Т.Парсонсом и К.Поланьи, а Бурдьё синтезировал эти подходы [6, с. 36–37].

Методы. Исследование выполнено в формате качественного социологического анализа фокус-группового интервью со студентами из Туркменистана, обучающимися в Уфе. Фокус-группа проведена в декабре 2025 года. В состав участников вошли 8 студентов из Туркменистана (7 парней, 1 девушка) в возрасте от 20 до 26 лет, обучающихся в Уфе около 3 лет. Критерии отбора: гражданство Туркменистана, срок проживания в Уфе не менее 2 лет, владение русским языком на разговорном уровне.

Осуществлялось исследование по заранее подготовленному гайду, охватывающему восприятие города, символы, эмоциональные оценки, источники информации и планы на будущее. Для стимуляции ответов использовались карточки с визуальными изображениями символов Уфы и Ашхабада. Продолжительность - 1 час 13 минут. Запись транскрибирована, анализ проведен методом тематического кодирования.

Ограничения исследования: малый размер выборки ($n=8$). Результаты не могут быть экстраполированы на все группы иностранных студентов, но позволяют выявить глубинные механизмы восприятия.

Результаты

1. Доминирующей темой первых впечатлений стал климатический шок: сильный снег, минус 40–45 по ощущениям, риск простудиться. Также отмечались страх недружелюбия и незнание русского языка. Однако по прошествии 2–3 лет первоначальный шок трансформировался в позитивную оценку. Таким образом, Уфа проходит стадию переоценки ожиданий от климатического шока и страха к умеренно-позитивному принятию.

2. Спонтанно названные ассоциации распределились по следующим категориям. Наиболее частые: природа (лес, река Белая); красивый город; мечеть Ляля-Тюльпан, памятник Салавату Юлаеву, языковая близость. Далее: спорт (хоккейный клуб "Салават

Юлаев", футбольный клуб "Уфа"); монумент Дружбы. Характерно, что природно-эстетические и религиозные оценки доминируют над историко-культурными. При этом этнические символы не были названы никем.

3. При предъявлении визуальных стимулов наибольшую узнаваемость и личную значимость получили: башкирский мед, мечеть Ляля-Тюльпан, Гостиный двор, памятник Салавату Юлаеву. Монумент Дружбы узнали 5 человек, герб Башкирии - 4, фонтан "Семь девушек" - 2, курай - 1. Это значит, что для иностранных студентов понятными оказываются символы трех типов: утилитарно-повседневные, религиозно-маркированные и гастрономические. Этнокультурные символы, не имеющие аналогов в родной культуре и не связанные с повседневным опытом, остаются чужими (Например курай, соболев, эпос "Урал-батыр")

4. Названы две фигуры олицетворяющие Уфу: Салават Юлаев и действующий глава региона Радий Хабиров. Примечательно, что ни один участник не смог рассказать историю Салавата Юлаева - герой воспринимается как визуально-статусный символ без исторического содержания, номинально важная фигура. Хабиров упоминается в контексте "глава", что указывает на восприятие власти как дистанцированного, но узнаваемого символа.

5. На вопрос "Какие эмоции у вас вызывает Уфа?" даны ответы: "спокойствие", "обычность", "нейтральность". Ярких положительных или отрицательных эмоций не зафиксировано. На вопрос "Чувствуете ли вы Уфу своим городом?" большинство ответили "скорее да, привыкли за 3 года". Однако основания для этого инструментальные: длительность проживания, знание маршрутов, наличие привычных мест (набережная, кафе, торговые центры). Сравнение с Ашхабадом проводилось для выяснения природы городской идентичности. Ашхабад участники описывают через белый мрамор, рекорд Гиннеса, монументы и президентов. При этом собственной эмоциональной связи с Ашхабадом, за исключением одного респондента, родившегося там, нет. Город воспринимается формально-государственным символом, а не "своим" в бытовом смысле. Таким образом, ни Уфа, ни Ашхабад не вызывают глубокой ценностно-эмоциональной идентичности. В первом случае идентичность инструментальна, во втором - номинальна. Для мигрантов из Туркменистана "свой" город - это скорее место длительного привыкания или формальный центр, а не источник гордости, идентичности и привязанности.

6. Источники информации об Уфе. Ключевой канал - "родственники и знакомые, которые уже здесь учились". Никто из участников не искал информацию об Уфе самостоятельно до приезда, не следит за городскими новостями, не знал о существовании Башкортостана. Это свидетельствует о том, что для данной аудитории символический капитал Уфы формируется не через медиа или официальный маркетинг, а через миграционные сети - горизонтальные связи землячества.

7. К факторам притяжения отнесены: социальная теплота и безопасность ("дружелюбные люди, братья-мусульмане, помогают"); уровень развития инфраструктуры (интернет, сервисы, ТЦ, кафе, мероприятия); религиозная и языковая близость. Единственным фактором отталкивания на старте выступил холод. Примечательно, что на вопрос "Планируете ли вы остаться в Уфе после учебы?" четкого положительного ответа не дал никто. Символический капитал города в данной группе оказывает слабое влияние на миграционные намерения - он не является решающим фактором удержания на фоне других обстоятельств (семья, работа).

Проведенное исследование показало, что символический капитал Уфы в глазах иностранных студентов из Туркменистана функционален, но не ценностен. Он работает на уровне повседневного комфорта (инфраструктура, безопасность, религиозно-языковая близость), но не порождает эмоциональной привязанности или желания остаться в городе после учебы. Значит официальные символы и брендинговые усилия Уфы пока не достигают целевой аудитории - ключевым каналом остаются миграционные сети, а не медиа.

Выводы: Исследование показывает символический капитал города как неопределенный, плохо узнаваемый. Для повышения привлекательности города среди данной группы необходима не столько смена визуальной айдентики, сколько целенаправленная работа с каналами коммуникации и интеграция молодежи в городскую среду через долгосрочные событийные и повседневные практики. Полученные результаты могут быть использованы при проектировании бренд-платформы Уфы, ориентированной на реальное восприятие, а не на формальные историко-культурные конструкторы.

Список литературы

1. Бикметов, Е.Ю. Региональный аспект территориального маркетинга (на примере Республики Башкортостан) / Е.Ю. Бикметов, Е.В. Кузнецова, И.Я. Рувенный // Вестник ПНИПУ. Социально-экономические науки. – 2023. – № 1. – С. 209–224.
2. Валиахметов Р.М. и др. Республика Башкортостан. Доклад о развитии человеческого потенциала за 2008 г. / под общ. ред. Валиахметова Р.М., Бурхановой Ф.Б., Хиляжевой Г.Ф. – Уфа: Изд-во «Восточная печать». 2009, 352 с.
3. Валиахметов Р.М. Развитие человеческого потенциала РБ в контексте национальных проектов. // XXII Уральские социологические чтения. Национальные проекты и социально-экономическое развитие Уральского региона: статья – Уфа, 2020, С. 82–85. [Электронный ресурс] URL: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/82294/1/978-5-7996-2992-2_2020_018.pdf
4. Мумбер А. Специалисты подсчитали количество иностранных студентов в Башкирии [Электронный ресурс] // UfacityNews.ru. – 25.01.2024. URL: <https://ufacitynews.ru/around/182069-specialisty-podschitali-kolichestvo-inostrannyh-studentov-v-bashkirii.html>
5. П. Бурдые Практический смысл / Пер. с фр.: А. Т. Бикбов, К. Д. Вознесенская, С. Н. Зенкин, Н. А. Шматко; Отв. ред. пер. и послесл. Н. А. Шматко. – СПб.: Алетейя, 2001 г. – 562 с.
6. Мартиросян К.М. Концепция символического капитала в современной социологии // Культурная жизнь Юга России. 2014. №4. С. 35–37. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptsiya-simvolicheskogo-kapitala-v-sovremennoy-sotsiologii>.

УДК 316.43

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ УНИТ В ПРОЦЕССЕ РЕАЛИЗАЦИИ ПРОГРАММЫ “ПРИОРИТЕТ 2030”

UUST SOCIO-CULTURAL POTENTIAL IN THE PROCESS OF IMPLEMENTING THE PRIORITY 2030 PROGRAM

Шафигубдинов Никита Эдуардович, магистрант социологии 1 курса кафедры социологии и работы с молодежью, ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий», Уфа, Россия, E-mail: nsha1213@gmail.com

Shafigubdinov Nikita Eduardovich, 1st-year Master of Sociology, Student of the Department of Sociology and Youth Work, Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia, E-mail: nsha1213@gmail.com

Аннотация. В работе проводится комплексный анализ влияния программы «Приоритет 2030» Уфимского университета науки и технологий (УУНИТ) на развитие социокультурного потенциала ВУЗа в условиях ESG-трансформации. Исследование акцентирует внимание на социокультурном измерении, рассматривая проекты университета в рамках образовательных, научных и социальных инициатив. Особое внимание уделяется оценке соответствия реализуемых проектов ESG-критериям (Environmental, Social, Governance) и их вкладу в формирование социокультурного капитала, сохранение традиций и развитие инклюзивности.

Abstract. The paper provides a comprehensive analysis of the impact of the Priority 2030 program of Ufa University of Science and Technology (UUST) on the development of the University's socio-cultural potential in the context of ESG transformation. The study focuses on the socio-cultural dimension, considering the university's projects within the framework of educational, scientific and social initiatives. Special attention is paid to assessing the compliance of projects with ESG criteria (Environmental, Social, Governance) and their contribution to the formation of socio-cultural capital, the preservation of traditions and the development of inclusivity.

Ключевые слова: социокультурный потенциал, ESG-трансформация, социокультурное развитие, Приоритет 2030, устойчивое развитие, культурный капитал

Keywords: socio-cultural potential, ESG transformation, socio-cultural development, Priority 2030, sustainable development, cultural capital

Введение. Развитие человеческого потенциала в Республике Башкортостан, несмотря на позитивную динамику Индекса развития человеческого потенциала (ИРЧП), сталкивается с системными вызовами: отток молодежи, неравномерное распределение ресурсов и снижение качества образования[1]. В условиях ESG-трансформации (Environmental, Social, Governance) ключевая роль отводится университетам, которые трансформируются из образовательных институтов в научно-технологические и социально-экономические центры развития страны и регионов. Программа «Приоритет-2030», реализуемая Уфимским университетом науки и технологий (УУНИТ), направлена на решение этих задач[2][3]. ESG-трансформация опирается на ВУЗы неслучайно. Человеческий потенциал как основа устойчивого развития формируется в студенческой молодежной среде. Университеты, готовящие специалистов, напрямую влияют на их компетенции, ценности и способность решать социально-экономические и социально-культурные проблемы. В этом контексте УУНИТ, реализуя программу «Приоритет-2030», призван стать не только центром технологических инноваций, но и платформой для укрепления социокультурного капитала, который профессор Д.М. Гилязитдинов выделял как ключевой компонент человеческого развития[4]. В отличие от узкого экономического подхода, он подчеркивал, что потенциал региона определяется доступом к образованию на родном языке, сохранением традиций и поддержкой творчества – факторами, которые сегодня интегрируются в ESG-стратегии через социальную инклюзивность и культурное разнообразие.

Практическая значимость исследования обусловлена необходимостью анализа, как проекты УУНИТ в рамках «Приоритета-2030» влияют на формирование человеческого потенциала через образование, науку и социальную мобильность студентов и соответствуют критериям ESG, несмотря на отсутствие официальной отчетности университета по этим стандартам.

Степень научной разработанности. Концепция человеческого потенциала, интегрирующая экономические, социальные и культурные аспекты, получила развитие в трудах Д.М. Гилязитдинова, который в рамках “Доклада о развитии человеческого потенциала в Республике Башкортостан (2008)” акцентировал роль социокультурного капитала [4]. ESG-трансформация, базирующаяся на принципах устойчивого развития (экология, социальная ответственность, эффективное управление), в глобальном контексте опирается на Цели устойчивого развития ООН (ЦУР)[5], однако её региональная специфика раскрыта в работах Ю.К. Акчулпанова, анализирующего устойчивое развитие Башкортостана. [6] Программа «Приоритет-2030», направленная на трансформацию ВУЗов в научно-технологические и социально-экономические центры, реализует национальными целями России до 2030 года, включая развитие человеческого потенциала [7]. Комплексный анализ самых разных аспектов жизни молодежи, в том числе образования, реализован в работе «Доклад о положении молодежи в Республике Башкортостан» Н.М. Лавренюк, О. Ф. Адигамовой, Н. Г. Вишневской и др.[8] Ключевой теоретической базой стали исследования

Р.М. Валиахметова, связывающего развитие человеческого потенциала с реализацией национальных проектов [1]. Совокупность этих исследований создает прочную теоретическую основу для проведения настоящего анализа.

Цель: оценить вклад программы «Приоритет-2030» в развитие человеческого потенциала УУНИТ через социокультурные аспекты ESG-трансформации

Задачи.

1. Определить и сформулировать показатели оценки вклада программы «Приоритет 2030» в развитие человеческого потенциала.
2. Провести категоризацию и анализ реализованных проектов УУНИТ в рамках программы «Приоритет 2030» по предложенным блокам оценки.
3. Оценить влияние реализованных инициатив на развитие человеческого потенциала в контексте ESG-трансформации
4. Сформулировать рекомендации для дальнейшей интеграции ESG-принципов в стратегию развития УУНИТ.

Объект – процесс реализации программы «Приоритет 2030» в УУНИТ

Предмет - влияние программы на развитие человеческого потенциала университета через социокультурные факторы

Основные понятия

ESG-критерии: Экологические (Environmental), Социальные (Social) и Управленческие (Governance) аспекты, являющиеся базисом устойчивого развития.

Социокультурный потенциал - аспект человеческого развития, включающий социальный, образовательный, культурный и духовный компоненты [12].

Человеческий потенциал - совокупность социально-культурных ресурсов, способствующих развитию личности и общества, включая языковую доступность, сохранение культурных традиций и поддержку этнокультурного многообразия (на основе [4]).

Методы исследования: качественный анализ документов.

Эмпирическая основа: Использованы данные из отчета УУНИТ за 2022 г.[9], официального сайта УУНИТ[10] и программы развития «Приоритет-2030» [2]. Выделены проекты, соответствующие критериям ESG (Environmental, Social, Governance) и социокультурной концепции человеческого развития Д.М. Гилязитдинова.

Сравнительный анализ: сопоставление проектов УУНИТ с ключевыми показателями ESG и культурного капитала (языковая политика, поддержка традиций).

Методология исследования:

1. Национальное Рейтинговое Агентство (НРА) использовали следующий способ оценки университетов для своего рэнкинга. [11]

Методология включает 45 показателей, объединенных в 5 блоков, и использует трехуровневую шкалу оценки:

- 2 балла – полное соответствие критерию;
- 1 балл – частичное соответствие;
- 0 баллов – несоответствие.

Блоки оценки:

1. Образование для устойчивого развития (УР) (8 показателей):
 - Наличие программ по УР, интеграция концепции УР в учебные курсы, образовательные мероприятия.
2. Наука для УР (6 показателей):
 - Научные подразделения, публикации, диссертации, прикладные исследования по УР.
3. Экологические аспекты (8 показателей):

- Контроль экоследа, энергоэффективность, отдельный сбор отходов, использование ВИЭ.
- 4. Социальные аспекты (13 показателей):
 - Инклюзивность, охрана труда, поддержка сотрудников и студентов, участие в жизни города.
- 5. Управленческие аспекты (10 показателей):
 - Стратегия УР, ESG-отчетность, взаимодействие с НКО, антикоррупционная политика.

Интегральный индекс:

- Рассчитывается как среднее арифметическое баллов по всем 45 показателям.
- ВУЗы ранжируются по значению индекса, формируя ESG-рэнкинг

Таким образом получены критерии для сравнения и оценки УУНИТ, но с учетом необходимости оценить социокультурный вклад, отдельно выделены критерии из определения человеческого потенциала: языковая доступность, сохранение культурных традиций и поддержка этнокультурного многообразия.

Ограничения методологии:

Отсутствие официальной ESG-отчетности УУНИТ вынуждает использовать косвенные данные. Исследование носит пилотный характер и требует углубленной верификации.

Результаты исследования

В результате для УУНИТ получены следующие оценки:

Образование для устойчивого развития (УР) - 2

Научный блок - 2

Экологический блок - 0,5

Социальный блок - 0,62

Управленческий блок - 0,6

Для социокультурного потенциала выделяются критерии:

- Доступ к образованию на родном языке;
- Сохранение культурного наследия; Государственная поддержка и национальная политика; Расширение интернет-доступа к наследию Башкортостана.
- Социальная инклюзивность.
- Этнокультурное многообразие, миграционные процессы, мультикультурность

Были отобраны те проекты, которые свидетельствуют о наличии соответствия выбранным показателям. Оценка произведена в таблице 1.

Таблица 1

Оценки социокультурного вклада

Критерий	Реализованные инициативы УУНИТ	Ключевые показатели	Оценка (условно: 2 – высокий, 1 – умеренный, 0 – низкий)	Комментарий
Доступ к образованию на родном языке	Предуниверсарии, полилингвальные курсы	16 предуниверсариесв, 8 языковых программ, 35% студентов из сельских районов	1	Локальная, частная поддержка языковой идентичности
Сохранение культурного	Программа «Этнокультурный	1500+ участников, 100+	2	Значительный вклад в

наследия	диалог», цифровизация фольклора	оцифрованных материалов		сохранение культурного наследия
Социальная инклюзивность	Волонтерские программы, стройотряды	400+ волонтеров, 470+ студентов в стройотрядах	1	Реализуется, но требуется расширения охвата
Этнокультурное многообразие	- Творчество и конкурсы (фестивали «Россия многоликая», «Студенческая весна»)	- 150+ победителей и лауреатов. - Финансирование костюмов: 1,5 млн руб. (4 коллектива).	2	Значительный вклад в культурное разнообразие

Среднее по блоку: 1, 5

Таким образом социокультурный вклад УУНИТ при реализации программы «Приоритет 2030» в развитие человеческого потенциала оценивается условно как умеренный

На основе данных оценок выделены сильные и слабые стороны реализации программы «Приоритет 2030»

Сильные стороны:

Образование и наука для устойчивого развития (УР) отражают системную интеграцию УР в программы (междисциплинарные курсы, проекты с предприятиями, международное сотрудничество). Поддержка карьерных треков и цифровизация обратной связи через ИСУ усиливают человеческий потенциал, развивая навыки, востребованные на рынке.

Социокультурный вклад: Высокие баллы по сохранению культурного наследия (программа «Этнокультурный диалог») и языковой доступности (предуниверсарии, полилингвальные курсы) соответствуют концепции Гилязитдинова Дж. М., укрепляя культурный капитал региона.

Слабые стороны:

Экологические аспекты (0.5 балла): отсутствие системного подхода к отдельному сбору отходов, использованию ВИЭ и публичной отчетности по экоследу.

Социальная инклюзивность (1 балл): отсутствие данных по коллективному договору снижают потенциал социальной сплоченности.

Управление (0.6 балла): нет наблюдательных органов по ESG, требуется официальный отчет.

В среднем получаем индекс 1,144. Что в сравнении индексов по выборке доклада НРА (без социокультурного индекса) выше среднего уровня оценки по БРИКС, и примерно равно средней оценке по ЕАЭС.

4. Рекомендации

Для дальнейшей интеграции ESG-принципов в стратегию развития УУНИТ предлагается ввести систему ESG-отчетности для мониторинга устойчивого развития университета.

Включить экологические зеленые инициативы в стратегию развития ВУЗа (отдельный сбор отходов, ВИЭ, оценка углеродного следа, эко-отчетность).

Институционализировать эндаумент-фонд. Внедрить социальные критерии в закупки. Разработать антикоррупционную политику с «горячей линией» и ежегодным аудитом.

Программа «Приоритет-2030» УУНИТ демонстрирует потенциал для формирования человеческого капитала через:

- Образовательно-научный комплекс, соответствующий глобальным трендам (Scopus Q1, ИСУ).

- Социокультурные проекты, укрепляющие этническую идентичность (предуниверсарии, цифровизация фольклора).

Однако риски связаны с:

- Дисбалансом ESG-блоков: Экология и управление отстают от образования.
- Частным характером инициатив

Выводы. Исследование подтвердило, что программа «Приоритет-2030» для УУНИТ вносит умеренный вклад в развитие человеческого и социокультурного потенциала через ESG-трансформацию, демонстрируя значительные успехи в образовательно-научном блоке и социокультурной сфере, при этом экологический и управленческий блоки отстают. Реализованные проекты укрепляют социокультурный капитал Башкортостана в соответствии с концепцией Д.М. Гилязитдинова, но локальный характер инициатив снижает их региональное воздействие. Отсутствие официальной ESG-отчетности УУНИТ вынудило опираться на косвенные данные, что могло повлиять на объективность оценки. Кроме того, выборка социокультурных проектов ограничена публично доступной информацией и лишь теми инициативами, что входят в программу «Приоритет 2030», что сужает анализ.

При сохранении текущих тенденций УУНИТ сохранит лидерство в образовательно-научной сфере, однако без системных изменений в экологии и управлении рискует замедлиться в ESG-трансформации. В рамках дальнейших исследований по данной теме планируется изучить сравнительный опыт ВУЗов, успешно реализующих ESG-трансформацию.

Библиографический список

1. Валиахметов Р.М. Развитие человеческого потенциала РБ в контексте национальных проектов. // XXII Уральские социологические чтения. Национальные проекты и социально-экономическое развитие Уральского региона: статья – Уфа, 2020. С. 82–85. [Электронный ресурс] URL: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/82294/1/978-5-7996-2992-2_2020_018.pdf
2. ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий». Программа развития университета на 2021–2030 годы в рамках реализации программы стратегического академического лидерства «Приоритет-2030»: программа развития – Уфа, 2023. 140 с. [Электронный ресурс]. URL: <https://uust.ru/media/eduInfo/programma-razvitiya-uunit-zakharov-vp.pdf>
3. Министерство науки и высшего образования РФ. Программа «Приоритет-2030»: государственная программа – 2021. [Электронный ресурс]. URL: <https://minobrnauki.gov.ru/action/priority2030/>
4. Республика Башкортостан. Доклад о развитии человеческого потенциала за 2008 г. / под общ. ред. Валиахметова Р.М., Бурхановой Ф.Б., Хилажевой Г.Ф. – Уфа: Изд-во «Восточная печать», 2009. 352 с.
5. Аналитический центр при Правительстве РФ. Доклад о человеческом развитии в Российской Федерации. Цели устойчивого развития ООН и Россия / под ред. С.Н. Бобылева, Л.М. Григорьева; вып. ред. А.В. Голяшев – М., 2016. 219 с. [Электронный ресурс]. URL: <https://ac.gov.ru/files/publication/a/11068.pdf>
6. Акчулпанов Ю.К. Устойчивое развитие Республики Башкортостан Российской Федерации: текущее состояние и перспективы // Вестник университета. 2024. №8. С. 109–118. [Электронный ресурс]. URL: <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2024-8-109-118>
7. Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2024 г. №309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/50542/page/1>

8. Доклад о положении молодежи в Республике Башкортостан / Н.М. Лавренюк, О.Ф. Адигамова, Н.Г. Вишневская [и др.] – Уфа: Башкирский государственный университет, 2018. 214 с.
9. ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий». Ежегодный отчет о результатах реализации программы развития университета в рамках реализации программы стратегического академического лидерства «Приоритет-2030» в 2022 году: отчет – Уфа, 2023. С. 11–13. [Электронный ресурс]. URL: https://uust.ugatu.su/media/eduInfo/prioritet2030_otchet2022.pdf
10. Официальный сайт программы «Приоритет-2030» УУНИТ [Электронный ресурс]. URL: <https://uust.ru/priority-2030/>
11. Национальное рейтинговое агентство (НРА), Агентство ESG Consulting. Интеграция ESG-принципов стран ЕАЭС и БРИКС и повестки устойчивого развития в университетах: аналитический обзор – 2025. С. 8–10. [Электронный ресурс]. URL: https://www.ra-national.ru/wp-content/uploads/2024/03/integraciya_esg-ur_v_vuzah_eajes-briks-2.pdf
12. Бикметов Е.Ю., Голиков С.В., Кунгурцева Г.Ф. Методологические основы исследования процессов формирования и удовлетворения духовных потребностей граждан России в условиях рынка // Вестник ВЭГУ. 2018. № 4(96). С. 14-23.

УДК 316.1

ВЛИЯНИЕ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ НА ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ ПРЕДПОЧТЕНИЯ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ

THE IMPACT OF DIGITAL TECHNOLOGY ON THE PROFESSIONAL PREFERENCES OF MODERN YOUTH

Швин Диана Даниловна, студент 4 курса направления 39.03.01 "Социология" кафедры социологии и работы с молодежью, ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий», Уфа, Россия, E-mail: diana.shvin@yandex.ru

Гайфуллин Андрей Юрьевич, кандидат социологических наук, заведующий кафедрой социологии и работы с молодежью, ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий», Уфа, Россия, E-mail: gayfullin_a@mail.ru

Shvin Diana Danilovna, 4th year student of the Department of Sociology and Youth Work, Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia, E-mail: diana.shvin@yandex.ru

Gayfullin Andrey Yurievich, PhD in Sociology, Head of the Department of Sociology of Youth Work, Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia, E-mail: gayfullin_a@mail.ru

Аннотация: В статье исследуется процесс формирования карьерных ожиданий современной молодежи в условиях развития цифровых технологий. Анализируются механизмы влияния цифровой среды на профессиональное самоопределение молодежи. Результаты свидетельствуют о необходимости корректировки стратегий профориентационной работы с учетом новых цифровых реалий.

Abstract: The article examines the process of forming career expectations of modern youth in the context of the development of digital technologies. The mechanisms of the influence of the digital environment on the professional self-determination of young people are analyzed. The results indicate the need to adjust career guidance strategies to reflect the new digital realities.

Ключевые слова: цифровизация, профессиональное самоопределение, молодежь, рынок труда, зарплатные ожидания, профориентация, карьерные предпочтения

Keywords: digitalization, professional self-determination, youth, labor market, salary expectations, career guidance, career preferences

Профессиональный выбор современной молодежи протекает в условиях стремительной цифровизации экономики и общества. За последние десять лет российский рынок труда пережил серию трансформаций, обусловленных геополитическими изменениями, санкционным давлением и технологическим обновлением производственных процессов [1; 2]. Представители поколения Z (родившиеся после 1995 года) формируют свои карьерные предпочтения через призму цифровых технологий – соцсети, онлайн-платформы, видеоконтент становятся основными источниками информации о профессиях, подчас вытесняя традиционные форматы профориентационной работы [3; 4]. Это порождает специфические диспропорции между ожиданиями молодежи и возможностями, которые предоставляет региональная экономика [5; 6].

Согласно исследованию ВЦИОМ, ключевыми факторами выбора профессии молодежь называет «собственные увлечения, интересы» (28%), тогда как «востребованность на рынке труда» упоминают лишь 10% респондентов [7]. Цифровая среда усиливает эту тенденцию – блогеры, инфлюенсеры и успешные предприниматели демонстрируют яркие истории самореализации, однако реальный опыт освоения профессии остается за кадром [8]. Более того, молодые люди ориентируются не только на заработок и престиж, но и на стандарты качества жизни, которые считают для себя приемлемыми, что приводит к завышенным зарплатным ожиданиям при отсутствии четкого понимания специфики будущей работы [9; 10].

Профориентационная работа в российских школах и колледжах часто носит бессистемный характер. Исследование, проведенное среди 8075 студентов колледжей и вузов в разных федеральных округах в феврале–марте 2025 года, показало: 37–43% первокурсников не помнят никакой профориентации в школе, а более половины определили свою специальность вопреки ее результатам. Внешние мотивы – высокий доход, престиж, возможность продвижения – доминируют над внутренними, профессиональными [11]. Это указывает на разрыв между декларируемыми задачами профориентации и реальной практикой.

Цифровая среда предоставляет широкий спектр инструментов профориентации – от онлайн-тестов и виртуальных экскурсий до образовательных платформ и симуляторов профессий. Сайты вроде «Проектории», «Атласа новых профессий», методического кабинета профориентации Г.В. Резапкиной предлагают обширную информацию о специальностях, квалификационных требованиях, перспективах трудоустройства [12]. Молодежь легко получает доступ к справочникам профессий Минтруда, отзывам действующих сотрудников на цифровых платформах, статистике вакансий. Однако этот информационный поток не всегда трансформируется в осознанный выбор.

Проблема заключается в том, что цифровые технологии создают иллюзию полного знания о профессии без реального погружения в нее. Молодежь активно читает описания специальностей, смотрит видео на YouTube и TikTok, проходит тесты по профориентации – и считает себя информированной. При этом участие в профессиональных пробах, мастер-классах и ярмарках профессий остается минимальным [13]. Как следствие, студенты ориентируются на список организаций-партнеров вуза для прохождения практики, но недостаточно осведомлены о реальных условиях труда в этих компаниях, что в итоге приводит к отсутствию мотивации работать по специальности после окончания обучения.

Региональная дифференциация зарплатных ожиданий молодежи усугубляет проблему [14]. Цифровые платформы транслируют усредненные представления о заработках, часто не учитывающие региональную специфику, отраслевую структуру местной экономики, реальный спрос на специалистов [15; 16].

Поколение Z формирует свою профессиональную идентичность в условиях

«префигуративной культуры», где молодые не просто усваивают традиционные ценности, но активно их пересматривают и создают новые культурные контексты [17]. Цифровая среда становится основным пространством конструирования Образа-Я профессионала – через социальные сети, блоги, профессиональные сообщества молодежь формирует представления о желаемой карьере. В то же время профессиональное самосознание включает критическую самооценку, соотнесение своих возможностей с требованиями профессии, понимание профессионально важных качеств – и здесь цифровая среда не всегда способствует глубокой рефлексии.

Исследование показывает, что студенты испытывают наибольшую обеспокоенность в связи с низкой заработной платой (20,66% респондентов) и недостатком опыта работы (20,10%) [18]. Это указывает на осознание разрыва между образовательной подготовкой и реальными требованиями рынка. Молодежь понимает важность практических навыков, однако система профессионального образования не всегда обеспечивает достаточный объем профессиональных проб. Кроме того, 16,65% опрошенных беспокоит отсутствие подходящих вакансий, а 14,83% – высокая конкуренция. То есть внешние структурные факторы играют не меньшую роль, чем индивидуальные компетенции.

Акценты смещаются: если в 1990–2000-х завышенные зарплатные ожидания связывались с переоценкой молодыми специалистами своих возможностей, то сейчас молодежь учитывает уровень жизни и стандарты, которые считает для себя приемлемыми. Цифровая среда транслирует определенные паттерны успешности – блогеры-предприниматели, IT-специалисты с высокими гонорарами, фрилансеры, работающие из любой точки мира. Эти образы формируют новые ценности: индивидуализм, стремление к самореализации, гибкость занятости. Традиционные ценности стабильности и долгосрочной привязанности к одному работодателю теряют актуальность.

Пандемия COVID-19 ускорила цифровую трансформацию рынка труда и системы профориентации. Массовый переход на дистанционную работу и онлайн-обучение продемонстрировал возможности гибридных форматов занятости и обучения. Молодежь начала воспринимать удаленную работу как норму, а не исключение [19]. Работодатели, в свою очередь, столкнулись с необходимостью пересмотра корпоративной культуры, форматов взаимодействия с сотрудниками и подходов к найму молодых специалистов. Бренд работодателя в цифровой среде формируется не только официальными коммуникациями компании, но и отзывами сотрудников в социальных сетях, на специализированных платформах вроде «Работа.ру», обсуждениями в профессиональных чатах.

Для молодых специалистов важны не только материальное вознаграждение и карьерные перспективы, но и цифровая инфраструктура компании, возможности гибридной занятости, репутационная прозрачность работодателя в онлайн-пространстве. Профессиональное образование сталкивается с необходимостью интегрировать цифровые технологии не только в учебный процесс, но и в систему сопровождения профессионального самоопределения. Многоуровневые интеллектуальные IT-платформы, территориально распределенные модели профориентации, цифровые профили обучающихся – все это элементы новой образовательной экосистемы, которая должна обеспечить осознанный выбор профессии и успешную адаптацию молодежи на рынке труда [20]. Впрочем, внедрение подобных платформ требует координации усилий образовательных организаций, работодателей, центров занятости и профориентологов – а такая синхронизация пока остается проблемной зоной.

Заключение

Цифровые технологии радикально трансформируют профессиональные предпочтения современной молодежи, создавая новые каналы информирования о профессиях, инструменты самодиагностики и форматы взаимодействия с работодателями. Однако доступ к информации не гарантирует осознанного выбора – молодежь часто ориентируется на внешние атрибуты успешности (престиж, заработок, визуальные образы в соцсетях), упуская

из виду реальное содержание профессиональной деятельности. Региональная дифференциация зарплатных ожиданий, дефицит профессиональных проб и слабая интеграция цифровых инструментов профориентации в образовательный процесс усиливают диспропорции на рынке труда.

Профориентационная работа требует перехода от трансляционной модели к диалоговой, интегрированной в цифровые платформы и ориентированной на практическое погружение в профессию. Молодежь нуждается не только в информации о специальностях, но и в возможности реального знакомства с профессией через стажировки, проектную деятельность, взаимодействие с работодателями на ранних этапах обучения. Цифровая среда должна стать инструментом не замещения, а дополнения традиционных форматов профориентации, обеспечивая молодым людям реалистичное представление о профессиональной деятельности и своих перспективах на рынке труда.

Библиографический список

1. Гайфуллин А.Ю. Профессиональные и карьерные ориентиры молодежи Республики Башкортостан: монография. Уф: Уфимский университет науки и технологий, 2025. 174 с.
2. Гайфуллин А.Ю. Профессиональные предпочтения молодежи на региональном рынке труда / Проблемы функционирования и развития территориальных социально-экономических систем, Уфа, 15 октября – 15 2013 года / Институт социально-экономических исследований УНЦ РАН; Ответственный редактор: Гайнанов Д.А. Уфа: Институт социально-экономических исследований УНЦ РАН, 2013. С. 217-220.
3. Гайфуллин А.Ю. Роль социальных сетей в профессиональном выборе старшеклассников: социологический анализ // Уфимский гуманитарный научный форум. 2024. № 2(18). С. 189-203. DOI 10.47309/2713-2358-2024-2-189-203.
4. Гайфуллин А.Ю. Молодежь и молодежная политика в Республике Башкортостан: Монография. Уфа: Уфимский университет науки и технологий, 2023. 162 с.
5. Гайфуллин А.Ю. Социальные технологии управления обществом: проблемы и перспективы / Проблемы функционирования и развития территориальных социально-экономических систем: сборник статей II Всероссийской научно-практической интернет-конференции: в 3 томах, Уфа, 15 октября – 15 2008 года. Том III. Уфа: Институт социально-экономических исследований УНЦ РАН, 2008. С. 52-56.
6. Гайфуллин А.Ю. Приоритеты социальной политики Республики Башкортостан в отношении молодежи // Уфимский гуманитарный научный форум. 2021. № 4 (8). С. 111-120.
7. Высшее образование в России: мнение россиян // ВЦИОМ. 2018. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/vysshee-obrazovanie-v-rossii-mnenie-rossiyan> (дата обращения: 15.04.2026).
8. Гайфуллин А.Ю. Социальные трансформации в условиях развития цифровой экономики // Уфимский гуманитарный научный форум. 2020. № 2 (2). С. 115-120.
9. Гайфуллин А.Ю. Социологический анализ трудоустройства выпускников вузов: имеющийся опыт и ожидания // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2023. Т. 13, № 3. С. 231-243. DOI 10.21869/2223-1552-2023-13-3-231-243.
10. Гайфуллин А.Ю. Социальный портрет и ожидания выпускников вузов Республики Башкортостан на современном рынке труда: социологический анализ // Уфимский гуманитарный научный форум. 2024. № 4(20). С. 315-328. DOI 10.47309/2713-2358-2024-4-315-328.
11. Дочкин С.А., Кузнецова И.Ю. Цифровая трансформация профессиональной ориентации и профессионального самоопределения молодежи // Профессиональное образование в России и за рубежом. 2020. № 3(39). С. 27-35.
12. Извекова Е.М. Применение современных цифровых технологий для формирования профессионального самоопределения старшеклассников // Вестник Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова. 2020. № 1(31). С. 135-139.

13. Гайфуллин А.Ю. Актуальные проблемы современной молодежи. Уфа: УУНиТ, 2024. 174 с.
14. Гайфуллин А.Ю. Социологический анализ ценностных ориентиров современной студенческой молодежи // Уфимский гуманитарный научный форум. – 2023. № 3(15). С. 221-232. DOI 10.47309/2713-2358-2023-3-221-232.
15. Кунакбаева Л. Р., Гайфуллин А. Ю. Цифровые технологии в государственном и муниципальном управлении / Молодежный научный форум "Уфимский гуманитарный научный форум": Сборник статей: к 70-летию Дегтярева Александра Николаевича, Уфа, 08 апреля – 30 2022 года. Уфа: Институт стратегических исследований Республики Башкортостан, 2022. С. 195-199.
16. Семенова Л.Г., Гайфуллин А. Ю. Информационная открытость власти как один из факторов социальной безопасности территории // Инновационные технологии управления социально-экономическим развитием регионов России: Материалы V Всероссийской научно-практической конференции с международным участием: в 3-х частях, Уфа, 24–25 мая 2012 года / Ответственный редактор Гайнанов Д.А. Том Часть 3. Уфа: Институт социально-экономических исследований УНЦ РАН, 2012. С. 167-171.
17. Гайнанов Д.А., Гайфуллин А.Ю. Социологический анализ карьерных ожиданий выпускников вузов (на примере Республики Башкортостан) // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2022. № 4. С. 276-280.
18. Дочкин С.А., Кузнецова И. Ю. Цифровая трансформация профессиональной ориентации и профессионального самоопределения молодежи // Профессиональное образование в России и за рубежом. 2020. № 3(39). С. 27-35.
19. Гайфуллин А.Ю. Удовлетворенность условиями труда и причины смены работы молодежью Республики Башкортостан: социологический анализ // Уфимский гуманитарный научный форум. 2025. № 4(24). С. 284-292. DOI 10.47309/2713-2358-2025-4-284-292.
20. Гайфуллин А.Ю. Трудовая географическая мобильность работающей молодежи Республики Башкортостан: социологический анализ // Социальная политика и социология. 2025. Т. 24, № 4(157). С. 33-41. DOI 10.17922/2071-3665-2025-24-4-33-41.

УДК 316.334.56

КОЛЛЕКТИВНАЯ ПАМЯТЬ КАК КОММУНИКАТИВНЫЙ ФЕНОМЕН: РОЛЬ ЛОКАЛЬНЫХ КУЛЬТУР В КОНСТРУИРОВАНИИ ГОРОДСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

COLLECTIVE MEMORY AS A COMMUNICATIVE PHENOMENON: THE ROLE OF LOCAL CULTURES IN THE CONSTRUCTION OF URBAN IDENTITY

Юсупханова Карина Руслановна, студент кафедры социологии и работы с молодежью, направление 39.03.01 «Социология», 4 курс, ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий», Уфа, Россия, E-mail: yusupkhanovak@gmail.com

Научный руководитель: Шайхисламов Рафаэль Бадретдинович, доктор социологических наук, профессор кафедры социологии и работы с молодежью, ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий», Уфа, Россия, E-mail: rafaelbadretdinovich@mail.ru

Yusupkhanova Karina Ruslanovna, student of the Department of Sociology and Youth Work, course 39.03.01 «Sociology», 4th year, Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia, E-mail: yusupkhanovak@gmail.com

Scientific supervisor: Shaikhislamov Rafael Badretdinovich, Doctor of Sociology, Professor of the Department of Sociology and Youth Work, Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia, E-mail: rafaelbadretdinovich@mail.ru

Аннотация: Статья посвящена теоретическому осмыслению коллективной памяти как коммуникативного феномена, играющего ключевую роль в конструировании городской идентичности. Актуальность исследования обусловлена кризисом локальной идентичности в условиях ускоряющейся урбанизации и цифровизации, ведущих к разрыву межпоколенческих связей и утрате нематериального культурного наследия. На основе анализа концепций *memory studies* (М. Хальбвакс, П. Нора, Я. Ассман) обосновывается символическая и коммуникативная природа коллективной памяти. В статье исследуются механизмы трансформации индивидуальных воспоминаний в коллективные представления о городе через нарративы, коммеморативные практики и цифровые технологии. В качестве практического примера приводится методология социального проекта «Уфа: Слои времени», направленного на сохранение и актуализацию нематериального наследия города.

Abstract: The article is devoted to the theoretical understanding of collective memory as a communicative phenomenon that plays a key role in the construction of urban identity. The relevance of the research is due to the crisis of local identity in the context of accelerating urbanization and digitalization, leading to the rupture of intergenerational ties and the loss of intangible cultural heritage. Based on the analysis of the concepts of memory studies (M. Halbwachs, P. Nora, J. Assman), the symbolic and communicative nature of collective memory is substantiated. The article examines the mechanisms of transformation of individual memories into collective representations of the city through narratives, commemorative practices and digital technologies. As a practical example, the methodology of the social project «Ufa: Layers of Time», aimed at preserving and updating the intangible heritage of the city, is given.

Ключевые слова: коллективная память, городская идентичность, *memory studies*, локальные культуры, коммеморативные практики, культурная память, межпоколенческая коммуникация, нематериальное культурное наследие.

Keywords: collective memory, urban identity, memory studies, local cultures, commemorative practices, cultural memory, intergenerational communication, intangible cultural heritage.

Современный город, являясь сложным социокультурным образованием, существует в двух неразрывно связанных измерениях: объективном физическом и субъективном символическом. В эпоху «текущей современности», концептуализированной З. Бауманом и характеризующейся высокой мобильностью, индивидуализацией и ослаблением традиционных социальных связей [1], символическое измерение города подвергается серьезным испытаниям. Проблема сохранения уникального «духа места» (*genius loci*) и формирования на его основе устойчивой городской идентичности выходит на первый план как в академическом дискурсе, так и в практиках городского управления. Особую остроту эта проблема приобретает в условиях ускоряющейся урбанизации, когда физическая реновация городской среды зачастую не сопровождается работой по сохранению нематериального культурного наследия, а именно устных историй, локальных мифов, семейных архивов и социальных практик, которые и составляют живую ткань городской памяти.

Данные социологических опросов свидетельствуют о наличии кризисных тенденций в восприятии городов их жителями, особенно молодежью. Согласно исследованию ВЦИОМ, хотя 71% россиян в целом оценивают свои населенные пункты как комфортные, для крупных городов с населением от 500 тыс. до 1 млн человек (к этой категории относится и Уфа) этот показатель ниже - 69%, что уступает показателям средних городов (75%) и значительно ниже показателей столиц (84%) [2]. Более того, каждый четвертый житель таких городов (27%) полагает, что их земляки не хотели бы, чтобы их дети и внуки оставались здесь жить, а среди молодежи «поколения цифры» (18–24 года) эта доля достигает 40%. Эта установка на неизбежный отъезд, как отмечается в экспертных докладах, напрямую угрожает социально-экономическому развитию территорий, и одним из ключевых ответов на этот вызов является «осмысленная трансформация пространств» с опорой на локальный культурный код.

Ключевым ресурсом в разрешении данной проблемы выступает коллективная память, понимаемая не как статичный архив прошлого, а как динамичный коммуникативный процесс. Цель данной статьи - рассмотреть теоретические основания коллективной памяти как коммуникативного феномена и определить ее роль в конструировании городской идентичности на основе локальных культур.

Научная проблема заключается в противоречии между высокой теоретической разработанностью категории «коллективная память» в социально-гуманитарном знании и дефицитом прикладных, практически ориентированных моделей ее использования для конструирования городской идентичности с учетом межпоколенческой специфики и современных цифровых возможностей коммуникации. Данная статья направлена на то, чтобы частично восполнить этот пробел, предложив теоретически обоснованную модель связи коллективной памяти и городской идентичности, верифицированную на примере разработки конкретного социального проекта «Уфа: Слои времени».

Теоретический фундамент исследований коллективной памяти был заложен М. Хальбваксом, который одним из первых обосновал ее социальную обусловленность. По его мысли, индивидуальные воспоминания существуют лишь постольку, поскольку индивид включен в «социальные рамки памяти», формируемые группами, к которым он принадлежит. Таким образом, память - это не только биологический, но и социальный конструкт, результат социальной коммуникации [3].

Ю.М. Лотман, развивая семиотический подход, рассматривал культуру как «надындивидуальный механизм хранения и передачи некоторых сообщений (текстов) и выработки новых» [4]. С этой точки зрения, коллективная память представляет собой сложную семиосферу, где образы прошлого кодируются в текстах, архитектуре, ритуалах и требуют постоянной дешифровки и интерпретации новыми поколениями. Память, по Лотману, - это не пассивное хранилище, а генератор, «воспроизводящий прошлое заново».

Я. Ассман углубил эту теорию, разделив память на коммуникативную и культурную [5]. Первая связана с повседневным общением и воспоминаниями о недавнем прошлом (охватывает 3-4 поколения). Культурная память, напротив, направлена на фиксированные моменты далекого прошлого, превращенные в символические фигуры. Она институционализована и требует специальных носителей - памятников, музеев, ритуалов, которые А. Ассман назвала «символическими медиаторами» [6]. Именно культурная память выступает основой для формирования идентичности больших социальных групп, включая городские сообщества.

Городская идентичность же, согласно Г.В. Горновой, - это «устойчивое представление человека о себе как жителе определённого города, непосредственное переживание своей связи с городом, чувство сопричастности городу и его жителям» [7]. Данное переживание невозможно без опоры на материальные и нематериальные «места памяти» (*lieux de mémoire*), концептуализированные П. Нора [8]. Места памяти - это любые значимые единства материального или идеального порядка, которые воля людей или работа времени превратили в символический элемент наследия. В городском контексте такими местами становятся не только памятники архитектуры, но и локальные нарративы, семейные истории, народная топонимика, что, в свою очередь, подтверждает тезис М. Хальбвакса о том, что память укоренена в повседневных практиках и пространствах, где протекает жизнь группы.

Однако, как отмечают исследователи О.Р. Тучина, И.А. Аполлонов и Л.А. Посметюха, существует значительная межпоколенческая разница в восприятии культурного пространства. На примере города Краснодар было показано, что для старшего поколения значимым является сохранение исторического облика города, тогда как молодежь чаще ориентирована на инновационные, креативные пространства и готова к изменениям [9]. Это различие создает риск разрыва в передаче культурного кода, если старшее поколение не находит современных, привлекательных для молодежи каналов трансляции своей «живой» памяти.

Для того чтобы коллективная память стала действенным фактором городской идентичности, она должна быть актуализирована через коммеморативные практики. Н. Г. Федотова определяет коммеморацию как процесс поддержания и актуализации культурной памяти, который укрепляет символическую связь горожан с образами городского прошлого [10]. К таким практикам относятся не только официальные ритуалы и установка памятников, но и неформальные действия - от создания тематических интернет-сообществ до проведения фестивалей исторической реконструкции.

Нельзя не отметить и то, что особую роль в современном мире играет цифровая среда. Медиа являются мощным генератором «городского воображаемого» (*urban imaginary*), транслируя и закрепляя устойчивые концепты о месте. Цифровизация, с одной стороны, создает риски «размывания» памяти из-за множества противоречивых цифровых следов. С другой - она открывает беспрецедентные возможности для сохранения нематериального наследия: оцифровки архивов, создания виртуальных музеев, интерактивных карт памяти. Как подчеркивает Н. Г. Федотова, оцифровка носителей культурной памяти и использование технологий дополненной реальности (AR/VR) становятся одними из главных трендов в работе с прошлым [11].

Практическим ответом на выявленные проблемы может являться реализация локального социального проекта «Уфа: Слои времени», методология которого разработана на стыке социологии, урбанистики и *memory studies*. Проект направлен на преодоление системного разрыва между физической реновацией города и сохранением его нематериального культурного кода. Ключевая социальная проблема, на решение которой направлен проект, заключается в «растворении» живой, эмоциональной памяти, передаваемой из поколения в поколение, на фоне исчезновения материальных носителей этой памяти (снос старых кварталов, уход из жизни старожилов).

Целью проекта является создание общедоступной интерактивной карты городской памяти Уфы на основе устных историй и оцифрованных семейных архивов. Такой подход напрямую реализует теоретические принципы коммуникативной памяти М. Хальбвакса: через глубинные интервью студентов-волонтеров с жителями города происходит непосредственная межпоколенческая коммуникация, в ходе которой индивидуальная память вербализуется, записывается и переводится в публичное пространство.

Создаваемая карта, где каждая точка становится неким «порталом в прошлое», представляет собой современный «символический медиатор». Она не только фиксирует ускользающие смыслы, но и делает их доступными в привычном для молодежи цифровом формате, способствуя формированию чувства сопричастности. Уникальность проекта заключается в его антропоцентричности: ценностью обладают не только артефакты, но и сами люди, их интонации и личные мифы. Частная память получает публичное признание как полноправная часть культурного кода Уфы.

Таким образом, коллективная память представляет собой не простую совокупность сведений о прошлом, а фундаментальный коммуникативный феномен, лежащий в основе городской идентичности личности. Ее конструирование происходит в пространстве локальных культур через символические системы, «места памяти» и коммеморативные практики, которые сегодня все активнее мигрируют в цифровую среду. Разработка и реализация проектов, подобных «Уфа: Слои времени», которые наводят мосты между поколениями и переводят живую память в актуальные форматы, являются необходимым условием для формирования ответственного городского сообщества и устойчивого развития территорий. Дальнейшие исследования в этой области должны быть направлены на эмпирическое изучение эффективности цифровых инструментов коммеморации в формировании локальной идентичности различных групп и поколений горожан.

Библиографический список

1. Бауман З. Текучая современность / З. Бауман; пер. с англ. под ред. Ю. В. Асочакова. – СПб.: Питер, 2008. – 240 с
2. Город для лучшей жизни // ВЦИОМ. 27.02.2025. – [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/gorod-dlja-luchshei-zhizni> (дата обращения: 24.04.2026).
3. Хальбвакс М. Социальные рамки памяти / Пер. с фр. и вступ. ст. С. Н. Зенкина. – М.: Новое издательство, 2007. – 348 с.
4. Лотман Ю.М. Память в культурологическом освещении // Лотман Ю.М. Избранные статьи. Т. 1. – Таллинн: Александра, 1992. – С. 200–202.
5. Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / Пер. с нем. М.М. Сокольской. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 368 с.
6. Ассман А. Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 328 с.
7. Горнова Г. В. Городская идентичность: философско-антропологические основания: монография / Г. В. Горнова. – Омск: Изд-во «Амфора», 2019. – 167 с.
8. Нора П. Проблематика мест памяти. Франция-память / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1999. – с. 17–50.
9. Тучина О. Р., Аполлонов И. А., Посметюха Л. А. Восприятие городского культурного пространства и особенности городской идентичности: межпоколенный анализ (на материале исследования респондентов Краснодара) // Южно-российский журнал социальных наук. – 2023. – Т. 24, № 3. – С. 119–134. DOI: 10.31429/26190567-24-3-119-134
10. Федотова Н.Г. Практики городской коммеморации: особенности формирования культурной памяти города / Н.Г. Федотова. // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. – 2020. – № 39. – С. 130–143.
11. Федотова Н.Г. Медиадискурс как генератор городского воображаемого / Н.Г. Федотова. // Galactica Media: Journal of Media Studies. – 2023. – № 4(5). – С. 350–378.

УДК 316.354.4

СТУДЕНЧЕСКОЕ ВОЛОНТЕРСТВО КАК СТРАТЕГИЧЕСКИЙ РЕСУРС УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ РОССИЙСКИХ ВУЗОВ

STUDENT VOLUNTEERING AS A STRATEGIC RESOURCE FOR THE SUSTAINABLE DEVELOPMENT OF RUSSIAN UNIVERSITIES

Яшина Вероника Владимировна, студент ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий», Уфа, Россия, E-mail: veronikayash@yandex.ru

Yashina Veronika Vladimirovna, student of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia, E-mail: veronikayash@yandex.ru

Научный руководитель: Бородина Ангелина Владимировна, кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и работы с молодёжью ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий», Уфа, Россия, E-mail: Angel_Borodina@mail.ru

Borodina Angelina Vladimirovna, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor of the Department of Sociology and Youth Work, Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia, E-mail: Angel_Borodina@mail.ru

Аннотация: В данной статье рассматривается студенческое волонтерство как стратегический ресурс для устойчивого развития российских университетов. В исследовании анализируются теоретические подходы к волонтерству, опирающиеся на концепции университетов третьего и четвертого поколений, теорию социальной ответственности в высшем образовании и управленческий подход к волонтерству, разработанный в российской академической науке. В статье характеризуются законодательная база и цифровая инфраструктура волонтерства в России, а также российская модель интеграции волонтерской деятельности в образовательный процесс посредством программ обучения через служение обществу.

Abstract: This article examines student volunteering as a strategic resource for the sustainable development of Russian universities. The study analyses theoretical approaches to volunteerism drawing on the concepts of third- and fourth-generation universities, the theory of social responsibility in higher education, and the managerial approach to volunteerism developed in Russian academic scholarship. The article characterises the legislative framework and digital infrastructure of volunteering in Russia, as well as the Russian model of integrating volunteer activities into the educational process through the service-learning programme. Key success factors for institutional volunteer programmes are identified – including professional coordination, multi-stakeholder engagement, integration with academic curricula, and digital tracking systems – alongside the main barriers to their implementation, such as resource constraints, pseudo-volunteering, and the difficulty of measuring qualitative impact. The study concludes that volunteering functions simultaneously as a resource and an indicator of a university's genuine commitment to sustainable development.

Ключевые слова: студенческое волонтерство; устойчивое развитие; университет; социальная ответственность; обучение служением; цифровая инфраструктура; добровольчество; стратегический ресурс.

Keywords: student volunteering; sustainable development; university; social responsibility; service learning; digital infrastructure; volunteering; strategic resource.

Введение. Добровольческая деятельность в системе высшего образования претерпела качественную трансформацию, эволюционировав от факультативной формы внеучебной активности к системообразующему элементу стратегического менеджмента университетов. Данная метаморфоза обусловлена глубинным переосмыслением социальной миссии высших учебных заведений в условиях глобальных вызовов устойчивого развития. М. Коэльо и И. Менезес справедливо констатируют, что после имплементации Болонской декларации университеты инициировали поиск механизмов легитимации собственной значимости, позиционируя себя как институции, призванные не только идентифицировать и разрешать социальные противоречия, но и формировать выпускников с развитой гражданской субъектностью посредством предоставления интенсивного опыта социального взаимодействия [1, с. 1].

В настоящее время в России зарегистрировано более 9 миллионов волонтеров, при этом только за 2024 год было зарегистрировано 1740512 человек, а за 2025 год уже 1391611 человек, что следует из данных аналитики платформы Добро.ру. При этом, согласно опросу проекта «Твой ход» 59% студентов активно вовлечены в добровольческую деятельность, что представляет собой значительный рост по сравнению с допандемийным периодом. Эта трансформация отражает глубинный сдвиг в понимании роли университетов, от производителей знаний к катализаторам устойчивого развития территорий через мобилизацию социального капитала.

Теоретическое осмысление волонтерства как ресурса управления базируется на конвергенции нескольких академических традиций. Концепция университетов как «двигателей трансформационной устойчивости предполагает четырехмерную модель вклада в ЦУР через преподавание (формирование компетенций устойчивого развития),

исследования (генерация решений), операционную деятельность (устойчивое управление кампусом) и лидерство (созыв заинтересованных сторон для коллективных действий) [2, с. 1354]. Волонтерство органично вплетается во все четыре измерения, выступая механизмом их практической реализации.

Цель исследования – выявить роль студенческого волонтерства как стратегического ресурса устойчивого развития российских университетов на основе теоретического анализа отечественных и зарубежных подходов к добровольчеству в высшей школе.

В российской научной традиции исследователь студенческого волонтерства М.В. Певная разработала управленческий подход, рассматривающий добровольчество как социальный феномен и управленческую технологию. Ее докторская диссертация «Волонтерство как социальный феномен: управленческий подход» обосновывает, что эффективное управление волонтерскими ресурсами требует не тактической, а стратегической ориентации, с развитием разнообразных направлений (профессиональное, экологическое, культурное волонтерство), а не только популярного событийного [3, с. 15].

М.В. Певная акцентирует внимание на том, что волонтерство тесно коррелирует не только с социальной активностью сегодняшних российских студентов, но также с их профессиональным ростом и трудоустройством. Те, кто имеет опыт волонтерской работы, успешнее находят работу, выделяют время на волонтерство и умело совмещают занятость с учёбой [4, с. 86].

Теория социальной ответственности предоставляет концептуальную рамку для позиционирования волонтерства. А. Годонога и Б. Шпорн выделяют три измерения социально ответственных университетов: нормативное (моральное обязательство поддерживать демократические ценности), стратегическое (расширение третьей миссии, соединяющей образование с социальными благами) и перформативное (измеримое социальное воздействие) [5, с. 455].

А.Ю. Погорелова обосновала, что корпоративная социальная ответственность вузов определяется взаимной ответственностью перед четырьмя группами стейкхолдеров: студентами, преподавателями, работодателями и государством [6, с. 47].

В текущих условиях именно добровольчество становится операционным механизмом реализации этой ответственности.

Эволюционная модель университетов третьего и четвертого поколений демонстрирует траекторию трансформации от концепции университет 1.0, где основная цель – это образовательная миссия, после чего переход к концепции 2.0 куда включается наука, а университет третьего поколения включает в себя еще коммерциализацию обучения и внедрение инноваций. Н.В. Головкин, О.В. Зиневич и Е.А. Рузанкина считают, что «предпринимательский университет – это не только и не столько драйвер инновационной экономики, это место, где обучают схватывать возможность и реализовывать бизнес-потенциал» идеи» [7, с. 45].

Концепция четвертого поколения дополняется интеграцией для устойчивого развития. Ю.А. Масалова подчеркивает, что университеты нового поколения функционируют как крупные экосистемы многофункциональной платформы для сотрудничества, глобального коммуникационного центра, ориентированного на воспроизводство общества нового типа. Также она отмечает, что модель предпринимательского университета Бёртона Кларка идентифицирует пять характеристик, критичных для волонтерского управления: усиленное направляющее ядро (центральные управленческие группы), расширенная периферия развития (междисциплинарные проектные центры), диверсифицированная база финансирования, стимулируемый академический оплот и интегрированная предпринимательская культура [8, с. 349-350].

Успешные волонтерские программы демонстрируют все эти характеристики, а именно профессиональную координацию, гибкие структуры, множественные источники поддержки, трансформацию факультетских практик и культуру, ориентированную на изменения. Таким

образом, в таких университетах с высокой социальной вовлеченностью волонтерство выступает ключевым элементом экосистемной интеграции.

И.Ю. Рассохина, Е.В. Аршинова и М.А. Билан считают, что «волонтерская деятельность для студентов является ключевым фактором гражданско-патриотического воспитания и социализации, самоактуализации и получения практического трудового опыта, расширения коммуникаций и социальных связей, а также формирования необходимых общекультурных и общепрофессиональных компетенций, которые направлены на развитие личности»[9, с. 121], что в совокупности и является стратегическим ресурсом устойчивого развития вузов.

А.В. Кисиленко отмечает, что «самоорганизационный потенциал является одним из основных условий развития волонтерства, поскольку демонстрирует реальную готовность принимать участие, реализовывать добровольческие проекты и акции»[10, с. 69].

Систематизация международного опыта выявила континуум из девяти моделей интеграции волонтерской деятельности в университетское управление. Модели располагаются от минимальной институциональной вовлеченности (только информирование о внешних возможностях) до всеобъемлющей стратегической интеграции (волонтерство встроено в институциональную стратегию с множественными точками соприкосновения в преподавании, исследованиях и операциях). Наиболее эффективной признана Модель 8 (интегрированная модель) и Модель 9 (стратегическая интеграция), где единая административная структура координирует все волонтерские возможности на институциональном уровне [11, с. 291].

В.С. Никольский, П.А. Амбарова, Н.В. Шаброва, Д.И. Земцов и А.П. Метелев в ходе своего исследования выявили, что около 2/3 студентов, интегрированных в практики обучения служением признали, что обладают установками в формате социальных и профессиональных практик, из чего был сделан вывод, что наличие данных установок может трактоваться как готовность к общественному служению [12, с. 20].

М.В. Певная, А.Н. Тарасова и Д.Ф. Телепаева выявили, что отказ учащейся молодежи от волонтерства связан со следующими факторами: «предшествующий опыт волонтерства, осознание уровня своей ответственности за то, что происходит в родном городе, интерес к политике, материальное обеспечение своей жизнедеятельности» [13, с. 701-702].

В совокупности рассмотренные концепции позволяют трактовать студенческое волонтерство не как «дополнительную активность», а как стратегический ресурс устойчивого развития вуза. Через призму университетов третьего и четвертого поколений, теории социальной ответственности и управленческого подхода к добровольчеству становится очевидно, что именно степень институциональной встроенности волонтерства показывает, способен ли университет выходить за рамки узкой образовательной функции и действовать как предпринимательская, экосистемная и ценностно-ориентированная организация. Чем выше уровень интеграции добровольческой деятельности в преподавание, исследования, операционное управление и лидерство, тем выше реальная включенность вуза в повестку ЦУР и тем содержательнее его «третья миссия».

С этой точки зрения волонтерство выступает одновременно и ресурсом, и индикатором, оно раскрывает качество управленческих практик, демонстрирует реальную социальную ответственность перед ключевыми стейкхолдерами и отражает способность университета формировать у студентов надпрофессиональные компетенции от гражданской включенности до предпринимательской инициативности.

Таким образом, теоретические рамки изучения волонтерства позволяют рассматривать его как ключевой маркер того, насколько университет действительно является драйвером устойчивого развития, а не только декларирует приверженность соответствующей повестке.

Результаты исследования

Перейдем от теоретических оснований к анализу конкретных условий, в которых развивается российская модель студенческого волонтерства. Особое значение имеет

цифровая инфраструктура и нормативная база, создающие уникальную конфигурацию централизованного государственного регулирования.

Цифровая инфраструктура российского волонтерства выстроена вокруг Единой информационной системы в сфере добровольчества – платформы ДОБРО.РФ. Запущенная в 2017 году как сайт «добровольцыроссии.рф» и закреплённая Постановлением Правительства РФ от 17.08.2019 № 1067[14], платформа прошла ребрендинг в 2020 году, трансформировавшись в экосистему с единой системой идентификации DOBRO ID.

Ключевой инструмент верификации – Электронная волонтерская книжка (ЭВК), закреплённая в ФЗ-135 как официальный документ, интегрированный с Госуслугами. В 2024 году 258 вузов начисляли от 1 до 10 дополнительных баллов при поступлении за подтвержденный волонтерский опыт.

Законодательная база российского волонтерства сформирована Федеральным законом № 135-ФЗ «О благотворительной деятельности и добровольчестве (волонтерстве)» от 11 августа 1995 года. Ключевые положения для сферы высшего образования закреплёны в статьях 5 (участники добровольческой деятельности), 17.1 (права и обязанности добровольца), 17.5 (Единая информационная система) [15].

Стратегическое планирование развития волонтерства осуществляется через Концепцию развития добровольчества до 2025 года (Распоряжение Правительства РФ от 27.12.2018 № 2950-р), определяющую семь приоритетных направлений [16]:

- совершенствование нормативного регулирования;
- развитие механизмов поддержки;
- инфраструктурное развитие;
- взаимодействие с корпоративным сектором;
- международная деятельность;
- информационное и финансовое обеспечение.

Программа стратегического академического лидерства «Приоритет 2030», утверждённая Постановлением Правительства РФ от 13.05.2021 № 729, охватывает 142 университета из 56 регионов с совокупным финансированием 30,5 млрд рублей в 2025 году. Волонтерство интегрировано в программу косвенно, через критерии социального воздействия и воспитательной работы, однако не имеет самостоятельных количественных индикаторов.

Принципиальной инновацией российской образовательной политики стало внедрение методики «Обучение служением» (service-learning). История российской адаптации начинается с 2014 года, когда первые лекции по обучению служением были проведены в СПбГЭУ профессором Университета Калифорнии в Беркли. Системное внедрение инициировано Поручением Президента РФ № Пр-173ГС п. 8 от 22.12.2022, обязавшим включить курс в образовательные программы вузов к 01.09.2023 г.

Масштаб программы демонстрирует экспоненциальный рост, с 133 вузов и 52000 студентов в 2023/2024 учебном году до 415 университетов в 2024/2025. Методологическая модель предполагает интеграцию социально значимых проектов в образовательный процесс через пять форматов: обязательная дисциплина, курсовой проект, практика на базе НКО, выпускная квалификационная работа, факультатив.

Сравнительный анализ с классическим service-learning (США, Европа) выявляет специфику российской модели:

- централизованная государственная координация (АВЦ, Минобрнауки, НИУ ВШЭ как проектный офис) в противовес децентрализованным низовым инициативам;
- единая цифровая платформа ДОБРО.РФ с каталогом социальных задач;
- нормативная обязательность внедрения;
- профессиональная ориентация проектов на региональные задачи.

При этом сохраняются общие принципы, а именно равная ценность «служения» и «учения», рефлексивный компонент, партнерство с некоммерческим сектором.

Таким образом, российская институциональная модель волонтерства в системе высшего образования характеризуется уникальной конфигурацией централизованного государственного регулирования и развитой цифровой инфраструктуры. Платформа ДОБРО.РФ трансформировалась в полноценную экосистему с функциями рекрутинга, верификации, учета и аналитики добровольческой активности. Нормативная обязательность внедрения программы «Обучение служением» создает беспрецедентные условия для массовой интеграции волонтерства в образовательный процесс, однако порождает риски формализации и снижения аутентичной мотивации участников. Специфика российской модели состоит в сочетании «нисходящего» регулирования с сохранением содержательных принципов обучения служением, что формирует гибридную систему, требующую эмпирической верификации эффективности в среднесрочной перспективе.

Выводы

Теоретическая рамка устойчивого развития университетов через Living Labs подход, концепция университетов четвертого поколения как научно-образовательных экосистем и теория социального капитала обеспечивают концептуальную основу для понимания волонтерства как механизма генерации человеческого, социального и экономического капитала. Связь с Целями устойчивого развития ООН операционализируется через специфические индикаторы, волонтеры наиболее активны в ЦУР 3 (Здоровье), ЦУР 4 (Образование) и ЦУР 2 (Голод), при этом волонтерство явно признано механизмом реализации ЦУР 17 (Партнерства). Постпандемическая траектория демонстрирует устойчивый рост с трехкратным увеличением числа волонтеров, ускоренную цифровизацию, профессионализацию движения и расширение государственной поддержки через Национальный проект «Образование».

Волонтерство трансформировалось из обычной студенческой активности в стратегический ресурс управления устойчивым развитием университетов, интегрированный в образовательные программы, исследовательские проекты, операционную деятельность и системы партнерского взаимодействия. Российская модель демонстрирует уникальное сочетание централизованной инфраструктурной поддержки с институциональной автономией, создавая экосистему из 1067 волонтерских центров, обслуживающих более 9 миллионов активных участников через единую цифровую платформу.

Критические факторы успеха включают организационную оформленность как структурного подразделения, выделенное профессиональное управление, мультистейкхолдерное взаимодействие, интеграцию с академическими программами и кредитными системами, опыт крупных событий, цифровую инфраструктуру для отслеживания и верификации. Также существуют и некоторые барьеры, такие как ресурсные ограничения, феномен «псевдоволонтерства», отсутствие связи между программами и ЦУР, сложность измерения качественного воздействия.

Библиографический список

1. Coelho M., Menezes I. University Social Responsibility, Service Learning, and Students' Personal, Professional, and Civic Education // *Front Psychol.* 2021. Vol. 12. P. 1-8.
2. Purcell W.M., Henriksen H., Spengler J.D. Universities as the engine of transformational sustainability toward delivering the sustainable development goals: «Living labs» for sustainability // *International Journal of Sustainability in Higher Education.* 2019. Vol. 20. № 8. P. 1343–1357.
3. Певная М.В. Волонтерство как социальный феномен: управленческий подход: автореф. дис. ... д-ра социол. наук. Нижний Новгород, 2015. 42 с.
4. Певная М.В. Студенческое волонтерство: особенности деятельности и мотивации // *Высшее образование в России.* 2015. №6. С. 81-88.

5. Godonoga A., Sporn B. The conceptualisation of socially responsible universities in higher education research: a systematic literature review // *Studies in Higher Education*. 2022. Vol. 48. № 3. P. 445–459.
6. Погорелова А.Ю. Корпоративная социальная ответственность высших учебных заведений в конкурентной среде // *Журнал современной конкуренции*. 2024. Т18. № 2. С. 39–49.
7. Головкин Н.В., Зиневич О.В., Рузанкина Е.А. Университет третьего поколения: Б. Кларк и Й. Уисема // *Высшее образование в России*. 2016. № 8-9 (204). С. 40–47.
8. Масалова Ю.А. Предпринимательский университет как основа формирования научно-образовательной экосистемы // *Экономика, предпринимательство и право*. 2024. Т. 14. № 2. С. 343–356
9. Рассохина И.Ю., Аршинова Е.В., Билан М.А. Волонтерская деятельность как средство формирования профессионально значимых компетенций студентов вуза // *Профессиональное образование в России и за рубежом*. 2017. № 2 (26). С. 114–121.
10. Кисиленко А.В. Волонтерство: потенциал самоорганизации российской молодежи // *Научный результат. Социология и управление*. 2018. №1. С. 63–71.
11. Holmes K., Paull M., Haski-Leventhal D., MacCallum J., Omari M., Walker G., Maher A. A continuum of University student volunteer programme models // *Journal of Higher Education Policy and Management*. 2020. Vol. 43. № 3. P. 281–297.
12. Никольский В.С., Амбарова П.А., Шаброва Н.В., Земцов Д.И., Метелев А.П. Готовность студентов вузов к общественному служению // *Высшее образование в России*. 2024. № 8-9. С. 9–26.
13. Певная М.В., Тарасова А.Н., Телепаева Д.Ф. Отказ учащейся молодежи от волонтерства: исследование и управленческие решения в его преодолении // *ПНиО*. – 2023. – № 1 (61). – С. 690–707.
14. Постановление Правительства РФ от 17.08.2019 № 1067 «О единой информационной системе в сфере развития добровольчества (волонтерства)».
15. Федеральный закон от 11.08.1995 № 135-ФЗ «О благотворительной деятельности и добровольчестве (волонтерстве)».
16. Распоряжение Правительства РФ от 27.12.2018 N 2950-р «Об утверждении Концепции развития добровольчества (волонтерства) в Российской Федерации до 2025 года».

УДК 314.02:32

КОНЦЕПТ «ДЕМОГРАФИЯ» В ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

THE CONCEPT OF «DEMOGRAPHY» IN SOCIAL AND POLITICAL DISCOURSE

Яшина Вероника Владимировна, студент Института гуманитарных и социальных наук, Уфимский университет науки и технологий; 450077, Россия, г. Уфа, ул. Карла Маркса, д. 3/4, e-mail: veronikayash@yandex.ru

Латыпова Юлия Альфритовна, старший преподаватель кафедры иностранных языков гуманитарных факультетов, высшая школа отечественной филологии, ИГСН, УУНиТ

Yashina Veronika Vladimirovna, student, Institute of Humanities and Social Sciences, Ufa University of Science and Technology; 3/4 Karl Marx St., Ufa, 450077, Russia. Email: veronikayash@yandex.ru

Latypova Yulia Alfritovna, Senior Lecturer, Department of Foreign Languages, Humanities Faculties, Higher School of Russian Philology, Institute of Social Sciences and Humanities, Ufa University of Science and Technology

Аннотация. В статье исследуется концепт «демография» в современном российском общественно-политическом дискурсе с позиций лингво-культурологического подхода. На основе теоретических положений проанализированы концептуальные признаки демографии как ментального образования, отражающего социокультурные реалии современной России. Рассмотрена эволюция демографической науки от дореволюционных переписей населения до современных исследовательских центров. Выявлены основные компоненты концепта «демография», такие как рождаемость, смертность, миграция через призму экспертных оценок. Особое внимание уделено анализу государственной демографической политики на 2020–2025 годы, включая национальный проект «Демография», программу материнского капитала и стратегические целевые показатели.

Ключевые слова: концепт, демография, лингво-культурология, общественно-политический дискурс, демографическая политика, рождаемость, смертность.

Abstract. The article examines the concept of "demography" in modern Russian socio-political discourse from the standpoint of the linguo-cultural approach. Based on theoretical provisions, the conceptual features of demography as a mental formation reflecting the socio-cultural realities of modern Russia are analyzed. The evolution of demographic science from pre-revolutionary population censuses to modern research centers is considered. The main components of the concept of "demography" are identified, such as fertility, mortality, migration through the prism of expert assessments. Particular attention is paid to the analysis of the state demographic policy for 2020-2025, including the national project "Demography", the maternity capital program and strategic target indicators. Key words: concept, demography, linguistic and cultural studies, socio-political discourse, demographic policy, birth rate, mortality.

Keywords: demography, linguistics and cultural studies, socio-political discourse, demographic policy, birth rate, mortality.

Изучение концептов как ментальных образований, отражающих взаимосвязь языка, культуры и сознания, занимает центральное место в современной российской лингвистике. По определению Ю.С. Степанова, концепт можно определить как расширенное в результате всей современной научной ситуации понятие, то есть концепт является предметом такой науки как культурология и описанием типичной ситуации культуры. Концепт не просто «определяет», он «переживается» и включает в себя не только логические признаки, но и компоненты научных, психологических, эмоциональных и бытовых явлений и ситуаций [Степанов 2007: 19-20].

В.И. Карасик и О.Г. Прохвачёва под концептами понимают «ментальные образования, которые представляют собой хранящиеся в памяти человека значимые осознаваемые типизируемые фрагменты опыта» [Карасик, Прохвачёва 2005: 8].

При этом, Л.Х. Самситова и Г.М. Байназарова считают, что посредством концепта слово проникает в языковую картину мира и находится в ней, взаимодействия с другими лексическими единицами. Концепт представляет собой центральную категорию в научно-лингвистическом описании языкового отражения мира [Самситова, Байназарова 2014: 1376].

Таким образом, анализ современных подходов к изучению концептов в российской лингвистике демонстрирует их фундаментальную роль в понимании механизмов взаимодействия языка, культуры и человеческого сознания. Концепт выступает не просто как расширенное научное понятие, но как сложное ментальное образование, аккумулирующее в себе многомерный опыт человека от логико-понятийных до эмоционально-психологических компонентов.

Демографическая наука в России имеет богатую историю, восходящую к первым попыткам учёта населения. Регулярные ревизии начались в XVIII веке, а первая всеобщая

перепись населения Российской империи была проведена 28 января (9 февраля) 1897 года под руководством П. П. Семёнова-Тян-Шанского, зафиксировавшего численность населения в 125,6 миллиона человек.

В советский период основы демографической теории заложил Д.И. Валентей (1929–2008), основавший в 1968 году Центр по изучению проблем народонаселения при МГУ и редактировавший фундаментальный «Демографический энциклопедический словарь». Согласно данному словарю, Д.И. Валентей определял демографию как науку о закономерностях воспроизводства населения в общественно-исторической обусловленности этого процесса. Как самостоятельная общественная наука демография изучает закономерности и социальную обусловленность рождаемости, смертности, брачности и прекращения брака, воспроизводства супружеских пар и семей, воспроизводства населения в целом как единства этих процессов [Валентей 1985: 118].

Выдающийся вклад в развитие современной российской демографии внёс А.Г. Вишневский (1934–2021), основатель Института демографии НИУ ВШЭ. По его определению, демографические реалии России представляют собой часть более широкого модернизационного процесса. Он подчёркивал, что «демографические реалии пробивают себе дорогу в России, страна сталкивается с теми же вызовами, что и большинство индустриальных наций (опасность депопуляции, старение населения, хрупкость семей и т.д.). Поскольку избежать их невозможно, необходимо найти адекватные ответы на эти вызовы» [Вишневский 2003].

Таким образом, история демографических исследований в России прошла путь от имперской статистики через марксистско-ленинскую демографическую теорию советского периода к интеграции международной теории демографического перехода в постсоветский период.

Анализ концепта «демография» в российском общественно-политическом дискурсе выявляет его многокомпонентную структуру, включающую взаимосвязанные элементы: рождаемость, смертность, миграцию и другие демографические процессы.

Рассматривая проблему демографии в условиях политического дискурса, Н.А. Ерохин отмечает, что одной из самых главных политических проблем является проблема демографическая, так как демографическая ситуация ставит под вопрос не только развитие страны, но и ее будущее как суверенного государства [Ерохин 2018: 34].

Важное место в демографии занимает рождаемость. По мнению заместителя председателя правительства РФ Татьяны Голиковой, главным фактором снижения рождаемости является изменение половозрастной структуры населения как следствие предыдущих десятилетий, так как молодое поколение предпочитает сначала добиться профессиональных успехов и обеспечить финансовую независимость.

Научный сотрудник Института экономической политики им. Е.Т. Гайдара Игорь Ефремов прогнозирует, что «нынешний уровень рождаемости далек от уровня воспроизводства населения, а значит, гарантирует повторение демографической ямы спустя 25 лет, но на еще более низком уровне».

Таким образом, наблюдается переход российского общества к постиндустриальной модели репродуктивного поведения, в которой карьерные приоритеты и экономическая рациональность доминируют над традиционными семейными ценностями. Прогнозируемая «демографическая яма» через 25 лет свидетельствует о системном характере кризиса, который не может быть преодолен точечными мерами государственной поддержки без комплексной трансформации социально-экономических условий и ценностных ориентаций общества.

Проблема высокой смертности остаётся критической для российской демографии. При этом, она носит не только демографический характер.

По мнению члена совета по финансово-промышленной и инвестиционной политике Торгово-промышленной палаты Дмитрия Любомудрова, «безысходность среди бедных порождает избыточную смертность».

Современные показатели подтверждают сохранение проблемы, в 2024 году естественная убыль населения России составила практически 600 тысяч человек, что выше аналогичных данных 2023 года на 20,4 %, а коэффициент смертности вырос с 12 человек на 1000 населения до 12,5 человек на 1000 населения. При этом, показательно, что активными темпами начал расти коэффициент фондов, отражающих соотношение денежных доходов 10 % наиболее и 10 % наименее обеспеченного населения, что подтверждает фразу Дмитрия Любомудрова о том, что низкие доходы и дифференциация населения являются причиной как высокой смертности, так и низкой рождаемости.

Следовательно, демографический кризис в России носит ярко выраженный социально-классовый характер, где бедность выступает не просто экономической категорией, но и фактором прямого демографического риска, формируя порочный круг, включающий социальное неравенство, избыточную смертность и низкую рождаемость, что в итоге приводит к дальнейшему углублению демографической ямы.

Миграция занимает особое место в демографическом дискурсе, так как повышение численности населения в условиях естественной убыли осуществляется при помощи миграционных потоков.

При этом, патриарх Московский и всея Руси Кирилл заявил, что «стремление заполучить дешевую силу ради краткосрочных выгод не должно привлекать в наше отечество огромное количество людей, принадлежащих к иной культуре, а часто не владеющих русским языком и не имеющих уважения к России».

А.А. Козырев и А.С. Раткевич отмечают, что «главным политическим риском остается возможный раскол между интересами крупного бизнеса, заинтересованного в дешевой рабочей силе, и настроениями широких слоев населения. Как показывают европейские примеры, миграционные вопросы могут быстро превратиться из сугубо экономических в острые политические, становясь катализатором популистских движений» [Козырев, Раткевич 2025].

Следовательно, Владимир Мукомель верно отмечает, что своеобразным водоразделом между российскими дискурсами о миграции является отношение к этническому фактору. Выпячивание этничности мигрантов, преувеличенное ее значение подчеркивается в массмедийном дискурсе, проговаривается в публично-политическом дискурсе, подразумевается в чиновничьем и учитывается (наравне с иными, например, гражданством) в академическом дискурсах [Мукомель].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что миграция в России превратилась в поле столкновения как минимум трех антагонистических дискурсов: экономически-прагматического, культурно-охранительного и этнического популизма. Следовательно, миграция в российском контексте представляет собой не столько демографическое решение, сколько социальную дилемму между экономической необходимостью и культурными фобиями.

Анализ официального дискурса 2020–2025 годов демонстрирует особое внимание государства к демографической проблематике. Президент РФ В.В. Путин на церемонии подведения итогов Года Семьи в декабре 2024 года отметил, что «улучшение демографической ситуации, поддержка рождаемости и многодетности, повышение благосостояния российских семей – наша приоритетная общенациональная цель».

Пресс-секретарь Президента России Дмитрий Песков на встрече с участниками Фестиваля новых медиа в июле 2024 года заявил, что коэффициент рождаемости в 1,4 ребенка на 1 женщину является катастрофическим для будущего нации.

В рамках реализации демографической политики действует национальный проект «Демография», запущенный 1 января 2019 год. В данный национальный проект включены 5

федеральных проектов: «Финансовая поддержка семей при рождении детей», «Содействие занятости», «Старшее поколение», «Укрепление общественного здоровья» и «Спорт – норма жизни».

В то же время, программа материнского капитала, по предложению президента, продлена до 2030 года, а свое начало она берет с 1 января 2007 года, когда получить его могли семьи, в которых появился второй либо последующие дети.

Распоряжение Правительства РФ от 15.03.2025 № 615 была утверждена Стратегия действий по реализации семейной и демографической политике, поддержке многодетности в Российской Федерации до 2036 года, где в качестве основных целевых показателей были выделены:

– суммарный коэффициент рождаемости к 2030 году составит не менее 1,6, к 2036 году – не менее 1,8;

– ожидаемая продолжительность жизни при рождении к 2030 году составит 78 лет, к 2036 году – 81 год;

– уровень бедности многодетных семей к 2030 году составит не более 12 процентов, к 2036 году – не более 8 процентов и другие.

Таким образом, несмотря на комплексный характер мер заявленные цели остаются крайне скромными, так как достижение суммарного коэффициента рождаемости 1,8 к 2036 году все еще не обеспечивает простого воспроизводства населения, следовательно, государство фактически институционализировало демографический кризис, переведя его из категории временной проблемы в долгосрочную управленческую задачу.

Концепт «демография» в современном российском общественно-политическом дискурсе представляет собой сложное ментальное образование, отражающее противоречия между традиционалистской риторикой власти и объективными процессами демографической модернизации. Эффективная демографическая политика требует комплексного подхода, включающего не только материальное стимулирование рождаемости, но и модернизацию системы здравоохранения, создание условий для гендерного равенства и повышение качества жизни населения. Дальнейшее изучение концепта «демография» в динамике общественно-политического дискурса позволит глубже понять механизмы формирования демографической политики и её восприятия в российском обществе.

Библиографический список

1. Вишневский А.Г. Обеспеченная сверхдержава // Россия в глобальной политике. – 2003. – № 3.
2. Демографический энциклопедический словарь / гл. редактор Д.И. Валентей, М.: Советская энциклопедия. – 1985 г. – 614 с.
3. Ерохин Н. А. Демографическая проблема в политической повестке – 2018 // Pro nunc. – 2018. – №1 (19). – С. 32-35.
4. Иная ментальность / В.И. Карасик, О.Г. Прохвачёва, Я.В. Зубкова, Э.В. Грабарова М.: Гнозис 2005. – 352 с.
5. Козырев, А.А. Раткевич, А.С. Решение миграционной кризиса, как экономической проблемы государства // Актуальные исследования. – 2025. - № 21.
6. Мукомель, В. Российские дискурсы о миграции // ВШЭ. – URL: <https://publications.hse.ru/pubs/share/folder/uw6mtpsx8s/91578049.pdf> – Текст: электронный.
7. Степанов, Ю.С. Концепты. Тонкая пленка цивилизации. – М.: Язык славянских культур, 2007. – 248 с. – ISBN 5-9551-0205-1. – Текст: электронный.
8. Самситова Л. Х., Байназарова Г. М. Понятие концепта в лингвокультурологии: история развития, структура, классификация // Вестник Башкирск. ун-та. – 2014. – №4. – С. 1373-1378.
9. «Безысходность среди бедных порождает избыточную смертность». – URL: <https://www.gazeta.ru/social/2021/10/16/14101513.shtml> – Текст: электронный.

10. Голикова объяснила почему в России снизилась рождаемость. – URL: <https://news.mail.ru/society/66235242/> – Текст: электронный.
11. Действие программы материнского капитала продлили до конца 2030 года. – URL: <https://www.garant.ru/news/1797999/> – Текст: электронный.
12. Национальный проект «Демография». – URL: <https://mintrud.gov.ru/ministry/programms/demography> – Текст: электронный.
13. Патриарх Кирилл заявил о риске потери России из-за наплыва мигрантов. – URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/658315689a794777fca3f725> – Текст: электронный.
14. Песков назвал катастрофическим для будущего нации коэффициент рождаемости. – URL: <https://www.rbc.ru/society/26/07/2024/66a3443c9a7947168745ad16> – Текст: электронный.
15. Путин назвал улучшение демографии приоритетной целью. – URL: <https://ria.ru/20241226/putin-1991493122.html> – Текст: электронный.
16. Распоряжение Правительства РФ от 15.03.2025 N 615-р «Об утверждении Стратегии действий по реализации семейной и демографической политики, поддержке многодетности в Российской Федерации до 2036 года». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_501543/ – Текст: электронный.
17. ФГБУ «Президентская библиотека имени Б.Н. Ельцина». Проведена первая всеобщая перепись населения Российской Империи. – URL: <https://www.prilib.ru/history/619019> – Текст: электронный.
18. Федеральная служба государственной статистики. – URL: <https://rosstat.gov.ru/> – Текст: электронный.

При подготовке электронного издания использовались следующие программные средства:

- Adobe Acrobat – текстовый редактор;
- Microsoft Word – текстовый редактор.

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Научное издание

**СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ
И СЕМЕЙНАЯ ПОЛИТИКА В КОНТЕКСТЕ ФОРМИРОВАНИЯ
СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ
(II ГИЛЯЗИТДИНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ)**

Материалы

*II Всероссийского молодежного социологического форума
(г. Уфа, 28–30 апреля 2026 г.)*

Научное электронное издание сетевого доступа

*За достоверность информации, изложенной в статьях,
ответственность несут авторы.*

Статьи публикуются в авторской редакции

Подписано к использованию 14.08.2026 г.
Гарнитура «Times New Roman». Объем 9,43 Мб.
Заказ 197.

*ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий»
450008, Башкортостан, г. Уфа, ул. Карла Маркса, 12.*

Тел.: +7-908-35-05-007
e-mail: red@uust.ru